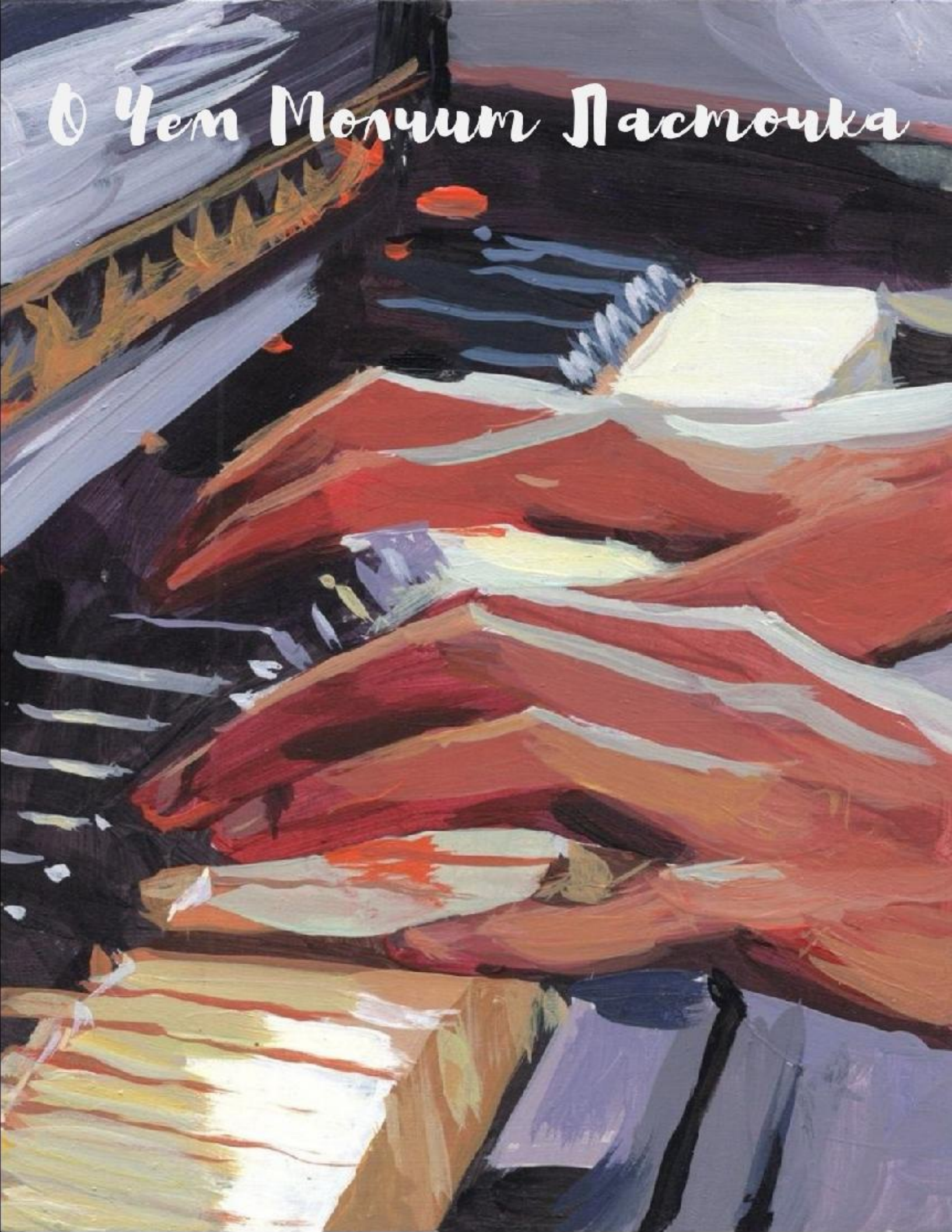

О Чен Мончум Пасточка

Но сегодня он точно знал, что это — реальность.

Потому что силуэт мужчины, склоненного над старым расстроенным пианино, был настоящим. И его спина, в которую Володя уперся взглядом, была настоящей. И руки, лёгкими движениями перебирающие клавиши, были настоящими. И «Колыбельная», что печальными звуками лилась из-под его пальцев, была той самой, единственно верной, правильной. Юриной.

Володя сделал пару шагов, подошел ближе, встал за его спиной. Осторожно, практически не дыша, заглянул через плечо, чтобы полюбоваться руками, изящными пальцами, что касались клавиш.

Мелодия оборвалась, не закончившись. Юра убрал руки, повернулся влоборота, чуть отклонился назад, чтобы не стукнуться с Володей носами.

— Жутко расстроено. Сплошная фальшь, — сказал с улыбкой. — За инструментом следить нужно.

— Прости... — рассеянно прошептал Володя, не уловив смысла сказанных слов. Ведь Юра был так близко...

— Пустяки. Когда-нибудь она прозвучит для тебя по-настоящему красиво.

1. Гостя из прошлого

Август, 2006 год

В офисе царил тишина. «Могильная», — вскользь подумал Володя. Пытаясь хоть ненадолго забыть, что он делает в пустом офисе, перебирал в голове разные мысли. О контракте с поставщиком, о бюджете проекта, об очередном иске, по поводу которого днём звонил юрист. Прислушивался, как за окном падающие с кондиционера капли бьют по навесу, и этот редкий звук — единственное, что нарушало тишину.

Но вот ещё брякнула о столешницу выпавшая из ежедневника ручка, зашуршали листы бумаги о дно коробки. Володя уложил в неё последнюю папку, осмотрел свой опустевший рабочий стол. Поднял тяжёлый взгляд на кабинет начальника: выбитая дверь приоткрыта, косяк покорёжило выломанным замком, ручка болтается на одном крепеже, по дереву пошла трещина.

«Надо», — сам себе сказал Володя. Сжав зубы, взял в руки коробку и шагнул в сторону кабинета.

Раздавшийся писк рингтона разорвал тишину и заставил его вздрогнуть, будто выводя из транса. Поставив коробку обратно на стол, Володя достал телефон из кармана и, посмотрев на экран, выдохнул.

— Вов, ну что там, всё в силе? — прозвучало из трубки.

— Чёрт... Да, всё в силе, только я... заработался что-то, — соврал он, — забыл забронировать номер. Сможешь сам?

— Ладно, сейчас скину адрес, через полчаса встречаемся там. Какой номер — напишу позже.

Володя на автомате кивнул и сбросил звонок. Почти сразу же телефон снова пиликнул входящим сообщением. Он прочитал, вздохнул: до отеля ехать не меньше тридцати минут — опоздает. А с другой стороны, срочность даже порадовала: не хотелось больше оставаться в офисе.

Выключая свет в опенспейсе и закрывая за собой дверь, Володя бросил ещё один взгляд на кабинет начальника.

«Завтра, — сказал про себя. — Завтра всё починят, и я перевезу туда свои вещи».

Выйдя из такси и оглядев неприметное здание мини-отеля, Володя неопределённо хмыкнул. Двухэтажная пристройка с тыльной стороны какого-то бизнес-центра не вызывала у него доверия.

— Номер двести семнадцать. Меня ждут, — сказал Володя администратору.

Документы у него проверять не стали, девушка лишь приветливо улыбнулась:

— Вам на второй этаж, прямо по коридору, — и тут же уткнулась в экран компьютера.

Володя поднялся в незапертый номер. Его опасения не оправдались — вполне опрятная и стильная комната пахла отельной чистотой. Из-за прикрытой двери ванной доносился шум воды, на застеленной кровати небрежно валялись брюки, рубашка и телефон.

Володя подошёл к занавешенному окну, посмотрел на узкую улицу, освещённую несколькими жёлтыми фонарями. Приоткрыл форточку, впустив в номер шум проезжающих машин и ещё не остывший после жаркого дня вечерний воздух.

Через пару минут шум воды в ванной стих, скрипнула дверь.

— О, привет!

Володя обернулся на голос. Игорь, стоя в одном только полотенце на бёдрах, улыбался. Володя натянуто улыбнулся ему в ответ, окинул полуобнажённое тело изучающим взглядом, пытаясь найти в нём что-то новое. Не нашёл. И ничего не почувствовал — совсем ничего.

— Соскучился по мне? — спросил Игорь, подойдя ближе, обнял его мокрыми ладонями за шею. — Я по тебе — очень.

— И я, — не зная, правду ли сказал, Володя поцеловал его. Положил руки на талию, погладил влажную кожу, притянул к себе.

Игорь отодвинулся.

— Я мокрый ещё, твоя рубашка потом влажная будет. Сам-то в душ пойдёшь?

— Да, сейчас.

В ванной, раздевшись догола, Володя подошёл к запотевшему зеркалу. Стёр рукой с него влагу так, что в отражении увидел лишь половину своего лица. Заглянул себе в глаза, попытался прислушаться, найти хоть отголосок каких-нибудь чувств. Глухо.

Последние несколько дней он ощущал себя роботом — бездумно делал то, что от него требовали, а внутренне буквально цепенел. Лишь изредка чувствовал, как внутренности пронзало острыми иглами. Страх, тоска, неверие — они внезапно нападали на него, давили на плечи, сгибали спину и причиняли боль. И так же внезапно исчезали. Это произошло и сейчас.

Он встал под душ, выкрутил кран почти до кипятка — и не почувствовал, а скорее принял как факт, что вода жжёт кожу. Добавил холодной, подставил под струи лицо.

Подумал об Игоре. Они договорились об этой встрече ещё неделю назад. И правда — ведь давно не виделись. Володя действительно хотел встречи — по крайней мере, в тот момент, когда договаривался на этот день. Предвкушал. Ну и что с того, что он знал Игоря так давно, что ничего нового эти встречи уже не приносили? Он был ему почти родным, почти близким человеком, знал о нём так много...

Вернувшись в комнату, Володя услышал обрывок разговора:

— Да, я понял, очень красивые виды, только уточни, есть ли там детская анимация?

Увидев, что Володя вышел, Игорь поднял палец — мол, минутку, — и приложил его к губам — молчи.

— Ладно, я завтра сам перезвоню туроператору и узнаю. Занимайся своими цветами, не переживай. Пока, зай.

Он нажал кнопку сброса, дождался, когда экран мигнёт — убедился, что вызов точно завершился, — и только потом поднял взгляд на Володю, объясняя:

— Собираемся в отпуск, в Турцию, а такое впечатление, что в космос. Я Лидке предлагал перенести отпуск на следующий год, но она ворчит: «Как так? Сентябрь — это бархатный сезон...» А теперь кипиш подняла — нашла какую-то экскурсию по каким-то горам, но, возят ли на неё из курортного города, не знает. А в деревне связь плохая, она не может дозвониться...

Он что-то ещё говорил. Много — и всё о семье: о том, что Соня, дочка, вряд ли сможет выдержать эту экскурсию, и о том, что в Турции в конце сентября, наверное, идут дожди. Володя вроде бы и слушал, кивал, даже отвечал невпопад, а сам почему-то думал о Лиде. Вспомнил, как однажды она раньше времени вернулась из деревни. Лишь по счастливой случайности, зайдя по дороге домой в магазин, позвонила Игорю — спросить, нужно ли купить молока. Игорь тогда выставил Володю за дверь, не дав толком одеться — он только штаны и успел натянуть. Злился сильно, а застёгивая на ходу рубашку, в дверях подъезда столкнулся с ней: обычной женщиной — загорелой, уставшей, по-своему красивой. Такой же, как на фотографиях в квартире Игоря. Тогда от злости и унижения Володя про себя обругал её: «Дура доверчивая, зачем только позвонила?» Хотел, чтобы она застала их, чтобы узнала правду о муже, наконец. Но потом, остыв, постыдился этих мыслей. Потому что прекрасно понимал, что Лида — едва ли не большая жертва, чем Володя. Даже чем Игорь.

Володе ли не знать, каково это — из осколков собственного разбитого сердца собирать чужое? Склеивать его ложью, от которой самому противно, охранять от боли и бессонных ночей?

«Почему ты больше не хочешь меня? Со мной что-то не так, да? Я набрала три килограмма, из-за этого, да?» — После Светы — ему ли не знать?

Володя оборвал рассказ Игоря. Уселся рядом с ним на кровать и, резко притянув к себе, поцеловал.

— Понял, — промычал ему в губы Игорь, — я надоел тебе своей болтовнёй.

Спустя десяток минут Володя изучал белый потолок номера. Игорь целовал живот и ниже, обдавая горячим дыханием кожу. И ниже — тепло и влажно. Потолок почему-то был

интереснее: идеально белая шпукатурка без единого изъяна — ни трещинки, ни пылинки.

— Да что с тобой сегодня? — Игорь привстал, нахмурившись, посмотрел на Володю.

Тот качнул головой, уклоняясь от очередного поцелуя.

— Ничего, устал, наверное. — Он поднял с пола галстук, обмотал его вокруг своего запястья, протянул другой конец Игорю. — Давай по-другому. Ты знаешь как.

Володя перевернулся на живот, подогнул под себя колени.

— Ты уверен? — спросил Игорь. — Давно уже не просил...

— Давай, — грубо, приказным тоном, потребовал Володя.

Игорь не стал спорить. Затянул узел на запястье, пропустил галстук через перекладину кровати, обвязав концом второе запястье. Володя дёрнул руками, проверяя, достаточно ли крепко.

Сзади послышалось шуршание. Володя уткнулся лицом в подушку, зажмурился. Да, действительно давно они не практиковали это. Но сейчас показалось, что именно так нужно. Чтобы почувствовать хоть что-то наконец.

Звякнула пряжка ремня, скрипнула кровать, прогибаясь под весом Игоря. Володя не сдержал стоны, когда от хлёсткого удара горячая волна боли прошла по пояснице и ниже. Следом — вторая, по центру спины.

— Сильнее, — прошипел Володя и тут же почувствовал один за другим два обжигающих удара по лопаткам.

Спина горела, он буквально чувствовал полосы, остающиеся от ремня. Но попросил ещё, а потом — ещё. Ритмично. И сильнее.

Володя закусил ткань подушки, заглушая собственные стоны. Боль не дала ничего. Противная и ноющая — просто боль, ни предвкушения, ни вожделения, ни даже страха.

Когда очередной стон сменился криком, Игорь отбросил ремень в сторону. Положил тёплую ладонь на спину, и Володя вздрогнул как от прикосновения раскалённого железа.

— Да что с тобой такое?

— Давай ещё.

— Если продолжим в том же духе, я тебя только покалечу. У тебя что-то случилось?

Володя выдохнул, потёрся влажным лицом о подушку — он и не заметил, что от боли на глазах выступили слёзы.

— Отвяжи меня.

Игорь распутал узлы галстука. Володя сел, подтянул к себе покрывало, накинул на бёдра. Помассировал пальцами виски. Игорь пристально на него смотрел, ожидая ответа, а Володя не хотел говорить. Не Игорю, а просто говорить об этом. Произносить вслух, будто снова подтверждать самому себе, выставляя эту мысль на передний план. Хотелось, наоборот, отгородиться от неё, не думать, не знать.

— Отец умер.

Игорь помолчал полминуты, изучающе разглядывая Володю. Тот мысленно попросил: «Только не говори дежурного “прими соболезнования”, не раздражай», но Игорь лишь спросил:

— Когда?

— В среду. Вчера похоронили.

— Почему сразу не сказал?

Володя покачал головой.

— Не хочу, не готов ещё. Соберусь с мыслями — тогда поговорим. Тем более пока бесполезно. Скорби нет. Ничего нет. То, что от меня требовалось, сделал: устроил похороны, оградил мать от всего этого. А сам ничего не чувствую. Пытаюсь заставить себя, а никак...

— Это нормально, Вов. — Игорь положил руку ему на плечо, сжал. — Я... И что ты собираешься делать дальше? В смысле, многое изменится, фирма была его.

— Нет, Игорь, ничего не изменится. Перееду в его кабинет и... и всё. Список дел обязанности — всё останется прежним. Я полноценно руковожу фирмой почти год. Я работаю, как работал, и живу, как жил. В работе я давно справляюсь без его советов и помощи. А в жизни... да и в жизни тоже.

Игорь кивнул.

— Спишь как? Плохо?

Володя потёр пальцами переносицу.

— Да, две ночи уже почти не спал. Устаю сильно, а спать не могу.

— Тревожность? Мутит? Тебе снотворное нужно. Я выпишу рецепт.

— Хорошо, спасибо.

Игорь потянулся к портфелю, но его отвлек телефонный звонок. Володя краем глаза заметил, что звонит Лида.

— Чёрт, что, уже десять? — Игорь нервно сбросил вызов.

— Без четверти, — взглянув на часы, сказал Володя.

— Мне за Соней к маме заехать надо. Ты опоздал, и как-то долго мы с тобой вообще... провозились.

— И бесполезно, — хмыкнул Володя.

— Ну... Наверстаем ещё, — улыбнулся Игорь, натягивая рубашку. — Прости, что я тебя так бросаю, нам бы ещё поговорить. Тебе это сейчас нужно. Но сам понимаешь...

«Да-да, конечно, понимаю, семья, ребёнок», — подумал Володя. А вслух сказал:

— Всё в порядке, иди.

— Звони, если нужно будет поговорить, я всегда тебя выслушаю. — Он наклонился, быстро поцеловал. — Если бы не Соня, остался бы с тобой до утра. Да что до утра — навсегда бы остался. Ну ничего, скоро уж подам на развод, и вот тогда... — не закончив фразы, Игорь многозначительно улыбнулся. Он встал на пороге номера, принялся ждать, когда Володя соберётся и будет готов уйти. На прощание Игорь снова ткнулся ему в губы и прошептал: — Пока, зай.

Спускаясь по лестнице, Володя услышал, как Игорь, стоя у лифта, говорил с Лидой по телефону: «Уже еду, да. Ладно, куплю ей яйцо. Да, и сок. Ладно, целую. Да-да. Пока, зай».

Володя скептически хмыкнул:

— «Зай» — как удобно. И мне можно так говорить, и жене.

«Скоро уж подам на развод», — вспомнилось сказанное Игорем минуту назад. Володя усмехнулся. И сколько раз за последние восемь лет он это слышал?

Но он уже давно не таил никаких обид по этому поводу. Когда-то давно, может быть, — да, хотелось, чтобы Игорь был целиком его, хотелось не делить его ни с кем. Но всё это прошло. Страсть прошла, ревность — тоже. Остались лишь вот такие встречи в отеле — скорее для тела, чем для души. И ещё разговоры. Важнее всего было то, что с Игорем можно было говорить, не притворяясь.

Всё же Игорь оставался для Володи близким человеком. Не тем «близким», который «родной» или «любимый», а тем, который «такой же». Больше, чем друг. Тот, кого он хорошо знал и кто много знал о самом Володе. Может быть, даже слишком много.

Володя никогда не был в него влюблён. Знал, что любовь выглядит иначе и иначе чувствуется. Что, когда любишь человека, готов на всё ради каждой возможности быть с ним. Но в их случае на месте Игоря мог бы оказаться кто угодно, главное — мужчина. Но хорошо, что это был именно Игорь — потому что когда-то он смог вытащить Володю из того болота, в которое он себя загнал. Помог разобраться, понять и принять свою суть.

Запах бумаги, дерева и парфюма, старый запах, старомодный, знакомый, родной — он всегда витал в этом кабинете. Казалось, даже когда здесь ещё не было офиса, не было дома — этот запах был. Раньше Володя часто заходил сюда, и аромат успокаивал его и вселял уверенность. Но он понимал, что это иллюзия — дело в человеке, который раньше дневал и ночевал в этом кабинете.

Теперь же дневать и ночевать, отдыхать и работать здесь предстояло Володе.

Кабинет выглядел как музейная комната: массивный дубовый стол по центру, такие же книжные шкафы вдоль стен, большой кожаный диван возле окна, но ни единого личного предмета, ни бумажки, ни даже пылинки — пустота, свойственная нежилому помещению, и тишина.

Володя обошёл стол и сел в удобное кожаное кресло, опустил руки на большую лакированную столешницу, гладкую и холодную. Обернулся налево, проверил пропущенные звонки на телефоне — единственной современной вещи в кабинете. Посмотрел перед собой: в центре стола стоял органайзер для письменных принадлежностей, старомодный,

украшенный бронзовыми львами, и совсем уж бесполезная в компьютерной эре вещь — пресс-папье. А фото справа заставило Володю поморщиться. Это была семейная фотография: на фоне единственного большого окна этого кабинета замерла хрупкая невысокая женщина — мать, её обнимал Володя, молодой, двадцативосьмилетний, ещё в очках. А рядом с ним стоял мужчина, тоже высокий, тоже в очках, тоже брюнет — отец.

Володя вспомнил, что запечатлённый на фото момент — это день открытия офиса. Тогда отец сказал ему: «Когда-нибудь это всё будет твоим... Но пока этот день не настал, не смей трогать и тем более двигать мой стол!» Володя улыбнулся, вспомнив, как отговаривал отца ставить в небольшой кабинет такую громадину, они даже поссорились, но, разумеется, не всерьёз.

И вот спустя одиннадцать лет настал тот день, когда «всё это» стало его, Володиным. По документам это произошло не сегодня: отец заранее оформил передачу имущества. Но вот сейчас Володя понял окончательно и бесповоротно, что отца больше нет. Именно сейчас, когда вошёл сюда без стука, сел в кресло, как хозяин, и по-хозяйски положил руки на огромную холодную столешницу.

Теперь же в дверь — новую, отремонтированную сегодня утром, — постучали ему. Это был Брагинский, старый друг отца, товарищ и деловой партнёр. Ещё в середине девяностых он буквально своими руками, связями и умом помог перенести Володин с отцом бизнес из Москвы в Харьков и упрочил их положение. Он помогал и потом: все эти годы был верным другом и наставником Володи — и до сих пор оставался им.

— Ну и как тебе на твоём новом месте? — начал Брагинский, но, взглянув на Володю, резко замолк.

«Я не на своём месте», — пронеслось в голове, но Брагинскому Володя ответил:

— Нормально.

— Давай водки принесу, помянем?

Володя отрицательно помотал головой.

— Я за рулём, вечером ещё ехать.

— Тогда, может, просто чайку? Жена печенье испекла, передала угостить.

Володя промолчал.

— Ну ладно, — тяжело вздохнул Брагинский и, подойдя к Володе вплотную, похлопал его по плечу. — Зови, если что.

— Хорошо, — ответил Володя, вставая.

Оставшись наедине, он собрал отцовские органайзер, пресс-папье и фоторамку, убрал их в один из книжных шкафов. Володя понимал, что ощущение нежилой «музейности» кабинета не исчезнет, пока здесь не заменят всю мебель, но ему впервые за всё время не хотелось избавляться от неё. Даже, наоборот, возникло желание поставить отцовские вещи на одну полку, прикрыть стеклом и сделать из шкафа витрину.

Он принялся доставать из принесённой коробки свои папки с документами, ежедневник, стикеры, канцелярские принадлежности, ноутбук с кучей проводов. Стол мигом перестал казаться таким большим.

В выдвижном ящике Володя нашёл целую стопку разных больничных бланков, одних только кардиограмм было больше десятка. Значит, отец знал, что болен — и ничего ему не сказал. Как всегда, «как мужик» не сказал, а сделал — в прошлом году формально передал Володе бразды правления фирмой. По сути, руководили они ею вместе, но в последний год отец всё чаще доверял принятие важных решений ему. Володя всё знал, ничего не боялся, ничему не удивлялся, но это сыграло с ним злую шутку — если бы он переживал о работе, мог бы прятаться от мыслей об отце, мыслей о смерти.

Забавно, но до прошлой среды Володя ни разу не назвал его папой. Даже когда был ребёнком — только «отец», на работе — Лев Николаевич. Но в тот день, колотя в дверь, назвал. До сих пор в ушах стоял его собственный крик: «Отец. Отец! Папа!» И потом ещё раз мысленно назвал его так — когда выбивал дверь и говорить не хватало дыхания. Когда дверь поддалась, Володя ворвался и увидел его. Он полулежал в кресле в неестественной позе: спина выгнута, нога скрючена, лицо сведено жуткой судорогой. Очень хорошо, что в морге всё это исправили и ни матери, ни партнёрам, ни родственникам не пришлось видеть отца таким.

Теперь он сам сидел в этом кресле. Надо было начинать работать.

— Лера, — сказал, нажав кнопку громкой связи на телефоне, — принесите отчёты за неделю, пожалуйста.

Через пару минут секретарь раскладывала перед ним на столе бумаги, попутно комментируя, на что нужно обратить внимание. Телефон пикинул короткой СМС, Володя быстро взглянул на экран, задумчиво хмыкнул.

— Лера, — обратился он, прервав секретаря на полуслове, — простите, вы случайно не знаете, где в городе можно купить куклу Барби-русалку? — Он сверился с написанным на

экране телефона и уточнил: — С фиолетовым хвостом и блёстками в волосах.

Та посмотрела с явным непониманием, но почти сразу же выражение её лица смягчилось, и она улыбнулась.

— Если настоящую «Барби», то, наверное, только в центральном «Детском мире» продаются. Могу позвонить туда, уточнить.

— Ну... — Володя на мгновение даже смутился — этот звонок всё же не относился к должностным обязанностям Леры. — Если вам не сложно, буду очень благодарен.

— Не сложно. Если есть в наличии, попросить отложить?

— Да, до вечера. Спасибо.

Когда Лера вышла, Володя, мрачно взглянув на кипу лежащих перед ним отчётов, вздохнул. «Надо же, — подумал он, — только русалку ей и подавай, ничем уже этого ребёнка не удивишь».

За дверью были слышны голоса и весёлые детские крики. Володя, уже предвкушая хаос, в который он погрузится через несколько секунд, вжал кнопку дверного звонка.

Двери открыл Пашка — уже почти одного с Володей роста, надо же, как быстро вымахал.

— Привет!

— Здравствуйте, — кивнул Пашка, пропуская Володю внутрь квартиры.

Володя не успел даже нагнуться, чтобы расшнуровать туфли — в него тут же влетело нечто, обняло за колени и заголосило на всю прихожую:

— Ура! Крёстный приехал!

— Ей-богу, Олька, будь ты выше и чуть сильнее, снесла бы меня с ног! — наигранно возмутился Володя, присаживаясь на корточки.

Мимо них аккуратно просочился Пашка, а из зала выглянула Ирина.

— Доча, дай ему сперва разуться, а потом хоть по голове у него бегай, — строго

приказала она.

Олька нехотя отступила на шаг, при этом подозрительно косясь на цветастый пакет, который Володя безуспешно прятал за спиной.

— Держи, чудо в перьях. С днём рождения! — Он протянул ей пакет. Олька тут же развернулась на пятках, чтобы убежать в комнату открывать свой подарок, но затормозила, когда мать строго окликнула её:

— А что сказать надо?

Вздохнув, она вернулась обратно к Володе, развязывающему шнурки.

— Спасибо, крёстный, — и быстро чмокнула его в щёку.

Он улыбнулся ей, потрепал по светлым волосам.

— Да не за что.

— Проходи, — Ирина сделала приглашающий жест. — Русалку-то нашёл?

— А у меня разве был выбор?

В зале за длинным накрытым столом поместилось человек пятнадцать. Стульев, конечно, на всех не хватало, поэтому сидели на всём: на диване, на кухонных табуретках и даже в компьютерном кресле.

— О! Володя, привет! — Махнул ему с противоположного края стола Женя — отец семейства. Приподнялся, собираясь выйти, но оказался зажат с одной стороны стеной, а с другой — своей мамой. Со всех краёв стола тоже раздались разрозненные приветствия.

— Садись, — Ирина обратилась к Володе, — тут или тут, — она сначала указала на стул в центре стола, затем — на пустое место на диване.

— Давай сюда, — с дивана вскочила Маша — Володя и не заметил её сразу. Пододвинула пустую тарелку, стопку и бокал.

Володя махнул рукой — мол, сиди. Чтобы пройти к Маше, пришлось бы беспокоить других и пролезать через полстола. Да и не то чтобы он горел желанием садиться рядом с ней.

Мужик, к которому Володя подсел, тут же зычно крикнул ему в ухо, хватая бутылку с

водкой:

— Вот и опоздавший крёстный! Штрафную!

Володя не помнил, как его зовут — то ли Николай, то ли Василий. Знал только, что это тренер из Жениной секции, раньше работавший вместе с ним в школе.

— Нет, спасибо, я за рулём. — Володя прикрыл стопку ладонью.

— Что? — оскорбился дядька. — За крестницу и не выпьешь?

— Да уж действительно, Владимир, надо — такая традиция, — поддержал его интеллигентного вида старичок, сидящий напротив, — Иринин отец.

«У вас традиция, а мне потом на такси домой и машину в городе на выходные оставлять», — посокрушался про себя Володя, но руку со стопки убрал.

За одной стопкой под классическое «между первой и второй...» ему налили следующую. Сидящая рядом то ли сестра, то ли тётка Жени услужливо положила ему в тарелку два салата и протянула блюдо с нарезкой.

В целом праздник не отличался от любого другого — так же отмечались и Иринины, и Женины, и чьи угодно дни рождения, а ещё Новый год, Пасха, майские... Бабушки, дедушки, родственники, близкие друзья, близкие коллеги — все в сборе. Хорошо ещё, что Маша не додумалась притащить сына — вот кому бы тут было скучно, взрослый же лоб — Пашкин ровесник. А раньше, пока был помладше, таскала.

Вскоре Олькины одноклассники ушли, и именинница осталась одна из детворы. Села в кресло в дальнем углу зала и принялась возиться с куклой.

Володя отстранённо слушал обрывки разговоров, не пытаясь вникнуть и поддержать ни один из них.

— ...ну, помнишь же Борю Кравченко? Задохлик был! — втирал сидящий рядом дядька Жене. Тот жевал кусок колбасы и кивал. — Так всего год у меня отзанимался, прям борец стал! Позавчера на областных третье место взял!

— ...Маш, так что там с шубкой, знаешь? Ира так и не ответила мне... — обратилась к Маше не знакомая Володе женщина.

— Уже едет, в порту в Одессе сейчас, ждём. На следующей неделе будет, я у Иры спрашивала, мы тебе отложим...

За общим гомоном Володя сразу и не услышал тонкого детского голоса, пока Олька уже не дёрнула его за рукав рубашки.

— Ну крёстный!

— Что такое? — он повернулся на стуле вполоборота, наклонился к ней.

— Смотри, какие у неё волосы, — она протянула ему куклу. — Дли-и-инные! И расчёска в наборе есть! А ещё такие звёздочки классные, в волосы крепить надо! Здорово, правда? А ещё видишь, у неё платье-хвост! Так она русалка, а так, — она стянула с куклы юбку, — просто девочка!

— Оля! — строго прикрикнула Ирина. — Ну-ка не приставай со своей игрушкой к крёстному, дай ему поесть!

— Всё в порядке, Ирин, у неё день рождения, ей сегодня можно. — Он потрепал Ольку по волосам. — Хочешь, я тебя на колени посажу? Чтобы ты всех за столом видела?

Олька воодушевлённо закивала, но Ирина снова встряла:

— Она сегодня уже насиделась со взрослыми, хватит с неё!

Насупившись, Олька тихо — так, что услышал только Володя, пробурчала:

— Вот так всегда: день рождения у меня, а взрослые пьют водку. Я, вообще-то, уже хочу торт! — и обиженно потопала в свою комнату.

Посидев ещё минут десять, Володя выбрался из-за стола.

— Кстати, Вов! — окликнул его Женя. — Зайди в ванную, глянь, как твои рабочие плитку положили. Как по мне, очень недурно.

— Ладно, я гляну потом, — кивнул Володя.

— Хорошо иметь друга-строителя, — засмеялся Женя. — Как ремонт, так сразу к нему. Тебе небось уже надоело?

Володя пожал плечами.

— Да мне не тяжело пару звонков сделать.

— Кстати о ремонтах, Вова! — Раскрасневшаяся от рябиновой настойки Ирина улыбнулась. — Когда ты уже нас позовёшь на новоселье?

Володя неопределённо хмыкнул:

— Да какое новоселье, Ирин? Я там уже пять лет живу.

— Вот-вот! А нас так ни разу и не пригласил.

— Да сама знаешь, что это не ближний свет... — он попытался увильнуть, но Иру окликнули, и она отвернулась.

Володя дошёл до детской, негромко постучал и, не дожидаясь ответа, заглянул.

Олька сидела на кровати и бережно чесала кукле волосы.

— Эй, чудо в перьях, — позвал её Володя. Та обернулась, заулыбалась, будто и не обиделась ни на кого пятнадцать минут назад. — Можно к тебе?

Олька радостно закивала и подвинулась, приглашая Володю сесть рядом.

— Давай показывай свою куклу.

Ольке сегодня исполнилось девять, и каждый раз, когда Володя приходил в этот дом, она от него не отставала, пока не получала нагоняй от мамы или папы. Ольке обязательно нужно было показать ему все свои игрушки — а их у неё была просто тьма. А ещё — обязательно повисеть у крёстного на шее, сыграть недавно выученную пьеску на пианино, похвастаться коллекцией мультфильмов... Список мог быть бесконечным, каждый раз она придумывала, чем его занять. А Володя и не был против с ней возиться. Хотя в юности, будучи вожатым, зарёкся даже близко подходить к детям.

— Вот бы её в ванную запустить! — восторженно лепетала Ольга. — У неё таки-и-ие длинные волосы, они так классно будут... плавать! Когда вырасту, такие же отращу!

— А что тебе сегодня ещё подарили? Неужели ничего лучше русалки не было?

— Ну... Родители и Пашка подарили мне «Лего» — вон там, смотри, — она ткнула пальцем на подоконник. — Замок принцессы! Дедушка Ваня и бабушка Надя — набор киндеров, но мама сказала, чтобы я все сразу не ела, — на этих слова Ольга насупилась и передразнила Ирину, — аллерги-и-ия, посы-ы-ышет! Крёстная не смогла прийти, но передала мне часики. Смотри, какие красивые, с Микки Маусом!.. А дед Пётр притащил мне, представь себе, тяжеленную книжку!

Володя улыбнулся. Да, отец Ирины преподавал в университете, и подарить ребёнку «умный» подарок вполне в его стиле.

— А что за книжка?

— Вон валяется, — она показала пальцем за Володю. На подушке действительно лежала книга, толстенная и явно увесистая. «Трилогия о капитане Немо и “Наутилусе” в одном томе», — прочитал тот.

— Книга, Оля, не «валяется». Она должна стоять аккуратно на полке, тем более Жюль Верн!

— Фу! Книжки — это скука!

Володя легонько ткнул её пальцем в лоб.

— Глупая ты. Книжки — это хорошо, это знания! Ты вот думаешь, почему твой крёстный такой умный? Потому что читал много книжек в детстве!

Олька упёрла руки в бока и задумчиво сказала:

— А я вот, вообще-то, не особо уверена, что ты умный!

— Ах ты маленькая зараза! — засмеялся Володя. — Я тебя сейчас как... защекочу!

Олька заверещала и отбежала к стене.

Володя хотел подскочить к ней и исполнить свою угрозу, но услышал стук в дверь. В комнату вошла Маша.

— Володь... Не мешаю? Надо поговорить.

Володя в целом смутно представлял, зачем он вообще мог ей понадобиться, так что просто пожал плечами. Она присела рядом.

Олька бегала по комнате и собирала в охапку игрушки, перечисляя:

— Так... ты, Тындик, и ты, Мурка, и ты, Попугай, и ты, Персик...

Игрушки не помещались в её руках, падали на пол, но она упорно продолжала бегать и собирать их.

— Эх, — вздохнула Маша. — Повезло Ирине иметь дочку, а не сына...

Володя нахмурился, подозрительно посмотрел на Машу.

— Так-то у них и сын есть, ты же не забыла?

Она как-то мрачно ухмыльнулась:

— Ну да, конечно... Но у них-то семья полная, Пашка хороший парень...

Володя нахмурился ещё сильнее, а Маша внезапно потянулась к нему, схватила его за руку, сжала запястье.

— Володь, я у тебя тут спросить хотела... — и запнулась на полуслове.

— Что?

— Эм... Я... Да нет, ничего такого, просто...

В разговор вклинилась Олька, свалив Володе на колени кучу мягких игрушек:

— Вот, знакомься, этих ты ещё точно не видел! Персика и Гавку точно!

— Так... И кто из них Гавка? — живо поинтересовался Володя.

— Ну конечно это робопёс! Вот!

— Ого! — Он покрутил в руках робота-трансформера, у которого уже была отломана одна нога, но так и не понял, почему он пёс.

Маша продолжала мяться, стоя на пороге комнаты. Володя обернулся к ней.

— Ну так что ты хотела спросить? Говори.

Она тряхнула головой.

— Ой нет, я не могу! — И ушла.

Володя пожал плечами и взял в руки, предположительно, Персика, хотя тот был плюшевым зайцем. А Олька уже умчалась в другой конец комнаты и подняла крышку пианино.

— Я тут новый этюд выучила, сейчас ты будешь его слушать, — ультимативным тоном заявила она, строго глядя на Володю.

— Как прикажете, капитан!

В Ольке была уйма энергии — она мельтешила перед глазами и требовала внимания. Так что порядком уставший Володя вмиг забыл о странном поведении Маши.

Впрочем, вскоре она сама напомнила о себе.

Стрелка часов приближалась к восьми вечера. Офис давно опустел, в нём остались только трое: Володя клацал по клавишам ноутбука, дописывая гневное письмо подрядчику, Лера тихонько шелестела бумагами в приёмной, охранник внизу смотрел телевизор. В том, что их всего трое и каждый слышит, чем занимается другой, было что-то уютное, доверительно-домашнее. В такой атмосфере работалось очень легко, но донимала жара. Пусть на Харьков уже опускались сумерки, температура будто и вовсе не собиралась спадать, а от кондиционеров толку не было. Пришлось распахнуть все двери настежь, чтобы гулял сквозняк.

— Лера, а не пора ли вам домой? — крикнул Володя в приёмную.

От того, что она задерживалась на работе, было неудобно, будто он заставлял.

— Да-да, Владимир Львович, закончу план на завтра и уйду.

Спустя пару минут на первом этаже послышался звонок входной двери и бубнеж охранника:

— Закрыто уже, все ушли.

Лера заглянула в кабинет начальника, мол, мы кого-то ждём? Володя покачал головой. Лера устремилась вниз, а Володя вновь погрузился в письмо. Вынырнуть из него заставили шаги — Лера поднималась по лестнице, и не одна. Шаги явно принадлежали женщине — цокали шпильки.

— Владимир Льв... — начала Лера и осеклась, увидев Володю в дверях кабинета. Он стоял, обескураженно глядя на посетительницу — смущённая Маша, улыбаясь, выглядывала из-за спины секретаря.

— Здравствуй? — скорее спросил, чем поприветствовал, Володя.

Маша и вовсе не поздоровалась, неловкая улыбка исчезла с её лица.

— Мне очень надо с тобой поговорить.

— Ты могла бы позвонить... — подметил Володя, но шагнул внутрь, приглашая.

Маша неуверенно прошла через приёмную и застыла на пороге кабинета.

— Это не телефонный разговор. И... мне надо срочно поговорить с тобой. Можно?

За её спиной что-то грохнуло — это Лера засуетилась, уронила дырокол. Без разбора побросала свои вещи в сумку: следом за мобильным телефоном внутрь полетел степлер. Ситуация получилась очень неоднозначной: к Володе в офис пришла женщина, а секретарь принялась спешно собираться домой, чтобы быстрее оставить их наедине. Своим поведением Лера показала, что думает о роли Маши в его жизни. Личной жизни. Но в том-то и дело, что думать тут было нечего.

— Проходи, присаживайся, — Володя указал на диван. — Только предупреждаю: у меня мало времени. Сегодня ещё есть дела... Нужно отвезти мать в аэропорт.

— Потому и пришла. Правильно Женя сказал, что ты вечно занят.

«Так вот кто доложил, где я работаю», — подумал Володя, но Маша прервала его мысль.

— Я собиралась поговорить там, у Ирины с Женей, но в комнате была Олечка. А то, о чём я хочу спросить... — Маша прерывисто вздохнула и поджала губы. Дверь кабинета за её спиной закрылась, замок едва слышно щёлкнул, но Маша всё равно вздрогнула. Всклипнула: — Это так трудно! У меня такое горе в семье!

Володя устало потёр виски.

— Что у тебя случилось? — Он чуть было не добавил «опять».

Окажись на пороге его кабинета кто угодно, кроме неё, и скажи про горе, Володя мог бы встревожиться. Но это была Маша. И вызвать она могла только досаду из-за того, что время, проведённое с ней, будет потрачено впустую. Этот человек был настолько неинтересен Володе, насколько люди вообще способны не интересоваться. В течение многих лет встречаясь с ней на посиделках у Ирины и Жени, Володя слышал лишь «какие мужики козлы» в разнообразных контекстах. А если Маша говорила не об этом и не жаловалась на свою жизнь, то вела бессодержательные и бессмысленные речи: скучная работа, одежда, дураки-покупатели, одежда, маленькая выручка, одежда, трёп-трёп-трёп. Они никогда толком и не разговаривали. До этой пятницы.

— Только ты можешь мне помочь! — Её лицо исказило отчаяние. — Ты — моя единственная надежда!

Выходит, с Машей действительно стряслось что-то серьёзное, но почему единственная надежда именно он?

— Ума не приложу, чем я могу тебе помочь, — начал Володя. И осёкся — Маша уставилась на него взглядом, полным мольбы. — Но выслушать готов. Будешь что-нибудь, чай или кофе?

— Нет, ничего не надо, — замотала она головой, садясь на кожаный диван возле окна и оглядываясь вокруг.

Володе стало стыдно за состояние своего кабинета: повсюду валялись кипы книг, бумаг, папок и чертежей. Только ему с Брагинским и Лерой было ясно, что всё лежит на своих местах, и лишь постороннему это могло показаться беспорядком. Маша — не коллега, не подруга, едва ли приятельница Володи, была первой, кого стоило бы причислить к посторонним, но она даже не повела бровью, без интереса взглянув на завалы документов.

Володя прокашлялся.

— Или, быть может, чего-нибудь покрепче? — предложил он, кивнув на подаренную Брагинским бутылку коньяка.

— Нет, чай... он в пакетиках? — спросила она, но, получив в ответ кивок, снова передумала: — То есть нет, кофе. Кофе.

— Окей, — протянул он, выходя из кабинета в опустевшую приёмную. — Растворимый или сварить?

— Мне всё равно, — крикнула Маша, когда он скрылся за дверью. — Хотя нет. Лучше свари.

«Тянет время», — догадался Володя и принялся неторопливо осматривать кофеварку.

Когда поставил чашку на журнальный столик перед Машей, а сам уселся в кресло, Маша молча уставилась в пол.

— Внимательно слушаю, — сказал Володя, чтобы вывести её из оцепенения.

Маша набрала полную грудь воздуха и затараторила почти без пауз:

— Я по поводу моего сына, Димы. Он десятиклассник, учится в первую смену, а я работаю почти без выходных. Так вот, на прошлой неделе я приболела и отпросилась у Ирины домой. Пришла, в квартире музыка играет, громко, на всю катушку, обувь разбросана

по полу — и не только наша, чужая ещё. Я увидела, подумала, значит, Дима не один. Хотела попросить его сделать потише, подошла к двери его комнаты, она была приоткрыта, и случайно увидела, что он... что он там целуется с... — Маша замерла, её лицо скривилось, хлынули слёзы, — ...целуется с парнем!

Машина трагедия показалась Володе надуманной, но при виде её мигом покрасневших глаз сердце сжалось от искреннего сочувствия. А вкупе с позой Маша казалась по-настоящему несчастной и жалкой: сидела, сжавшись, среди просторного кабинета, увешанного предметами гордости фирмы и доказательствами Володиных побед — дипломами и фотографиями готовых объектов. Маленькая, хрупкая и растрёпанная, с потёкшей тушью, с висящей на нитке пуговицей на манжете, она вздрагивала, пытаясь подавить плач.

Володя протянул:

— Угу... — и добавил как можно мягче: — Это и есть твоё горе, да?

Маша всхлипнула и кивнула. Видимо, проследила за его взглядом — схватила манжет одной рукой, пряча пуговицу, и неловко потёрла лицо.

— Ты pomoжешь мне?

— Чем? — обескураженно уточнил Володя.

— Но ты же... Ты же проходил через подобное, ты же знаешь, что в таких случаях делать...

— Нет, не знаю. Правда не знаю.

Маша вскочила, едва не уронив чашку на пол, и воскликнула:

— Но ты же не можешь мне отказать! Не можешь! Это судьба! Бог мне помог увидеть этот плакат! Ты такой стал... идеальный. Без него я бы даже не вспомнила!

Володя окончательно запутался, нахмурился, сложил руки на груди и перебил:

— Какой плакат?

— А? — Маша, будто сдвинувшись, осела обратно на диван. — Плакат? Да так, про пионеров. Вспомнила, что у вас с Коневым кое-что было и...

— Ты, может, и сыну обо мне рассказала?

— Нет-нет, что ты! Он не знает, что я их видела! У меня наступил такой ступор, потом шок, и я сразу выбежала из дома. Переживала, думала, как быть. Мне так хотелось их

поймать, хотелось глаза выцарапать этому его «другу», но головой я понимаю, что не стоит делать поспешных выводов и тем более действовать. Ведь... ведь как-то раз я чуть не совершила такую ошибку. У меня будто приступ дежавю случился. Помнишь, в «Ласточке»?..

— Помню, — отрезал Володя. — Ладно. Давай по порядку: ты вспомнила, что у нас с Юрой когда-то что-то было. И что? Что из этого следует? Что конкретно ты хочешь услышать от меня?

— Хочу узнать: может быть, Дима просто балуется? Может быть, для юношей в его возрасте это нормально, ему же всего шестнадцать?

— Ну нет, — Володя усмехнулся, — поцелуй двух парней — это не баловство. Гетеросексуалы целоваться не станут, а следовательно, твой Дима, скорее всего, или гей, или бисексуал.

Володя ожидал, что после его слов Маша совсем расклеится, но её будто подменили. Она выпрямилась, вытерла лицо, посмотрела Володе в глаза смело, даже с вызовом, и громко, чётко произнесла:

— Нет! Этого не может быть! Димочка — хороший мальчик, он бы никогда...

Володя с грустной улыбкой покачал головой.

— Никогда не говори никогда. Ты можешь считать, что знаешь его как облупленного, но он — другой человек, и залезть к нему в голову невозможно.

Но ни его жест, ни его слова не убедили Машу, она продолжила с ещё большей настойчивостью:

— Значит его насильно поцеловали, он не гомик! Такое ведь возможно, правда? — Машин голос обрёл такую твёрдость, какую Володя ещё не слышал этим вечером. Единственным, что выдавало её неуверенность, была висящая на нитке пуговица, которую она нервно крутила пальцами.

«Гомик», — повторил про себя Володя, скривившись, но ответил спокойно:

— Возможно-то — возможно, зависит от того, как Дима отреагировал.

— Откуда мне знать, как он отреагировал, я же ушла, когда... — Терзаемая ею нитка лопнула, пуговица ударилась об пол и отскочила. — ...когда они ещё не закончили.

— А впрочем, — задумчиво протянул Володя, — первая реакция ни о чём не говорит. Даже если Дима его оттолкнул, не факт, что на самом деле был против.

«Когда-то я сам оттолкнул...» — чуть было не произнёс, вспомнив, как однажды оказался на месте Димы. В памяти вспыхнули запах яблок, карие, полные ужаса глаза напротив, холодные губы на своих, гул крови в ушах.

— Точно! — воскликнула Маша, спугнув трепетное воспоминание. — Это его друг ненормальный, а не он. Я должна их разлучить!

— Даже не думай! Дима сам разберётся, какой друг ему нужен, а какой — нет.

Маша встрепенулась и воскликнула:

— Я не допущу, чтобы этот извращенец даже на шаг приблизился к моему сыну!

— Значит, гей для тебя — извращенец? — Володя презрительно усмехнулся. — Ты ничуть не изменилась.

— Ну... — Маша тут же замаялась и покраснела. — Не совсем, то есть я хочу сказать...

Её невразумительный лепет прервал звонок Володиного мобильного. Он поднял руку, прося Машу замолчать, и ответил. Из трубки прозвучал усталый голос матери:

— Сынок, ты едешь? Я уже полчаса как собралась. Может, всё-таки такси заказать?

— Нет, не надо, я сам провожу, — произнёс он спокойно, но мысленно уже успел отругать себя на чём свет стоит. Маша его отвлекла. Озабоченный проблемами чужой матери, он напрочь забыл о собственной, забыл, что должен отвезти её в аэропорт!

— Надо было приехать за три часа до рейса, а сейчас уже...

— Ничего страшного, — перебил он мать. — Я уже еду, жди.

— Ладно... Посижу на дорожку пока...

Володя нажал «отбой» и, не сдержавшись, выругался сквозь зубы. Закрыв ноутбук с недописанным письмом, посмотрел на Машу.

— Этот разговор, безусловно, очень захватывающий, — прошипел Володя и поднялся из-за стола, — но вынужден попрощаться, у меня дела.

— Нет, Володя, постой. Я же не имела в виду тебя!..

Володя скептически хмыкнул, надевая пиджак:

— Да что ты говоришь...

Они вышли из кабинета, и, пока Володя запирает дверь на ключ, Маша оправдывалась, выглядывая из-за спины.

— Ты — не извращенец. Это Конев тогда сбил тебя с пути — вот что я хотела сказать.

Володя не ответил.

Когда спустились на первый этаж, Маша обернулась к охраннику и добавила негромко:

— И, вообще, я не вправе тебя судить.

— А Юру вправе? — спросил Володя уже на улице. Предугадав, что сейчас польётся новый поток объяснений, успокоил: — Ладно, я понял тебя, Маш, успокойся.

— Нет, ты всё-таки... Извини всё равно, — пробормотала Маша смущённо. — Будем на связи, да?

— До свидания, Маша, — произнёс Володя, тут же пожалев, что не сказал «прощай».

Несмотря на то, что Володя задержался, на рейс они успели. Дорога в аэропорт показалась бесконечно длинной — всё из-за разговора с матерью, из-за тем, которые она поднимала. Но Володя не пресекал их, понимал, что мать не может об этом молчать.

— Ты уверена, что тебе действительно надо уехать? Может быть, лучше дома? Родные стены лечат...

— Я больше не могу тут оставаться, — тяжело вздохнула она. — Раньше, когда кто-то умирал, пусть даже родственник, я не думала о том, как жаль, что этого человека не стало. Я не печалилась о его оставшихся в живых родных. Я боялась, что это может случиться со мной — когда-нибудь по-настоящему близкий мне человек умрёт. Настолько близкий, без которого я не умею жить. Что станет со мной, когда Левушка, мой муж, половина моей жизни, оставит меня? И вот этот момент настал.

Она говорила негромко, но Володе было страшно слышать её слова, а ещё страшнее — голос. Обычно высокий, по-девичьи певучий, теперь он звучал сухо и безжизненно. Володя

хотел бы её проигнорировать, но разве мог? Конечно нет. Поэтому ехал, не отводя взгляда от дороги, и терпеливо слушал. Боковым зрением видел, что и мать смотрит вперёд. Наверное, поэтому она говорила, не замечая боли, искажавшей лицо сына.

— Поэтому я хочу уехать. Здесь его слишком много. Здесь слишком сильно ощущается, что его нет. Хожу по квартире и самой жить не хочется, — тихо ответила мать. — А так хоть сменю обстановку. Я отвыкла жить одна.

Они замолчали. Но тишина давила ещё сильнее, становилась плотной, леденящей. Буквально леденящей — спина покрылась мурашками, и Володя даже выключил кондиционер.

— Не слишком ли велика плата за жизнь с любимым человеком? — произнёс он первое, что пришло в голову, лишь бы не молчать. Собственный голос показался до неприличия громким. — Не проще ли жить одному?

Его вопрос был риторическим, но мать нашла что сказать. В секундной паузе перед её ответом Володя успел задуматься и понять, что настолько близкого человека, каким был его отец для матери, у Володи нет и, наверное, никогда не было.

— Только так жить и стоит. Иначе в жизни смысла вообще нет. Наверное, ты считаешь что так и правда легче, но я не понимаю, как ты, такой молодой, столько времени один, без семьи. Сколько лет прошло с тех пор, как ты разошёлся со Светой? Почти десять? Она была у тебя единственной девушкой, о которой я знала.

Володя усмехнулся про себя: «Не ты одна. Я тоже других не знал. И надо же, как точно ты помнишь, сколько прошло лет. Неужели подсчитала?»

Тут мать добавила:

— Или ты просто не рассказываешь мне, что у тебя есть кто-то?

Разговор повернул в другое русло сам собой, а, может быть, мать намеренно перевела его. Володя не заметил, как отпустило оцепенение, навеянное темой смерти. Но сменилось оно не менее неприятным ощущением — будто его прижали к стенке.

— Нет, — выдавил он.

— Как такое возможно? Ты посмотри на себя, за тобой девушки сами должны бегать.

— Просто я ещё не встретил нужного человека, а тратить себя на кого попало — дело неблагодарное, — ответил он как можно равнодушнее, чувствуя, что руки на руле начинают потеть.

— Я ведь понимаю, сынок. Ты думаешь, что раз ты мужчина и тебе не надо рожать, то и торопиться некуда. Но старость приходит незаметно, ты не чувствуешь её наступления. Вот стал чаще уставать... но ведь работаешь много, правда? Или вдруг что-то заболело — ну и ладно, когда ж не болело-то? — Запах духов матери тоненькой, едва заметной струйкой вился под крышей, тёк по приборной панели, по рулю, по его рукам, связывая их, стягивая. Володя молчал, но мать продолжала: — Но потом в один момент старость просто падает на тебя. И думаешь: вроде жил себе и жил, а ради кого? Ты знаешь, я только сейчас поняла по-настоящему, что я никому не нужна: ты уже взрослый, отца нет...

— Не ты ли только что говорила мне об идеальной любви, в которой весь смысл жизни? — наконец он придумал, что ответить. — Тогда не торопи меня. И не пытайся манипулировать.

— Я не манипулирую, просто делюсь тем, о чём стала думать из-за папы, — оправдалась мать и замолчала. Володя последовал её примеру.

Заговорили снова только в аэропорту.

— Надо разобрать вещи отца, — сказала мать, остановившись перед рамкой.

— Разобрал уже, — неохотно откликнулся Володя.

— Я имею в виду дома. Надо успеть до сорокового дня раздать одежду. Я не хотела напрягать этим тебя, но... всё хожу вокруг них и даже в руки взять не могу. Разбери их, пожалуйста. Чтобы я приехала и не натыкалась на них повсюду.

— Хорошо, — кивнул Володя.

— Понимаешь... у меня рука не поднимается самой избавиться. Понимаешь, я хочу, чтобы всё осталось как есть, чтобы ещё чувствовать его присутст... — Её голос сорвался. Володя сжал руку матери. Она собралась с силами и продолжила уже спокойно и чётко: — Одежду раздай знакомым, что не возьмут — малоимущим или в церковь. Остальное надо сжечь.

— А его личные вещи куда? Книги, телефон, сувениры...

— Их не выбрасывай. Убери в кладовку. Или к себе увези. У тебя места больше, есть куда убрать.

— Понял. Сделаю.

Прощались долго, болезненно. Мать плакала, привставая на цыпочки, гладила его по

голове, по плечам и груди, не выпускала из объятий и всё повторяла: «Ты прости, сынок, если чем-то тебя обидела, если что-то не так сказала. Это, наверное, я виновата, что ты один». Володя бормотал: «Не говори глупости. Всё нормально». Он волновался за неё: как она сориентируется, как долетит, как её встретят, а главное — как она там будет жить без него. Но голос разума успокаивал: «Мать будет не одна». Она летела к сестре в родной город — Москву. И, помимо Москвы, собиралась в Тверь, к Володиному дяде и двоюродному брату Вове, что не смог приехать на похороны, но настойчиво приглашал погостить.

Когда объявили начало регистрации на рейс, Володя отпустил мать и отправился домой.

Всю дорогу до дома прокручивал этот разговор в голове по несколько раз. Было паршиво: на душе из-за её слёз скребли кошки, под ложечкой ныло от жалости и тоски, из-за того, что умудрился ей нагрубить, мучила совесть. Полегчало, только когда Володя увидел на трассе упоминание дома — табличку с названием коттеджного посёлка «Ласточкино гнездо».

«Очень неудачное название, — критиковал отец, принимая его проект шесть лет назад. — Оно будет ассоциироваться со скалой и замком в Ялте, но разве хоть что-то напоминающее его там есть? Нет, ни архитектура, ни ландшафт не имеют ничего общего с настоящим Ласточкиным гнездом. И всё-таки ты настаиваешь на этом названии. Почему?»

Отец был прав: посёлок раскинулся среди полей и перелесков, покуда хватало глаз. Ни скал, ни гор там не было. Деревянные двухэтажные дома в скандинавском стиле с панорамными окнами даже приблизительно не напоминали тот самый замок. Посёлок назывался так не потому, что стоял на возвышении. Здесь уже не летали ласточки, не вили гнёзд. Река, что когда-то протекала здесь, пересохла, а пионерлагерь «Ласточка» много лет лежал в руинах. Но именно потому, что всё это здесь когда-то было, Володя назвал этот посёлок, назвал свой дом, так. Но отец принял его с трудом — и то только после долгих уговоров.

Володя пересёк шлагбаум, оказался на территории посёлка и запетлял привычным маршрутом между однотипных двухэтажных коттеджей. Его дом стоял на самом отшибе. Такой же, как остальные, он отличался лишь очень широким двором, в несколько раз превосходящим по размерам соседские, и самым высоким среди всех участков забором.

Только Володя вышел из машины, как тут же воздух содрогнулся от высокого лая Герды. Володя свистнул, и она бросилась навстречу к воротам, безуспешно пытаясь их свалить. Он приготовился открыть их. Делать это нужно было с осторожностью, иначе собака собьёт его с ног — уже прыгала как сумасшедшая. Володя снова свистнул, она заскулила и притихла, а когда дверь отворилась, Герда распласталась на спине, животом кверху. Володя присел на корточки, принялся по-детски сюсюкаться с ней:

— Собака моя, соба-а-а-ка. Соскучилась, девочка? Я тоже скучал.

Почёсывая мохнатый живот, привычно оглядел дом: на фоне сизого неба он казался неприветливой громадиной.

— Сейчас мы включим свет, и станет лучше, правда? — спросил мягко.

Перешагнув порог, он преодолел небольшую прихожую и ступил в широкую, светлую гостиную, совмещённую с кухней. Стягивая с себя удавку галстука, прошёл в ванную, снял линзы и с удовольствием потёр веки — за целый день глаза устали. Надел очки.

В гостиной Герда пулей примчалась к огромному окну, сунула нос за штору и принялась отчаянно лаять.

— Что такое? — Володя подошёл к ней и выглянул во двор.

Казалось бы, ничего удивительного для него и возмутительного для Герды там нет, всё как всегда: небо, звёзды, широкая поляна, небольшая рощица вдалеке.

— О... — выдохнул Володя, увидев нарушительницу спокойствия — в пятне света на спинке садового стула сидела, глядя на них, изящная ласточка.

2. История болезни

Володя купил таблетки, которые прописал Игорь. Принимал, не отступая от инструкции, уже целых две недели, но толку от них не было — Володя засыпал так же долго и тяжело. Успокоительные делали его вялым, но не опустошали голову, не избавляли от тяжёлых, мрачных воспоминаний, бесконтрольно круживших в мыслях. Вот и сейчас в третьем часу ночи он лежал и не мог избавиться от образов, что вспыхивали под закрытыми веками.

Володя с Брагинским вместе забирали тело отца из морга и повезли его в церковь, где ждали все, кто пришёл проводить его в последний путь. Володя впервые занимался похоронами и многого не знал. Поэтому удивился, что тело не было окоченевшим, а конечности двигались легко. Когда ехали в автобусе, на повороте гроб качнуло, и отца прижало к одной из стенок, а руки съехали набок. Вдвоём с Брагинским вернули телу прежнее положение, поправили его, Володя положил ладони обратно на грудь. И это тактильное ощущение — то, какими мягкими и холодными были пальцы и плечи отца, — записалось на подкорку.

Володя засыпал. На улице гремел дождь, дома похолодало настолько, что пришлось надеть футболку. Он замёрз и, проваливаясь в сон, инстинктивно обхватил себя за плечи.

Проснулся — показалось, что держит плечи отца. Но они были его, Володины! Холодные и почему-то непривычно мягкие.

Он поднялся, снял футболку, пусть и стало ещё холоднее. Поменял позу, чтобы не касаться руками своего тела, но ладони продолжали ощущать мягкое, прохладное и вялое, будто неживое, не тело даже, а какой-то биоматериал.

Володя рывком сел на кровати. Сердце грохотало в висках, дыхание захлёбывалось.

— Надо отвлечься, надо отвлечься, — принялся повторять он. Но на что отвлечься, придумать не мог. Неожиданно вспомнился вчерашний визит Маши. Он прокрутил в голове их встречу от начала до конца, попытался обсудить с собакой.

Маша слушала его, но слышала только себя и вынесла из разговора совершенно неверное, зато столь желаемое: что её сын хороший, а вот его друг — плохой. Где-то Володя это уже слышал. Она была такой всегда — крайне эмоциональной и глуповатой. Но раньше, в юности, в «Ласточке», она скрывала эти черты, хотя Володе иногда удавалось разглядеть её настоящую.

Мысли о Маше помогли забыть недавний кошмар. Он наконец смог удобно устроиться на кровати и начал проваливаться в сон. Засыпая, увидел Машу. Совсем юную, красивую девушку в коротком платье. Она, вся в слезах, стояла голыми коленками на бетонных плитах и умоляюще смотрела на него. Стирая руки в кровь, писала мелом поверх нарисованного на асфальте яблока: «Ненавижу».

Рано утром Володю разбудило СМС с неизвестного номера:

«Прости за то, что тебе наговорила. Я была сама не своя. Но сейчас всё ещё хуже...»

Догадаться, от кого это сообщение, не составило труда. Володя ничего не ответил, положил телефон на тумбочку. Хмыкнул — его очень позабавило многоточие в конце, — и завернулся в одеяло. Сон без сновидений не собирался выпускать его из своих объятий, наоборот — только сжал в них ещё крепче, увлекая в такой желанный, с таким трудом достигнутый покой.

— Сколько мне ещё извиняться? У меня настоящая беда, почему ты не хочешь мне помочь?!

— Чего?

Секунду спустя он застал себя сидящим на кровати с трубкой у уха, не помня, как

проснулся и ответил.

— Как ты можешь быть таким равнодушным?! — кричала Маша.

— Я тебе уже сказал, что ничем... — вяло пробормотал он, потирая заспанные глаза.

— Но я не знаю, к кому ещё обратиться, это же такой стыд!

Володя со стоном выдохнул:

— Да пойми же ты, что я правда не понимаю, как могу тебе помочь.

Маша на пару секунд замолкла и произнесла уже не зло, а жалобно:

— Володь, Дима собирается покончить с собой! Пожалуйста, давай встретимся!

Маша в трубке тяжело дышала и всхлипывала. Володя мигом проснулся. Он и подумать не мог, что всё настолько серьёзно. Он уставился на свою руку. Следы на коже уже давно исчезли, но сейчас по ней горячей волной прошла старая, фантомная боль.

— Хорошо, давай, — согласился он, вспоминая планы на этот день. Всё равно сегодня собрался ехать в родительскую квартиру разбирать вещи отца, ему будет по пути. — После обеда под Градусником удобно?

— А раньше не можешь? — канючила Маша.

— Я живу не в Харькове. Как только доеду до города, позвоню. Договорились?

Получив утвердительный ответ, он нажал отбой. Взглянул на часы и выругался — Маша разбудила его в шесть. В субботу.

Хотя Володя торопился, всё равно опоздал. Маша уже ждала его у метро, мрачная, но не настолько нервная, как он ожидал.

— Давай пройдемся до сквера с Вечным огнём и там посидим. Не против? — предложил он, стараясь скорее вырваться из гомонящей толпы, что окружила их комариным роем.

Маша растерянно кивнула, зашагала следом. Пока шли, молчала, погружённая в себя — угрюмая, мрачнее тучи.

Володя указал на скамейку под раскидистым клёном. Маша никак не отреагировала и, как замороженная, уставилась на противоположную сторону дороги — на двери органного зала филармонии.

— Ой, а давай лучше пойдём поедим? — неожиданно живо предложила она. — Время обеда, а я даже не завтракала сегодня. Тем более, тут сыро после дождя, все скамейки мокрые.

Володя пожал плечами и направился к зебре, чтобы перейти на улицу, где располагалось несколько кафе.

Войдя в первое попавшееся заведение, они сели за самый отдалённый столик. Володя очень удивился, когда якобы не обедавшая Маша заказала себе лишь кофе.

— Давай к делу, — предложил он, как только официант отошёл от их столика. — С чего ты взяла, что он хочет свести счёты с жизнью?

— Он... — Маша коротко вздохнула... — Знаешь, он всегда был немного замкнутым, но в последнее время совсем закрылся в себе: ничего мне не рассказывает, слушает мрачную музыку и сам ходит мрачный, весь в чёрном... Это друзья его виноваты! Не знаю, как он с ними вообще связался. Говорят, что они по кладбищам гуляют, а мальчики в этой компании глаза подводят — они точно... — она понизила голос, — ...гомики. Испортили мне сына!

Володя облегчённо выдохнул:

— Маша, это просто подростковое. Сейчас многие так одеваются и таким увлекаются. Я не разбираюсь в их моде, но ты-то разве не в курсе?

— Да что ты говоришь! — возмутилась она в ответ. — Он...

Их прервал подошедший с подносом официант. Быстро поставил перед Машей кофе, перед Володей — омлет и удалился.

Едва тот ушёл, как Маша прошептала:

— Володь, он руки себе режет — вены! Я об этом не знала... Обычно Димочка носит браслеты такие резиновые или длинные рукава, под ними не видно запястий. А сегодня я зашла к нему, пока он спал, и заметила. Да и в комнате у него плакаты со смертью развешаны.

Эти новости Володю насторожили. С желанием причинять себе боль он был знаком не понаслышке и понимал, откуда это желание может появиться. Но и сравнивать себя с Димой

пока не спешил.

— Ты говорила с ним по этому поводу?

— Пыталась, но говорю же, он замкнулся, уходит от разговора: «Отстань-отстань». Грубит.

— Раны свежие?

— Нет, белые такие, тонкие шрамики.

— Выходит, он делает это давно... — заключил Володя, без интереса глядя на нетронутый завтрак — у него пропал аппетит. — Вдоль вен или поперёк?

— Я не помню.

Маша задумалась и тут сделала то, чего Володя от неё никак не ожидал, — улыбнулась:

— А это что, важно?

— Ты шутишь? — обомлел он. Маша покачала головой. Кровь начала закипать от её улыбки, Володю охватило нарастающее чувство неприязни, но он подавил его и постарался говорить как ни в чём не бывало.

— Плохо, что не помнишь. Обычно, — он припомнил слова Игоря в самом начале их отношений, — когда подростки занимаются самоистязанием, они пытаются привлечь внимание. Это как бы крик о помощи.

— О чём ему «кричать»? Он — благополучный мальчик... Ах, ну да, конечно... — протянула она, кивая самой себе. — Я поняла, в чём дело. Это всё его отец! Если бы он не был такой сволочью, Дима так не поступал бы! Он даже своё имя ненавидит, потому что они тёзки! Ему не хватает мужского воспитания, не хватает отца. Поэтому он и целуется с этим своим... другом! Такое ведь может быть, да?

— Такая теория существует, но сексуальность — это врождённое...

— То есть ты хочешь сказать, что это не лечится? — Маша грозно сверкнула глазами.

— Нет, Маша, не лечится.

— Не может этого быть! — воскликнула она. — Зачем ты говоришь такое? Чтобы сделать мне больно? Чтобы отомстить?

— Боже, да зачем мне тебе мстить? — возмутился Володя. Он не ожидал, что Маша, недавно молившая о помощи, так резко ударится в обвинения.

— Тогда почему не скажешь, как избавиться от этого? Ты ведь тоже был таким, но теперь — нет!

— С чего ты взяла, что был?

— С того, что ты успешный, с хорошей работой. Ирина говорила, что женат!

Володя покачал головой, ядовито улыбаясь. Не замечая, что самообладание его подвело, он начал заводиться. И Маша ему не уступала.

Его жест не убедил её, она продолжила с ещё большей настойчивостью:

— Хорошо, может, женат и не был, но я же слышала про Свету! Ты сам говорил Ирине...

— Это было давно и неправда, Маша!

— Да плевать! Главное — теперь ты не голубой, хотя был им раньше! Почему ты скрываешь, как от этого избавиться? Почему врёшь?!

— Не вру. *Я не был...* — Володя осёкся, едва не произнеся это мерзкое слово, но вовремя поправил себя, — ...таким. *Я есть* такой с самого детства. Но! То, *какой* я есть, не мешает мне быть хорошим человеком и иметь хорошую работу. Просто я смирился, и ты рано или поздно смиришься.

— Я не смирюсь с этим никогда! — Она гордо вздёрнула подбородок.

— Если ты действительно любишь сына, то придётся. Сексуальность не изменить и не вылечить. И пока ты этого не поймёшь... — начал было он, но оборвал себя на полуслове.

Разве она могла это понять? Вряд ли. И Володя знал причину её бескомпромиссности. Во времена их молодости, когда Маша впервые столкнулась с другой сексуальностью, вся их страна, весь их мир считал это совершенно ненормальным, противоестественным и даже преступным. И в этом не было ни капли Машинной вины — так её воспитали время и общество, в которых она жила. Точно так же время и общество воспитали и Володю.

Маша сердито посмотрела ему в глаза и с вызовом произнесла:

— Зато я слышала, что есть врачи, которые занимаются с гомиками, и они выходят от них нормальными!

— Занимаются с гомиками, говоришь... А чем — ты не думала?

Володя многозначительно замолчал. Он понимал, что, несмотря на злость, которую

провоцировало Машино поведение, он должен взвешивать свои слова. И эмоциям нельзя было давать волю — они только навредят.

Он сделал глоток чая и спокойно спросил:

— Тебе не рассказывали, чем именно эти «врачи» занимаются? Они калечат психику. Я тоже когда-то считал это «болезнью», — он вздохнул, — и очень хотел вылечиться. Потому что это было слишком сложно и страшно. Тем более началось очень рано.

— Рано? Разве твоим первым был не Юра? — перебила Маша.

Сердце кольнуло, когда Володя услышал от неё это имя. До этого Маша называла его только по фамилии.

Володя нахмурился, затем слабо улыбнулся.

— Юра был моей первой и, наверное, единственной любовью. А тот человек, о котором я говорю... Это была не любовь. Это был ужас, я ненавидел себя настолько, что готов был... на самом деле покончить с собой.

Маша охнула, прикрыла рот ладонью.

— Вот видишь! Я же говорю, что Дима хочет...

— Не сравнивай меня тогдашнего со своим Димой! Если ты говоришь, что он пригласил парня к себе и уже целовался с ним, значит, он не один, ему есть с кем разделить свои чувства. Это важнее всего. Наверное, так же, как было у нас с Юр...

— Не смей сравнивать моего сына с этим Коневым! — вспыхнула Маша.

— Да никого я не сравниваю! Ты просишь моей помощи, и я не знаю, чем могу помочь тебе, кроме как показать на своём реально плохом примере, чего делать не следует. А дальше тебе самой решать — попытаешься ты принять его таким, какой он есть, или будешь и дальше пытаться что-то изменить. Как помнишь, тогда ты нас с Юрой даже выслушать не захотела...

— Ну а что же делать? — снова отрешённо спросила Маша. — Может, найти ему девушку?

— Ты меня вообще слушала? — едва не взорвался Володя.

— Я не смогу сидеть сложа руки, нужно сделать хоть что-то!

— Маша... — предостерегающе протянул Володя.

Маша замолчала, взяла чашку в руки и немного отпила. Володя смотрел на неё, размышляя, и понял вдруг, что так и не узнал ответа на ещё один очень важный вопрос.

— Маш, а сам Дима признавался тебе в своём влечении?

Она отрицательно помотала головой.

«Интересно — почему? — задумался Володя. — Если не сказал сам, значит, либо сомневается в себе, либо не готов, либо боится матери...» Мысль, что он может её просто жалеть, как сам Володя до сих пор жалел свою мать, в голову даже не пришла.

Володя взял её за руку и пристально посмотрел в глаза:

— Тогда просто не лезь в его жизнь.

После этих слов спокойная, притихшая было Маша отбросила его руку и выкрикнула:

— Как не лезть? Я, вообще-то, его мать!

— Но это не твоё дело!

— А чьё же? Он ещё совсем молодой, он ничего не понимает, он может таких делов натворить, что...

Володе захотелось её встряхнуть, но он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Это ты ничего не понимаешь, а слушать — не хочешь.

— Нет, я не смогу с этим жить!

— Так и не тебе с этим жить, а ему.

— Я... я не верю! — она истерически хихикнула. — Материнское сердце не так легко обмануть. Я знаю своего сына, никакой он не гомосек! Я чувствую, что этот его поцелуй на самом деле был просто баловством, но ты, Володя... Я, может, и могла подумать, что Конев был злопамятным козлом, но чтобы ты... Столько лет прошло... От тебя я такой подлости не ожидала! Ты врешь, чтобы отомстить!

— Если ты так действительно считаешь... — прошипел Володя сквозь зубы, подавляя всё сильнее и сильнее закипающую злость. — Тогда нам не о чем говорить.

— Но мы поговорим... — яростно прошептала Маша. — Когда я его вылечу, мы поговорим.

— Ты его только искалечишь!

— Да кто ты такой, чтобы учить меня, как заботиться о моём ребёнке?!

Чаша терпения переполнилась. Со слов Маши, все плохие, а хорошие только её «благополучный» сын и она сама.

Володя ухмыльнулся и произнёс таким ядовитым тоном, какого от себя даже не ожидал:

— Скажи лучше, почему ты заметила раны на его руках только сейчас? Ты что, раньше не интересовалась его жизнью?

— Что ты вообще можешь понимать! У тебя даже детей нет! А может, оно и к лучшему, а то мало ли кого может воспитать психически больной!

Володя перестал сдерживать эмоции. В конце концов, какова его роль в этой драме? Её нет! Володя — никто им обоим, и они ему — тоже. Тогда зачем *ему* нужно молчать, когда его унижают, *ему* терпеть, когда действуют на нервы, *ему* тратить своё время на бесполезный разговор с женщиной, которая даже не собирается к нему прислушаться?

Ярость выплеснулась наружу, Володю будто прорвало. Перегнувшись через стол, он прошипел ей в лицо:

— Да, у меня нет детей. И уж лучше вообще не быть родителем, чем стать тем, кому плевать на своего ребёнка, пока тот кромсает себе руки! Ну правильно, Маша, к врачу надо бежать, потому что сын мальчика поцеловал, а не потому что у него есть реальные проблемы. Или что, стыдно тебе показываться со шрамами вместо свежих ран, идеальная мать?

Машины губы задрожали, она, как рыба, схватила ртом воздух, посмотрела на Володю, собираясь что-то сказать, но через пару секунд вскочила с места и выбежала из кафе.

Дверь хлопнула, к Володе подошёл официант, вопросительно взглянул на него. Володя вымученно улыбнулся, попросил счёт и стакан воды. Ярость клокотала в груди, нужно было её утихомирить. Через силу доел омлет и выпил воду десятком маленьких глотков. Расплатился и вышел на улицу.

Ссора с Машей одновременно взбудоражила и вымотала. Володя заставлял себя не думать о ней.

До родительского дома отсюда было рукой подать. Володя решил пройтись до него пешком, чтобы по дороге успокоиться и собраться с мыслями: разбор огромного количества вещей — дело очень хлопотное. Раньше, когда ещё жил у родителей, он часто и долго гулял по Харькову пешком, так что знал город лучше родной Москвы. Харьков стал для него таким знакомым, таким привычным, будто он жил здесь всю жизнь, а не переехал десять лет назад.

Площадь Розы Люксембург и набережная остались позади, Володя свернул во двор родительского дома. Всё: виды, запахи, звуки, были такими родными, здесь ничего не менялось годами. Володя часто ездил к матери, но каждый раз его сердце сладко щемило от ностальгии, будто в этом дворе он играл с соседскими ребятами, а не сидел в одиночестве, тщетно пытаясь разобраться в себе или раздумывая над рабочими проектами.

Подъезд встретил привычным запахом пыли, замок издал привычный щелчок, и Володя оказался в знакомой прихожей. Но что оказалось непривычным в родительском доме, так это тишина. Раньше здесь всегда было шумно, ведь даже если не звучали живые голоса, то обязательно работало радио или телевизор.

Володя ступил в кухню и включил магнитофон, не посмотрев, что за кассета в нём стоит. Улыбнулся, когда из динамиков раздался звенящий голос Эдмунда Шклярского — отцу, как и Володе, нравился «Пикник». Сел за стол, достал ежедневник и ручку, чтобы составить план, что делать с отцовскими вещами: что раздать, что сжечь, а что — выбросить.

Но Володя никак не мог сосредоточиться на списке. Деловые мысли постоянно перебивались посторонними, притом они звучали не его привычным спокойным внутренним голосом, а истеричным, высоким, очень похожим на Машин: «Ненормальный. Большой. Извращенец!».

Володя тряхнул головой и принялся писать: «Костюм предложить Брагинскому. Одинаковый размер? Книги — себе. Проекты — в офис». В памяти вновь царапнуло истеричное Машино: «К врачу! Исправить! Вылечить!»

— Да что ты будешь делать! — Володя выругался и отложил ручку. — Так... ладно. Поступим по-другому.

Вообще-то, он начал не с того. Сперва стоило пройтись по дому, оценить масштабы, что Володя и сделал, планируя заодно отвлечься. Обошёл гостиную и спальню, оглядел даже кладовку, осталась последняя неосмотренная комната — его, Володина.

В неё он давно не заходил. Во время семейных посиделок они располагались то на кухне, то в гостиной. В свою комнату Володе не требовалось даже заглядывать — там

хранилось уже ненужное. Он ожидал, что родители выбросят его старые вещи, и потому, когда отворил дверь, застыл на пороге — они будто законсервировали его комнату.

Всё в ней было таким, как много лет назад: скрипучий диван вдоль левой стены, вдоль правой — забитые книгами шкафы, стол у окна, на нём — лампа и фотография Светы.

Снова вспомнилась Маша: «Надо его вылечить! Может, найти ему девушку?» — и Володя замер, глядя на ту, кого надеялся сделать своей панацеей. Но только нанёс новую травму и себе, и ей. Если бы не указания врача, Володя вряд ли бы даже познакомился с ней.

Он взял рамку в руки и огляделся, думая, куда убрать. Улыбнулся вновь — здесь, в его комнате, осталось нетронутым абсолютно всё: книги, тетради, даже собственноручно заточенные им карандаши в ящике стола. Значит, сохранились и записи. Записи... Володя покачал головой — значит, и *та* тетрадь лежит нетронутой. Его дневник, но, правильнее сказать, его «История болезни», потому что в ней содержалось всё: анамнез, диагноз, лечение.

Всё было в ней. А она — в тайнике. В двух метрах от него.

Забавно: у многих людей никогда в жизни не было тайников, а у Володи их целых два. Правда, тот, что под ивой, — скорее почтовый ящик.

Переезжая из родительской квартиры в собственный дом, он не взял «Историю болезни» с собой. Не потому, что забыл про неё, просто тогда у него было явное желание избавиться от прошлого, сбежать от него.

Он хотел избавиться от дневника, но теперь его взгляды поменялись: эта тетрадь — часть того немногого, что останется от Володи потом. Какой бы позор она в себе ни хранила, это не просто его память, а память о нём. Человеческая жизнь очень хрупка, в любой момент, хоть через двадцать лет, хоть завтра, Володи может не стать. И тогда кто-то — лишь бы только не мать, — будет сортировать его вещи: что отдать, что — выбросить, что — сжечь. Но эта тетрадь — другое. Это не просто принадлежавшая ему вещь, а то, чем был он сам. Часть его жизни — это часть «Истории болезни», а она — часть его самого. И она не достанется никому. Никто, кроме Володи, не взглянет на эту тетрадь. Она не должна лежать здесь.

Володя отодвинул диван от стены, нашёл давно выломанную паркетную доску, вынул её и увидел в нише толстую чёрную тетрадь. Ухмыльнулся — в точно такой же тетради он писал заметки, когда работал в лагере вожатым. Дневник стал удивительно хрупким — едва тот оказался у него в руках, как из него выпала половина листов. Подхватив их и вставив обратно, Володя заметил вложенные среди страниц газетные вырезки, давно просроченные рецепты на транквилизаторы и пустой конверт. Его он открывать не стал. Плотная белая бумага не просвечивала, но Володя и так помнил, что находится внутри: порнофотографии,

которые дал ему врач. Володя вздрогнул от омерзения.

Из тетради выпала большая, сложенная вдвое чёрно-белая фотография. Он развернул её. Это была фотография первого отряда, которую когда-то давно прислал ему Юра. Много людей, нижний ряд сидит, верхний — стоит. Володя прошёлся взглядом по молодой, высокой, ещё стройной Ирине, задержался на Маше. Короткое платье в цветочек, длинные светлые волосы перекинута через плечо, чтобы закрывали грудь, и собрана в хвост пластмассовой заколкой.

«А заколка-то та самая», — улыбнулся Володя, вспомнив их знакомство с Машей.

В первый день в лагере он отправился к Ирине, вожатой первого отряда, выяснить, кто такой этот Юра Конев, которого ему навязали помогать с театральным кружком.

На крыльце, утопающем в розовых петуниях, одиноко стояла белокурая девушка в коротком платье и ела грушу.

— Здравствуй! — приближаясь, крикнул ей Володя. — Ирина здесь?

— Зд... Здравствуйте, — девушка покраснела, поднесла руку к волосам. — Нет, ушла куда-то. Ей что-нибудь передать?

— Да нет, передавать нечего. Тогда я пойду, — вздохнул Володя. — Хотя... как тебя зовут?

— Что? — смутилась девушка. — А... Маша.

— Меня зовут Володя, очень приятно.

— Да, очень, — потупив взгляд, негромко ответила Маша.

Он спросил её про Конева — знает ли его, как давно и как хорошо. Маша ответила, жутко смущаясь и очаровательно краснея. Когда Володя, удовлетворённый её ответами, собирался уходить, Маша встрепенулась:

— Хочешь грушу? У меня много. Вот, угощайся. — Она наклонилась, снова запуталась в волосах и достала из сумки, что лежала возле её ног, большую спелую грушу. Протянула Володе.

— Вообще-то, по инструкции нам нельзя есть угощения детей, — начал Володя, но,

увидев, что Маша хмурится, взял грушу. — Спасибо. Кстати, сегодня вечером пройдёт первая репетиция театрального кружка, а из вашего отряда никто, кроме Конева, не записался. Ты не хочешь ко мне?

— Да-да, я бы очень... — пробормотала Маша, накручивая на палец выбившуюся из причёски прядку. — Я люблю театр. А ещё я играть умею, на фортепиано, в кинозале есть...

— Играешь? Как здорово! Как я рад, что нашёл тебя! — воскликнул Володя.

И тут же понял, что сболтнул лишнего — Маша покраснела и стала с остервенением дёргать прядку волос. Вдруг заколка щёлкнула и упала на землю, а длиннющие, по пояс, светло-русые волосы рассыпались по плечам. Володя наклонился поднять заколку, выпрямился.

— Ой, сломалась... — прошептала Маша. Она принялась нервно убирать волосы назад, но они, слишком длинные и густые, не слушались, выскользывали из пальцев, падали на плечи и грудь.

— Я думаю, заколку можно починить, — успокоил Володя и, чтобы скрыть неловкость, уточнил: — Значит, договорились, ты будешь нашим музыкантом?

Маша радостно пискнула и кивнула, посмотрела Володе прямо в глаза. Не зная, как реагировать, Володя сконфуженно улыбнулся в ответ и убрал заколку в карман.

— Давай я починю её к вечеру, а ты на репетиции заберёшь. Хорошо?

А ведь Маша ничуть не изменилась с тех пор. Даже привычка вертеть что-то в руках, когда нервничает, осталась.

Володя смотрел на неё и вспоминал, какой она была в «Ласточке», и всё больше жалел о сказанных утром словах. Маша — всего лишь глупая влюблённая девочка, которая творила чёрт-те что, совершенно не осознавая, какой вред могут нанести её действия. Но при этом не желая никому, даже Юре, зла. А потом вместе с развалом СССР, когда страну и её граждан шатало из стороны в сторону, корёжило и ломало, на неё, совсем юную восемнадцатилетнюю девчонку, свалилась огромная ответственность — ребёнок. Она просто не успела повзрослеть, не успела поумнеть и, оставаясь ребёнком, стала матерью. Она не смогла получить высшее образование из-за сына, вскоре её бросил муж, и Маша практически осталась одна. Володя вспомнил, она говорила, что ей помогала мать, но, кажется, недолго.

Разумеется, всё это повлияло на её и без того невротический характер. Разумеется, она всегда будет защищать своего сына от всего, пусть даже самого абсурдного, желая оградить

от зла, но не понимая, что может этим навредить. И, конечно, не Володе её судить, потому что он не понимает и не сможет понять, каково это — быть родителем. Тем более одиноким.

Володя достал телефон и набрал её номер. Услышав, что трубку подняли, уверенно произнёс:

— Маша, я хочу извиниться за то, что сказал в кафе. По поводу идеальной матери был перебор.

Маша не ответила, но Володя знал, что его слушают — в трубке звучало прерывистое дыхание. Он продолжил:

— В действительности я так не думаю.

— Тогда почему ты это сказал? — спросила она тонким, дрожащим голосом.

— Потому что ты меня разозлила. Маша, ты, наверное, сама не понимаешь, но когда ты поливаешь грязью Диминого друга, то попадаешь и в меня тоже. Я уверен, что ты не стремилась намеренно унижать меня, поэтому старался не принимать на свой счёт, но всему есть предел. Называя его извращенцем и больным, ты называешь так и меня.

Маша прерывисто вздохнула:

— Нет! Ну конечно я не имела в виду тебя. Наоборот, ты так помогал мне. Ты нашёл для меня время, слушал...

— Кстати, по поводу слушал, — перебил её Володя. — Я перестал понимать, зачем ты ищешь встречи со мной. Ты же вообще не слышишь меня. Что бы я ни говорил, ты обращаешь внимание только на подтверждение своих мыслей в моих словах.

— А ты думаешь, мне можно жить по-другому? — спросила Маша на удивление спокойно. — Я привыкла слушать только себя. Володя, мне не на кого положиться. Нет никого, кто мог бы взять на себя часть моей ответственности. У меня есть только Дима, но он ещё молод...

— Дима — шестнадцатилетний лось! Ты его недооцениваешь — и очень зря... Но ладно Дима, а как же Ирина?

— Подруги... — Маша вздохнула. — Они, конечно, дадут совет, но не им жить моей жизнью. Не им бороться с последствиями неправильных решений. Да, они дадут дельный, на их взгляд, совет, но что потом? Потом они уйдут домой, где у них нет таких проблем, как у меня. Зато есть тот, кто поддерживает их и на кого можно положиться. А я останусь. Одна. Я уже обожглась так пару раз, и да, признаю, я перестала слушать других.

— Понятно, — только и ответил Володя, хотя в глубине души признал, что может лишь

представить её положение, но понять — вряд ли.

Услышанное его немало удивило. Во время этого разговора он не раз спрашивал себя: «Ты ли это, Маша?» Он действительно не узнавал её. Но знал ли он Машу вообще? Нет. Он и не мог — многим ли поделишься на посиделках у Ирины с Женей, среди толпы малознакомых людей? А если Маша рассказывала о себе что-то важное, то много ли там услышишь?

Она прервала его размышления:

— А по поводу того, что я мало внимания уделяю ребёнку. Володь, вот ты, наверное, думаешь, что раз он парень, то не требует больших трат. Как бы не так! Ему надо так много: обычная одежда его не устраивает, надо брендовую из Европы. А обувь... Эта его «Демониа» сколько стоит — с ума сойти! Ещё ему нужен новый телефон, но не потому, что старый сломан, а потому, что сейчас в моде слайдеры, и ноутбук нужен, потому что старый компьютер медленный, жёлтый и портит зрение. В следующем году ещё и в университет поступать, принтер покупай... А как мне купить всё это, если не работать? Нет, это, конечно, не значит, что я работаю только на него. Я всё-таки девушка свободная, мне тоже надо выглядеть привлекательно, но всё-таки...

— Разбаловала ты его, Маш, — произнёс Володя, чувствуя, как проникается искренним сочувствием к ней.

— Наверное, разбаловала, но я не хочу, чтобы он знал нужду и бедность, понимаешь? Как у меня в юности было: не в чем на улицу выйти, хоть ты тресни. Бабкины платья на себя перешивала. Не хочу, чтобы он знал это чувство.

Она замолчала, Володя — тоже.

А правда, может, оно и к лучшему — что у него нет и, скорее всего, никогда не будет детей? Ведь он никогда не будет страдать так, как страдает Маша: не испытает того страха и беспомощности, что испытывает она. Он не будет нести такой ответственности, как она, от его решений никто не пострадает так, как может пострадать её сын. Единственное существо, чья жизнь и благополучие зависело от Володи, — это Герда, но она всего лишь собака.

Володя пытался подыскать правильные слова поддержки или примирения. Но выдал только:

— Маш, простишь?

— Конечно. И ты прости меня! Ты даже не представляешь, как помогаешь мне, как я рада, что ты есть... я без тебя с ума бы сошла...

— Забудем, что случилось сегодня?

— Хорошо. — По голосу было слышно, что Маша улыбнулась. — Можно мне будет тебе ещё позвонить?

— Звони, конечно. Но только не в шесть утра — попозже.

Володя возвращался домой в хорошем настроении, но, когда стал разбирать сумку с вещами из родительского дома, вертлявая Герда выбила из его рук дневник, и спрятанные в нём бумаги вывалились на пол. Ладно бы только бумаги — фотография тоже выпала и раскрылась, демонстрируя хмурого хулигана в кепке. Настроение Володи испортилось.

В середине восьмидесятых Володя, замученный своей «болезнью» студент, вырвался из тюрьмы шумного города и отправился в затерянный в лесах пионерлагерь. Но угодил в другую тюрьму, которую создала для него первая и до сих пор единственная любовь. Володе было сладко в этом плену. Он и страдал в нём, и боялся его, но именно тогда был по-настоящему счастлив.

Долгие годы он не вспоминал те летние дни, их посиделки с Юрой и самого Юру. Забыл его глаза, голос и руки и, если бы не фотография, наверное, не думал бы о нём сейчас.

Ведь всё, что случилось тогда, не прошло бесследно, не стёрлось, а жило в его душе и сердце, запертое на хрупкий замок памяти. Стоило лишь слегка коснуться этого замка — и воспоминания одно за другим хлынули и разлетелись мыслями, словно беды из ящика Пандоры.

Всё с самого начала пошло не слава богу. Володя задолго до «Ласточки» начал сомневаться в том, стоило ли ему вообще ехать вожатым — ещё в инструктивном лагере, точнее — в автобусе. Всю дорогу в салоне царил суев, будущие вожатые были так воодушевлены, что разбились на кучки и уже с поистине комсомольским задором заранее бросились придумывать речевки, а затем — вопросы для какой-то викторины по истории. Володя же растерянно озирался по сторонам в надежде найти кого-то, кто тоже поедет в Украину, а не по центральной части России. Не успели доехать до лагеря, как стало ясно, что он такой один и если у него будет напарник, то временный.

Ему вообще не объяснили, зачем нужен этот инструктивный лагерь. А он догадался об этом спросить только перед сном, после того как со своей командой, «отрядом», придумал и речевки, и вопросы для викторины, и сам поучаствовал сначала в ней, а потом в танцах.

После отбоя натянул одеяло до подбородка — майские ночи в лесу оказались чудовищно холодными, — уставился в потолок и философски изрёк:

— Зачем всё это нужно?

— Чтобы привыкнуть к лагерной жизни! — ответил ему сосед по комнате, чьё имя он забыл сразу после возвращения из лагеря. — Сейчас мы отыгрываем те ситуации, которые будут в жизни: как проводить вечер, как строить отряд на линейку... Чтобы представлять, что нас ждёт.

— А что нас ждёт? — допытывался Володя.

— Чудесное время!..

И правда: время ждало чудесное. Но сколько раз Володя ругал себя за то, что поехал в эту проклятую «Ласточку», столько же раз благодарил судьбу за то, что привела его туда.

Он приехал в лагерь в пересменку перед вторым заездом детей. «Ласточка» влюбила в себя с первого взгляда. Особенно нравились Володе тихая речка и эстрада. Последняя навевала романтические воспоминания о вечерах, проведённых в его дворе в Москве, где тоже стояла маленькая, совершенно не похожая на эту сцена. На ней давным-давно, когда Володя был ещё ребёнком, ребята со двора пели песни под гитару, а однажды выступал школьный оркестр.

Правда, вожатым было не до песен — требовалось за несколько дней подготовить лагерь к приезду смены: провести генеральную уборку, оформить отряды и прочее и прочее.

Если инструктивный лагерь запомнился постоянной гонкой — не успевали сделать одно, как уже опаздывали подготовить второе, — то в «Ласточке» не успевали вообще ничего. Благо здесь хотя бы была подмога в лице второй вожатой его отряда — Лены, но Володя не разрешил ей таскать тяжести, и к концу первого дня у него нещадно заболела спина. Двигая и расставляя на места мебель, выгребая мусор из шкафчиков и тумбочек, протирая подоконники, заправляя кровати, он по сто раз на дню спрашивал, зачем только поехал.

Ответ был прост: надо было что-то поменять. Вернее, не что-то, а собственную голову, освободить её от ненужных мыслей, очистить.

Почти пять лет она засорялась разными мыслями, желаниями и страхами, а какие из них были полезными, а какие — вредными, Володя уже и сам не знал. За это время он загнал сам себя в угол. Или не в угол, а в замкнутый круг, по которому гонял и гонял себя. Или даже не по кругу, а по ленте Мёбиуса — бесконечно, безостановочно, без надежды на то, чтобы вырваться.

Мать работала воспитателем в детском саду и убедила Володю пойти в вожатые. Она говорила, что дети лечат, и видела, что с ним что-то не так, но ничего о нём не знала.

Спустя несколько дней подготовки лагеря к смене Володя вздохнул с облегчением — ни к кому из работников лагеря у него не возникли особенные чувства, ни к кому его не тянуло. На счастье, даже к соседу по вожатской, физруку Жене, обладателю по-античному прекрасной фигуры. Володя перестал бояться и стесняться, даже стал чаще улыбаться и думать, что, быть может, и правда пришло. Главное — в лагере нет Вовы, зато есть дети, которые, по словам матери, лечат. Только ему не пришло в голову, что среди детей найдётся один взрослый.

Первый раз его обычные с виду имя и фамилию Володя услышал на планёрке. Юра Конев.

За день до открытия второй смены весь лагерный коллектив во главе со старшей воспитательницей подводил итоги подготовки к приезду детей. Тогда же назначали руководителей кружков.

— В эту смену придет Конев, Ирина... — весомо произнесла Ольга Леонидовна.

— Да, я видела списки... — перебила Ирина.

Но Ольга Леонидовна, проигнорировав её, продолжила свою речь, сильно повысив голос:

— ...и я настоятельно прошу, — подчеркнула она, — убедиться в том, что у него не будет свободного времени, чтобы шататься по лагерю без дела. Необходимо, чтобы Конев записался в один или лучше несколько кружков, и твоя задача — сподвигнуть и проследить, чтобы он их посещал. От других вожатых я жду инициативы и помощи в этом деле. На этом всё. Есть вопросы?

— Нет, — хором ответили вожатые.

— Нет, — повторил Володя.

— Все свободны. К слову о кружках. Володя, подойди сейчас к Славе, он покажет тебе кинозал, выдаст сценарий, ответит на вопросы.

— Вопросы? — пробормотал Володя — теперь вопросы у него действительно проявились.

Прочитав в его взгляде явное замешательство, Ольга Леонидовна пояснила:

— Я разве не говорила? У тебя будет театральный!

— Это что за Конев такой? — спросил Володя позже, выходя с другими вожатыми из здания администрации.

— Да хулиган один, — отмахнулась Лена и, взглянув на Ирину, добавила со смехом: — Не переживай, он в первом отряде.

На перекрёстке Володя свернул в сторону кинозала, Женя его окликнул:

— Ты это, Володь, после кинозала бери Славку — идите с ним сразу на пляж. Костёр разожжём, посидим. Девчата пошли собирать на стол, я за гитарой — и тоже туда.

— Да, и приходите поскорее, — добавила Ирина, — отдохнём в последний раз.

Это был единственный вечер, когда вожатым позволили отдохнуть и повеселиться, ведь на завтра в лагерь приехали дети и тот самый хулиган Конев.

Володя не спал полночи — до часу переписывал в тетрадь сценарий спектакля, который было велено поставить, и даже потом, когда улёгся, так волновался перед предстоящим днём, что полночи проворочался с бока на бок.

А утром, пока ехали до завода забирать детей, Володя, вместо того чтобы подремать, рассматривал Харьков. Он почему-то раньше думал, что это небольшой город, серый и невзрачный, похожий на другие советские города. Но Харьков покорила его, стоило только съехать с окружной дороги. По улицам летел тополиный пух, он кружился в воздухе, между рядов панельных домов, оседал у обочин. Автобус сперва петлял по спальным районам, а потом вдруг выехал, наверное, где-то рядом с центром.

Панельки сменились дореволюционными величественными домами, под колёсами автобуса вместо асфальта загрохотала брусчатка. Харьков напомнил Володе Москву — широкие проспекты, помпезная советская архитектура, промелькнула даже постройка, похожая на сталинскую высотку.

Несмотря на то, что приехали за полтора часа до назначенного времени, на площадке у проходной уже было многолюдно. Едва они с Леной прицепили к рубашкам красную цифру «5», как на них набросились родители с путёвками. Но эта суета не расстраивала Володю, даже наоборот — веселила, а вот кошмар начался в автобусе.

На удивление быстро рассадив ещё более или менее спокойных детей по местам, — девочки спереди, мальчики сзади, — тронулись. Чтобы занять ребят, Лена достала заранее заготовленные плакаты с нарисованными на них грибами, ягодами и другими растениями и стала спрашивать, что изображено. И если девочки отвечали, некоторые даже увлечённо, то мальчишки не обращали на Лену никакого внимания. Володя догадался, что уехать в лагерь сидя ему, видимо, не судьба, встал с места и пошёл в заднюю часть автобуса

успокаивать ребят.

Кто-то зарыдал в голос, зовя маму и воя, что хочет домой.

Пчёлкин бежал по салону, подначивая ребят открывать окна с обеих сторон автобуса, когда Володя пять минут назад просил открывать только с одной стороны.

Володя поймал хулигана, усадил его впереди, рядом с Леной, и потребовал закрыть окна. Пчёлкин надулся:

— Не хочу я с девчонками сидеть! — но вроде бы притих.

Только Володя выдохнул, как ещё один гиперактивный мальчик Олежка бросился раздавать ребятам яблоки. Все принялись ими хрустеть, и только Володя сел на своё место и перевёл дух, как некоторые начали кидать огрызки в окно. Володя снова вскочил, пошёл закрывать окна и забирать у детей мусор, чтобы выбросить потом, на зелёной остановке. Лена продолжала стоять с плакатом и, надрываясь, перекрикивать мальчиков.

Володя надеялся, что передохнёт — хотя бы от криков — на остановке, но нет. Стоя, прикрывал проход между автобусами, с завистью смотрел на других вожатых, чьи подопечные, может, и менее послушные, но старше, то есть не такие дикие. А некоторые из его «дикарей» тем временем зачем-то пытались выскочить на шоссе, по которому редко, но проезжали автомобили. Володя с Леной сначала прикрикивали, но дети их не слышали, и Володя плюнул и, оставив Лену одну, пошёл за руки вытаскивать мальчишек обратно к автобусам. И вовремя — один из них, Саша, едва не свалился под колёса внезапно появившейся машины, но Володя успел вытянуть его на обочину. Балагур получил выговор, покраснел и извинился, его жизни и здоровью ничего не угрожало, а вот Володю начало трясти.

Наконец подъехали к лагерю. Выгрузились без происшествий, но оказалось, что весь салон автобуса завален фантиками и огрызками. Водитель потребовал уборки — убираться пришлось Володе.

Лена только-только получила ключи, и, едва замок щёлкнул, как весь отряд, с вожатыми в том числе, лавиной занесло в спальни. Мальчишки завалили постели вещами и начали спорить, кто какую кровать займёт. Чуть не дошло до драки.

Перед тем как уйти в спальню для девочек, Лена прохрипела сорванным голосом:

— Ни один пункт инструкции не выполнен, Володь. Ольга Леонидовна где-то рядом, я её голос слышала. Если не успокоим, вечером нам головы оторвут.

— Я попробую утихомирить своих, а ты давай своих.

— Ладно, — простонала Лена.

Володя устало попросил ребят уговориться, и они внезапно притихли. Володя сам не понял, как так у него получилось — неужели они увидели вымотанного, расстроенного жошатога и пожалели его?

Но не успел он даже толком перевести дух, как пришла пора строиться на линейку. И всё началось по новой: строились плохо, толкались, спорили, кричали. Особенно Пчёлкин, который, ко всему прочему, пытался сбежать то на карусели, то в кусты, в дебрях которых рос репейник.

Володя и сам не понял, когда линейка успела закончиться — он слышал, но не слушал, что говорят директор и воспитательница со сцены, на автомате пел гимн пионерии, возведя руку в салюте. А сам нервно бегал глазами по толпе, пересчитывая макушки ребят из своего отряда.

В середине первого дня добрая половина лагеря была занята одним общим делом — подготовкой к дискотеке в честь открытия смены. Кто-то украшал эстраду, кто-то вешал гирлянды на росшие вокруг площади деревья, а Володе поручили подключить музыкальную аппаратуру.

Только он с ребятами принёс из кинозала колонки, как на площади разразился натуральный скандал.

Увлечённый своей задачей, Володя не застал его начало, поэтому не понял, что именно произошло и почему. Увидел лишь, что в дальнем углу возле старой раскидистой яблони собралась толпа, и услышал из самой гущи крик Ольги Леонидовны:

— А с ним другие методы не работают! — кричала на кого-то старшая воспитательница. — В первый же день устраиваешь погром в столовой, теперь вот ломаешь гирлянды!

— Это случайно вышло, я не хотел!

По-видимому, это оправдывался Конев. Володя обернулся. Сосредоточив всё своё внимание на проводах, он не сразу сообразил, кто такой Конев. Сначала подумал, что Конев — это рыжий парень со шкодливой улыбкой на конопатом лице, потому что второй выглядел уж очень взросло, так что Володя мысленно записал его в подвожатники. Но нет: всё оказалось наоборот.

— Опять Юрец получит по первое число, — посочувствовал «подвожатнику» Ваня из первого отряда.

— Сам виноват. С чужим имуществом надо быть осторожнее... — нравоучительно подметил Володя и только собрался вернуться к работе, как непривычно жалкий писк Ирины заставил его прислушаться.

— Он — мальчик творческий, ему бы в кружок поактивнее, — говорила она Ольге Леонидовне, загораживая Конева собой. — Вот спортивная секция у нас есть, да, Юр? Или вот... театральный кружок открылся, а у Володи как раз мальчиков мало...

Володя аж уронил провод от цветомузыки. Хулиган? К нему-то, новичку, записывают в кружок хулигана? Ещё чего не хватало!

— Володя!

Вырванный из раздумий криком старшей воспитательницы, Володя вздрогнул и тут же устремился к ним.

— Да, Ольга Леонидовна?

— Принимай нового актёра. А чтобы не вздумал филонить, если с кружком тебе потребуется помощь, расширим обязанности Конева. О его успехах докладывать ежедневно.

Володя подошёл поближе, разглядывая этого Конева: темноволосый, лохматый, высокий. Но в память на долгие годы врезались не рост и волосы, а лоб, нахмуренный настолько, что хоть одежду стирай, и огромные карие глаза, сверкающие лютой злобой и трогательной обидой одновременно.

— Хорошо, Ольга Леонидовна. Конев... — Володя задумался: «Как же его звать? Ребята говорили, Юрец». — Юра, кажется, да? Репетиция начнётся в кинозале сразу после полдника. Пожалуйста, не опаздывай, — произнёс он серьёзно.

Володя решил, что раз перед ним хулиган, то нужно с самого начала поставить себя так, чтобы уважал. Поэтому он выпрямился и взглянул на Конева как можно строже.

— Понял, буду вовремя, — отсалютовал хулиган, забавно качнувшись на пятках.

«Паясничает... — догадался Володя. — Да, этот парень точно попьёт у меня крови».

Наиважнейшим для себя делом — разумеется, после настройки аппаратуры, — Володя посчитал узнать об этом Юре как можно больше. Сообщив Лене и получив от неё напутственное «Иди-иди, я присмотрю за отрядом», Володя отправился искать Ирину.

По дороге подсчитывал: как там сказала Ольга Леонидовна — два года как перерос вступление в комсомол? Значит, Коневу шестнадцать?

Заглянул в первый отряд, Ирину там не застал. Она оказалась у кортов.

— Ну не знаю, Володь... — отвечая на его вопрос, Ирина задумчиво хлопала ракеткой себя по ноге. — Он не то чтобы хулиганистый, просто постоянно влипает в истории. Юра — неплохой парень, но от него одни неприятности. Всё по мелочи, но в сумме — вред приличный: тарелки бьёт, лестницы ломает и гирлянды, курит, сбегает в деревню в магазин. Ещё и ребят-соотрядников подначивает творить всякое безобразие, но в сущности — ничего криминального. Если бы он в прошлом году не подрался с сыном, кхм... одного человека, — Ирина взметнула взгляд вверх, намекая, что этот человек непростой, — на Юрины выходки никто не обращал бы такого внимания, как сейчас.

— И почему он подрался?

— А... — Ирина замерла и задумчиво посмотрела на Володю. — Ты представляешь, я не знаю. То есть не помню. Скорее всего, потому, что они конкурировали.

— Хм... И в чём это Конев мог конкурировать с блатняком?

Но Ирина успела только пожать плечами, как её позвала тройка кокетливо улыбающихся девчонок из первого отряда, и та отправилась к ним. Правда, улыбались они не ей, а Володе, и он от греха подальше пошёл в кинозал.

«Надо, как сказала Ольга Леонидовна, занять Конева делом», — решил он, забирая из вожатской тетрадь со сценарием.

Вечером, после полдника, Володя сел на сцену кинозала перечитывать пьесу. Задумчиво повторяя про себя: «Юра, Юра...», откусил кусок от подаренной Машей груши и начал безуспешно искать Коневу роль.

Когда тот явился, Володя понял, что на площади видел совсем другого человека. Тот был обиженным, наверное, даже несправедливо обвинённым, и поэтому вызывал сочувствие. А вот сейчас перед ним стоял нагловатый пацан, который бесстыже разглядывал его, стреляя шkodливыми искорками в глаза. И ладно бы, если он просто стоял молча, так нет, решил повыделываться. Когда Володя сообщил, что роли для него нет, сначала заявил, что сыграет в спектакле полено, а затем лёг на пол и, вытянувшись струной, это полено показал! Володю эта выходка рассердила — он здесь не затем, чтобы что-то доказывать и объяснять каким-то хулиганам, он ставит спектакль! Но объяснять всё же пришлось:

— Раз роли не нашлось, будешь мне помогать с актёрами.

— *И с чего это ты взял, что я соглашусь?*

— *Согласишься. Потому что у тебя нет выбора.*

Володя напомнил ему про уговор с Ольгой Леонидовной и что Ирина поручилась за Конева. Тот разозлился, заявив, чтобы Володя не смел его шантажировать. Ещё и принялся угрожать, что всем покажет, где раки зимуют, а лично Володе испортит спектакль, устроив свой. Но какими бы громкими ни были слова Юры, и какими бы устрашающими ни были угрозы, Володя чётко расслышал другое — гнев бессилия. Как там Ирина сказала — если бы не подрался с сыном какого-то номенклатурного товарища? Если бы... и всё-таки странно, что Ирина не помнит, почему подрался. Врёт, или недоговаривает, или правда не помнит? Какой бы ни была причина, Юра оказался загнан в угол из-за испорченной репутации.

Подтверждая Володину догадку, Юра неожиданно поник и раскаялся:

— *Я не хотел! И насчёт Иры не хотел...*

— *Я верю тебе, — сказал Володя серьёзно. — Поверили бы и другие, если бы репутация у Юры Конева была не такой плохой. После твоей прошлогодней драки сюда проверки как к себе домой ходят, одна за одной. Леонидовне только повод дай, она тебя выгонит. Так что, Юра... Будь мужчиной. Ирина за тебя поручилась, а теперь и я отвечаю. Не подведи нас.*

И он действительно не подвёл. Володя не знал, сам ли повлиял так на Юру или тот изначально не был таким уж безалаберным хулиганом, как про него рассказывали. Но с ним оказалось очень легко подружиться. Юра буквально рвался помогать: сперва с театральным кружком, с постановкой и сценарием, потом — с дикими малышами из отряда. Он вместе с Володей следил за ними на пляже, гонял Пчёлкина из воды, когда тот пытался уплыть за буйки. Руководил ребятами на зарядке, чтобы строились ровнее и не нервировали лишний раз своего вожатого. И самое сложное — помогал их укладывать спать по вечерам.

— *... Сначала ему ничего не было видно, но, едва глаза привыкли, едва он смог узнать очертания шкафа и тумбы, как увидел, что дверца распахнулась... — вошедший в раж Юра рассказывал малышне страшилку, и в этот момент на Володю обрушилось осознание: «Это снова началось».*

Его руки аж задрожали.

Последние пять минут, вслушиваясь в наигранно-мрачный, но такой приятный голос Юры, Володя не сводил с него взгляда. Сидел рядом на кровати, наверное, даже слишком близко. И, вместо того чтобы следить за ребятами из отряда, рассматривал его лицо. Аккуратный профиль, тонкие губы, которые Юра кривил, пытаясь нагнуть на малышню

жути. Курносый нос. Большие глаза — сейчас, в полумраке комнаты, чёрные, но Володя знал, что они карие, в обрамлении редких, но длинных ресниц. И тёмные непослушные волосы... У Володи снова дёрнулась рука — оттого, что захотелось пригладить торчащую у уха прядь.

Он заставил себя немного отодвинуться от Юры — тот, увлечённый рассказом, и не заметил ничего. А потом Володя еле дождался, пока страшилка закончится, убедился, что ребята уснули, и выбежал из корпуса. Юра — за ним. Свежий ночной воздух ничуть не освежил — лицо горело, мысли путались, лишь одна из них пульсировала в голове: «Снова, снова, опять».

Ему ведь казалось, что это кончилось, что был только один человек, к которому у него было «это». Влечение. Володя уже давно знал, как это называется.

Юра спросил что-то, Володя, кажется, разозлился. Сказал, что Юра перепугал малышню до смерти. Тут же сам пожалел, что вспылит — в конце концов, Юра ни в чём не виноват. Никто не виноват, кроме Володи, и злиться тут нужно было только на себя! Это всё его больное воображение, его расстройство...

Именно в тот вечер, сидя на карусели посреди пушистой одуванчиковой поляны, Володя дал себе обещание: он ни за что не позволит «этому» хоть как-то задеть Юру.

А Юра был везде, почти всегда рядом, так искренне, по-дружески помогал ему с малышней, со сценарием... Наверное, Володе нужно было быть жёстче и сильнее — даже через обиду вовремя оттолкнуть его, оградить от себя. Но Володя этого не сделал, не смог отказать себе смотреть на него, разговаривать с ним, слушать его голос.

Днём они были друзьями: репетировали спектакль, воспитывали октябрят, гуляли, а ночью Володя сходил с ума от того, каким Юра приходил к нему во снах. Просыпаясь в панике и дрожа всем телом, Володя так искренне себя ненавидел и так безумно боялся, что хотел тут же бежать к чёрту из этого лагеря, только бы Юра его больше никогда не встречал.

Но стоило снова увидеть его — улыбчивого, машущего рукой с другой стороны корта, румяного после зарядки, и страх уходил. Он сменялся желанием навсегда остаться рядом. Хотя бы просто смотреть. И решимостью никогда, ни за что не причинить вред.

Вред Володя причинял только себе. Как тогда, в душевой.

Так получалось, что отряды в «Ласточке» принимали душ по старшинству — от самого младшего к старшему. Володя как раз пересчитал своих ребят и хотел было окликнуть вторую возатую Лену, чтобы присмотрела за ними, пока он проверит температуру воды, как к душевой подбежал Юра.

— Володя, а Володя,пусти меня с пятым отрядом, по-дружески? А то первому отряду никогда горячей воды не достаётся, тем более пацанам, девки всю расходуют!

Хватило одного быстрого взгляда на него — загорелого, в трусах и шлёпках, с полотенцем, перекинутым через плечо, улыбающегося во все тридцать два...

— Я сейчас, температуру только проверю... — сдавленно выдал Володя, резко разворачиваясь на пятках. — Присмотри за ними, ладно?

Не осознавая, что делает, он вбежал в первый же душевой отсек, схватился за красный вентиль и выкрутил его до конца. В голове завопил внутренний голос, такой громогласный, что невозможно было понять, чего он хочет и о чём кричит. В ушах звенело.

Очки моментально заволокло паром, на рубашку брызнула горячая вода, кончик красного галстука промок насквозь.

Володя выдохнул, закрыл глаза и сунул руку под поток кипятка. Вода обожгла кожу, он едва сдержал крик, но спустя мгновение боль пропала, сменившись эйфорией. Его будто подбросило в небо, и он завис в дымке. Страх, паника, ненависть — всё осталось там, внизу, а здесь хорошо, свободно. Он парил в мире мёртвых эмоций и мёртвого времени.

— Эй, Володь, ну как там вода? — Раздался голос заглянувшего с улицы Юрки. — Детвора уже вопит!

Володя судорожно спрятал покрасневшую, обожжённую руку за спину, вышел из отсека.

— Кхм... — прокашлялся, — заходи, уже нагрелась.

«Почему именно сейчас, почему так внезапно? Он же на пляже тоже постоянно в плавках носится, и ничего...» — паниковал Володя внутренне, внешне оставаясь спокойным, умудрялся даже прикрикивать на заходящих строем в душевую детей. И сам себе отвечал: «Потому что это болезнь, потому что я — больной. А это — очередной приступ!»

Но потом стало ещё хуже, пришло ещё одно осознание, которое могло бы быть приятным в любой другой ситуации, но только не в этой. Володя понял, что его не просто влекло к Юре. Володя в него влюбился. А разве в него вообще можно было не влюбиться? Б такого задорного, настоящего, местами наивного, но умеющего становиться серьёзным, когда нужно. Такого искренне стремящегося дружить.

И за этим своим чувством, от которого, в отличие от «болезни», было не спрятаться, Володя не замечал, как всё усугубляет.

Чего только стоила его колоссальная глупость, когда он взял ключи от лодочной станции и уговорил Юру сплавить вниз по реке — к барельефу старого графского поместья. До руин они так и не доплыли, Юра завёз его в заводь с прекрасными белыми лилиями, а на обратном пути, уставший и нагретый солнцем, Володя предложил искупаться. Юра не был против, но сконфузился — не взял плавок. А Володе в тот момент в голову не пришло совсем ничего постыдного — ну нет и нет, ну ведь оба парни, чего там не видели. Опомнился, только когда уже Юра стягивал с себя футболку.

Володя даже очки снять забыл, с разбегу сиганул в реку, спеша скрыться от неправильных желаний, захвативших его сознание. Сжал в кулаке очки, проплыл метров двадцать — приятная прохлада воды немного остудила голову. А когда вернулся на отмель, увидел, как Юра, стоя по пояс в воде, прикрылся руками — бледный и... какой-то смущённый. Отчего только? Смущаться тут нужно было Володе...

И шальная, непристойная мысль ворвалась в голову: что, если сейчас подойти к нему, взять мокрыми ладонями его лицо, заглянуть в сверкающие от солнца глаза... И поцеловать? Его губы тёплые или холодные? Какие они на вкус — как речная вода? И чтобы по-настоящему, чтобы прижаться и...

Перед глазами буквально заискрило от этого яркого, манящего образа, и одновременно так страшно, так мерзко стало от самого себя, что Володя, чтобы хоть как-то скрыться, чтобы Юра не видел его таким, чтобы, не дай бог, не прочитал в его глазах то, что вертелось в мыслях, — нырнул, ушёл с головой под воду. От речной воды зашипало открытые глаза, изо рта вырвалось несколько пузырей воздуха.

А когда вынырнул и глянул на Юру — тот будто стал ещё бледнее. Переживая за него, Володя приблизился на пару шагов. Спросил, всё ли нормально — вдруг плохо стало, вдруг судорога или солнечный удар? А Юра, будто бы произвольно, дёрнулся в сторону, отступил от него на шаг, его щёки заалели...

Напуганный тем, что его «болезнь» вернулась, Володя так заикнулся на том, чтобы

защитить Юру от неё, что не заметил, как всё перевернулось с ног на голову: Юра влюбился в него.

Спустя много лет после этой истории «Ласточка» звала его к себе, Володя стремился в тот лагерь, он искал его — и нашёл. Они с Юрой договорились встретиться там спустя десять лет. Володя приехал в назначенный день, но Юры там не оказалось. Они не встретились ни через десять, ни через одиннадцать, ни через пятнадцать. Юры там не было никогда. А Володя был.

Он приезжал каждый год и видел своими глазами, как разрушается заброшенная в девяностых «Ласточка», как высыхает река, как блекнет, ветшает и опадает на землю хлопьями старой краски память их юности.

Но почему Володя до сих пор был здесь? Что заставляло его разглядывать торчащий среди деревьев флажок спустя двадцать лет?

Герда скулила, просясь на улицу, а Володя прижался лбом к оконному стеклу, не в силах отвести взгляда от леса, скрывающего руины старого пионерлагеря. Там за стеклом — двор, за двором — тонкая полоска пролеска, за ним — берег пересохшей реки, а на берегу — их ива.

Сколько раз он задавался вопросом — почему он построил свой дом здесь? Это место было ему дорого, но стоило дешево. Не купить эту землю он не мог. И разумное оправдание нашлось — выгодная цена. Но, представляя отцу проект коттеджного посёлка с незамысловатым названием «Ласточкино гнездо», в глубине души надеялся, вдруг Юра когда-нибудь всё же приедет сюда. Хотя убеждал себя, что давно его забыл — лет десять как, забыл даже его имя. И если бы не счастливый случай, когда ему попалось на глаза объявление о продаже земли бывшего посёлка Горетовка, наверное, не вспоминал бы ещё столько же.

3. Странные танцы

Плохо, что он вспомнил всё это. В последнее время Володя и так засыпал тяжело, а теперь и вовсе не мог. Несмотря на то, что, разбирая вещи отца, он очень устал, расслабиться не получалось даже лёжа в кровати. Он ворочался с боку на бок, но сон не шёл, он даже брался за чтение, но тщетно. Володя не мог перестать думать о Юре, о том сладком кошмаре, что переживал, когда его любил. О вечной ненависти к себе. Об одиночестве, которое пришло на смену этой любви. Одиночестве таком абсолютном, что Володя чувствовал себя мёртвым. Об обваренных руках, таблетках, фотографиях и беседах с психиатром. Об ужасе в глазах родителей, когда он рассказал им обо всём.

Когда часы пробили полночь, Володя не выдержал — выпил двойную дозу снотворного. И только закрыл глаза, как раздался телефонный звонок.

— Я нашла ему врача! — поделилась радостью Маша.

— Когда успела? — Володя повернулся на бок, просунул телефон между ухом и подушкой.

— К врачу ещё утром записалась, пока тебя ждала.

— То есть утром записалась, а днём он уже принял тебя? — скептически произнёс Володя.

— Ну да-а, — неуверенно протянула Маша.

— И тебя это не настораживает? Хороший врач, у которого свободная запись, тем более в субботу...

— Но я заплатила за срочность... — протянула она — её голос потерял былую уверенность.

— То есть ты нашла врача, который за деньги может опрокинуть другого своего пациента?

— Но он гарантировал, что вылечит!

Володя перевернулся на спину и уставился в потолок. В груди заклокотало — буквально только что он вспоминал своего «врача», буквально только что видел перед глазами его лицо. Эмоции были слишком свежи. Володя заговорил поначалу спокойно, но с каждым словом его тон становился всё злее:

— Ты знаешь, Маш, меня лечил как раз такой... человек. На словах обещал выздоровление, а на деле — чуть окончательно не угробил. Таким, как он, насрать на своих пациентов. Они только пичкают таблетками и убивают самооценку!

Маша сдавленно охнула.

— Так ты... обращался к врачу?

— Я же тебе говорил, что пытался *это* вылечить! — воскликнул Володя и сел. — Этот мой «врач» вогнал меня в такую депрессию, что я ходил по городу и оценивал вместо женщин мосты — с какого лететь дальше, чтобы быстро умереть от удара об воду. А всё потому, что его таблетки отупляли, но желание смотреть на мужиков никуда не девалось. И

это я ещё не говорю про наши беседы... — он покачал головой и зло прошипел: — Чего только он мне не плёл! Пытался зомбировать, гипнотизёр чёртов! У нас с этим «врачом» всё началось с того, что я искренне поверил ему. Нет, искренне — не то слово, да и вера тут тоже ни при чём. Знаешь, после полугодового общения с ним я будто перестал быть собой, он внушил мне, что я смогу полюбить девушку, и я был уверен, что это правда. Такое состояние было странное — я будто стал другим человеком, а свои истинные желания загнал настолько глубоко, что перестал на какое-то время даже замечать парней. Я был к ним равнодушен, и мне казалось, что это и есть победа, но за эйфорией я не заметил главного: к девушкам я тоже ничего не чувствовал.

— Я тебе, конечно, сочувствую, — произнесла Маша чересчур весело для сострадающей, — но сейчас времена-то другие, медицина, вообще-то, скакнула вперёд. Уже наверняка появились действенные методы, без таких побочных эффектов! Да и что такого в гипнозе? Он же работает!

Володя закатил глаза.

— А я и не говорю, что эти шарлатаны не умеют внушать. Ещё как умеют и ведь несут при этом какую-то чушь, но так, что им веришь. Например, мой велел мне смотреть на девушек и записывать, что мне в них должно нравиться, а потом перечитывать это перед сном. То же самое про мужчин, только наоборот — плохое, даже отвратительное. Сейчас-то я понимаю, какой это был бред, но тогда... этот бред работал!

— И что тут плохого? Всё правильно: женщины красивее мужчин. Да и вообще. Знаешь, Володя, лучше я сделаю что-то и буду жалеть, чем наоборот, — жалеть о том, что могла бы сделать, но не стала.

— Неужели ты не понимаешь? Ты собираешься разрешить эксперименты на психике своего сына. И проводить их будет совершенно чужой человек, которому плевать и на тебя, и на твоего ребёнка.

— Ой всё, ладно, я поняла тебя! — разочарованно выдала Маша.

Володя понял, что не убедил её и вряд ли подобные аргументы вообще подействуют на Машу. В который раз спрашивая себя, на кой ляд ему далась судьба этого Димы, Володя всё же решился рассказать ей одну неприятную историю из своего прошлого.

— Ты... я знаю, ты слышала про Свету. Хочешь, я расскажу тебе, что было на самом деле?

— Правда расскажешь?! — воскликнула Маша. — Да-да, конечно! Расскажи, я слушаю.

— Но ты должна мне поклясться, что не потащишь сына к психиатру! — потребовал

Володя.

Маша вздохнула и произнесла с грустью:

— Нет, Володя. Этого я тебе обещать не могу.

— Тогда ничего не услышишь.

Маша замолчала почти на минуту. Володя собрался напомнить ей, что она звонит на мобильный и это недёшево, но Маша сама подала голос:

— Ты так упорно отговариваешь меня, что... Наверное, если бы это не было действительно опасно, ты бы так не настаивал, да? Ладно. К психиатру не пойду, но хотя бы к психологу можно?

— Да хоть к ветеринару, — буркнул Володя, — лишь бы не обещал звёзд с неба.

— Тогда договорились, — бодро ответила Маша. — Рассказывай, я слушаю.

— Это только между нами, ясно? Ты ведь понимаешь, что хоть и знаешь мой секрет, я тоже знаю один — секрет твоего сына, — предостерёг Володя.

— Всё это между нами, Володя! Вообще всё: и встречи, и звонки, — заверила Маша.

— Хорошо, что мы поняли друг друга, — собираясь с мыслями, сказал Володя. Вздохнул: — Врач мне не помог! Но он внушил, что это самая настоящая болезнь, я по-другому уже не мог думать. Даже когда мне снился... — он осёкся. — Когда я служил в армии — два года среди парней, — чуть с ума не сошёл. Думал, что моя тяга к ним, — это рецидив болезни. А потом, когда вернулся на гражданку, пересиливая себя, продолжил приглядываться к девушкам. В итоге, уже переехав в Харьков, всё же решился пригласить одну на свидание. Это и была Света. Мы познакомились случайно — и не в целях терапии. Всё вышло само собой, мне было с ней очень легко. Вскоре я внушил себе, что влюбился.

— У тебя с ней получалось? Ну... ты понимаешь... — она понизила голос: — ...секс.

Володя тяжело вздохнул, даже слишком тяжело.

— Да, получалось... В общем, она сказала, что забеременела, я сказал, что женюсь. Даже родителям сообщили. Но пото-ом... — протянул он и резко оборвал мысль. — Это физиология, Маш. То, что происходило и будет происходить со мной, — это физиология, тут никуда не деться, пойми это.

— Ты что, изменял ей с мужиками?! — охнула Маша.

— Нет! — заявил Володя. — Да я бы и не успел. Это была ложная тревога. Света не обманывала, произошёл какой-то сбой. Но если бы мы женились, думаешь, долго бы я продержался, прежде чем изменить? И сколько раз потом изменил бы, всего один? Очень сомневаюсь. А если бы я полюбил кого-то? Не так, как Свету, а по-настоящему, как когда-то Юру — душой и телом?

— И что в итоге? Полю...

— Нет, — перебил её Володя и сразу продолжил, чтобы не дать шанса развить эту тему: — Не повезло мне. А может, наоборот, повезло, я не знаю. Маш, я рассказал тебе это только по одной причине: чтобы объяснить, что «врачи» способны испоганить жизнь не только своему пациенту, но и другому человеку или даже целой семье. Не верь им.

Маша разочарованно промычала:

— Ну во-от. А к батюшке-то мне сходить можно, а? Уж святой-то человек точно не навредит, а поможет.

— Если он и поможет, то только тебе. Правда, не представляю, какому святому нужно свечки ставить...

— Пантелеймону-целителю! — уверенно заявила Маша. — И молитву надо читать. Хочешь, тебе дам?

— Ходила уже, значит... — протянул Володя полушёпотом, затем участливо поинтересовался: — И как, стало тебе полегче?

— Мне? А при чём здесь я? Я же за Димочку молилась, ему должно полегчать. Я и за тебя помолилась, кстати. Вот и спрашиваю — полегчало?

Володя закатил глаза и приложил ладонь к лицу. «Так полегчало, что полночи о Юре думал», — чуть было не произнёс он вслух.

— Неважно, — отмахнулся Володя. Делать ему больше нечего, как в первом часу ночи вступать в религиозно-психологические споры.

— А я ещё знаешь, что... — на другом конце трубки послышалось шуршание. — Я тут в одной газете прочитала заговор.

— Заговор... — тупо повторил Володя, не удивляясь уже ничему.

Он снова лёг и накрылся одеялом с головой. Тем временем Маша щебетала:

— Я тебе сейчас прочитаю, а ты запиши и попробуй. Говорят, не одного мужика от этого дела отвёл... Там такая хорошая ясновидящая работает, Лисандра, очень дельные

советы даёт.

— Как сексуальность лечить? Ты серьёзно? — Володя не смог сдержать истерического смешка.

— Конечно! Сначала надо поймать двух спаривающихся мух и прошептать над ними...

Что конкретно нужно шептать над мухами, Володя не расслышал — он перевернулся на другой бок и разобрал только самый конец Машиной фразы:

— ...А потом поговорите с пациентом. Димой то есть. Ну, что скажешь?

— Я могу только повторять — шепчи своим мухам, что хочешь, ходи к попам, ставь свои свечки, но только не вздумай вести сына к шарлатану.

Володя уже засыпал. Они проговорили ещё пару минут, пока он не начал терять нить разговора. Маша казалась на удивление спокойной, больше не бросалась обвинениями, и Володя заснул с лёгким сердцем. Но снились ему не мухи.

Володе снились чьи-то руки. Большая смуглая кисть нависла над его обнажённым животом, длинные тонкие пальцы медленно опускались всё ниже и ниже. Володя ждал, когда они коснутся его, но пальцы замерли и стали таять в окружающем свете солнца, тонуть в звуках фортепианной музыки, что лилась из радиоприёмника. Пальцы дрогнули и опустились на живот, несмело очертили овал вокруг пупка — по коже пробежали мурашки. Володя хотел схватить эту руку, прижать её крепче, но тело парализовало, и он не мог ничего сделать, кроме как смотреть на неё и слушать нежные звуки фортепиано.

Но вдруг мелодию прервали дребезжание и грохот. Они звучали громче и громче, пока наконец не спугнули этот прекрасный сон.

Володя вздрогнул и сел. Сердце колотилось, на лбу выступил холодный пот, от мерзкого шума заболела голова.

— Телефон, — простонал он, догадавшись, и принялся шарить рукой по тумбочке.

Нашёл его и нажал ответить, не глядя на экран — всё равно не увидел бы имя контакта без линз или очков.

Спросонья Володя решил, что ему звонит Игорь из отпуска.

— Игорь? — раздражённо пробормотал в трубку. — Мне плевать, какой у тебя там в Турции часовой пояс, ты же знаешь, что здесь ещё... А который сейчас час?

В голове всплыло не время, а текущий месяц. Сентябрь. Володя вспомнил, что до отъезда Игоря ещё как минимум неделя. И, будто в подтверждение, в трубке надрывно всхлипнула женщина.

— Володя! — плакала Маша. — Умоляю тебя, приезжай! С Димой беда! Он ушёл из дома!

Сонный Володя поначалу не понял её.

— Так позвони ему, — равнодушно буркнул он.

— Он телефон выключил!

— Да ладно тебе, не паникуй, — вздохнул Володя и нацепил очки — настенные часы показывали четыре утра. — Ну загулялся парень, забыл зарядить телефон, сколько времени — не знает. С кем не бывало?

— Он сказал, что я больше его не увижу, собрал вещи и ушёл!

Её слова встревожили. Сонливость стала покидать Володю. Он догадался, что Маша вряд ли даст ему уснуть, и пошёл на кухню.

— Вы поругались? — буднично спросил он, но, когда наливал воду в стакан, замер: — Ты что, рассказала ему, что всё знаешь?!

— Да-а, — Маша завывала.

— И наорала на него?

Вместо ответа снова послышались всхлипы. Володя забеспокоился, но не за Диму, а скорее за Машу. Она и до этого была способна на разные глупости, а теперь, услышав от сына, что больше его не увидит, могла наломать феерических дров.

— Ты знаешь, куда он мог пойти?

— К Толе, с которым учится... Это он с ним... целовался! Я к его родителям... — Маша проглатывала целые слова. — Пусть знают, пусть... извращенец... я!

— Что? Что ты собираешься сделать? — На смену беспокойству пришла тревога — Володя, кажется, понял, на что именно решилась Маша. — Рассказать всё родителям его друга? Ты что, с ума сошла?! — Прижав телефон к уху плечом, Володя бросился одеваться. — Подожди хотя бы до утра.

— Нет! Он у них, он точно у них, я... — всхлипнула Маша.

— Не вздумай! — крикнул он. — Никуда не ходи, никому не звони, сиди дома, жди меня! Я скоро приеду.

Не отнимая телефона от уха, Володя собрался, вышел на улицу и сел в машину.

Он осознавал, что это не только не его беда, но и не его дело. Но Маша своими звонками и встречами, откровением и доверчивостью заставила Володю чувствовать себя причастным к судьбе этой семьи, не лишним и не чужим. И если раньше он остужал Машин пыл лишь разговорами, то теперь пришло время действовать, пришло время защитить, но уже не Машу, а Диму. И, может быть, его друга.

— Не смей вплетать сюда его родителей! — скомандовал он. — Ты знаешь этих людей? Хорошо знаешь?

— Видела отца вроде бы... может быть... — Маша будто захлёбывалась.

— И ты собираешься сказать незнакомым людям, что твой сын целуется с их сыном? — Володя говорил, лишь бы говорить, лишь бы просто потянуть время и удержать Машу на месте, пока не приедет к ней.

Маша была не подготовлена к подобному, поэтому и мучилась так сильно. Но кто этот второй парень — неизвестно. Тем более неизвестно, что у него за родители и как они отреагируют на новость. Реакции бывают разными, от драм вроде Машиной до настоящих трагедий — драк и попыток самоубийства. Володя не мог позволить ей спровоцировать что-нибудь в этом роде.

Володя ехал осторожно — солнце ещё не встало, не разогнало царящую на улице темень, вдобавок зарядил такой ливень, что стеклоочистители не справлялись, лишь на мгновение прерывали завесу воды на стекле. Несмотря на это, дорога пролетела в один миг. Ещё миг — и Володя оказался возле незапертой двери в Машину квартиру.

Казалось, заплаканная Маша постарела лет на десять. Она сидела на кухне, говорила с Володей по мобильному телефону, а прямо перед ней на столе стоял стационарный. Жёлтая пластмассовая трубка была снята, по кухне разносились и раздражали слух длинные гудки.

— Что ты делаешь? — спросил Володя, оказавшись у неё за спиной.

Маша не сразу заметила, что он уже сбросил вызов и стоит возле неё, поэтому ответила в трубку мобильного:

— Звоню его родителям. На домашний. — Маша всхлипнула и прокричала: — Полчаса уже звоню, а они не берут трубку!

— Успокойся. Давай я тебе валерьянки накапаю, или что у тебя есть от нервов?

Володя налил ей воды и, только когда кружка звякнула о столешницу, Маша обернулась.

Увидев Володю, обняла его так крепко, что он охнул. Уткнулась ему в живот и разрыдалась в голос. Володя положил трубку домашнего телефона, принялся неловко гладить Машу по плечу. Пытаясь успокоить, бормотал пустые утешения, а сам лихорадочно соображал, что делать.

Как только Машины рыдания приутихли, спросил:

— Ты не знаешь, есть ли у его родителей дача?

Маша расцепила объятия и посмотрела на него снизу вверх.

— Дача?.. Ты думаешь, Диму увезли на дачу? В лес?! — Она пришла в такой ужас от этого предположения, что вскочила с места.

— Нет конечно. — Володя усадил её обратно на табурет. — Может, просто родителей нет дома? Сегодня выходной, они могли уехать на дачу, если она у них есть.

Маша высморкалась, выпила принесённую Володей воду и, кажется, начала успокаиваться.

— Да, — тихо пробормотала она. — Они же не могут не слышать телефона. А раз гудки длинные, значит, он не выключен.

— Если только не вырубил звук... — задумчиво отметил Володя.

— Надо пойти к этому... Толе, — подала голос Маша. — Его дом через дорогу.

— Хорошо, но ты успокойся сначала. Где у тебя апте...

— Но я не знаю номер квартиры, а там пять подъездов! — простонала Маша, указывая пальцем на шкаф, где Володя надеялся найти успокоительное.

— Тогда подождём хотя бы до семи. Сама понимаешь, шататься по подъездам и ломиться в чужие квартиры в пять утра чревато...

Володя нашёл валерьянку. Наливая её в стакан, задавал вопрос за вопросом, пытался отвлечь Машину внимание от часов. Заварил себе кофе — взбодриться. Мысли едва ворочались — сказались дикая усталость вкупе с двойной дозой снотворного. А когда Маша снова схватила телефон, набрала домашний номер Толи и из трубки снова полились громкие, раздражающие гудки, вдобавок разболелась голова.

Что-то Володя упустил. В гомоне мыслей то всплывала на поверхность, то таяла какая-то идея. Явно хорошая, но Володя никак не мог её уловить.

Пока на глаза не попала газета.

— Вот я идиот! Ты говоришь, знаешь номер дома. А улицу знаешь?

— Угу... — вяло протянула Маша.

За эти несколько часов она так нервничала, что вымоталась и, казалось, вот-вот уснёт.

— И номер телефона! — Володя чуть не плюнул с досады. — У тебя есть «Золотые страницы»?

— Справочник? — не поняла Маша.

— Да, чёрт подери, справочник телефонов и адресов!

Маша ойкнула. Володя рявкнул:

— Неси сюда!

Полчаса спустя они стояли в подъезде Толиного дома и жали на звонок. За дверью слышались копошение и неразборчивый шёпот, но отпирать им с Машей не спешили.

— Дима, за тобой пришла мама, — устав ждать, сказал Володя.

Замок всё же щёлкнул, им открыл высокий, длинноволосый, угрожающего вида парень-неформал: весь в чёрном, опоясанный шипованным ремнём, на шее — несколько шнурков с разнообразными подвесками, руки в напульсниках.

«Должно быть, это и есть тот самый извращенец-совратитель», — решил Володя.

В последний раз он видел Диму давно, когда тому едва исполнилось четырнадцать, и выглядел он сущим ангелочком — белобрысый, большеглазый, словом, весь в мать. Поэтому и решил, что открыл им Толя.

Но ошибся. Зло глядя на Машу, парень закричал:

— Мама, я же сказал, не лезь ко мне!..

Володя перебил его. Негромко, но с нажимом велел:

— Не смей повышать голос на мать! И пусти нас внутрь.

— А это ещё кто? — обалдел Дима.

— Не узнал? Это дядя Вова, — едва слышно пропищала Маша. — Поговори с ним, от тебе поможет.

— Что? — хором воскликнули Дима и Володя.

— Мне не нужна никакая помощь! — рявкнул первый.

— Не в чем ему помогать! — заявил второй, а увидев ошарашенный взгляд Димы, обратился уже к нему: — Чего нельзя сказать о твоей матери. Пустишь нас или нет? Я понимаю, квартира чужая, но ты что, хочешь, чтобы это слышал весь подъезд?

Володя не собирался говорить с ним, он попросту не знал о чём. Сдерживать Машу — единственное, на что ему хватало сил и сообразительности после полубессонной ночи.

Стоя посреди просторной прихожей, он наблюдал за Димой и его другом. Обратил внимание на то, какими встревоженными, полными трогательного волнения взглядами они смотрели друг на друга. На пару секунд сердце Володи замерло от того, сколько нежности таил этот взгляд. Ведь когда-то на него смотрели так же, ведь когда-то так же смотрел и он.

— Разувайтесь, проходите, — робко предложил Толя, открывая дверь в кухню.

Маша скинула туфли и замерла, нерешительно глядя на сына.

— Думаю, вам лучше поговорить наедине, — сказал Володя. — Не будем мешать? — обратился он к Толе.

Тот кивнул.

Маша с Димой скрылись за дверью, и у Володи появилась возможность разглядеть того

самого Толю, кто, по Машиному мнению, был ненормальным, извращенцем и совратителем её мальчика. Совратитель тарасился на Володю серыми глазами на белом, как мел, лице. Белобрысые, идеально расчёсанные волосы добавляли ему ещё большей бледности. Толя был худым, если не сказать тощим, одет просто, но очень опрятно. Очков только не хватало — был бы типичный Шурик из «Операции “Б”».

Толя пригласил его в гостиную, но Володя предпочёл остаться здесь — на случай если и так нервная Маша сорвётся и, как обычно, не выйдет из кухни, а выбежит. Толя стоял рядом, явно чувствуя себя неуютно. Он предложил Володе присесть, но тот помотал головой, устало прислонился плечом к стенке шкафа. Огляделся вокруг.

Слева от него виднелась открытая настежь дверь комнаты, судя по лежащему на стуле рюкзаку — Толина. Володю поразила идеальная чистота этого места. Ни одной вещи не лежало где не следует, диван был застелен ровным, будто выглаженным покрывалом, пол сверкал на восходящем солнце, а в воздухе не кружило ни единой пылинки. Впрочем, в старых очках вместо линз Володя мог попросту не разглядеть пыли. Вся стена над диваном была увешана полками, которые просто ломились от книг. Конкуренцию книгам составляла только карта звёздного неба и пара фотографий.

— Любишь читать? — будничным тоном спросил Володя. Толя улыбнулся и закивал.

Володе стало интересно, что это за книги, но названия не разглядел. Пожалуй, одну книгу он узнал по яркой обложке — сам не читал, но в последнее время видел много рекламы.

— Читаешь Хокинга?

— Да. Астрофизика... интересно.

— Что ещё любишь читать?

— У меня в основном научное, — беззаботно ответил Толя, как вдруг напрягся, посмотрел Володе в лицо и настороженно спросил: — А вы... отчим?

Володю рассмешило такое предположение, но он сдержал улыбку и ответил серьёзно:

— Нет. Я... друг семьи.

Толя аж выдохнул. Наблюдая, как тает напряжение на его лице, Володя решил задать наверняка не самый приятный для Толи вопрос:

— Скажи, а твои родители знают о вас?

— Н-нет. Отец бы меня убил, если бы узнал.

— А мама?

— Мамы нет, — коротко ответил Толя. — Вы ведь отцу не расскажете?

— Это не моё дело, я ничего рассказывать не буду. Но Диминая мама может. Конечно, не со зла, а потому, что слишком переживает.

— И что делать? — Толя опустился на пуфик, беспомощно уставился в пол.

— Не знаю, — честно признался Володя. — Ты хорошо с ней знаком?

— Я её видел всего один раз.

— Толь, она убеждена, что ты пагубно влияешь на Диму, так сказать, сбиваешь с истинного пути. Тебе надо разубедить её. Показать, что ты человек, на которого можно положиться.

— Я попробую, конечно. Но думаете — поможет?

— Вряд ли она станет поддерживать вас как пару, но, может быть, успокоится. Сейчас она проходит через принятие. Я стараюсь ей в этом помочь, чем могу, но... у неё мышление такое... специфическое...

Он не договорил — из кухни донёсся неразборчивый возглас. Володя мигом сбросил ботинки и вслед за Толей устремился в кухню.

Маша сидела у стола, Дима навис над ней:

— Плевать мне на твои деньги, заработаю сам!

— Дима, у тебя будет всё, что хочешь, только поклянись, что больше никогда... — начала Маша, и Володю будто обухом по голове ударило.

В памяти мгновенно всплыл тёмный кинозал, ряды кресел, пыльный занавес, голос Маши.

«Поклянись, что вы больше никогда такого...»

Крик раскрасневшегося от гнева Димы вернул Володю в реальность:

— Я сказал, мне плевать!

— Меня хотя бы пожалей! — взмолилась Маша.

— Сама себя пожалей! Достала! Если тебя что-то во мне не устраивает — это твои проблемы, живи с ними сама! И вообще, уходи отсюда, не нужна мне такая мать!

Володя хотел вмешаться, но не успел. Заторможенный от переутомления, остался стоять как вкопанный. Он чувствовал себя глупо — на рассвете вломился в дом к незнакомым мальчишкам и теперь просто присутствовал, ничего не делая, ни в чём не участвуя.

Произошедшая дальше сцена заставила его не только чувствовать, но и выглядеть глупо — замереть с приоткрытым от удивления ртом.

Маша закрыла лицо рукой, поднялась со стула и устремилась из кухни вон, но ей помешали.

Толя, тихий, пугливый хлюпик, вдруг обрёл уверенность, смело встал в дверях, не давая Маше выйти, и прикрикнул на Диму:

— Нельзя же так с собственной мамой!

Дима закатил глаза, сложил руки на груди.

— А с собственным сыном так можно?

— Она же не понимает... — упорствовал Толя.

— Если она хочет, чтобы у неё был сын, ей придётся...

— А ну прекрати! — Толя топнул ногой. — То, что ты, весь такой оху... хрененный, принял и понял себя давным-давно, не значит, что все вокруг могут так же моментально с этим смириться!

Маша мигом перестала всхлипывать и удивлённо уставилась на Толю.

— Мария Сергеевна, присядьте, я вам воды налью! — не спросил, а приказал Толя. Маша села.

«А пацан-то с сюрпризом», — подумал Володя. Впрочем, он прекрасно видел, что Толино волшебное превращение, пусть и виртуозное, — притворство, нацеленное, как шоковая терапия, на то, чтобы утихомирить двух истериков. Толя взял контроль над ситуацией, но Володя заметил, как сильно на самом деле он нервничал — весь трясся. Но Володя даже позавидовал силе его духа и самообладанию в такой момент.

— Я вам пустырника накапал, — сказал он, передавая Маше стакан.

Маша выпила маленькими глотками и выдавила тихое «Спасибо».

Володя тряхнул головой, заставляя себя выйти из оцепенения, и начать действовать. Сказал:

— Вам с Толей надо познакомиться получше. А мы, — обратился он к Диме, — выйдем, поговорим по-мужски.

Дима настороженно кивнул.

Оказавшись в гостиной, Володя сказал:

— Если продолжишь вести себя с матерью как подонок, доведёшь её до того, что она расскажет его отцу. Ты знаешь, что тогда станет с твоим Толей?

В действительности это был просто вопрос. Володя понял, что Толя боится, и хотел узнать, чего именно. Но взбешённый Дима принял его слова за угрозу и, видимо, решил припугнуть Володю. Он прямо как Маша поджал губу, выкатил злющие глаза, ссутулил плечи, будто сейчас бросится на него. Прошипел с холодной яростью:

— Угрожаете, значит...

— Слушай сюда! — гаркнул Володя командирским голосом, выработанным за годы работы на стройке. На самом же деле поведение Димы его развеселило, но он не собирался это показывать. — Сейчас ты сядешь... — он расправил плечи, сощурил глаза, уставился Диме в лицо, — и намотаешь себе на ус, — шагнул к нему, — ради твоего же блага...

Володя шагнул ещё ближе, сощурился ещё злее, сжал кулаки, и Дима попятился назад.

— Сядь! — рявкнул Володя.

Дима сел.

Звучал и выглядел Володя пугающе, но он просто играл роль, чтобы не дать Диме даже повода подумать, что прекрасно его понимает и скорее на его стороне, чем на Машинной.

— Дима, я тебе не угрожаю, я тебя предупреждаю... — Володя говорил очень медленно, его тон смягчился. — Она у тебя истеричка, с ней надо поделикатнее. У неё сейчас земля ушла из-под ног, она способна сейчас на что угодно...

— Я не дам нас разлучить! — перебил Дима. — Ни ей, ни тебе, ни...

— И правильно — за то, что тебе дорого, надо бороться. Но будь умнее! Не провоцируй её, не доводи до истерик. Иначе хуже будет всем. А если ещё раз скажешь ей, что она тебе не нужна, я тебе голову оторву, понял?

— Понял, — сердито буркнул Дима.

— А теперь иди к ним и переведи её внимание на Толю, пусть расскажет ей, хорошо ли учиться, куда хочет поступать, что за отец у него, и всё такое прочее, что обычно интересует матерей.

Пусть Маша прямо этого не говорила, но Володе было очевидно, что Толя для неё — такое же вселенское зло, каким она считала Юру.

— А если она не будет слушать? — неуверенно, точно Маша, произнёс Дима.

— Разберёшься. Это же твоя мать, кому как не тебе уметь пудрить ей мозги. Толя для неё — исчадие ада. Придумай что-нибудь, чтобы выглядело, будто он на тебя хорошо влияет.

— Ладно, — протянул Дима и собрался уходить, но Володя его остановил:

— Подожди. Что у тебя за шрамы на руке? Покажи мне.

Дима замер, затем медленно, как механическая кукла, повернулся к Володе и с подозрением уставился на него.

— Вы-то откуда знаете?

— Твоя мама рассказала. Так откуда шрамы?

— Не ваше дело, вы вообще тут ник... — начал было Дима, но Володя не дал договорить. Он рывкнул так, что стрельнуло в висках:

— Откуда шрамы, я спрашиваю?! Покажи немедленно, иначе я сорву эти твои... как их... — громко начал и вяло закончил Володя — мозг отказывался работать.

— Да старые они, — ответил Дима, с досадой на лице стягивая напульсник. — В тринадцать лет страдал фигнёй. Влюб... неважно. Короче, давно это было. Сейчас даже стыдно — прятать приходится.

Володя посмотрел на его запястье, но ничего не увидел. Пришлось приглядеться, чтобы заметить очень тоненькие, очень маленькие полоски поперёк левого запястья, действительно старые. Он аж выдохнул — переживать и правда не стоило, но всё равно нашёл, что сказать Диме:

— Если такое желание повторится, позвони по телефону доверия. Скажи, что в девочку влюбился, они поверят и помогут. Но себе не вреди. Второй жизни у тебя не будет...

— Да знаю я, — Дима потупил взгляд.

— Ладно, — мягко произнёс Володя. — Теперь ступай. Понял, что сказать матери?

— Да понял-понял, — буркнул Дима.

Когда он удалился, Володя сел на диван и закрыл глаза. В висках пульсировала боль, в глаза будто насыпали песка. Надо было хоть чуть-чуть подремать перед работой. Он попытался расслабиться, всмотрелся в темноту под веками, и вскоре негромкие голоса на кухне стали отдаляться от него, а тело оцепенело.

Володя дремал, но дрёма больше походила на бред. Искажённые головной болью картинки мелькали перед внутренним взором. То звучали голоса, все как один похожие на его внутренний голос, то они перебивались неразборчивым гулом и дребезжанием, похожим на шум в электрощитке. Кожу покалывало, как от укусов комаров. Ему казалось, что он чувствует даже запахи: запах сирени, запах яблок. Будто ощущает прикосновение холодных губ к своим. И счастье.

Володя почувствовал, что в реальности его губы расплылись в улыбке. Сон начал таять. Снова послышались негромкие голоса на кухне, а восходящее солнце, стальное из-за серых туч, царапнуло глаза.

Нужно было идти в офис, поспать. Но сладкое оцепенение не спало, Володе было так уютно просто сидеть на диване. Зачем ему куда-то идти? До работы ещё много времени, что плохого в том, чтобы подождать Машу и проводить её до дома? Что плохого в том, чтобы ещё подремать? Что плохого в запахе яблок, кустах сирени и Юриных губах? Какой вред они могут ему нанести сейчас? Это двадцать лет назад из-за них он мог сломать себе жизнь, а до того как совершил первые ошибки, было счастье — молниеносное, всепоглощающее, огромное, как небо.

Юра поцеловал его — так, как мог поцеловать только Конев: внезапно, нелепо, поддавшись непонятному порыву. В то самое прекрасное мгновение мир Володи перевернулся с ног на голову. А когда это мгновение закончилось, на смену счастью тут же пришёл страх. И плохо, что первым был страх за себя. Паника обуяла Володю — неужели Юра прознал о нём и теперь издевался? Шутит? Хотел отомстить за что-то? За то, что

танцевал с Машей? За то, что отдал ей «Колыбельную»? Володю придавило отчаянием словно тяжелой каменной плитой, он не представлял, как будет дальше жить, ведь если Юра узнал, то и другие узнают!

Володя оттолкнул его сразу после поцелуя, ничего не спросив и ничего не объяснив. Он ответил ему злостью, не спал всю ночь, прокручивая в голове страшные мысли, и, только когда утром увидел бледного, такого же невыспавшегося Юру, немного утихомирил свою злость и решил разобраться.

Он до последнего надеялся, что Юра зло пошутил, и Володя простил бы ему это, чтобы сохранить их дружбу. Он попросил признаться, что Юра не хотел. Но одно сказанное им слово на корню срубило теплящуюся ещё надежду. «Хотел», — ответил Юра, и его взгляд был красноречивее любых слов.

И от этой честности, от осознания, что Юра не шутил, не баловался, не мстил, а хотел, действительно хотел его поцеловать, Володю охватил уже не страх, а абсолютный ужас. Страшно стало за Юру. Володя винил себя и только себя в том, что допустил это. Он заразил Юру, не уследил за собой, не смог удержать свои чувства и свою «болезнь»!

Когда Юра пропал после их короткого разговора, Володя прошёл все девять кругов ада. Он обегал всю «Ласточку» и прилегающие территории, плавал на лодке до заводи, в которой росли лилии, был под их ивой. Юры нигде не было! Володя перебрал в голове столько вопросов, нашёл на них кучу ответов и не был уверен ни в чём. Единственное, что ему оставалось, — найти и спросить Юру.

Нашёл. В сердце закралась маленькая искорка надежды — а вдруг всё, что Володя себе напридумывал, не так и страшно? Вдруг Юра способен принять, вдруг сможет понять? Володе нужна была хоть капля веры в море беспросветного отчаяния. И Юра дал ему эту веру, Володя рассмотрел в его глазах то же чувство, и оно совсем не казалось безумным.

В пустом зале театра, сидя на скамейке перед открытым пианино, одним тихим «Да», сказанным невпопад, Юра показал, что взаимность его чувств — это не горе, а самое настоящее искреннее счастье.

Но ведь окажись на месте Юры кто-нибудь другой, Володя свихнулся бы от внутренних переживаний. Но Юра обладал какой-то особой магией. Он... брал нахрапом. В моменты, когда Володя погружался в себя и ужасался от того, что находил там, когда снова начинал бояться самого себя, Юра будто бы за шкуру его вытаскивал и каждый раз доказывал, что Земля продолжает вертеться и даже Володя может быть счастливым, живя на ней.

Центральное место в той смене занимала театральная постановка. Всё крутилось вокруг неё. Но работа с актёрами, выговор Ольги Леонидовны за то, что они не укладываются в сроки, обдумывание декораций, плачущая актриса, которую отругала воспитательница, — всё это перестало волновать, когда Юра, дождавшись, когда зал опустеет, толкнул Володю в старый пыльный занавес, укутал и поцеловал. Да, в этом был весь Юра — он хотел, и он делал, не думая, не успев испугаться. Он хотел быть счастливым и делал счастливым Володю. Такой смелости можно было позавидовать, если бы Володя не понимал, какими серьёзными могут быть последствия.

Но он шёл у Юры на поводу. Сбежал с ним посреди ночи к лесу, чтобы, прячась за статуями пионеров, держаться за руки и трепетно целоваться. Или просил вторую вожатую Лену во время отбоя присмотреть за отрядом, а сам уходил с Юрой под их иву и спал там, лёжа у него на коленях. А разве мог Володя иначе? Ведь у них было так мало возможностей побыть вместе, а так хотелось, так безудержно тянуло к нему. Володя ненавидел в себе эту тягу, готов был сгореть заживо от одних только мыслей, но и противиться ей не мог. Когда им удавалось остаться наедине — это были невероятно яркие, светлые моменты. С Юрой он забывал обо всём: что вокруг них есть мир, жестокий и чуждой, что, кроме них, в нём есть другие люди — непонимающие, готовые осудить и закидать камнями... или рассказать старшим.

Но обо всём этом не думалось, пока рядом был Юра. Володе не нужно было никого и ничего, кроме него. Единственное, о чём в те моменты он жалел, — что у них было очень-очень мало времени, но и об этом он забывал.

Но самыми счастливыми моментами были те, когда Юра играл для него. Как же он это умел... Если бы Юра только видел себя со стороны. Он был прекрасен: такой вдохновлённый, такой настоящий, будто в музыке и только в ней он становился собой и ей открывался полностью. Благодаря Юре Володя смог забыть о том, что болен, и поверил, что с этим можно жить и даже больше — быть счастливым. Но тогда он до конца ещё не понимал, что это просто состояние эйфории и, стоит Юре исчезнуть, Володя пропадёт. Он боялся дня окончания смены, потому что придётся разъезжаться по своим городам, а одна мысль о том, что они будут порознь, причиняла боль.

Но оказаться порознь им пришлось ещё до того, как закончилась смена.

Володя до сих пор помнил то жуткое ощущение, когда их застали. Это был не ужас, не страх и не отчаяние. Володя будто провалился в глубокое, липкое, абсолютное ничто. Будто в одно мгновение закончилось всё, сама вселенная исчезла, а он остался в полной пустоте: то ли умер, то ли стал этой пустотой. И только потом, ожив через пару мгновений, казавшихся бесконечностью, осознал весь кошмар произошедшего. Но сразу после он подумал не о том, что теперь будет с ними, что им сделают и как с этим жить. Первым в голову ворвалось сожаление: «У нас с Юрой было очень мало времени, а теперь у нас отнимут даже его». И правда отняли.

Хлопнула дверь, в комнату вошла Маша, потрясла Володю за плечо.

— Спишь?

— Нет. Пора идти?

Маша кивнула и направилась в прихожую. В одну секунду обула туфли и, когда Володя приблизился, уже стояла готовая выходить. Одна, без сына.

— Дима с нами не идёт? — спросил Володя.

— Нет. Мы решили до вечера разойтись по углам, — сказала она. — Надо успокоиться, уложить всё в голове.

— Здоровое решение, — поддержал Володя.

Его порадовало, что провожать их вышел не только Толя, но и Дима. Оба спокойные, но как будто виноватые. Маша поцеловала сына в щёку.

Спустившись во двор, Володя сказал понурой Маше:

— Не отчаивайся. Жизнь на этом не закончилась, ничего страшного не произошло. Пойми, Дима каким был, таким и остался, просто теперь ты знаешь о нём чуть больше.

Они направились домой.

Рядом с ним по улице шла совершенно потерянная, убитая горем женщина. Она не замечала ничего вокруг. Володе даже пришлось подхватить её под локоть — споткнувшись о бордюр, Маша едва не упала в глубокую лужу.

Он остановился, потряс её за плечо — хотелось ободрить её. Она подняла на него рассеянный взгляд.

— Зайдёшь ко мне?

— Ладно.

Весь путь Володя думал о том, как ужасно устал. От всего: что не может нормально спать, что с таким трудом забытые воспоминания снова всплывают в сознании и застают врасплох. А ещё устал жалеть об утраченном. Казалось, что он на самом деле сходит с ума. Он привык чувствовать твёрдую почву под ногами, но всё произошедшее за последние недели выбило её из-под них. Его реальность стала зыбкой.

Хотелось вернуть всё на круги своя, обрести стабильность, оказаться в привычных обстоятельствах или хотя бы создать иллюзию, что всё в порядке, почувствовав рядом твёрдое плечо.

Володя достал телефон и написал сообщение Игорю:

«Встретимся сегодня? Мне очень надо. — И, подумав, добавил: — Соскучился».

Игорь ответил молниеносно: «Не могу. Прости, зай, я в командировке до завтра. Целую».

Володя убрал телефон в карман и так тяжело вздохнул, что Маша услышала и прокомментировала:

— Да. Коньяку бы сейчас... пятизвёздочного... стоит у меня как раз.

— А давай, — поддержал Володя. Вообще он не любил алкоголь, но сейчас не отказался бы.

— Серьёзно? С самого утра?

— А что? Я ни разу в жизни не пил коньяк на завтрак, так почему бы не попробовать? А тебе, кстати, уже давно стоило как следует напиться.

Маша засмеялась. Володя даже не поверил своим ушам — за последнее время он успел забыть, что она вообще умеет смеяться. Да и собственного смеха он не слышал уже давно.

— Ну... У меня-то выходной, — всё ещё сомневалась Маша, — мне всё равно, но как же ты? Ты на работу пьяным пойдёшь?

Володя задумался. Оценив своё самочувствие, он понял, что на работе пользы от него будет мало. И даже больше — ему в таком состоянии не следует даже садиться за руль.

— Да нет, домой поеду, — ответил он. — На такси.

— Хорошо. Но пить будем дома. Я тебя таким борщом накормлю!.. — Володе показалось, что фраза прозвучала кокетливо.

И правда. Такого вкусного борща Володя в жизни не пробовал. А может, он так сильно проголодался — в последний раз ел часов двенадцать назад.

— Так о чём с Димой договорились? — спросил он, разливая коньяк по стопкам.

— Ни о чём, Дима упрямится, гнёт свою линию, я — свою.

Они чокнулись без тоста, выпили. Володя не ощутил ничего: ни жжения в горле, ни даже вкуса. Налил ещё коньяка и спросил:

— Дима упрямится расстаться с Толей? А ты сама на его месте согласилась бы?

— Володя, — Маша сказала это таким тоном, будто уговаривала ребёнка, — но это же блажь...

— Тебе-то откуда знать, что это для него?

Они опрокинули ещё по рюмке. Володя снова налил и спросил будничным тоном:

— Кстати, как тебе Толя? По-моему, неплохой парень, серьёзный. Астрофизикой интересуется и, как я понял, собирается связать с ней жизнь.

Маша молча смотрела в окно. Володя добавил:

— Заметила, какой чистюля?

Маша обернулась к нему и улыбнулась.

— Ты мне что, зятя сватаешь? Расхваливаешь: серьёзен, умён, будет хорошим хозяином... хотя, наверное, правильнее хозяйкой? Или как вообще?

— О, смотрю коньяк начал действовать, — улыбнулся Володя. Маша рассмеялась.

— Маш, а какая тебе, в сущности, разница, кого любит твой сын? Главное ведь, что любит и что это взаимно, разве не так?

Володя ощутил, как кровь приливает к щекам, в горле приятно покалывает, а сам он становится разговорчивее.

— Боюсь за его будущее, — вздохнула Маша. — Я так надеюсь, что он хотя бы

бисексуал...

— Ну будет у него девушка, и что это даст?

— Тогда у него будут дети, а у меня — внуки!

— Окей, у тебя есть сын, и ты счастлива?

— Налей ещё, — был Машин ответ.

— Я понять не могу: ты о нём думаешь или о себе? — спросил Володя, протягивая ей рюмку. — Допустим, ты заставишь его сделать то, что требуешь, он поддастся, женится и родит тебе внука. Тогда ты будешь довольна?

— Ну, да-а-а, — протянула Маша, подозрительно глядя на него.

— А когда бросит жену или будет ей изменять?

— Вот нормально же говорили, а теперь ты снова пытаешься загнать меня в угол! — рассердилась она.

Встала, разлила по рюмкам коньяк, выпила.

— Нет, я просто размышляю, — успокоил Володя. — Вообще, я считаю, что Дима должен быть в первую очередь порядочным человеком и не предавать тех, кто от него зависит. А уж кого именно он будет любить — дело второе.

— Володя, но ведь большинство гомосексуалистов одиноки, а если Дима заведёт нормальную семью, он одинок не будет.

— А разве ты, гетеро, не одинока?

Маша наклонила голову и пристально посмотрела на него чуть замутнённым взглядом.

— А ты?

Володя промолчал.

Они оба снова помрачнели, а на кухне на несколько долгих минут воцарилась тишина.

— Не хочу больше о грустном — устала, — сказала Маша, включила радио и прислушалась. Зазвучала смутно знакомая музыка.

— Ой, это же песня нашей молодости! — встрепенулась Маша. — Помнишь, как мы с тобой под неё в лагере танцевали? Ох как мне завидовали девчонки. Давай потанцуем?

— Не, мы танцевали не под эту, — ответил Володя, узнав песню «Странные танцы» группы «Технология».

— А под какую?

— Не помню, — пожал плечами Володя.

— Ах да, точно. Под эту я с Козлом танцевала. А не всё ли равно, давай!

— Давай, — улыбнулся Володя, поднимаясь и протягивая ей руку. Едва встал, как в глазах поплыло — алкоголь ударил в голову.

Володя прибавил громкость — грустная мелодия наполнила помещение. Маша положила руки ему на плечи, он — ей на талию, и они неспешно закружились по тесной кухоньке.

Володя вспомнил, как однажды в «Ласточке» на планёрке старшая воспитательница Ольга Леонидовна ругала его, что он не ходит на дискотеку и не танцует с детьми: «Даже если твой отряд в это время спит, ты всё равно вожатый, а вожатый должен танцевать с детьми». Вспомнилось и то, как Юра, сидя рядом на карусели, уговаривал его пойти на дискотеку, а потом, когда добился своего, со злости и ревности швырнул в него яблоко.

Володя вздохнул.

Мелодия лилась, их танец продолжался. На строчках «до конца не простив всё прошедшее мне, ты не спишь, как и я сейчас» Маша остановилась.

— погоди. — Она взяла полные коньяка рюмки со стола, протянула одну Володе. — Давай выпьем за прощение. Прости меня за то, что я сделала тогда. А я прощу тебя за то, что не любил.

В глазах у неё стояли слёзы. Маша прижалась к нему как ребёнок, положила голову на плечо. Слишком близко, но Володя не стал её отталкивать. Медленно кружась с ней, он смотрел в окно, на двор, на косые солнечные лучи, что пробивались сквозь тучи и стрелами пронзали желтеющую листву яблони. Она была огромная, совсем как та в «Ласточке». Володя заставил себя отвлечься и прислушался к песне, но легче не стало. У него само собой вырвалось:

— Будто про нас с Юрой песня.

— А кстати, что с Юрой? — пробормотала Маша ему в плечо.

— Не знаю, — отрезал Володя. — Не хочу об этом.

— Ладно... — протянула она. — Ох, Володь... скажи мне кто-нибудь тогда, в лагере, что двадцать лет спустя пьяная буду танцевать с тобой на моей кухне, ни за что бы не поверила.

— Видишь, как бывает.

Володе казалось, что музыка окружает их, толкает друг к другу, заставляя сблизиться сильнее. Видимо, и Маша ощутила это, разоткровенничалась:

— Я любила тебя, ты знаешь?

— Знаю. А я хотел только дружить с тобой. И, как видишь, оказался прав — дружба сильнее любви.

— Да уж, она поддерживает, а не мучает.

— Прости за то, что не смог ответить тебе взаимностью, — негромко сказал Володя. — Я хотел, чтобы тебе было легче, но даже сейчас не знаю, как бы мог помочь тогда.

— Не извиняйся. Я тогда чуть не разрушила тебе жизнь.

Володя подумал: «Я сам её разрушил».

Песня закончилась, они сели. Оказавшись перед Машей, Володя посмотрел ей в глаза:

— Опять не туда свернули.

Маша кивнула. Они помолчали, потом выпили ещё и ещё, и вдруг время будто ускорило. Они окончательно опьянели, а разговор потёк, сам собой став беззаботнее и легче. Они говорили о разном будничном: о ремонте Машиной квартиры, повышении цен на коммунальные услуги и курсе доллара. Как вдруг ни с того ни с сего Маша оживилась, глуповато улыбнулась и воскликнула:

— Володь, а расскажи про себя, как ты сейчас живёшь?

— Ну, работаю, — Володя аж растерялся. — Живу в частном доме.

— У тебя кто-нибудь есть?

Володя кивнул и, чуть пошатнувшись на старой неустойчивой табуретке, ответил:

— Собака есть.

— Нет, я про другое. Ну, это... — она нелепо подмигнула, — есть кто?

— А... ну да, вроде того.

— Расскажи. Кто такой, как зовут? Вы вместе живёте?

Володя усмехнулся:

— Живи мы вместе, думаешь, я бы мог бегать к тебе по первому зову? Нет конечно.

— А почему не живёте?

— Он женат, у него семья, дети, — ответил Володя и невпопад добавил: — А у меня только собака...

— Получается, ты — любовник? Во дела... Нет, ты достоин большего. — Маша воздела палец вверх. — А может, ну их, этих мужиков, а? Мужики ж такие козлы! Найди себе хорошую бабу, чтобы варила борщи и давала по требованию!

Володя расхохотался. Маша возмущённо посмотрела ему в глаза и добавила твёрдо:

— Нет, я серьёзно!

— И изменять ей с Игорем? Или что, может, вообще шведскую семью завести? Нет уж Маш, я за честность — партнёр у меня должен быть один.

— И ты любишь этого Игоря?

— Нет, не думаю. А что?

— Да вот интересно, на хрена он тебе нужен тогда. Для здоровья? Просто и бабу можно для здоровья...

— Маш, прекрати!

— Всё-всё... я просто, ну знаешь, типа раз не любишь, то как бы заключи доро... говор.

— Ты уже заговариваешься.

Володя хмыкнул, а вот Маша была серьёзна:

— Ну да, ну да. Слу-у-ушай, Володь, ты говоришь, Игорь. А почему Игорь, почему не Юра? Почему ты его бросил?

Володя развёл руками, как бы говоря: «Не знаю», но тут же безвольно уронил их на колени.

Маша перегнулась к нему через стол, нахмурившись, посмотрела в глаза и залепетала:

— Ой, Володя, солнышко, ну что ты, ну... у тебя лицо, будто ты сейчас заплачешь. — Протянула к нему ладонь, погладила по щеке.

— Я не бросал его, — с трудом выдавил из себя Володя. — Я его любил. Только его. Никого больше — никогда. Но так и не сказал — не успел.

Маша прикрыла рот ладонью, тихонько охнула:

— А что с ним случилось?

— Не с ним, а со всеми нами. Девяностые.

— Вы что, после «Ласточки» больше не виделись? — догадалась Маша.

Володя покачал головой.

— Мы переписывались несколько лет, потом меня забрали в армию, а Юра уехал в Германию. Мы просто потерялись. Такие времена тогда были... сложные. Сама понимаешь. А я, дурак, решил, что там ему будет лучше. Что раз наши пути разошлись, такова судьба... До сих пор жалею, что тогда не поискал по-хорошему — не спрашивал у соседей, не обзвонил знакомых. И потерял его окончательно.

— Неужели ничего не осталось: ни адреса, ни телефона? Вообще ничего?

— То, что осталось, не помогло мне его найти.

— Скажи, в том, что вы так разошлись, я не виновата? — Маша стиснула его руки в своих. — Я ведь вмешалась однажды, так, может быть...

— Нет. Виноват в этом я. Хотел его уберечь от себя, от своей участи.

Маша отпрянула, откинулась на спинку стула, посмотрела на него серьёзно, сложила руки на груди.

— Не нашёл тогда, значит, найдём сейчас! Чем он может сейчас заниматься, ты знаешь?

— Нет, да и откуда? Все мосты уже давно сожжены.

— Тогда он занимался музыкой, может, продолжает до сих пор?

— Может быть... — нахмурился Володя. — Почему ты так настойчиво интересуешься?

— Мне кажется... это маловероятно, но вдруг это Юра... вдруг... — Маша встала и принялась ходить по кухне кругами. — Недавно я видела одну афишу у филармонии. Я просто проходила мимо, особо не вглядывалась, но мне запомнилось, что там было написано, будто скоро выступит какой-то дирижёр Конев. На имя не обратила внимания, откуда приедет — тоже не знаю. Но вдруг это он?!

Володя не принял эту новость всерьёз. Он был твёрдо уверен и попросту не мог вообразить, что сказанное Машей — правда. «Нет, — думал Володя, — это либо какая-то выдумка, либо полуправда». Маша аж светилась от радости, сообщая ему эту новость, и Володя решил: она так сильно хочет порадовать его, что сама себя убедила, что приезжает Юра. Когда на самом деле либо это была афиша не концерта, а фильма, либо фамилия была не Конев, а какой-нибудь Канёв, либо, что... Да что угодно, но это не Юра.

Но свою теорию он не стал озвучивать вслух, не стал даже спорить.

— Нет, Юра же пианист. Тем более Конев — не самая редкая фамилия. Мало ли сколько существует на свете музыкантов Коневых, Коневых строителей, реализаторов...

— А ты узнай! — Она протянула ему телефонный справочник. — Вот позвони в филармонию, она через час откроется...

— Нет, даже не уговаривай. — Володя отвернулся к окну. — Не вселяй ненужных надежд.

— Чего ты так сразу в штыки? Зачем надеяться — ты просто проверь!

— Маша, я не хочу проверять! — Отрезал он и встал. Эта тема оказалась для него не просто неприятна, а даже болезненна.

Этот разговор, Маша, её кухня, серый день за окном в один миг стали противны настолько, что Володя решил как можно скорее уйти отсюда. Маша тоже поднялась со стула, встала в дверях кухни, посмотрела на него снизу вверх.

— Почему? Я не понимаю — объясни!

— Если я хотя бы на одну минуту допущу такую возможность, то стану надеяться. А если ты ошиблась и надежды не оправдаются, мне будет больно, понимаешь? Больно!

Достаточно хорошо объяснил?

Настроение мигом упало ниже плинтуса. Володя взглянул на часы. Маша оказалась права: филармония действительно откроется через час. Но Володя и правда не собирался туда звонить.

— Я пойду, — сказал он, отодвигая Машу от двери.

— Куда? — спохватилась она. — Поздно же... Ой, то есть рано.

— Домой.

— Зачем? Остайся, я постелю тебе на диване. Выспишься — сам уедешь.

— Собаку надо покормить. Я забыл в спешке, — бросил Володя, выходя.

4. Симфония хаоса

Вчерашний коньяк, распитый на двоих с Машей, нагнал сонливость, но никак не поспособствовал здоровому отдыху. Володя лёг спать, как только вернулся домой, и сразу же провалился в липкую пьяную дрёму, которая вылилась в некрепкий похмельный сон. Проснулся ночью от дикой головной боли и дерущей сухости во рту. Выпил таблеток, смешав аспирин со снотворным. Помогло так себе. Он вроде бы уснул, но в беспокойном сне ему было холодно и жарко одновременно, он слышал тихий, осторожный стук каблучков о деревянный настил и плеск речной воды о борта лодки.

Его разбудил внезапный грохот — стук капель о брезент, и Володя не сразу понял, что этот звук ему тоже приснился. Володя сел на кровати, уронил тяжеленную голову на руки, минут пять тёр лицо и пытался вернуться в реальность. Как же он ненавидел эти сны. Его подводило собственное сознание, будто настроившись против него, и несколько последних ночей опутывало паутиной безумия. И самое ужасное, что это безумие было слишком приятным, слишком желанным, чтобы Володя хотел с ним бороться.

На ощупь найдя на тумбочке очки и телефон, он набрал короткое СМС Игорю: «Мне очень нужны таблетки. Сегодня».

Тот ответил не сразу, а ближе к обеду: «Я ещё еду, постараюсь сегодня вечером. Время и место — позже».

И теперь, сидя в своём кабинете над документами, он пытался собрать последние силы, чтобы дожить до встречи с Игорем.

Володя перевёл взгляд от плывущих перед глазами цифр в накладных на две пустые чашки кофе — белые, с логотипом компании. Подумал, что надо сходить ещё за одной, но тут же себя остановил — бесполезно. Кофе уже не бодрил, а лишь добавлял нервозности.

Пискнул телефон.

«В пять на Спортивной. Успеешь?»

Володя взглянул на часы. С усилием моргнул, пытаясь рассчитать элементарное: через сколько ему нужно выйти из офиса, чтобы забрать машину из Машиного двора и не опоздать к Игорю. Получилось со второго раза.

Ответив на сообщение, он снова попытался заняться накладными, но спустя минуту понял, что это бесполезно. Сегодня он не был способен на хоть сколько-то продуктивную работу, ещё и пасмурная погода давила на виски, вызывая сонливость.

До встречи с Игорем оставалось чуть меньше двух часов. Володя откинулся в кресле, упёрся затылком в мягкий подголовник и прикрыл глаза. А очнувшись, понял, что уже опаздывает. Короткий сон — скорее даже не сон, а просто провал в бессознательность — такой бывает от сильного переутомления. Володя даже прошедшего времени не почувствовал, но немного взбодрился. Он попрощался с Лерой, натянул пиджак и выбежал из офиса к ожидающему такси — он передумал садиться за руль сегодня.

Игорь же был на машине. Посигналил вышедшему у метро Володе, тот сел на пассажирское сидение. Когда Игорь открыл свой портфель и протянул ему листок с рецептом, Володя поймал себя на забавной мысли, будто он наркоман, у которого ломка, а Игорь — его драгдилер.

— Мда, выглядишь совсем уныло, — прокомментировал он, отъезжая от метро и паркуясь у высокого некрасивого здания. — Этот препарат значительно сильнее, принимай по половине таблетки, в крайнем случае — целую. Те, что я выписывал раньше, совсем перестали помогать?

— Ну так, как-то помогают, но не вырубают окончательно. Сны... скорее кошмары. Не дают выспаться.

— Какие кошмары? Как раньше?

Володя ощутил себя неуютно от этого вопроса. Да, Игорь всё о нём знал, включая причины многих кошмаров, которые так же, как и сейчас, преследовали его в прошлом.

— Да вроде того, только...

Игорь перебил его:

— Это из-за отца? Прости, из-за его смерти? — И, не дождавшись ответа, продолжил: — Это прозвучит цинично, но скоро тебе действительно станет легче, потому что из твоей жизни навсегда ушел главный раздражитель.

— Отец? — нахмурился Володя.

— Да, — невозмутимо ответил Игорь. — Помнишь, каким ты был, когда мы только познакомились? — Он указал на Володины руки. — И как быстро тебе полегчало, когда ты переехал от источников проблемы — от родителей.

Володя помнил: Игорь тогда разложил всё по полочкам. Казалось, он знает про него больше, чем он сам. Именно Игорь утверждал, что дома Володя не чувствовал себя в безопасности, а наоборот — ощущал давление и не мог расслабиться.

Вот только сейчас всё это было совершенно ни при чём. Володя прекрасно понимал, что смерть отца — это лишь спусковой крючок всей этой эмоциональной нестабильности, в которой он пребывал. И что самая основная причина — это его не вовремя вернувшиеся воспоминания, которые, казалось, должны были уже давно потускнеть.

Но Игорю он об этом рассказывать не хотел. Слушать ещё один психологический ликбез на тему причин и следствий, почему у Володи едет крыша? Спасибо, увольте.

Он и сам понимал, что крыша у него уже давно не на месте.

Отрепённо глядя в окно, Володя зацепился взглядом за огромную зелёную вывеску «Старт».

— Ты спешишь? — спросил он у Игоря, будто тот и не ждал от него никакого продолжения разговора об отце.

— Не сильно. — Игорь взглянул на наручные часы. — Мне в семь нужно забрать Соню...

— Может, мы тогда... — он кивнул на двери под вывеской.

Игорь удивлённо изогнул бровь.

— Серьёзно — сюда?

— А какая разница?

— Да уж ты-то у нас всегда вроде бы за комфорт. Хотя... Учитывая твоё состояние, вижу, что тебе всё равно.

— Зато тут точно есть места.

Игорь нахмурился.

— А ты вообще хоть на что-то способен?

Володя лишь пожал плечами, а про себя подумал, что если внезапно уснёт в процессе — такой результат его тоже вполне устроит.

Неприветливая грузная тётка за стойкой администрации, даже не поздоровавшись, сразу выдала:

— Номера только двухместные!

— Хорошо, подходит, — просто сказал Володя, не обратив внимания на негатив в свою сторону. Спокойно положил на стойку паспорт. — Любой.

Пока она записывала данные в старый пожелтевший журнал — ни о каком компьютере и речи не шло, — Володя бегло рассмотрел холл. В другой раз его, может, и удивила бы обветшалость и неопрятность обстановки, но сейчас он едва ли был способен на удивление. Гостиница будто застыла во временах СССР, давно не видела ремонта, лишь разрушалась с годами. Тяжёлые волнистые шторы, пыльные ковры, искусственные пальмы в пластиковых горшках, потемневшая деревянная мебель в трещинах лака — всей этой бутафорией пытались скрыть тот факт, что раньше здесь было обычное то ли семейное, то ли студенческое общежитие.

Лифт и вовсе оказался чуть ли не археологической находкой — дребезжащий и гремящий, он так хлопнул створками, когда закрылся, что Володя вздрогнул. Этому лифту для пушего устрашения не хватало лишь матерных надписей на стенах и выжженных кнопок.

— Мда... — протянул Игорь, когда Володя открыл двери номера, — какой-то клоповник. Вов, куда ты меня притащил?

— Ты можешь уйти, — не подумав, бросил Володя. Прозвучало, наверное, обидно. За спиной раздался тяжёлый вздох.

Скинув пиджак, Володя оглядел комнату и уныло улыбнулся. Её ровно пополам делил

вытертый ковёр — красный с зелёными полосами. Две старые тумбочки — кажется, действительно ещё общажные. У стен друг напротив друга — две одноместные кровати, а на них — подушки, торчащие у изголовья треугольниками.

— Если я принесу домой Лидке блох, она меня убьёт.

Володя передёрнул плечами.

— Блохи на людях не живут.

Он уселся на кровать, упёрся затылком в стену. Лениво оглядел Игоря. Красивый, вообще-то. За прошедшие восемь лет его внешность стала привычной, но Володя помнил, как когда-то приходил в восторг от мысли, что этот мужчина принадлежит ему. Не полностью, была ещё жена и, возможно, другие любовники. Но в моменты близости Игорь вёл себя так, будто действительно принадлежит только ему.

— Рассматриваешь, будто впервые видишь, — подходя к нему, хмыкнул Игорь. Склонился над ним, протянул руку, ослабил узел его галстука. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, задел прохладными пальцами шею. Володя дёрнулся — не от пальцев, а от внезапного образа, что ворвался в голову.

Там тоже был галстук, только красный. И холодные пальцы — Володины. И вздрагивающий, красный от смущения Юра перед ним и его тёплая шея, которой, будто ненароком, касался Володя, помогая завязывать ему тот злосчастный галстук. Тогда он считал себя преступником — потому, что допускал эти прикосновения и врал самому себе, что это случайность.

Игорь его поцеловал — быстро, напористо, пылко, а у Володи внутри ни один нерв не дрогнул. Он не спал, но казалось, что проваливается во что-то очень напоминающее сон — там пахло пылью, и его тоже быстро и напористо целовали.

Телом он был тут — хотел Игоря, действительно хотел, прямо сейчас. А сознание было значительно дальше и не могло ухватиться за реальность. Будто спичка чиркала о вымокший коробок — трение есть, а огня нет.

Внезапно щека вспыхнула болью. Игорь ударил его — несильно, скорее пытаясь привести в чувство.

— Эй, ты вообще здесь?

Володя поднял на него мутный взгляд. Щеку немного покалывало.

— А сильнее можешь?

И Игорь даже не стал ничего уточнять — замахнулся и ударил раскрытой ладонью по другой щеке, ощутимо сильнее, чем в первый раз.

Скулу буквально обожгло, реальность стала ярче. Володя почувствовал, как горячая волна спускается от щеки по шее и ниже, а сознание возвращается.

Он подвигал нижней челюстью и приказал:

— Ещё!

От нового удара щека просто загорелась, Володя аж хватанул ртом воздух. Он прикрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям: в голове звенела пустота, будто боль отгоняла воспоминания и не нужные сейчас ассоциации. Они копошились где-то там глубоко, придавленные болью, пытались прорваться. Но снова замолчали, стоило услышать шорох вытягиваемого из шлёвок ремня. Володя открыл глаза.

Игорь сложил ремень пополам. Проверяя, шлёпнул им себе по ладони.

— Так? — спросил он, усмехаясь.

За собственными мыслями — точнее, за их отсутствием, — Володя лишь вскользь подумал, что Игорь ведёт себя немного страннее обычного.

Но было плевать. Разминая шею и даже предвкушая, Володя медленно стянул с себя рубашку.

— Брюки тоже. И бельё, — велел Игорь.

На секунду Володю покорило — он не привык, чтобы ему приказывали. Но тут же послушно расстегнул свой ремень, скинул туфли и, приподняв бёдра над кроватью, вылез из брюк.

«В конце концов, — оправдываясь, сказал самому себе, — это игра, и Игорь делает всё по правилам».

— Перевернись.

Володя, сцепив зубы, послушался. В нос ударил запах залежавшихся перьев — хоть от наволочки и пахло порошком, сама подушка была старой.

Привязать руки оказалось не к чему — спинка кровати была обычной деревянной панелью. Володе пришлось просто ухватиться за её край.

«Что же ты делаешь?» — спросил какой-то внутренний голос, но Володя отмахнулся от него, сильнее уткнувшись лицом в подушку — так, чтобы ничего не видеть. Почувствовал, как прохладные пальцы касаются спины.

— Ещё с прошлого раза следы остались, — пробормотал Игорь.

Володя предпочёл сделать вид, что ничего не слышал. Он терпеливо ждал, и чем больше Игорь медлил, тем сильнее Володе хотелось уже приказать ему: «Давай!»

Но тот тянул время, гладил спину — так нежно, так аккуратно. И на эти прикосновения хотелось откликнуться, поддаться тем самым ассоциациям, мечущимся за завесой боли.

Как будто так уже было когда-то — он видел перед собой спину. Обнажённую, нагретую летним солнцем — его так манило дотронуться до неё, почувствовать её жар. Очертить пальцами три небольшие родинки на лопатке, а потом коснуться губами. Вобрать солнце, впитавшееся в эту кожу, дышать запахом — таким любимым, таким желанным и родным... Можно было бы сойти с ума в тот момент, если не отвернуться от загорающего на пляже Юры, глубоко дыша и пытаясь сосредоточиться на плеске воды в речке.

Пальцы Игоря так внезапно сменились жгучей полосой по центру спины, что Володя вскрикнул. И не успел даже снова вдохнуть, как на то же место обрушился ещё один удар. Володя застонал, чувствуя, как боль распространяется по всему телу, как от неё скручивает всё внутри. И как пустеет голова.

Ещё два косых удара по лопаткам — один за одним. Володя вцепился в изголовье кровати так сильно, что казалось, может сломать хрупкое дерево. Закусил угол подушки, глуша новый стон.

Ремень просвистел в воздухе и обрушился унижительным ударом по ягодицам, а следующий — выше. Володя закричал. От какой-то дикой, грязной смеси боли и обиды внутри всё сводило, он готов был уже попросить Игоря остановиться, только бы... только бы он...

«Что же ты делаешь? — снова ворвался в сознание далёкий, но знакомый голос. — Зачем?»

И такой яркий образ встал перед ним, будто под закрытые веки залили жидкий

солнечный свет: непослушные жёсткие волосы, большие карие глаза, опущенные уголки губ. И вдруг — звонкий смех, стирающий гримасу обиды с красивого лица.

А на контрасте — прохладные пальцы Игоря, которые казались ледяными на покрасневшей, горячей коже. Он чертил линии на бедрах вдоль полос от ремня.

«Зачем?» — прозвучало снова, будто Володино сознание пыталось его добить.

И он, пытаясь убедить самого себя, ответил тому далёкому голосу:

«Тебя давно нет».

Он поднял голову от влажной подушки, обернулся на Игоря. Тот покусывал нижнюю губу и диким, липким взглядом осматривал его тело.

Кровать скрипнула под весом Игоря, он огладил обеими руками Володины бока, склонился над ним, ткнулся носом в волосы на затылке, поцеловал ниже — в шею, спускаясь по позвоночнику. Прижался всем телом, лёг ему на спину.

Володя уловил тонкий синтетический аромат клубники. Он узнал его — запах раздражал, но Игорю нравился этот гель, поэтому Володя покупал для него именно такой.

Ощущая, как влажные скользкие пальцы грубо касаются его ягодиц, Володя услышал возбужденный шепот:

— Ты прекрасен. Ты такой...

«Грязный!» — подсказал собственный внутренний голос.

«...самый лучший на свете, — сказал другой, тот, далёкий, — ты самый хороший человек... Это я испорченный, это я виноват, а не ты...»

— Давай уже, — выдавил Володя. Так хотелось заткнуть эти голоса, так хотелось, чтобы Игорь или снова ударил, или...

Но вместо этого по комнате разнесся противный писк звонка.

— Не бери, — шепнул Игорь, продолжая издеваться — поглаживая по животу, легко целуя лопатки.

Но звук раздражал, а вызывающий абонент не унимался: за первым раздался второй

ЗВОНОК.

Игорь рыкнул — его тоже раздражало.

«А вдруг мать?» — подумал Володя. Она редко звонила ему сама, чаще — он первым набирал. Вдруг срочно?

— Прости. — Пока он дотянулся до брюк и достал из кармана телефон, позвонили в третий раз. — Да серьёзно, что ли?

На экране высветилось имя Маши.

Сперва он хотел сбросить — она, конечно, смогла выбрать самый неподходящий момент. Но какой смысл, если она тут же перенаберёт снова? Не выключать же телефон?

Володя ответил:

— Маша, сейчас вообще не...

— Володя, срочно! Пожалуйста! — она орала в трубку дрожащим голосом. — Прошу!

— Да что опять... — Ему было сейчас так глубоко наплевать на её проблемы.

— Отец Толи всё узнал, я... Господи, я не знаю как... Что мне... Он же убьёт их!

— Где ты? — спросил Володя раньше, чем подумал, что вообще может сделать в этой ситуации.

— Возле Исторического музея. Ты приедешь? Пожалуйста!

— Да, я сейчас... — он завершил звонок, тут же вызывая такси.

— Ты серьёзно? — вспыхнул Игорь, пока Володя диктовал оператору адрес. — Что бы там ни было, это не может подождать?

— Нет, не может.

Где-то в глубине души вспыхнула секундная радость, что Володя не дал себе пасть настолько низко, а Игорю — закончить начатое. Да и продолжать уже не было никакого смысла — после Машиного звонка возбуждения как не было, спина ныла, а полосы на лопатке дико болели. И теперь уже боль не доставляла никакого удовольствия.

— Прости, Игорь, — одеваясь, сказал Володя. — Это правда срочно.

— У тебя там в трубке какая-то баба была, — хмуро ответил тот. — В натуралы записался?

— Не думаю, что это твоё дело.

Игорь явно опешил: одновременно удивлённо и обиженно вытаращился на него.

— Ты мне мстишь за что-то? Да?

— Не выдумывай, Игорь. — Володя уже подошёл к зеркалу, чтобы надеть галстук, но в последний момент плюнул — свернул его в трубочку и сунул в карман пиджака. — Давай, пока. Сдай, пожалуйста, ключи сам. Уверен, что в этом клоповнике даже не посмотрят, кто сдаёт.

Володя ехал в такси и не знал, на кого больше злился. На Машу, которая так не вовремя оторвала его? На чужой скандал, участником которого он теперь стал? Или на самого себя — за всё, что позволил и хотел позволить Игорю с собой сделать?

Он пытался выкинуть из головы навязчивую мысль о том, что, получая удовольствие от причиняемой боли, с помощью этих унижительных ударов хотел избавиться от воспоминаний. Хотел *ими* выбить из сознания самое ценное, что было в его жизни, самое дорогое. Юру. И паршивее всего было то, что у него это получалось — в какой-то момент он оборвал связь, смог заглушить тот далёкий голос. Он почти опустился до того, чтобы позволить другому человеку, *не Юре*, овладеть собой, заменить и предать Юру.

Маша ждала его у метро, прячась под зонтиком. Понуро опустив голову, она нервно теребила ткань длинного тёмного платья. Володя удивился — она будто бы смущалась, хотя ещё двадцать минут назад, по телефону, казалась крайне напуганной.

— Что произошло? Рассказывай, — с ходу начал Володя, подойдя к ней. — Ты оторвала меня от очень ...

— От чего бы я тебя ни оторвала, это важнее! — перебила его Маша, вскинув на него уверенный взгляд.

Володя удивился такой быстрой смене её настроения.

— Пойдём, — приказала Маша.

«И что ж мной сегодня все помыкают?» — буркнул про себя Володя, послушно шагая следом за ней.

— Куда мы идём?

Они спускались по Сумской. Отсюда ещё минут двадцать, и можно было бы дойти до дома Толи. Но почему Маша пошла пешком? Тем более в дождь.

— Маш? Ты меня слышишь вообще? Что там с Димой, Толей и его отцом?

Она резко остановилась возле филармонии, взглянула на двери, нахмурилась и вновь перевела строгий взгляд на Володю. Он даже предположил, что, возможно, окончательно рехнулся и Маши на самом деле тут нет — она ему или кажется, или снится. Иначе с чего бы вечно неумолкающая Маша ему не отвечала?

— Володя... — твёрдо начала она, но так и не договорила. Протянула к нему руки, застегнула верхнюю пуговицу на рубашке. Володя внутренне вздрогнул от мысли, что буквально час назад эту же пуговицу расстёгивал Игорь.

Вдобавок поправив ему волосы, Маша сказала:

— Просто пойдём внутрь. Я... мне правда без тебя не справиться.

Маша явно темнила, и Володя решительно не понимал, чего она добивалась.

Не говоря больше ни слова, она взяла его под руку и уверенно подвела к дверям филармонии. Толкнула их, с усилием потянула за собой Володю.

Стук её каблучков гулким эхом разнесся по пустому холлу старого здания.

— Маша, какого чёрта? — зло выругался Володя, и эхо тут же повторило за ним. Понизив голос, он прошипел: — Я же говорил тебе, ты обещала...

— Я ничего тебе не обещала — это раз, — таким же шёпотом ответила она, ещё крепче схватив за запястье. Володя, впрочем, не упирался. — А во-вторых, я всё выяснила — Конев...

Она не договорила. Перед ними, как чёртик из табакерки, появился работник театра:

— Соблюдайте, пожалуйста, тишину. Вы опоздали, концерт уже идёт. — Из-за высокой

вычурной двери, ведущей в зал, действительно слышалась музыка — одинокой скрипке сопровождало фортепиано.

— Извините, пожалуйста, — пролепетала Маша, суетливо роясь в сумочке. — Вот, — она протянула билеты, — пустите нас?

Капельдинер тяжело на них взглянул, нахмурившись, посмотрел билеты.

— У вас крайние места в десятом ряду. Обойдите с левой стороны, — и приоткрыл перед ними двери.

На Володю обрушились звуки музыки. Он сделал шаг в зал, лишь мельком заметив на сцене силуэт мужчины во фраке, стоящего спиной к залу. Маша схватила Володю за руку, со всей своей женской силой сжав его ладонь, будто понимая, что он может развернуться и уйти. Она потянула его за собой, на цыпочках пробираясь между рядами.

Места оказались не ахти какими — крайние в ряду, достаточно далеко от сцены. А Маша ещё и уселась у прохода, будто стараясь преградить Володе путь к отступлению.

Володя рассеянно рассматривал зал, намеренно не глядя в самый центр сцены, чтобы не замечать дирижёра. Поразила величественно возвышающемуся вдоль стены органу — Володя никогда раньше тут не был и не видел такого инструмента. Но сегодня органу предстояло молчать. На сцене под ним расположился небольшой оркестр: духовые, смычковые — Володя в этом не разбирался, — всего где-то двадцать музыкантов. Пока играла только скрипка — из-под смычка лилась медленная, спокойная мелодия. Ей сопровождал рояль, стоящий в углу сцены — белый, красивый. А позади него — небольшой хор у нескольких микрофонов. Ещё один микрофон стоял перед роялем, но за ним пока никого не было.

Проморгавшись, Володя наконец посмотрел в центр сцены. Будто в замедленной съёмке, молодой мужчина грациозно выводил дирижёрской палочкой узоры в воздухе. Будто нажимая невидимые кнопки перед собой, легко касался их, и музыка, льющаяся из инструментов вокруг него, на самом деле возникала из этой палочки.

Володя всмотрелся в его спину. Стройный, высокий. Полы фрака прикрыли ноги почти до колен. Изящные руки. Тёмные волосы.

Таким мог бы быть Юра. Но таким же мог бы быть и кто угодно другой.

Могла ли Маша привести сюда Володю просто так, не будучи уверенной? Он ведь сказал ей вчера, практически приказал не давать ложных надежд. Она же его поняла... А поняла ли?

Володя прищурился, пытаясь разглядеть мельчайшие детали. Но сам себя осадил — двадцать лет прошло. Люди меняются, внешность людей меняется... Вот только...

Володя упёрся взглядом в затылок дирижёра. Тёмные непослушные волосы. Настолько непослушные, что злосчастный хохолок — приглаженный, уложенный, наверное, гелем, — всё равно торчал.

Юра...

В глазах всё поплыло. Вдруг стало тихо, музыка оборвалась, казалось, даже сердце замерло. Володя не мог оторвать взгляда от некогда столь любимого *Юрино*го затылка.

Он выдохнул, почувствовал такое всепоглощающее, такое яркое и реальное счастье, будто вернулся далеко-далеко назад, в самое светлое время его жизни.

Но это ощущение продлилось лишь мгновение. Следом на Володю обрушился шквал воспоминаний — он аж вжался в спинку зрительского кресла.

На сцену под завершающий симфонию плач одинокой скрипки вышел хрупкий красивый юноша, грациозной походкой приблизился к микрофону, глубоко вдохнул. А когда музыка замолкла окончательно, он запел. В полной тишине зазвучал сдавленный, надломленный голос.

Будто впад в прострацию, Володя смотрел прямо перед собой, но не видел ни сцены, ни происходящего на ней. Он видел Юру — юного счастливого Юру, сидящего на детской карусели среди белого пуха одуванчиковой поляны. Увидел, как пушинки кружат в воздухе, попадают ему в рот — он плюётся и смеётся, машет Володе рукой.

Дирижёр на сцене слегка повёл палочкой в воздухе, голос солиста окреп и усилился.

А в голове Володя увидел своё отражение в зеркале — совсем юное лицо, очки в роговой оправе, отчаяние в глазах, кривящиеся от злости губы. Желание ударить по этому лицу, разбить к чертям зеркало, только бы избавиться от монстра внутри себя — того, что так настырно подбрасывал в Володино сознание грязные и плохие видения.

А следующим кадром — руки над парящим котлом. Запотевшие стёкла очков — ничего не видно перед собой, только жар, только приятная, отрезвляющая и одновременно

пьянящая, боль в руках.

«Перестань, что ты делаешь? — Юрины руки — изящные пальцы пианиста, глядящие его мокрые покрасневшие ладони. — Зачем? За что ты так с собой?»

И ещё один образ по нервам — Юрины колени. Они такие холодные, Володя отогревает их своим дыханием, целует украдкой и улыбается, чувствуя, как Юра вздрагивает от его прикосновений.

«Ты — самый лучший, ты — самый хороший человек. Это я плохой, это я виноват, не ты...» — шепчет он.

На сцене дирижёр взмахнул рукой, слегка скрестив пальцы. Пианист заиграл незамысловатую мелодию, но Володя услышал плеск речной воды.

В вечерних сумерках горит Юрино лицо — отблесками пионерского костра. Беспросветная грусть в его глазах на контрасте с улыбкой на губах — тоже грустной, но такой родной.

«Пусть хотя бы так улыбается, пусть просто улыбается всегда».

Но тут же в этих глазах появляются слёзы. Солнце окончательно закатывается за горизонт, по плечам ночным холодом бегут мурашки.

«Что бы ни случилось, не потеряйте себя», — дрожащим голосом Юры звучат строчки, записанные в тетради. Володя смотрит на него — Юра плачет, и сердце сжимается оттого, что они сейчас и здесь прощаются. А собственный внутренний голос повторяет: «Навсегда, мы прощаемся навсегда».

Солист тянул низкую ноту, её подхватил хор, не перебивая ведущий голос, а наполняя его силой. Они пели на неизвестном Володе языке, он не понимал слов, но это было и не нужно — он знал, о чём поёт этот тонкий нежный голос.

В памяти вспыхивают лица — одно за одним. Нахмуренный лоб отца, волнение в глазах мамы, её дрожащие губы.

«Не переживай, мы во всём разберёмся», — неуверенный мягкий голос.

И ещё одно лицо — деланно вежливое, сразу вызывающее подозрения и желание спрятать взгляд.

«Расскажи, что тебя беспокоит?»

Липкий страх, неуверенность, стыд. Слова, которые нужно сказать, застревают в горле, их приходится давить из себя:

«Я болен... Я хочу вылечиться от этого...»

«Так от чего? У меня широкий профиль, я работаю с разными расстройствами».

«Я испытываю тягу... кхм... сексуальное влечение к мужчинам».

Дирижёр резко взмахнул рукой.

Смычки легли на струны — заплакали сразу несколько скрипок, загудели виолончели. Солист и хор присоединились к оркестру.

«Ты должен долго и внимательно рассматривать эти фотографии, ищи, что тебе в них нравится, не думай ни о чём, кроме этих женщин, и постарайся получить удовольствие».

Володя принимает из рук врача стопку фотографий, опасливо переворачивает верхнюю, видит обнажённую женщину. Красивая обложка, гнилое содержание, будто червивое яблоко. Володе кажется, что в его ладонях копошатся личинки, хочется отбросить эти фотографии, но нельзя.

И тут же перед глазами снова возникает Юрино лицо — неуверенный взгляд, живой интерес в глазах.

«Знаешь, я у отца в запрещённом журнале как-то видел, что женщин... Знаешь, их можно не только как обычно, а ещё по-другому... Ну, Володь, я же у тебя как у друга спрашиваю, мне же просто любопытно...»

Вступили духовые — резко и внезапно прокатились по залу шквалом эмоций так, что зашлось сердце. Солист взял высокую ноту, хор усилил её, а на Володю обрушилось самое мерзкое воспоминание, которое он долгие годы пытался похоронить глубоко внутри.

«У меня ничего не получается».

Врач смотрит на него, нахмурившись, задумчиво чешет подбородок.

«Значит, пойдём на крайние меры».

Володя согласен на всё.

Врач раскладывает перед ним снимки обнажённых мужчин. Володя отводит взгляд.

«Смотри!» — приказывает врач.

Володя смотрит и ощущает, как закатывают рукав рубашки. В нос бьёт запах спирта, тонкая игла входит под кожу.

«Сейчас будет тошнить. Продолжай смотреть», — говорит врач и ставит перед Володиёй эмалированный таз.

Володя смотрит. Изящный изгиб бицепса, впадина под ключицей, сильная шея, щетина на подбородке, уложенные светлые волосы. Модель. Володе нравится тело, но не нравится лицо. Он отводит взгляд — ему не хочется смотреть. Он чувствует, как его начинает мутить.

Под закрытыми веками видится совсем другое лицо. Любимое, застывшее в памяти на всю жизнь. Его тонкие губы, которые так хочется целовать, что нет сил сдержаться. И это лицо так близко, и с губ Юры слетают признания. Так настойчиво обнимают руки, так отчаянно пальцы цепляются за плечи.

«Пожалуйста, Володя. Если мы не сделаем этого сейчас, не сделаем никогда. Это последний наш день, я хочу тебя запомнить, ты единственный».

Володя в своей отчаянной фантазии целует его, такого красивого, такого родного, а над ними — огромный, как небо, купол ивы скрывает их от всего мира.

Володя падает на колени перед тазом. Тошнота подкатывает к горлу так резко, что он не успевает отогнать свою прекрасную фантазию. Его рвёт, он чувствует, как по щекам от мерзости и напряжения текут слёзы, а под закрытыми веками в этот момент улыбается Юра.

Прогремели финальные аккорды, оркестр затих. В наступившей тишине угасал голос солиста, медленно отходящего всё дальше и дальше от микрофона.

Володя уставился в Юрину спину — живой, настоящий. *Реальный*. Юра здесь.

Володя почувствовал, как к горлу подкатила фантомная тошнота, а голова пошла кругом. Нет. Он *не должен* оставаться здесь.

Володя резко поднялся, грубо толкнул Машины ноги, проходя мимо неё. Краем глаза уловил, что Маша попыталась схватить его за подол пиджака, но вырвался и бросился прочь из зала. Хватит с него!

Выбегая из здания филармонии, на ходу диктуя адрес диспетчеру такси, он повторял одну-единственную пульсирующую в голове мысль: «Сбежать, оказаться как можно дальше отсюда, сейчас же».

Он догадался, чего хотела Маша, но не мог позволить себе предстать перед Юрой после всего, что сделал. После того, как предал его и продолжал предавать столько лет. Даже сегодня — пусть и не по своей воле, пусть и не зная, что идёт на его концерт... Он явился сюда, даже не отмывшись от Игоря! С красными полосами на спине под рубашкой — от ударов, которыми хотел заглушить память о Юре! Он не имел никакого морального права даже говорить с ним теперь.

И, сидя на заднем сиденье такси, рассматривая улицы города, по которым он всё дальше и дальше уносился от Юры, Володя продолжал убеждать себя в этом.

Внутренний голос был прав. Того Юры больше нет. Тот юный Юрка, которого Володя любил двадцать лет назад, давно исчез. И сейчас там, на сцене, дирижировал оркестром совершенно другой мужчина. Мужчина! Молодой, талантливый, красивый мужчина, а не юный, неопытный и до трепета прекрасный Юрочка!

Этот Юра изменился, он уже давно уехал от той жизни, которая когда-то была у него здесь, в этом городе.

В зале на концерте было много людей. Значит, его знали. Значит, Юрину музыку слушали в Харькове. И, скорее всего, Юра не впервые приезжал сюда с концертом. Но он не искал Володю! Потому что если бы искал — пришёл бы под иву и обязательно нашёл бы.

А если Юра не искал с ним встречи, значит, не хотел её. И тогда Володе тоже не стоило её искать. Им нельзя было встречаться, тем более сейчас.

Тем более с *таким* Володей. Он предал его тогда, в прошлом. Он оттолкнул его, несмотря на то, что обещал больше никогда не отталкивать. Он предавал его все последние двадцать лет: лечился от него, пытался вытравить из памяти, из сердца, забыть. Заменить другими.

Он не посмел бы посмотреть теперь Юре в глаза.

Уже выезжая из города, Володя попросил таксиста остановиться возле аптеки. А по возвращении домой, забыв о предупреждении Игоря не превышать дозу, закинул в себя сразу две таблетки.

Насыпав корма Герде, он кое-как стянул с себя пиджак, бросил его на пол у кровати. На рубашку и брюки сил уже не

хватило — Володя просто упал лицом в подушку.

Почувствовал, как в руку, свисающую с кровати, ткнулся мокрый нос. Герда грустно скулила, требуя ласки. Володя, ощущая, как начало мутнеть сознание, слепо погладил её по голове.

— Всё хорошо, девочка. Завтра всё будет хорошо...

5. Особенный друг

Сон был долгий, крепкий, глубокий. Подобно болоту, он поглотил Володю, и, словно из болота, Володя не мог выбраться оттуда сам. В нем не было ничего, лишь долгожданный покой и непроницаемая тишина. Десятки звонков и СМС, от которых разрывался телефон, не сразу достигли сознания. Лишь проспав пятнадцать часов, Володя начал ощущать, что где-то там, за завесой сна, есть реальный мир, который пытается вернуть его себе.

Раздражающая трель мобильного прорвалась к нему сквозь пустоту и разбудила. Володя не мог оторвать от подушки тяжелую, будто налитую свинцом голову и нашарил телефон рукой — тот лежал в кармане брюк. Оказалось, что он бухнулся спать, не раздеваясь, в той одежде, в которой вернулся.

— Да, — прохрипел он в трубку и попытался разодрать глаза. Вышло не с первого раза.

— Ты там живой вообще? — прокричал Брагинский. — Вова, приезжал подрядчик, мы ждали тебя всё утро! Хоть бы предупредил, что отбиваться придется мне.

Володя прищурился, пытаясь привыкнуть к дневному свету, с трудом сел, облокотился о колени. Голова гудела — он не пришел на работу? Почему? Проспал?

— А сколько сейчас времени? — прогнусавил он.

— Полдень.

— А какой сегодня день?

— Ты заболел? — Сердитый тон Брагинского сменился обеспокоенным. — Ты собираешься сегодня на работу?

— Заболел, да, — пробормотал Володя, качнул головой и застонал от боли — виски стиснуло так, что побелело в глазах.

«Что за отраву мне Игорь подсунул?» — прошептал, сбрасывая вызов, после пожелания Брагинского выздороветь.

На телефоне оказалось семнадцать пропущенных вызовов и три СМС. Володя удивился, что прекрасно видел без очков, пока не сообразил, что линзы тоже не снял. Пролистнул вызовы, открыл СМС. Все три — от Маши.

«Вернись! Это ведь он!» — писала она в полдевятого. Спустя полчаса: «Я сейчас подойду к нему и скажу, что ты был здесь и сбежал как трус!» Последним было: «Володя, ты, конечно, меня извини, но ты ИДИОТ!!!»

События вчерашнего дня стали медленно проясняться: проступили серостью утра, пересекли ранний вечер ударами Игоря и прогремели вечером поздним — магией музыки, взмахами дирижёрской, но будто волшебной палочки. Вспомнились чьи-то большие руки, жесткие волосы, аккуратный профиль. Юра.

— Боже... — простонал Володя. Раскаяние обрушилось на него.

Он вскочил с кровати и бросился из комнаты в гостиную. Запутавшись в одеяле, чуть не упал, схватился за косяк и замер как вкопанный: «А куда бежать? И зачем? Куда теперь спешить, если опоздал еще вчера?»

Голову стискивало болью, Володя сжал пальцами виски, чуть было не порвав до сих пор надетую рубашку — мятая и перекрученная во сне одежда мешала. Володя сбросил ее прямо на пол и устремился в ванную. Надо было подумать, но сердце колотилось как бешеное, руки дрожали, а мысли металась, сталкивались друг с другом и путались. От вины и стыда на глаза наворачивались слезы. Или это потому что пятнадцать часов проспал в линзах? Да, конечно, поэтому.

Володя встал в душевую кабину. В воображении вспыхнул образ взрослого Юры. Того Юры, каким он был не сто лет назад, а вчера, каким он стал — высоким, статным, изящным. С чертовой дирижёрской палочкой в руке.

Глаза опять защипало. Проклятые линзы!

Володя не глядя схватился за вентиль и крутанул его. Ледяная вода обожгла располозованную спину. По телу прошла волна боли. Он вскрикнул. Все его мысли

обратились к боли и сосредоточились на ней. Но Володя не отступил, ждал, когда привыкнет. А когда привык, подкрутил вентиль горячей воды.

— Сука! Сука!!!

Почему Володя не подумал, что пианист может быть композитором и дирижером? Почему так заикнулся на том, что этот человек не может быть Юрой? От чего защищался, от кого? От него? От музыки, от памяти о нем? От страха, что раз не пришел под иву десять лет назад, то... То что? И что с того, что он не пришел к иве тогда? Мало ли причин могло быть. Но теперь Юра здесь. Здесь! Он приехал. Вчера он был рядом, руку протяни — коснешься.

Трус! Чертов трус! Маша права — трус и идиот!

— Маша! — вспомнил он, вышел из душа, наскоро вытерся и бросился к телефону.

— Ну здравствуй, — иронично протянула Маша. — Явился...

— Где он, ты знаешь?

— Вчера был там, а сегодня — не знаю. Откуда мне знать?

— Ты же писала, что подойдешь к нему. Не подошла, что ли? — У Володи перехватило дыхание. Маша молчала, слышался только вздох досады. Володя взмолился: — Только не говори, что нет! Только не говори, что просто как угрозу написала!

— Бли-и-ин, — простонала она. — И что делать?

Володя осел на кровать, спрятал лицо в ладонях. Прохрипел:

— Это ты меня спрашиваешь?

— А кого ещё? Тебя, чудака на букву «м», который вчера как девчонка сбежал весь красный.

— Мне и без твоих комментариев хреново! Билет не выкинула? Что там написано? Может быть, что-нибудь про гастроли в другие города? Или адрес сайта — хоть что-нибудь?

— Сейчас поищу, — ответила она.

В трубке почти минуту слышалось только шуршание. Володя сидел на кровати в одном полотенце на бедрах и смотрел в окно. На лес, среди верхушек которого торчал ровный, как спица, флагшток. Много лет на нем не поднимали флаг лагеря, много лет никто не

собирался под ним на площади, много лет там не звучали человеческие голоса. Уже давно один только ветер гулял среди тех руин.

И вдруг смелая, почти безумная мысль взбудоражила сознание — а вдруг Юра придет? Вдруг он приехал сюда не ради выступления, а чтобы найти под ивой их капсулу времени?

В ответ на первую мысль пришла вторая, болезненная — с чего Володя взял, что Юра приехал в Харьков ради него? Он ведь даже не знает о том, что Володя здесь живет...

— Ничего на этом дурацком билете нет, — прорычала Маша в трубку. — Дата, время, имя. Всё. Слушай, давай в филармонию позвоним, может, там подскажут что-нибудь?

— Не надо, — буркнул Володя. — По телефону ничего не добиться, сидит там какой-нибудь билетер... Я туда поеду.

— Эй! Давай лучше я? Ты сегодня какой-то совсем уж бешеный, — принялась уговаривать Маша. — Или давай так — ты поезжай, а я всё-таки позвоню и, если что-то узнаю, сразу же перезвоню тебе.

Володя бросил «Спасибо» и завершил вызов.

Стал одеваться. Заторопился, чтобы не терять ни минуты времени, схватил мятые вчерашние брюки. Сегодня похолодало, накрапывал дождь, где-то вдалеке гремел гром. Володе стоило бы надеть джемпер, но едва колючая шерсть коснулась кожи, как спина заныла. Он подошел к зеркалу, повернулся кругом и понял, что именно болело. Кожу украшали синяки, но ныли не только они. Вчера Игорь перестарался, оставив на память толстую красную полосу содранной кожи от самой ключицы до лопаток. Наверняка от нее останется шрам. Володе пришлось надеть рубашку, чтобы скрыть под воротником фиолетовый кровоподтек вокруг полосы. Но то, что от боли он посмотрелся в зеркало, — было очень кстати. Володя обомлел, глядя на собственное лицо — небритый, темные, чуть ли не фиолетовые круги под глазами, отек на скуле. Нельзя было в таком виде ехать в филармонию, нельзя.

Поспешно приводя себя в порядок, Володя прокручивал в голове воспоминания о вчерашнем дне: о том, что позволил Игорю и что чуть было не позволил. Внутри закипала злость на себя. Чего он хотел этим добиться? Вину хотел выбить этим? Стыд? Но вчера он был так измучен, что находился без преувеличения на грани сумасшествия и не думал ни о собственном достоинстве, ни о физических последствиях в виде шрамов.

Вдруг зазвонил телефон, и сердце сжалось от приятного предчувствия — быть может,

это Маша что-то разузнала? Но только Володя взял телефон в руки, как его обуяла досада. На экране высветилось: «Работа».

Услышав голос Леры, он рассердился:

— Я же сказал Брагинскому, что заболел, он не предупредил?

— Предупредил, но тут срочно...

— Тогда не беспокойте меня! — перебил Володя, отнимая телефон от уха.

Собирался сбросить вызов, но расслышал:

— Насчет «Ласточкиного гнезда» звонит Юрий Конев.

Володя сел.

— Конев? — тупо повторил он.

— Да, — виновато ответила Лера.

— Соедините, — осторожно сказал Володя, не веря в реальность происходящего.

— Он оставил номер телефона, просил срочно перезвонить ему.

— СМС, — выдавил он с трудом. — Лера, пришлите СМС с его номером.

Оцепенев от шока, Володя сидел и ждал, и ему казалось, что прошло не меньше получаса. Хотя держал телефон в руках, он вздрогнул от звука сообщения. Открыл его и уставился на цифры — они плыли у него перед глазами. Чертовы линзы.

Сердце билось где-то в горле, перехватило дыхание. Володя прокашлялся, несколько раз произнес вслух скороговорку и, когда голос окреп, набрал длинный номер, который Лера подписала в сообщении как Конев Юрий Ильич.

Зазвучали длинные гудки: сначала один, затем — второй. Звонок будто бы прервался, но вдруг прозвучал раскат грома, и Володя не понял, ответили ему или нет.

— Юра? — спросил он, не веря, что на самом деле услышит его.

— Да... Да! Володя, это я!

Этот голос был как удар под дых. Володя подавился вздохом, а губы растянулись в глупой улыбке.

— Юрка...

— Как же я рад тебя слышать! — прозвучал Юрин высокий, бодрый голос. — Я читал письма... Володя, прости, я всё просрал! Мы обещали не потеряться, но потерялись, я слишком поздно стал тебя искать.

«Он читал письма, — повторил про себя Володя. — Он знает номер. Но откуда он знает номер?» Неужели он здесь, под ивой? В двухстах метрах от него. Возможно, даже видит крышу его дома. Он здесь!

— Ты в «Ласточке»? — с трудом выдавил Володя.

— Да, под нашей ивой. Всё вокруг разрушено, река пересохла, а ива стоит, стала больше и красивее, будто...

— ...нас ждёт, — закончил за него Володя.

Прозвучал еще один громовой раскат и вывел Володю из оцепенения. Он прижал мобильник щекой к плечу и принялся лихорадочно рыться в ящике комода в гостиной, ища ключи от дальних ворот своего участка.

— Каким ты стал? — негромко спросил Юра.

И правда — каким? Умным? Вряд ли. Талантливым? Возможно, но не чета Юре, это точно. Красивым? Вспоминая вчерашний день, скорее уродливым, но не в физическом смысле, а в моральном. Хотя и внешне Володя сегодня был так себе. Как ни старался привести себя в порядок, мешки под глазами убрать не смог. Разозлился — почему именно сейчас он выглядел настолько плохо?! Но у него не было времени еще торчать перед зеркалом, а о том, чтобы приложить лед к лицу, нечего и думать — долго. Придется предстать перед Юрой таким, какой есть.

— Ну... — неуверенно начал Володя. — Явно не о деньгах и болячках спрашиваешь. Каким стал? Повзрослел...

— Ты далеко отсюда? — прозвучало негромко, будто бы даже печально.

Володя остановился: «Юра хочет встретиться. Но действительно ли хочет? Будет ли рад тому, что увидит?»

— Ближе, чем можно подумать, — вздохнул он. — Ты хочешь увидеться?

— Хочу, — был ответ.

Володя качнул головой — будь что будет, плевать на всё! Права Маша: лучше сделать что-то, о чем будешь жалеть, чем не сделать вообще ничего.

Произнес вслух то, что мучило последние несколько минут:

— А разочароваться не боишься?

— Конечно, боюсь. А ты?

— Ты стал пианистом?.. — начал было Володя и осекся. Хотелось сказать больше. Он едва удержался от того, чтобы продолжить и задать все вопросы: «Ты так хотел им стать, но вчера не играл на рояле, а был дирижером. Почему? Разочаровался в себе? Может быть, какая-то травма не позволила стать пианистом?»

— Не поверишь, Володь, стал! — В голосе Юры слышалась улыбка. — Стал!

— Значит, я не боюсь, — негромко ответил Володя и замер на выходе из гостиной. От одной только мысли, что вот-вот увидит Юру не издалека, а рядом с собой, перехватило дыхание. Володя глубоко вдохнул и медленно выдохнул. — Ладно, тогда подожди...

По небу снова прокатился гром, и связь прервалась. Володя чертыхался, пытаясь еще раз набрать номер — звучали прерывистые гудки. Попробовал снова — абонент оказался недоступен.

— Только не уходи оттуда, — прошептал он с мольбой.

Не отводя взгляда от телефона, вступил в прихожую, где тут же раздался непривычно высокий лай.

— Герда, — простонал он.

Собака сидела у входной двери, жалобно поскуливала, виновато смотрела на него — в центре коридора поблескивала лужа.

— Прости меня, девочка, — затараторил он, мучимый чувством вины. — Сколько часов

ты терпела...

Володя отворил дверь, выпустив собаку наружу, а сам помчался в ванную за тряпкой и бросил ее на позорное пятно.

Продолжая безуспешно набирать Юрин номер, бегом пересек укрытый туманом двор. Закрыв за собой ворота и направился сквозь густые заросли осоки к их иве.

Каждый шаг давался с таким трудом, что Володе казалось, будто высокие стебли тянулись не к небу, а к его ногам, опутывали щиколотки, пытались его остановить. Но Володя не смотрел вниз, он и так знал, что вовсе не трава тормозит его, а страх. Страх столкнуться наяву с призраком утраченного счастья. Страх разочароваться в выдуманном образе самого светлого, что было в его тусклой жизни. Страх неминуемой утраты.

Но он превозмогал его. Упрямо шагал, путаясь в траве, ежась от холодного дождя, пока наконец не увидел белое пятно, скрытое гигантским пологом ивовых веток.

— Юра, — позвал он, но его голос заглушили шум ветра и шелест листвы.

Так странно было видеть его, обращаться к нему по имени. И еще удивительнее — наблюдать, как он, казалось, услышав Володю, выходит к нему, раздвигая ивовые ветви, шагает навстречу, разгоняет туманную морось.

Он стал высоким, он повзрослел, стал строже, но еще красивее. Володя улыбнулся, а Юра нахмурился — на бледном лбу появились морщинки. Что-то прошептал, Володя не разобрал слов, но не стал переспрашивать, только шагнул ближе. А Юра замер, растерянно сжимая в руках бумаги из капсулы времени, удивленно моргая, изучал Володю взглядом. Поджал губы. И то, как он смотрел, говорило о главном: Юра пришел сюда не просто к почтовому ящику — он пришел именно к нему. Он тоже ничего не забыл. А если и забыл, то вспомнил.

Володя сделал еще один шаг к Юре — и тут же ощутил его ладони на своих плечах и тепло объятий. Он обнял в ответ, отказываясь верить в реальность происходящего. Аккуратно коснулся Юриной спины, боясь, что если сожмет сильнее, то Юра растает. Но он не растаял. Он не был призраком, он был из плоти и крови.

Юра судорожно вздохнул, и от его вдоха земля ушла из-под ног. Володя еще крепче обнял его, вжался лицом в плечо и прошептал одними губами: «Настоящий. Здесь».

Казалось, их объятие длится неприлично долго. Разрывать его не хотелось, но еще

больше Володя боялся, что Юра оттолкнет его. Поэтому он взял его за плечи, отодвинул от себя и окинул взглядом: темные непослушные волосы, влажные от дождя, золотая сережка-гвоздик в правом ухе, плащ — вот Юра дурачок, поехал копать в земле в светлом, — перепачкан, на ногах — резиновые сапоги, а в руках — ноты.

— Ты сыграешь мне «Колыбельную»? — негромко спросил Володя.

Юра радостно улыбнулся.

— Ты промок насквозь, тебе бы согреться. Пойдём ко мне?

На мгновение сердце кольнуло иррациональным страхом — вдруг откажется? Конечно, так быть не могло, они же не просто так встретились спустя двадцать лет, чтобы Юра сейчас ушел.

Володе было так стыдно за то, что чуть не упустил всё это. Они едва не разминулись. Ведь стоило уехать в город или не ответить на звонок Леры... Конечно, прежде всего — не стоило уходить вчера с концерта. За это Володя корил себя больше всего.

Юра улыбнулся и кивнул.

— Конечно, пойдём.

А еще было стыдно за избитую спину. Наверное, большую часть ночи Володя еще и спал на ней — теперь воспалившиеся следы так ныли, что каждое движение вкупе с трением о ткань отдавалось новой противной вспышкой боли. И каждая эта вспышка была ему напоминанием, что именно идущего рядом человека Володя так отчаянно пытался выкинуть из мыслей.

Юра, наверное, тоже чувствовал себя неловко. Они шли молча, он смотрел себе под ноги, но то и дело Володя замечал, как он поднимает голову, покачивает ею, пару секунд с любопытством глядит на него, потом снова опускает.

— Не верится даже, — всё же сказал Юра. — Я так давно... — и запнулся, будто забыв слово, но так и не закончил.

Володя мысленно продолжил за него: «...мечтал тебя увидеть», — но вслух не произнес.

Дождь усилился, они ускорили шаг. За воротами, просунув любопытный нос через прутья калитки, ждала Герда — мокрая, чумазая, но счастливая, ведь ей наконец дали побегать на свежем воздухе.

— О, собака! — воскликнул Юра. — Не кусается?

Открывая дверь, Володя ответил:

— Нет. Но может зализать до смерти... — Заметив, что собака уже готовится прыгнуть в его объятия, грозно прикрикнул: — Герда, фу!

Собака отступила на несколько шагов, опустила голову и коротко проскулила, будто бы упрекая.

Юра рассмеялся, бесстрашно подошёл, протянул к ней руку и потрепал по мокрым ушам.

— Я тебе, хозяин, тут радуюсь, а ты мне фукаешь, — сюсюкаясь, приговаривал он. Герда высунула язык. — Хорошая девочка, красавица. Золотистый ретривер, да?

— Да, — быстро ответил Володя и предостерег: — Юр, осторожнее, она же грязная, испачкает тебя сейчас...

— Да ничего, я и без того уже весь промок и извозился.

— Пойдём в дом. Герда, гулять! Попозже тебя еще вымыть нужно...

Первое, что бросилось в глаза, когда Володя открыл двери дома, — расстеленная у стены тряпка, которую он бросил перед выходом на лужу, что сделала Герда. Некстати вспомнился и бардак, который Володя оставил в спешке...

— Проходи, — сконфуженно пригласил он. — Аккуратно только тут — обойди, я сейчас уберу...

Он засуетился. Нужно было убрать за Гердой, но сперва — повесить сушиться мокрый плащ Юры.

— Юр, ты же замерз совсем, наверное. Пойдем в гостиную, я камин разожгу. — Он бросился к камину, но тут же развернулся в сторону кухни. — Нет, сперва чай поставить...

— Володя! — строго окликнул Юра, и Володя замер на месте. Вопросительно посмотрел на него, моргнул. Юра улыбнулся. — Перестань суетиться. Я понимаю, что я тебе как снег на голову свалился, ты не ждал и всё такое... Дай мне, пожалуйста, сухие вещи, а со всем остальным разберемся после.

Володя вздохнул, собрался с мыслями — хорошо, что им есть чем заняться, это отвлечет от повисшей между ними неловкости.

Он сходил на второй этаж, нашел чистые домашние штаны и футболку, понадеялся, что одежда подойдет по размеру — они с Юрой примерно одного роста, правда, Юра худее его.

Пока Юра переодевался в ванной, Володя прибрал за Гердой, разжег камин и поставил чайник. За шумом закипающей воды не услышал тихих шагов, а когда обернулся, завис. Юра стоял в проеме кухни, опираясь плечом о косяк. Босой, в спортивных штанах, футболка, которая Володе была впору, на Юре сидела свободно.

«Изменился так... — поймал себя на мысли Володя и тут же возразил: — Конечно, изменился, блин, двадцать лет прошло!»

Черты лица огрубели, но из-за худобы не стали жёстче, а будто заострились. Волосы потемнели, стали длиннее, вились на кончиках. На концерте Юра, видимо, их уложил, а сейчас — от влаги и ветра они выглядели еще более растрепанными, чем в юности.

Юра тоже рассматривал его, бегал взглядом по лицу. Тоже, наверное, искал, что изменилось.

— Неловко, — прокомментировал он, будто сняв с языка. — Столько всего хочется спросить, а не знаю даже, с чего начать...

Щелчок закипевшего чайника показался оглушительным в повисшей тишине.

— Ты черный или зеленый пьешь? — спросил Володя.

Юра склонил голову набок, сжал губы в тонкую полоску.

— Я бы выпил чего покрепче, но мне за руль.

— Так переночуй здесь, — сказал Володя быстрее, чем успел обдумать собственные слова. И, как бы оправдываясь, добавил: — Дом большой, места достаточно. Могу постелить тебе на диване в гостиной.

— Договорились, — улыбнулся Юра.

И его улыбка будто разрядила атмосферу, сделала воздух на кухне менее электризованным.

Володя выдохнул:

— Сам я почти не пью, но почему-то алкоголь мне дарят постоянно, — и смущенно улыбнулся. — У меня есть коньяк и виски. Что будешь?

— Вообще-то, я люблю ром, но виски сгодится.

Володя кивнул, потянулся к дверце навесного шкафа, но в этот момент за окном сверкнуло, прогремел гром, а за дверьми послышался взволнованный лай.

— Ой, чёрт, надо собаку выкупать... Я сейчас.

Герда — еще грязнее, чем четверть часа назад, — привычным маршрутом побежала в ванную, оставив на полу цепочку мокрых следов. Володя устремился за ней.

Пока мыл собаку, старался не думать о Юре, что сейчас хозяйничал на его кухне, но мысли всё равно возвращались к нему.

«Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он узнал о том, что я был на концерте и ушел», — твердо решил Володя. Вспомнил про Машу — должно быть, сейчас она обрывала телефон филармонии, разыскивая того, кто уже нашелся, ведь Володя не предупредил ее.

Закончив банные процедуры, он написал Маше СМС: «Не ищи Юру. Он у меня. Завтра напишу». И выключил телефон.

Вернувшись в гостиную, Володя увидел, что Юра подвинул кресло к камину и расположился в нем. А перед ним на журнальном столике стояли стаканы, початая бутылка виски, блюдец с нарезанным лимоном и тарелка бутербродов с сыром.

Покусывая губу, Володя нахмурился.

— Юр, ну что ты, я бы сам мог...

— Да успокойся, — отмахнулся Юра, с аппетитом жуя бутерброд. — Не люблю чувствовать себя бесполезным.

Радостная Герда бросилась к Юре, упала у его ног на спину.

— Эта поза называется «Срочно почешу мне пузо», — пояснил Володя. — Не думал, что моя собака так любит людей.

Юра принялся чесать подставленный живот, Герда от удовольствия задергала задней лапой.

— А раньше такого не было?

— У меня нечасто бывают гости... Когда я на работе, за ней присматривают соседка с мужем, только их Герда и знает. Теперь еще тебя, — ответил Володя, умолчав, что Герда знакома и с Игорем.

В комнате заметно потеплело от разожженного камина. Володя почувствовал вдруг, что ему стало жарко, и быстро стянул с себя джемпер, промокший после купания собаки. Шагнул к столику, нервно разлил по стаканам виски.

— За встречу... — произнес, поднимая бокал.

— ...спустя столько лет, — добавил Юра.

Володя опрокинул в себя виски, горло тут же обожгло. Он выдохнул, сел в кресло напротив Юры. Почувствовал, что начинает расслабляться.

Казалось, его уже отпустил сонный дурман от таблеток и голова перестала болеть. Но он всё равно не мог сопоставить реальность и то, что перед ним сейчас действительно сидел Юра.

— Ну так... — неуверенно начал Юра, постукивая изящными пальцами по стенкам стакана. — Как получилось, что ты живешь здесь? Про Харьков я понял из писем, но...

«Но в целом выглядит, будто я все двадцать лет ждал тебя здесь и даже жить стал рядом с ивой», — мысленно закончил за него Володя. И, наверное, в этом была доля правды.

— Не скажу, что это просто совпадение. Я давно предлагал отцу попробовать себя в чем-то новом — построить не отдельное здание, а коттеджный поселок. Он согласился, я стал искать землю. Выбирал между несколькими вариантами, а в двухтысячном подвернулась возможность недорого купить здесь очень большой участок земли.

— Прямо судьба какая-то, — хмыкнул Юра, жуя лимонную корку.

— В судьбу я не верю, но... Врать не буду — ностальгия тоже сыграла свою роль. А потом, когда «Ласточкино гнездо» построили, я решил переехать сюда. Я жил с родителями, устал от них, тем более всегда хотел отдельный дом. Других коттеджных поселков у нас тогда еще не было. Хотя... Даже если бы и были, думаю, я все равно выбрал бы этот.

Ему было сложно об этом говорить. Сейчас казалось, что через все его решения тянулась тонкая нить ностальгии по лету в «Ласточке» и памяти о Юре. И все последствия той любви повлияли на каждый его дальнейший шаг. Конечно, это было преувеличением. Но теперь, когда перед ним сидел повзрослевший, нашедшийся спустя столько лет Юра, Володе действительно казалось, что тот был в его жизни всегда.

— О, у тебя есть пианино! — заметил Юра, косясь на инструмент, стоящий справа от огромного панорамного окна. — Научился играть? — спросил, но было непонятно, искренне интересуется или с доброй насмешкой.

— Нет, что ты, когда мне. — Володя натянуто улыбнулся. — По дизайн-проекту здесь должен был стоять рояль, но сам знаешь, что это очень недешевая вещь. А потом я случайно наткнулся на объявление по продаже старого пианино, оно белое, вроде в интерьер вписалось...

Ему снова стало неловко. Вспомнилось, как трепетно в молодости Юра относился к лагерному пианино, которое постоянно таскали из зала на улицу и обратно. А еще — как он сам себя корил за то, что завалил собственное пианино дома всяким хламом, когда бросил играть.

— Расскажи, как ты живёшь? У тебя на... — Володя осекся, чуть не проболтавшись, что видел, сколько людей пришло на Юрин концерт. — В смысле, надолго в Харькове? Какими судьбами вообще?

Юра передёрнул плечами.

— Гастроли. Впервые за всё время удалось организовать мало-мальски нормальный тур. Я так давно хотел съездить в Харьков... — теперь запнулся уже он.

Но Володя без лишних слов понял, зачем. Он грустно улыбнулся — скорее сам себе. Дотянулся до бутылки, разлил по стаканам виски, пригубил из своего. А Юра продолжил:

— Как-то всё не получалось. То работа, то семья, то...

— Семья? — автоматически переспросил Володя. — Женат?

На секунду в памяти вспыхнуло ощущение фантомного счастья — Володя вспомнил, как упрашивал Юру в письмах найти девушку, как был уверен, что он будет счастлив, если найдет себе спутницу жизни и ни в коем случае не станет таким же, как Володя.

Юра тихонько засмеялся. Нерадостно.

— Да какой «женат», Володь? — он снисходительно посмотрел на него. — Это уже очень давно не про меня. Семья — это я про настоящую семью: мать, отца.

— Как они?

— Да никак. Мама умерла несколько лет назад, с отцом... сложно всё. Давай о чем-нибудь хорошем поговорим, а то как-то...

Так и хотелось сказать, что всё по-настоящему хорошее для Володи закончилось двадцать лет назад, а осталось только нейтральное. Ну, еще вот собака есть.

Собака, к слову, преспокойно уснула, свернувшись клубочком у Юриных ног.

Володя не мог избавиться от ощущения, что они говорят не о том. Нужно было спрашивать о другом.

Как ты жил все это время? Скучал так же, как я по тебе? Или забыл меня, сразу как уехал в Германию? Но ведь вернулся, сюда вернулся, под иву! Зачем?

Но спросить об этом Володя не мог. Перед ним сидел чужой человек. Незнакомый. Внешне он, может, и напоминал того юного Юрку... Но Володя понимал, что порой и за год человек может измениться до неузнаваемости, а тут и подавно. Между ними — пропасть. Это не просто двадцать лет, застывшие в вакууме, это гораздо больше. Между ними, помимо времени, огромный кусок истории, развал Союза, километры дорог. Между ними — разные страны, разные взгляды, огромное количество событий.

Здесь и сейчас сам Володя — уже давно не тот подающий надежды комсомолец, девятнадцатилетний вожатый, студент МГИМО.

И перед ним сидел далеко не тот Юрка — пионер, шестнадцатилетний хулиган, горепианист.

Они *другие*. И то, что их связывает, лишь кажется огромным и важным. На самом деле того, что их разделяет и отличает, теперь гораздо-гораздо больше.

— Общаешься с кем-то из «Ласточки»? Они все же в Харькове жили, может, нашел кого-то? — спросил Юра.

— Да, конечно. С Женей и Ириной вот дружим...

— Ого! Они до сих пор вместе?

— Да, представь себе. Женя еще долго работал физруком в тринадцатой школе, там я его и нашел... — Володя решил не уточнять, что ходил туда, чтобы отыскать хоть какую-то ниточку к Юре. — Ирина тогда была беременна вторым ребенком. — Володя улыбнулся, вспоминая, как она, пузатая и располневшая, радовалась, когда Женя привел его в гости и, открыв двери квартиры, с порога закричал: «Ира, смотри, кого я нашел!» — Я, кстати, крестный отец их дочери, представляешь?

— Ого! — Брови Юры удивленно поползли вверх. — Надо же!

— Их сыну, Паше, шестнадцать, а Оле недавно исполнилось девять. Такая забавная девчонка — активная, веселая, с меня вообще не слезает, когда прихожу. Кстати, учится в музыкальной школе.

— Молодец, — кивнул Юра. — А, знаешь, это вообще неудивительно: дети тебя всегда любили. — Юра развел руками. — Помнишь этих оболтусов из пятого отряда? Чего только стоил этот, как его... племянник директора. Блин, забыл фамилию...

— Пчёлкин? Он, кстати, сейчас в горсовете сидит.

— Да офигеть! — Юра чуть не подавился куском бутерброда.

И стало легко. Стоило лишь вспомнить, что то лето в «Ласточке» было пропитано не только утраченной любовью. Столько там было всего, столько событий и людей. Неугомонная детвора из пятого отряда, начальство со своими взрослыми причудами. Девочки-красавицы, что постарше. Приколисты-парни. Свежий воздух, солнце, речка, костры, дискотеки, походы...

За разговором время потекло быстрее, виски по стаканам — тоже.

— Нет, ну подумать только! — весело возмущался Юра. — Приехал какой-то хлыщ из своей Ма-а-асквы... и все девчонки, как по команде, в него повлюблялись! А Конев что? А хрен Коневу!

Володя не мог не улыбаться, слушая его.

— Да ладно тебе. Так уж и все?

— А скажешь нет? Чего только та троица стоила, помнишь?

— Да ну тебя, дурехи же были. Кстати, Полина вон сейчас очень даже успешный стоматолог.

— Ты с ней общаешься?

— Нет, просто слышал краем уха. Она с Машей дружит, а Маша с Ириной работает. У Ирины сейчас свой бизнес, верхней одеждой занимается.

— Погоди, какая Маша? Та самая Маша?

— Ну да, Сидорова. Хотя... Может, она уже и не Сидорова после замужества — я не уточнял. В общем, она работает у Ирины продавцом.

Юра взглянул на него с любопытством, медленно отпил, будто обдумывая, что сказать.

— И какой она стала? Знаешь, после... — он замялся.

— Хорошим человеком стала. Истеричности и глупости ей, конечно, не занимать, но в целом... — Хмель не то чтобы сильно, но ощутимо ударил в голову и развязал язык. Володя чуть не сболтнул лишнего. — Вообще, Маша, считай...

«...помогла мне с тобой встретиться...»

— ...за что боролась, на то и напоролась, как говорят. Тут такая история странная произошла с ней...

И Володя рассказал ему про Машиного сына — в общих деталях, не углубляясь в подробности. Умолчав о том, как эта ситуация повлияла в итоге на самого Володю.

Юру эта история развеселила ещё больше:

— Надо же, в самом деле какая-то насмешка вселенной. Ну, может, теперь она поймёт и не будет мешать их счастью, в отличие от того, как... тогда...

Володя внутренне замер. Тема их общего прошлого снова тяжелой недосказанностью повисла в воздухе. Юра тоже не решался об этом говорить. Но кто-то из них должен был задать главный вопрос. Нет, не кто-то — его должен был задать именно Володя.

«Почему ты нашел меня?»

Но сам не знал, что хочет или чего не хочет услышать в ответ.

«Потому что ты мне до сих пор дорог» или «Я не тебя искал»?

Они молчали. Виски закончился, отвлечь себя стало нечем, переключить внимание — не на что. Не коньяк же открывать.

— Я полдня сегодня бродил по «Ласточке», — признался Юра спустя несколько минут. Говорил он будто нехотя, с трудом. — Вспоминал. Я шел под иву и, знаешь... отгонял от себя всякую надежду. Я даже представить не мог, что ты окажешься тут, совсем рядом и... Теперь сижу, смотрю на тебя и никак не могу в это поверить. Там, — он махнул рукой в сторону окна, — всё заброшено, но я же помню. И тебя помню не таким, как сейчас. Логикой я понимаю, что ты изменился, ты уже не тот, ты другой, но...

«Другой, — мысленно повторил Володя. И добавил: — Настолько другой, что, узнай ты меня настоящего, никогда бы не захотел встретиться снова».

А вслух произнес:

— Ты тоже изменился. Конечно, по-другому и быть не могло, столько всего...

Юра его будто и не слушал.

— Ты счастлив? — перебил он.

Вопрос застал врасплох. Такой, казалось бы, простой вопрос... Володя не мигая уставился на Юру.

«Нет! — кричал внутренний голос. — Конечно нет. Конечно я несчастлив, я одинок. Иногда мне кажется, что будущего не существует, что я застыл в прошлом, что предал сам себя, что собственноручно разрушил самое светлое, что было в моей жизни...»

— Не знаю, — соврал он. — У меня вроде бы есть всё: дом, работа, достаток...

— А... Есть кто-то? — Юра нервно потёр скулу. — У тебя?

Володя задумался. Не знал, как ответить, чтобы и Юру не обмануть, и не раскрыть подробности отношений с Игорем.

— Ну... Кто-то есть.

— Важный для тебя?

— Нет, — усмехнувшись, Володя качнул головой. — Неважный.

Юра никак не отреагировал, лишь продолжил смотреть ему в лицо, но избегал встречаться взглядами.

— А у тебя? — Володя не был уверен, действительно ли хочет узнать правду, но всё же спросил.

Юра медлил. Размял шею, устало откинулся на подголовник кресла, прикрыл глаза.

— Нет. Важного — точно нет. Был когда-то давно — по крайней мере, так казалось. Но не сложилось.

Прозвучало это очень абстрактно — непонятно о ком. На мгновение Володе даже показалось, что о нём. Но он отбросил эту мысль.

— Ты надолго в Харькове?

Продолжая лежать на подголовнике, Юра снова качнул головой.

— Завтра днём рейс. Надо бы уже собираться спать, — он зевнул.

— Давай я тебе постелю, — предложил Володя.

Он резко поднялся на ноги и чуть не охнул. Спина затекла от долгого сидения, а воспалившиеся отметины напомнили о себе — Володю накрыло волной боли и стыда. Он медленно, стараясь не кривиться, дошёл до спальни. Головная боль унялась окончательно, но остались тяжесть и опьянение от выпитого виски. Вдобавок пришла растерянность, замелькали мысли. И все — нечеткие. Зароились эмоции, и их было так много, что Володе на пару секунд показалось, будто возвращается его вчерашнее безумие.

Он рылся в шкафу с постельным бельем, когда услышал неуверенные шаги за спиной.

Юра показался в дверях спальни.

— Просторно у тебя тут, — он обвел взглядом комнату. — Не страшно по ночам одному?

— А кого мне бояться? Призраков пионеров-героев?

Юра прыснул.

— Духа графини, которая ищет по ночам свою брошь.

— Да-да, точно, — улыбнулся Володя.

От упоминания героини придуманной ими когда-то страшилки на душе стало одновременно и тепло, и грустно.

Володя наконец нашел плед, схватил в охапку вместе с одеялом и подушками.

— Давай помогу. — Юра бросился к нему, подхватил стопку постельного белья. На мгновение они случайно коснулись руками. Володя, ощутив тепло Юриной кожи, внутренне встрепенулся, но виду не подал.

В гостиной проснувшаяся Герда широко зевнула, устрашающе раззявив зубастую пасть, но тут же высунула язык.

— Потеряла нас, да? — бросив свою ношу на диван, Юра присел рядом с собакой, стал трепать длинную шерсть.

Володя разложил диван, застелил его, краем глаза наблюдая за щенячьими ласками этих двоих. Умиляло, как быстро Юра понравился собаке. К Володе она привыкала с месяц, всё прыкивала, не давала гладить себя, грозилась укусить, а тут...

— Готово. — Володя положил подушки и принялся собирать посуду со стола. — Тебя нужно будить утром?

— Я сам проснусь — у меня режим. — Юра присел на край дивана, глянул на Володю снизу вверх. — Спасибо.

— Да не за что. Оставить тебе Герду, чтобы отпугивала призраков?

Юра улыбнулся и пожал плечами.

— А она сама не против?

— Не знаю. — Володя обратился к собаке. — Герда? Где будешь ночевать? Или ты уже выпалась?

Услышав, что обращаются к ней, собака радостно тьякнула.

— Понял. Ну, захочешь — приходи. — Он повернулся к Юре и тихо сказал: — Спокойной ночи.

— Gute Nacht, — подмигнул Юра.

Сон не шел. В голове шумели мысли.

Юра в его доме — спит на его диване. Хотелось встать, выйти из спальни и проверить — правда ли? Не привиделось ли? Но нужно было спать.

Володя и так уже пропустил целый день работы. Хорош начальник, Брагинский завтра ему плешь проест, что бросил одного на передовой. И не поспоришь — на Володе вся ответственность, это его бизнес, его компания и его деньги.

Но, вообще-то, он не жалел. Он согласился бы ещё пару раз пережить безумие последних дней, пожертвовал бы работой и деньгами, если бы в итоге его ждала встреча с Юрой.

А о чём думал Юра, глядя на Володю? Каким его видел? Да, выглядел он сегодня не самым лучшим образом. После долгого полунаркотического сна, с кругами под глазами, бледный, растрепанный, нервный... Стоило ли всю жизнь быть педантом, всегда следить за фигурой и внешним видом, чтобы в один из самых важных дней предстать перед столь значимым для него человеком вот таким.

Володя даже нервно хохотнул.

Нужно было заставить себя уснуть. Но без таблеток — это бесполезно. Володя и раньше-то не спал без снотворного, к которому в итоге привык... А с такими эмоциональными качелями уснуть без него точно не выйдет.

Но вчерашний препарат после прошлой ночи не вызывал доверия. Вдруг его опять вырубит так, что и выстрел из пушки не разбудит?

Он снова ухмыльнулся, глядя в потолок. Действительно — весело будет Юре, когда он

не сможет утром его растолкать...

Володя дотянулся до тумбочки, пошарил рукой в ящике, нашёл блистер старого снотворного. Разочарованно бросил его обратно — пустой.

Отвернувшись от двери, с головой укрылся одеялом. Спасть от мыслей это не помогло, к тому же от соприкосновения с постелью заныли спина и ягодицы.

Всё должно было быть по-другому. Он должен был дождаться окончания вчерашнего концерта, должен был пробиться за кулисы, в гримерку или черт его знает, что там у дирижеров есть. Постучаться, войти, аккуратно прикрыв за собой дверь... Сказать: «Привет, Юра. Это я, помнишь? Лето восемьдесят шестого, пионерлагерь под Харьковом. Я был там вожатым. Мы любили друг друга...»

И все было бы значительно легче, проще. Не будь ещё тогда горящих огнём полос на спине, и дикого стыда, и полубезумного состояния...

Всё должно было быть по-другому ещё двадцать лет назад. Он не должен был отталкивать Юру и предавать его. Должен был понять, что это никакая не «болезнь», а любовь. Должен был ценить чувства — и свои, и Юрины, позволить ему приехать в Москву тогда. Ведь стоило бы только его увидеть — наверняка возмужавшего за два с лишним года, но все такого же родного и любимого... И всё — не было бы между ними километров и зря прожитых лет, не было бы срывов, обожженных рук и отметин на спине.

Потому что был бы Юра.

Или нет? Или они вскоре разрушили бы отношения, расстались навсегда, не желая больше видеть друг друга, и у Володи в гостиной сейчас было бы пусто?

Володя сдался. Он не мог отключиться, не мог перестать думать.

Он достал блистер с таблетками Игоря, вытащил одну, с трудом разломил и сунул половинку под язык. Во рту разлилась невыносимая горечь. Володя попытался проглотить, но от едкого вкуса горло свело спазмом. Запить бы...

Он тихонько спустил ноги на пол, аккуратно сел на кровати, нашарил на тумбочке очки. Приоткрыв дверь спальни, шагнул в гостиную. Думая о том, лишь бы не разбудить Юру, сразу и не заметил тусклый свет ночника.

А когда заметил, ощутил, как внутри все леденеет.

Юра сидел на диване, смотрел на него странным взглядом, а на его коленях лежала раскрытая старая тетрадь — «История болезни».

Володя сдержал порыв тут же рвануть к нему, забрать тетрадь, порвать её или лучше — сжечь, бросив в тлеющий камин. Но застыл. Вгляделся в лицо Юры, пытаюсь прочесть на нём понятные эмоции: хотя бы злость или, может, обиду. Жалость, в конце концов. Володя не понимал его взгляд. Он был нечитаемым и таким тяжелым, что хотелось отвернуться.

Володя опустил голову, быстро дошел до кухонного стола, налил себе воды и сделал пару глотков. Вцепился пальцами в край столешницы, зажмурился.

Под закрытыми веками мелькали страницы тетради. Он не открывал её уже много лет, но записи оттуда въелись в память пятнами стыда.

Рецепты успокоительных препаратов, направления на ложные обследования к лжепсихиатрам. Записи, которые он вёл по наставлению врача: что красивого и хорошего он видел в девушках, с которыми специально знакомился, и что плохого — в увиденных парнях. Эротические фотографии женщин и его «успехи» с ними.

Сейчас, спустя много лет, Володя понимал, что всё это — чушь. Глупость, шарлатанство. Какого чёрта он вообще хранил эту тетрадку, почему не выбросил её, как только забрал из родительской квартиры? Почему, в конце концов-то, просто не спрятал тетрадь, раз уж принёс домой? Как умудрился попросту забыть о ней?

И в итоге её увидел Юра! Да, он уже знал из писем, как Володя «лечился», но в этой тетради было описано в подробностях каждое его действие.

Он сделал усилие над собой, повернулся и снова посмотрел на Юру. Не удивился бы, если бы того уже не оказалось в гостинной. Но Юра стоял в паре метров от него, будто боясь приблизиться.

— Прости, — сказал виновато, сделав шаг навстречу. — Я не имел права читать это, просто я подумал, что это наша тетрадь из капсулы, обложка такая же... я взял её, а листы распались, выпала фотография, я стал собирать...

Володя покачал головой.

— Всё нормально. Сам виноват, что разбрасываю вещи где ни попадя.

Он ожидал услышать что угодно, но не вину в голосе Юры. Злость, презрение, но не этот мягкий неуверенный тон.

— Ты не злишься? — уточнил Володя.

Юра сделал еще шаг, встал напротив него. Вздыхнул:

— Злюсь. Ты даже не представляешь, как злюсь. Только не на тебя. На общество, которое полжизни внушало, что ты ненормальный. На взрослых, которые хотели тебя «вылечить». На страну, в которой существование таких врачей вообще было возможно. И на себя. Потому что меня не было рядом.

— Нет, Юр, не надо. Не говори глупостей. Это я тогда запрещал тебе приезжать, я был таким идиотом...

Юра грустно улыбнулся.

— Мы оба хороши. Но я должен был приехать и вытащить тебя. А я...

«Вытащить» — какое правильное слово. Тогда Володя сам себя утопил, отрезал единственную нить, за которую мог бы ухватиться, а потом, идиот, жалел об этом полжизни.

Он повернулся боком к Юре, присел на край стола, посмотрел на свернувшуюся у камина Герду. Собаке что-то снилось, она пару раз проскулила во сне, дёрнула хвостом.

Внезапная паника, охватившая его пару минут назад, отпустила. Какой же всё-таки Юра добрый. В этом он остался прежним, не изменился. Вечно себя очернял, а Володю — оправдывал.

«Ты не можешь быть неправильным, это я плохой, а ты — самый лучший». Интересно, продолжил бы он делать так, узнай про все те вещи, которые Володя допускал и сейчас...

И эта мысль вдруг материализовалась, будто вселенная услышала его и решила еще раз поиздеваться.

— Володя... — обеспокоенно сказал Юра. Протянул руку, дотронулся до его обнаженного плеча. — Что это?

Володя дернулся, ощутив прикосновение прохладных пальцев. Он спал в майке, а

выходя из спальни, ничего не накинул на себя. И Юра увидел красный след на ключице.

— Да так, ничего... — Володя сбросил его пальцы, прикрыл ладонью кровоподтек на шее.

— Как это «ничего»? — В голосе Юры слышалась тревога. — У тебя кожа содрана, ты хоть чем-то обработал её?

— Юр, брось, само заживёт.

— Не брошу! — упёрся тот. — Где у тебя аптечка?

На мгновение вспыхнуло раздражение, но Володя сдержался — не хватало еще срываться на Юре. Он ведь просто проявил заботу, но Володя привык заботиться о себе сам, тем более когда дело касалось подобных «болячек».

— Хорошо, сейчас. — Он дошел до шкафчика у дивана.

— Давай я сам. — Юра взял аптечку у него из рук. — Сядь.

Володя присел на край дивана, отвернулся к окну. Под руку подвернулась чёрная тетрадь. Володя покосился на «Историю болезни» так, будто там лежала не бумага, а свернувшаяся кольцом змея.

Юра подумал, что это их лагерные записи: сценарий спектакля, заметки и напутствия друг другу. Но той тетради уже давно не существовало. Володя как наяву вспомнил яркий огонёк, пожирающий истлевшую бумагу, когда в девяносто шестом он пришел в оговоренную дату под иву и не встретил там Юру.

Володя сидел на берегу реки, выдирав один за другим листы, сворачивал их, чиркал зажигалкой и наблюдал, как медленно сгорают слова: строки сценария, реплики героев, несбывшиеся напутствия: «Что бы ни случилось, не теряйте друг друга», — всё равно уже потеряли. И как сгорает самое главное имя, написанное на полях с ошибкой: «Юрчка».

Потом он, конечно, пожалел. В приступе тоски по прошлому он сжег часть того, что от этого самого прошлого осталось.

Юра шуршал чем-то в аптечке, а потом подошел к нему со спины. Упёрся одним коленом в диван. Володя наблюдал в отражении черного окна, как уверенным движением Юра льет на ватный диск перекись водорода, аккуратно обрабатывает поврежденную кожу. Сначала было холодно, потом — защищало. Володя скривился от неприятного ощущения, поймал в отражении легкую улыбку Юры.

Затем в нос ударил резкий травяной запах — Юра открыл тюбик с заживляющей мазью. Володя замер, наблюдая за его рукой.

Мягко и нежно Юра коснулся его шеи подушечками пальцев. Почти невесомо провел по коже, с лёгким нажимом спустился к ключице. Володя не почувствовал боли, только трепет. И услышал, как громко стучит собственное сердце.

Юра смотрел ему в лицо — в отражении. Внимательным серьезным взглядом, который контрастировал с полуулыбкой на губах.

— Это сделал «кто-то неважный»? — произнес он так тихо, что Володя и не понял, вопрос это или утверждение.

Он не знал, что ответить — да и какая разница, правду он скажет или соврет?

— Да.

— Зачем?

Этот вопрос поставил в тупик. Если бы Юра спросил «За что?» или «Почему?», но он будто бы догадался...

— Я сам попросил.

Юра промолчал. Только вздохнул и покачал головой.

Несколько минут, пока Юра осторожно обрабатывал его ссадину, показались Володе как минимум часом.

— Еще где-то надо? — спросил Юра, закончив с шеей. Попытался приспустить лямку майки, задел пальцами кожу на спине. Володя скривился, резко развернулся к нему лицом.

— Не надо, — попросил он, удивившись, как прозвучал собственный голос — почти умоляюще.

«Я не хочу, чтобы ты это видел».

«Я не вынесу, если ты увидишь».

Юра возвышался над ним, упираясь коленями в диван. Володя замер, глядя прямо ему в глаза. Столько всего смешалось в них: страх, переживание, сожаление, вина, понимание. А глаза — карие, большие, такие красивые, такие родные. У Юры дрогнули губы, будто он хотел что-то спросить, но промолчал.

Он протянул к Володе руку — медленно, нерешительно. Подцепил двумя пальцами очки, снял их, отбросил на подушку.

— Юра, боже мой, Юра... — выдохнул Володя и уткнулся лицом в его плечо. Хотел сказать что-то еще, но запутался в мыслях, утонул в терпко-сладком аромате его одеколona, провалился в незнакомый, но такой желанный запах — Юрин.

И почувствовал, как Юра аккуратно положил одну ладонь на его здоровое плечо, а второй погладил по волосам. Его окутало таким нужным сейчас теплом.

Юра касался его волос, перебирал пряди. Тихо дышал в макушку.

— Как же ты страдал. Если бы я только знал, Володя... Как много мы потеряли, — прошептал Юра.

Наслаждаясь теплом и нежностью Юриных рук, Володя закрыл глаза. Казалось, время перестало существовать для него — спустя пять минут, а может, спустя час, он начал проваливаться в сон. Вскоре Юра тихонько шевельнулся — краем сознания Володя ощутил, как его аккуратно укладывают на диван. И, едва голова коснулась подушки, он уснул.

6. Железные крылья

Ему снились пальцы, касающиеся его лица. Тёплыми невесомыми линиями они ложились на щёки, переносицу, глаза, спускались к губам...

Володя проснулся на рассвете — его потревожил солнечный луч, пробившийся сквозь тучи. Он приоткрыл глаза. Первое, что увидел в сонной дымке, — Юрино лицо. Володя слепо прищурился, приглядываясь. Юра спал. Его ресницы подрагивали, уголки губ чуть приподнялись — должно быть, ему снилось что-то хорошее. Эта мысль плавно перетекла в другую: то, что происходило сейчас с Володей, — это тоже сон. Хотелось, чтобы это видение не заканчивалось, и Володя схватился за него, закрыл глаза и снова задремал.

А когда проснулся во второй раз, увидел, что диван рядом опустел. Гостиную, будто стрелы, пронзали редкие солнечные лучи, за окном голубое полотно неба затягивали тяжёлые тучи. В не до конца пробудившемся сознании мелькнул вопрос: «Почему это я спал

на диване? До спальни, что ли, не мог дойти?» Следом вспомнился прекрасный сон: Юра в его доме, разговоры за бутылкой виски, смех, тёплые пальцы на плечах...

Володя отбросил одеяло, спустил на пол босые ноги. Поёжился от холода, потёр переносицу. По привычке потянулся к тумбочке за очками, но тут же опустил руку. Резко моргнув, широко открыл глаза — очки! Юра снял с него очки, перед тем как обнять...

Почти дошедшую до сонного сознания мысль перебил звон посуды с кухни. Мир резко взорвался запахами и звуками: в нос ударил аромат кофе, слышались шум кипящей воды и тихое, но эмоциональное «Verdammt!».

Володя обернулся, снова моргнул, окончательно просыпаясь.

— Прости, — виновато протянул Юра, разливая кофе из турки по чашкам. — Хотел разбудить тебя, когда будет готово... Доброе утро!

— Привет... — растерянно протянул Володя.

Картина мира наконец сложилась. Вчерашний день вспыхнул в памяти эмоциями и событиями.

Юра действительно здесь! В первое мгновение эта мысль показалась настолько бредовой, что Володя захотел дотронуться до Юры — убедиться, что не спятил.

Он глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Поднялся с дивана, поправил мятую майку. Мелькнула идея сходить в спальню, накинуть рубашку, но Володя передумал. Какой смысл? Юра уже видел... И не только видел, но и обрабатывал его повреждённое плечо. Вспомнив прикосновения его пальцев, Володя почувствовал, как по коже бегут мурашки.

Юра подошёл к нему с двумя чашками в руках, протянул одну, присел рядом на диван. С улыбкой посмотрел в глаза. У Володи возникло забавное ощущение, будто это он в гостях. Проснулся на гостевом диване, а ему тут уже и кофе сварили, и Юра такой по-свойски привычный, свежий, с влажными после душа волосами, в Володиной домашней одежде.

«Будто всегда здесь был...» — подумал Володя.

Юра разглядывал его с любопытством, склонив голову набок.

— Как спалось? Что снилось?

— Что-то хорошее... Знаешь, будто я встретился со старым другом...

— И оказалось, что это не сон?

— Ага. — Володя отпил кофе. — В голове не укладывается, что мы встретились.

Улыбнувшись, Юра сощурился и внимательно посмотрел.

— Ты всегда такой забавный по утрам? Я ведь никогда не видел тебя таким... эм... как сказать? — он ненадолго задумался и мечтательно протянул: — Утренним. Всегда встречал уже на зарядке — собранного, умытого, причёсанного. А ты, оказывается, можешь быть вот таким.

И у Володи не возникло даже малейшего желания тут же рвануть к зеркалу, чтобы привести себя в порядок. Почему-то не было стыдно за свой помятый вид. Володя наверняка сидел растрёпанный, с мутным взглядом, ещё и с этой позорной полосой на плече... Ну и что? Юра ведь не ушёл. Юра ведь здесь. Смотрит на него вот такого — и улыбается.

А ещё Володя впервые за последние две недели почувствовал себя по-настоящему выспавшимся. Ему было так уютно. Не хотелось ни о чём говорить, а главное — не хотелось ни о чём думать. Хотелось просто сидеть вот так: сонно моргать, медленно потягивать кофе, прогоняя остатки сна, играть с Юрой в гляделки.

В этом молчании не было натянутости или недосказанности. Лишь немое понимание: никто из них не знал, какое будущее их ждёт и будет ли оно вообще. Главное, что у них уже было нечто огромное и важное — их общее прошлое. Они пронесли его сквозь года, они не забыли друг друга. Юра смог его найти. И теперь Володя ни за что не позволит им потеряться.

Юра резко поднялся с дивана, будто вспомнив о чём-то. Поставил на столик пустую чашку, сделал пару шагов в сторону окна. Володя со странным напряжением и трепетом наблюдал — Юра подошёл к пианино, приоткрыл скрипнувшую крышку, легко, не нажимая, провёл кончиками пальцев по клавишам.

— Я же обещал тебе... — обернувшись, пробормотал он.

И Володя услышал её — чарующую, трогательную мелодию, которая звучала когда-то давно и не здесь — будто в другой жизни. Музыка лилась из-под пальцев, ласкала слух нежными звуками, вспыхивала яркими картинками воспоминаний.

В ней легко было утонуть, ей так сложно было поверить. Но она не мираж далёкого

прошлого, она действительно звучала здесь и сейчас.

Пронзив тяжёлую грозовую тучу, яркий солнечный луч разрезал гостиную пополам. Володя смотрел на Юрину спину сквозь завесу пылинок и почти осязаемого света. «Это сон, очередной болезненно-приятный сон, потому что этого просто не может быть», — снова попытался обмануть его внутренний голос, но Володя ему не поверил. Теперь он точно знал, что это — реальность. Ведь заполняющая комнату музыка была той самой, единственно верной, настоящей. Такую «Колыбельную» не воспроизвёл бы никто другой. Такую «Колыбельную» мог сыграть только Юра.

Володя подался вперёд, перешагнув через завесу из солнечного света, встал у Юры за спиной. Осторожно, практически не дыша, заглянул через плечо, чтобы полюбоваться изящными пальцами, что касались клавиш.

Он мог бы следить за ними вечно — пусть только не останавливаются, пусть всегда играют...

Едва Володя подумал об этом, как мелодия оборвалась, не закончившись. Юра убрал руки, повернулся вполборота, чуть отклонился назад, чтобы не стукнуться с Володей носами.

— Жутко расстроено. Сплошная фальшь, — сказал с улыбкой. — За инструментом следить нужно.

— Прости... — рассеянно прошептал Володя, не уловив смысла сказанных слов. Ведь Юра был так близко...

— Пустяки. Когда-нибудь она прозвучит для тебя по-настоящему красиво.

Да если бы Володя знал, что однажды на этом инструменте Юра будет играть «Колыбельную», то нанял бы настройщика пианино — пусть тот приходил бы хоть каждый день, настраивал...

Глядя Володе в глаза, Юра улыбнулся. Затем опустил взгляд, задержался на губах, медленно моргнул.

— Ладно... Пора бы, наверное, собираться.

Он вздохнул, отвернулся, аккуратно закрыл крышку пианино, нежно погладил лакированное дерево.

— Во сколько у тебя самолёт? — спросил Володя.

— В четыре. Край в три нужно быть в аэропорту. Но мне ещё надо вернуть машину, собрать вещи и до двенадцати выселиться из гостиницы, так что времени мало.

Володя посмотрел на часы — стрелки приближались к десяти.

Его охватило знакомое, давящее ощущение неизбежности расставания. Когда знаешь, что обязательно нужно разойтись, разъехаться по своим сторонам, но так этого не хочешь, что всеми силами противишься этой мысли, гонишь её от себя.

«Не хочется, чтобы ты уезжал, — так и вертелось на языке. — Может, останешься ещё на день?»

Имел ли он право задать этот вопрос? Но когда ещё, если не сейчас? Пройдёт всего полчаса, может, минут сорок, и Юра уедет.

Но тот будто прочитал мысли Володи.

— Я бы ещё остался, если бы не работа. Завтра надо сдать заказ, а я его ещё не закончил, — Юра вздохнул. — Так что... Слушай, есть здесь нормальный путь до ворот «Ласточки»? Боюсь, что если пойду обратно той же дорогой, то после дождя увязну в реке. Или земля уже подсохла, как думаешь?

Володя покачал головой.

— Вряд ли. А даже если и сможешь перейти — там такая грязь, что тебя потом в самолёт не пустят. — Он задумался на несколько секунд и предложил: — Подожди двадцать минут — я соберусь и проведу тебя к воротам через посёлок. Идти дальше, зато чисто и безопасно.

Юра кивнул. Володя скрылся в ванной.

Спустя двадцать минут он стоял перед зеркалом почти собранный. Застёгивая воротник рубашки, краем глаза наблюдал в отражении за Юрой. Получалось забавно — Юра, присев на столешницу, и сам с любопытством рассматривал Володю, притом взглядами они будто специально не встречались.

— Слушай, Юр... — сказал Володя, продолжая смотреть на него. — Довезёшь меня до города?

— Конечно, — ответил Юра, беззастенчиво уставившись ему в глаза сквозь зеркало.

Володя прокручивал в голове всевозможные варианты, как побыть с Юрой подольше. Можно съездить на работу, пока тот будет разбираться с арендой машины и гостиницей. С одной стороны, Володе нужно было появиться в офисе, особенно после вчерашнего прогула. А с другой, пара лишних часов, которые можно провести с Юрой, — слишком ценная валюта, чтобы разменивать её на работу.

— Давай пообедаем где-нибудь вместе? — робко предложил Володя. — Я заберу машину со стоянки, могу отвезти тебя в аэропорт. Если хочешь, я не навязываюсь...

Но Юра довольно улыбнулся.

— Что ты, я только за!

С Гердой он прощался минут пять. Всё трепал её по ушам и чесал мохнатую шею.

— Ну давай-давай, мы с тобой ещё обязательно увидимся...

В ответ Герда стучала хвостом по полу и радостно потягивала. Пару раз она даже попыталась облизать лицо Юры, но тот ловко увернулся.

Когда подошли к ограде коттеджного посёлка, Юра прокомментировал, оглядывая окрестности:

— Хорошее ты выбрал место. Пространства много, воздух чистый.

— Да, — согласился Володя. — И людей мало. Это, правда, пока...

Они прошли по грунтовой дороге вдоль берега реки, пересекли её по хлипкому скрипучему мостику, ступили на узкую тропинку. Ещё пять минут по сырому пахнущему грибами лесу, и Володя увидел припаркованную прямо в кустах серую «девятку». Ещё несколько шагов — и они вышли к воротам «Ласточки».

Пока Юра убирал в багажник грязные сапоги и переобувался в туфли, Володя разглядывал руины того, что когда-то было прекрасным, солнечным и ярким местом.

Когда-то именно здесь Володя в последний раз видел Юру — в заднем окне уезжающего вдаль автобуса. Интересно, а сам Юра помнил, как прилип к стеклу и всё смотрел, как Володя машет ему рукой? Интересно, о чём Юра думал в тот момент?

Наверное, об обещанной скорой встрече. В неё Володя не верил уже тогда.

— Я готов — поехали, — сказал Юра, открывая дверь машины.

До города добрались к половине двенадцатого. Всю дорогу не замолкали ни на минуту. Юра смеялся, рассказывая, как вчера его остановили гаишники и потребовали взятку.

— И, ты представляешь, — возмущался он, — пятьсот, говорят! А я, на минуточку, если никто не забыл, еврей! Ох, и трудно же было побороть то, что в крови!

Володя расхохотался. Несмотря на царящее в машине веселье, ему не удалось расслабиться полностью — из-за по-прежнему нерешённого главного вопроса: «Что делать дальше?»

— Юр, у тебя есть электронная почта? — озвучил он свою мысль. — Нам надо как-то общаться.

— Почта есть, но это не очень удобно... — протянул Юра. — А как насчёт аськи? У тебя есть?

ICQ у Володи была, но он редко пользовался ею, потому что друзья и знакомые писали либо письма на почту, либо СМС. Исключение составлял только Игорь — он аськой пользовался активно.

— Ну да, конечно. Даже на телефоне есть.

Когда они миновали Красношкольную набережную, Володя попросил:

— Высади меня здесь. Я заберу машину и подхвачу тебя у гостиницы. Идёт?

Спустя полчаса Володя уже стоял на парковке перед гостиницей «Харьков» и через лобовое стекло наблюдал, как из дверей выходит Юра с чемоданом в руках. Володя посигналил ему.

— Интересно, — сказал он, закрывая багажник, — почему ты выбрал именно эту гостиницу? Это ж полный совок...

— А я почём знал? — Юра хохотнул и развёл руками. — Двадцать лет назад это была самая крутая гостиница города. Я посмотрел цену — средне, так почему бы и не пожить пару дней с видом на главную площадь города?

— Логично, — отметил Володя. Он взглянул на наручные часы и сказал: — У нас есть примерно полтора часа, чтобы пообедать. Есть какие-то конкретные пожелания?

Юра задумался, оглянулся на рощу высоких деревьев, что протянулась у края площади.

— В этом парке раньше была одна пиццерия, где готовили безумно вкусную пиццу. Я с родителями ходил туда пару раз. Но это же было почти двадцать лет назад, наверняка она закрылась...

Володя пожал плечами.

— Какая-то пиццерия есть возле университета. Вряд ли это она, я тоже там давно не был и не могу точно сказать...

— Да без разницы — пойдём.

Было бессмысленно ехать до парка на машине, поэтому пошли пешком. Пересекли площадь Свободы, миновали памятник Ленину.

— Помнишь эту глупую шутку о том, что Ленин указывает пальцем на туалет? — спросил Володя.

Юра задумчиво хмыкнул:

— Не-а, не помню о таком. А это что, правда?

— Да. Ты же мне сам об этом рассказывал!

— Когда это?

— Да ещё когда мы письма друг другу писали.

— Ты что-то путаешь. — Юра нахмурился, подозрительно посмотрел сперва на Ленина, потом на Володю. — Может, тебе кто-то другой рассказывал?

Володя задумался, вспомнил и, потупившись, ответил:

— Может, и так...

Ему рассказывала об этом Света. Как он мог забыть? Но тогда Володя только переехал в Харьков и всё, что узнавал об этом городе, так или иначе связывал с Юрой. Потому что это был его родной город. Неудивительно, что даже авторство глупых шуток про Ленина память

Володи приписала Юре. Тем более такие шутки были вполне в его стиле.

Они шли по ровным асфальтированным тропинкам парка Шевченко, Юра вертел головой, то улыбался сам себе, то хмурился.

— Всё так изменилось, — сказал задумчиво, когда они проходили по мостику через овраг, внизу которого журчал тонкий ручеёк. — Каких-то баров понастроили, киосков. Раньше тут было пусто.

Несмотря на будний день, в парке шумел народ. Орала детвора, гуляющая перед занятиями в ДДюТ, спешили на пары студенты Каразинки. Гудели свистками продавцы игрушек и сувениров, шелестели пёстрые фольгированные шарики, парящие над прилавками.

— Ты хоть успел по городу погулять? — спросил Володя.

— Нет, когда мне? — Юра пожал плечами. — Я приехал всего на три дня — и то один, последний, специально выделил для «Ласточки». Перед концертом репетировал сутками напролёт. Нужно ведь было с оркестром сыгратся, прогнать программу не по одному разу. Так что только ел, работал и спал.

Они дошли до здания пиццерии — большой стеклянной коробки, скрытой в тени деревьев. На веранде были расставлены столики, но небо с самого утра затягивало тучами — мог пойти дождь. Поэтому Володя предложил сесть внутри.

Когда они расположились возле окна, Юра хмыкнул, театрально принохиваясь.

— Пахнет знакомо. Хотя как я могу помнить запах спустя столько лет? — он хохотнул. — Но, вообще, та пиццерия была совсем другой. Знаешь, я ещё такую классную летнюю площадку помню: там столики и стулья были высечены из срубов деревьев. Огромные круглые пни — столы, а пни поменьше, с вырубленными спинками, — стулья.

Володя кивнул.

— Я помню ту летнюю площадку... — Он не стал уточнять, что приходил туда тоже со Светой — воспоминания о ней были бы сейчас лишними. — Ну а в целом какие у тебя впечатления от города детства? Харьков на что-нибудь вдохновил?

Юра уставился на него, изогнув бровь, будто его удивил вопрос про творчество.

— Неопределённые, — размыто ответил он. — Когда жил в Харькове, нечасто бывал в центре, хотя мой дом в двух станциях метро отсюда. Помню, что город был пустой — не в плане людей, а... серый, как всё при Союзе. Рекламы не было вообще. А сейчас машин стало больше, яркие вывески повсюду. Но в целом, как по мне, современный Харьков мало чем

отличается от любого другого города мира. У него, конечно, есть своя история, и её видно... — не закончив фразы, Юра замолк — им принесли заказ. Дождался, пока официант расставит тарелки и отойдёт, и продолжил: — Сложно сказать, вдохновился ли я. Это скорее воспоминания и размышления, которые могут вылиться во что-то позже... Этот город для меня — всё-таки часть жизни. И то, каким я его вижу, — лишь моё восприятие, след, который я оставил здесь, люди, которых я знал. А другие, вот, например, ты — видят его по-своему. Ты ведь тоже связываешь с ним что-то своё, личное... — он поймал внимательный взгляд Володи. — Что ты так смотришь? Думаешь: «Ой, ну ты и расфилософствовался, давай уже ешь?» Ладно! — и принялся резать пиццу.

Володя прыснул и поспешил его заверить:

— Нет, конечно, я так не думаю. Мне просто интересно тебя слушать.

Потом они ещё пили кофе и говорили. Пытались решить, к какой кухне принадлежит съеденная пицца — итальянской или американской. Пришли к выводу, что к постсоветской — на пышном тесте, как у столовских пирожков, но при этом со вкусной ресторанной начинкой.

Юра рассказывал про свой тур и в каких городах побывал: Москве, Питере, Минске, Риге, Киеве.

Володя поглядывал на часы — минутная стрелка неумолимо ползла к двум. Хотелось остановить её, потянуть время, чтобы ещё хоть полчаса посидеть вот так и просто поговорить. Понаблюдать за Юрой. Запомнить его образ и голос так, чтобы въелись в память.

— А когда у тебя ещё гастроли будут? — спросил Володя.

Юра покачал головой.

— Честно, не знаю. Это занимает много времени, требует вложений... И не сказать, что это выгодно. Я же не занимаюсь академкой на постоянной основе... — он мимоходом тоже посмотрел на часы и встрепенулся. С сожалением сказал: — Чёрт, уже и ехать пора — как время пролетело. Я тебе потом как-нибудь обязательно расскажу про все эти тонкости с гастролями.

— Хорошо, — кивнул Володя, глядя на него с грустью. — Давай обменяемся номерами телефонов и асек? Адрес электронной почты ещё запиши.

Юра тут же достал телефон и стал быстро записывать всё, что говорил ему Володя. Продиктовал свои и улыбнулся.

— Теперь-то интернет развивается семимильными шагами, уж точно не потеряемся. Да?

Это был скорее риторический вопрос, но Володя абсолютно серьёзно ответил:

— Ни в коем случае.

Возвращались к машине под нарастающие раскаты грома. Морозящий дождь усилился так, что последние несколько метров пришлось бежать — косые струи внезапно обрушились с неба, зашумели в кронах деревьев вокруг площади, потекли грязными потоками по старой брусчатке.

Пока они ехали до аэропорта, больше молчали. Володя следил за дорогой — ливень зарядил нешуточный, видимость была плохая, дворники водили по стеклу, ежесекундно мелькая перед глазами.

Юра откинулся на подголовник и, повернувшись к Володе, рассматривал его лицо. Володя то и дело отвлекался на Юру, ловя прямой взгляд.

— Что такое? — в конце концов, не выдержав, спросил он.

Юра лукаво улыбнулся.

— Да ничего. Просто люблюсь. Ты весь такой солидный, в костюме, за рулём...

Володя даже растерялся — они расставались, но Юра явно кокетничал с ним.

Юра засмеялся.

— А почему, кстати, ты без очков? Непривычно видеть тебя без них. Линзы носишь?

— Ага, — улыбнулся Володя. — Я уже давно ношу очки только дома.

— Понятно. А мне нравился... нравились твои очки... — Он отвёл взгляд от его лица и, закусив губу, уставился вперёд.

Оставшиеся десять минут дороги так и ехал, думая о чём-то своём, настукивая пальцами по колену одному ему известную мелодию.

Дождь лил как из ведра.

Скрытая за водяной завесой, внезапно показалась громада аэропорта. Чудо советской

архитектуры из белого камня со шпильями. Помнится, когда Володя его впервые увидел в середине девяностых, на ум пришло только одно сравнение — сталинские высотки в Москве, правда, в уменьшенном варианте.

«Ну вот и всё», — подумал он, паркуясь у входа.

Пока доставал Юрин чемодан из багажника, насквозь промочил пиджак. Только закрыл машину, как они с Юрой бегом бросились по ступеням под навес. Порыв ветра швырнул в спину капли воды.

— Как думаешь, рейс могут задержать из-за непогоды? — перекрикивая шум дождя, спросил Володя.

Юра пожал плечами.

— Не знаю. — Он выглянул из-под навеса, посмотрел вверх. — Вроде не обложной, вон там уже чистое небо. Сейчас на табло увидим.

Последние минуты их встречи тянулись будто намеренно долго. Володя гнал из головы не нужные сейчас вопросы.

Увидятся они снова или опять потеряются?

Как смириться с расставанием, когда они чудом встретились спустя столько лет?

Сквозь шум дождя прорезался гудок трамвая и стук колёс о рельсы. Володя наблюдал, как Юра открывает тяжёлые двери, заходит в фойе аэропорта. Он шагнул следом и погрузился в гомон огромного холла. Шум голосов, стук каблуков о мраморный пол отдавались эхом от стен. Володя суетливо стянул с себя промокший пиджак, идя за Юрой, глядя ему в спину.

Юра остановился, поставил чемодан на пол, посмотрел на табло.

На нём горело три рейса, самый ближайший вылет в четыре — «Харьков — Минск».

— Мой вот, регистрация уже заканчивается, — сказал Юра, обернувшись.

Володя нахмурился.

— Почему Минск?

Юра пожал плечами.

— Из Харькова нет прямых рейсов до Берлина. Только с пересадкой: либо в Борисполе, либо в Минске. Этот быстрее.

Володя кивнул.

Они замерли на полминуты — молча смотрели друг на друга. Володя думал, что надо бы уже сказать нечто в духе «Пока?» или «До скорого?».

Юра сказал сам:

— Ну что, будем прощаться?

Сердце Володи укололо воспоминание — послышался собственный голос из далёкого прошлого: «Мы пришли сюда прощаться...»

Юра улыбался, но сейчас его улыбка выглядела фальшивой.

— Да, — кивнул Володя. — Мягкой посадки и счастливого пути, Юра. Во сколько ты будешь в Берлине?

— В десять по местному, значит, у тебя будет девять.

— Как только приземлишься, сразу напиши мне.

— Хорошо, напишу в аську. Или нет, лучше отправлю СМС, а то не факт, что сразу в интернет смогу выйти.

— Я буду ждать, — кивнул Володя, посмотрел на него и...

И... что? Юра стоял перед ним и натянуто улыбался. Нужно было хотя бы обнять его на прощание. Но ноги у Володи стали ватными, потому что шагнуть к нему, заключить в последнее объятие — значило отпустить его.

«Неправда, — Володя попытался убедить сам себя. — Мы больше не потеряемся, у нас есть все контакты друг друга. Вообще все, даже адреса. Всё будет хорошо».

Сделав над собой усилие, Володя всё же шагнул к нему ближе.

— Долгие прощания — это ужасно, — озвучил Юра их общую мысль.

— И не говори, — Володя покачал головой.

Юра осторожно положил ладони ему на плечи. Володя тяжело вздохнул, похлопывая его по спине.

Хотелось обнять его совсем не так — не как дальнего родственника, не как друга. Хотелось обнять его сильнее, и прижать к себе, и ткнуться носом в шею, и вдохнуть запах мокрых от дождя волос.

— Ты только не пропадай, Юр, — попросил он на выдохе. — Пожалуйста.

Юра покачал головой.

— Не пропаду. Честное слово, больше не пропаду, — он улыбнулся, в этот раз искренне.

Из динамиков прозвучало: «Заканчивается регистрация на рейс 452 “Харьков — Минск”».

— Ну, хватит прощаться, поезжай домой, — негромко попросил Юра, ткнув его пальцами в грудь.

Володя хмыкнул:

— Это ты улетай... в свои дальние края.

Юра подмигнул ему, подхватил чемодан и направился к стойке регистрации. Володя не сводил с него взгляда, пока тот сдавал багаж и получал билет.

У входа в зал с надписью «Паспортный контроль» он обернулся, махнул ему рукой и крикнул:

— Герде привет!

— Хорошо, — крикнул в ответ Володя, наблюдая за тем, как массивные двери медленно закрываются, пряча за собой Юру.

Дождь почти закончился. Недавно затянутое плотными тучами небо чуть просветлело. В прорехах облаков показалась голубизна, солнце пробилось слепящими лучами.

Володя сел в машину, завёл мотор. Переключил передачу, вдавил педаль газа и поехал домой.

Володя вернулся в опустевший дом.

Прошёлся по гостиной, осмотрелся. В глаза постоянно бросались следы присутствия другого человека. В раковине стояли две кружки и две тарелки. На расправленном диване лежало смятое постельное бельё и плед, которым укрывался Юра. К камину почти вплотную было придвинуто кресло, на котором он сидел. Володя вспомнил, как Юра жался вчера к огню. Сам Володя никогда так не делал — закалённый, он вообще редко мёрз, а Юру пришлось согреть.

Нужно было убрать постельное бельё. Володя взял в руки подушку и ощутил запах парфюма — сладкий, с лёгкой горчинкой, такой приятный. Хотелось уткнуться в неё лицом, вдохнуть Юрин запах, прочувствовать и запомнить, но Володя остановил свой порыв и резко стянул наволочку.

По комнате протопала Герда, села у ног и с любопытством уставилась на Володю.

— Чего тебе, предательница? — спросил он, вытряхивая пододеяльник. Собака неуверенно завиляла хвостом. — Если ты спрашиваешь про него, то нет, он не вернётся. Ну... а если вернётся, то очень нескоро.

Закончив уборку, Володя прилёг на диван. Закрыв глаза, прислушался к себе, стал гладить собаку, которая уселась на полу рядом. И ничего, кроме опустошения, не ощутил.

События прошедших недель будто высосали из него все эмоции: и хорошие, и плохие. Образовали внутри него вакуум. Только сейчас, лёжа в тишине, Володя смог проанализировать всё случившееся за последнее время. Смерть и похороны отца, смена должности и возросшая ответственность, отъезд матери и разговоры с ней. Свалившаяся как снег на голову Маша с её проблемами и хлынувшие следом воспоминания, которые давно и с таким трудом были похоронены. Всё это накручивалось снежным комом и в итоге — свалилось на Володю нервным срывом. А Юрин концерт ударил по расшатанной психике финальным аккордом.

Но теперь всё затихло, ком пролетел мимо, оставив внутри зияющую бездонную пропасть. Впервые за много дней в памяти не вспыхивало никаких картин прошлого, на

душе не было ни сожаления, ни тоски... но и радости тоже не было. Володя ощущал только одно: ожидание. Юра обещал написать, когда вернётся домой — в девять по местному времени. Володя глянул на стену — часы показывали десять минут шестого.

Ему вспомнилась вчерашняя ночь: как они сидели на этом диване, как было тепло, как Юра обнимал его. Как щипало шею — Володя всё ещё ощущал призрачные прикосновения его пальцев к коже.

Интересно, что значило это объятие для Юры? Володя гнал от себя любые мысли об их совместном будущем — им бы не потеряться сперва. Но всё же: что значило это объятие? И Юрины лукавые взгляды, и слова с явным подтекстом...

Из размышлений его вывел телефон — пришло СМС. Володя было обрадовался, но писала ему Маша.

«Ну что, уже проводил?»

«Да, больше часа назад».

Только Володя нажал «Отправить», как почти сразу же зазвонил мобильный.

— Рассказывай!

Он не собирался посвящать Машу в подробности — с какой стати, они ведь не настолько близкие друзья. Тем более что пришлось бы рассказать обо всём с самого начала: об иве, о капсуле времени и номере телефона, оставленном в ней. Всё это — их с Юрой прошлое, оно должно принадлежать только им двоим.

Но скоротать время до сообщения от Юры было бы очень кстати. Володя ненадолго задумался, решая, что из произошедшего можно знать Маше, и стал пересказывать отрывки вечернего разговора. Рассказал про Юрины гастроли по СНГ и общие воспоминания из «Ласточки».

Рассказ получился недолгим.

— В общем, договорились, что будем с ним на связи, — подытожил он.

— Слушай, а дай мне его номер. Я бы тоже написала.

— Ты-то? Коневу?

— Для начала я бы извинилась, если ты об этом, — деловито сказала Маша. — Ну неужели он может двадцать лет держать на меня зло?

— Я не спрашивал, но вроде не похоже. Ладно. Но зачем тебе Юра?

— Во-первых, просто так...

— А во-вторых? Маша, давай делись своим корыстным интересом, мне же ещё объясняться с ним, почему дал его номер.

— Плохо же ты обо мне думаешь! Уж прям корыстный... — протянула она деланно обиженным тоном. — Ну... я думаю, было бы здорово иметь знакомых в Германии. Только прямо так ему не говори! Переформулируй как-нибудь...

— Всё с тобой ясно. — Володя лениво улыбнулся. Вот оно — советское воспитание. Иметь знакомых за границей полезно. И пусть пока неизвестно зачем, но не помешает.

— Ладно. Пришлю тебе его номер в ICQ.

— Что за «ай сик ю» такое? — не поняла Маша.

Володя вздохнул, предвидя, что разговор затянется и Маша потом не обрадуется ушедшему в минус балансу на мобильном.

— Перезвони мне на домашний, — велел он.

Их разговор действительно затянулся. Объясняя Маше тонкости пользования аськой, Володя успел вычесать Герду, поиграть с ней на веранде и полюбоваться закатом.

Под конец он спросил, как у Маши дела с Димой — ответом ему был тяжёлый вздох. Они опять повздорили. Дима устроил бойкот и отказывался с ней разговаривать.

— Ставит мне ультиматумы, ты представляешь?! Требуется, чтобы я разрешила Толе у нас ночевать!

Володя фыркнул:

— И что в этом такого? Разрешить!

— Как что? У Димы же одна кровать в комнате.

— Так постели на полу.

— Ну ёлки-палки, Володя! Ты же понимаешь, что дело не в этом? Толя всё равно к нему в кровать перебежит и... Ну ты понимаешь, чем они могут заняться ночью в одной кровати!

— Понимаю. И что?

— И как их остановить?

— Никак, — Володя рассмеялся. — Маш, только не говори, что надеешься их остановить, запретив ночевать вместе. Да им, наоборот, гораздо удобнее заниматься такими делами днём, когда ты на работе!

— А если... — она запнулась. — Ну... если...

— Что?

— Не знаю что! Ну вдруг что-то случится?

— Да что может случиться? Ну не залетит же твой Димочка, в конце концов!

— Что ты такое несёшь?! — зло прикрикнула Маша.

Володя хохотнул, представляя выражение её лица в этот момент.

Попрощавшись наконец с Машей, Володя зашёл в ICQ, нашёл Юру по номеру и улыбнулся, прочитав его забавный ник — YuriKo. Время близилось к девяти, Юра должен был вот-вот приземлиться, но в сети его пока не было. Зато пришло сообщение от другого контакта.

«Какие люди! Надеюсь, твои дела стоили того, чтобы бросить меня в той вшивой гостинице!» — ни с того ни с сего написал Игорь, даже не поздоровавшись.

Володя, удивлённо изогнув брови, закрыл прочитанное сообщение, решив ничего не отвечать. Уж что-что, а выяснять отношения с Игорем у него сейчас не было ни малейшего желания.

Юра не вышел на связь ни в девять, ни спустя ещё полчаса. Володя несколько раз проверил звук на телефоне, зашёл в сообщения — СМС от Юры не приходило. В сети его тоже не было.

Когда Юра не появился и через час, недавно спокойный, даже равнодушный Володя начал нервничать. Ещё через полчаса, когда стрелка перевалила за половину одиннадцатого,

голова заполнилась тревожными мыслями, начала накатывать паника, сердце заколотилось, задрожали руки.

Володя сходил на кухню, выпил успокоительного. Чтобы отвлечься, включил телевизор. Не помогло: мысли всё равно утекали не в ту сторону. Вдруг с Юрой что-то случилось? Вдруг катастрофа? Ну бред же! По статистике, авиакатастрофы — редкость, а смертность в тысячи раз ниже, чем в автоавариях. Головой Володя это понимал, но страх в душе не унимался.

Он снова посмотрел на часы — одиннадцать. Юра всё ещё молчал. Успокоительное не подействовало, и Володя выпил половину таблетки снотворного.

Паника притупилась, стремительно уступая место сонливости. Володя лёг в кровать. Прислушался, как Герда бродит по гостиной. Стук когтей о паркет разносился эхом по пустому дому, и на душе у Володи тоже становилось пусто. Мысли лениво кружились в голове, Володя наслаждался покоем и тишиной, что оставила после себя ушедшая душевная боль.

Кошмар последних двух недель не мог пройти для него бесследно. Володя надеялся, что время, проведённое с Юрой, благоприятно повлияет на его состояние. Интересно, теперь, когда они встретились, его перестанут мучить болезненные воспоминания? Конечно, отголоски столь сильного нервного срыва не могли исчезнуть в один миг, но теперь Володя был готов справляться с ними.

Часы показали пятнадцать минут двенадцатого, но от Юры по-прежнему не было вестей — цветок статуса в ICQ оставался красным.

«Ты как? Всё в порядке?» — написал Володя СМС и продублировал сообщение в мессенджер. Когда-нибудь Юра прочтает и ответит. А может, он на самом деле в сети, просто спрятался за статусом невидимки? С этой мыслью Володя провалился в сон.

Он шёл по пшеничному полю, приминая подошвами золотые колоски. Ветер бросал в лицо хлопья пепла, в воздухе стоял запах гари. Он сделал ещё несколько шагов, почувствовал, как что-то хрустнуло под ногой — кусок оплавленного пластика. Володя поднял взгляд и увидел обломки, разбросанные почти до горизонта, а в центре поля — горящий остов самолёта. Куски металла, сломанные кресла, разбитые стёкла, спасательные жилеты и кислородные маски — всё это валялось на земле, чадя едким дымом. В золоте пшеницы образовались чёрные горящие проплешины. Володя стоял и смотрел, как колоски пожирает огонь.

В поле не было людей — ни живых, ни мёртвых. Володя почему-то точно знал, что

разбившийся самолёт был пуст, совсем пуст, но внутри росло чувство потери.

Он шёл по полю, перешагивая через обломки, искал кого-то, хотя знал, что здесь никого нет...

И вдруг резко проснулся. От кошмара горчило во рту, Володя скривился, садясь на кровати.

Дотянулся до телефона, шурясь, разглядел время — пять минут первого. Нацепив очки, тут же проверил ICQ — Юра написал ему десять минут назад. Спросонья Володя подумал что приложение заглохло, но сообразил, что сообщение написано транслитом.

«Рейс в Минске задержали, а телефон разрядился, не смог предупредить. Прости. Я только зашёл домой. Чем занимаешься?»

Володя аж выдохнул от облегчения. Это сообщение так обрадовало, что он глупо заулыбался.

«Закончил работать, отдыхаю, — соврал он, лишь бы Юра не завершил на этом разговор. — А ты как?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Вот это ты трудоголик, работаешь по ночам! А я устал как собака. Кстати, как Герда?»

«Хорошо. Спрашивала, когда снова приедешь. Что ей передать?»

В ответ Юра прислал смеющийся смайлик.

Спустя пять минут неловкого молчания Володя решил не ждать наверняка неловкого ответа от Юры — иначе тот не отшучивался бы смайликами, — и написал сам:

«У нас уже почти час ночи, я спать. Во сколько завтра напишешь?»

«У нас разница во времени — час, значит, напишу тебе примерно в 9:10-9:30 по вашему времени».

«Ничего себе немецкая точность!»

«Завтра объясню что к чему, — ответил Юра и снова послал смайлик — не смеющийся, обычный. — Сладких снов!»

«Хорошо, буду ждать. Спокойной ночи».

Но стоило только снять очки и отложить телефон, как тот снова пиликнул. Володя, с улыбкой вздохнув, потянулся к нему — Юра забыл ещё о чём-то сказать?

«Что молчишь, динамщик?»

Володя на пару секунд завис, не сразу сообразив, что сообщение пришло вообще не от Юры.

«Игорь, уже ночь!»

«Но ты же не спишь, иначе чего я тебя онлайн вижу? Я всё ещё жду ответа на свой вопрос! Какого чёрта ты бросил меня в той вшивой гостинице?!»

Володя раздражённо выдохнул. Это что же получалось? Значит, Игорю можно было уходить в любое время и бросать Володю одного, если вообще не выгонять из квартиры полуголого? А стоило один раз так же поступить Володе, так всё — враг номер один?

Володя сердито защёлкал кнопками.

«Ну конечно, Игорь, в своём-то глазу и бревна не видно, да?»

«О чём это ты? — быстро ответил Игорь, но на этом не остановился: — Я, вообще-то, всё делал так, как ты хотел! Ты вроде сам попросил и был не против...»

— Да пошёл ты... — прошипел Володя себе под нос и напечатал:

«Если так горит кому-то засадить, то иди порадууй жену!»

Он вышел из ICQ и отложил телефон. Чёртов Игорь испортил настроение, которое и так было не то чтобы хорошим. И вместо того чтобы спокойно уснуть, думая о приятном — о том, что Юра ему завтра напишет, о том, что Юра вообще снова появился в его жизни, — Володя думал об Игоре.

В их первую встречу Игорь был совсем другим — не таким раздражающим, не таким навязчивым. Наоборот, с ним было легко, он показался Володе раскрепощённым и честным с собой. Правильным. Это даже вызывало зависть. И тогда, в девяносто восьмом, их знакомство многое изменило в жизни Володи.

Володя был в отчаянии — теперь иначе и нельзя было объяснить, как он вообще забрёл в тот клуб. Он расстался со Светой почти два года назад и всё это время жил как в тумане: не понимая, зачем вообще держится на плаву и есть ли смысл пытаться двигаться дальше.

Он слышал об этом клубе — из насмешливых, даже презрительных рассказов коллег. Неприметная железная дверь в переулке на Пушкинской, за которой гремела музыка — танцевальная попса. Там не было даже вывески, но Володе хватило одного взгляда на людей, что курили рядом, чтобы понять, для какой публики предназначалось это заведение.

Два парня у входа бросили на него липкие оценивающие взгляды. Вздвогнув от отвращения, он вошёл внутрь без всяких вопросов. Это сейчас, наверное, в подобных местах есть охранники или вышибалы, а тогда туда приходили на свой страх и риск.

Он спустился вниз по ступенькам, оказался в небольшом подвальном помещении. Володе там сразу не понравилось: тесно, накурено, душно. Музыка била по ушам дешёвым некачественным звуком, свет прожекторов выхватывал из темноты лица — мужские и женские, пьяные, искажённые неоном. И всё те же липкие взгляды ложились на кожу стягивающей плёнкой, их хотелось смыть с себя. По углам жались парочки, но во вспышках света невозможно было увидеть картину целиком, только детали: руки под одеждой, сплетающиеся языки, обнажённые части тел. На небольшой сцене у дальней стены — два шеста, на которых извивались практически голые парни — молодые, возможно, подростки, с лицами проституттов и купюрами в трусах.

Всё это вызвало такое отвращение, что хотелось опрометью броситься оттуда. Но в то же время что-то внутри скручивалось, заставляло стоять на месте и наблюдать. Всё это было отвратительно, но не внешней оболочкой, а содержанием: сколько бы Володя ни сопротивлялся, его к этому влекло. И именно это притяжение отравляло сильнее всего: ему нравилось смотреть на полуобнажённые тела, на обтянутые яркими тряпками задницы, на капли пота, стекающие по коже. Ему хотелось влиться в это, стать частью творящегося безумия.

Кто-то задел его плечом, проходя мимо, Володя отшатнулся в узком проходе, случайно прижавшись к кому-то спиной. Он ещё не успел сообразить, что произошло, как ему уже горячо задышали в ухо, а чья-то тёплая сухая рука забралась под футболку. Жёстко огладила бок, поднялась выше, надавила. Тело отозвалось моментально — сладко-терпкой волной желания. Но следом за ней хлынула вторая — волна животного ужаса. Володя вырвался из объятий, ожидая сопротивления, но оказалось, что его никто не держал. А за спиной раздался лишь презрительный смешок.

Володя быстро взбежал по ступенькам вверх и вылетел на улицу. Вдохнул тёплый сентябрьский ночной воздух, который показался ему морозно свежим, споткнулся о низкий порог перед дверью и чуть не упал. Кто-то его подхватил поперёк живота, помогая удержаться на ногах. Он развернулся, дёрнулся. И увидел Игоря.

Конечно, тогда Володя ещё не знал его имени. Просто парень — на вид лет двадцати пяти, может, чуть старше. Непонятного цвета волосы — то ли светло-русые, то ли жёлтые. Светлая кожа, серые глаза — в общем, какое-то совершенно обычное, незапоминающееся лицо. Зато щегольской прикид: клетчатая рубашка поверх белой майки, бордовые брюки.

— Аккуратнее, дорогой, так же и убиться недолго, — сказал он, убирая руку. Кивнул на двери клуба, спросил: — Первый раз тут?

Володя чуть подобрался, одёрнул футболку.

— С чего ты взял?

— Я вас, новичков, всегда узнаю по испуганному взгляду, — он по-доброму рассмеялся и достал из кармана пачку зелёных «More». Сунул тонкую коричневую сигарету в рот, предложил Володе.

— Не курю, — отказался тот.

Володя оглядел его лицо, избегая встречаться глазами. А Игорь, напротив, смотрел смело и цепко. И улыбался — несколько надменно, но тепло.

Тогда ещё Володе казалось, что Игорь особенный, но этот образ очень быстро начал рушиться. Да, с Игорем было очень просто: говорить, открываться, доверять. Он поддерживал, давал советы. А главное — не осуждал Володино влечение к боли, наоборот, иногда даже помогал получить удовольствие от неё.

Но по-настоящему влюбиться в Игоря так и не получилось — и даже хорошо. Хорошо, что их отношения лишь с натяжкой можно было назвать отношениями. В большей мере это была дружба с привилегиями. Володю к нему влекло — телом. Он действительно сходил с ума, дорвавшись наконец до того, что запрещал себе столько лет.

Был, правда, один-единственный момент, когда Володю всё же потянуло не только телом, но и душой. Показалось, что можно всё-таки жить по-нормальному. Снять квартиру и, если не переехать в неё вдвоем, то хотя бы перестать прятаться по углам клубов и номерам гостиниц. Но как раз тогда у Игоря родилась дочь, и он признался, что женат.

Володя очень хорошо помнил свою реакцию — потому что её не было. Игорь что-то объяснял: что не любит Лиду, что всё получилось по залёту и её родители настояли на свадьбе, а он же не совсем козёл, не может же ребёнок без отца расти? Володя лишь понимающе кивал. И когда Игорь, взяв его за руки, с надеждой спросил: «Мы же не расстанемся? Это же не значит, что мы должны всё прекратить? Ты мне дорог, Вова!» Володя тогда тоже кивнул.

Они стали видеться реже. Вскоре Игорь начал противоречить сам себе и обещать, что только Соня подрастёт, он расстанется с женой. Головой Володя понимал, что Игорь вряд ли сдержит слово, но всё равно верил ему. Потребовался целый год, чтобы убедиться — их отношения с Игорем никогда не вырастут во что-то большее, сколько бы тот ни клялся, что разведётся и останется с ним. Володе это уже было не нужно. Однажды вспыхнувший огонёк погас, и разжечь на его месте новый не было никаких шансов.

А окончательно всё испортилось, когда Володя узнал о профессии Игоря. Он всегда избегал этой темы, а Володя и не настаивал — что толку слушать болтовню, если его интересовало в Игоре совсем другое? Но в какой-то момент тот просто не смог уйти от прямого вопроса.

Оказалось, Игорь скрывал, что работает психиатром — решил, что Володя не сможет довериться ему после пережитого в молодости. И отчасти он оказался прав. Сразу стало ясно, почему с ним было так легко говорить, так легко открыться.

«Так ты мне в голову лазил, мозгоправ хренов?» — злился Володя.

«Разве что самую малость и чисто случайно. Вова! Я никогда не пытался тебя лечить, врачебная этика не позволяет мне иметь отношения с пациентами! Я просто хотел помочь!»

А ведь и правда помог. Благодаря общению с Игорем Володя смог наконец твёрдо встать на ноги. Он нашёл себя — пусть только в работе, но он делал в ней успехи. Впереди маячил проект «Ласточкиного гнезда», который требовалось ещё отвоевать у отца. Жизнь обрела смысл, а Володя — равновесие.

Вскоре они расстались. Надоели метания Игоря между ним и семьёй, постоянные обещания, которым Володя не верил ни на йоту. А признание касательно работы стало последней каплей.

Игорь тогда просто кивнул и сказал: «Ну ладно, как знаешь», — и правда больше не искал встречи.

Спустя полгода или чуть больше Игорь позвонил и просто сказал: «Привет! Ну, ты уже перестал беситься? Может, встретимся?» И Володя подумал тогда: «А какая вообще разница?» Он сам не понимал, хочет ли с кем-то нормальных отношений, а даже если и хотел — искать такого человека у него не было ни времени, ни желания. А для секса пару раз в месяц подойдёт и Игорь. Как приятный бонус — разговоры и изредка, перед гостиницей, ужин.

За восемь лет Игорь узнал его слишком хорошо: об отношениях в семье, о редких панических атаках и тяге к самоистязанию, о хронической бессоннице. В конце концов, именно Игорь уже лет пять выписывал ему рецепты на снотворное.

В какой-то степени Игорю всё это давало некую власть и возможность манипулировать Володей. И иногда Володя замечал такие попытки — непонятно, подсознательные или осознанные. Игорь с годами менялся — становился порывистее, резче, навязчивее, требовательнее. И чем больше он менялся, тем сильнее отдалялся Володя. За восемь лет они расставались как минимум раз шесть — и каждый раз Володе всё проще и проще было говорить Игорю «Прощай». Потому что ему было комфортно с Игорем, пока совпадали их желания, а в последние годы Володя всё меньше понимал, чего тот от него хочет. «Расстанусь с женой, и мы будем вместе», — в это уже давно никто из них не верил. А Володе это и вовсе не было нужно. Его вполне устраивали сложившиеся отношения. До случая перед Юриным концертом.

Что бы сказал Юра, узнай он обо всех этих качелях с Игорем? Нет, посвящать его в это нельзя ни в коем случае. Любой нормальный человек осудил бы их: такие отношения неправильные. У Игоря семья, ребёнок, а Володя — просто любовник, который поощряет измены.

Но Юра ведь об этом никогда и не узнает?

7. Всемирная паутина

Володю позабавило обещание Юры написать в точное до минут время. Он даже решил, что тот пошутил. Но нет. Наутро, едва переступив порог своего кабинета, Володя получил сообщение от контакта YuriKo:

«С добрым утром!»

«Здравствуй! Ничего себе ты пунктуальный!» — ответил Володя — часы показывали двенадцать минут десятого.

«Ну так это же я, — написал Юра, добавив смайлик в тёмных очках. — Как ты?»

«Я — хорошо, выспался. А ты? Приятно вернуться домой?»

«Конечно приятно. Здесь всё знакомое, привычное, своё. Правда, пустовато. С собакой было бы веселее».

«Тут ты прав, но собаки требуют много внимания: гуляй, играй, дрессируй, — написал Володя и, стараясь не выглядеть слишком серьёзным, а то и скучным, добавил: — Чеси пузо».

«Чесать пузо, наверное, — самое утомительное?» — поддержал его шутку Юра.

«Не то слово!»

«То есть в идеале у меня должна быть собака, я сам и кто-то, кто будет за ней следить?» — спросил Юра, поставив в конце сообщения хохочущий смайлик.

Володя улыбнулся. Он представил себе Юрино «в идеале», и сердце приятно сжалось.

«Я ни на что не намекаю, — написал он шутливо, — но у меня в этом есть кое-какой опыт».

«Опыт в уходе за собаками? Или в уходе за тем, кто ухаживает за собаками?»

Разумеется, Володя не мог видеть его лица, но был уверен, что в этот момент Юра лукаво улыбался.

«Только за Гердой, — ответил. — Но, знаешь, она ведь и за мной ухаживает тоже: заставляет бегать по утрам, перестирывать верхнюю одежду чаще, чем нужно, ну, ты понимаешь...»

«Уф, спасибо, развеселил. Классная у тебя собака. Вообще вы с ней оба классные».

«И ты, Юр», — написал было Володя, но удалил, так и не отправив.

Ненадолго замолчали. Володе позвонил Брагинский, предупредил, что скоро зайдёт. Но ни работать, ни тем более прощаться с Юрой не хотелось. Володя тянул до последнего.

Написал:

«Что сейчас делаешь? Какие планы на день?»

«Сажу на кухне, пью кофе. В девять пойду работать. В смысле, в девять по моему времени. А ты? Чем ты будешь заниматься?»

«Мне нужно отрабатывать отгулы и сдавать долги».

«Долги? Ты же начальник! Кому это ты должен?»

«Как раз из-за того, что начальник, я должен всем».

Пусть этот разговор и походил на бессмысленный треп, пусть и не в Володином стиле было чатиться, но эту переписку он не считал пустой тратой времени. Наоборот, сейчас для Володи не существовало ничего важнее неё. Потому что — подумать только! — в эту самую минуту Юра, самый дорогой человек его прошлого, делал то же, что и Володя: думал о собеседнике и набирал текст. Володя представил, как он сидит на кухне с чашкой кофе, задумчиво хмурится, а затем улыбается, тут же набирая сообщение. Юра думает о нём прямо сейчас. Между ними почти две тысячи километров, но он будто совсем рядом.

Юра ответил ему смайликом — жёлтый колобок печально вздохнул. Володя поймал себя на мысли, что его начинает раздражать Юрина привычка вместо слов отвечать смайлами. С другой стороны, стало ясно, что разговор заходит в тупик, и это заставило Володю взять инициативу в свои руки.

Он напомнил:

«Юр, ты писал вчера, что расскажешь, почему сообщаем такое точное время».

«Да всё просто: я живу по режиму. Работаю дома, сам себе начальник, но работа у меня творческая, а лень — сильная. И ещё я очень люблю откладывать всё на потом. Но в моей профессии не сделал — не заработал, не заработал — не поел».

Володя приятно удивился, но в ответе немного преувеличил восторг — ему захотелось похвалить Юру:

«Должно быть, это очень трудно — жить по режиму. Это ж какую силу воли надо иметь. Вот ты молодец!»

Юра набирал сообщение долго.

«Это правда тяжело. Отступить от него нельзя ни при каких обстоятельствах. Чтобы писалось хорошо, надо заниматься не меньше семи часов в день. Во всяком случае, так надо мне, у других может быть по-другому».

«Ты сам составил этот график или перенял у кого-то?»

«Конечно сам. Года два составлял и привыкал потом ещё месяцев восемь».

«И вообще не отступаешь от него?»

«Вообще. За последние три года ни разу не нарушил».

«Вау...» — только и смог ответить Володя.

Задумался, что ещё написать, как выразить свой теперь уже неподдельный восторг, но размышления прервал вошедший в кабинет Брагинский. Протянул Володе руку, здороваясь, положил на стол толстую пачку бумаг.

— Они нам, конечно, красивый отчёт по трудозатратам нарисовали. Так с виду и не скажешь, что пытаются нас нае... — Брагинский осёкся — в кабинет зашла Лера, поставила кофе на столик и удалилась, — обмануть.

Володя поднял руку в успокаивающем жесте.

— Ничего, найдём к чему... — он обернулся, заметив, что Лера вернулась с сахарницей, — докопаться. Садись.

Пока Брагинский, пыхтя, устраивался на диване, Володя набрал сообщение Юре, но не успел отправить — тот написал сам:

«Так. У меня по моему шикарному графику... — смайлик в тёмных очках — ...работа до часу дня по Киеву. Потом обед. Могу написать в 13:20. Тебе будет удобно?»

«Конечно! Пиши! Буду ждать!»

Володя обедал не так рано, но пока Юрин режим был для него приемлемым.

Юра прислал в ответ смайлик «Окей», и Володя опомнился, быстро набрал:

«Скажи, где можно купить твою музыку?» — затаил дыхание в ожидании ответа, но его не последовало — Юра вышел из сети.

Володя вздохнул. Он черкнул в ежедневнике «Узнать график Ю», отпил кофе, взял в руку карандаш и открыл отчёт.

Работа кипела, задачи падали нескончаемым потоком, каждые двадцать минут в кабинет кто-то стучался. Володя сидел вымотанный. От каждого скрипа двери, письма или звонка внутренне восклицал: «Оставьте меня в покое!» Но, как назло, дел только прибавлялось и прибавлялось. Всё было не так — он даже сидеть уже не мог: спина от ключиц до ягодиц ныла, напоминая об Игоре и том вечере с ним. Хотелось лечь. А мысли вертелись вокруг одного: скорее бы дожить до обеда.

В час с небольшим Володя выгнал всех из кабинета. Заказал еды прямо в офис, стал ждать сообщений. Прилёг на диван, задумался.

Охвативший его психоз не прошёл окончательно, но Володя чувствовал себя спокойнее. Стыд и чувство вины тлели глубоко внутри, но не рвались наружу так отчаянно и бесконтрольно, как на прошлой неделе. А на душе всё равно скребли кошки. Володю мучали новые вопросы и новые тревоги, новые сладкие воспоминания, новый Юра.

Что между ними будет дальше и есть ли вообще у них будущее? Володя не знал. Единственное, в чём он был точно уверен: Юру отпускать нельзя. Конечно, он изменился, а насколько сильно — ещё предстояло выяснить. Но дело было даже не в том, насколько нынешний Юра отличался от подростка, которого когда-то любил Володя. Теперь вопрос в другом: нужен ли ему взрослый Юра? А наоборот? Безусловно, с годами они изменились, возможно, их уже ничего не связывало, но после той ночи к Юре потянуло так сильно... Его изящные движения, пальцы на обнажённой спине, чудесный запах, жёсткие волосы, тёмно-карие, глубокие глаза, голос, речь, акцент, мягкие «ф» и «х» — всё такое знакомое, но совершенно другое, необычное, притягательное. За проведённое вместе время Володя заметил в Юре кое-что новое, чего никак не ожидал обнаружить в оболтусе Коневе, — жеманность. Но она ничуть не раздражала, даже наоборот — необычайно ему шла. Обо всём этом хотелось думать, хотелось представлять его снова и снова, вспоминать его прикосновения и, быть может, даже вообразить, чем эта ночь закончилась бы, дай Володя себе волю.

Из размышлений его вырвал звук сообщения ICQ. Володя распахнул глаза, бросился к ноутбуку, прочёл:

«Я, конечно, могу узнать список магазинов, но давай сделаем по-другому: давай я пришлю тебе диски по почте?»

Настроение тут же поднялось, а иссякшие было силы вернулись как по волшебству.

Володя улыбнулся.

«Только если с автографом!»

«Договорились. Вечером поеду сдавать заказ, прихвачу диски и постараюсь сегодня же отправить».

«Что за заказ?»

«Саундтрек как обычно».

Принесли обед, и Володя принялся одной рукой есть, а второй — набирать текст. Дважды опечатался, дважды исправил, отправил Юре:

«Так ты этим занимаешься? Пишешь саундтреки на заказ?»

«Это мой основной способ заработка. А что? Скажи ещё, что разочарован?»

«Нет, просто я ничего не понимаю в вашем композиторском ремесле».

«А разве это не логично? Все композиторы писали на заказ. Раньше для опер и балетов. Сейчас, кроме театра, для кино, сериалов, игр, рекламы и прочего».

Володя не знал, как это сообщение прозвучало бы вживую, но показалось, что Юра обижен. Надо было исправлять ситуацию, но Володя не представлял как.

«Юр, мне просто очень интересно, чем ты живёшь, — со всей искренностью написал он. — У нас было мало времени обсудить это лично, я не успел спросить всего. А текстом я выражаюсь... ну, не очень».

Ответ пришёл быстро:

«Я вижу».

Володя едва не прорычал от досады:

— На что в этом чёртовом сообщении можно было обидеться? Что я написал не так? В каком конкретно слове ошибся?

Он ценил возможность переписываться молниеносно. Им бы молодым общаться в ICQ как сейчас — столько ошибок могли бы избежать. Но в быстрой переписке маленькими сообщениями скрывались подводные камни: это только текст, толком не обдуманый, не

передающий ни интонаций, ни истинных эмоций. Не через слово же смайлики вставлять.

Но было бессмысленно сердиться на бездумно написанную фразу. Сделанного не воротишь, а если Юра обиделся, значит, нашёл на что и Володя в любом случае неправ.

«Теперь я тебя даже спрашивать о чём-то боюсь», — набрал Володя и, недовольно вздохнув, отправил смайлик с большими грустными глазами.

«Спрашивай уж, раз начал», — смилостивился Юра. Володя уловил в его ответе иронию.

«На концертах ты тоже играешь саундтреки?»

«Нет. Права на заказы мне не принадлежат. И, вообще, что ты пристал к саундтрекам? Мне заказывают не только их. А ещё я пишу для себя, с этим и выступаю».

Володя решил — эту тему нужно немедленно закрыть, но Юра уже разошёлся. Не меньше минуты Володя наблюдал, как тот набирает сообщение. Пока соображал, как свернуть со скользкого пути, Юра прислал:

«Сразу пресекаю кучу вопросов. Да, я закончил консерваторию и стал пианистом, но понял, что в Карнеги-холле мне не выступать — не хватит ни терпения, ни таланта. Я забил на академическую музыку. Мне проще жить, ковыряясь с заказами, чем выступать на конкурсах, преподавать и заниматься всем прочим, что идёт рука об руку с академкой. Я думал, что это моё, но ошибся. Было жалко нескольких лет жизни, но от правды не уйти. Я плюнул на всё и начал заново».

Володя покачал головой.

«Поражаюсь силе твоего характера. Ты правильно поступил. Занимайся тем, чем тебе больше нравится. — И добавил: — Только не злись на меня».

А в ответ — опять смайлик.

— Блин, Юра! — воскликнул Володя. — Ну что за привычка дурацкая?!

Стал размышлять, как его попросить прекратить отвечать рожицами, но решил, что под горячую руку лучше не лезть.

«Что будешь делать вечером?» — спросил он.

«Работать. А потом пересматривать “Властелин колец”».

«Любишь фэнтези?»

«Не очень. Я смотрю кино в целях саморазвития. Полезно слушать не только своё, тем более что во “Властелине” композитор провёл отличную работу с лейтмотивом. Если не сказать гениальную».

Володя даже выдохнул от облегчения — похоже, что склока улеглась.

«А в чём именно гениальность? Расскажи, я вечером тоже посмотрю».

«Не стоит, этим я тебя только загружу».

«Грузи на здоровье. Мне очень интересно тебя слушать. Только объясни попроще», — ответил Володя, спешно ища в интернете, что такое лейтмотив.

Пусть он и имел представление о лейтмотиве, но понимал, что его знания примитивные, поверхностные, возможно, даже ошибочные. А общаясь с настоящим профессионалом, термины нужно знать наверняка. Нашёл статью, начал читать и тут же бросил — в странице текста содержалась целая куча неизвестных понятий.

— Мда... — он покачал головой, осознавая свою беспомощность. Сколько ещё Володя не знал о вещах таких же естественных и привычных для Юры, как слова вроде «хлеб» и «утро» для всех остальных? Он что, не сможет полноценно общаться с Юрой, не заглядывая в энциклопедию? Узнавать, как у него прошёл день, без шпаргалки?

Нет, это никуда не годилось! Нужно было узнать хотя бы основы, прочесть учебник.

Тем временем Юра ответил:

«В двух словах — это симфония для чайников. Посмотри фильм с закрытыми глазами — и по саундтреку всё равно поймёшь сюжет. Музыка рассказывает его в той же степени, что и визуальный ряд. И даже больше — музыка его предсказывает».

Только они начали обсуждать безопасную и весьма интересную для обоих тему, как настало время работать. Пришлось прерваться. Они договорились списаться в восемь.

Володя вернулся домой, вооружённый дисками с фильмом и двумя книгами: учебником по теории музыки и монографией о музыкальном мышлении — она особенно его заинтересовала, потому что видел такое впервые.

В двадцать ноль девять Юра отрапортовал, что отправил диски со своими записями.

Следом прислал огромное сообщение с анализом саундтрека к «Властелину колец» и ещё два — про лейтмотив братства кольца. Володя прочёл их трижды, а во время просмотра фильма, или, вернее сказать, прослушивания, перечёл ещё несколько раз.

Никакое другое кино не было таким интересным и одновременно утомляющим, ведь пришлось очень сильно напрягать внимание. Таблетки, что прописал ему Игорь, помогали спать, но делали Володю заторможенным. Задачи, которые он раньше выполнял без труда, теперь требовали куда больших усилий. Володя стал спокойнее, но и уставал быстрее — за прошедший рабочий день несколько раз ловил себя на мысли, что мечтает поспать. Но всё-таки вялость была меньшим из двух зол. Уж лучше так, чем находиться на грани истерики.

Фильм оказался неожиданно длинным, и Володя лёг поздно. Выпил снотворное и мгновенно уснул.

Проснувшись позднее обычного, с трудом продрал глаза, Володя сел в машину и обнаружил ещё один минус своего состояния: плохая реакция за рулём — пришлось ехать медленно и очень осторожно.

Поэтому, когда он вошёл в офис, Юра уже ждал его в ICQ больше двадцати минут.

«Что вчера писал: своё или на заказ?» — спросил Володя, когда они обсудили «Братство кольца».

«Вчера получил сценарий, только сел разбирать, как его отозвали. Будут вносить правки».

«Тебе сценарий дают?»

«Бывает по-разному, но, вообще, да. И отбирают тоже, как видишь. Ну ладно, как говорится — нет добра без худа. Или говорится не так? Забыл... В общем, пока переделывают, у меня есть время писать свое».

«Начинаешь новое или продолжаешь старое?»

«Новое».

«Случайно не поездка в “Ласточку” вдохновила?»

«Угадал! Вдохновила — и на редкость сильно. Тишина в ней какая-то особенная, она говорит больше, чем звук».

Володя написал: «А я вдохновил на что-нибудь?» — но тут же удалил и отправил

другое:

«Что это будет? На каком инструменте, в какой форме и так далее?»

«Хочу написать ещё одну симфонию. Но в этот раз нечто светлое, ностальгическое. Столько раз начинал, но не заканчивал. Симфония в принципе сложное произведение, роман в музыке, над ним придётся очень долго работать. А по задумке новое произведение должно быть автобиографическим, а значит, потребует массу сил и нервов».

«Здорово, Юр! Вот бы послушать».

«Пока рано. У меня только наработки. Экспериментирую».

«Когда напишешь какой-нибудь кусочек, дашь послушать?»

«Посмотрим, как ты будешь себя вести», — ответил Юра, и Володя уже знал, что вдогонку получит смайлик.

В легкомысленных разговорах ни о чём прошёл сентябрь. Всё это было забавно и непривычно для Володи. Так много он не общался в сети ни с кем, даже с Игорем. В Юре Володе нравилось всё: от его точности до — пусть он и не признавался себе в этом, — смайликов. Но в глубине души Володя понимал, что они пишут друг другу только для того, чтобы не потеряться снова. В остальном переписка была, по сути, бессмысленна, ведь дальше неё всё равно ничего не зайдёт.

А разговоры с каждым разом становились всё более бессодержательными и короткими.

Мысль о том, что рано или поздно темы попросту закончатся, пришла к Володе неожиданно. Перед сном, лёжа в кровати, он по привычке заглянул в ежедневник — напомнить себе, какие дела ждут его завтра, полистал книгу по музыкальному мышлению и выяснил, что в ней в основном идёт речь о физиологии мозга, поэтому решил отложить её на потом. С большим трудом прочёл две главы музыкальной теории, ничего не запомнил, зато убедился, что вечером ему не удаётся нормально усваивать информацию. Убрал книги в сумку, чтобы читать их днём, в перерывах на работе.

Он выпил снотворное и стал ждать, когда то подействует. На душе было беспокойно: его мучили мысли не о встречах, отчётах и распоряжениях, а о переписке — о чём говорить завтра? Не про теорию же музыки, это глупо. И ещё глупее — про работу. Одно успокаивало: когда придёт посылка от Юры, он точно найдёт, о чем рассказать. Но в подсознание закрался страх: пусть они с Юрой и могли обсудить все вещи в этом мире, но рано или

поздно им станет не о чём говорить, станет сложно писать друг другу.

Что будет делать Володя, когда все темы закончатся, а новых не найдётся, потому что они далеко друг от друга и живут совершенно разными жизнями? У них нет общих увлечений, есть только прошлое, но нет настоящего и будущего. Но Володя не мог позволить себе снова потерять то, что было так важно.

И, видимо, Юра думал о том же самом. Он находил темы из ниоткуда: присылал фотографии того, что его окружает — домов, сада, каких-то церквей, — и писал просто о том, что видел сегодня.

Однажды прислал фотографию метронома с надписью «Работаю». Володя в ответ загадал загадку, выслав фотографию подарка от фирмы-партнёра: похожей на циферблат пластины, на которой под углом сорок пять градусов был закреплён штырь, а с его наконечника свисала тонкая цепь с грузом — золотистым конусом.

Юра не узнал в сувенире строительный отвес, а когда Володя написал отгадку, пошло отшутился.

«Я не знаю, что это, — написал Юра. — Сдаюсь. Пиши ответ».

«Это строительный отвес».

«Почему?»

«Что “почему”?»

«Почему он отвес? Мало внимания уделяешь?»

«Зато посмеялись», — ответил Володя без тени улыбки на лице. Их общение стало выглядеть невероятно жалко.

Наверное, Юра считал так же, но упрямо продолжал писать, даже когда было очевидно, что он теряет интерес. Каждый день в строго отведённое время, утром в девять, в обед и вечером в восемь, он отправлял бессмысленные сообщения и глупые фотографии.

Володя ждал его посылку как никогда. Он уже потерял всякую надежду получить Юрину музыку, но всё-таки дождался — седьмого октября в дверь позвонил почтальон и передал ему коробочку с двумя дисками, подписанными косым почерком.

На первом Володя прочёл: «Володьке от Юрки». На втором: «Моему особенному

другу». Сердце сжалось. Володя даже не сразу осознал, что держит в руках годы Юриных мыслей, облечённых в музыку. Его опыт и чувства — всё было здесь.

«Я получил твои диски. Не могу найти слова, чтобы выразить, что чувствую, держа их в руках», — отправил Володя в офлайн. Была суббота, он скучал дома, но Юра работал по привычному графику и ответил бы не раньше, чем через пару часов.

Володя включил музыку и перечитал своё сообщение. Оно показалось ему таким нелепым, что пришлось добавить:

«Ненавижу аську. У меня не получается текстом передать то, что хочу. Всё как-то расплывчато и безэмоционально».

Через два часа пришёл ответ:

«Володь, ты не хочешь созвониться?»

«Хочу. Когда? Сейчас?»

«Когда хочешь. У тебя есть скайп?»

«Нет. Я на мобильный наберу».

«Погоди, не спеши. На мобильный не надо — это очень дорого».

«Цена — это не аргумент. На пять минут денег хватит».

«И какой толк от пяти минут? Лучше установи себе скайп, поговорим нормально. Можем даже с видео, если твой интернет позволяет».

Володя слышал о скайпе, но никогда им не пользовался. Вообще это казалось ему подозрительным — видеозвонки, да ещё и бесплатно. Впрочем, Юра быстро расставил все точки над «і» — для скайпа требовался быстрый интернет, которого в «Ласточкином гнезде» не было и пока не предвиделось. Но в офисе такой интернет был. Дорогой, не безлимитный, но быстрый. Главное, звонить, когда все сотрудники разойдутся по домам, чтобы не делить с ними скорость.

«Завтра поеду в офис. Буду ждать от тебя команд, что нужно сделать, чтобы тебя увидеть».

«Хорошо», — ответил Юра и задал универсальный вопрос, от которого Володю уже

мутило. Правда, без него их общение прервалось бы ещё месяц назад:

«Что ты сегодня делал?»

«Отдыхал, — сухо ответил Володя. И вдруг вспомнил свою старую и, как он считал, дурацкую идею, о чём поговорить. Подумал, кивнул сам себе — пусть дурацкая, зато тема. — Читал книгу по теории музыки».

Юра ответил не сразу — пара минут прошла, прежде чем Володя получил:

«Зачем это тебе?»

«В смысле? Ты же музыкант, как нам говорить о твоей жизни, если я ничего не знаю о музыке?»

«Зря ты так шутишь».

«Я не шучу. — Володя сфотографировал книгу. — Прими файл».

Он увидел, что Юра скачал фотографию, и стал ждать ответа. Но Юра не отвечал даже слишком долго.

«Ты где?» — поторопил Володя и получил мгновенный ответ. Юра будто повторил его сообщение:

«Иногда я тоже ненавижу аську. Когда надо думать, что собираешься сказать, формулировать».

«Для меня ничего формулировать не надо, просто скажи, что на уме», — написал Володя, но ждать всё равно пришлось. Юра набирал сообщение не меньше пары минут.

«Мне очень приятно. Никто никогда не интересовался, чем я живу, настолько, что даже книги бы читал. Ну, то есть по-настоящему интересовался. Музыка не просто важна для меня, она — это и есть я сам. Даже близкие не понимают, как много она для меня значит, хотя спрашивают, но ты вот... Книги читаешь ради меня. Я такого не ожидал».

«Не ожидал от меня? Это ещё почему?»

«Вообще ни от кого не ожидал».

После таких слов Володя был попросту обязан не только закончить обе эти книги, но и прочесть как минимум десяток-другой.

Теорию музыки в будни он оставлял на работе, но на выходные брал домой, так что она всегда была с ним. Закончив переписку с Юрой, Володя положил в сумку и вторую книгу, показавшуюся ему бесполезной и слишком сложной — о музыкальном мышлении. Теперь ему хотелось изучить всё, даже косвенно касающееся музыки. Тем более книгу о том, как работает мозг музыканта.

Подозревая, что придётся долго возиться с установкой скайпа, Володя приехал в офис с утра. Охранник, привыкший, что начальник и раньше работал без выходных, даже не удивился, открывая ему дверь.

Володя вошёл в кабинет, по Юриной инструкции стал скачивать и устанавливать скайп. Всё работало очень медленно. Пока ждал, на удивление продуктивно поработал, а когда закончил, взялся за книгу по теории музыки. Но, не успев начать, отвлёкся на сообщение в ICQ.

Писал Игорь. Он даже не поприветствовал Володю.

«Ты вообще собираешься мне писать?»

«Сам бы написал, если так заждался», — равнодушно ответил Володя. Не хотелось даже вспоминать об Игоре, а общаться с ним — и подавно. Тем более что, судя по всему, тот собрался выяснять отношения.

«Значит, извиняться ты не собираешься?»

«Я? Я должен извиняться? Перед тобой? Игорь, ты что-то путаешь», — быстро набрал Володя, увидев, что Юра появился в сети.

Володя открыл окно чата с YuriKo и прочитал:

«Привет! Вечером всё в силе?»

«Здравствуй! — ответил он. — Да, специально приехал в офис пораньше. Устанавливаю».

«И как успехи?»

«Жду письма с подтверждением регистрации. Книжку читаю».

«О! Ну и как, готов к экзамену?»

«По теории музыки? А можно мне автомат?»

Юра прислал хохочущий смайлик, Володя улыбнулся.

В другом окне, в чате с Игорем, тоже пришло сообщение. Володя переключился на него, прочёл:

«Ты меня кинул в гостинице, просто взял и ушёл. И ждёшь, чтобы после такого облома я сам тебе писал?»

«Игорь, а тебя ничего не смущает? В своём поведении в гостинице, я имею в виду».

«Что меня должно смущать? — тут же ответил Игорь. — Я просто делал то, что ты просил».

Володю начал злить этот разговор. Он заколотил пальцами по клавишам:

«Только это и больше ничего? Ну-ну... Может, тебе показалось, что я был в неадеквате, но, прикинь, я прекрасно осознавал, что ты хотел меня отыметь!»

Он отправил сообщение и переключился обратно на чат с Юрой. Тот писал, что освободится сегодня пораньше, в девятнадцать пятьдесят. Володя собирался ответить что-нибудь забавное, но прозвучало уведомление от почты — пришло письмо с подтверждением регистрации.

«Кажется, всё получилось», — написал Володя в чат с Юрой и свернул ICQ, спеша закончить установку скайпа.

Когда дело было сделано, Володя принялся изучать скайп. Стал искать в нём контакт Юры и увлёкся так сильно, что аж вздрогнул от неожиданности, услышав тихое «о-оу». В ICQ пришло сообщение. Сосредоточенный на скайпе, Володя рассеянно взглянул на всплывшее внизу экрана окошко — ник Игоря и маленькое, обрезанное сообщение:

«Отыметь? Ты чег...»

И тут Володя окончательно разозлился. Он свернул скайп, открыл ICQ и набил текст так яростно, что под пальцами жалобно скрипнул ноутбук. Не глядя, ударил по клавише Enter, и в чате появилось:

«Выпороть, Игорь, не значит отыметь! Ты пытался воспользоваться моей невменяемостью и чуть не изнасиловал, когда я был не в состоянии отказать».

Ответ на его сообщение пришёл незамедлительно. Станный ответ.

— Что за?.. — пробормотал Володя, читая.

«Что за херня у тебя творится?! Ты там совсем с ума сошёл? Прошлого раза не хватило?!»

Володя поднял взгляд на строчку выше, к имени собеседника — YuriKo. И беспомощно уставился на окно чата с Юрой — последнее сообщение Володи начиналось со слов «Выпороть, Игорь, не значит...».

Осознание случившегося пришло к нему не сразу. Внутренний голос протестовал: «Да быть не может!» Мозг отказывался принять, что Володя отправил *такое* сообщение не тому адресату. Как он вообще умудрился это сделать, ведь окна-то разные?

Сколько бы Володя ни сопротивлялся, глаза видели другое — он отправил *это* Юре.

Сердце на миг замерло и ударило так, что стук эхом отразился в голове. Володя обхватил ладонями лицо. Он много раз слышал выражение «провалиться сквозь землю», но даже не догадывался, что это чувство может быть буквальным. А оно таким и было! Володя *буквально* опускался ниже и ниже — кресло чуть откатилось назад, будто призывая его спрятаться под стол.

Время тянулось, Юра молчал. Володя пытался придумать ответ, но что он вообще мог сказать?

— Дурак, не молчи, — прошипел сквозь зубы сам себе. — Напиши хоть что-нибудь!

И стал набирать совершенно дурацкое сообщение, прекрасно понимая его ничтожность:

«Это было не тебе».

Юра ответил мгновенно и зло:

«Да я, блин, и так понял, что не мне».

«Только не думай обо мне плохо», — написал Володя, кривясь от того, насколько жалобной получилась просьба и насколько жалким стал он сам. Володю охватило настолько сильное чувство стыда, что он не покраснел, а побледнел.

От ответа Юры стало ещё хуже:

«Я не буду говорить об этом сейчас, мне надо работать».

Володя опустил голову на сложенные на столе руки.

Кем он стал в глазах Юры теперь, со своими мерзкими пристрастиями? Гадким психом? Володя не удивился бы, окажись всё так. Тут нечему удивляться: отвращение — нормальная и вполне предсказуемая реакция.

Володя с трудом нашёл в себе силы спросить Юру:

«Ты ещё напишешь мне вечером?»

Но тот, явно взбешённый, проигнорировал вопрос.

«Ты скажи мне только одно: тебе реально было мало прошлого раза?»

«Это не ещё один раз, я и писал про прошлый. Больше я даже не виделся с ним — и не хочу».

«Не хочешь видеться или не хочешь, чтобы тебя били и унижали?»

«Никто меня не унижал! Я не мазохист! Это был исключительный случай!» — чуть было не отправил Володя, но удалил, рассудив, что такой ответ может стать поводом для новых разборок. Отправил наиболее безопасное:

«И того, и другого».

Володя видел, что Юра набирает сообщение. Глядя на иконку пишущего карандаша, он терпеливо ждал целую минуту, прежде чем тот остановился и пришло неожиданно короткое:

«Всё, ухожу. Мне надо работать».

«Юра, подожди! Я всё испортил?»

«Нет, я просто занят. Я напишу тебе вечером. До свидания, Володя».

От стыда и злобы хотелось рычать. Володя встал из-за стола, пошёл умыться. Посмотрелся в зеркало — бледный и всклокоченный. Опять какой-то жалкий. Странное наступило время — раньше день за днём он становился сильнее и крепче, а теперь все труды прошлых лет, будто слепленные из песка, рассыпались прямо на глазах. Неужели они на самом деле ничего не стоили? Неужели всё, чего Володя добился, — создал красивую маску?

Он вернулся в кабинет, сел за стол. Сообщение от Игоря всё ещё мигало, он ждал ответа.

«Отыметь? Ты чего? Ты обиделся на то, что я хочу тебя?»

«Я не обиделся, но теперь не знаю, смогу ли тебе доверять. Ты мог бы просто попросить тогда».

«И ты бы не отказал?»

«Нет».

«Хорошо, я прошу тебя, давай поменяемся местами?»

Володя не стал отвечать сразу. Тупо смотрел в экран. Думал о том, что все эти разборки с Игорем, словно мышьяная возня, глупы, мелочны и бессмысленны. Но как много от них вреда.

Зазвонил телефон, на экране высветилось: «Игорь». Володя не хотел его слышать и сбросил. Игорь написал в ICQ:

«Вов? Почему не берёшь трубку?»

«Не хочу. Не до тебя сейчас».

«Почему? Сегодня выходной!»

«Да просто не до тебя», — спокойно ответил Володя, но реакция Игоря была агрессивной:

«Вот так, значит? Тогда пошёл ты, чёртов невротик! Было бы перед кем унижаться!»

Прочитав, Володя даже бровью не повёл. За годы общения не только Игорь узнал Володю, но и Володя Игоря. Он наизусть выучил все его реакции, нашёл, на какие точки надавить, и сейчас спровоцировал Игоря специально. Не ответив, закрыл окно чата. Реакция Игоря была предсказуема: для него просить прощения и правда было сродни унижению.

И всё-таки Игорь был прав: у Володи бывали срывы, и тот, что произошёл в сентябре, — далеко не первый. А Игорь не раз помогал ему справиться с ним — разговаривал, выписывал рецепты. А ещё однажды, в самом начале их общения, сделал то, о чём попросил Володя, — выпорол.

Можно было по пальцам сосчитать, сколько раз эта проклятая порка вообще случалась в его жизни: всё в молодости и вот недавно — в сентябре. Не больше десяти раз за почти сорок лет! И о последнем разе сейчас узнал Юра. Нужен ли Володя ему такой, какой есть, — невротик? Не испугается ли?

— Так, стоп, — приказал Володя сам себе. — Хватит стыда и вины.

Он не мазохист. Но даже если бы Володя был им, то это его личное дело и стыдиться здесь нечего. Тем более Юра знал про шрамы — и всё равно его принял. Но дело было вовсе не в них. Своим сообщением он окунул Юру в грязные подробности того вечера. Подробности столь унижительные, что Володя не знал, как теперь смотреть ему в глаза и захочет ли Юра вообще с ним увидеться.

Захотел. Во всяком случае, сдержал слово и написал, как обещал, в девятнадцать пятьдесят семь:

«Вечером всё в силе?»

«Да, я жду тебя», — ответил Володя и замер в кресле, не отводя напряжённого взгляда от экрана ноутбука.

Юра писал долго. Каждый удар секундной стрелки бил по натянутым нервам.

Володя весь день места себе не находил, искал отговорки и придумывал, как будет объясняться, если они вообще созвонятся с Юрой. Он ожидал встретить осуждение или неприязнь, но, когда ответ наконец пришёл, так и замер с приоткрытым ртом — Юра извинялся.

«Володя, я всё обдумал, пока работал. Я хочу извиниться за свою реакцию, я не должен был тебе грубить и оскорблять словами или тоном. Я понимаю, что всё это меня не касается и я не должен лезть в твою личную жизнь».

Володя аж выдохнул от облегчения. Ещё раз с лёгким сердцем перечитал сообщение и написал первое, что пришло в голову:

«Да лезь сколько угодно, Юр. Я же понимаю, что ты желаешь мне только добра».

«Ты меня прощаешь?» — написал Юра, дополнив сообщение извиняющейся рожицей.

«Конечно!» — ответил Володя,

«Хорошо. Тогда позвоню через пять минут».

Володя подскочил к зеркалу, принялся критично оглядывать себя. Сегодня он выглядел куда лучше, чем в день их встречи под ивой. Вполне удовлетворённый своим внешним видом, он на всякий случай ещё раз причесался, расправил воротник поло, обнажая шею, и поправил кардиган.

Сел в кресло, глубоко вздохнул и выдохнул, унимая мандраж. И через пять минут сам позвонил Юре.

Когда соединение установилось и на мониторе показался тёмный силуэт, Володя сипло прохрипел:

— Здравствуй.

— Ты опять без очков? — разочарованно протянул Юра.

Володя затаил дыхание. Связь была так себе — размытая картинка то замирала, то двигалась. И, пусть плохая, главное — она была. Ведь вскоре Володя смог увидеть Юру — копну его тёмных волос на фоне комнаты, где ничего, кроме коричневых обоев и чёрной громады в углу, невозможно было рассмотреть. Сначала его лицо состояло из мелких квадратиков. Было понятно, где глаза и рот, но черты не разобрать, но вскоре его лицо стало отчётливым. Юра улыбался. Володя тоже расплылся в улыбке.

— Я в линзах. Но в следующий раз специально для тебя надену очки.

— Давай, — послышался Юрин голос, и картинка замерла.

Когда она ожила, Юра сидел уже в другой позе и держал в руке бокал с тёмной жидкостью.

— Виски? — спросил Володя

— Ром. Йо-хо-хо! — воскликнул Юра.

— А мне за руль. — Володя пожал плечами.

— Знаешь, если никогда не расслабляться, как, видимо, делаешь ты, можно съехать с катушек.

— Обычно я плаваю в бассейне, это хорошо расслабляет...

— Кстати о катушках! — перебил его Юра. Хитро улыбнулся и начал: — Раз ты не против того, чтобы я лез в твою личную жизнь, то теперь, когда я спокоен, поговорим о

важном. Кто такой этот Игорь и какое место он занимает в твоей жизни?

— Я не хочу об этом. Давай сменим тему, пожалуйста.

Юра пожал плечами и принялся молча разглядывать Володю. Выпил рома, кашлянул и произнёс:

— Хорошо, сменим. Только позволь мне сначала высказаться.

Володя поёрзал на кресле, тяжело вздохнул:

— Критиковать меня будешь...

— Не тебя — его. — Юра прокашлялся и произнёс очень серьёзно: — Володя, тебе нельзя быть с таким человеком, как этот Игорь. Особенно если ты любишь «экстремальные» развлечения.

— Да я не... — Володя начал было объясняться.

Юра поднял руку.

— Не перебивай! Этот Игорь опасен. У тебя сложное прошлое, и к тебе надо относиться с особенным вниманием, беречь. Ты доверяешь ему себя, а он неосторожен настолько, что у тебя остаются такие страшные раны, так ещё и... поступает так подло. Он не заботится о тебе.

— Слушай, — остановил его Володя. — Игорь не такой гад, как тебе кажется. Именно он помог мне примириться с собой. Показал, что таких, как мы, много, а быть геем — не так уж и страшно. Я знаю его восемь лет, и всё это время он поддерживает и помогает.

Юра ядовито усмехнулся:

— Хорошую он тебе помощь оказывает!

— Юра, в любом случае Игорь теперь в прошлом. А после того раза, о котором ты сегодня случайно узнал, у нас не будет больше никаких отношений, — уверенно сказал Володя. И тут же переспросил себя — правда ли это. Ответ не пришлось искать долго — это была правда.

— Сто процентов? — уточнил Юра.

— Да.

— Хорошо, — Юра кивнул и отвернулся от камеры. Глядя в сторону, негромко проговорил: — Я, конечно, взбесился, когда прочитал сообщение, но на самом деле — очень

хорошо, что я узнал о ваших с ним делах.

— Почему? — Володя нахмурился. Говорить об этом было так неловко, что он не смел смотреть даже в монитор, а тем более в камеру.

— Потому что теперь я сделаю всё, чтобы не позволить тебе быть с таким опасным человеком. Если тебе нужен экстрим, то найди того, кто не будет рисковать твоим здоровьем. Ты красивый, для тебя явно не проблема найти партнёра.

— Юра, но это совсем не то, о чём ты подумал! — затараторил Володя, не разбирая толком, что несёт. — Это случайность. Да, было, но всего пару раз. Это просто эксперимент, который вышел из-под контроля, и ничего больше!

— Ну, значит, тебе нужен тот, кто способен контролировать тебя, — серьёзно произнёс Юра, но тут же ехидно улыбнулся: — На тот случай, если «эксперимент» повторится.

— Да нет же, я не нуждаюсь... мне такое не нужно, — начал Володя, но осёкся, не зная, как лучше сказать, чтобы Юра понял правильно. — Блин, Юр, не мучай меня, я не хочу об этом!

— Ладно, не будем, — смягчился Юра. Он налил себе ещё рома, сделал глоток и закусил то ли апельсином, то ли грейпфрутом. Затем, лукаво улыбаясь, протянул: — Та-ак, значит, кто такой Игорь, мы выяснили. Рассказывай про других парней. Какие ещё ошибки ты на совершал?

Юра улыбнулся так искренне, что Володю не смутила ни формулировка вопроса, ни его суть. Володя почувствовал, что наконец может расслабиться.

— Знаешь, можно сказать, что других у меня и не было. Были попытки завести отношения, но то ли в Харькове мало серьёзно настроенных парней, то ли это не модно, то ли мне попадались лишь те, кому отношения неинтересны... — признался Володя и замолчал на полуслове.

Задумался, как рассказать Юре максимально коротко о парнях, с которыми знакомился, когда в очередной раз расставался с Игорем. Вспоминать было толком нечего, да и рассказывать — тоже: с одним просто переспали, а со вторым — даже до постели не дошло.

Юра тихонько прокашлялся, вырывая его из размышлений. Володя поднял на него взгляд и уверенно произнёс:

— В общем, скажу так — другие были, но даже ошибками я бы их не назвал. От встречи с ними в моей жизни не изменилось ничего: не стало ни лучше, ни хуже. Те встречи не были ошибками, и те парни ошибками не были — они были никем.

Юра цокнул языком.

— Вот не зря ты на дипломата учился — красиво увильнул!

— А ты? Кто был у тебя? — прямо спросил Володя.

— Ну... кроме таких же, как у тебя, из «не ошибок» был только Йонас.

— А почему вы расстались?

— Потому что он мудака, — хмыкнул Юра. — В моём представлении, жить с творческим человеком — это значит принимать творчество как часть личности, как черту характера. Особенно если творчество — это призвание. Йонас так не умел. Он разделял меня и мою музыку, мол, потом напишешь, а сейчас пошли в клуб. В общем, относился к ней несерьёзно. А я считаю — если несерьёзен к музыке, значит, несерьёзен в отношении меня. Значит, на меня наплевать.

— А после него кто-то был?

— «Не ошибки». Просто секс, отношений не было.

— Вообще? А не одиноко?

— Для одиночества нужно свободное время, а я организовал жизнь так, чтобы свободного времени не было.

«Ну-ну», — подумал Володя. Он тоже каждый день с утра до ночи крутился как белка в колесе.

Они помолчали. Володя ещё раз оглядел комнату Юры. Коричневые обои оказались стеллажами вдоль стен, возле двери висели рамки то ли с фотографиями, то ли с дипломами. А чёрная тень в левом углу оказалась ничем иным, как пианино.

Только его взгляд упал на инструмент, как Володя попросил:

— Сыграй мне что-нибудь. Если сможешь, конечно.

— В смысле, если смогу? — не понял Юра.

— Ну, после пары стаканов рома, — пожал плечами Володя.

— Пф-ф-ф... — Юра закатил глаза. — Что сыграть?

— Не знаю... Что ты написал сегодня?

— Аранжировку. Скучную и нудную, от которой уже тошнит.

— Тогда что-нибудь другое на твой вкус, нежное или грустное.

— Ноктюрн? Ну, давай попробуем... — Юра пересел в угол за пианино и повернул к себе камеру. — «Грезы любви» Листа годятся?

— Годятся, — улыбнувшись, кивнул Володя. Он не знал никаких «Грез» Листа, но главным было, чтобы Юра играл.

Когда тот начал, Володя, не отводя взгляда, уставился на него, следил за каждым его движением, пытался поймать и запомнить каждую эмоцию на его лице. Любуясь, он старался не думать ни о чём, но одна мысль всё же мелькала в голове: когда в мире существует такой человек, как Юра, никто, кроме него, не может иметь большего значения для Володи.

В переписках в ICQ прошёл октябрь. Они с Юрой больше не созванивались в скайпе потому что звонки действительно оказались дорогими. Но Володя и без них не чувствовал себя одиноким — он ощущал присутствие Юры в своей жизни. Он твёрдо знал, что каждое утро ровно в девять раздастся весёлое «о-оу». Они напишут друг другу и в обед. И, главное, вечером, только он ступит на порог своего дома, его будет ждать весточка от Юры.

Он торопился закончить все дела ко времени очередного разговора, игнорировал чужие звонки, когда они общались, заранее выгуливал собаку, чтобы не отвлекала.

Но это касалось не только «их» времени. Володя поймал себя на мысли, что думает о нём постоянно: что бы сказал Юра о том или ином фильме или передаче, может ли ему понравиться этот галстук или пальто, купил бы он себе такие? Что он ест в своей Германии, скушает ли по оливье или борщу? Володе хотелось узнать о нём всё. И он задавал эти вопросы без стеснения, потому что Юра убедил его в том, что ему так же важны эти разговоры.

Эмоциональное состояние Володи улучшилось, нервы, казалось, окрепли, но засыпать без снотворного он все ещё не мог. Пил по половинке, но, как ни старался экономить, прописанные Игорем таблетки кончались. А это значило, что встреча с ним неминуема. Не желая видеться, Володя тянул до последнего, а Игорь, наоборот, стремился к общению — писал или звонил по несколько раз в неделю, предлагал увидеться. Володя отвечал, что занят.

Он не хотел ни писать ему, ни слышать его по телефону, ни видеть его в реальности.

Теперь он даже в фантазиях не мог снова представить себя с Игорем. В голове уже давно поселился один человек, и если Володя хотел кому-то писать, с кем-то говорить и видеть кого-то, то все его мысли обращались только к нему — к Юре.

Отношения с Юрой оставались хрупкими. Володя надеялся, что разговор после того сообщения — это самое худшее, что могло между ними произойти, но ошибся. Оставалось ещё много недосказанности и лжи, а правда рано или поздно должна была выйти наружу. И она вышла, грозя разрушить их едва окрепшую связь. А ведь всё началось с невинного вопроса.

Они договорились ещё раз созвониться в скайпе. Володя снова приехал в офис в выходной, но, в отличие от прошлого раза, взял с собой очки.

Увидев его в них, Юра воскликнул:

— Вот теперь я тебя узнаю, товарищ вожатый! Забавно, — он усмехнулся, — эти очки как две капли похожи на те, которые ты носил в «Ласточке». Кстати, я их сохранил.

— Правда? — почему-то удивился Володя.

— Да, а что тут такого? — Юра нахмурился.

Володя задумался, наблюдая за тем, как Юра тянется куда-то вбок, берёт бутылку рома и наполняет бокал.

— Ну... — протянул Володя. — Одно дело — хранить фотографии или письма, но разбитые очки?

— Мне важно всё. — Юра серьёзно кивнул.

— А письма... — вдруг вспомнил Володя. — Ты прочёл мои письма?

— Да. Сразу, как вернулся, — ответил Юра, сделал глоток и вальяжно растянулся в кресле.

— Почему ничего не сказал? — нахмурился Володя.

— Не представляю, что бы я тебе написал. Всё-таки столько лет прошло, а мы — совершенно чужие люди.

— Чужие? — нахмурился Володя.

— Теперь нет, но тогда мы не были друг другу даже приятелями. А эмоций эти письма

вызвали так много, что я так и не придумал, что тебе написать. Но хотел. Знаешь, я читал много биографий музыкантов, драматичных и даже трагичных, но все они вместе взятые не производили на меня такого впечатления, как твои письма. Никогда от чьей-то истории мне не было так тяжело.

— Хм... — только и смог выдать Володя.

Юра заметно сконфузился:

— Ой, не слушай меня, я уже пьяный, не думаю, что говорю. Сравнить людей, которых даже не знал никогда, с тобой...

— Всё нормально. Продолжай.

— Твои письма вдохновили меня на ноктюрн. — Юра забавно скривился. — Банально, да? Так что, можно сказать, ты — моя муза.

— Правда?! Ты и это от меня скрыл! Сыграй!

— Нет, он не окончен.

— Всё равно сыграй сколько есть.

— Нет, я же сказал, он не готов. Он корявый, его править надо, ты ничего не поймёшь и расстроишься — скажешь, что за гомункула я тебе посвятил.

— Сыграй хоть что-нибудь, — попросил Володя. Ему ужасно захотелось снова посмотреть на Юру, как тот меняется, когда играет.

— Всё-таки это так непривычно, — засмутился Юра. — Я имею в виду интерес к моему творчеству.

— Ничего себе непривычно! На твои концерты люди за деньги ходят, а ты говоришь, что тебе интерес непривычен.

Юра закатил глаза и махнул рукой.

— Ой, эти концерты... Поездка в СНГ была первой и, скорее всего, последней.

— Почему?

— Я же говорил, она не окупилась. Я ещё должен её отрабатывать.

— Как же так вышло? Вы что, не считали?

— Считали, да не рассчитали. В Европе концерты окупались. Это моя вина на самом деле. Мы с коллегой, певцом, для которого я писал эти произведения, в Европе выступали не раз. Но чёрт меня дёрнул уговорить его включить в тур Украину. Мол, всё-таки моя родина. А ему интересно — согласился. Поехали. И всё у нас получилось шиворот-навыворот. Если с оркестром повезло, то хор был просто никаким...

Тема музыки так увлекла Володю, что он совсем забылся и выдал:

— Я, конечно, не специалист, но, по-моему, хор был просто потрясающим! Они как в церкви...

— Стоп, что? Повтори, что ты сейчас сказал! — воскликнул Юра, перебив его.

Повисла тишина. Володя спрятал лицо в ладонях.

— А-ну посмотри на меня, — велел Юра, а когда Володя повиновался, очень строго спросил: — Ты был на том концерте и не подошёл ко мне? И даже ничего не сказал?

Володя попытался отшутиться:

— Ты же читал мои письма, ты знаешь, какой я дурак, и это, видимо, не лечится.

Шутка не сработала. Юра молчал, смотрел пристально, лицо исказилось: он сердито нахмурил брови и сжал губы в тонкую линию.

Володя начал серьёзно:

— Понимаешь, у меня в жизни был полный кавардак. Я был уверен, что нам не надо встречаться, потому что... потому что... чёрт, да я не знаю почему! Но тогда я только начал оправляться от нервного срыва, я как из ада вынырнул...

— Что с тобой случилось? — ледяным тоном произнёс Юра.

— Сейчас это уже неважно. А тогда мне было сложно. Такой хаос, будто я не контролирую ни себя, ни свою жизнь, — пытался оправдаться Володя. — Я трезво думать не мог...

— У тебя до сих пор бывают панические атаки? — Юра заметно побледнел. Он вдохнул полную грудь воздуха и начал, с каждым словом говоря всё громче и злее: — Те раны на спине — это что, последствия паники? Ты говорил, что это была просто игра! Ты обманул меня?!

Володя хлебнул чая и сказал в сторону:

— А я надеялся, что беседа будет приятной...

Захотелось скрыться от Юры, от его пристального взгляда и неудобных вопросов. А Юра не сдавался.

— Я правильно понял, что тебе до сих пор не оказали квалифицированной помощи?

— Я не хочу об этом говорить. Закрыли тему, — холодно ответил Володя, пытаясь подавить закипающую злость.

— Ты до сих пор причиняешь себе вред?

Володя не удержался — злость на себя и пресловутая паника накрыли его с головой. Он крикнул во весь голос:

— Нет!

От того, чтобы закончить звонок, Володю останавливало понимание — если они расстанутся сейчас, то, скорее всего, больше никогда не созвонятся. Юра, будто услышав его мысли, после минутного молчания попросил:

— Только давай не будем прощаться на такой ноте, ладно?

— И не собирался, — буркнул Володя, упрямо не глядя в монитор.

— Я не могу быть равнодушным к тебе и твоей судьбе.

— Будь спокоен, я ничего с собой больше не делаю.

— Я понял — теперь ты не причиняешь себе вред сам, а просишь его? В молодости ты обваривал руки, теперь же заменил руки на *это*?

Слова вертелись на языке, но в горле застрял ком, и Володя только и смог, что судорожно вздохнуть.

Юра молчал, пристально глядя на него. Сделал два больших глотка, скривился.

— Володя? — Юра прищурился.

— Ну что ты хочешь от меня услышать?

— Правду. Тогда твои ссадины были свежими, и тогда же ты пошёл на мой концерт, но свалил оттуда, не поговорив. Это всё... эти раны что, из-за меня?..

— Нет, но... наверное... я не знаю, — всё так же глядя в сторону, тихо ответил Володя.

Теперь вздохнул Юра. Он молча отвернулся и ударил по клавишам. Принялся агрессивно играть что-то нескладное, уродливое, даже гротескное.

Володя сидел опустошённый, снедаемый чувством стыда. Хотелось немедленно уйти и забыть этот разговор навсегда. Но тогда пришлось бы забыть и Юру. Больше всего на свете Володя не хотел вычёркивать его из своей жизни. Но, какими бы близкими ни были отношения между ними, они вели в тупик. Сколько бы радости они ни дарили, они были обречены.

— Прости, Юр, — сказал Володя, с трудом дождавшись, когда Юра закончит играть. — Я не могу больше говорить. Я напишу потом, — и сбросил вызов.

8. Заветные желания

Наутро впервые за месяц он не получил сообщения от Юры. Юра не написал ни в обед, ни вечером. Володя несколько раз порывался черкнуть ему хоть что-нибудь, но никак не мог подобрать слова.

Что он мог сказать, попросить прощения? Но за что? За то, что не справился с нервным срывом?

Володя — взрослый человек, но по сравнению с адекватным и рассудительным Юрой он казался себе не просто дураком, а самым натуральным психом.

Спустя три дня тишины и сомнений он всё же отправил Юре короткое «Пожалуйста, давай забудем тот разговор?».

А в ответ получил:

«Я доработал ноктюрн. Хочешь послушать?»

«Хочу!» — тут же написал Володя.

«Сейчас пришлю тебе ссылку, пройди по ней и скачай».

Володе захотелось рассмеяться от радости и облегчения. Захотелось завалить Юру кучей сообщений обо всём подряд, но он сдержался и стал скачивать трек. Интернет дома и без того был медленный, а к вечеру скорость, как назло, упала ещё больше — на скачивание ушло не меньше часа.

Запустив наконец трек, Володя приглушил свет в гостиной, лёг на диван, прикрыл глаза и вслушался в музыку.

Ноктюрн был мрачным. Медленный и тягучий, он пугал явственно ощутимой безысходностью. Володе казалось, будто он вместе с музыкой долго-долго спускается по лестнице и у этого пути нет конца. Но конец был. И весьма громкий — удар по клавишам и, будто обрыв, внезапная, пугающе резкая тишина. Володя ломал голову, что за чувство вложил в ноктюрн Юра, о чём в нём рассказал?

Тем не менее в ту ночь он засыпал с улыбкой на лице — ну и что, что мелодия такая мрачная и обрывается будто предсмертным криком? Главное — ничего у них с Юрой не кончилось.

После того как Юра узнал о концерте, Володя больше не боялся сболтнуть лишнего. Их общение стало проще и легче, Юра много шутил, а Володя, сперва настороженный, вскоре начал поддаваться его легкомысленному настроению и расслабился. И сам не заметил, как они сблизились. Забылся концерт, Игорь и пустые ссоры, ещё недавно ставившие под угрозу их дружбу. Но хорошо, что всё это встретилось на их пути — неудобная правда раскрепостила и Володю, и Юру, научила быть откровенными друг с другом.

С приходом ноября в Харькове резко похолодало. Глядя на голые ветви деревьев и низкое хмурое небо, Володя мечтал, чтобы скорее выпал снег.

Звонила мать. Сообщила, что Москва уже вся белая. Сказала, что хочет остаться у сестры ещё на месяц, и попросила у Володи разрешения. Он даже опешил:

— С каких это пор ты отпрашиваешься у меня?

— Ну как же, сынок, у тебя же день рождения скоро.

— Ну и что? По телефону поздравить.

Его день рождения действительно был не за горами. Казалось бы, стоило радоваться празднику, но Володю не радовало ничего, кроме общения с Юрой.

Утром шестого ноября Володю разбудило СМС от Игоря:

«С днём рождения, зай! Будь здоровым и счастливым. И меня не забывай».

Володя ответил сухим «Спасибо» и посмотрел на часы — ещё не было семи утра. Чертыхнулся и сунул телефон под подушку. Прячась от Герды, укрылся одеялом с головой, ведь стоило собаке заметить, что он проснулся, она не дала бы ему и минуты полежать спокойно.

Володя не любил свой день рождения. Не потому, что именно в этот день «вдруг» осознал, что за прошедший год страшно постарел и малого добился. Причина крылась вообще не в рефлексии — всё было куда банальнее. Целый день Володе приходилось принимать поздравления по почте, по СМС, по телефону и лично от огромного количества людей. Если друзьям и родным было достаточно сдержанных благодарностей, то Володя не мог позволить себе отвечать так бизнес-партнёрам. А последние обычно донимали его с раннего утра и до позднего вечера. Десятки их звонков превращали день в бесполезный, полный пустой болтовни парад лицемерия: партнёры льстили Володе, а он, вымучивая улыбку, льстил в ответ. Ещё один минус был в том, что по традиции Володя должен был организовать в офисе небольшое застолье для подчинённых, а это значило, что не будет работать не только он, но и вся фирма.

Думая о предстоящем дне, он не смог уснуть снова. Стараясь лишний раз не шевелиться, чтобы не привлечь внимание собаки, размышлял над тем, стоит ли сегодня пить. Ехать в офис на машине или брать такси? Решил взять такси, а в магазин съездить с Брагинским.

Телефон коротко провибрировал, послышалось знакомое «о-оу». Володя полез за ним, но не успел прочитать сообщение — Герда, заметив, что хозяин проснулся, прыгнула на кровать и принялась лизать его щёки. Володя выронил телефон. Ворча, пытался укрыться под одеялом с головой, но собака вытащила из-под него подушку. Пока Володя клал её обратно, Герда просунула голову ему под руку, протиснулась под одеяло и улеглась на грудь.

— Ну здравствуйте. Доброе, блин, утро, — прохрипел он, придавленный весом Герды. Собака тихонько твякнула и завилыла хвостом. — Ладно, уговорила, встаю. Да встаю уже — слезь!

Наскоро одевшись, он отправился на пробежку. Вернее, бегала сегодня только Герда, — Володя, уставившись в телефон, вяло плёлся за ней. Сообщение, которое привлекло собаку, было от Юры. И сразу насторожило:

«Пройди по ссылке, скачай видео. Это важно!»

«Доброе утро, — поздоровался Володя, — а что там?»

«Не могу говорить. Некогда. Скачай и посмотри».

«Я не могу скачать видео прямо сейчас, у меня интернет-карточка закончилась. В офисе сделаю, хорошо?»

«Да», — ответил Юра.

Юра писал непривычно коротко и серьёзно, и это встревожило. Володя хотел было перезвонить ему, выяснить, что случилось, но решил не отвлекать, раз Юра сказал, что занят. Быстро собрался и, забыв, что хотел ехать на такси, сел в машину.

Стараясь не думать о сообщении, Володя прокручивал в голове план на сегодня. В офис вошёл угрюмым и столкнулся в дверях приёмной с подозрительно весёлым Брагинским.

— Ну, Владимир Львович, что ты как всегда! — воскликнул он. — В такой день мог бы и поспать подольше! — Брагинский приобнял его за плечи и торжественно выдал: — С днём рождения, гражданин начальник! Желаю, как говорится, чтобы у тебя всё было и ничего тебе за это не было!

Лера, встав из-за стола, тоже подошла к нему.

— Присоединяюсь к поздравлениям, Владимир Львович. Желаю вам крепкого здоровья и успехов во всём!

— Спасибо. — Володя рассеянно улыбнулся секретарю.

Брагинский, хлопнув Володю по плечу так, что тот слегка пошатнулся, хохотнул:

— Коллектив уже готов как следует отпраздновать день рождения любимого начальника! Так что, товарищ главнокомандующий, приказывай, когда начинать? Вечером, да?

Володя кивнул Брагинскому:

— Да, не раньше шести, — и повернулся к Лере: — Я буду занят. Не соединяйте меня ни с кем.

Скрывшись за дверью кабинета, Володя выдохнул и тут же бросился к ноутбуку. Когда видео скачалось, он включил его с замиранием сердца.

И увидел Юру. Улыбаясь, тот стоял на небольшом отдалении от камеры по пояс в кадре. Юра был одет в тонкий бежевый облегающий свитер, а на шею поверх высокого воротника

нацепил галстук-бабочку.

— Привет, именинник! Это для тебя! — весело сказал он и отошёл от камеры.

За ним показался зал. Явно не концертный — тот был слишком скромно оформлен и напомнил Володе школьный актёрский. Тем временем Юра подмигнул и развернулся — Володя заметил у него на поясе то ли тромбон, то ли трубу. Юра в два прыжка поднялся по лесенке на помост, видимо, служивший сценой. И Володе предстала вся картина: Юра, в свитере и галстук-бабочке, с карандашом в руках, стоял на сцене лицом к камере, а за его спиной сидели, улыбаясь, музыканты. Все пятеро держали в руках разные инструменты: контрабас, гитару, скрипку, флейту и нечто неведомое с клавишами. Юра взмахнул руками, держа в одной карандаш, будто дирижёрскую палочку, но не опустил их. Он замер в этой позе и внезапно отбросил карандаш в сторону. Убрал руки за спину, вытащил оттуда трубу и дунул в неё. Вдруг все музыканты заиграли знакомую мелодию. Володя без труда узнал «Happy Birthday to You». Мелодия звучала всего несколько секунд. А когда затихла, Юра и его мини-оркестр хором произнесли с чудовищным акцентом:

— С днём рождения!

Видео кончилось. Какое-то время Володя ошалело смотрел в потемневший монитор.

Закрыв глаза, расхохотался. Запустил на ноутбуке ICQ и написал Юре:

«Так меня ещё никто не поздравлял! Спасибо!»

Юра ответил мгновенно и без слов — смайликом в тёмных очках. Володя покачал головой и послал ещё одно сообщение:

«Только, пожалуйста, больше так не делай. В смысле, не пиши так кратко и серьёзно. Я понимаю, что это специально, для большего эффекта. Но так и до сердечного приступа можно довести», — видя, что сообщение получается слишком строгим, даже критическим, Володя добавил смайлик.

«Вообще-то, я серьёзный всегда. Я даже умею ругаться матом».

«Не может быть! — Володя улыбнулся. — А ещё, оказывается, умеешь играть на трубе».

«Ага, это мой второй музыкальный инструмент. А ещё я умею играть на гитаре, ксилофоне и нервах».

«Талантливый человек талантлив во всём! Но не надо было так напрягаться ради меня, оркестр собирать...»

«Не бери в голову. Никого я не напряг и сам не напрягся. Как там говорят — мне это было по пути? Или не так говорят? Забыл. Ну, в общем, я захал записать сэмпл и послушать фрагмент на живом инструменте и подумал, а не попросить ли заодно знакомых ребят тебя поздравить. Вот и попросил. Единственное, чем я поплатился за это, — фотоаппарат. Уронил, когда засовывал обратно флешку. На что теперь видео записывать, ума не приложу».

«Сочувствую, — ответил Володя. — В таком случае позволь поднять настроение, прими комплимент — тебе очень идёт свитер с бабочкой!»

«О, спасибо! Значит, теперь я буду носить его так всегда». — И смайлик.

Они переписывались не больше пяти минут, но за это время Володе на мобильный пришло несколько СМС и поступила пара звонков, а в приёмной Леры телефон просто разрывался. Прятаться было бессмысленно, но работать ужасно не хотелось. Володя уже мечтал о том, чтобы скорее наступил вечер.

Тут, будто прочитав его мысли, Юра написал:

«Во сколько сегодня закончишь работать?»

«Не знаю. Хотелось бы закончить пораньше, но вряд ли получится. Ещё надо накрыть поляну в офисе. А что?»

«Вечером тебе придётся задержаться после работы и созвониться со мной! Хочу поздравить тебя лично. Ну, настолько, насколько это возможно в скайпе».

«Договорились», — ответил Володя.

Только они попрощались, как на него обрушились звонки и письма. Он даже в обед не смог отдохнуть — пришлось ехать с Брагинским в магазин. А когда они, нагруженные пакетами, вернулись, Володя снова взялся за телефон. Звонила мать, поздравляла очень долго — Володя успел за это время поесть, — передавала приветы от тётки и двоюродного брата. Следом с поздравлениями внезапно позвонила Маша, но, к счастью, с работы, поэтому долго болтать не смогла. За ней набрали Ирина и Женя с Олькой.

После пяти вечера Володя позволил себе выключить телефон и начал читать почту. Краем глаза просматривал отчёты и командовал Брагинским и Лерой, которые вызвались помочь накрыть на стол.

В шесть слегка поддатый Брагинский силой вытащил Володю из кабинета и доставил на кухню. Только Володя переступил порог, как коллеги сунули ему в одну руку стопку

коньяка, а в другую — бутерброд. Брагинский произнёс тост, выпил и исчез из поля зрения. Вернулся с подарочным пакетом. Володя не стал его открывать — и так знал, что внутри бутылка коньяка.

Заметно расслабившийся от алкоголя, он прошептал Брагинскому на ухо:

— Дима, я же, вообще-то, не пью, а ты мне всё время коньяк даришь...

— Оно и видно, — зычно расхохотался Брагинский. — С одной стопки улетел!

— Так ты не дари мне... — начал было Володя, но его перебили бухгалтеры.

Две дамы бальзаковского возраста хором пропели сочинённую по случаю дня его рождения песню и подняли бокалы. Пришлось выпить ещё.

В кармане завибрировал телефон. Юра писал:

«Уже семь. Отпускай уже свой планктон, планктатор, и давай ко мне!»

«Подожди ещё час, пожалуйста», — ответил Володя.

— Дима-а-а, — протянул он, перекрикивая гомон коллег. — Долго вы собираетесь пьянствовать? Чтобы через час здесь уже никого не было!

— Вов, ну как так? — возмутился Брагинский. — С подчинёнными нужно идти на контакт, вести диалог. И, вообще, дай людям отдохнуть!

— Какой отдых? Завтра же вторник, — буркнул Володя и крикнул на всю кухню: — Коллеги, через час закругляемся.

— Хорошо, Владимир Львович, — нестройным хором ответили сотрудники и продолжили галдеть.

Порядком опьяневший Володя принялся один за другим жевать бутерброды, чтобы быстрее протрезветь. Он планировал пить только сок, но не получилось. Сначала Лера произнесла тост, подарив от лица всего коллектива плоскую коробочку в синей обёрточной бумаге — секретарю Володя не мог отказать. А потом Брагинский поднял бокал за покойного отца — пришлось выпить ещё.

Ровно через час Володя сообщил подчинённым, что вечер окончен, и проконтролировал, чтобы все ушли. Брагинского пришлось едва ли не силком выталкивать из офиса, но тот даже не обиделся — потопал с ведущим архитектором, маркетологом и бухгалтерами в ближайшее кафе для продолжения банкета. А когда дверь за ними захлопнулась, Володя нетвёрдой походкой пошёл в кабинет.

Вынул бутылку дорогущего коньяка из пакета Брагинского, налил себе полстакана и поставил её в отцовский бар-глобус. Из Лериного пакета достал стандартный, но полезный подарок: ежедневник в кожаной обложке с металлической отделкой и ручку «Паркер». Убрал их в ящик стола и сел перед ноутбуком. Собрался было набрать Юру, но вспомнил про очки.

Юре нравилось видеть Володю в очках, поэтому он стал всегда носить их в сумке на случай незапланированных звонков вроде этого. Володя рассеянно принялся искать узкий футляр. Покопался в сумке несколько минут и едва нацепил очки, как Юра сам позвонил ему.

Увидев бокал в руке Володи, Юра тоже достал бутылку рома.

— Я даже и не знаю, чего тебе пожелать, если честно, — он смущённо улыбнулся и, будто пряча неловкость, принялся наполнять стакан. — У тебя вроде бы всё есть... Наверное, только дурацкое и стандартное — пусть сбудется то, чего ты действительно очень хочешь.

Пусть пожелание и правда было стандартным, но Володе оно понравилось. Из Юриных уст оно звучало очень кстати.

— Спасибо за тёплые слова. И за видео — ещё раз спасибо! Я буду пересматривать его, когда будет плохое настроение. — Володя улыбнулся. — Расскажи, как прошёл твой день?

Юра сделал глоток и начал свой рассказ. Он кутался в тёплую кофту, потягивал ром и говорил о музыке. Володя слушал, удивляясь сам себе — ему ни капли не надоедала эта тема. Юра всегда рассказывал что-то новое: то о классических произведениях и композиторах, то о современных жанрах и направлениях. В этот раз говорил о своём заказе — ему наконец вернули сценарий, и он несколько дней над ним работал.

— Кстати, Володь! Я спросить хотел... — начал было Юра, но замялся. Возможно, Володе это показалось из-за шумов во время звонка. Тем более у него заслезились глаза — набрав полный рот коньяка, он едва не подавился.

— Что такое? — просипел, с трудом сделав глоток.

— Я в двадцатых числах декабря сдам заказ и буду свободен.

— Так, и чего?

— Я хотел бы увидеть тебя. Я имею в виду не в скайпе, а вживую. Приезжай ко мне. Посмотришь Германию, город, где я живу... Что скажешь?

Володя на минуту замер, тупо уставившись в монитор.

— Эй, ты тут? — засуетился Юра. Послышалось щёлканье мышки и бормотание: — Завис, что ли?

— Нет-нет, я тут, всё в норме. Просто... Ты серьёзно?

— Да серьёзнее некуда! А что? У тебя разве нет новогодних каникул? А, бли-и-ин... — протянул Юра и потёр висок. — Наверное, уже есть планы на Новый год, надо было с этого начать...

— Нет! — поспешил перебить его Володя. Прозвучало как-то слишком резко, он прокашлялся. — В смысле, никаких планов нет... Обычно Новый год я отмечал с родителями, но тут мать уехала в Москву. Я скажу ей, чтобы осталась там на праздники, и всё. Так что да, я свободен. Просто неожиданно.

И это действительно было неожиданно — его желания никогда не сбывались так быстро. Буквально сорок минут назад на дурацкое и стандартное «Пусть сбудется то, чего ты действительно очень хочешь» Володя загадал увидеть Юру.

— Не всё же время нам вот так по интернету общаться, правда? — Юра робко улыбнулся.

На долю секунды в голове мелькнула мысль не давать обещаний так сразу, не питать надежд, ведь они могут не оправдаться. Но Володя тут же отбросил её.

— Я приеду — обязательно, — заверил он и уже менее уверенно добавил: — Только скажи мне, что делать, чтобы получить визу? Да и вообще... у меня даже загранпаспорта нет...

— Без проблем. Завтра же напишу тебе все инструкции, — пообещал Юра.

Ненадолго замолчали. Казалось, что уже всё обсудили и говорить стало не о чём. Володя просто смотрел на него, а Юра задумчиво вертел стакан в руке. Не отводя от него взгляда, он прищурился и спросил:

— А как прошёл твой день?

Володя улыбнулся, услышав этот вопрос, который про себя называл спасительным.

— Целый день провисел на телефоне.

— А что тебе подарили? — Юра наконец поднял на него свой удивительно трезвый взгляд.

За этот час Юра выпил больше, чем Володя за весь вечер, но, казалось, ничуть не опьянел. «Оно и к лучшему, — подумал Володя, — раз трезвый, можно поговорить подольше» — и принялся перечислять подарки.

— И что, праздник окупился? — спросил Юра, когда он рассказал и про застолье.

Володя рассмеялся.

— Разве для этого устраивают праздники? То есть только затем, чтобы они окупились?

— Нет, но сам понимаешь, это очень даже желательно. Деньги любят счёт, это я тебе как еврей говорю. — Юра тоже рассмеялся.

— Ты шутишь об этом та-а-ак часто, — протянул Володя.

— О чём? О еврействе? Но мне можно, я же еврей.

— Ну вот опять. — Володя поднял указательный палец.

Юра почему-то смутился.

— Ты против? Раздражает?

— Нет. Просто думаю: это случайность, или ты переживаешь по этому поводу?

— Ну, не то чтобы переживаю. Но с переездом сюда стал интересоваться. Это же всё-таки мои корни. Представляешь, даже иврит учил. — Видимо, заметив, как брови Володи поползли вверх, Юра уточнил: — Правда, быстро бросил. Зачем он мне нужен — здесь я говорю на немецком, Израиль меня не интересует, а чтобы Тору читать — я в Бога не верю.

— Ничего себе. — Володя покачал головой. — А мне казалось, что ты об этом думать забыл. Раньше, в «Ласточке», с таким пренебрежением говорил...

— В детстве я всё это отторгал, делал вид, что меня это не задевает и вообще никак не касается. Наверное, это была защитная реакция — ребёнку сложно осознать масштабы человеческого зла. Сложно принять, что человека ненавидят только за то, что он родился. Тем более когда этот человек — ты, а не кто-то другой. А я мало того что еврей, так ещё и гей.

— Ну, не каждый же день думать об этом, правильно?

— Почему это не каждый? Очень даже каждый! Только штаны сниму — вижу, кто я такой.

— В смысле? — не понял Володя. Задумался, могла ли быть у Юры татуировка на ноге, но такого не вспомнил и честно признался: — Юр, что ты имеешь в виду? Я правда не понял.

— Ты забыл?! Как ты мог об этом забыть?! — деланно удивился Юра. Он был явно на какой-то своей волне, Володя искренне недоумевал, к чему он клонит, и озадаченно смотрел в ответ. Юра сначала вздохнул, затем задвигал бровями и загадочно произнёс: — Володя-Володя... тюнинг...

— Ёлки-палки! — воскликнул тот, догадавшись. — Забыл. Правда забыл, подумал, что тату. — Он покачал головой. — А почему ты называешь это тюнингом?

— Ну как же — аэродинамика... — протянул Юра.

Володя расхохотался.

— Аэродинамика, блин! Ну и шутки у тебя.

— Но это ещё не всё! — добавил Юра. — Плюс — общая эстетика и, ну, ты понимаешь, украшающий мужчину шрам... Ах да, и длительность. Ну, так говорят те, кто делал во взрослом возрасте, кому есть с чем сравнить, я-то сам не знаю. Но так говорят. А ты забыл!

Володя почувствовал, как у него загорелись щёки. Хмыкнул, шутливо ответил:

— По-твоему, я должен помнить, что там двадцать лет назад было?

Юра улыбнулся, но его улыбка казалась неискренней и спустя мгновение растаяла.

— Володь, а если серьёзно?

Володя вздохнул. Похоже, он всё-таки обидел Юру. Совершенно не зная, как объясниться с ним, стал говорить всё, что приходило в голову, не боясь сболтнуть лишнего:

— Если серьёзно.. Юр, там ведь было темно, поэтому я не помню таких деталей. Да, ты говорил в лодке, но для меня по-настоящему важным был ты весь, — Володя улыбнулся, — а не отдельные части...

На лице Юры тоже расцвела улыбка.

Часы показывали полдесятого, пора было заканчивать, но расставаться так не хотелось.

Хотелось слушать его приятный голос с забавным акцентом, любоваться, как он кутается в огромную тёплую кофту и чертовски мило ёжится от холода.

— Купи обогреватель! — велел Володя, когда Юра в очередной раз нахохлился.

— Куплю, — печально протянул тот. — Я не был готов к резкому похолоданию. На улице дубак, всё мёрзнет, я мёрзну, а согреть некому...

Володя вздёрнул бровь. Выпитый алкоголь сказал за него быстрее, чем он успел подумать:

— Мне кажется, или ты кокетничаешь?

— Я? Да никогда! — воскликнул Юра и улыбнулся во все тридцать два зуба.

— Ну потерпи, я приеду и... сварю тебе вкусный горячий суп. — А про себя Володя подумал: «Мда, Брагинский знает толк в коньяке».

— Жду не дожусь, — заверил Юра. Казалось, улыбнуться шире, чем в тридцать два зуба, невозможно, но он смог.

Они замолчали, но в этом молчании не было напряжения. Володя совсем расслабился — усталость, накопившаяся за день, вкупе с алкоголем сделали своё дело. Он смотрел на чуть подвисяющее изображение Юры в мониторе, а тот насвистывал смутно знакомую мелодию, но Володя никак не мог вспомнить какую.

— Что это? — всё-таки спросил он.

— Да из «Юноны и Авось», — отмахнулся Юра и протянул: — «Ты меня на рассвете разбудишь...»

Сердце кольнуло ностальгией, но эта грусть была лёгкой и светлой.

— Мне сегодня написала Маша. Про этот мюзикл спрашивала, — объяснил Юра, широко зевнув.

— Долго же она собиралась, я дал ей твои контакты ещё в сентябре. — Володя тоже зевнул, будто заразившись от Юры.

— Ясно, — хохотнул тот, — давай-ка ты собирайся домой. Тебе ещё ехать, да и мне пора на боковую.

— Нет, подожди. Расскажи, что там Маша пишет.

— Да ничего особенного. — Юра качнул головой. И в ответ на подозрительный взгляд

Володи добавил: — Честное пионерское, мы ещё толком и пообщаться не успели. — Он нежно улыбнулся: — Ладно, всё. Жаль с тобой прощаться, но нам обоим пора спать. Мне завтра надо встать пораньше.

— Сладких снов, — сказал Володя, в душе не желая заканчивать этот разговор. Но времени и правда было уже много, голодная Герда ждала его дома, нужно было торопиться.

Едва такси подъехало к дому, как он получил сообщение от Юры:

«Прикинь, я до сих пор не сплю».

Володя оторвал от себя счастливую Герду и, насыпая ей в миску корма, с трудом написал:

«Почему?»

«Да это чёртова “Юнона и Авось” пристала! Теперь вот вспоминаю наш последний костёр и... жутко мёрзну! Я лежу под двумя одеялами и мёрзну! Придётся третье купить».

«Оденься потеплее. Так и заболеть недолго».

«Не могу. Я привык спать голым, в одежде не усну».

— Кх, — кашлянул Володя. Напряжённо вздохнул.

«Юр, в такие подробности ты меня, пожалуйста, не посвящай».

«Не понял», — Юра прислал обиженный смайл. Из всех смайликов Володя больше всех ненавидел именно его.

«Не обижайся! Просто у меня фантазия бурная, а сейчас я ещё и под мухой».

«Хочешь сказать, так сразу меня и представил? — написал Юра и выслал вдогонку хохочущий смайл. — А хочешь, я прямо сейчас себя сфотографирую и фотку вышлю?!»

Чистя зубы, Володя кое-как натыкал левой рукой:

«Ничего тебя понесло — от грустных воспоминаний к эксгибиционизму!»

«Там было не только грустное, вообще-то. Только не говори, что никогда об этом не вспоминал».

«Вспоминал конечно».

«Ты знаешь, Володь, это был один из самых чувственных моментов моей юности».

— Юра, блин! — буркнул Володя, ложась в кровать. То же самое продублировал в сообщении:

«Блин, Юра!»

«Да что не так-то?!»

«Я не люблю вспоминать об этом, потому что, во-первых, мне было больно тогда. И, во-вторых, мне, блин, больно сейчас, но уже в другом смысле».

«В каком?»

— Да он что, издевается? — спросил Володя вслух. Герда, будто бы отвечая ему, что-то проскулила.

Володя написал:

«Ты сам запретил мне видеться с Игорем, а теперь провоцируешь! Ещё и про всякие тюнинги напомнил. Это неприятно».

«Так вот оно что... Прости, больше не буду».

«Вот и правильно».

«Прими файл».

«Не приму».

«Прими, я сказал!»

Володя вздохнул — ведь не вышет же Юра всерьёз фотографию в стиле ню? Скачал файл, открыл. Со снимка на него смотрел сонный, растрёпанный Юра. Он лежал на тёмно-синей подушке с натянутым по самый подбородок одеялом.

«Ну и как я тебе? Сексуальный?» — И хохочущий смайл.

— Вообще-то, да, — вслух пробубнил Володя.

«Ты очень милый. Но шутки у тебя всё равно хреновые!»

«Какие уж есть...» — ответил Юра.

Володя сел в кровати, набрал: «Если продолжишь в том же духе, я приеду к тебе не дружить...» — и удалил сообщение. Снова набрал текст: «Зачем ты кокетничаешь со мной? Хочешь, чтобы я приехал к тебе как друг или как...» — и снова удалил. Отправил нейтральное «Спи уже, провокатор».

Шутки шутками, а Юра добился своего — заставил Володю вспомнить тот разговор в лодке, когда он рассказал про свои еврейские корни и обрезание. Как сильно тогда взбудоражила Володю эта тема! И, к его стыду, увлекла и сейчас.

Да, в Европе и Америке это не редкость, но здесь и сейчас для Володи это стало ещё одной особенностью Юры. Лёжа в одиночестве в темноте, он размышлял о том, каково это — быть с ним? Тело среагировало на фантазии и заныло, его окутало болезненное тепло.

Нельзя фантазировать. Нельзя даже думать об этом, он друг. Нет, не просто друг, а бывший возлюбленный. Тот, по кому Володя некогда сходил с ума. Тот, с кем сходил с ума. Тот, без кого сходил с ума. Нельзя придавать его образу сексуальности, ведь он живёт за тысячу километров, в другой стране, их связь настолько хрупка, что в любой момент может оборваться. Стоит кому-нибудь появиться рядом с Юрой, не в виртуальном пространстве, а в реальной жизни, или стоит появиться важным делам, как Володя вмиг станет для него никем.

Володя всё это понимал, но воображение уже нарисовало возбуждающие картины: какой он, Юра, каково заниматься с ним сексом. Сексом? Нет, любовью! Потому что тогда у них был не секс, а любовь. В голове тут же вспыхнули картинки того, что было между ними и как: ива, ночь, его губы, его тело...

У Володи зашлось дыхание, сердце заколотилось, кровь отлила от лица, а руки опустились к паху...

Заскулила Герда, и Володя будто очнулся от наваждения — в кои-то веки ей приспичило на улицу исключительно вовремя.

Гуляя с собакой, он думал: разве у них с Юрой что-то вообще может получиться? Володя не говорил на немецком и не разбирался в музыке. По сути, не знал двух главных Юриных языков: на одном Юра думал, на другом — чувствовал. Ну и что? Зато он знал тот язык, на котором Юра может обо всём этом рассказать.

«Ты хотел бы это вернуть?» — написал он ему, снова укладываясь спать. Юра ответил мгновенно:

«Не думаю, что возможно вернуть всё в полной мере».

«Да. Ты прав. А жаль», — вздохнул Володя.

Ответ был коротким:

«Очень».

Ему казалось, что он падает. Володя всё ждал удара о землю, ждал, что разобьётся в лепёшку — и мокрого места не останется, но падение всё не прекращалось. Оно началось давно — ещё тогда, из-за Вовы. А теперь посреди смены в «Ласточке» Володя обнаружил, что падает вместе с Юрой. И он бы хотел отпустить его, не тянуть за собой в эту пропасть, уберечь, прикрыть, ведь падение обязательно когда-то закончится... И пусть оно убьёт только Володю.

Юра сводил его с ума. Сам того не понимая и уж точно не хотя этого, день за днём, час за часом доводил Володю до безумия. Но оно было слишком приятным, слишком желанным. Слишком желанным был Юра.

Глядя в его влюбленные глаза, Володя терялся. Сколько в них было настоящих чувств! Ему нравилось, как безгранично и искренне Юра показывал свою влюбленность, но в то же время это так пугало! Они ведь делали что-то совершенно неправильное и неестественное! Но почему, почему тогда всё это было таким манящим?

Юра совсем не понимал, что так нельзя. Юра полностью отрицал, что они делают что-то плохое, и с его логикой тяжело было поспорить — ведь если это светлое, прекрасное чувство нравится обоим, разве оно может быть неправильным? А Володя просто не знал, как объяснить ему, что может! Ещё как может! Что оно, стоит только забыться, погубит их обоих!

Юра не хотел ничего слышать. Он часто забывался: хватал его за руки, когда другие могли увидеть, пытался в шутку обнять — но для Володи это выглядело слишком провокационно. Садился слишком близко...

Чего стоил только тот момент, когда сонному Володе пришлось рассказывать малышне страшилку, а Юра придвинулся и что-то зашептал ему прямо в ухо. Володя даже

не расслышал, что тот сказал! Весь окоченел, чувствуя только горячее дыхание Юры на коже и в волосах, его руку, случайно оказавшуюся на колене. И истому по всему телу — невыносимую, жаркую, неправильную. А Юра даже ничего не заметил! Не понял, что сделал, да и откуда ему о таком знать?

Каждый раз Володя, сцепив зубы, обещал, что не позволит себе сорваться. Каждый раз он клялся, что всё это никоим образом не затронет Юру.

А Юра поцеловал его в шею.

Чёртова беседка романтиков! Прекрасный вид на раскинувшийся внизу пейзаж, свежий воздух и ни души на несколько километров вокруг. Только трепетно обнимающий Юра — совсем близко. Он просто уткнулся лицом Володе в плечо и нечаянно коснулся губами шеи у воротника рубашки. А Володю тряхнуло так, будто по нему пропустили разряд тока. Он отпрянул от Юры, вовремя испугавшись своей же реакции — желания у него были однозначные.

Юра замер, удивленно глядя на него. Сидел на столе, болтая ногами в нескольких сантиметрах над землей, а сам откинулся чуть назад. Вся его поза манила: хотелось подойти, прижаться вплотную, взять в ладони лицо и целовать, целовать, целовать... Не невинно и ласково, не так, как всегда, едва касаясь губами, а по-настоящему, по-взрослому.

«О чём ты только думаешь?!» — мысленно ругал себя Володя, на окаменевших ногах шагая к спуску с холма.

И, казалось, всё, уже всё, ему бы только дойти до лагеря, а там, может, на кухне есть кипяток? Ведь на полдник всегда подают чай или какао...

Володя совсем ничего не соображал, поэтому так легко поддался Юриной панике, когда тот заметил неподалеку от лодочной станции Машу и приказал улечься в лодку. Володя не успел подумать, послушался, а Юра уже накрыл их брезентом. По нему барабанили капли дождя, а Володе казалось, что его поймали в клетку.

Юра выглядывал Машу, ждал, когда та уйдет. Володя же чувствовал только одно: тесноту. Сводящую с ума, жаркую тесноту и Юрину спину рядом, его затылок аккурат у своего носа. Не удержался — втянул воздух, ощутил запах Юриной кожи и волос.

В небе громыхнуло.

— Ушла? — сипло выдавил Володя.

Юра вроде бы не заметил его сдавленного голоса, но получалось, что из-за дождя и прячущейся на складе Маши валяться им тут придётся долго.

Юра медленно, чтобы не качать лодку, развернулся к нему, сполз чуть пониже. В кромешной темноте сложно было что-то разглядеть, но Володя ощутил дыхание Юры на своих губах.

«Боже...» — мысленно взмолился он, но пути назад просто не было. Путь был лишь один — к Юриным губам, и Володя балансировал на тонкой грани, боролся с собой лишь до того момента, пока Юра не сжал его ладонь.

— Юр, — прошептал Володя.

— Что?

— Поцелуй меня.

Он сказал это. Он сам попросил. Он сам толкнул Юру в этот омут — без возможности взять свои слова обратно.

Юра целовал его — пылко, страстно, горячо, и этой сладкой пытке не было конца. Её не хотелось прекращать, из головы улетучились все мысли, был только этот момент, тесное, замкнутое пространство и Юрина рука под рубашкой, скользящая по коже.

Юра весь горел: льнул к нему, будто было возможно прижаться ещё сильнее. И Володя сгорал вместе с ним. Замерло время, и сама планета, казалось, остановилась. Существовал только этот момент. И только они двое — в нём.

Далёкий звук горна, оповещающий о конце тихого часа, будто выбросил Володю в реальность. В неё не хотелось возвращаться, не хотелось отрываться от Юры.

— Пора, Юр. Надо идти.

А за то, что случилось часом позже, Володя проклинал себя потом ещё очень долго. Это было так гадко, так мерзко, что хотелось провалиться сквозь землю.

Он не дошёл до столовой, когда все отряды отправились на полдник, — есть не хотелось совершенно. Нужно было утихомирить мысли и бушующее сердце, посидеть в тишине и успокоиться. Володя закрылся в своей комнате, прижался к двери спиной, будто пытаясь спрятаться. Но прятаться от себя было бесполезно.

Юра, Юра... Что же они делают, куда же их несёт?

Володя сел на кровать, зажмурился. Всё тело ломало — от усталости и пережитой недавно истомы. Под закрытыми веками мелькали образы — лодка, Юрино лицо, его губы. Кожу под рубашкой до сих пор жгло фантомной нежностью Юриных прикосновений. На губах до сих пор остался его запах и след мокрого, горячего поцелуя.

Володя упал лицом в подушку, жалобно застонал, сцепив зубы.

«Не смей, нет, не нужно», — умолял он, но руки невольно тянулись к бляшке ремня на шортах.

«Может, так будет легче? Перестанет быть так тяжело и больно?» — убеждал он себя же.

Он закусил ткань подушки, чтобы позорно не стонать. А руки двигались, тело сводило от удовольствия, Володя задышался и жмурился до белых пятен перед глазами. А в этих пятнах — Юра. Красивый, желанный, любимый Юра.

Легче не стало. Судорожно ища, чем вытереться, Володя чувствовал себя разбитым, грязным и мерзким. Как он мог? Боже, как он только мог так опорочить образ Юры?..

9. Ненужные вопросы

С документами и визой Володя справился буквально за пару недель, заранее согласовал отпуск, оставалось только дожидаться конца декабря. И время, как назло, словно превратилось в тягучую смолу.

Володя старался если не полностью игнорировать ощущение постоянного ожидания, то хотя бы не заикливаться на нём. Ушёл с головой в дела — очень кстати подвернулся крупный сложный проект по строительству нового жилого комплекса. Но если раньше за работой время летело быстро и он не замечал, как сменяются дни, то сейчас оно будто застыло на месте.

Володя просыпался каждое утро не с мыслью об очередных договорах и чертежах. Открыв глаза, он прежде всего вспоминал, что скоро увидится с Юрой. И улыбался, но

улыбка тут же таяла. Во-первых, не так уж и скоро. Во-вторых, ещё непонятно, стоит ли этому так радоваться. Он не знал, что принесёт ему эта встреча, и, если уж быть совсем откровенным, боялся её.

Он никак не мог понять, что представляют из себя их отношения. Они состояли из дружбы — огромной, тёплой, пронесённой сквозь года, умеющей понимать и прощать. Но, помимо дружбы, в них крылось ещё много чего: старая боль, упущенное время, чувство вины за совершённые ошибки.

И ещё была любовь — забытая, зарубцевавшаяся, как старая рана. Но день за днём Володя ощущал, что на её месте прорастает, пробивается, словно трава сквозь асфальт, новое чувство. Он остерегался его, боясь спутать с другим чувством — к другому Юре, шестнадцатилетнему. Не хотел цепляться за воспоминания.

И окажись на месте Юры кто угодно другой, Володя бы чётко знал, с какими намерениями к нему ехать. Но это — Юра. Сейчас между ними возникло что-то хрупкое и светлое, что-то невероятно ценное. И это «что-то» было легко разрушить — одним неверным словом или намерением.

Поэтому Володя гнал от себя эти мысли, гнал — и уходил в работу. А в перерывах общался с Юрой. Тот тоже усиленно работал — спешил выполнить заказы до рождественских каникул. Много рассказывал про Германию, про свой город, о том, как немцы готовятся к Рождеству, наряжая дома и улицы. Планировал, куда поведёт Володю, что ему покажет и чем будет кормить.

Как-то раз Володя пошутил:

«Ох, Юра, не слишком ли много у тебя на меня планов?»

На что получил подмигивающий смайлик и текст:

«Ты не знаешь даже о половине моих планов на тебя...»

Что именно он имел в виду, Володя решил не уточнять — и так последние две ночи засыпал с огромным трудом. Таблеток Игоря осталось всего несколько штук, а просить у него новый рецепт совсем не хотелось. Пришлось купить в аптеке слабое безрецептурное снотворное. Пусть от него не было вялости по утрам, но засыпать быстро не получалось.

В конце ноября очень некстати началась эпидемия гриппа. Едва ли не четверть штата заболела, работать пришлось ещё больше, чем раньше, ведь заказчики не спешили отпускать на больничный всю фирму.

Юра, узнав, что по офису Володи гуляет вирус, тут же приказал ему запастись лекарствами, одеваться теплее и носить тканевую маску. Володя отнекивался: препараты купил, а вот от шапки отказался — мол, зачем, если всё равно ездит на машине. Маску покупать даже не подумал — с пиджаком и галстуком она не сочеталась никак.

В четверг расклеилась Лера. С утра была ещё ничего — Володя слышал из приёмной её бодрый голос. Но уже после обеда, когда она принесла ему договоры на подпись, заметил поалевшие щёки и усталый взгляд.

— Лера, отправляйтесь-ка и вы на больничный, — попросил он.

— Да ладно, Владимир Львович, сегодня четверг, завтра ещё отработаю, а за выходные очухаюсь.

— Ценю ваш энтузиазм, но если вы действительно заразились, не стоит подвергать риску других.

— Спасибо за беспокойство, Влади... — она внезапно закашлялась... — простите. Хорошо, сейчас подготовлю вам список дел на завтра и пойду в поликлинику.

Вообще Володя считал, что у него достаточно крепкий иммунитет. И, проснувшись в пятницу утром, списал лёгкое головокружение на эффект от снотворного. Признать, что всё-таки заболел, пришлось к вечеру: общую вялость и усталость после рабочей недели дополнили насморк и повышенная температура. При этом Володя недооценил масштабы катастрофы.

Он собирался созвониться с Юрой, но стоило только настроить видео, как тот вместо приветствия обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке?

— Ну, в относительном. Кажется, кто-то всё-таки на меня покашлял...

— Так, ну-ка давай быстро отключайся и вали домой спать.

— Да нет, я норма...

— Володя, блин, у тебя глаза красные и голос сел!

— Юр, да я...

Но Юра тут же отключился. Володя раздосадованно цокнул языком, но в ICQ тут же пришло сообщение:

«Не обижайся только, я правда за тебя переживаю. Лучше потрать силы на выздоровление, чем на общение со мной!»

«Ты зря так беспокоишься, я не настолько плохо себя чувствую. Но мне приятна твоя забота, — написал Володя. — Уговорил, я поехал домой».

В ответ ему прилетел строгий смайлик, показывающий кулак:

«Выздоровливай! Только попробуй не выздороветь!»

А утром оказалось, что Юра беспокоился не зря.

С трудом разлепив тяжёлые веки, всё, что смог сделать Володя, — порадоваться, что сегодня суббота и на работу ехать не нужно. Герда, прыгнув на кровать, ткнула холодным носом ему в щёку и коротко жалобно проскулила, как бы говоря: «Я вижу, хозяин, что тебе плохо, но мне очень нужно по делам».

— Прости, девочка, — просипел Володя, медленно вставая с кровати, — но бегать сегодня придётся без меня.

Он выпустил Герду во двор. Прикрыл за ней дверь, оставив щель — собака умела сама её открывать, — и снова упал в кровать.

Юра написал непривычно рано — сообщение висело с половины восьмого утра:

«Как ты себя чувствуешь? Температура есть?»

Володя ответил:

«Только проснулся, выпустил собаку и снова лёг. Буду отсыпаться».

И провалился в липкий температурный бред, который сменился кошмаром.

Володя даже сквозь сон чувствовал, как горит лицо, но в своём видении мёрз. Он шёл по руинам аллеи пионеров-героев, и с обеих сторон тёмными провалами глаз на него смотрели гипсовые статуи. Из рта вырывался пар, ноги проваливались в трещины на плитках. Он споткнулся о кусок выбитого камня, упал на колени, затормозил руками и увидел, как погружается в липкую грязную жижу. Володя пытался вырваться, вытащить руки, но чем больше он сопротивлялся, тем больше его затягивало вниз, и внутренний голос объяснял, что

это болото — его собственное прошлое и оно его топит. Он погрузился в грязь с головой и тут же вынырнул.

Проснулся, посмотрел в белый потолок своей комнаты, глубоко, со стоном, вдохнул полной грудью. Но на него тут же белыми хлопьями посыпалась штукатурка.

«Володя! — звал его знакомый голос, и он понял, что находится не в своей комнате, а в недостроенном корпусе пионерлагеря. Юра сидел на полу у стены, а вокруг него шелестели газеты, гонимые холодным сквозняком по пустым коридорам. — Володя, у меня ноги замёрзли!»

Он склонился над Юрой, и ощущение его кожи под губами показалось слишком реальным. Володя грел его колени своим дыханием и сжимал их холодными пальцами, а Юра хихикал и вздрагивал.

А когда Володя поднял взгляд, Юра улыбнулся так, как умел только он, — тепло и ехидно.

«Ты же понимаешь, что меня уже нет?» — весело спросил он.

Володя замер, охваченный жутким страхом — Юрино лицо начало стремительно меняться, взростеть: волосы потемнели, под глазами залегли тени, с губ сползла улыбка.

«Прошлое не вернется», — сказал уже знакомым, *своим* голосом Юра и рассыпался, оставив на руках Володи крошево гипса.

Из лихорадочного сна Володю вытащил далёкий женский голос. Кто-то звал его. Володя почувствовал, как что-то прохладное легло ему на лоб. Тиски вокруг головы чуть ослабли, сон отпустил, Володя смог приоткрыть глаза. Всё вокруг было белым и качалось, и только спустя пару секунд он сообразил, что перед ним ткань белой водолазки. Володя поднял взгляд выше, сощурился и разглядел обеспокоенное лицо Маши.

— Ох, ничего себе, уже нагрелся, — сказала она сама себе, убирая со лба Володи компресс.

Вскочила, ушла на кухню, а когда вернулась, Володя уже смог кое-как сесть.

— О, наконец-то пришёл в себя! Я так испугалась, уже собиралась скорую вызывать!

Упираясь руками в матрац, чуть покачиваясь, Володя смотрел на неё исподлобья и силился понять — сон это или галлюцинация? Так или иначе, Маша здесь не могло быть физически — как минимум она не знала, где он живёт.

— Так, ладно, — Маша положила компресс на столик, упёрла руки в бока и дала указания — непонятно, ему или себе: — Раз ты проснулся, нужно выпить жаропонижающее! — и снова умчалась на кухню.

Вместо неё в комнату, сперва неуверенно просунув любопытный нос, а потом осмелев, полностью протиснулась Герда.

— Ты тоже мне чудишься? — поразившись охриплости своего голоса, спросил Володя, когда собака ткнулась ему в руку. — На ощупь вроде бы настоящая... — он потрепал её по ушам.

Вскоре вернулась Маша с дымящейся чашкой в руках. Она поставила её на тумбочку возле кровати и приказала Володе громко и чётко, будто глухому:

— Чуть-чуть остынет и пей! — увидев, что Володя кивнул, принялась бурчать себе под нос: — Какой Юра внимательный, запомнил, где у тебя аптечка лежит, молодец... Ой, ты же, наверное, голодный! Будешь есть?

Стоило услышать имя Юры, как в голове немного прояснилось. Володя поднял на Машу тяжёлый мутный взгляд, с трудом просипел:

— Тебя Юра попросил приехать?

— А кто же ещё? Не сама же я телепатически поняла, что ты заболел и лежишь тут почти без сознания? На телефон свой посмотри: Юра сначала писал, потом два часа до тебя дозвониться не мог... Да я и сама, знаешь, как перепугалась, когда приехала, а ты не открываешь! Хорошо, что Юра подсказал постучаться к соседям. Я думала, Татьяна даст мне ключи от дома, а она открыла калитку в твой двор. И то хорошо, я уж думала, через забор лезть придётся.

— Чего? — Володя не поспевал за ходом её мысли.

— Ну, в твой двор. Та калитка — дальняя. У вас с соседями дворы соединены калиткой, — Маша указала на окно, — вон той. Вообще, почему я объясняю это тебе?

— Да понял я, понял, — буркнул Володя. — Да уж, для тебя не существует преград, — он вяло улыбнулся.

Рассеянно оглянувшись по сторонам, он запоздало осознал, что уже смеркается.

— А сколько времени?

— Половина седьмого. Давай пей лекарство, а то остынет!

Его подташнивало от синтетического запаха лимона. Пересиливая себя, Володя сделал пару глотков, и в голове ещё немного прояснилось. Наконец до него дошло главное: Юра так за него беспокоился, что даже прислал Машу из Харькова! Переживал, писал и звонил...

— Блин, надо сообщить Юре, что всё в порядке... — Володя потянулся за телефоном, чуть не разлив на грудь своё питьё.

— Успокойся, я уже написала ему СМС. Отчиталась, что ты проснулся. Он передал, чтобы ты пил лекарство, попробовал поесть и снова ложился спать.

Володя пил и морщился от кисло-горького вкуса. Лучше бы он проглотил всё разом, но было слишком горячо. Маша, присев на кровать рядом с ним, трясла в руке градусник.

— На, — она сунула его Володе, — нужно понять, насколько всё плохо. Вдруг у тебя уже температура под сорок, а мы тут порошочки пьём...

— ...вместо того чтобы вызывать катафалк? — мрачно пошутил Володя.

— Дурак ты!

Володя лишь пожал плечами, скривился и допил остатки микстуры. Маша забрала у него чашку и градусник. Посмотрела на него, пожалала плечами.

— Ну, жить будешь. Кушать хочешь?

Он качнул головой — аппетита не было совершенно, а от лекарства моментально потянуло в сон.

— Тогда ложись...

Володя послушно упал затылком в подушку, Маша набросила на него одеяло, Герда лизнула руку и что-то коротко проскулила на своём собачьем языке. Володя посмотрел на неё и вздохнул — должно быть, голодная.

— Маш, там на кухне, в нижнем шкафу, корм... будь другом, покорми собаку, пожалуйста.

— Не переживай, я уже. Твоя Герда сама мне всё показала.

— Ну ты и молодец... — он зевнул. — Подожди, откуда ты знаешь, как зовут мою собаку?

Она засмеялась:

— Да Юра мне всё рассказал, спи уже!

Он провалился в зыбкий сон без сновидений, а проснулся от прекрасного запаха, просачивающегося сквозь прикрытую дверь спальни. В первое мгновение Володе даже почудилось, что он в родительской квартире — лежит на своём старом диване и слушает разговор матери и отца за дверью. Но сонная дымка быстро рассеялась, за дверью не было голосов, лишь негромко позвякивала посуда.

Володя вышел из тёмной спальни в гостиную — свет резанул глаза. Маша стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле, и громко ойкнула, когда он кашлянул, чтобы привлечь внимание. Володя распознал, чем так вкусно пахло на весь дом, — Машиным борщом.

— Я тут это... — обернувшись, она развела руками, как бы извиняясь, — немного у тебя похозяйничала. Пришлось сходить в магазин за продуктами, а то у тебя в холодильнике как-то всё очень... скудно — курица да творог. Хорошо, что Татьяна подсказала, куда идти.

Володе стало легче после лекарств и сна, но голова всё равно оставалась тяжёлой, а горло нещадно драло. От Машинной разговорчивости легче не становилось — Володя с трудом воспринимал информацию.

Он сел за стол, попытался проанализировать факты. Между Володиным и соседским участком действительно была калитка, чтобы собачница Татьяна могла приглядывать за Гердой, когда Володя оставался в городе. Значит, Маша сходила к ней, когда не смогла дозвониться и достучаться до Володи? И просидела с ним целый день, потратилась на такси и еду... Стало неудобно перед ней — столько лишней суеты создал для женщины, которой до него не было особого дела.

— Маш, спасибо тебе. Очень неудобно, что я тебя так напрягаю.

— Ой, да брось! Мне совсем не сложно, тем более ты тоже для меня много сделал. Я тебя среди ночи своими звонками донимала, а ты мало того что не бросал трубку, так ещё и приехал ко мне в трудную минуту!

Он заметил, что она смутилась — опустила глаза в пол, а потом и вовсе отвернулась, стала помешивать еду.

— Почти готово, — пробурчала она. — Говяжьих костей в магазине не было, пришлось купить для бульона мякоть. Но тебе, болеющему, так даже полезнее — диетический

получился борщ. — Она потянулась к шкафчику и достала посуду. Выходит, уже успела выяснить, где что лежит. — И только попробуй отказаться! — строго сказала она, наполняя тарелку. — Во-первых, я старалась, во-вторых, если не отчитаюсь в течение десяти минут, что ты поел, Юра меня прибьёт.

Несмотря на вялость, Володя хохотнул:

— Юра в другой стране, как он сможет тебя прибить?

— Силой мысли! — Она поставила перед ним борщ. — Вот тебе смешно, а он мне каждые полчаса писал, пока ты спал. — Будто в подтверждение её слов, красная «раскладушка» на столе завибрировала. — Вот, говорю же! — Маша взяла телефон и принялась набирать текст, проговаривая его вслух: — «Юра, всё ок. Володя проснулся, ест борщ. Выглядит плохо, но жить будет». Нет, не так: «Выглядит нормально».

Володя усмехнулся:

— Встретились два паникёра.

А борщ, как и в прошлый раз, оказался божественным. Володе хотелось похвалить Машу, он собирался в шутку возмутиться, мол, куда смотрел её муж, когда уходил от неё, но вовремя остановился — мог задеть за живое.

— Володь, ну я поеду, — сказала Маша полчаса спустя. Она не только накормила его, но и вымыла тарелку, несмотря на протесты Володи. — Поздно уже, мне утром на работу. Завтра я позвоню, а вечером ещё заеду тебя проведать. Пей много жидкости, я видела у тебя мёд — пей чай с мёдом. На улицу не выходи, там холодно! И вообще больше лежи и не вставай! Я оставила на столе аспирин, парацетамол и микстуру. Пей! Если завтра не полегчает, привезу что-нибудь посерьёзнее.

Володя только вздохнул и с трудом удержался, чтобы не протянуть: «Ла-адно, мам». Ну ей-богу — будто никогда не болел.

— Спасибо, Маша. Насчёт завтра — не надо, не трать время зря. Ты и так весь выходной пустила псу под хвост.

Он вроде бы хотел как лучше, чтобы не напрягать её, но Маша в ответ нахмурилась.

— Но мне правда совсем не сложно! — И вдруг мило улыбнулась. — Мне даже приятно за тобой ухаживать...

Володя вызвал ей такси, она строго-настрого запретила провожать её даже до ворот и

захлопнула дверь перед самым носом, прикрикнув:

— Ложись спать! Из дома не выходи — продует!

Оказавшись в постели, Володя первым делом достал телефон и запустил ICQ. Юра ещё не спал.

«Юра, ну ты даёшь!» — сразу же, не здороваясь, написал он.

«Кто бы говорил! Я уже собрался брать билеты и лететь в Харьков срочным рейсом! Угораздило же тебя!!!» — Жёлтый колобок в конце сообщения показывал кулак.

«Не кричи на меня...» — ответил Володя, улыбаясь, и, сам не понимая, что на него нашло, отправил вдогонку смущающийся смайлик.

«Ладно, не буду. Я просто переживал. Как ты себя чувствуешь?»

«Плохо, но уже лучше, чем днём. Машин борщ — настоящая панацея!»

На следующий день ему полегчало, но о полном выздоровлении пока не шло и речи. Температура упала до стабильных тридцати семи и двух, голова раскалывалась, горло болело, и ко всему прочему добавился сухой кашель. Закутавшись в одеяло, Володя с трудом передвигался по дому. Смотреть в зеркало даже не решался: догадывался, что выглядит как с креста снятый — хоть панихиду заказывай.

Весь день он провёл дома. Чувствовал себя максимально бесполезным — самое ненавистное для Володи ощущение, но ничего с ним поделать не мог. В обед заставил себя поесть, выпил лекарства и покормил собаку. На этом силы иссякли.

Юра в четвёртый раз за день интересовался его самочувствием, а Володя не хотел заставлять его переживать — говорил, что становится лучше.

К вечеру, когда действие жаропонижающего прошло, а от очередного приступа кашля чуть не вывернуло лёгкие, Володя возвёл усталые глаза к потолку и невольно задумался, каково ему было бы без Юры и Маши. Совершенно одному, в тишине пустого дома, проваливаться в яму горячечного бреда. А потом, чудом выбравшись из неё, падать в следующую. Володе стало по-настоящему страшно от осознания, что он совершенно один.

Когда умер отец, вокруг него были люди, и то пришлось выбивать дверь. Если бы

сердечный приступ случился дома — рядом была бы мать. А рядом с Володей — только Герда, которая, случись что, никак не сможет помочь.

После похорон отца Володе в голову то и дело закрадывались пугающие мысли о том, что смерть это не нечто абстрактное, чего никогда с ним не случится, а вполне реальная вещь. И, хуже того, — неминуемая. Нет, физическое здоровье Володи было в порядке: он правильно питался, а до того как в его жизнь ворвалась Маша, каждый день плавал в бассейне и бегал по утрам. Но, несмотря на всё это, Володя не молодеел. Здоровье могло в любой момент его подвести.

Разумеется, случись что-то совсем серьёзное, он бы позвонил кому-нибудь: тому же Брагинскому или на худой конец Жене. Но если что-то внезапное вроде сердечного приступа или инсульта? Он содрогнулся, представив, как лежал бы и корчился, а вокруг него бегало бы единственное любящее его существо, искренне желая помочь и совершенно не понимая, что нужно делать. Володю, конечно, нашли бы, но когда? Может, через неделю, может, позже...

Раньше Володя вообще не задумывался о таком. Все эти страшные мысли появились после смерти отца. Должно быть, это — последствие шока, а значит, скоро пройдёт. «Но тренировки, — решил Володя, — нужно возобновить».

Вечером пришла Маша. Не предупредила заранее, а сразу позвонила в дверь. Володя забыл про её обещание и успел напрячься — кого ещё принесло? Не Игоря ли? Уж кого-кого, а его он видеть совсем не хотел.

Маша деловито разулась, прошла на кухню, водрузила на стол два пакета.

— Я тут тебе лекарств принесла: сироп от кашля и капли в нос, жаропонижающего ещё купила. А тут вот, — она достала из пакета контейнер, — плов, свежий, Димке готовила и тебе заодно положила. Не одним же борщом питаться.

Володя даже смутился — чем он заслужил такое расположение Маши? Тем, что помог разобраться с Димой? Но, если подумать, пользы от Володи было немного. По крайней мере так ему казалось.

А Маша тем временем уже переложила еду в тарелку и сунула в микроволновку.

Володя посмотрел на неё, нахмурившись, и она заговорила:

— Что? Давай, начинай рассказывать: «Маша, да не нужно было, да я вообще не голодный». Знаю я вас, мужиков. И даром что ты не совсем обычный мужик — все вы

одинаковые. — Она махнула рукой и полезла доставать еду. — Хрена с два вы сами о себе позаботитесь!

Поставила тарелку на стол, взглядом указала Володе на стул, положила перед ним вилку, а сама принялась заваривать чай. И Володя почему-то не посмел возразить. Стал молча есть, наблюдая, как Маша хозяйничает на его кухне — немного неуверенно, но только потому, что пока не запомнила, где что лежит. Герда крутилась возле её ног. Маша вопросительно посмотрела на собаку, потом на Володю.

Он строго буркнул:

— Герда, отстань! Я покормил тебя час назад. Нечего перед гостьей выпендриваться!

Герда не обиделась, подбежала, ткнулась носом ему в колено и потопала в гостиную. Запрыгнула на диван, легла и стала за ними наблюдать.

За последние полчаса Володя не раз поймал себя на мысли, что Маша ему очень сильно кого-то напоминает. Но он никак не мог взять в толк кого именно.

— Та-ак... — сердито протянула она. — Вижу, что чая не убавилось. А ведь я говорила, чтобы ты пил побольше горячего!

И тут Володю осенило. Он даже мысленно обозвал себя бестолочью за то, что не понял сразу. И не смог сдержать улыбки. Да Маша же — вылитая его мать!

Та была такой же одновременно заботливой и совершенно невыносимой, когда кто-то болел: будь то отец, сам Володя или соседка с третьего этажа.

На душе потеплело, сердце защемило светлой грустью — Володя так давно не видел мать. Мысленно сделал себе пометку: обязательно позвонить ей завтра.

Маша заварила чай. Подвинув одну чашку Володе, подула на свою.

— Ну а как у тебя вообще дела? Я всё бурчу, а ты молчишь.

— Да нормально... для болеющего. — Володя пожал плечами. — Устал лежать, а делать ничего не могу. Так себе времяпрепровождение.

— Да, выглядишь ты несчастным... — Она ободряюще улыбнулась. — Ну ничего, очухаешься! Кстати, а как там Юра? Вчера ведь чуть с ума не сошёл.

Володя хохотнул:

— Это да, столько паники развёл, аж неловко.

— Да ладно, как же ещё? — Маша как-то странно посмотрела на него: — Вы с ним типа... ну... вместе?

Володя удивлённо изогнул бровь. Опустил взгляд в чашку, медленно отпил чаю.

— Ты... что имеешь в виду?

— Ну, в смысле, «что»? То и имею! Вы вроде как... пара? — Она заговорщицки ему подмигнула — Володя и не ожидал от неё такого жеста. — Ну там, вспомнили былое, знаешь...

— Маш, ну что ты несёшь? — Володе показалось, что у него вспыхнуло лицо, но, скорее всего, это было от температуры. — Юра живёт в другой стране, мы с ним виделись несколько часов, и... Мы просто общаемся!

Маша ступевалась.

— Да? Ну прости, просто вчера мне показалось... Не знаю, «просто друзья» так не переживают!

Володя покачал головой.

— Не согласен. Иногда дружба намного сильнее всякой там... — отчего-то он запнулся на слове «любовь», — ...всяких других уз. Ведь на самом деле у нас с Юрой только дружба и осталась — от того, что было тогда в лагере. Понимаешь?

— Ну да, наверное... Спустя столько лет... Любовь столько не живёт. — Она грустно вздохнула и подпёрла подбородок рукой.

В груди ёкнуло. Не то чтобы Маша сказала нечто новое, Володя и без неё это прекрасно понимал. Но сама мысль, что любовь действительно не может пережить двадцать лет разлуки, причиняла боль.

— Ну что ты скуксился... Володь, да ничего страшного. Ты же поедешь к нему, может, ещё наверстаете...

— Он тебе даже о поездке рассказал?

Маша передёрнула плечами.

— Ну да, так, между криками о том, чтобы я срочно ехала тебя спасать.

Они молча допили чай, Володя отнёс кружки в раковину, зевнул.

— Как у тебя, кстати, дела с Димой? Не ссоритесь?

Маша насупилась, неопределённо мотнула головой — непонятно, то ли «да», то ли «нет».

— Что? — переспросил Володя.

— Ну так себе... Повздорили немного. У него характер, знаешь, вспыльчивый, весь в отца. Ничего, отойдёт.

— Это понятно. А из-за чего?

— Та... — Она махнула рукой.

Володя не горел желанием лезть в их отношения. Но Маша забота пробуждала в нём желание помочь. Подсказать ей что-нибудь, пусть даже если и не послушает.

— Маша, точно ничего серьёзного? — снова уточнил он.

— Да правда, Володь! — воскликнула она, но в её голосе слышалась вина. — Ну ляпнула сгоряча, что это у него подростковое и скоро пройдёт. Ну он опять обиделся... — Она сложила руки на груди и сильно напомнила Володе саму себя в юности. — Ну я что, не права, что ли? Перерастёт он всё это и забудет как весёлое приключение.

Володя лишь покачал головой.

— Эх, Маша, ничему тебя жизнь не учит. Мы же это уже проходили. — Он медленно, с расстановкой объяснил ей как малому ребёнку: — Такие вещи просто так не появляются и бесследно не проходят. Тем более, как мне кажется, говоря ему такие слова, ты обесцениваешь то, что для него сейчас важно.

Она вздохнула.

— Ну я вроде смирилась, но всё же продолжаю надеяться, что это... ну, баловство. Как думаешь, пройдёт у него это?

Володя покачал головой.

— Я уже отвечал тебе на этот вопрос. Сексуальность твоего сына, — он заметил, как Машу передёрнуло от этих слов, — не изменится. А дети и у гея могут быть. Но если Дима бисексуален, то кто знает, может, и женится, заведёт обычную семью.

— Ой, правда? — оживилась Маша.

— Маш, ну я тебе объясняю очевидное. У тебя же есть интернет. Поищи там научные статьи вместо заговоров на мухах — и всё узнаешь. Это же в твоих интересах, в конце концов.

Она снова нахмурилась, её взгляд забегал. Затем, странно прищурившись, посмотрела на Володю.

— А ты не хочешь? С женщиной?..

Володя закатил глаза, отметил про себя, что уже успел привыкнуть к этому жесту при общении с Машей.

— Снова здорово! И это мы тоже уже обсуждали!

Маша встала из-за стола и упёрла руки в бока.

— Я же не о том, чтобы спать с женщиной! Я о семье, о детях. Тебе уже лет-то сколько, неужели не хочется?

Володя резко вдохнул ртом, собираясь поинтересоваться, как дети могут появиться без секса, но зашёлся кашлем.

— Вот об этом я и говорю, — сказала Маша, возведя палец вверх и закудаhtала: — И позаботиться о тебе некому, а был бы женат...

Володя ничуть не рассердился. Посмотрел на неё хмуро, а потом вдруг по-доброму засмеялся.

— Да что ты привязалась со своей семьёй да женой? Позаботиться обо мне и мужик сможет!

— Фу! — воскликнула Маша, но скорее наигранно, чем с настоящим отвращением.

— А что? Может, тебе тоже задуматься о том, чтобы найти, — он сделал ударение на следующем слове, — спутницу жизни? Мужики же все одинаковые, так? И ты сама говоришь, что женщины и лучше, и красивее мужчин!

— Фу! — повторила Маша, скривившись. — Володя, что ты такое несёшь?

Он засмеялся:

— Теперь ты поняла, что я чувствую, когда ты убеждаешь меня в необходимости жениться?

— Ой, да ну тебя! — И тоже засмеялась.

Провожая Машу к такси, Володя сказал:

— Спасибо, что заехала. И за плов — тоже, очень вкусный.

Он благодарил её искренне. Пусть навещать его сегодня не было острой необходимости, зато за разговором быстро пролетело время, да и настроение поднялось.

— Да не за что, выздоравливай! — отмахнулась она.

Внезапно для самого себя Володя предложил:

— Может, сходим куда-нибудь, когда выздоровею? В театр или на концерт, посмотрим, что там есть. И оболтусов своих можешь взять.

— Вообще-то, мой оболтус всего один, — уточнила Маша, — но я, конечно, только за! Давай!

— Ну тогда договорились, я посмотрю афишу и позвоню.

А пару часов спустя Володя пересказывал разговор с Машей Юре в ICQ. Разумеется, не весь, а только ту часть, где Маша заставляла его пить чай, есть плов и жениться.

Юра отправил целый ряд смайликов — жёлтые колобки катались по полу от смеха.

«Володя, так она, может, тебе свою кандидатуру предлагала? А ты, дурак, ничего и не понял!»

«Ну что ты выдумываешь?»

«Почему это выдумываю? Ты, вообще-то, завидный жених: солидный, со своим бизнесом, домом, без жены и детей».

«Ага, только в одном проблема...»

«И в чём же?» — спросил Юра и добавил ехидный смайлик.

«А то ты не знаешь!»

Юра только посмеялся над ним — снова смайликом.

Володя, уже зевая, написал:

«А вообще она мне жутко напомнила мать, если честно. Этими своими разговорами о семье».

«Ну.. злободневно. Или как там говорят? А если серьёзно, ты что по этому поводу думаешь? Не хочется, чтобы кто-то был рядом?»

Володя не стал уходить от щекотливой темы, честно ответил:

«Хочется».

Но умолчал, что в последнее время при мысли об этом «ком-то» перед глазами вставал образ Юры.

Володя вышел из машины, оглянулся по сторонам, посмотрел в серое небо. Погода не радовала ни вчера, ни сегодня — и вообще не собиралась радовать в ближайшие четыре месяца. Конец ноября — та пора в Харькове, когда выходить из дома — плохая идея. Пасмурно и тускло. Такое ощущение, будто подкрутили яркость и вполовину убавили насыщенность.

Направляясь к площадке ХАТОБа, Володя приподнял воротник пальто, прячась от промозглого ветра.

Маша пока не подошла. Он посмотрел на часы — до оговорённого времени оставалось ещё пять минут. Лучше бы сидел в машине до последнего, а не торчал на холоде.

Володя прошёлся вокруг выключенного фонтана, наблюдая за жёлто-коричневыми листьями, плавающими в воде.

На фасаде оперного театра, хлопая на ветру, висела огромная афиша предстоящего мюзикла: белая маска на чёрном фоне и красная роза.

Выбирая, куда повести Машу с парнями, Володя сразу же наткнулся на плакат с «Призраком Оперы» — такие были развешаны по всему городу. Сперва засомневался, подумав, что Маше-то, конечно, захочется пойти на известную во всём мире историю о любви, а вот Диме с Толей вряд ли будет интересен именно мюзикл. Тогда он посоветовался с Юрой, и тот помог принять решение:

«Им обоим вряд ли интересно идти куда-нибудь, кроме современного концерта. А мюзикл — это хотя бы нечто среднее. Тем более, судя по твоим рассказам о Диме, ему

может понравиться готический антураж».

Но, помимо этого, Юра, конечно, не удержался и от подколки:

«Ты смотри... Да у вас, получается, семейный поход! Папа, мама, дети...»

«Юра, ну что ты опять...» — ответил Володя, качая головой. Ох уж эти его шутки!

«А что я? — смеялся смайликами Юра. — Маша — прекрасная женщина! В молодости была красавица, а сейчас стала только краше».

Но Володя уже научился не поддаваться на его провокации и пошёл на опережение:

«А откуда ты знаешь, что она сейчас красивая?»

«Ну так она мне своё фото прислала».

«И зачем ей высылать фото тебе?»

«Я сам попросил...»

«Зачем тебе Машино фото?» — спросил он, отправив вдогонку грустный смайлик.

«Володя, блин! Ты чего? Мне просто интересно, насколько человек изменился. Я ей тоже своё отправил».

Володя ничего не ответил — отвлёкся на телефонный звонок. Он оставался на больничном, но работал из дома.

Но Юра как-то по-своему воспринял молчание и написал ещё одно сообщение:

«А ты случаем не ревнуешь, а? В “Ласточке” я тебя к Маше ревновал, а теперь мы поменялись, да?»

Володя, смеясь, отправил ему зелёный смайлик, который сдерживал рвотные позывы.

Юра ответил коротко:

«Уделал».

Наконец со стороны Сумской показалась Маша: волосы убраны в высокую причёску, красная помада на губах. В чёрном платье и лёгком плаще она ёжилась от промозглого ветра. Следом за ней брели хмурый Дима и смущённый Толя.

— Привет! — подходя ближе, Маша махнула Володе рукой.

— Здравствуй. Хорошо выглядишь! — отпустил он дежурный комплимент, хотя это была чистая правда.

Стоящий за её спиной Дима закатил глаза, прокомментировав:

— Маман вырядилась на свиданку! А нас-то нафига притащила? — И тут же получил за это тычок локтем в бок — от Толи.

Вообще, по Толе было видно, что он чувствует себя не в своей тарелке. Впрочем, кто из всех четверых был в своей, оставалось загадкой. Разве что Дима — у него был такой вид, словно плевать он хотел на происходящее вокруг.

— Вообще-то, в театр принято наряжаться! — назидательно подметила Маша.

Володя покачал головой. Вот кому-кому, а точно не Диме рассуждать о том, кто как «вырядился». Его самого ещё не факт, что пустят в театр — во всех этих цепях да шипах. Володя хотел так и сказать, но взглянул на часы и поторопился:

— Идёмте. Десять минут до начала.

Пока поднимались по ступенькам ХАТОБа, Дима возмутился:

— Нет, ну зачем всё это надо? Какой-то мюзикл! Ты бы нас ещё в оперу потащила!

Маша ответила строго:

— Сынок, прояви уважение! Дядя Володя нас пригласил, купил на всех билеты. Веди себя прилично!

Дима пробурчал что-то под нос. А Володя ничего на это не сказал, но порадовался сразу двум вещам: что у него нет детей и что в ближайшие два часа разговаривать будет запрещено.

Мюзикл Володе и понравился, и нет. Он наслаждался музыкой — в старом акустическом зале ХАТОБа живой оркестр звучал прекрасно, вот только сюжет вводил в замешательство. Володе показалось, что любовь Призрака к Кристине как к женщине фальшива. Он читал между строк иное: он видел любовь к музе, ревность — к ученице, а влечение — к её голосу как к источнику вдохновения. Но никак не примитивное желание обладать человеком противоположного пола. Возможно, Володе просто почудилось, а возможно, постановщики русскоязычного мюзикла немного перевертели и стоило посмотреть оригинал. Он сделал себе мысленную пометку: обязательно обсудить этот вопрос с Юрой.

Выходя из здания театра, Маша вздыхала и, кажется, даже шмыгала носом.

— Эх, ну как же всё-таки грустно, Володя! Такая любовь...

— Какая? — с иронией поинтересовался он.

— Ну... — она неопределённо развела руками. — Такая... А он исчез! И куда вот он исчез?

Володя пожал плечами.

— Мне кажется, он погиб.

— Ну нет, — Маша поджала губы, — нет! Я буду думать, что он просто... ушёл!

Володя засмеялся.

— Думай как знаешь, это же твоё видение.

Краем уха он услышал разговор идущих поодаль Димы и Толи:

— Ладно, признаю, всё не так уж и плохо.

— Да брось, тебе понравилось!

— Ну не прям вот понравилось, но в целом было прикольно: музыка такая бам-бам, и оркестр такой громкий, правда, это оперное пение... у меня чуть глаза не лопнули...

— Кстати, у «Найтвиш» есть кавер на заглавную тему из этого мюзикла, слышал?

— Что, правда? — удивлённо воскликнул Дима. — У тебя есть?

— На компе где-то лежит.

— Дашь послушать?

Володя подвёз их до дома. Маша звала в гости: накормить и, может быть, выпить по рюмочке. Володя отказался, объяснив, что поедет в офис с самого утра — работы было как никогда много. Он не соврал — неделю просидел на больничном и работал вполсилы, а время шло, стройки не стояли на месте, и заказчики не снижали требований. Ко всему прочему, близился конец месяца, и Володю ждала куча отчётов.

На прощание Маша внезапно чмокнула его в щёку, тут же ойкнула и принялась оттирать с его кожи красный след помады, приговаривая:

— Спасибо тебе за вечер, было очень здорово! Давай как-нибудь ещё раз куда-нибудь сходим?

— С удовольствием, — согласился Володя, не кривя душой.

Зима пришла в Харьков, как часто бывало, с опозданием. Первый нормальный снег выпал лишь ближе к середине декабря, а до этого всё таял, оседая на давно уже опавших листьях.

Герда радовалась снежинкам, ловила их пастью и фыркала, когда белые пушистые мушки попадали на язык. Володя, наблюдая за ней, умилялся и даже немного завидовал: столько беззаботной радости было в этом существе.

Новогодние каникулы приближались, все документы были готовы, билеты — куплены, но оставалось одно нерешённое дело. Володя откладывал его до последнего, но дальше тянуть уже было некуда.

Стоя возле окна своего кабинета, глядя, как Харьков застилает белой пеленой снега, он достал телефон и написал Игорю в ICQ:

«Доброе утро. Нужно встретиться в ближайшее время».

Ответ пришёл почти сразу:

«Зачем? Новый рецепт?»

Володя написал:

«И он тоже, но вообще нужно поговорить».

«Сегодня в восемь на Бекетова у памятника», — ответил Игорь.

Он сказал Юре, что разорвал все связи с Игорем ещё месяц назад, но на деле это было не совсем так: они больше не виделись и почти не общались, но точку в отношениях ещё не

поставили. Володя мог бы просто написать или позвонить Игорю, но решил поговорить с ним с глаза на глаз.

Про рецепт он даже забыл — в последнее время так сильно уставал на работе, что перебивался слабыми снотворными и лишь изредка, не чаще раза в неделю, принимал половину таблетки Игоря, чтобы выспаться. Володя не был уверен, потребуется ли ему такой сильный препарат во время поездки в Германию, но рассудил, что точно не помешает.

Игорь опаздывал. Володя нервно постукивал носком ботинка по мраморной плитке площади Бекетова и поглядывал на часы. Мелкий снег не прекращался с самого утра, ложился на город белым полотном, укрывал высокой шапкой памятник влюблённым за Володиной спиной. Ироничное место встречи с учётом, что он пришёл сюда расставаться. Впрочем, никто не воспринимал этот чересчур абстрактный памятник буквально: вытянутые, нереально худые, обнажённые парень с девушкой сливались в бронзовом поцелуе. Скорее карикатура на любовь, чем её воплощение. Хотя, может, это у Володи было такое искажённое восприятие, а другим людям нравилось?

Игорь подошёл, опоздав на целых пятнадцать минут.

— Извини, задержался, отлучался по делам, — виновато сказал он. — Привет!

Володя коротко кивнул:

— Здравствуй.

Игорь как ни в чём не бывало улыбнулся:

— Что это ты так официально? Пойдём сядем в машине? Я на Дарвина припарковался.

Володя нахмурился.

Игорь выглядел хорошо — в строгом шерстяном тёмно-синем пальто, из-под воротника виднелся рыжий галстук. Даже на расстоянии метра Володя чувствовал приятный аромат хвойного парфюма. Но от мысли, что они окажутся в замкнутом пространстве, Володя непроизвольно скривил губы. И когда только этот человек стал для него настолько чужим?

— Давай лучше пройдемся? — предложил он. — Погода в кои-то веки хорошая.

Игорь удивился:

— Мне в любом случае нужно в машину за рецептом, пройдемся до неё.

В принципе разговор должен был выйти коротким — Володя лишь пожал плечами и

пошёл вниз по улице.

— Так о чём ты хотел поговорить?

Володя хмыкнул, задумавшись, как начать. Вообще, он полдня размышлял, как преподнести информацию максимально лаконично, чтобы Игорь больше не сомневался и воспринял его слова всерьёз. Володя не боялся причинить ему боль — он был уверен, что Игорь вряд ли почувствует что-то, кроме обиды. Которая, скорее всего, будет велика — как же, ведь Володя заденет его гордость.

Лучше варианта, чем просто быть честным, Володя так и не нашёл.

— Нам необходимо прекратить наши встречи, Игорь, — начал он. — Они мне больше не нужны. Я их больше не хочу.

Игорь продолжал медленно идти, опустив взгляд.

— Ну, то есть мы опять расстаёмся, да?

— Да. И насовсем, — кивнул Володя.

Он ждал, что Игорь заявит, мол, такое уже было, тогда пережили и сейчас переживём, но тот промолчал.

Они дошли до машины, Игорь снял её с сигнализации, открыл дверь, достал свой портфель.

— Ты уверен? — спросил он, повернувшись к Володе. Внешне Игорь оставался совершенно спокоен, но его выдавали подрагивающие руки, судорожно ищущие что-то в сумке.

Вопрос показался Володе странным — за все последние месяцы он ни разу не усомнился в своём решении. Даже больше — отношения с Игорем для него закончились ещё в сентябре, и эта встреча должна была лишь расставить все точки над «i».

— В чём уверен, Игорь? Мы с тобой три месяца не виделись, а общались за это время всего пару раз. Разве для тебя это не очевидно?

— Хм... Ну, мы и раньше отдалялись друг от друга. — Он кашлянул. — Так... почему? Из-за того дурацкого раза? Но я же извинился.

Володя вздохнул:

— Да, и из-за того раза тоже. Но в целом наши отношения... Да боже, между нами уже давно нет никаких отношений!

— Нет, я так не считаю, — уверенно произнёс Игорь. — Я, вообще-то, собирался жену бросить, рассказать ей всё!

— И сколько лет ты собирался это сделать? И зачем? Ради меня? Игорь, не ври хотя бы себе.

— Я не вру, — Игорь покачал головой. Он оглянулся в поисках свидетелей, а когда убедился, что их нет, шагнул ближе и сказал: — Я правда хотел остаться с тобой. Может быть, лучше возьмём паузу? Зачем сразу расставаться? Ты вспомни, как нам было хорошо вместе...

— Хорошо ли? — прищурился Володя. — Я бы сказал — удобно. Тебе были удобны наши отношения. Но теперь они стали неудобны мне. Поэтому я уйду.

Володя не увидел во взгляде Игоря сожаления, но тот всё равно сказал:

— Жаль. Может, ты и прав, раньше надо было, а я всё похерил.

— Не вини себя, ты тут ни при чём. Просто я нашёл человека... Мы не пара, но встреча с ним поставила многое на свои места.

Игорь цинично усмехнулся:

— Нашёл очередного мозгоправа?

— Нет, свою первую любовь.

— Того немца, что ли?

Володя скривил губы — от того, сколько презрения прозвучало в голосе Игоря.

— Да, его, — ответил спокойно.

— И что? Почему вы не вместе, раз он вернулся в Харьков?

— Он не возвращался. Просто приехал погостить и улетел обратно в Германию. Но мы общаемся.

— Серьёзно? — Игорь с издёвкой ухмыльнулся. — И ты на что-то рассчитываешь? Ты не виделся с ним сколько — двадцать лет? Правда думаешь, что вернёшь всё, о чём ты там жалел?

— Нет, но...

Но Игорь, не дав ему вставить и слова, продолжил:

— Вова, я тебя хорошо знаю, я вытаскивал тебя все эти годы из психозов, а этот... как там его? Юра? — Имя он будто выплюнул. — Он тебя настоящего знает?

Володя злился, но сдерживал себя, не желая уподобляться Игорю и выплёскивать весь негатив наружу:

— Знает и понимает.

Игорь скривился:

— Да ладно? И про снотворное он тоже знает? И про кошмары, и про срывы?

На это Володя только коротко вдохнул. Он понимал, что Игорь просто провоцирует, но признавал, что в его словах была доля правды. Игорь тем временем продолжал язвить:

— А ты уверен, что кто-то другой, кроме меня, готов принять тебя настоящего? Нужен ли ты такой своему Юре?

Володя на секунду прикрыл глаза и сжал зубы.

— Ты имеешь право злиться, — ровно сказал он. — Но давай на этой громкой ноте всё же разойдёмся. Я не намерен больше слушать этот бред.

Игорь, наверное, хотел сказать что-то ещё, но поджал губы и замолчал — вовремя понял, что ещё чуть-чуть, и совсем потеряет лицо.

Володя хотел было развернуться, чтобы уйти, но тот протянул ему сложенный вдвое листок.

— На, всё равно уже выписал. Чтобы к врачу не ходил, меня не подставлял.

— Спасибо. Будь счастлив, Игорь.

Возвращаясь пешком к офисной парковке, Володя как мог пытался не думать о словах Игоря. Понимал же, что он сказал их сгоряча. Но в голове то и дело всплывали обрывки его фраз.

«Ты уверен, что он готов принять тебя?»

Такие вопросы не волновали бы Володю, будь они пустым звуком. Но Игорь оказался

прав — Володя не был до конца честен с Юрой. Он всё ещё не знал о таблетках. Не знал, что пить снотворное давно вошло у Володи в привычку — и физическую, и психологическую.

Ну не спит он без таблеток, ну мучается от тревожности и кошмаров — и что? Какая разница, как именно он засыпает? Но Юра бы непременно сказал ему: «Ты убегаешь от проблем, борешься с симптомами, а не с причиной». Вот только выяснять причины не хотелось. Стоило вспомнить осень, когда Володя всколыхнул в памяти своё проблемное прошлое, — как его прошибал пот. Он столько дров наломал, но так ни в чём и не разобрался.

«Нужен ли ты ему таким?»

От этого вопроса внутри леденело. Именно поэтому было так страшно открываться, было так страшно, что Юра узнает правду о нём. Но Юра уже узнавал. Он уже дважды наткнулся на эти подводные камни, сам того не желая: первый раз — узнав о грязных подробностях их связи с Игорем, второй раз — о побеге с концерта. А теперь появится третий — снотворное, кошмары, панические атаки. И как Юра воспримет его? Изменится ли его отношение к Володе? А оно может измениться. Володя хотел быть честным, хотел открыться полностью, но страх, что Юра в итоге не выдержит и отвернётся от него, был сильнее.

А что, если правда отвернётся? Что, если Володя и правда не нужен ему таким — даже в роли друга по переписке?

Нет, конечно, он не умрёт и жизнь на этом не закончится. Всё будет по-прежнему: работа, дом, собака. После новогодних праздников вернётся мать, Володя станет ездить к ней по выходным. Наверное, будет и Маша — отношения с ней за последнее время стали тёплыми, даже дружескими. Вот только не будет Юры — и станет пусто. Володя уже успел привыкнуть к тому, что он есть — пусть далеко, пусть на расстоянии тысяч километров, но утром, в обед и вечером он есть в экране ноутбука или мобильного. И от этого в жизни будто бы появляется смысл.

Володя подъезжал к дому, когда в голову пришло неожиданное воспоминание.

Десять лет назад он писал Юре письма «в никуда». Тогда они потеряли друг друга, их пути разошлись, Володю мучило сожаление. Он сидел под их ивой, над вскрытой капсулой времени, и думал о том, что если бы только судьба дала им шанс снова встретиться, все бы проблемы решились, на все вопросы нашлись бы ответы. Что он смог бы повернуть время вспять, наверстать упущенное и просто быть счастливым.

Сейчас та мысль из прошлого казалось нелепой. Судьба действительно та ещё

юмористка. Она дала им второй шанс, они встретились — и что? Ничего. Потому что в этом мире никому не удавалось повернуть время вспять.

10. Чужая земля

Утро перед вылетом прошло как в тумане. Володя проснулся с удивительной мыслью и не до конца поверил в неё: сегодня он наконец увидит Юру!

Встреча под ивой случилась так давно, что уже казалась выдуманной и нереальной. Володя прошёлся по гостиной, посмотрел на диван, на котором в ту ночь они уснули рядом, на припыленное пианино, на котором Юра играл «Колыбельную»... Все эти воспоминания уже притупились. Не то чтобы Володя не верил или сомневался в них — это было бы совсем сумасшествием. Просто те переживания уже забылись.

Все три с лишним месяца Юра существовал лишь в Володиных телефоне и ноутбуке. Он вроде и был рядом, но без его физического присутствия Володя не до конца понимал, что именно чувствует. И эта неразбериха порой пугала, а порой — выводила из себя.

Он постарался занять руки делом, а голову — мыслями: собирал чемодан, десять раз проверил, не забыл ли билеты и паспорт. Несколько раз перечитал список необходимых вещей — всё ли взял? Убедился, что подарок Юре — обёрнутая яркой бумагой коробочка с фотоаппаратом, — не помялся. Потерял очки. Зная, что Юре нравится видеть его в них, Володя купил новые. Помнил, что вчера положил их на тумбочку, но там было пусто. Искал полчаса и нашёл их у себя на носу — забыл, что надел очки, как только проснулся.

Мысли путались. То и дело в голове возникали вопросы, от которых Володя пытался отмахнуться: как всё пройдёт? Как Юра его встретит? Радостно ли прозвучит его голос? Что они будут делать, когда встретятся? Что, в конце концов, почувствует при этом Володя?

И ещё мелькали образы: как Володя неловко, но крепко обнимет Юру в аэропорту, как сядет с ним на заднее сиденье такси... Или, наверное, Юра будет на машине?

Володя в очередной раз отогнал от себя эти назойливые вопросы, которые вызывали только панику. Вновь принялся думать о насущном. Дополнил список дел строчкой «Купить леденцы», чтобы подстраховаться от укачивания в самолёте. Посмотрел на время: в аэропорт через два часа, а дел — невпроворот.

Он позвонил Брагинскому и ещё раз напомнил о своём отпуске. Тот зычно расхохотался:

— Вов, не беспокойся, я всё проконтролирую, отдыхай ради бога, ни о чём не переживай. Если случится что-то совсем критичное — позвоню. Но ты, конечно, гад.

Оставить коллектив без начальника накануне новогоднего корпоратива — это просто неприлично! — Брагинский расхохотался. Прощаясь, он напомнил Володе о причине его внезапного отпуска: — Ну давай, удачи тебе там с твоими «семейными обстоятельствами»! Только на свадьбу позвать не забудь! — и положил трубку.

Володя собрал собачье имущество — миски, мячи, подстилку, шампуни и прочее, — достал с полки новую упаковку корма. Герда, заметив его манипуляции, проснулась и пулей примчалась на кухню.

— Нет уж, подруга, тебя Татьяна покормит, — строго сказал Володя. Присел рядом с ней, почёсывая обеими руками за ушами. Герда в ответ лизнула его в нос. — Тьфу ты! — он рассмеялся, вытираясь. — Эх, Герда-Герда... Я тебя бросаю на целую неделю, а ты всё равно лезешь целоваться.

Она как будто поняла: недоумевающе посмотрела, коротко, вопросительно твякнула.

— Лечу к твоему любимому Юре, — объяснил Володя. — Да, можешь мне позавидовать, предательница, я знаю, что его ты любишь больше, чем меня! Ну, так уж и быть, передам ему привет.

Герда снова лизнула его.

— Ну уж нет, такой привет я передавать не буду! Он обалдеет, если я начну лизать его нос!

Володя взял в обе руки по пакету с собачьими вещами, выпустил Герду на улицу и вышел из дома следом за ней. Прошёлся по участку, толкнул калитку. Герда сразу же бросилась здороваться со своей мамой — соседской собакой Найдой.

— Татьяна! — позвал Володя — у соседей уже с месяц не работал звонок на двери.

Через минуту во двор вышла полноватая улыбающаяся женщина.

— Ой, Володя, здравствуйте! Не ожидала, что придёте так рано.

— Добрый день! — кивнул Володя. — А Сергей?..

Татьяна, не дав договорить, махнула рукой:

— Да спит он — запил опять, — прозвучало обыденно, но немного раздражённо. — Продав вчера две картины и сразу в запой. Чёрт бы побрал эту проклятую творческую натуру!

Володя покачал головой. Разумеется, за пять лет он узнал соседей достаточно хорошо и был в курсе, что муж Татьяны страдает алкоголизмом. И пусть за Гердой обычно присматривала она, Володю всё равно беспокоило, что рядом с его собакой будет находиться пьяный человек.

— Да вы не переживайте, — успокоила его Татьяна, — поезжайте в отпуск, я не подпущу его к Герде. Со мной и Найдой она не соскучится!

— Верю, спасибо! — Володя передал ей пакеты. — И вот ещё, — он достал из кармана листок бумаги, — это номер моего товарища из Германии, на всякий случай, если вдруг что-то срочное, а до меня не дозвонитесь.

— Как всегда всё до мелочей продумываете, — восхитилась Татьяна. — Ждите ежедневных отчётов.

Покончив со сборами, Володя заторопился в аэропорт и совсем забыл об одной важной вещи: позвонить матери. О поездке в Берлин он предупредил её неделю назад, и мать взяла с него обещание позвонить перед взлётом и после посадки. Но Володя вспомнил об этом слишком поздно — когда в салоне самолёта объявили о необходимости выключить все средства связи.

Он не придумал, чем занять себя во время перелёта. Лучше всего было бы уснуть, но Володя на это даже не рассчитывал, поэтому достал из ручной клади «Теорию музыкального мышления» и плеер.

Летел он тем же маршрутом, что и Юра в сентябре — с пересадкой в Минске. Как и ожидал, уснуть не удалось, хотя попытался сразу же, как только самолёт набрал высоту. Читать было скучно — книга вызывала зевоту, но Володя упрямо заставлял себя бегать взглядом по строчкам. Ему слишком не хотелось оставаться один на один с собственными мыслями в замкнутом пространстве. Он не знал, куда они могут его завести.

Снижение, при котором сильно закладывало уши, и пересадка в Минске немного взбодрили, но, оказавшись в другом самолёте, Володя решил не возвращаться к книге. Отправил Юре сообщение, что вылетает вовремя, а значит, прибудет без опозданий. Воткнул наушники в уши, включил концерт Брамса и, насколько смог, расслабился, вытянув ноги в проход. Голову тут же заполнили мысли. От них уже некуда было деться, и Володя им просто сдался. Под закрытыми веками хаотично мелькали воспоминания разной давности, обрывки фраз и тени образов. Наблюдая за этим хаосом, Володя всё же провалился в неглубокую дрёму — не отдохнул, но зато убил время.

Приземлившись около семи вечера по местному времени, он чувствовал себя вымотанным, несмотря на то, что последние семь часов ничего не делал. Едва встал в

очередь на паспортный контроль, как телефон поймал связь и пришло СМС от Юры: «Жду тебя в фойе у эскалатора». Сердце сжалось от радости. Улыбаясь, Володя ответил Юре, где находится. Заодно отправил СМС матери.

Забрав багаж, он пошёл к выходу, ориентируясь по стрелкам указателей и не глядя по сторонам. Зачем-то вслушивался в объявления на немецком и английском.

Только спустился в зал ожидания, как на него вихрем налетел Юра.

Володя моментально окунулся в тепло его объятий и запах парфюма. Что-то мазнуло его по скуле — он сразу и не понял, что именно. Оказалось, Юра быстро поцеловал его в щёку.

— Привет! Наконец-то! — прошептал он ему на ухо, и Володя, отпустив ручку чемодана, обнял его в ответ, притянув к себе за талию.

Юра рассмеялся, расцепляя кольцо рук, взял его за плечи, заглянул в лицо:

— Живой и настоящий!

Он улыбался во весь рот, карие глаза сияли, а в голове Володи воцарился полный кавардак. Всё будто взорвалось: Юра поцеловал его прямо на людях — это такой странный и вовсе не дружеский жест. И действительно: вот он, Юра — живой, осязаемый, настоящий, — прямо перед ним.

Володя так и замер, глядя на него. Его удивило, насколько Юра высокий — он почему-то запомнился Володе ниже ростом. Вообще, вживую внешностью и мимикой Юра отличался от самого себя в скайпе. Ещё бы — из-за качества связи его лицо в мониторе никогда не было чётким. Иначе звучал и тембр голоса — не искажённый помехами, он был высоким и звонким.

— Ты хоть скажи что-нибудь. — Юра чуть встряхнул его, всё ещё держа за плечи.

Володя улыбнулся, покачал головой.

— Прости. Я утомился немного. Я... безумно рад тебя видеть!

— Насмотришься ещё! — смеясь, пообещал Юра. — Пойдём?

Володя кивнул и, подхватив чемодан, зашагал следом за Юрой. Тот лавировал между людьми и постоянно оглядывался, чтобы не потеряться. Володя рассматривал его фигуру — бежал взглядом по облачённой в полупальто спине от затылка с очаровательно торчащим хохолком до обтянутых светлыми брюками ног. В аэропорту царила суэта, толпы людей

переговаривались на разных языках, из динамиков непрерывно звучали объявления, всюду мелькали указатели и табло. В любой другой ситуации этот хаос наверняка взбесил бы Володю, но сейчас он не замечал происходящего вокруг. Иначе и быть не могло, когда рядом, всего в паре метров от него, шёл Юра.

На улице уже стемнело, свежий морозный воздух ударил в лицо. Несмотря на то, что вокруг, испуская облака выхлопных газов, тарахтели автомобили, после душного аэропорта Володя не мог надыхаться.

— Юр, как-то слишком легко ты оделся для зимы, — заметил он, заходя на парковку и пропуская Юру вперёд.

— Не, я закалённый, — отмахнулся Юра. — Тем более мы же на машине.

— Ну смотри... — протянул Володя.

Пока искали среди десятков автомобилей Юрин, Володя всеми силами заставлял себя не опускать взгляд на его брюки. Но глаза невольно так и тянулись к ягодицам, пытались рассмотреть, что скрыто под тонкой тканью.

Когда машина нашлась, Юра помог уложить в багажник чемодан и стремительно забрался в салон. Только оказался в тепле, поёжился.

Заметив это, Володя прищурился.

— По-моему, ты врёшь, — сказал он и в ответ на растерянный взгляд протянул руку и сжал Юрины пальцы. — Так и есть — замёрз!

Юра от неожиданности вздрогнул и отдёрнул руку. Выкрутил на максимум печку.

— Ой, да ладно тебе, — ответил он, а когда пошёл тёплый воздух, шутливо сощурился. — Теперь доволен?

— Вполне, — хмыкнул Володя.

— Куда поедет, сразу домой? — бодро спросил Юра. — Не думаю, что после перелёта ты захочешь гулять по городу. Или захочешь?

— Нет, — твёрдо ответил Володя, — нагуляться ещё успею. А сейчас я хочу скорее увидеть, где ты живёшь.

Заводя мотор, Юра хохотнул:

— Договорились. Но завтра, уж не сомневайся, я тебе устрою полномасштабную экскурсию.

— Давай только не слишком насыщенную, я же не на один день приехал, — попросил Володя.

— Так уж и быть, — улыбнулся Юра.

На некоторое время они замолчали — выезжая с парковки, Юра осторожно лавировал среди машин и следил за дорогой, Володя не отвлекал.

Ехать им предстояло далеко, но за разговором время пролетело быстро. В машине Володя смог разглядеть Юру получше. Ему не показалось — Юра действительно выглядел и вёл себя иначе. Его мимика была жеманной, движения — неспешными и грациозными. Кроме рук — беспокойные пальцы неумоимо отбивали что-то на руле.

Володя знал, что Юра живёт не в Берлине, и потому не удивился, когда они свернули, оставив столицу позади.

Про свой городок Юра рассказал ещё в ICQ, и тогда Володя невольно представил себе идиллическую картину зимней немецкой деревушки с узкими улочками и почти что игрушечными домиками.

Но, очутившись здесь, понял, что ошибся: во-первых, снега на улице не было, а во-вторых, город оказался вполне современным. Никаких традиционных немецких домов с наружными балками — вдоль дороги стояли кирпичные частные двухэтажные дома, супермаркеты с электрическими вывесками, остановки общественного транспорта, голые деревья и кусты. Поначалу разочарованный, Володя присмотрелся к аккуратным узеньким улочкам и понял, что этот городок всё же невероятно хорош. Опрятные прохожие прогуливались по чистым, несмотря на слякоть, тротуарам, по изящному мосту, перекинутому через идеально круглое озеро. Фонари на кованых столбах бросали мягкий свет на мостовую, на набережной в готической церквушке шла служба. Всё в этом городке казалось новым: от кирпичных домов до стеклянных остановок, но не безликим и не холодным. Он производил впечатление до того уютного места, что Володе показалось, будто он здесь не впервые, будто возвращается, и на душе потеплело.

— Кажется, я понимаю, почему ты живёшь именно здесь, — негромко произнёс он, перебив Юрин рассказ о стоимости жилья в Берлине. — Хороший город для творчества, вдохновляющий, правда?

Юра пожал плечами.

— Честно признаться, выбирал его не я, а родители, ещё в девяностых. Кстати, — он широко улыбнулся, — будешь жить в моей старой комнате.

— Здорово, — Володя улыбнулся в ответ, но тут же стал серьёзным: — Так ты живёшь в родительском доме? А отец где?

От Юриной улыбки не осталось и следа, его тон мигом стал холодным. Володе даже показалось, что Юра процедил сквозь зубы:

— У отца уже давно своя жизнь, своя семья. В другом городе.

— И вы совсем с ним не общаетесь?

— Созваниваемся иногда, — отмахнулся Юра. — Так, мы почти на месте.

Юрин дом мало отличался от остальных: двухэтажный, светлый, окружённый двором в пару квадратных метров и невысоким забором. Правда, Володе показалось, что всё это было меньше, чем у соседей.

«Впрочем, — про себя рассудил он, — Юре незачем больше, раз живёт один».

Дом встретил Володю запахом Юриного парфюма и старой мебели. Миниатюрная прихожая вмещала лишь вешалку на несколько курток, столик с газетницей и вазой для ключей. Отсюда вела лестница на второй этаж — туда Юра сразу и повёл Володю.

— Здесь туалет с ванной, там кладовка, вот моя спальня, — поднявшись наверх, показывал Юра. Он остановился перед дверью с плакатом Фредди Меркьюри, улыбнулся и распахнул её. — А здесь будешь жить ты. Чувствуй себя как дома. Кстати, ничего, что кровать узкая?

— Всё в порядке, — рассеянно бросил Володя, оглядываясь вокруг.

А Юра засуетился:

— Можешь занимать все полки, — затараторил он, открывая дверцу старенького платяного шкафа. — Я забыл спросить, взял ли ты с собой полотенце, но если не взял, то вот...

— Юра, — остановил его Володя, улыбнувшись, — не беспокойся, я разберусь. Ты же сказал «как дома», верно?

Юра кивнул и ответил сконфуженно:

— Тогда разбирай вещи, приходи в себя, а я пока приготовлю ужин, — и удалился.

Удивительно было оказаться в комнате, в которой Юра жил в юности — после переезда из Украины. Тогда его с Володей уже разделяли километры и страны, тогда они уже потеряли дороги друг к другу. Юра будто специально ради этого дня оставил комнату почти нетронутой — чтобы сердце Володи защемило, чтобы пробудилось его воображение, чтобы он представил, как Юра писал ему в Россию за этим самым столом. Ведь писал же? Чтобы представил, как Юра ворочался на этой самой кровати, пытаясь избавиться от мыслей о Володе. Ведь ворочался, ведь не спал? Ведь не мог же он забыть его сразу, как только уехал! Удивительно, но Володя ничего не знал о том времени.

Разбирая чемодан, он искал взглядом, куда положить ежедневник, поставить зарядку для телефона, повесить пиджак. Но не находил удобных для вещей мест — отвлекался то на полки, заставленные книгами на русском и немецком, то на старый магнитофон и кассеты для него, то на аккуратные стопки журналов и тетрадей. И, конечно же, на самый главный предмет в этой комнате — пианино. Чёрное, на вид старое и очень пыльное. Володя отметил, что Юра вытер пыль везде, даже в шкафу на полках и в ящиках, а про пианино, видимо, забыл. И, кстати, кроме пианино, в этой комнате не было ни одной вещи, которая намекала бы, что Юра пишет музыку именно здесь. Очевидно, его кабинет располагался в другом месте.

Постоянно отвлекаясь, Володя разбирал вещи больше часа, но после того, как Юра позвал его ужинать, бросил дело незавершённым и спустился вниз.

Совмещённая с кухней гостиная была тесно заставлена мебелью, которую обычно называли классической, но Володя назвал бы её старомодной: полосатый диван с кучей подушек, пушистый, в горошек, ковёр на полу, тканевые абажуры на светильниках, плотные шторы на окнах, кухонный гарнитур с резными дверцами — и всё это в обрамлении обоев в ромбик. Словом, совершенно не в Володином вкусе — но почему-то всё это ему понравилось.

Юра ждал его за столом кухонного островка, разделяющего зону кухни и гостиной. Он был одет в те же брюки и тонкую вязаную кофту с широким овальным вырезом.

— Я уж думал, ты заблудился, — хмыкнул он, открывая бутылку рома. Из выреза на одну секунду показалась ключица.

«Какой он худой», — подумал Володя, садясь напротив, но вслух этого не произнёс.

— Пришёл на запах. Что на ужин?

— Если ты рассчитывал на немецкие колбаски с пивом, разочарую: у нас курица и ром.

— Меня всё устраивает, — улыбнулся Володя.

Ужинали в тишине. Володя не мог придумать тему для разговора — в голове металось так много мыслей, что выбрать какую-то одну не получалось, её тут же вытесняла другая. Юра тоже молчал.

Юра убрал грязную посуду в мойку и разлил ром по бокалам.

— Итак, куда едем завтра? — спросил он, нарезаая грейпфрут.

— Куда скажешь. — Володя пожал плечами, потянулся в нагрудный карман за ручкой, но вспомнил, что оставил пиджак наверху. — Принеси бумажку и ручку, пожалуйста, я напишу план. — Когда Юра протянул ему блокнот и карандаш, Володя сощурился, приготовившись писать: — Итак, что тут есть крутое, Берлинский музей, кажется?

— Есть целый музейный остров! — Юра положил закуску на тарелку и поставил на стол. — За встречу, — воскликнул он и, не дожидаясь ответа, выпил ром залпом.

Володя взял дольку грейпфрута и так и замер с ней в зубах — ничего себе Юра пьёт.

— Что так смотришь? — Юра нахмурился и принялся остервенело вытирать рот. — Я испачкался?

— Нет, всё в порядке. — Володя сделал небольшой глоток. Не привычный к крепким напиткам, пить так же быстро, как Юра, он не умел.

Юра налил себе ещё и вдруг лукаво улыбнулся:

— Или соскучился и теперь не можешь насмотреться?

Володя смущённо кашлянул. Всё же заставил себя выпить ром залпом. Поёжился и протянул бокал Юре, чтобы наполнил.

— Так что? — поторопил Юра.

Под его пристальным, любопытным взглядом было неуютно.

— Возможно, — протянул Володя с улыбкой и вдруг вспомнил: — Кстати, пока бродил по дому, не заметил, где ты пишешь. Покажешь свой кабинет?

— Пошли, — кивнул Юра, поднимаясь с места. Захватив свой стакан и бутылку, повёл Володю из кухни.

Дверь в его кабинет спряталась в тени лестницы — если не знать, куда идти, то и не заметишь. После своих хором Юрин дом казался Володе очень маленьким: он провёл здесь всего пару часов и уже несколько раз стукнулся то о мебель, то о дверные косяки. Ему и в голову не приходило, что в этом тесном домишке может располагаться ещё одна комната. Но она была. А то, что из всех помещений кабинет оказался самым просторным, давало понять, что именно в Юриной жизни имеет явный приоритет.

В центре комнаты стоял небольшой диван, на нём лежали аккуратно сложенные подушка и плед. Возле окна расположилось пианино, слева от него примостился стол с компьютером, справа — синтезатор. Возле синтезатора стоял предмет, вызвавший особенное любопытство — патефон, а под ним — шкаф с грампластинками. Вообще любопытство здесь вызывало решительно всё: от заполненных книгами и папками стеллажей до стен, практически полностью скрытых под дипломами и фотографиями.

К фотографиям Володя направился первым делом. Странно, но запечатлён на них был вовсе не Юра.

— Кто все эти люди? — спросил Володя, окидывая взглядом стену.

— Приятели и коллеги, — ответил Юра, наливая себе третий стакан.

— Как-то странно ты их называешь — приятели. Почему не друзья?

— Нет ничего странного. — Юра пожал плечами. — Здесь дружат по-другому, не так, как в России или Украине. С одними хорошо жарить барбекю, с другими — хорошо ходить на концерт, с третьими — в клуб. Но чтобы изливать душу... — он покачал головой, — нет, здесь это не принято. Для души есть психоаналитик.

— Какая дикость, — хмыкнул Володя.

— Отчего же дикость? — удивился Юра. — Вовсе нет. Наоборот — это цивилизованный, рациональный подход: зачем грузить своими проблемами некомпетентных людей, когда есть специалист — психоаналитик.

— Но зачем тогда ты хранишь все эти фотографии?

— Чтобы никого не забыть, — просто ответил Юра и снова выпил залпом ром.

— Ну ты даёшь, — хмыкнул Володя, удивлённый тем, что после трёх стаканов Юра казался абсолютно трезвым. Ведь сам Володя уже после первого почувствовал, что язык развязывается, голова пустеет, а тело расслабляется.

— Что тут удивительного? — спросил Юра, явно не поняв, к чему было Володино восклицание. И принялся рассказывать: — Это — одноклассник, с которым вместе написали несколько произведений. Это — тот вокалист, с которым мы приезжали в Харьков, ты его видел. Я для него много чего написал... А вот эти ребята, — Юра обвёл рукой пять фотографий, — из прайда. Первые мои приятели «по теме», так сказать. Общаемся до сих пор.

Во внешности четверых из пяти Володя не нашёл ничего примечательного, но один Юрин друг, вернее, подруга, была трансгендером.

— Смело, — прокомментировал Володя, разглядывая невероятно тощего, лысого парня в пышном чёрном платье.

— Это Анна, — пояснил Юра. — Тоже занимается музыкой, правда, электронной, и печёт обалденные пончики. Мне дико нравится тембр её голоса. Хочу записать с ней пару песен, но она очень скромная, никак не получается уговорить её даже подумать о выступлении на сцене.

Володя решительно не понимал, как при столь вызывающей внешности этот человек может быть скромным.

— Хочешь познакомлю? — спросил Юра, заметив очевидный Володин интерес.

— Ну, можно, наверное... — промямлил он, боясь оскорбить Юру каким-нибудь неосторожным высказыванием.

— Ребята звали в клуб послезавтра. Думаю, Анна тоже там будет. Пойдём?

Володя хотел сменить тему. Ему требовалось время, чтобы просто представить себя в таком интересном обществе, и тем более — чтобы на это решиться.

— А Йонас? — неожиданно спросил он.

— Что, Йонас? — не понял Юра.

— Есть его фотография? — спросил Володя, уверенный, что уж фотографию бывшего Юра точно не станет вешать на стену. Каково было его удивление, когда Юра, шагнув в сторону, указал пальцем:

— Вот.

В отличие от Анны, это был просто парень.

«Типичный немецкий гомосек», — подумал Володя, разглядывая его с брезгливой гримасой: мужественная фигура в облегающей майке, джинсы в обтяжку, кривая ухмылка, которая показалась мерзкой, крашенные в белый волосы с отросшими тёмными корнями. Володя не мог быть объективным к Йонасу, его раздражало решительно всё. Но больше всего бесило осознание, что этот тип много лет спал в одной кровати с Юрой и тот до сих пор хранит его фотографию.

— На хмыря из «Скутера» похож, — вслух произнёс Володя.

— Хмыря? — обалдел Юра.

— Ну, в смысле, на мужика из «Скутера», — он исправился.

Юра расхохотался, но ничего не сказал.

Володя покачал головой — всё это казалось ему очень странным.

У него дома не висело ни одного снимка Жени или Ирины. Да и не только друзей — ни родных, ни даже собаки, ни уж тем более бывших. Все фотографии, что были у него, хранились только в альбомах — Володе не приходило в голову поставить их в рамки. Тем более он не мог даже представить, что станет сверлить ради них идеально белые стены. Пусть даже ради фотографий самых близких людей, даже ради Юры.

— А я есть? — озвучил он внезапную мысль.

— Конечно, — ответил Юра, указывая в сторону окна. — Вон там.

Володя шагнул в указанном направлении и споткнулся о разбросанные по полу провода.

— К компьютеру инструменты подключать, — ответил Юра на незаданный вопрос.

Володя подошёл к стене возле окна, взглянул на неё, и в груди потеплело. Фотографий с ним было две, обе отлично знакомые — из «Ласточки». На одной Володя стоял среди ребяташек из пятого отряда, а на второй они вместе с Юрой — в окружении театральной труппы. Володя задержался взглядом на втором снимке — на улыбающемся юном Юре в кепке козырьком назад и кое-как повязанном пионерском галстуке, — и почувствовал, как сердце наполняется светлой грустью.

На стене рядом Юра оставил свободное место, наверное, для ещё одной. Портретной — для коллекции? Или парной, где они будут вместе и только вдвоём?

— Это приятно, — прошептал Володя, переводя взгляд в сторону, и вдруг застыл на

месте, уставившись на большой портрет. — А это кто?

Портрет выделялся на фоне других. Красивый молодой мужчина, изображённый на нём, был как две капли воды похож на Юру.

— Это мой дед. Кажется, я рассказывал про него. Он потерялся во время холокоста.

Володя кивнул, наклонился ближе к фотографии, принялся рассматривать внимательнее:

— Вы так похожи... — протянул он. — Только дед кудрявый, а ты нет.

— Я, вообще-то, всегда был в отца. — Юра пожал плечами. — Но тебе, наверное, виднее. А волосы у меня тоже вьются, поэтому обычно стригусь коротко. — Он задумчиво подёргал себя за хохолок на затылке. — Кстати, нужно сходить к парикмахеру...

Володя посмотрел на Юру, представляя его лицо в обрамлении кудряшек.

— Лучше, наоборот, отпусти ещё длиннее. Уверен, что тебе пойдёт.

Юра усмехнулся и покачал головой:

— Да ну.

Володя не стал спорить.

— Что ты хочешь повесить сюда? — спросил он, указывая на свободное место.

— Есть надежда раздобыть ещё одну его фотографию. Эту я с таким трудом достал. Еле выпросил в консерватории, где дед работал.

— Ты молодец, замечательная фотография!

Юра кивнул. Они опять замолчали. Стремясь заполнить чем-то эту тишину, Володя подошёл к патефону и принялся рассматривать виниловые пластинки. Хотел спросить, можно ли включить, но Юра неожиданно тихо сказал Володе в спину:

— Знаешь, я каким-то сентиментальным стал, — и вдруг хохотнул. — Старею, наверное.

— Стареешь? Вот ещё! — Володя повернулся к нему. — А в чём твоя сентиментальность проявляется?

— Стремлюсь закрыть моральные долги. В последнее время часто думаю, вспоминаю, что и кому обещал. Тебе вот вернул долг — пришёл под иву.

— Но это же хорошее дело. Не понимаю, при чём тут старость?

— Да пошутил я насчёт старости. Просто появилось чувство, будто жизнь остановилась и никакого будущего нет, только прошлое. Раньше было как у всех — на эмоциях кому-то что-то пообещал и благополучно забыл. А в последнее время я специально стараюсь вспомнить что-то такое. Не знаю даже, зачем мне это нужно.

— Ты сказал, остался один долг, — произнёс Володя, приблизившись к нему. — Какой? Перед кем?

— Не знаю. Перед бабкой, наверное. Скорее всего, перед ней. Она уже давным-давно умерла, плюнуть бы на всё это, но не получается.

Юра попытался налить себе ещё рома, но Володя остановил его:

— Притормози-ка.

Юра послушался, отставил бутылку, но тут же достал из ящика стола пепельницу и сигареты.

— Ты куришь? — удивился Володя.

— Не, просто балуюсь, — улыбнулся Юра, но под строгим взглядом Володи улыбка тут же погасла, и он принялся оправдываться: — Я курю, только когда выпью. Я знаю, что это вредно и так далее, давай не будем об этом.

И закурил. Струйка дыма поползла по воздуху, и комнату тут же наполнил отвратительный запах. Володя поморщился — он опьянел достаточно, чтобы от дыма стало подташнивать. А ещё он видел, что с Юрой что-то не так, и поэтому не стал ворчать.

«Что с ним и почему?» — спросил сам себя Володя, прекрасно понимая, что не сможет ответить на этот вопрос. Он слишком мало знал о Юре, он только думал, что знал его.

Алкоголь вкупе с Юриной меланхолией повлияли и на его настроение: Володю потянуло на лирику. Он посмотрел на Юру, который молча курил, уставившись в окно, оглядел его кабинет, задумался. Казалось бы, вот он, Юра — стоял прямо перед ним. Казалось бы, Володя знал, кто он такой, знал его страсть, даже знал его подростком, но знает ли он, например, каким Юра был ребёнком? Нет. Так ли много могли рассказать о Юре окружающие его вещи? Да, они говорили об интересах, о нуждах, но ведь человек состоит не из интересов и нужд — они лишь огранка, а его суть соткана из прошлого. Из

того, каким Юра был юношей, ребёнком, сыном, внуком. Каким был и каким остаётся.

— Расскажи мне о бабушке, — тихо попросил Володя.

— Да ну, — Юра отмахнулся, потушил сигарету и направился к двери. — Это скука смертная. Ты впервые в жизни приехал ко мне в Германию, а я буду рассказывать про бабку.

— Юр, расскажи, мне правда интересно, — попросил Володя и, подчёркивая своё желание выслушать, сел на диван.

Юра замялся на пороге, задумчиво осмотрел пустой стакан и, будто решившись, вернулся к Володе. Сел рядом.

— Она была очень строгая, очень волевая. Вообще-то, из-за неё я и начал заниматься музыкой. — Юра остановился на несколько секунд и, кивнув на фотографию деда на стене, продолжил: — Её муж, мой дед, был пианистом, а бабка считала, что у меня его руки. Так что в моей памяти она — это либо музыка, либо дед. Думаю, я не любил её — она держала меня в ежовых рукавицах. Иногда, вместо того чтобы отпустить гулять, она сажала меня за пианино и заставляла заниматься.

Эти слова удивили. Он был уверен, что Юра искренне любил музыку с самого детства, а по мнению Володи, невозможно связать жизнь с чем-то насильно навязанным.

Он покачал головой и спросил:

— А как родители относились к тому, что она давит на тебя?

— Родители сутками торчали на работе, возвращались усталые, зато я их радовал музыкой. Со временем я полюбил пианино, но в раннем детстве... — Юра невесело хмыкнул. Он ненадолго задумался, будто вспоминая, и подытожил: — А бабку я иногда даже боялся. Бывало, что она кричала по ночам — снились кошмары. Однажды я спросил её, что ей снится. Она ответила — поле, заснеженное поле. Я позже выяснил, что оно находилось в польской деревне, куда бабка бежала из Германии. Вскоре деревню оккупировали немцы, и бабке приходилось постоянно прятаться там, в погребе, с матерью на руках. Их покрывали местные жители. А дед, скорее всего, тогда был в Германии, они собирались встретиться, но не получилось.

— Так и не встретились? — спросил Володя, подливая Юре рома.

— Нет, — Юра покачал головой и пригубил из стакана. — Она всю жизнь его искала, но так и не нашла. В итоге поиски привели её в Дахау — концлагерь...

— Ясно, — протянул Володя. — В принципе с этого места можно и не продолжать.

— Не факт. Дед мог выбраться оттуда живым. Бабка выяснила, что он попал туда в тридцать девятом, можно сказать, до холокоста. Вернее, не так: холокост шёл уже тогда, но массово убивать начали позже. А до сорокового года многих евреев выпускали из концлагерей при условии выезда из Германии. Поэтому надежда, что он выбрался оттуда, оставалась. Но что с ним случилось на самом деле — неизвестно до сих пор.

— Понятно. Значит, это и есть твой моральный долг? — Володя тоже отпил рома и придвинулся поближе к Юре.

— Да. — Юра кивнул и усмехнулся: — А самое смешное, что я никому ничего не обещал, но совесть грызёт. Ведь я — последний его потомок, больше никого не осталось.

— Еврейские семьи обычно большие... — неуверенно начал Володя.

Но Юра его перебил:

— Дальние родственники его имени толком не помнят.

— В таком случае ты прав, это действительно твоя задача, надо узнать. Ты сам-то его искал? Я понимаю, что бабушка уже обращалась, но когда это было. Архивы постоянно пополняются. Может, теперь информация найдётся?

— Да, может быть, — вяло пробормотал Юра.

— Тогда тебе надо... — начал Володя.

— Я знаю, — снова перебил его Юра и добавил без энтузиазма, вертя в руках пустую бутылку: — Но я не хочу туда ехать.

— Это далеко?

— Двадцать километров от Мюнхена.

— То есть это Германия? Я-то думал, что надо на поезде двое суток... — Володя нахмурился. — Тогда в чём проблема? Сел и поехал.

— Кому-то, наверное, нравится гулять по таким местам, но мне как-то не хочется, — довольно резко произнёс Юра. Взглянув в недоуменное лицо Володи, Юра устало вздохнул и пояснил: — Володь, это не отдельное здание где-то в городе. Архив прямо там, в Дахау, в концлагере.

— Подожди, его что, сохранили?

— Да, там музей.

— Как же так? Это же концлагерь, там людей убивали тысячами! Я думал, их снесли к чёртовой матери! — воскликнул Володя. Затем задумался и добавил: — Но... именно там у тебя есть реальный шанс узнать о нём что-то.

До этого момента Юра казался спокойным, даже подавленным, но совершенно неожиданно для Володи выпалил:

— Володь, чего ты мне объясняешь как маленькому? Думаешь, я сам не понимаю этого? Да я раз пять уже собирался приехать... — Юра хотел сказать ещё что-то, но махнул рукой и замолк.

— И? — после полуминутного молчания осторожно протянул Володя.

— А вдруг найду его там? — Юра опустил глаза и тут же поднял их, бросив как будто виноватый взгляд. — Я боюсь узнать, что его там убили. Не спрашивай почему, но я этого не хочу.

— Не понимаю... — Володя покачал головой. Он искренне сопереживал Юре, но прочувствовать этот страх у него всё равно не получилось бы.

— И вряд ли когда-нибудь поймёшь, — разочарованно протянул Юра и неожиданно мягко попросил: — Сходи на кухню за ромом. Пожалуйста.

— Ладно.

Володя мигом оказался на кухне. Достал ром, схватил со стола тарелку с грейпфрутом. Мимолётно взглянул на листок с планами на завтра, и тут его осенило.

Он вернулся к Юре и твёрдо заявил, даже не подумав спросить его мнения:

— Завтра едем в Дахау!

— Что? — Юра опешил. — Завтра мы гуляем по Берлину, а туда я потом сам съезжу...

— Нет, завтра мы поедем туда. Вместе.

Юра хмыкнул:

— Какой ты наивный. Туда же записываться надо и ехать пять часов.

— Тогда встанешь с утра, позвонишь и запишешься. Если на завтра не будет времени, поедем послезавтра. Но обязательно поедем. — Володя взглянул в полное недоверия лицо Юры и добавил: — Я хоть и пьяный сейчас, но совершенно серьёзно настроен съездить с тобой. И я не передумаю.

— Делать тебе больше нечего, как тащиться со мной в архив, — запротестовал было Юра, но его хмурое лицо просветлело.

— Ты же сам сказал, что там музей. Правильно? — На Юрин кивок Володя бодро выдал: — Значит, ты идёшь в архив, а я — на экскурсию. Все в выигрыше. Тем более я по дороге пол-Германии посмотрю. — Володя поставил тарелку и бутылку на стол и положил ладони Юре на плечи. Заглянул в глаза. — Юр, ну серьёзно, я вижу, что тебя это беспокоит, и понимаю, что тебе не хочется. Но одно дело — ехать одному, а совсем другое — вместе с кем-то. — Он понизил голос, убрал руки и, расправив плечи, гордо добавил: — Тем более со мной!

Юра не ответил. Но Володя, наблюдая за тем, как на его лице расцветает улыбка, понял, что тот уже согласился, оставалось только дожать:

— Юрка, давай! Две головы — полдракона.

Юра рассмеялся:

— Ладно.

— Железно? — прищурился Володя.

— Железно, — кивнул Юра.

— И я не дам тебе передумать! — воскликнул Володя и погрозил ему пальцем.

Юра захохотал:

— Какой грозный, о ужас!

И он снова стал самим собой — улыбчивым, открытым и лукавым. Принесённую Володей бутылку открывать не стали — завтра рано вставать. Увлечённые разговорами обо всём и ни о чём, забыли про время, опомнившись лишь ближе к полуночи.

Посмотрев на часы, Володя разочарованно вздохнул — больше всего на свете не хотелось расставаться с Юрой, пусть даже на несколько часов. И как он вообще собирался спать, зная, что Юра за стенкой? Но за этот день Володя так вымотался, что был уверен: уснёт и без снотворного.

Надежды не оправдались. Только он лёг в кровать и погасил свет — перед глазами появился образ Юры, а в мыслях воцарился кавардак.

Они расстались всего час назад, но Володю уже потянуло к нему. Отчаянно захотелось снова вдохнуть запах его духов, услышать его голос, прижать к себе такого худого и хрупкого Юру. Он ворочался, думая о том, насколько тонкая Юрина одежда — должно быть, он постоянно мёрзнет. Представил, наслаждаясь самой мыслью, с каким трепетом согрел бы его сейчас.

Но старые сомнения не желали отпустить — к кому именно тянуло Володю? К Юре из настоящего или к Юрке из прошлого? Что, если глубоко в подсознании произошла ошибка и Володя спутал влечение к Юре с желанием возродить те чувства, которые уже не вернуть? Если подумать, то и Юра мог страдать от того же, ведь не зря он просил его надевать очки? Не шутки же ради? Задолго до дня их встречи внутри созрело ощущение, что Володя встал на начало нового пути, но не вела ли эта дорога назад?

Володя повернулся на бок, уставился на залитое дождём окно: «А может, плюнуть на всё?» Слишком сильным было желание прямо сейчас войти в Юрину спальню и молча лечь рядом. А там — будь что будет. Пусть Юра оттолкнёт или пусть поцелует в ответ — что бы ни случилось, это привнесёт ясность. Но нет. Такой поступок слишком опрометчив. Они оба могли пожалеть об этом.

Володя встал с постели, подошёл к двери, прислушался — мог ли Юра прямо сейчас стоять на пороге? Но в коридоре было тихо. Володя запер дверь на щеколду. Вернулся в кровать, уткнулся носом в подушку и вскоре заснул.

Проснулся без будильника. Взглянул на часы — без четверти семь, вставать было ещё рано, но спать больше не хотелось. Володя нежился в тепле. Потягиваясь, наслаждался ощущением, как тело медленно отпускает сонное оцепенение. Потёр заспанные глаза, и залитая тусклым светом комната постепенно приобрела очертания. Разглядел, что за окном, медленно падая, кружились хлопья снега.

Володе казалось, что всё это нереально, что утро слишком идеальное, чтобы быть правдой. Но и сном оно уже не было.

Он встал и только распахнул дверь, как до него донеслись звуки фортепиано. Володя быстро понял, что это не запись, а живая музыка — значит, Юра занимался. Улыбнувшись — давно ли Володя с утра улыбался? — он отправился умываться. Не желая расставаться с нежной мелодией, оставил дверь в ванную нараспашку и, стараясь не шуметь, прислушивался к ней.

Закончив умываться, Володя спустился по лестнице, двигаясь неспешно и аккуратно, чтобы ни одна ступенька не скрипнула. Наблюдал, как снежинки за окном опускаются вниз, будто вместе с ним. С каждым шагом музыка становилась громче.

Дверь в кабинет оказалась приоткрыта. Володя тихонько заглянул внутрь и не меньше минуты любовался взлохмаченным Юрой, склонённым над пианино. Володя улыбнулся — должно быть, тот, не умывшись, сразу бросился творить.

Стараясь ничем не выдавать своего присутствия — уж очень не хотелось тревожить Юру, — Володя отправился на кухню варить кофе, на всякий случай на двоих. Улыбка не сходила с его лица, а в мыслях лениво, подобно снегу за окном, кружилось только одно: «Хочу, чтобы каждое утро было таким».

Едва запах кофе разнёсся по дому, как музыка прекратилась. Вскоре из кабинета вышел Юра.

— Привет, — рассеянно пробормотал он.

Володя помнил ещё со времён «Ласточки», как Юра преображался, когда занимался музыкой и становился особенно мечтательно-задумчивым. И сейчас, спустя столько лет, та же самая задумчивость не сходила с его лица.

— Здравствуй. — Володя протянул Юре кружку кофе и с трудом удержался, чтобы не поцеловать его хотя бы в щёку.

Они включили радио, приготовили бутерброды и сели завтракать. Ужасно не хотелось портить Юре настроение напоминанием о Дахау. Володя с радостью оставил бы это утро как есть, но он же сам вчера настоял на этой поездке, а значит, ехать было нужно.

— Ты позвонил в архив? — спросил он, потягивая кофе.

— А? — Юра непонимающе уставился на него, тряхнул головой, будто заставляя себя проснуться. И всё — задумчивость ушла, магия растаяла. — Да, точно. Сейчас позвоню, — сказал он и пошёл в кабинет.

Глядя на дверь, за которой только что скрылся Юра, Володя ждал, что тот вернётся с новостями, что ни на сегодня, ни на завтра записи нет. Но ошибся — Юра вышел сосредоточенный, с папкой в руках.

— Быстро собираемся и поехали, — велел он. — Дорога только в одну сторону занимает шесть часов. А с учётом снегопада — ещё больше. Если выедем в восемь, домой вернёмся не раньше двенадцати.

Володины сборы заняли минут пятнадцать, а Юра не спешил выходить из спальни. Дожидаясь его, Володя бесцельно бродил по дому, пока не сообразил, как совместить приятное с полезным — прочитать в интернете историю Дахау. Юра наверняка знал об этом концлагере многое, но Володя не хотел заставлять его рассказывать, что именно там творилось. Только он собрался попросить разрешения воспользоваться компьютером, как в коридоре на втором этаже послышались шаги.

— Паспорт не забудь! — крикнул Юра с лестницы.

— Взял, — отрапортовал Володя. — Оденься потеплее!

— Но мы же на маш... — начал было Юра, но Володя предугадал его ответ и, в два шага оказавшись в прихожей, крикнул:

— Не принимается. Оденься потеплее!

Сверху послышался сердитый шёпот, затем стук — Юра потопал обратно переодеваться.

Пусть они собирались долго, но выдвинулись вовремя. Петляя по уже знакомым Володе улочкам, выехали на шоссе, затем — на автобан. По автобану им предстояло ехать пять часов до Мюнхена, а оттуда — ещё полчаса до Дахау. Володе было жутко интересно, правда ли, что на немецких трассах нет ограничения скорости, и он принялся расспрашивать об этом Юру. Тот отвечал с явным удовольствием.

Дорога предстояла долгой, но не живописной. Как бы Володя ни хотел посмотреть Германию из окна автомобиля, на автобане, окружённом то лесами, то шумоподавляющими щитами, любоваться было нечем.

— Ни деревеньки, ни домика, — пожаловался Володя, — леса да поля, и те как у нас.

— Да, — кивнул Юра. — Жаль, ты зимой приехал. Летом красота, всё цветёт. Приезжай — сам увидишь.

— Ты так не шути, я же приеду, — хмыкнул Володя.

— А я не шучу, — Юра рассмеялся.

Через час, а может, два или даже больше — за разговорами с Юрой время летело, — на горизонте выросли десятки высоченных белых шпилей ветряных электростанций. Заметив, что Володя заинтересовался ими, Юра снизил скорость. Казалось бы, ветряная электростанция — что тут такого, но кружение гигантских лопастей ветрогенераторов завораживало.

Юра пояснил, что сейчас они находились в Саксонии и впереди их ждала Бавария.

А Бавария — это та самая Германия с открытки, сказочная страна из произведений братьев Гримм, Гофмана и Гауфа. Именно Баварию рисовало Володино воображение, когда Юра рассказывал о своём городе. Игрушечные домики в окружении заснеженных гор, волшебные замки на вершинах скал и в зеркалах озёр — всё это существовало именно здесь. Досадно, что с автобана нельзя было увидеть эту красоту. И по-настоящему жаль, что, пусть дорога вела Юру с Володей в столицу Баварии — Мюнхен, сегодня им было не туда.

Следующим, что за долгую дорогу привлекло внимание Володи, стали виноградники. Зимой они были убраны, и Володя не догадался бы, что это именно виноград, если бы не решётки шпалер.

Спустя час по обе стороны от автобана начали подниматься горы.

— До Альп далеко? — тут же спросил Володя.

— Да, прилично. Хотя, если хочешь, в ста километрах от Мюнхена есть на что посмотреть. Правда, остановиться пока негде — под праздники все отели переполнены.

— Значит, поедем туда летом и забронируем всё заранее, — решил Володя.

— Договорились, — кивнул Юра.

Утомлённые дорогой и голодные, они наскоро пообедали в придорожной зоне отдыха и снова отправились в путь. Спустя шесть с половиной часов и шестьсот километров, в объезд Лейпцига, Нюрнберга и Мюнхена, они въехали в город Дахау.

Юра тут же замолк, уставился на дорогу. Вскоре они оказались у входа в музей под открытым небом. Припарковались и направились через парк к воротам концлагеря. На улице было морозно. Падал снег, но, едва коснувшись земли, таял. Ветер качал голые ветви старых деревьев. Несмотря на холод и слякоть, шли неспешно. Володя смотрел под ноги, разглядывая явно старинную брусчатку — подогнанную, камень к камню.

Но вдруг идеальную кладку перечеркнули рельсы, ведущие к руинам железнодорожной платформы. Володя удивился — неужели такие педанты, как немцы, решились изуродовать столь красивое старинное покрытие железной дорогой? Собираясь возмутиться вслух, он поднял взгляд и увидел среди стриженных кустов и клумб белый, по-немецки аккуратный домик с чёрными коваными воротами и высеченной на них надписью «Arbeit macht frei». Это были ворота в концлагерь. А по возмущившим Володю рельсам на разрушенную теперь платформу когда-то приходили поезда с узниками.

Подойдя ко входу, Юра остановился как вкопанный. Володя понял — колеблется, но не стал его тревожить, прошёл чуть вперёд. Оказавшись за воротами, обернулся — Юра стоял на том же месте и рылся в сумке. Володя позвал его, но тот не отреагировал. Пришлось вернуться к нему.

— Паспорт потерял, — оправдывался Юра и, смущённо улыбаясь, продолжил перебирать вещи. — А нет — нашёл.

Володя вздохнул и положил ладонь Юре на плечо — каменное. Он сжал его, мышцы под пальцами чуть расслабились. Юра оттаял. Володя мягко подтолкнул его вперёд.

— Я не знаю, как долго буду в архиве, — негромко произнёс Юра, — думаю, не больше часа. Давай я напишу тебе СМС, когда закончу, и встретимся здесь?

— Договорились, — ответил Володя и пропустил Юру внутрь вестибюля музея.

Вестибюль выставки и архива был общим, они располагались в одном месте — в здании технического обслуживания.

Проводив Юру взглядом, Володя на всякий случай поставил будильник и вышел наружу.

Оказавшись на главной площади, Аппельплац, Володя как следует осмотрелся. Дахау не производил пугающего или мрачного впечатления — если не знать, что это бывший концлагерь, можно спутать его с площадью какого-нибудь русского или украинского провинциального городка. Площадь как площадь, дома как дома, всё совершенно обычное, лишь одно настораживало — вышки для снайперов и забор с колючей проволокой. И, конечно, более современные постройки — памятники.

Главный памятник Володю впечатлил. Увеличенная в размерах колючая проволока — если приглядеться, было отчётливо видно, что та состояла из людских тел. Второе, что бросилось в глаза, — размеры лагеря. Площадь с памятником, а за ней — огромное пустое поле. Взглянув на карту и попытавшись сравнить масштаб, Володя осознал, что за час не сумеет посмотреть весь концлагерь — слишком велик. Да и смотреть-то было особенно не на что — примерно в километре от здания музея стояло несколько часовен разных конфессий, один барак и два крематория, но идти до них было слишком далеко, поэтому Володя решил вернуться в музей.

Экспозиция состояла из фотографий, пропагандистских плакатов, медицинских инструментов, личных вещей заключённых, редких предметов быта вроде тачки, посуды и бритвенных принадлежностей. Скучно, если не читать таблички с историей этого места и не присматриваться к фотографиям. Но Володя читал и присматривался. Выяснил, что Дахау —

первый и единственный сохранившийся в Германии концлагерь. Он не был, подобно Освенциму, лагерем смерти. Дахау отвели другую роль. Здесь солдаты СС тренировались стрелять по живым мишеням, а медики проводили эксперименты над людьми. Заражали малярией, смотрели на течение болезни, создавали вакцины для солдат немецкой армии. Наблюдали за воздействием перепадов давления и температуры на человека.

Володя надолго задержался у посвящённого температуре стенда. Он не хотел смотреть и читать, но какое-то животное любопытство со смесью столь же животного ужаса пригвоздило ноги к земле. На стенде была размещена фотография заключённого — тощий мужчина с пустым выражением лица лежал в ванне с водой. А рядом со снимком висел листок бумаги — таблица с градусами: в первом столбце температура воды, а во втором — температура тела человека, находящегося в этой воде. Володя присмотрелся ко второму столбцу, взглядом пробежался по цифрам от двадцати семи градусов до восьмидесяти двух. Мозг на мгновение представил, как себя чувствовали подопытные. Вдруг в памяти вспыхнули собственные руки над чаном кипящей воды — сердце и лёгкие будто скрутило жгутом. Володя так резко отшатнулся от стенда, что едва не ударился спиной о другую. Больше к этому стенду он не возвращался.

Гуляя по музею, Володя видел множество памятных табличек с именами — в том числе русскими, — датами рождения и смерти. На многих вместо даты смерти стоял прочерк. Здесь были надгробия — они грудились под стендами с фотографиями узников.

На душе было гадко. Володя не имел никакого отношения к этому месту, но, находясь здесь, не мог воспринимать себя просто как туриста. Его преследовало навязчивое ощущение, будто он нёс за что-то ответственность, но за что именно? В голове крутились вопросы — для чего немцы сохранили всё это? В назидание? Самим себе — возможно, но почему Володя чувствовал чужую вину? Да если бы он оказался здесь семьдесят лет назад, то одет был бы отнюдь не в военную форму, а в полосатую робу с розовым треугольником на груди!

От этой мысли стало ещё гаже.

Он уже дважды обошёл весь музей и решил не идти на новый круг — остался ждать Юру в фойе. Смотрел на карту лагеря, думал. Через Дахау прошло больше двухсот тысяч заключённых, но Володя не мог осознать масштабов этого числа, в его представлении это была просто цифра. Но если бы все узники встали в строй по одному и пошли, сколько дней двигалась бы эта цепочка? А ведь это были не просто тела, а люди.

Это страшно. Но куда страшнее, что в эту минуту, там, в архиве, тысячи их историй нависли над Юрой. Должно быть, чудовищно давили на него с полок архивных шкафов. Страшные истории, трагические, одна из которых буквально в его крови.

Только Володя вспомнил о нём, как Юра вышел из архива в фойе. Бледный и как будто растерянный, с папкой в руках.

— Ты всё? Или пойдёшь ещё куда-то? — спросил Володя — ведь Юра так и не прислал ему СМС.

— Всё, — коротко ответил Юра и опустился на стул рядом.

— Узнал что-нибудь? — Володя обернулся к нему, заглянул в лицо — безэмоциональное, будто каменное.

— Всё узнал, — ответил Юра, не шелохнувшись.

— Домой или?.. — осторожно спросил Володя.

— Я всё равно сюда больше не вернусь, — сказал Юра, вставая. — Отведи меня в крематорий.

Этой фразы было достаточно, чтобы Володя понял, что именно Юра узнал. Он запомнил карту почти наизусть, поэтому без лишних вопросов направился в нужную сторону.

Вышли на площадь Аппельплац — как выяснилось, служившую для ежедневных построений и казней. Юра лишь мельком взглянул на впечатляющий памятник. Двинулись дальше. Пошли по широкой аллее, обрамлённой рядом симметрично высаженных деревьев, настолько высоких, что не оставалось сомнений — они помнили времена, когда этот лагерь действовал. То, что поначалу показалось Володе бессмысленно пустым пространством, таковым раньше не было — здесь стояли бараки, в которых жили узники. Теперь от них остались засыпанные щебнем фундаменты. На земле возле двух барачных корпусов посетители оставили цветы.

Было холодно. Юра ёжился, смотрел перед собой и продолжал молчать. На Володю давила эта леденящая тишина, он не хотел донимать Юру, но всё же предложил:

— Если захочешь поговорить...

— Не о чем говорить, — перебил его Юра.

— Ладно, но... как ты?

— Мне как-то... — Юра задумался. — Пусто. Но я удовлетворён. Не знаю, как объяснить.

Володя корил себя за то, что часом ранее отказался от своей же идеи пойти в архив вместе с Юрой. Казалось, что будет ему там только мешать. Но теперь, видя Юрино состояние, Володя думал, что, пусть и мешал, но, вдруг, смог бы помочь своим присутствием, поддержал?

Они вышли на ведущую к крематориям дорожку, перешли по мостику ров, который когда-то окружал весь лагерь, и вдруг Юра остановился. Кивком указал на валун с высеченными на нём надписями. Первое слово Володя понял и так — Krematorium, а строчку ниже перевёл Юра:

— «Подумайте, как мы здесь умирали».

Стоило сделать пару шагов, как Володя увидел два приземистых здания, из крыш которых торчали широкие трубы. Они зашли в здание побольше. Через железную дверь, подписанную «Brausebad», вошли в газовую камеру. Володя быстро осмотрелся — обычная на вид маленькая комнатка с глубоким полом и низким потолком с проделанными в нём дырками для леек, из которых никогда не лилась вода. Комната и не должна была выглядеть устрашающей, для узников это была всего лишь Brausebad — душевая. Юра не стал там останавливаться и прошёл в следующую — к печам крематория.

Крематорий был пуст: ни вещей, ни посетителей, лишь три печи и Юра перед ними. Володя встал рядом с ним, посмотрел на его безэмоциональный профиль. Вдруг Юра скривился, будто от спазма. И всё — больше никаких эмоций или слов. Володя оглянулся и, убедившись, что вокруг никого, стиснул пальцами Юрино плечо, затем крепко обнял обеими руками. Юра склонил голову, коснувшись волосами его щеки. Володя чувствовал, что говорить ничего не нужно, нужно просто быть рядом. И он был.

Когда на пороге газовой камеры послышались голоса людей, они вышли из крематория и направились через всю территорию к выходу.

— Володь, нам бы поесть перед дорогой, — вдруг подал голос Юра. — Кажется, здесь было кафе. Правда, там наверняка одни чипсы с колой. Можно в городе поискать что-нибудь приличное, но я не хочу тратить на это время.

— Ничего страшного, идём в кафе.

Обрадованный тем, что Юра наконец вышел из оцепенения и заговорил, Володя был согласен есть что угодно, хоть чипсы.

В кафе было полно народу — Володя едва нашёл свободный столик. Юра ел быстро и молча, без аппетита. Заталкивал в себя еду и, толком не прожевав, глотал. Уставившись

взглядом в тарелку, он лишь изредка поднимал голову, реагируя скорее на раздражители, чем интересуясь происходящим вокруг. А вокруг гомонил народ — студенты и туристы громко разговаривали, смеялись. Володя недоумевал — он считал, что каждый должен сидеть в скорбном молчании, хотя его это молчание тяготило.

— Давай обратно поведу я, — предложил он.

Юра нахмурился:

— Уверен? Ты же по автобану не ездил никогда.

— Сомневаешься в моих навыках? — Володя улыбнулся. Сперва вяло, но, увидев ответную улыбку Юры, во все тридцать два зуба.

— Ну хорошо. Я утомился, поспать бы как раз... — мягко ответил Юра.

— Только вывези нас из города.

Сошлись на том, что до автобана поведёт Юра, а там, на заправке, они поменяются. Чтобы попасть на трассу, пришлось проехать по городу Дахау. Солнце давно село, на улицы опустилась тьма, повсюду зажглись гирлянды. Володя любовался — до чего же красивые места, именно такими ему представлялись деревни в «Асе» Тургенева и «Вихре призвания» Гауптмана. Как странно было осознавать, что всего в нескольких километрах от этого идиллического места когда-то действовал концлагерь, а местным жителям говорили, что это вовсе не лагерь, а конфетная фабрика.

На заправке Володя сел за руль, а Юра уютно устроился на пассажирском сиденье. Он накрылся пальто как одеялом, хотя в машине стало очень тепло, даже жарко.

Володя выехал на автобан, и Юрин скучный городской седан неожиданно легко выдал сто пятьдесят километров в час. Володя аж взбодрился: наконец сможет по-настоящему погонять.

«Вот бы ещё ехать не на этой табуретке, а на нормальной машине», — подумал он, вспоминая, на что способен его кроссовер. Но не успел войти во вкус, как Юра его осадил:

— Давай-ка помедленнее. Всё-таки ценный груз везёшь.

— Всё под контролем, — уверенно заявил Володя.

Юра хмыкнул и принялся инструктировать:

— Держи не больше ста тридцати, на левую полосу выезжай только для опережения, потом сразу возвращайся — я знаю, что на Украине на это правило все плюют, но здесь это важно. Если машина впереди мигает аварийкой, это значит, что водитель начинает тормозить. Тогда тоже включи аварийку, чтобы сзади поняли, что поток замедляется, и начинай очень плавно снижать скорость.

Володя заверил, что всё запомнил, и перестроился в правый ряд, а Юра закрыл глаза.

Дорога обратно показалась долгой, но приятной. Юра сначала дремал, иногда открывал один глаз и комментировал что-нибудь, а вскоре действительно уснул. Володя поборол желание погонять и ехал очень осторожно, ведь груз, что он вёз, был действительно ценным. Умудрившись за пять часов не устать, он не остановился ни размяться, ни в туалет. Слушал рождественские песни по радио, думал обо всём и ни о чём, ехал и ехал по указателям. На душе стало спокойно и мирно, а волновало только одно — как бы не пропустить нужный съезд.

Так и случилось — увидев указатель Stadtzentrum и быстро сообразив, что значит это слово, Володя съехал на очередную заправку и разбудил Юру. Тот сверился с картой, а спустя десять минут вернул машину на правильный маршрут. Вскоре они прибыли домой.

Володя думал, что толком и не устал, но, стоило оказаться в уютной старенькой гостиной, как он понял, что сил у него попросту нет. Чего нельзя было сказать о Юре — тот бодро устремился на кухню готовить ужин. Володя же, беспрестанно потягиваясь, переоделся, вернулся на кухню и сел, заявив:

— Так, я либо на стуле, либо в кровать, больше никуда.

— Яишенки? — улыбнулся Юра, ставя перед ним тарелку.

— О, давай. Спасибо!

Юра уселся напротив и принялся уплетать яичницу за обе щеки.

— Мы так и не подумали, что будем делать завтра, — вспомнил Володя. — В Берлин?

— Ну почему не подумали? Подумали, даже решили. — Юра хитро сощурился. — Ты же говорил, что хочешь с моими друзьями познакомиться, так что завтра в клуб.

Об этом Володя забыл напрочь, а после проведённого с Юрой дня ему хотелось и дальше ни с кем его не делить.

— А на музейный остров? — спросил он, надеясь всё же поменять планы.

— Сначала туда, а вечером — в клуб, — уверенно произнёс Юра.

Делать нечего, пришлось согласиться:

— Ладно. А теперь что, спать?

— У нас есть целая бутылка рома, — заметил Юра. — Надо отметить... это, — посерьёзнев, он кивнул на пухлую папку, что лежала рядом на столе.

Володя узнал её — с ней Юра вышел из архива. Не хотелось снова об этом, но как не спросить?

— Что там внутри? Покажи.

Распаковывая её, Юра неожиданно заявил:

— Мне очень понравился Дахау.

— Серьёзно? — удивился Володя. — Ты не шутишь?

— Не шучу. Мне понравилось, что бараки снесли ко всем чертям. Мне было... — Он задумался и принялся подбирать нужное слово: — Злорадно? Мстительно?

— Приятно? — подсказал Володя.

— Пусть будет «приятно». И ещё мне понравилось, что сейчас там много людей. В кафе вон было так шумно, живо, все галдели и смеялись. Здорово, что всё так. Это место — не кладбище, оно не отдано смерти. Вернее сказать, оно у неё отобрано. Именно это мне и понравилось.

Володя был не согласен с последним в корне, его, наоборот, раздражала легкомысленность некоторых посетителей, но спорить он не стал.

Юра выложил перед ним на стол копии документов. Все на немецком, разномастные, некоторые рукописные, некоторые — напечатаны на машинке, и какие-то бланки. Володя ожидал встретить там имя и фамилию деда, но нет — имена, содержащиеся в документах, очевидно, принадлежали офицерам и врачам. Володя присмотрелся к каждой бумаге, сравнил их между собой и нашёл единственное общее — номер.

Юра пояснил, разливая ром по бокалам:

— Статистики убийств у нацистов не велось, они учитывали, сколько прибыло в лагерь. Когда заключённые поступали туда, их записывали по именам и присваивали номер. И

имена больше не употреблялись, только номера. А номера деда я не знал.

— Так вот почему вы искали его почти семьдесят лет... — пробормотал Володя.

— Да. Я отправил запрос в архив Дахау ещё лет пять назад, но нашли его только спустя три года. Ответили мне, что, возможно, это он, но не факт, нужно, чтобы я приехал лично, желательно с фотографиями. Но это не обычное положение дел, обычно заключённых находят через неделю-месяц.

Володя кивнул, глотнул рома и продолжил изучать документы. Каким бы циником он себя ни чувствовал, ему нравилось держать их в руках и рассматривать. Ведь он никогда не видел настоящих нацистских записей, только подделки в кино. А тут, пусть и копии, но копии подлинников.

Редко когда номер дела был единственным в документе, в основном он стоял рядом с другими именами-номерами.

Юра принёс небольшую коробку и стал убирать туда просмотренные Володей бумаги. Когда те закончились, Юра достал из сумки ещё одну папку, очень тонкую, и вынул оттуда несколько листов ксерокопии личного дела. Всё, разумеется, на немецком, Володя не понял ни слова. Наверное, оно и к лучшему — вспомнил, как неприятно стало, когда он читал истории совершенно чужих людей на стендах.

— Фотография... — растерянно пробормотал он, беря в руки копию снимка мужчины в полосатой робе.

— Едва похож на себя до лагеря, правда? — тихо произнёс Юра. — Хорошо, что бабка не видела его таким.

Он указал на другую фотографию деда, что лежала рядом на столе — ту самую, из кабинета. Человек в робе не был похож на себя с портрета — изменилось лицо и телосложение, волосы исчезли с головы. Пропало всякое сходство с Юрой. Лишь одно у них оставалось не просто похожим, а вне всякого сомнения одинаковым: руки.

— Присмотрись, — Володя показал на крупные кисти дедушки с длинными пальцами. — А ведь твоя бабушка оказалась права. Но, Юр, зачем тебе копии?

— Вдруг пригодятся когда-нибудь. Будь у нас в девяностых его личное дело, это многое бы упростило, — он грустно улыбнулся, положил копию личного дела в коробку и закрыл крышку. Указав на неё, произнёс: — Вот она — цена моего гражданства, а может, и вообще жизни. Всё, что осталось от человека.

— Нет, не всё! — воскликнул Володя, заключая Юрины ладони в свои. — Он живёт в тебе. У тебя его руки... — стоило бы сказать, что ещё у Юры его глаза и скулы, но мысли Володи спутались.

Он сжал его пальцы, поднёс к губам и поцеловал. Юра опешил. Володя поднялся с места, шагнул к нему вплотную и обнял. Юра не ответил на объятие, но уткнулся лбом в его грудь и прошептал:

— Спасибо, что съездил со мной. Один я бы, наверное, так и не собрался. И, вообще, спасибо, что приехал. — Он взглянул снизу вверх, искренне и открыто улыбнулся.

От его улыбки перехватило дыхание. Володя понял, что сил сдерживаться у него больше не осталось. О чём он беспокоился этой ночью — реальны ли его чувства? А может, плюнуть на всё? Может, наконец пришло время иррациональных поступков и журавлей в небе? Но даже если его сомнения обоснованы, то что с того? Чем это чревато, чем опасно? Да ничем!

Володя нежно погладил его по волосам, приподнял подбородок и наклонился. Он ждал прикосновения его губ и предвкушал — секунда, две, и он ощутит его поцелуй. Володя наклонился ещё ниже, к самому лицу, но вдруг Юра отвернулся.

— Нет, это неправильно, — едва слышно прошептал он в сторону.

Повисла тишина, казалось, даже дождь со снегом перестал бить по крыше. Володя замер от изумления и досады. Юра молчал. И вдруг встал так резко, что Володя отшатнулся.

— Пора спать, — сказал он. Его голос прогремел в повисшей тишине. — Я пойду.

Нужно было что-то ответить. Но что? Не отпускать же его?

Володя запаниковал, но, видя, как Юра берёт коробку и устремляется в кабинет, крикнул вдогонку:

— Ты прав, завтра много дел. — Его неловкие слова звучали как беспомощный лепет. — Я помою посуду.

Оставив коробку в кабинете, Юра вышел, но не вернулся на кухню. Поднимаясь по лестнице, остановился и с улыбкой сказал:

— Ещё раз спасибо тебе!

— Угу.

Володя судорожно улыбнулся, но, едва Юра скрылся наверху, спрятал лицо в ладонях: «Дурак! Нашёл время! Ну дурак!»

Посыпая голову пеплом, он бросился мыть посуду, чтобы занять руки хоть чем-то. От горячей воды приятно покалывало пальцы, а в голове крутилось: «Что это значит? Не сейчас или совсем нет? Нет и не будет?»

Всё произошедшее казалось каким-то нереальным, невозможным, будто сон или фантазия, будто ещё был шанс повернуть время вспять и всё изменить. А стал бы Володя менять что-нибудь? Да, но не всё. Он всё равно поцеловал бы его. Но не сегодня, не тогда, когда Юра был подавлен, ведь вышло так, будто он воспользовался его слабостью. И наверняка обидел этим.

В третий раз перемывая один и тот же стакан, Володя размышлял, как ему исправить ситуацию. Извиниться? Нет, извиняться за то, что хотел поцеловать, — унизительно и глупо. И, что самое забавное, двадцать лет назад Юра оказался в точно такой же ситуации — он поцеловал, а Володя его оттолкнул. Могло показаться, что сегодняшней отказ — это его месть. Нет, Юра точно не стал бы ему мстить даже от обиды.

Размышляя над тем, что же всё-таки делать, Володя умылся. Тихонько прокравшись мимо Юриной спальни, прислушался — тишина. Должно быть, действительно лёг спать. Решив, что лучше всего сейчас не делать ничего, Володя отправился к себе.

Уснуть он, конечно, не смог. Раз за разом прокручивая в голове те же вопросы, проворочался в кровати час, пока не решил пожалеть себя и выпить снотворного.

Он поднялся и выглянул из комнаты, собирался пойти на кухню налить воды, чтобы запить таблетку. В Юриной спальне горел свет, дверь была распахнута, но комната — пуста. В полной темноте Володя спустился вниз.

Из-под двери кабинета пробивалась тонкая полоска света. Юра был там, но, чем он занимался, Володя не понимал — в доме стояла тишина. Осторожно, чтобы Юра не услышал, он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Юра сидел за пианино в наушниках. Володя догадался — из-за того, что звук уходил в них, ему ничего не было слышно. А Юра то играл, то замирал, задумавшись на несколько секунд, затем что-то записывал на лежащий рядом лист и снова склонялся над клавишами.

Каким бы паршивым до этой минуты ни было настроение Володи, его губы растянулись

в улыбке — совершенно неожиданно для себя он открыл в Юре что-то новое. Володя уже видел, как Юра играл, но никогда прежде ему не удавалось видеть, как он пишет! А ведь Володя был уверен, что Юра сочинял, импровизируя на инструменте.

Мысли, крутящиеся в голове заевшей пластинкой, сменились на новые, более приятные: «Что он делает? Придумывает мотив или пытается лучше расслышать музыку, уже звучащую в голове? Как Юра сказал сегодня — ему пусто? Вот что он делает — облакает пустоту в форму».

Продолжая улыбаться, Володя закрыл дверь, налил воды и выпил снотворное. На сердце полегчало — как бы глупо он ни повёл себя, Юра от этого не пострадал. Володя всё ещё оставался идиотом, а его поступок — дурацким, но теперь его хотя бы не мучила совесть.

11. Живые огни

Володя бежал так быстро, что ветер свистел в ушах. Его перебивали бешеный стук сердца и тяжёлое дыхание. Под ногами сливались в пёстрое полотно трава, цветы и листья. В голове слышались голоса: сначала его, Володи, затем — чужие. Один и тот же вопрос, один и тот же ответ:

«Женя, ты видел Конева?»

«Маша, ты видела Конева?»

«Девочки, вы видели Конева?»

Нет, нет и нет.

Конева не было в театре, не было в отряде, на пляже, на площади, в столовой. Его не было нигде. Но Володя всё равно искал. Он бежал по тротуару, по асфальту, по траве, по песку. Среди деревьев мелькала призрачная фигура Юры, но, едва Володя подбегал к нему, как фигура таяла. Неужели Юра за рекой? Но река сегодня была столь буйной, что не перейти и не переплыть — волны поднимались и пенились, вода бурлила, будто кипела. И если Юра был на том берегу, Володе до него не добраться.

Вдруг перед ним появилась Ирина. Она сидела возле теннисного корта. Складки её зелёной юбки волнами лежали на скамейке.

— Ирина, не видела Конева?

— Нет, он же должен быть с тобой. Что случилось?

Володя вздохнул и выпалил всю правду:

«Он поцеловал меня, а я оттолкнул и наговорил ему всякого. И потом ещё больше наговорил. Это я во всём виноват!» — Но вместо его голоса прозвучал лишь слабый хрип.

Глядя на то, как беззвучно, словно у рыбы, открывается рот Володи, Ирина воскликнула:

— Если с ним что-нибудь случилось, Леонидовна меня убьёт!

Володя покачал головой, снова вздохнул и наконец услышал свой голос:

— Да мы просто разминулись, не беспокойся.

И он снова побежал. По разбитой плитке, зарослям одичавшей травы, крошеву асфальта. Волосы развевал ветер, ноги ныли, любимые кеды покрывались пылью, на глазах ветшали и рвались.

Вдруг на его пути возник Олежка. Он стоял возле обезглавленного памятника Портновой.

— Юлка там, в театле! — воскликнул он и указал пальцем на полуразрушенное здание.

Из разбитых окон на улицу лилась музыка. Юра действительно был там. Румяный, растрёпанный, сосредоточенный, он склонился над сломанной клавиатурой разбитого пианино. Пионерский галстук съехал набок, белая рубашка посерела, джинсы — заляпаны грязью.

Где же он был? Похоже, бродил по лесу.

— Никогда больше так не делай, — услышал Володя собственный дрожащий голос.

— Чего именно не делать? — сердито ответил Юра.

— Не пропадай, — сказал Володя.

«Не теряйся, — продолжил мысленно, — не убегай от меня, не отворачивайся, не отталкивай».

— Зачем ты приехал? — спросил Юра другим, взрослым голосом.

Вдруг он весь изменился: лицо стало худым и усталым, волосы потускнели, пропал пионерский галстук. Юра вмиг постарел, но показался Володе ещё красивее, чем раньше.

— Я хочу быть с тобой, — сказал Володя. — А ты? Будешь моим особенным другом?

Юра молчал, а Володя сел рядом за пианино, наклонился к его лицу. Он не знал, что Юра ответит и ответит ли вообще. Может быть, отвернётся или оттолкнёт, а может, опять убежит. Но одно он знал точно: сейчас он всё делает правильно!

Вдруг мир окутало белой пеленой. Свет становился ярче и ярче, он пожирал всё вокруг: сначала кинозал, затем — пианино, а после — и Юру. И Володя проснулся, так и не узнав, прав он оказался или нет.

Сердце колотилось так, будто он на самом деле только что бежал. Стоило открыть глаза и понять, что всё это Володе просто приснилось, как тут же захотелось вернуться обратно в кинозал, в «Ласточку». Увидеть, что было дальше, хотя он и так знал, чем закончился тот разговор.

Сон пробудил воспоминания об их первом поцелуе и событиях до него. Щитовая в зарослях сирени, Юрин неумелый и оттого ещё более трогательный поцелуй. Володин страх, Володин ответ. Как он бегал по лагерю ночью, пытаясь догнать Юру, и нашёл его спящим в отряде. Каким невероятно подавленным был Юра утром, ходил, не поднимая глаз, боясь встретиться с Володей взглядами. Их разговор у столовой. Теперь, вспоминая тот момент, когда Юра его поцеловал, Володя понимал, как ранил его, оттолкнув. А у столовой говорил с Юрой так, будто пытался добить. Тогда Володя думал, что всё можно исправить, и он оказался прав.

Но сейчас такой уверенности не было, и её отсутствие удручало. Ещё удручало отсутствие в этом утре магии, что была вчера.

Спустившись вниз, Володя застал Юру на кухне и уловил какое-то странное изменение в его настроении. Он выглядел хмурым, вчерашняя подавленность сменилась чем-то другим, но, чем именно, Володя никак не мог понять.

Невидяще уставившись в столешницу, Юра молча пил кофе и думал о чём-то своём. Володю это насторожило.

— Завтракал? — аккуратно поинтересовался он, забирая у Юры пустую чашку.

— Нет ещё, — буркнул Юра, не поднимая на него взгляда.

— Давай приготовлю что-нибудь? Чем ты любишь завтракать? — предложил Володя, пытаясь вызвать хоть какой-то интерес, пусть даже к еде.

Но Юра равнодушно передёрнул плечами.

— Да чем придётся. — Он снова застыл, глядя в одну точку, а через полминуты неожиданно подал голос: — Как, на твой взгляд, звучит Дахау?

— Как звучит? — не понял Володя.

— Ну... представь, что ты должен показать это место слепому иностранцу. Глазами он не видит, язык ты не знаешь и показать можешь только музыкой. Так какой она должна быть?

— Не знаю... — протянул Володя, в душе радуясь, что Юрино настроение явно связано не с ним. — Это к тебе вопрос. Может быть, марш? В смысле, топот множества ног.

— Да, да, наверное, — живо закивал Юра. — И тишина.

— А как сыграть тишину?

— Самое простое — эхом, но это пошло, нужно придумать нечто другое. — Юра наконец посмотрел на него. Володя обрадовался, увидев в его глазах искру интереса. — Слушай, я минут пятнадцать поработаю, а потом что-нибудь приготовим.

Володя кивнул и принялся мыть чашки, а Юра скрылся в кабинете. И тут же по дому разлились звуки фортепианной музыки — короткие переборы клавиш. Володя выключил воду, чтобы слышать лучше — кусочек какой-то незнакомой грустной мелодии повторился снова, а потом ещё раз.

«Вдохновение настигло», — улыбнулся он.

Но через пятнадцать минут Юра не вышел. Володя не любил быть бесполезным, поэтому сам разобрался, где взять посуду, и приготовил простенький завтрак: салат и бутерброды с колбасой. Юра не вышел и через сорок минут, когда Володя уже накрыл на стол и сварил им ещё по чашке кофе.

Рискнув всё же войти в кабинет, он застал Юру за пианино. Но он не играл, а уложив нотный лист на колени, жутко сутулясь, чёркал в нём карандашом.

— Юр, — негромко позвал Володя.

Тот резко встрепенулся и, выпрямившись на стуле, уставился на Володю так, будто впервые увидел и вообще не понял, как тот оказался на пороге его кабинета. Помотал головой и пришёл в себя:

— А... Да, я сейчас, — рассеянно пробормотал он, что-то ещё черкнул на листке, покусал карандаш, сделал пометку на полях.

Володя не смог сдержать улыбки — настолько Юра был милым и забавным. Всклобоченный, до сих пор в пижаме, с полубезумным взглядом — истинный творец!

— Так, я всё. — Юра наконец поднялся.

— Я завтрак сварганил, — Володя кивнул в сторону кухни. — Подумал, ты не будешь против.

Юра неуверенно покосился на пианино, на лист, который бросил поверх открытой клавиатуры, посмотрел на чашку кофе в руках Володи. Принюхался и заявил:

— Да какое «против»? Я только за!

Они почти доели, когда Володя всё же поинтересовался:

— Над чем ты сейчас работал? Заказ? Я думал, ты на каникулах.

Юра проглотил последний кусок бутерброда и помотал головой:

— Нет. Заказы я сдал... — он задумчиво оглядел кухню. — А это для себя. Но пока я сам не знаю, что именно.

Потянувшись за кофе, Юра мимоходом взглянул на него. Будто смутившись, он резко сменил тему:

— Так, что у нас сегодня по плану? Берлинский музей? Нужно узнать часы работы...

Он вскочил, подошёл к телефону, принялся суетливо листать справочник.

— Юра... — Володя подошёл к нему со спины — тот вздрогнул от тихого оклика, но продолжил шелестеть страницами. — Мелодия, что ты играл, очень красива. Лучше продолжи её писать.

Юра перестал листать справочник и медленно развернулся к Володе, посмотрел на него одновременно хмуро и удивлённо.

Володя пояснил:

— Я хочу сказать, что если для тебя важно это произведение, мы можем остаться сегодня дома. Я же не последний день в Берлине, музей подождёт.

Юра снисходительно улыбнулся.

— Да ладно тебе, мы же ещё вчера договорились. Подождёт моё вдохновение.

Володя улыбнулся — значит, он всё понял правильно, — и положил ладонь Юре на плечо.

— Скажу честно: я не разбираюсь в творческих процессах, но знаю, что вдохновение как пришло, так и уйдёт. Не зря же люди за ним так охотятся. Юр, скажи честно: для тебя важно заняться новым произведением сегодня?

Юра покосился на лежащую у него на плече ладонь, на телефон и благодарно улыбнулся:

— Да, важно.

— Тогда решено. Сегодня днём — музыка, вечером, как договаривались, — клуб. А экскурсия завтра.

Юра неуверенно улыбнулся.

— Но завтра же Новый год...

— В любом случае Берлин потом, — твёрдо сказал Володя и кивнул в сторону кабинета. — Пока ты пишешь, я могу заняться работой. Надо ещё матери позвонить и соседям — узнать, как Герда. Пустишь меня за компьютер?

Юра кивнул:

— Конечно. Но компьютер у меня один — в кабинете. Я не буду мешать тебе своим треньканьем?

— Нет. Главное, чтобы я тебе не мешал своим присутствием.

Юра уверенно помотал головой:

— Не будешь.

Володя слукавил, когда с уверенностью сказал, что Юра не будет отвлекать его от работы. Обычно Володю отвлекало всё. Когда требовалось внимание и сосредоточенность, он плохо переносил даже молчаливое присутствие кого-либо в кабинете. Не говоря уже о

посторонних звуках.

Но Юра отвлекал совсем другим. Отнюдь не тем, что играл одну и ту же мелодию по несколько раз, подбирая правильные ноты, не тем, что постоянно хмыкал, что-то обсуждал сам с собой и тихо ругался на немецком. Он отвлекал самым своим присутствием, потому что Володе хотелось лишь одного: наблюдать, как Юра, сгорбившись, продолжает что-то записывать в нотную тетрадь. Хотелось прикрикнуть, чтобы так сильно не сутулился, но Володя побоялся тревожить. Он продолжал украдкой следить за рождением его музыки — мрачной, тоскливой, глубокой. Красивой. Володя слышал только кусочки и не знал, какой она получится в итоге, но для него мелодия была априори прекрасна — просто потому, что оживала под пальцами Юры. Под самыми красивыми пальцами на свете.

Работа, как оказалось, без Володи не горела. Брагинский отрапортовал, что со всем справляется, никаких проблем нет, а весь офис активно готовится к сегодняшнему корпоративу. Даже прислал на почту фотографии: на первой была запечатлена Лера в шапке Снегурочки, на второй — два ящика водки и шампанского под столом в кабинете Брагинского.

Но Володя не был бы собой, не проверь несколько накладных и отчётов. Он не то чтобы не доверял Брагинскому, просто для душевного спокойствия убедился во всём лично.

Осмелился отвлечь Юру от музыки только в обед.

— Времени час, пойдём приготовим что-нибудь? — осторожно спросил Володя, видя, что Юра увлечён. Но тот никак не отреагировал, пришлось похлопать его по плечу. — Что тебе приготовить?

— А? — Юра обернулся и непонимающе захлопал глазами.

— Еду тебе сюда принести или выйдешь?

— Выйду, только ты позови, а то забуду.

— Хорошо.

Он уже открывал дверь кабинета, чтобы выйти в коридор, когда Юра окликнул его:

— Володь!

— Что? — Он обернулся.

— Спасибо.

Юра не уточнил, за что именно, но Володя не стал переспрашивать. Наверное, за заботу? Но благодарность была и не нужна — ему нравилось заботиться о Юре. Володя даже поймал себя на совершенно глупой мысли, что готов всю жизнь кормить Юру, только бы наблюдать за тем, как он пишет свою музыку.

Обедали молча, но от этого молчания не было так неуютно, как в первый день. Юра ушёл в себя. Рассеянно глядел то в окно, то на Володю и очень неаккуратно ел: быстро заталкивал в рот полные, с горкой, ложки риса и крупные куски мяса, едва пережёвывал и глотал. Хотелось прикрикнуть на него как на маленького, чтобы не спешил, а тщательно пережёвывал пищу. Но Володя молчал, понимая: Юра торопился вернуться к работе.

После обеда в ICQ написала Маша:

«Ку-ку, Володя! Вообще-то, мог бы не полениться и написать хотя бы, что долетел!»

«И тебе привет. А ты чего сразу с наезда начинаешь?»

«Я, вообще-то, переживаю! Или что, всё так НАСЫЩЕННО там, в Германии, что ни минуты покоя?» — написала Маша и добавила дурацкий ехидный смайлик.

Володя закатил глаза — показал ей на свою голову, что такое ICQ.

«Ты о чём это, Маша?»

«Ой, только не надо делать вид, что не понимаешь намёков! КАК ТАМ У ВАС С ЮРОЙ?» — спросила она прямо так — заглавными буквами.

«Маша, что за намёки? Что значит “у нас с Юрой”? Юра в порядке, сидит рядом, пишет музыку», — ответил Володя, сдерживая смех.

«Ой! А то ты не понимаешь!» — ответила Маша.

«Хватит ойкать! Нет, не понимаю!» — Володю веселило строить из себя дурака.

«Зато Я всё понимаю!!!» — тут же пришло новое сообщение с целым рядом хохочущих смайликов.

— С кем это ты там так активно переписываешься? — вдруг спросил Юра.

Володя повернулся к нему — тот сидел на стуле влоборота и с любопытством косился в монитор.

— Прости, я мешаю? Сейчас выключу звук, меня и самого эти вечные «ку-ку» раздражают.

— Да нет, всё нормально, просто заметил, что тебе весело.

— А, да. Маша пишет.

— О! Передавай привет!

— Хорошо. Она спрашивает, как ты.

— Скажи, что лучше всех. Кстати, уже почти пять. Я устал, скоро буду заканчивать, — и Юра снова вернулся к пианино.

Пока они говорили, Володя не заметил, как в ICQ с выключенным звуком пришло сообщение от ещё одного адресанта. Единичка горела над зелёным цветком контакта «Игорь».

«Да что ему нужно?» — с раздражением подумал Володя, нажимая на уведомление.

«Привет! То есть ты реально уехал в Германию?»

Первая мысль была самая логичная — просто не отвечать. Володя так и сделал — снова переключился на диалог с Машей, передал Юрины слова, спросил, как дела у детей. Но от Игоря пришло ещё одно сообщение:

«Чего молчишь? — А следом: — Ну реально, ты что, уехал к НЕМУ?»

Настроение стремительно портилось, Володя не выдержал, быстро наступал ответ:

«Игорь, мы с тобой всё обсудили. Куда и к кому я уехал, тебя вообще не касается!»

«Ещё как касается, Вова! Ты что, считаешь, что меня можно просто так подвинуть в сторону и не нести за это никакой ответственности?»

«Да, именно так я и считаю!»

«Ты идиот, Вова! Ты помчался к нему, на что вообще рассчитывая? Какое у вас будущее? Вы живёте в разных странах чёрт знает за сколько километров друг от друга! Или ты настолько глуп, что решил ввязаться в отношения на расстоянии?»

Володя почувствовал, как нарастает вспыхнувшее ранее раздражение. А Игорь, будто подливая масла в огонь, долго печатал ещё что-то и в итоге прислал:

«Нет, я не это хотел сказать, прости. Я понимаю, что тебя просто потянуло на приключения, но, Вова, подумай, что он вообще может тебе дать? Ты сам понимаешь — ничего. Он не знает твоих потребностей. Представь, как тебе будет стыдно рассказывать ему, что тебе иногда нужно. А я знаю твои истинные желания и знаю, как их удовлетворить! Ты хотел наказать меня этой поездкой и наказал. Успокойся уже и возвращайся».

Володя собирался ответить, что ни о каких отношениях речи не идёт, что он поехал прежде всего к старому другу и, вообще, это опять-таки Игоря не касается. И только занёс руку над клавиатурой, как за спиной деликатно кашлянули.

Володя вздрогнул, перевёл взгляд на пианино — за ним было пусто. Он не услышал, как Юра встал и подошёл к нему со спины.

— Я думал, ты переписываешься с Машей, но тут смотри-ка, какие интересные люди и какие любопытные темы, — совершенно ледяным тоном произнёс Юра.

Володя покосился на монитор — в окне диалога аккуратно висело только последнее сообщение Игоря, и, вырванное из контекста, оно было слишком красноречивым.

— Юра. — Володя осторожно повернулся на стуле, посмотрел на него снизу вверх. — Я не знаю, что именно ты подумал, но это точно не так.

— А тут особо и нечего думать. Я — приключение, а этот человек тебе, видимо, очень дорог, раз ты не захотел с ним расстаться, когда я тебя просил. И который, оказывается, знает тебя как облупленного и, что важнее... — Он нахмурился и процедил два слога: — Вова, знает твои потребности и умеет их удовлетворять.

«Вова», произнесённое Юрой так, будто это не имя, а оскорбление, царапнуло по ушам. Володя догадался, что это была провокация, но, даже зная об этом, не смог её проигнорировать — Юра намекал, что может стать для него чужим.

Володя насторожился и начал оправдываться:

— Нет же! Никакое ты не приключение, а он... да у меня сто лет с ним ничего нет.

— Тогда чего он хочет? — спросил Юра деланно будничным тоном. — Почему он тебе пишет?

— Не знаю. Наверное, обижен, что я порвал с ним. — Володя хотел встать, чтобы посмотреть Юре в глаза, но тот пригвоздил его к месту ледяным, надменным взглядом. — Юр, мне от тебя скрывать нечего. Хочешь, всю нашу переписку прочитай...

— Далась мне твоя переписка. — Он развернулся, шагнул к пианино, уселся на стул, раздражённо ударил по клавишам. — Собирайся иди, выходим в семь, если что.

Володя вскочил с места, но подойти совсем близко не осмелился. Хотел повторить, что Юра всё неправильно понял, но слова так и застряли в горле. Володя прокашлялся и неуверенно произнёс:

— Я не хочу никуда идти.

— Чего это? — деланно удивился Юра. — Там будет много ребят из прайда, думаю, найдётся несколько парней, способных удовлетворить твои *потребности*... — последнее слово он произнёс так ядовито, что даже Володя скривился.

— Зачем ты так говоришь?

— Я неправ?

— Нет! Я хотел в клуб, только чтобы лучше узнать тебя!

Юра обернулся к нему и изумлённо уставился.

— Узнать? Что узнать? Как я танцую?

— Нет, я хотел познакомиться с твоими друзьями, чтобы... ах, чёрт!

Володины слова даже для него самого звучали так лицемерно, что стало противно. Не это следовало сказать. Пусть Володя говорил искренне, но понимал, что сейчас всё это — лишь жалкие попытки сменить неудобную тему. Им обоим было важно совсем другое. Володя качнул головой, тяжело вздохнул и с болью в голосе произнёс:

— Неужели ты такого низкого мнения обо мне? Неужели ты правда думаешь, что я, приехав к тебе, пойду искать в клубе партнёров для секса?

Юра легкомысленно хмыкнул:

— Почему сразу для секса? Просто пообщаться с приятным человеком, который тебя поймёт. А потом, кто знает, может, это перерастёт в нечто большее.

Володе показалось, что внутри него что-то оборвалось и полетело в пропасть. Дыхание спёрло.

Он всё же шагнул к Юре, встал за спиной почти вплотную. Хотел положить ладонь ему на плечо и развернуть к себе, но остановился.

— Юра, ты же знаешь, что для общения с человеком, с которым я хотел бы чего-то большего, мне не надо идти в клуб?

Юра кивнул — будто сам себе. Не оборачиваясь, спросил — равнодушно:

— И кто этот человек? Я?

Вспомнив, как Юра вчера от него отвернулся, Володя обречённо вздохнул:

— Да, ты. Кто же ещё...

Он не видел Юриного лица, но расслышал протяжный выдох. А за ним — наверное, ему показалось, — смешок.

— Тогда чего же ты ждёшь? — спросил Юра.

— Что? — Володя не поверил своим ушам, а Юра тихо засмеялся. Так тихо, будто не хотел, чтобы Володя услышал. Положил и вторую руку на клавиши, заиграл слишком знакомый мотив — медленный, успокаивающий, светлый.

Сердце Володи ударило так, что грудная клетка отозвалась болью, когда Юра, продолжая играть, закрыв глаза, откинулся назад — упёрся затылком ему в живот.

«Совсем как тогда в кинозале», — промелькнула мысль.

Володя как можно нежнее провёл пальцами по его волосам, по ушам, по скулам. Юра зажмурился. Тишину нарушали только звуки мелодии. Он играл, не открывая глаз, не опуская головы, а Володя продолжал разглядывать и гладить его лицо: брови, щёки, подбородок. Когда взгляд упал на губы, тело оцепенело, а по спине тут же прошла приятная дрожь.

— К твоему сведению, — едва владея собой, прошептал Володя, — Игорь для меня никто. Для меня все никто, кроме тебя.

Он медленно опустился на колени рядом, а Юра развернулся к нему, наклонился и задержал дыхание.

Смотреть на него, такого покладистого, желанного, с прикрытыми горящими глазами, становилось невозможно: ещё минута — и сгоришь. Володя положил ладони Юре на шею, очертил большими пальцами линию подбородка. Судорожно вздохнул и прижался к его прохладным губам. Он целовал его трепетно, едва касаясь, отрывался и прижимался снова. Он чувствовал тёплое дыхание Юры на своих щеках, ощущал запах его кожи. Володя будто провалился в безвременье, а опомнился, лишь когда заныли колени — слишком долго простоял на полу.

— Я настаиваю, — прошептал Юра, снимая с него очки, — чтобы этот Игорь исчез из твоей жизни. Пообещай, что вышвырнешь его навсегда.

— Обещаю. — Володя поцеловал старый шрам на его подбородке и прошептал: — Тогда ты... никогда не называй меня Вовой!

Юра рассмеялся.

Невинные поцелуи стали глубже и откровеннее, сердце зашумело в ушах, а дыхание сбилось. Потерявшись в этих ощущениях, Володя не заметил, как оказался у дивана. Скрипнули пружины. Юра, улыбаясь, потянулся к Володе, схватил его за плечи. Володя навис над ним и заглянул в темнеющие от желания глаза.

Мышцы напряглись, нервы натянулись до предела, когда Юра положил свою горячую ладонь ему на грудь. Неуверенно, будто изучая границы дозволенного, опустил её на живот. Обжѐг настороженным взглядом.

«Можно, тебе можно всё. Даже больше, чем всё», — подумал Володя, не в силах произнести вслух и звука.

Глядя на румянец на Юрином лице, на закушенные губы, на руки, которые судорожно растѐгивали пуговицу его брюк, Володя не мог поверить в реальность происходящего. Сколько раз он представлял себе это? Тысячи! А снилось это ему ещё сотни. И вот сбылось.

Володя не помнил его тела и поэтому сейчас изучал заново: сначала глазами, затем — губами. В мучительных снах юности он множество раз владел им, но даже от самых смелых мечтаний не испытывал и толики тех эмоций, что он получал от простых действий в реальности.

Одежда оказалась на полу, они сами — лежащими вплотную на боку, руки — внизу, а губы — вместе. От лёгких прикосновений всё тело прошибало импульсами удовольствия. Володины пальцы были ласковы, Юрины — тоже, но наслаждение перемежалось с болью: он слишком долго этого хотел, слишком долго терпел и ждал. И всё же Володя даже не представлял, что это будет так сладко.

Он двигался механически, не осознавая, что и как именно делает для Юры. Тело, казалось, вообще было ни при чём, он получал удовольствие не им, а самим мозгом. Нежно поглаживая Юрины волосы свободной рукой, он наслаждался запахом его кожи и духов, и этот запах будоражил, заставлял сердце биться ещё быстрее. От сдавленных вздохов Юры мурашки волнами бежали по коже.

Володя даже не понял, когда именно всё кончилось. Просто заметил, что Юра, надрывно дыша, притих у него на плече.

Не говоря друг другу ни слова, они лежали и целовались ещё минут десять, пока резкий звон Юриного мобильного не вернул их в реальность. Было очень жарко, но Володя не мог заставить себя выпустить Юру из объятий.

— Надо ответить, — лениво прошептал Юра. — Это ребята, нужно им сказать, что мы не придём.

— Потом перезвонишь, — заявил Володя, ещё крепче обнимая его.

— Но они же ждут! — смеясь, воскликнул Юра и попытался вырваться. — Ну отпусти!

— Я тебя никогда не отпущу, — без улыбки, абсолютно серьёзно сказал Володя.

Юра хмыкнул:

— Звучит как угроза.

— Почему «как»?

Володя рассмеялся и накрыл его губы своими. Юра не успел взять трубку — на другом конце, видимо, устали ждать и сбросили.

Всё-таки выбравшись из его объятий, Юра подошёл к пианино и взял телефон.

— Я договорюсь пойти в клуб первого января, — сказал Юра.

Пока он отписывался друзьям, отвернувшись к окну, Володя беззастенчиво разглядывал его фигуру. Высокий, худой, с прямой спиной — Юра сутулился, только когда играл, — он не казался долговязым, был, наоборот, стройным, даже изящным. Любуясь им, Володя тихо засмеялся и прошептал:

— Неужели это ты?

Стоило Юре вернуться к нему на диван и устроиться на плече, как Володя зарылся лицом в его волосы, вдохнул сладкий запах. Поцеловал серёжку на ухе.

— Не верится, правда? — тихо промурлыкал Юра, будто мечтательно, и замолчал, задумавшись. Он прижался носом к Володиной шее и серьёзно спросил: — Ты не пожалеешь?

— Нет... — настороженно ответил Володя. — А ты?

— Могу. Со мной сложно, с тобой — ещё сложнее. — Юра вздохнул. — Ещё не поздно вернуть всё назад. Мы можем оставить всё как было.

Володя не поверил в серьёзность Юриных слов. Но то, что Юра сомневался, и то, почему он сомневался, — было очевидно. К тому же у них всё равно не получилось бы притвориться, что ничего не было, а остаться друзьями, помня об этом вечере, и подавно. И как быть? Расстаться, снова потерять друг друга, сдаться без борьбы? Ну уж нет! На это Володя согласиться не мог.

— А можем попробовать, — пробормотал он. Накрыл рукой Юрину ладонь и, положив её себе на грудь, стал гладить пальцы.

— Можем, — уверенно сказал Юра.

— Так что, дадим нам шанс?

— Да. — Юра наклонился к Володиному лицу и улыбнулся: — Давай.

Володя никогда не был лежебокой, но тем вечером решительно отказывался даже встать с дивана, не то что выйти из дома. Радуюсь, что удалось отвязаться от похода в клуб, он собирался затащить Юру в ванну, а затем отправиться спать, но чёрт его дёрнул вслух вспомнить, что завтра Новый год.

— Суббота! — воскликнул Юра и сел. — Сегодня же суббота! Чёрт! Сколько времени?

— Десять, — пробурчал Володя, кутаясь в отброшенный Юрой плед.

— Вставай, погнали в магазин! — заявил Юра, вскакивая с дивана и спешно натягивая одежду.

— В чём дело?

— Мы же собирались в клуб, а на обратном пути я хотел заехать в магазин. Завтра воскресенье — выходной.

— И что? — не понял Володя, но всё же послушно принялся одеваться.

— Завтра ни один магазин не работает.

— Как это?

— Вот так. Говорю же, выходной. Правило здесь такое. Давай быстрее, магазин до двенадцати, а нам ещё ехать до него.

Володя принялся собираться, заваливая Юру вопросами: как магазины могут вообще не работать целый день и тем более завтра, в Новый год? Если еду негде купить, а ты забыл, что делать? Юра пожимал плечами и объяснял, что немцы — очень педантичны в таких вопросах и вряд ли могут забыть.

— Это тебе непривычны подобные правила, поэтому и удивляешься, — объяснял Юра, идя к машине. — А тут все привыкли. А в крайнем случае можно пойти в ресторан.

Только в машине Володя заметил, что в спешке надел чужой носок. Засмеялся, показал Юре. Тот сделал логичный вывод:

— Получается, что я сейчас в твоём носке? — За рулём проверить он не мог. — Ну и ладно, всё равно под брюками не видно!

Пока ехали до магазина, сосредоточились на том, что готовить завтра. Володя достал ручку и блокнот, приготовился составлять список — благо ровная дорога позволяла.

— Хочу оливье! — воскликнул Юра. — Сто лет не ел.

— Да ну, это же вредно, — запротестовал Володя.

Последние годы придерживаясь правильного питания, он настолько отвык от майонезных салатов, что одно только слово «оливье» вызывало отвращение.

— Это ты вредный, а не оливье! — Юра засмеялся.

Володя только вздохнул — раз Юре хочется, разве он мог не уступить? В конце концов, Володю никто есть не заставляет. И, вспоминая ингредиенты салата, принялся записывать.

Но в итоге этот список им почти не пригодился. Володя старался следовать ему, а Юра хаотично закидывал в тележку всё подряд — по крайней мере, так казалось.

— Колбаса, — диктовал он. — Или ты хочешь оливье с мясом?

Юра остановился, задумчиво посмотрел на него и, прищурившись, спросил:

— А можно и с тем, и с тем?

Володя удивлённо уставился на него и, усмехнувшись, протянул:

— А ничего не треснет?

Юра уверенно замотал головой:

— Нет! — и, закинув в корзину два вида колбасы, указал пальцем влево: — Мясо там!

Потом они ещё спорили у прилавка с соусами.

— Почти литр майонеза со скидкой, Володя, как можно упустить такую халяву!

Володя закатил глаза.

— Юр, во-первых, на кой тебе целый литр? Во-вторых, хотя бы посмотри на срок годности!

Ворча что-то себе под нос, Юра принялся читать этикетку:

— Вот! — воскликнул через полминуты. — Ещё две недели!

— Хочешь сказать, за две недели сможешь умять столько майонеза?

Юра бросил пачку в корзину и, гордо вздёрнув подбородок, заявил:

— Не стоит меня недооценивать!

Финальная битва состоялась в отделе фруктов и овощей. Вполне предсказуемо её Володя тоже проиграл.

— Возьми ещё один пакет мандаринов! — бушевал Юра.

— У тебя точно нет аллергии? — обеспокоенно спросил Володя. — Это ведь не самые полезные цитрусовые...

— Володя! Можно мне, пожалуйста, хотя бы раз в год наестся вредных цитрусовых, а?

Тот пожал плечами и принялся рассматривать сетки с мандаринами, проверяя, чтобы нигде не было испорченных. Не удержался и тихонько буркнул:

— Можно подумать, весь остальной год ты ведёшь здоровый образ жизни...

Юра этого, как оказалось, не услышал — пока Володя выбирал мандарины, куда-то пропал, а через минуту появился с коробкой в руках и поставил её в корзину. Володя подозрительно прищурился, по слогам читая надпись «Vanilleeis», перевёл взгляд на Юру. Тот пожал плечами:

— А что? Килограмм мороженого в морозилке никогда не будет лишним. Тем более оно со скидкой!

На кассе выяснилось, что они забыли о самом главном: купить ром. Если бы не Володя, упрямо сверяющий содержимое тележки со списком, и не вспомнили бы.

Успев расплатиться за пять минут до закрытия магазина, они уложили пакеты в машину и поехали домой.

Вернулись уже за полночь. А к тому времени, как разложили всё купленное в холодильник, Володя откровенно зевал.

Тоже уставший, но весёлый Юра скомандовал, указывая пальцем вверх:

— Ну всё, пойдём спать!

Володя задумчиво хмыкнул:

— Я надеюсь, вместе?

Сложив руки на груди, Юра ехидно посмотрел на него:

— Ну вот даже не зна-а-аю...

Володя, сдерживая улыбку, сделал грустное лицо. Юра прыснул:

— Смотришь прямо как Герда! — И протянул жалобно: — «Можно мне, хозяин, спать с тобой?» Кстати, как там она?

— Татьяна написала, всё хорошо. Говорит, что Герда скучает по мне, конечно, но ей там со своей мамой вроде весело. — Володя приобнял Юру за плечи и шепнул на ухо: — Так что, хозяин,пустишь в свою кровать? Или пойдёшь спать ко мне? Других вариантов не дано...

Юра прижался спиной к его груди, взял за руку:

— Давай ко мне, моя кровать побольше будет...

Ложась спать, Володя был уверен, что не сможет уснуть — без таблеток, да ещё и рядом с Юрой. Но сон охватил его будто по волшебству, он даже и не заметил, как уснул. Вот вроде бы только что Юра накинул на них большое одеяло и, повернувшись лицом, придвинулся ближе. А вот уже последнее, что запомнилось: Володя уверенно притянул его к себе и, уткнувшись носом в сгиб шеи, спокойно задышал, растворяясь в любимом запахе.

Он редко когда так хорошо спал — спокойно и глубоко. Ему, кажется, даже снилось что-то хорошее.

Ещё не до конца проснувшись, Володя понял, что находится в чужой кровати: матрас слишком мягкий, а одеяло — лёгкое. Ему казалось, будто он, укутанный в пуховое облако, покачивается на тёплых волнах. Он не спешил открывать глаза. Чувствовал тепло рядом, знал, что оно исходит от Юры, и хотел растянуть этот момент.

Из-за темноты в комнате решил, что ещё очень рано — может, часов шесть утра. Володя надеялся перевернуться на бок, прижаться к Юриной спине и полежать так ещё немного, буквально полчасика. Но, приоткрыв глаза, он тут же утонул во взгляде карих глаз.

Юра, подперев щеку кулаком, смотрел до того ласково, что Володя даже растерялся.

— Доброе утро? — прошептал он осиплым от сна голосом.

Но Юра этого будто не заметил. Поднёс руку к его лицу, легко дотронулся до щеки костяшками пальцев.

— Привет, — он улыбнулся, продолжая невесомо касаться его лица и изучающе и нежно смотреть.

— Со мной что-то не так? — шутливо спросил Володя. — Ты так смотришь...

Юра хохотнул:

— Нет, всё хорошо. Любуюсь. Ты забавный, когда спишь. А что? Не любишь такое? Нельзя?

Но на эти легкомысленные вопросы Володя ответил абсолютно серьёзно:

— Конечно можно. Тебе вообще всё можно, Юр.

— Ну раз можно... — Голос прозвучал лукаво, но Юра лишь продолжил водить кончиками пальцев по Володиному лицу: пригладил брови, дотронулся до крыльев носа, скользнул по скулам и щекам, очертил линию подбородка.

Володя замер, даже дышать перестал — столько интимности было в этом движении. Он плавился под его прикосновениями — казалось, Юра не просто гладит его лицо, а рисует на нём ноты неизвестной немой мелодии.

Вот он нажал на нижнюю губу, чуть оттянул вниз. Володя не выдержал — поймал Юрины пальцы, поцеловал запястье, прижал его ладонь к лицу.

— Я так люблю твои руки, — прошептал на выдохе.

Юра погладил его по скуле, покачал головой.

— Знаешь, я уже полчаса лежу и смотрю на тебя. Как только проснулся, первая мысль была, что ещё сплю — ведь ты рядом. А потом вспомнил. И всё равно как-то не верится.

— Поэтому трогаешь меня. — Володя улыбнулся. — Проверяешь, настоящий я или нет?

— Да, вроде того.

— И как успехи?

Юра негромко рассмеялся.

— Ну, неплохие. Ты тёплый, относительно мягкий, под рукой у меня не тает и не рассыпается... — В этот момент улыбка сошла с его лица. — Хотя кажется, что вот-вот так и произойдёт. Я вроде бы в своём уме, но ты... будто ожившее прошлое. А вдруг на самом деле я давно уже рехнулся и придумал тебя?

Володя повернулся на бок и притянул к себе Юру. Обнял, ткнулся губами в висок и прошептал:

— И какую же чушь ты несёшь...

А про себя мысленно добавил: «Если из нас двоих кто-то и сбрендил, то это точно не ты».

— Давай вставать уже, — через пару минут предложил Юра. — Уже почти девять.

— Ого. — Володя отстранился и стал шарить взглядом по спальне — искал часы. — Я думал, ещё рань.

— Не-а, уже... позднь. — Вылезая из-под одеяла, Юра весело пробурчал: — Приехал тут, видите ли, весь режим мне сбил.

Володя рассмеялся.

— Ладно тебе, сегодня же Новый год. Сегодня можно.

Завтракали бутербродами. Володя, правда, настаивал на овсянке, но Юра пресёк эту идею на корню.

— Вот ещё — в праздник овсянкой завтракать, когда дома куча вкусной еды! — заявил он, вытаскивая из холодильника масло, паштет, сыр и колбасу.

— В том-то и дело, что это не еда, а чёрт-те что, — ворчал Володя, критически разглядывая растущую на столе кучку пачек и банок. — Эй, оставь колбасу на оливье!

— Володя, её на роту солдат хватит, не обеднеет твой оливье!

— И почему это он мой? — шутливо возмутился тот. — Это ты его захотел!

Но сердиться на Юру, даже в шутку, было невозможно. В итоге Володя сам нарезал бутерброды. Но всё же не удержался и сунул в каждый по несколько колечек огурца — пусть хотя бы пахнут здоровой едой.

Утро растянулось почти до обеда. Володя допивал вторую чашку кофе, сидя на диване. Юра не спешил уходить в кабинет заниматься, полулежал рядом, положив голову на Володино плечо. Тихо бубнил телевизор — Юра нашёл несколько дисков со старыми советскими фильмами, включил «Иван Васильевич меняет профессию». За окном кружился снег — почти новогодняя сказка, не хватало только ёлки и гирлянд.

— Кстати, — вспомнив об огоньках, сказал Володя, — я заметил, что соседние дома украшены по-праздничному, а ты не украшаешь?

Юра пожал плечами, так и не поднимая головы.

— Нет, уже давно ничего не украшаю. Это всё традиции католического Рождества. Правда, — Юра хохотнул, — иногда перед соседями неловко. Здесь принято украшать в адвент всё, что только возможно, а мой дом — тёмное пятно нашей улицы.

— А что такое «адвент»? — переспросил Володя.

— Время подготовки к Рождеству. Весь декабрь, в общем. Кажется, исторически это время поста. — Юра почесал затылок. — В общем, как ты понял, я и Рождество — вещи несовместимые.

Володя нахмурился.

— Но почему?

— Во-первых, я же не католик. А во-вторых, это семейный праздник. Получается, ко мне это не относится.

Пусть прозвучало равнодушно, но Володя уловил грусть в его словах и смутился.

— Я даже и не подумал. Прости.

— Да брось извиняться, что тут такого. Раньше, когда жил с Йонасом, наряжали и дом, и ёлку, а сейчас, честно говоря, просто лень. И ничего грустного в этом нет. Неужели ты каждый Новый год с украшениями возишься?

— У меня в саду растёт ёлка, на неё вешаю гирлянду — и всё. Но, вообще-то, я всегда или с родителями, или с друзьями отмечал, так что заниматься украшательством смысла не было.

— Ну вот. Ради одного Рождества я ленюсь, а на Новый год обычно тоже к друзьям ухожу. И в этом году звали, но я отказался... — Он немного повертелся, устраиваясь поудобнее, зевнул.

Такими темпами немудрено было и уснуть: Юра под боком, слишком уютно и хорошо.

— И почему отказался? — негромко спросил Володя.

— Я уже знал, что ты приедешь. Хотел отметить с тобой.

— Итак, в этот раз ты дома и не один, а значит... — протянул Володя и покосился на сонного Юру. — Отставить сонливость! — скомандовал он и потрепал Юру по волосам. — Ну-ка вставай!

Юра возмущённо замычал:

— Зачем? Я так хорошо лежу...

— В следующем году отоспишься!

Растрёпанный и недовольный, Юра медленно, будто отклеиваясь от его плеча, сел и хмуро уставился на Володю:

— Ну что?

— Будем наряжать дом! Доставай всё, что у тебя есть: мишуру, дождик... что там ещё?

Юра задумался и неуверенно пробормотал:

— Но у меня нет украшений.

— Как это нет? Ты же говорил, что наряжал дом с Йонасом.

Юра смущённо улыбнулся и протянул:

— Ну, понимаешь... Когда мы расстались, я психанул и выкинул все его вещи.

— Ясно, — хмыкнул Володя.

— Хотя, — вспомнил Юра, — у меня где-то была гирлянда, но вроде она перегорела...
А может, и нет...

— Ёлки нет, гирлянды нет... — Володя вздохнул. — Хоть снежинки из бумаги вырезай.

— Ёлка! — вдруг воскликнул Юра и даже как-то оживился.

— Что, ёлка? — не понял Володя. — Я думал, что тридцать первого купить ёлку у вас невозможно.

— Купить-то да... — Юра вскочил с дивана и устремился в коридор, странно улыбаясь и что-то бормоча себе под нос.

Когда Володя вышел следом, тот уже открыл невысокую дверцу под лестницей — за ней скрывалась небольшая кладовка. Стоило лишь мельком взглянуть на неё, чтобы понять — на поиск чего-то нужного в ней уйдёт как минимум вечность.

— Володь, притащи табурет с кухни! — скомандовал Юра. Согнувшись, он переступил порог кладовки и, оказавшись внутри, выпрямился.

Следующие пятнадцать минут он матерился на русском, потом ругался на немецком, потом чихал от пыли. Что-то гремело и падало, на пол валились отвёртки, какие-то коробки, пустые фоторамки, скотч, книги, кассеты... пылесос.

Ещё через десять минут наконец раздалось победное «Нашёл!», и Юра чуть не

грохнулся с пошатнувшегося табурета. Володя успел придержать его за бёдра, а потом забрал у него большую увесистую картонную коробку. В ней что-то шуршало и позвякивало, а на боку аккуратным почерком обычной синей ручкой было выведено: «Новый год».

— Значит, украшения у тебя всё-таки есть? — уточнил Володя.

Юра как-то странно ухмыльнулся:

— Сейчас увидишь. Будет уродливо, но прикольно.

Они отнесли коробку в гостиную. Юра открыл её, и первым, что вытащил оттуда, было нечто зелёное, пластмассовое и смутно знакомое. Что этим «нечто» оказалась старая искусственная ёлка, Володя понял только тогда, когда Юра достал нижний ярус — колесо со спицами-ветками.

— Боже мой, какой раритет! — воскликнул Володя.

Юра засмеялся.

— В детстве я просто ненавидел эту ёлку, серьёзно! Она такая кривенькая, лысенькая и страшенькая.

— У нас тоже такая была. — Володя улыбнулся. — По-моему, она у всех в Совке была. Но, блин, откуда она у тебя?

Он взял в руки деревянную крестообразную подставку, засунул в неё палку, присоединил к ней ещё одну, поставил на пол. Затем опустился на колени и стал нанизывать ярусы. Юра сел напротив, принялся помогать.

— Оттуда и есть! — ответил он. — От родителей осталась.

— Слушай, всё равно не пойму. Неужели вы везли её из Харькова, когда переезжали сюда?

Володе было сложно представить, что при переезде в другую страну люди стали бы брать с собой вообще всё, даже ёлку.

— Не знаю, что тебя удивляет, — весело ответил Юра. — Вообще-то, моя мама хоть и наполовину, но всё же была еврейкой.

Володя посмотрел на него и закатил глаза.

— Что? — рассмеялся Юра.

Он закончил с последним ярусом ёлки, отошёл на пару шагов, склонил голову, разглядывая, что у них получилось.

Зрелище было и правда уродливое: скособоченная коричневая деревянная палка, а на ней плоские блины пластмассовых колючих веток.

Но ностальгию вызывало.

— Как сейчас помню, — сказал Юра, — как мать ругалась с отцом из-за этой ёлки. Ну нереально ведь троим людям утащить всё нажитое за жизнь. Отец говорил, чтобы бросила чёртову ёлку, мол, наследие тем, кто въедет в квартиру после нас. И, вообще-то, она сперва согласилась, отдала коробку — не новым жильцам, а подруге. Мы думали, надо же, подарила! Ага. Договорилась с подругой, чтобы та выслала коробку почтой.

— Слушай, ну, вообще-то, бережливость — очень хорошая черта характера, — заметил Володя.

Юра рассмеялся.

— Не спорю. Жаль, что этим я в маму не пошёл.

Володя принялся смотреть, что ещё хранилось в коробке. Выудил гирлянду, аккуратно намотанную на свёрнутую газету.

— Ого! Юра, да это же настоящее сокровище!

У Володи была такая же в детстве. Белые свечи на зелёных подложках крепились на ветки прищепками, чтобы не висеть, а стоять как настоящие свечи. Но самым очаровательным в них были лампочки — оранжевые, как живой огонь, в темноте они мерцали тёплым светом. Не то что современные четырёхцветные гирлянды, которые ужасно раздражали Володю, когда он забывал их выключить ночью.

— Да, это тоже раритет. Ты смотри, там ещё куча советских игрушек лежит!

Володя снова заглянул в коробку. Под слоем газет обнаружили аккуратно сложенные игрушки — каждая завернута в бумагу. Юра присоединился к Володе, стал разворачивать их, извлекая на свет шарики, сосульки, грибочки, шишки, миниатюрных снеговиков и прочее-прочее...

— О, вот так наследие Хрущёва! — воскликнул Володя спустя несколько минут, достав из коробки стеклянную кукурузу. — Как будто в детство вернулся, ну серьёзно!

— А ты вообще знаешь, что наряжать ёлку — это обряд, который к нам пришёл то ли от древних кельтов, то ли от викингов? — спросил Юра, забирая из его рук кукурузу и вешая её на пластмассовую ветку.

Володя поднял на него заинтересованный взгляд.

— Я думал, это что-то языческое.

Юра пожал плечами.

— Ну, может быть, я точно не помню. Но забавляет сам факт, что это сейчас мы ёлку украшаем кукурузой, а раньше её украшали всякими внутренностями животных... И, наверное, людей.

— Мда... — задумчиво протянул Володя. — Хорошо, что мы живём не во времена кельтов.

— К слову о символизме! — Юра вынул из газеты небольшую стеклянную красную звезду. — Ты посмотри!

Володя вздохнул:

— Вот сразу в голове гимн СССР заиграл.

— Да уж. Во всём мире звезда на ели всегда означала Вифлеемскую звезду, и только в Советском Союзе она означала коммунизм! — И Юра, кривляясь, поставил звезду себе на голову.

Володя засмеялся.

— Тебе идёт красный.

Повисло секундное молчание. Володя посмотрел Юре в глаза — тот улыбался.

— Ты тоже подумал о галстукке?

— Ага.

— До сих пор, кстати, не умею их завязывать.

В итоге ёлка осталась без звезды — она оказалась слишком тяжёлой и падала с

верхушки. Но чего добру пропадать — Юра поставил её на телевизор. С гирляндой они сглупили — нужно было сперва обмотать ею ёлку, а уже потом вешать игрушки. И теперь Володя четверть часа мучился, чтобы аккуратно пропустить провода между ветками, ничего не зацепив и не обрушив саму ёлку на пол с низкого кофейного столика. В итоге один серебристый шар всё же сорвался и упал на пол.

— Блин! — воскликнул Володя, обеспокоенно глядя на россыпь осколков под ногами.

Он принялся собирать их, но Юра тут же приказал:

— Не трогай, сейчас принесу веник!

Володя поднял на него взгляд, виновато сказал:

— Ага, и ещё пластырь принеси, — и показал палец с тонким, сочащимся кровью порезом.

Юра закатил глаза и ушёл в спальню. Через пару минут вернулся с целой аптечкой.

— Давай сюда, — приказал, доставая ватный диск и перекись водорода.

— Юр, да тут царапина, просто пластырем заклеить...

— Ага, конечно. Знаешь, я когда-то вот так же точно порезался игрушкой, кровь почти не шла. Но через пару дней у меня загноилась вся фаланга пальца, а ещё через неделю слез ноготь. Так что давай сюда.

Обойдя осколки на полу, Володя сел в кресло и послушно протянул Юре руку. И, в принципе, он был бы согласен разбить ещё штук десять игрушек и ещё столько же раз порезаться, если бы Юра вот так заботливо протирал и заклеивал ему раны.

Потом они всё же убрали остатки разбитого шара, прикрепили наконец злосчастную гирлянду и протянули удлинитель к окну, рядом с которым стояла ёлка. Потом ещё искали переходник, чтобы подключить советскую гирлянду к европейской розетке, и Юра, приглушив свет, сказал:

— Ну наконец-то! Раз, два, три — ёлочка гори! — и включил гирлянду.

По погружённой в полумрак комнате тут же разлился тёплый золотисто-оранжевый свет. Огоньки подрагивали, отражались в стеклянных игрушках, за окном кружился снег, и комната вмиг преобразилась.

— Эх... — вздохнул Юра. — Это стоило того, чтобы перелопатить всю подсобку. — Он упёр руки в бока и задумчиво хмыкнул: — Знаешь, чего не хватает?

— А?

Он подошёл к телевизору, покопался в стопке лежащих рядом с ним дисков.

— Вот!

Володя посмотрел на обложку и протяжно вздохнул:

— «Каждый Новый год...»

— «...тридцать первого числа... — подхватил Юра, — ...мы с друзьями ходим в баню...»

Володя помотал головой, закатывая глаза:

— Нет! Каждый Новый год этот дурацкий фильм крутят по всем каналам. Даже не включая телевизор, всё равно где-то на него наткнёшься, это же невозможно...

— Сто лет его не видел! Это у вас крутят, а у нас нет. Давай посмотрим!

— Как же он достал!

— Решено!

Ну а разве мог он отказать? Это Володя привык ко всем этим традициям постсоветского Нового года, в том числе и к «Иронии судьбы» как к бессмертной классике. Но для Юры это кино было чем-то совершенно необычным, родом из далёкого прошлого.

— Как странно, — сказал Володя, садясь на диван рядом с Юрой. На экране телевизора уже вылезли вступительные титры. — Сидим в Германии, а Новый год у нас аутентично совковый.

— Ну а что в этом плохого? В СССР ведь было и хорошее. — Юра вдруг посмотрел на Володю, улыбнулся и сжал его руку, лежащую на диване. — Мы с тобой там были, например.

Володя хотел сказать, что и сейчас они есть, здесь, вместе, но почему-то промолчал. Только переплёл их пальцы и кивнул.

Оказалось, что сюжет фильма Володя знал не так уж и хорошо, как думал. Он не смог вспомнить, когда в последний раз смотрел обе серии целиком — может быть, лет десять назад? Всегда переключал, случайно натыкаясь, или, попадая на него в гостях, никогда не обращал внимания. Даже в голову не приходило сесть и посмотреть от начала до конца.

Юру затянуло не на шутку — он искренне смеялся, что-то постоянно комментировал и даже мычал в такт песням. Было невозможно не проникнуться его настроением, и Володя

тоже увлёкся фильмом.

Приглушённый свет, перелив ёлочных огней, запах мандаринов, которые они жевали вместо обеда, Юра рядом. Он уже отпустил Володину руку, но в течение этих нескольких часов постоянно то брал её снова, то укладывал голову Володе на плечо, то трогал колени. А Володя и не помнил, когда в последний раз ему было настолько спокойно. Когда его не волновало, что происходит во внешнем мире. Когда всё, что ему было нужно, что доставляло радость и дарило уют, находилось рядом.

Он опомнился, лишь когда заиграла финальная песня, а на экране пошли титры. За окном давно стемнело, а стрелка часов ползла к семи вечера.

— Вот блин, оливье же! — опомнился Володя, вскакивая с дивана.

— Володь, да не убежит он куда!

Готовить на небольшой Юриной кухне оказалось непривычно и неудобно. Володя то и дело задевал локтями и бёдрами угол стола, а один раз чуть не перевернул кастрюльку с кипящей водой.

Володя отнёсся к приготовлению оливье со всей серьёзностью — ему было важно исполнить Юрино желание.

И, казалось бы, что сложного в том, чтобы смешать всем известные ингредиенты и заправить всё это майонезом? Но Володя специально ещё с утра написал Маше с просьбой поделиться секретами — вдруг они есть? В конце концов, он правда очень давно не готовил оливье сам.

«Главное — морковка, — сказала Маша. — В смысле, узнай вообще, любит ли Юра морковку, а то все по-разному делают, вдруг она вызывает у него отвращение».

Отвращение варёная морковь вызывала как раз таки у Володи, а вот Юра на заданный вопрос лишь пожал плечами.

— А что в ней плохого? Она вроде вкусная — и яркости салату добавит...

Пока варились яйца и овощи, а Володя мариновал курицу, Юра резал колбасу и огурцы, не забывая, конечно, то и дело закидывать себе в рот «лишние» кусочки.

Устав за этим наблюдать, Володя предложил:

— Юра, если голодный, давай сделаю нормальный бутерброд?

— Отстань, мам, так вкуснее! — отмахнулся тот.

К одиннадцати наконец накрыли стол. Юра включил прямую трансляцию с празднованием Нового года на центральной площади Берлина. Потом он вспомнил что-то, ушёл рыться в комод, выудил оттуда пару свечей в подсвечниках, установил их на стол.

— А что? Раз у нас всё так... Хм... Романтично, ну, в смысле, с оливье и ёлками, так почему не при свечах?

Володя с ним был полностью согласен. Юра щёлкнул зажигалкой, и посреди праздничного стола загорелись два огонёчка.

В половину двенадцатого зазвенел таймер на духовке. Володя пошёл вынимать курицу, а Юра достал шампанское, ром, бокалы и стаканы.

— В целом можно начинать, — сказал Володя, садясь за стол.

— Руки прочь! — воскликнул Юра, заметив, что тот взялся за приборы. — «До двенадцати взрывать салаты нельзя», — так ещё моя бабушка завещала!

— Так до двенадцати и от голоду сдохнуть можно.

Юра пожал плечами и взялся за бутылку шампанского.

— Я думаю, это правило не распространяется на выпивку.

Хлопнула пробка, в бокалах зашипели пузырьки.

Володя поднял свой.

— Ну, как там полагается? Провожаем Старый Новый год? Спасибо две тысячи шестому, он был хорошим, особенно его конец.

Они чокнулись и выпили. Юра повернулся к столу, потянулся за мандарином и ехидно спросил:

— Кстати, а что же такого у тебя случилось в конце две тысячи шестого?

Володя посмотрел ему в глаза, прищурился:

— А то ты не знаешь!

— Не знаю! Расскажешь?

— Ну... Я встретился со своим старым другом...

— Ты с ним ещё в сентябре встретился, это я знаю, — он говорил вполне серьёзно, но глаза так и лучились смехом, — а что в самом конце года?

Володя мог лишь улыбнуться.

— Слушай, ну, там кое-что произошло, да... — он хмыкнул, — даже не знаю, как сказать...

Юра пригубил ещё шампанского, шагнул к Володе.

— Может, тогда покажешь?

Володя охотно наклонился к нему и прижался к губам. Слизнул остатки шампанского и цитруса, обнял Юру, притянул к себе вплотную.

В голове пронеслась мысль, что невозможно быть таким счастливым, но у него ведь получается?

Его отвлёк звук из телевизора — после слов ведущего люди на площади зашумели.

— Говорит, что пять минут до курантов, — перевёл Юра и тут же ткнулся губами Володе в шею. Поцеловал ниже, добрался до ключиц у выреза футболки. Потянул на себя, присел на столешницу, запрокинул голову, посмотрел в глаза.

Володя задержал дыхание, готовясь утонуть в них. От полумрака комнаты Юрины зрачки расширились ещё больше, ещё отчётливее в них заиграли отблески ёлочных огней.

Володя опёрся руками о стол по обе стороны от бёдер Юры, коснулся губами мочки уха, прихватил её ртом. Серёжка уколола язык. Наслаждаясь этим ощущением, Володя заметил, что Юра задрожал в его объятиях.

Толпа в телевизоре снова зашумела — кажется, начался обратный отсчёт до боя курантов. Володя не хотел обращать на это внимания, ему было плевать.

Он фиксировал всё кадрами: вот соскользнула с Юриных плеч вязаная кофта, под ноги упала его домашняя майка. Юра решительно толкнул Володю на диван, сел сверху, стащил его футболку. Обнял за шею, прижался голым торсом и поцеловал. На пол полетела остальная одежда. Забили куранты. Скрипнули пружины — Володя уложил Юру на спину. Юра горячо выдохнул ему в ухо, стиснул его плечо, царапнул ногтями кожу. Волна болезненного удовольствия растеклась по телу, Володя судорожно глотнул воздуха. Запустил пальцы свободной руки в волосы Юры, притянул его к себе и жадно поцеловал.

Куранты пробили последний раз, в телевизоре взорвались фейерверки, через несколько

секунд громынуло и за окном. Володя смотрел, как Юрино лицо освещают всполохи света, как по его закрытым векам ползут цветные тени. Он ловил ртом его горячее дыхание и, слыша его негромкие стоны, не мог сдерживать свои. Юра, вжимаясь затылком в подголовник дивана, жмурился, плавился в Володиных объятиях, вторя его движениям. И Володя тоже плавился — от Юриных рук, от жара их тел, от сладости этих мгновений.

И Володе по-прежнему был не нужен мир вне этих стен.

А потом они просто лежали рядом. Юра странно хихикнул, согрев тёплым дыханием грудь Володи.

— Ты чего? — поинтересовался он.

— Да вспомнил просто, что в Германии есть традиция впрыгивать в новый год. — объяснил Юра. — Ну, знаешь, мы правда становимся на стулья или на диван и, когда куранты бьют последний раз, прыгаем на пол.

— В принципе, раз мы профукали эту традицию, могу тебя сейчас столкнуть с дивана.

— Да ладно, мы с тобой немного по-другому «впрыгнули» в новый год.

Володя нахмурился, вникая в Юрину шутку. Понял и расхохотался.

Спустя несколько минут, когда они оба окончательно успокоились, Володя зарылся носом в Юрины волосы и вдохнул его запах. Такой же, как тогда — в первую встречу в Харькове. Такой же, как тогда в берлинском аэропорту.

— Юр, скажи... — вдруг вспомнив тот день, попросил Володя. — Почему ты отталкивал меня? После аэропорта, когда я взял тебя за руку? И после Дахау? Это было не к месту или... есть что-то, что мне стоит знать?

Юра усмехнулся:

— Говоришь как натуральный жохатый. «Ты что-нибудь хочешь мне сказать?» — Он покачал головой. — На такие вопросы никто не отвечает честно.

— Но ты же не «никто», — быстро сказал Володя, не успев вдуматься в смысл слов.

Юра поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Когда ты взял меня за руку, я этого просто не ожидал. Потому что в интернете ты был очень осторожным, и я думал, в реальности будешь таким же. А тут такая прыть. Ничего себе. — Юра улыбнулся. — А после Дахау... я хотел ответить, но подумай сам, поцелуйся мы

тогда, с чем я бы ассоциировал это потом? С болью? — Не ответив, Юра прижался щекой к его шее. — Вот и всё. Вся правда. Я ничего не скрываю и не скрывал.

Володя ожидал услышать «в отличие от тебя», но если Юра и подумал об этом, то умолчал.

Ещё минут через пять он тихо засопел, и Володя было подумал, что тот уснул, но нет — Юра вдруг заворочался, вынырнул из-под его руки, встал с дивана.

— Ты куда?

— Оливье есть, конечно! — Он подошёл к столу и взял в руки салатник, сунул в рот полную ложку и, прикрыв глаза от наслаждения, довольно замычал.

Володя лёжа наблюдал за ним, подпирая голову рукой.

— Ты бы хоть трусы надел.... — задумчиво протянул он. Не то чтобы Володе не нравилось созерцать голого Юру, просто... это было забавно и странно.

Юра будто бы удивлённо посмотрел сперва на Володю, затем — на свои голые ноги. Сунул в рот очередную ложку оливье и с набитым ртом пробурчал:

— Да ладно, мне не холодно.

Он сел рядом, Володя приподнялся, прикрыл себя подушкой — Юра лишь ехидно хмыкнул.

— На, — и протянул Володе ложку с салатом. — Никогда никого не кормил оливьешкой, это так... сексуально. — Он глупо засмеялся.

А Володя послушно открыл рот, позволяя себя кормить. И, даже вспомнив, что положил в оливье морковку, не отказался. Потому что из Юриных рук он согласен был есть даже салат полностью из варёной морковки.

12. Буря внутри

Отпуск в Германии перевалил за половину.

Володе было неудобно жить в одной комнате, а свои вещи держать в другой, но он считал бессмысленным переезжать всего на три оставшихся дня. В отличие от Юры. В который раз наблюдая за тем, как Володя шлепает босиком за новыми носками через весь этаж, Юра сложил руки на груди и предложил тому перенести свои вещи к нему в спальню:

— Место в своей кровати я тебе предоставил. Могу выделить место и в своём шкафу —

для твоей одежды.

Натягивая носок, Володя хмыкнул:

— Звучит как предложение руки и сердца.

— Полки и вешалки! — Юра рассмеялся.

— Ну, тогда я согласен! — улыбнулся Володя.

Всё утро Юра разбирал ненужные вещи в гардеробе, а Володя занимал своими освободившееся пространство. Заново перетряхивая чемодан, нашёл в нем завернутую в яркую бумагу коробочку.

— Мда... — протянул он. — Юр, представь, я совсем забыл подарить тебе новогодний подарок!

Юра так и замер на месте с тапком в одной руке и кроссовкой в другой.

— Вот блин, и правда! Я тоже! Вообще из головы вылетело! — Юра кинул обувь на пол и бросился на первый этаж.

— Вообще немудрено забыть о чем угодно с твоим... оливье, — хмыкнул ему вслед Володя.

Юра резко остановился на лестнице и обернулся к Володе.

— Оливье? — он вздернул бровь и лукаво улыбнулся. — Я сейчас вернусь, подарю свой подарок и будет тебе... оливье.

Спустя пару минут они стояли в заваленной одеждой и обувью спальне друг напротив друга.

— Я не оригинален, — сказал Юра. — Но вот. Я посвятил несколько треков тебе, — он смущённо улыбнулся, протянул Володе перевязанный ленточкой диск и большую плоскую коробку. — А это — адвент-календарь для Герды.

— Ничего себе. — Володя даже растерялся — только и смог выдать «Спасибо» и передал Юре свой подарок.

— Та-а-ак... — Юра сощурился, изучая коробку. — Тяжелое... не гремит.

— Фотоаппарат, — объяснил Володя. — Ты же говорил, что сломал свой, когда

записывал поздравление для меня.

— Ну у тебя и память! — восхитился Юра и повис у Володи на шее. — Спасибо!

— Взаимно. Можно я поставлю диск?

— Нет! Без меня послушаешь. — Юра прикусил губу и хмыкнул: — Знаешь, а твой подарок можно использовать прямо сейчас.

Он сел на кровать и принялся раздирать упаковку. Володя уселся рядом.

— Вау... а он хорош, — протянул Юра. — Спасибо, Володь. Не стоило так тратиться.

— Только давай без этого, ладно? — Володя нахмурился, но, увидев погрустневший взгляд, смягчился: — Не считай чужие деньги, еврейшка мой.

Юра рассмеялся.

— Ладно, — протянул он, а разобравшись, как работает фотоаппарат, приказал: — А ну-ка поцелуй меня в щеку! — и навел на них объектив.

— самого себя фотографировать как-то глупо, — нахмурился Володя.

— А я не себя фоткаю, а нас. Целуй давай.

Володя послушался. Щелкнул затвор, сверкнула вспышка.

— Как тебе? — спросил Юра, показывая Володе получившуюся фотографию.

— Угу, — буркнул Володя. Поцеловав Юру в щеку, он чмокнул его в висок, затем в мочку уха и потом мельком взглянул на фотографию.

— Не забывай: нам к восьми вечера в клуб, — протяжно вздохнув, напомнил Юра.

— Угу, — повторил Володя, обхватив губами сережку.

— Давай ещё, — прошептал Юра — непонятно, то ли о фото, то ли о ласках. И Володя продолжил целовать, а Юра — делать фотографии.

— Какой у вас в гей-клубах дресс-код? — спросил Володя, скептически оглядывая свою одежду. Он привез немного вещей: несколько рубашек, свитер, пиджак, брюки и джинсы, но беда была не в количестве, а стиле — сплошная классика. Если у Володи и имелось что-то

более-менее праздничное, то оно осталось дома.

— Латекс и кожа, разумеется, — усмехнувшись, Юра подошел к нему со спины.

— Очень смешно, — буркнул Володя. Указывая на стопку однотонных рубашек, попросил: — Поможешь выбрать, что надеть?

— У тебя есть что-нибудь не черное и не строгое?

— Синие джинсы и темно-серый пиджак, — ответил Володя, показывая их Юре. Заметив его скептическую ухмылку, Володя пояснил: — Пиджак не строгий, кэжуал. Ну посмотри.

Едва он надел его, как Юрины глаза загорелись.

— О... Вот это прям твое, — он вздернул бровь, хмыкнул, ещё раз оглядывая Володю с ног до головы, и отправился в ванную.

— Может, мне линзы надеть? — крикнул Володя вслед.

— Оставь очки, — прозвучало из-за запертой двери.

Пока Юра укладывал волосы, Володя отправился в кабинет поработать — скорее по привычке, чем из необходимости: первого января никто не писал писем и не звонил. Убедившись, что почта пуста, от скуки открыл ICQ, отправил поздравления паре приятелей, Жене и Маше. Все они были офлайн, и только контакт Игоря горел зеленым и мигал тремя новыми уведомлениями. Володя кликнул на его имя, чтобы пролистать непрочитанные сообщения, как тут же прозвучало привычное «о-оу» и пришло ещё одно. Но Володя, не успев его просмотреть, вовремя закрыл ICQ — в комнату как раз вошел Юра.

— Я готов.

Он был одет в клетчатые коричневые брюки и черную рубашку — всё, как обычно, узкое. Волосы зачесал назад, как на концерте в Харькове. Володя никогда не стал бы одеваться так ярко — был уверен, что в клетчатых брюках выглядел бы странно, если не смешно. Но Юре очень шло.

— Стильно. Мне нравится, — прокомментировал Володя, подходя к нему вплотную. Две верхние пуговицы Юриной рубашки были расстегнуты, обнажая яремную впадину и ключицы. Выглядело довольно откровенно. — Только вот это лишнее, — сказал Володя и застегнул нижнюю пуговицу.

— Давай решать, как поедem: на машине или общественном транспорте? На машине хорошо, но нельзя пить, а раз уж идем в клуб отдыхать, зачем себе в чем-то отказывать? — вслух размышлял Юра, продолжая крутиться перед зеркалом. — На общественном неудобно, пересаживаться надо. Сначала на автобусе до станции, потом на поезде до Берлина, а там — метро.

— Значит, туда едем на поезде, а обратно возьмем такси, — решил Володя.

Добравшись до железнодорожной станции, сели на поезд, салон которого напоминал больше самолет — современный, технологичный. Володя удивился — скорость свыше ста километров почти не ощущалась. А вот пейзажи за окном оказались скучными: шумоподавляющие щиты сменялись видами зимнего пригорода — заснеженные поля и перелески. Куда интереснее было наблюдать за Юрой.

Вечерний Берлин особо рассмотреть не удалось — город прятался в темноте зимней ночи, ослеплял огнями и обманывал тенями. Хотя в этот раз они приехали не для того, чтобы осматривать столицу, Володя с живым интересом разглядывал дома и улицы, а нырнув в метро — поезда и людей. Разумеется, Берлин отличался от Харькова или Москвы, но чем именно, никак не удавалось понять. Дома, как и везде, разные: и старинные каменные, и новые стеклянные. Автомобили, автобусы и поезда современнее, чем в Харькове. Люди надменнее и раскрепощеннее, чем дома. Сравнить можно было бесконечно, но в темноте, не видя общей картины, Володя не смог бы ответить, какой он — Берлин. Одно он понял точно: Юра любил этот город. Он отзывался о нем с теплом. Стоя возле карты у метро, он указывал на районы и находил, что рассказать о каждом из них, даже самом отдаленном. Казалось, Юра знает о Берлине всё.

Они вышли на станции «Ноллендорфплац». Володя оглядел вестибюль метро, скрытый под гигантским старинным куполом, похожим на купол готического собора. И они направились на улицу Моцштрассе.

Володе показалось, будто здесь проходит какой-то карнавал: почти каждый дом был украшен радужным флагом, почти из каждой двери доносилась музыка, а голоса десятков гуляющих по улице людей сливались в гомон. Ещё в метро Юра говорил, что здесь находится гей-квартал, и Володя приготовился лицезреть нечто странное или даже дикое, но не встретил ничего вызывающего. Кроме двух идущих в обнимку парней. От одного вида этой парочки Володю бросило в жар, но он не подал виду.

Неспешно прогуливаясь с Юрой, он оглядывался вокруг. Юра рассказывал историю некоторых баров и клубов. Оказывается, на Моцштрассе до сих пор существовали заведения, открытые ещё до Первой мировой войны.

— А я впервые попал сюда в начале девяностых. Помню, так хотел показать тебе эту

улицу. Чтобы ты тоже знал, что в мире есть места, где совсем не страшно и не стыдно. Не то что у нас тогда, правда?

Володя кивнул. А сам вспомнил, как впервые оказался в подобном месте — в Харькове это был парк. Однажды поздним вечером он со Светой прогуливался неподалеку. Света щебетала что-то про сессию, а Володя, не слыша её, наблюдал за людьми в том парке. Ему казалось, что они вели себя не как люди, а как животные. Ходили настороженные, напряженные, выслеживая друг друга будто добычу, а встретившись, скрывались парами в кустах. Это выглядело пугающе и унижительно. Володя невольно ещё крепче сжал руку Светы. Пусть это был всего лишь взгляд со стороны, пусть всё это могло ему только показаться, но тогда Володя окончательно убедился: место таким, как он, в слепой темноте и вечном страхе быть застигнутым.

Но на Мощштрассе всё было не так. В радугах неоновых светов здесь царила свобода. Юра, будто опьяненный ею, сверкнул глазами и осторожно сжал Володину ладонь. Но Володя не был к этому готов и инстинктивно отдернул руку.

Юра остановился. Обхватил прохладными пальцами его лицо и потянулся за поцелуем.

— Я не могу так. — Володя отстранился.

— Здесь можно, — мягко произнес Юра, снова взял его за руку, наклонился к лицу, заглянул в глаза: — Неужели не хочешь?

Пытаясь усмирить колотящееся сердце, Володя сделал несколько глубоких вдохов и шагнул к нему. Пересиливая себя, потянулся к его губам, но не смог — отвернулся. Впрочем, Юрину руку не отпустил.

— Я понимаю, но... Прости и, пожалуйста, не обижайся, для меня это слишком.

Юра нахмурился, кивнул и направился ко входу в клуб. Володя последовал за ним. Сердце колотилось, ладонь в Юриной руке потела. Он выдохнул с облегчением, когда Юра, ступив в холл, отпустил его.

Володя ожидал, что в гей-клубе будут одни мужчины, но, оказавшись внутри, отметил, что женщин там столько же, сколько мужчин, и даже гоу-гоу танцоры были обоих полов. Среди посетителей встречались и гетеро-пары.

Рассмотреть танцпол Володя толком не успел — Юра повел его к винтовой лестнице на второй этаж. Шли медленно — Юра постоянно с кем-то здоровался. Казалось, его знали если не все, то добрая половина клуба, включая барменов. И, о ужас, даже ведущий, которого Володя окрестил про себя попугаем, помахал Юре со сцены.

Клуб был двухэтажным. На первом этаже располагались бар и танцпол, на втором — несколько столиков, ещё один бар и так называемая приватная зона, куда они и направились. Под красивым названием скрывалась даже не комната, а стена, вдоль которой стояли овальные, окруженные полукруглыми диванами столы для больших компаний, между ними висели плотные шторы. Можно было полностью задернуть эти шторы, чтобы никто не видел, что происходит за ними. И, судя по тому, что больше половины столов были скрыты от глаз, посетители активно этим пользовались.

Диван, где ждали Юрины друзья, не был скрыт от посторонних глаз. Едва они подошли, как вся компания, а это человек пять, приветственно закричали и бросились обнимать Юру и знакомиться с Володей. Не успев сесть, направились в бар. Возвращаясь с бокалами в руках — Юра предсказуемо взял ром, а Володя для разнообразия виски, — заметили новоприбывшего, вернее, прибывшую. На краю дивана примостилась та самая «она» — Анна. Увидев её вживую, Володя понял, что глубоко заблуждался, мысленно называя Анну «он». За недолгие полчаса, проведенные здесь, Володя успел увидеть множество жеманных мужчин, но все они не годились Анне и в подметки. Черное облегающее платье, ярко-алая помада на губах, шляпка на лысом черепе — Анна была не жеманной, а именно женственной.

Обнявшись с Юрой, она протянула Володе худую руку так грациозно, будто для поцелуя, а не для рукопожатия. Аккуратно сжимая кончики ее пальцев, Володя засомневался, не ждала ли она всерьез, что он поцелует? Анна смущенно улыбнулась и потупила взгляд. Володя поймал себя на удивительной мысли: она правда женственна, причем настолько, что ни Маша, ни Ира, ни Лера, ни одна другая женщина не казалась такой женственной, какой была Анна.

Усевшись рядом с ней, чокнулись, выпили. Официант тут же повторил. Выпили по второй, по третьей, и время ускорило. После четвертого бокала изрядно опьяневший Володя перестал считать, сколько выпил. Юра оживленно болтал с друзьями. Говорил, конечно, на немецком, что-то успевал переводить Володе, что-то нет. Первое время Володя перекрикивался с некоторыми из новых знакомых на английском, но получалось плохо — музыка заглушала голоса, а слова путались. После очередной бесплодной попытки вести нормальный диалог Володя махнул на разговоры рукой и принял роль не участника, а наблюдателя. Он не вставал с места, он вообще ничего не делал, всё происходило вокруг него само собой, даже алкоголь появлялся на столе без его участия. Володя будто мчался по скоростному туннелю, глядя в одну точку перед собой, лишь иногда отвлекаясь на вспышки событий и светомузыки. Казалось, только здоровый сон может вырвать его из плена этого туннеля, но случилось то, от чего он моментально протрезвел.

Пришёл Йонас. Не такой, как на фотографии — темноволосый, серьезный, но точно он — появился возле их стола как чертик из табакерки. Грубовато, очень по-свойски обнял

сидящего Юру и чмокнул его в щеку.

Волна возмущения накрыла Володю. Он сел к Юре вплотную. Вновь пересиливая себя ведь никогда не делал подобного на людях, положил ему ладонь на плечо, показывая, что они вместе. Но Йонас этого будто не заметил. Он что-то сказал Юре и устроился справа от него на диване. Юра, сидя между Володей и Йонасом, представил их друг другу, они даже пожали руки, но Володе показалось, будто для Йонаса его не существует — тот вел себя слишком развязно. Во время разговора постоянно касался Юры, прижимаясь к нему то плечом, то бедром, причем как бы невзначай, случайно, ведь здесь так тесно. Но Володя разгадал его замысел. Напрягшись всем телом, следил за ним, шептал одними губами: «Только повод дай, урод. Только повод...» И, будто понимая его злой шёпот на русском, Йонас этот повод дал.

Конечно же, случайно, конечно же, потому что тесно, он положил ладонь Юре на колено. Этого Володя терпеть не стал. Он перегнулся через Юру и резко сбросил руку Йонаса. Тот удивленно на него уставился, а Володины глаза налились яростью. И тут же между ними вклинился Юра. Довольно агрессивно он что-то крикнул Йонасу и повернулся к Володе.

— Давай без конфликтов! — извиняющимся тоном попросил Юра. — Он случайно.

— Да ни хрена... — начал Володя, заводясь ещё сильнее — Юра сначала ничего не замечал, а теперь оправдывается?

— Я сказал ему, чтобы ушел. — Юра с надеждой посмотрел на Володю. — Пойдем лучше потанцуем?

Володя покачал головой — слишком пьян для танцев.

Йонас за Юриной спиной действительно стал собираться, и Володя чуть-чуть расслабился. Не успокоился окончательно, но желание немедленно броситься на него и разорвать на куски чуть ослабло.

Вдруг Юра хитро ухмыльнулся и показал пальцем за Володю. Шторка, скрывающая от глаз соседний диван, чуть отодвинулась в сторону — образовался просвет. За ней двое совсем молоденьких парней откровенно целовались, копоша руками под столом. Это было бесстыдно и пошло, но дико возбуждающе.

Володя не мог отвести взгляда и бесцеремонно пялился, пока не почувствовал тычок в бок. Юра смотрел на него, ухмыляясь.

— Вау, — только и мог произнести Володя.

А Юра промурлыкал ему на ухо, будто случайно коснувшись губами мочки:

— Хочешь так же?

Володя изумленно уставился на него, а тот поднял бровь, стрельнул лукавыми глазами и рассмеялся. Володя обнял его, положил голову на плечо и уставился перед собой. Он испугался за Юру.

Раз он шутит, раз он расслаблен, раз он спокоен и его ничего не удивляет — что в таком случае Юра ещё здесь видел и что делал? Он в этом клубе как рыба в воде, но ему не место среди этой грязи. Юра совсем другой. Он — творческий человек, тонкая натура, его не может привлекать эта пошлость. Он стремится душой к искусству, к музыке, к красоте, но телом он здесь. Почему? Он никогда не пришел бы сюда сам, его привели, его заставили...

Только Володя подумал об этом, как его взгляд скользнул за Юрино плечо — Йонас стоял у бара.

— Пойду куплю воды. Тебе взять что-нибудь? — спросил Володя.

— Мне тоже воды. Пора собираться домой.

Володя поднялся. Тут же закружилась голова, его качнуло из стороны в сторону. Он с трудом стоял на ногах, но это не повод не поговорить с Йонасом.

Тот общался с барменом. Володя подошел сбоку, оглянулся — убедившись, что Юра не видит, резко положил ладонь Йонасу на плечо. Тот вздрогнул, повернулся.

— Ты знаешь, кто я ему? — спросил Володя по-английски.

— Мужик, спокойно. — Йонас в примирительном жесте выставил перед собой ладони. — Прости, я не сразу понял.

— Теперь понял?

— Понял-понял, — закивал Йонас и примирительно улыбнулся.

Володе ужасно захотелось дать кулаком по его белоснежным, будто фарфоровым, зубам, да так, чтобы рассыпались в мелкую крошку. Но он ещё не окончательно потерял рассудок, чтобы драться. Пришлось смириться и принять извинения. Володя отвернулся, уходя, и вдруг Йонас крикнул ему вслед:

— Знаешь, он всегда ко мне возвращается.

Невольно вспомнился Игорь, и это разозлило Володю ещё больше.

— Ещё и провоцирует! — зло прошипел он по-русски. Но собрался с мыслями и ответил Йонасу, улыбаясь так же фальшиво, как и он: — Больше не вернётся.

— Удачи, — бросил Йонас.

Володя вернулся к столику.

— А где вода?.. — растерянно спросил Юра.

— Прощайся с друзьями и пошли домой, — безапелляционно заявил Володя.

— Всё хорошо? — Юра подозрительно сощурился, поглядывая на бар, будто ища там причину Володиной злости.

— Пока хорошо, — буркнул Володя. — Пошли.

— Ну ладно... — протянул Юра и послушно зашагал к лестнице, попутно прощаясь со знакомыми и друзьями.

Оказавшись на улице, Володя с удовольствием вдохнул холодный воздух. Пока Юра вызывал такси, Володя молча разглядывал непонятно откуда взявшийся в его руке флайер: по пояс голые мужики в латексных шортах, а над ними надпись — «Sex party».

— Машина будет через десять минут у Ноллендорфплац — послышался Юрин голос. — Ого, — воскликнул он, показывая на флайер. — Сохрани его, отвезешь домой на память.

— Это просто антураж или буквально секс-вечеринка?

— Буквально, — хмыкнул Юра.

— И ты ходил на них? — приглушенно спросил Володя. Юра посмотрел ему в глаза, будто сомневаясь, стоит ли говорить правду, а Володя глаза закрыл. Он почувствовал себя жалким и беспомощным.

— Я присутствовал, но не участвовал, — осторожно ответил Юра. — Это было сто лет назад, и я просто сидел и пил, как сегодня.

— С ним, да? — спросил Володя, на самом деле не желая знать ответ. И вдруг эмоции, подавляемые последние полчаса, хлынули наружу: — Почему ты позволяешь ему так себя вести? Ты что, его собственность? Он распускает руки, целует! Юра, какого черта? А я в

этой истории вообще кто?!

Юра заметно стушевался, но затем тряхнул головой и уверенно произнес:

— Ты — самое главное... — он хотел сказать что-то ещё, но Володя не дал. Он резко развернулся и направился в сторону метро — нервничал так, что не мог стоять на месте. Юра в два шага нагнал его. — Володь, ну не кипятись. Ты же видел, мы все целуемся при встрече, это традиция. А рука — это недоразумение. Я даже не заметил. Да и плевать мне на неё, и на Йонаса плевать. Мне нет до него дела.

— А у него до тебя есть!

Юра тяжело вздохнул и грустно усмехнулся:

— Тебе это ничего не напоминает? «Я с ним расстался, но он всё равно пишет».

— Ты не видишь разницы между писать и домогаться?

— Он всё равно ничего от меня не добьется.

Володя остановился. Вдруг нахлынуло чувство страха, что он вот-вот потеряет Юру. Он скоро уедет, а Юра останется здесь — с Йонасом, с друзьями, с клубами, с этой улицей и со всей гнилью, что прячется за яркими фасадами. Подумаешь, на соседнем диване лезут друг другу в брюки. Подумаешь, секс-вечеринка, ведь он просто присутствует. Подумаешь, кто-то трогает Юру, ведь это случайно. Всё случайно, всё ничего не значит.

Страх стал душить — горло стиснуло, к глазам подступили слезы, руки задрожали. Володя сцепил пальцы, стал судорожно сжимать, легонько царапать ногтями кожу.

— Ты мой? — спросил он необычно низким, безжизненным голосом.

— Что? — Юра оглянулся на него. Посмотрел на руки, подошел ближе. — Володя...

— Ты ведь совсем не такой, как я думаю, да? Какой ты на самом деле, Юр? Как они все?

Юра приблизился вплотную и осторожно накрыл его ладони своими. Негромко и ласково произнес:

— Ты сейчас усталый, пьяный и нервный, поэтому тебе в голову лезет всякая чушь, которая не имеет никакого отношения к правде. Утром ты это обдумаешь и убедишься, что я прав.

Юра поджал губы. Он выглядел виноватым, ласково гладил пальцы Володи, будто

утешал своей нежностью и теплом. Володя сомневался, что сможет успокоиться, но вдруг бушевавшие минуту назад эмоции сменились чудовищной усталостью.

— Я видел всё своими глазами, — тихо и будто жалобно произнес Володя. — Как я теперь могу верить тебе?

Юра ответил так же тихо:

— Главное — не верь себе. Не такому себе, не сейчас. Завтра — да, но не сегодня. Давай так: мы вернемся к этому разговору утром, просто отложим его, но не забудем. Хорошо?

— Юра, ты мой?

— Конечно. Только твой, ничей больше.

Неважно, правду сказал Юра или нет, но от его слов полегчало. Володя судорожно вздохнул и крепко обнял его, стиснув так, что Юра ахнул.

— Вот видишь, — он сдавленно хихикнул, — а ещё пару часов назад не мог даже за руку меня взять.

Отпускать его не хотелось. Юрино тепло успокаивало, Володя прикрыл глаза и ощутил, что мир закружился. Потянуло в сон.

В кармане Юры зазвонил телефон. Он похлопал Володю по спине.

— Эй, давай не засыпай. Такси уже ждет — идём.

Всю дорогу домой Юра не отводил от него обеспокоенного взгляда, молчал. А Володя сосредоточенно рвал флайер на мелкие кусочки, а когда дело было сделано, закрыл глаза и неожиданно задремал.

Дома Юра предложил поесть, поставил что-то разогревать в микроволновку. Но, стоило Володе только подумать о еде, как к горлу подкатила тошнота. Он отказался и молча пошел наверх — хотелось уснуть побыстрее, пока Юра не пришел. Ничего у него, конечно, не вышло.

Когда минут через двадцать Юра зашел в спальню, Володя притворился спящим. Слышал, как Юра тихонько разделся и, приподняв одеяло, лег с противоположной стороны кровати. Через пару минут он придвинулся ближе, но ни касаться, ни обнимать не стал.

Володя изо всех сил старался уснуть, но в голове шумело. Под закрытыми веками всё кружилось, никак не удавалось утихомирить мысли, тревогу и стыд.

Он перевернулся на спину, посмотрел в потолок. Прислушался — Юра спокойно дышал, но было непонятно, уснул уже или нет.

Пролежав ещё не меньше получаса, Володя как можно тише вылез из кровати. Стараясь не шуметь, достал из чемодана косметичку с лекарствами, медленно, держась за перила, спустился в кухню за водой. Высыпал на стол содержимое аптечки, нашёл снотворное, вовремя вспомнил, что нужно пить половину. Пока набирал воду и разламывал ножом таблетку, услышал за спиной шелест — и когда только Юра успел спуститься?

А Юра стоял у стола и задумчиво вертел в руке рецептурный лист. Вроде вполне нормальная и правильная привычка — брать в путешествие вместе с лекарствами рецепты, особенно когда проходишь таможню, чтобы не возникло лишних вопросов в случае досмотра. Но сейчас Володя готов был проклясть свою осторожность.

— Юр, это просто снотворное, — поспешил объяснить он.

И тут же словил дежавю: ночь, кухня, таблетки, а во взгляде Юры вместо обиды или злости — только обеспокоенность.

— Что же это за снотворное такое, раз нужен рецепт?

— Ну, сильнодействующее, слабые не помогают уже... Меня давно мучают бессонница и иногда кошмары...

— ...и поэтому Игорь выписывает тебе сильные препараты, которые, по всей видимости, вызывают привыкание?

— С чего ты взял?.. — Володя не сразу сообразил, откуда Юра узнал про Игоря.

— Тут имя врача указано, — тот помахал в воздухе рецептом. — Так, и кто он? В смысле, что за врач?

— Психотерапевт.

— Ах, ну просто отличный специалист — спит с пациентом. Интересно...

— Всё не совсем так, Юр...

— И вместо того чтобы лечить причины бессонницы и кошмаров, он пичкает тебя практически наркотой... — В его голосе послышалось нарастающее напряжение.

— Юр...

— Так ты поэтому никак с ним не расстанешься? Потому что тебе рецепты нужны?

— Нет, Юра! — громко и твердо выкрикнул Володя. — Я расстался с ним, это последний рецепт, который он мне выписал.

Его слова подействовали на удивление отрезвляюще. Юра вздохнул, подошел к Володе, протянул руку.

— Давай.

Володя покосился на половину таблетки, которую всё ещё сжимал в пальцах.

— Давай! Я не позволю тебе мешать сильный препарат с таким количеством спиртного! Не хочу с утра обнаружить рядом с собой труп. — И уже мягче спросил: — Что у тебя за традиция такая — на мудаков-психиатров нарываться?

Володя ничего не ответил и отдал ему таблетку, а Юра положил её на стол. Обхватил ладонями голову Володи, запустил пальцы в волосы, надавил на затылок. Володя послушно наклонился, прикрыл глаза. Юра прижался губами к его лбу.

— Прости, — прошептал Володя. — Я должен был раньше тебе сказать, просто...

«Просто боялся, что ты посчитаешь меня совсем чокнутым».

— Ничего, — перебил его Юра. — Всё хорошо. Пойдём спать. Я буду твоим снотворным.

И, пусть не сразу, но правда сработало. Юра лежал рядом, обнимал Володю, массировал виски, то и дело касался губами лба. Потом уложил его голову себе на грудь, стал гладить по волосам. Окутанный Юриным теплом, Володя слушал его дыхание и медленно, болезненно проваливался в сон.

13. В шаге от одиночества

Утром чудовищно болела голова. Едва разлепив глаза, Володя принялся ворошить память, усиленно вспоминая, что было вчера. Вспомнил клуб, выбесившего до белого каления Йонаса. Одна лишь мысль о руке, лежащей на Юрином колене, вызывала злость. Володя даже засомневался, точно ли ему не врезал. Точно удержался? Точно — он даже осмотрел руки на предмет ссадин. Не было. Похвалив себя за выдержку, Володя было убедился, что ничего плохого не сделал, и успокоился. Но тут же вспомнил разговор на улице, свои мысли, слова и ответы Юры. Это дурацкое «Ты мой?» и обещание Юры

разобраться во всём завтра. Завтра наступило, но возвращаться к разговору не хотелось.

Юры рядом не оказалось. Володя прислушался — играет. Попытался уснуть, но воспоминания снова ворвались в похмельную голову. Усугублённые мигренью мысли стали ещё более жестокими и пугающими. Желая спрятаться от них, Володя встал с кровати. Если он пока не в состоянии их победить, лучшее, что можно сделать, — просто отвлечься.

Вопреки ожиданиям, Юра вёл себя как обычно: не сторонился его, не косился, не осторожничал. Казалось, будто вчерашнего дня не существовало, и Володя был благодарен Юре за это ощущение.

Позавтракали. Володя выпил аспирин и средство от похмелья, которое не особо помогло. Юра хотел остаться дома, чтобы Володя ещё поспал и пришёл в себя.

— Логично, но завтра мой последний день здесь, а я так и не видел Берлина, — заметил Володя. — Поехали гулять, пока светло, а по пути зайдём в какой-нибудь бар — выпью пива и очухаюсь. Тоже мне турист — был в Германии, а немецкого пива даже не попробовал.

— Договорились, только сначала отвезу тебя в бар, — строго сказал Юра. — Ходить будем много, тебе полумёртвому не осилить.

Володя не любил крепкий алкоголь и сегодня утром вспомнил почему. А пиво — не любил и подавно. Володя его просто не понимал: горькая, дурно пахнущая водичка — ни освежиться, ни насладиться вкусом, только голова тяжелеет. Но так он рассуждал трезвым и в отношении только русского или украинского пива, другого он попросту не пробовал — неинтересно. А Юра в немецком разобрался.

— Эх, жаль, что сейчас зима, — сказал он, заходя в бар на окраине Берлина. — Летом приедешь, пойдём в биргартен — там столики в саду под открытым небом. Красота.

— Мне и здесь хорошо, — ответил Володя, обводя взглядом небольшое, переполненное народом, но уютное помещение со сводчатым потолком.

— Так, судя по твоим рассказам, лагерь ты не любишь, — протянул Юра, изучая меню.

И, ни о чём не спрашивая Володю — всё равно не разбирается, — сделал заказ. С лёгкой бравадой в голосе заявил, что раз он за рулём, то себе возьмёт безалкогольное.

Пить пиво с Юрой оказалось неожиданно сытно. Володя рассчитывал, что они зайдут на полчаса, выпьют по бокалу и двинутся дальше, но не тут-то было. Помимо пива, на столе оказались какие-то солёные кренделя, две огромные порции колбасок и гора квашеной

капусты. Всё это выглядело неаппетитно: бублик чёрствый, колбаски — слишком жирные, а капуста — будто уже пережёванная кем-то. Но на деле каждое блюдо оказалось невероятно вкусным. Пиво с очень густой пеной было до того плотным, что Володе казалось, будто он его не пьёт, а ест. Под Юриным довольным взглядом Володя наслаждался каждым кусочком и глотком и не заметил, как стол опустел, а в голове — просветлело.

Отправились гулять. Юра запланировал действительно длинный пеший маршрут. Неизвестно, сколько километров они прошли, но увидеть и сфотографировать успели многое: здания музеев, соборы и площади, бундестаг и Бранденбургские ворота. Но всё равно посмотрели недостаточно — не заглянули ни в один собор, музей или дворец.

В самом центре Берлина Володе очень понравилось. Его, тесно связанного с архитектурой, не мог оставить равнодушным немецкий классицизм. Но общее впечатление осталось не самым приятным: Берлин — серый, чопорный, помпезный город с каменным телом и холодной душой. Но вот Юра — другое дело, Юра — украшение. Он, словно магнит, весь день притягивал к себе Володин взгляд.

Когда стемнело, улицы вспыхнули фонарями и огнями рождественской иллюминации. Берлин стал немножко добрее и теплее, а Юра с Володей окончательно устали и замёрзли. А их ведь ещё ждал такой же долгий путь к машине.

— Тут неподалёку наш комьюнити-центр, пара кварталов всего. Пойдём погреемся там, отдохнём, чаю попьём, — предложил Юра, шмыгая носом.

— Что за комьюнити-центр? — уточнил Володя. — Чьё комьюнити — музыкантов?

— Нет, не музыкантов, — снисходительно улыбнулся Юра. — Хотя музыканты в нём тоже состоят.

— А... понял. Ну пойдём — покажешь.

Комьюнити-центр располагался в обычном жилом доме. Володя ожидал, что вход в него будет спрятан в подворотне, но нет. Внутри прямо с улицы вела самая обычная дверь, возле которой висели плакаты: ничего провокационного — только улыбающиеся люди и радужный флаг. Слегка пахло краской. Под окнами несколько девушек тщетно пытались отмыть свежие граффити.

— Что там было написано? — спросил Володя, когда они оказались в вестибюле.

— «Педики», — равнодушно ответил Юра, снимая пальто.

— То есть всякие уроды знают, что здесь находится?

— Да. — Юра пожал плечами и протянул Володе вешалку. — Но волноваться не нужно: полиция нас защищает.

Внутри комьюнити-центр выглядел таким же заурядным, как и снаружи. В холле со светлыми стенами, сплошь покрытыми плакатами, располагалось несколько диванчиков, столики и множество дверей. Странно, но центр не производил впечатления неприветливого общественного места, здесь царил дружелюбная, даже домашняя атмосфера. Людей было немало, некоторые — обычные, как Володя, некоторые — яркие, как Юра. И девочки, и мальчики, и трансгендеры, правда, не настолько приятные, как Анна.

Усадив Володю на диван у прохода, Юра отправился за чаем. Он остановился возле какого-то парня и что-то сказал ему на немецком, потом поговорил с какой-то женщиной. Не отводя от него влюблённого взгляда, Володя прислушивался к немецкому в Юрином исполнении. Юра говорил на нём и раньше, но слишком мало — произнёс буквально пару слов у билетной кассы или в магазине, а вчера в шумном клубе Володя почти ничего не смог разобрать. Но здесь он прекрасно слышал его голос — разговор выдался достаточно длинным.

«С чего вообще люди взяли, что немецкий — грубый язык?» — подумал Володя, начисто игнорируя весьма грубоватые разговоры, звучащие вокруг него.

И снова, всего за один этот день, он умудрился узнать о Юре что-то новое. Внимательно глядя и слушая, он пытался понять, не показалось ли ему, будто Юра менялся при общении с другими. И правда — менялся. С Володей он говорил вкрадчиво и негромко, сопровождая слова лукавыми взглядами. Но на людях магия исчезала: Юра становился серьёзным, а иногда — высокомерным. Его природная мягкость и чувственность проявлялась исключительно редко и ненадолго, так что всё это открывалось только для Володи и принадлежало только ему.

Вернувшись с двумя дымящимися стаканчиками, Юра уселся рядом. Поставил чай на столик, и только сейчас Володя заметил, что на нём лежало множество листовок на разных языках, в том числе и на русском. Он взял одну из них, намереваясь прочесть, но отвлёкся — хлопнула дверь, и на пороге появился Йонас.

— Да ты издеваешься!.. — возмутился Володя.

— Эм... — Юра растерялся. — Вообще-то, его здесь быть не должно.

— Тогда что он тут делает? — приглушённо спросил Володя. Он бы выразился куда громче и грязнее, если бы не похмелье, из-за которого весь день был вялым.

— Йонас — директор комьюнити-центра, но обычно в это время его здесь нет, — вздохнул Юра. — Только не злись, ладно?

Не успел Володя ответить, как Йонас подошёл к ним и с улыбкой протянул руку сначала Володе, затем — Юре. Стараясь не показывать своего раздражения, Володя пожал её. И Йонас без лишних разговоров ушёл. Такое поведение Володю устроило, он даже расслабился.

— И часто ты сюда ходишь? — спросил он, осторожно отпивая горячий ароматный чай.

— Раньше часто бывал, теперь захожу раз в год. — Юра пожал плечами и, покосившись на Володю, добавил: — И не ради Йонаса. Тут, кроме него, много замечательных людей.

— Тоже бывшие? — спросил Володя. Вообще-то, он пошутил, но прозвучало серьёзно.

— Перестань, — сердито буркнул Юра.

— И чем этот... Йонас тут занимается?

— Вообще, он состоит в Социал-демократической партии Германии и борется за наши права.

— За какие права? У вас и так всё есть, вы полностью легализованы.

— Если под «легализованы» ты подразумеваешь, что нас не бьют на улицах безнаказанно, то да. Но у однополых пар нет таких же прав, как у... — Юра изобразил пальцами кавычки и, закатив глаза, произнёс: — «Натуралов». Поэтому наши активисты сейчас борются за легализацию однополых браков.

— Зачем? — спросил Володя, на самом деле особо не интересуясь.

— Брак даёт права. Например, право на посещение в больнице как родственника, право на льготы на налоги, на усыновление детей, особенно важно — собственных, общие банковские счета. Что там ещё? А, да. Право не свидетельствовать друг против друга в суде. Ну и так далее.

— Ясно, — кивнул Володя и посмотрел на часы. Он согрелся, но ещё недостаточно отдохнул, и Юра явно тоже. Взяв в руку листовку, спросил: — А чем занимается этот центр? Кроме борьбы за права.

— Много чем, — Юра пожал плечами. — В первую очередь он существует для объединения людей. Чтобы помогать с юридическими, медицинскими и психологическими проблемами, — протянул он, и Володя ощутил его беглый взгляд на своём лице. А Юра

продолжил: — И не только геям, но и их семьям и близким. И не только гражданам Германии, но и их партнёрам из других стран... — Юра посмотрел Володе в глаза. — Или просто иностранцам, которых преследуют на родине. Во многих странах до сих пор гомосексуалов сажают, кастрируют или вообще казнят. Нужно помочь им уехать оттуда и предоставить убежище в Европе.

— Да уж... — Володя поёжился. Ему вспомнился психиатр, который работал с ним в юности. — В Германии жить хорошо.

— Я бы сказал, в Германии жить можно, — Юра подчеркнул последнее слово, — но здесь есть свои проблемы.

— С какими сталкивался ты? — обеспокоенно спросил Володя.

— Я? — Юра улыбнулся. — Да в общем-то ни с какими. Но многие жаловались на медработников, например. Врачи не могут отказать в лечении потому, что ты гей, но гомофобы есть везде. Так вот, такие доктора мимикой, или тоном, или «случайными» фразами дают понять, что ты им противен. Бывают и те, кто откровенно хамят, не воспринимают проблемы всерьёз или того хуже — винят во всём твой «аморальный» образ жизни.

— Хм, — протянул Володя, поглядывая на стоящего рядом трансгендера и вспоминая Анну — если геям сложно, то им как?

Юра же покосился на дверь одного из кабинетов и рассеянно продолжил:

— В комьюнити-центре не только свои врачи, но и список больниц, где нормально относятся к геям, контакты конкретных докторов, которые не будут считать тебя человеком второго сорта.

— Ясно, — протянул Володя, глядя на Юру — тот вертел в руках пустой стаканчик и постоянно косился на часы, будто кого-то ждал. Они уже допили чай и достаточно отдохнули, можно было уходить, но Юра словно тянул время.

— Может, пойдём? — спросил Володя.

Юра покачал головой и смущённо улыбнулся:

— Я опять надел твой носок и натёр ногу. Давай посидим ещё чуть-чуть?

— Раз тут есть врачи, попроси у них пластырь, — хмыкнул Володя. — Что толку сидеть? За пять минут мозоль не заживёт.

Юра не ответил, лишь поджал губы и молча смял в руке бумажный стаканчик. Володе

показалось, что он занервничал.

Они просидели в молчании ещё минут пять, и Володя не выдержал, прямо спросил:

— Кого ты ждёшь?

— Хочу познакомить тебя с одним очень хорошим человеком, — признался Юра.

— С кем? — Володя напрягся.

— С моим другом.

— Юр, скажи честно, ты это подстроил?

— Ну, разве что самую малость, — он улыбнулся. — А вот и она.

По коридору шла рыжеволосая женщина лет сорока. Приятная, ухоженная, улыбка — одним своим видом она располагала к себе. Юра поднялся с дивана и окликнул её. Она подошла, перекинулась с ним парой слов, пожала Володе руку и по-английски представилась:

— Добро пожаловать в наш центр. Мы всегда рады новым лицам. — Она тряхнула медными волосами. — Меня зовут Ангела, я — психоаналитик.

— Ага, — только и произнёс Володя.

Он завис на несколько секунд, осознавая происходящее, и разразился издевательским смехом. Сквозь похмельную вялость рвалась злость, но Володя опасался открывать рот — знал, что если начнёт высказывать Юре, что думает по поводу его манипуляций, то уже не остановится и сорвётся на крик. Юра это, видимо, понял и затараторил без остановки, не давая Володе вставить и слова:

— Володя, я знаю, что ты злишься. На твоём месте я бы вообще взбесился, но выслушай меня, пожалуйста. Ангела — очень опытный врач. Помнишь, я говорил о предвзятом отношении к геем? Так вот, она не такая. Я ничего не хочу, не прошу и ни на чём не настаиваю. Я просто познакомил тебя с ней. Ты знаешь её имя, она — твоё. И всё.

Володя молча покачал головой, надел пальто и быстрым шагом направился к выходу. Юра бросился за ним. Володя молча злился, а Юра, после того как указал короткий путь до машины, заговаривать не решался.

За полчаса преодолев почти два километра, вышли к парковке.

В машине Юра взял Володю за руку и, глядя с мольбой в глаза, произнёс:

— Прости, я был неправ. Я должен был сказать тебе, куда мы идём и зачем.

— Поехали домой, — только и ответил Володя.

— Ты простишь меня?

— Если я скажу «да», ты будешь доволен? — спросил Володя. Видя, как Юра стушевался, он отрезал, даже не пытаясь казаться искренним: — Тогда да.

— Ладно, — неуверенно пробормотал Юра. — Дома поговорим.

Уж чего-чего, а говорить Володе не хотелось. Чувства, что он испытал за последние полчаса, были подобны падению метеорита — сначала злостью полыхали в груди, потом рухнули на плечи тяжёлым камнем обиды. Он часто испытывал и злость, и разочарование, и досаду, даже агрессию, но обиды не чувствовал уже много лет. Даже забыл, до чего болезненное это ощущение.

Они доехали до дома, в полном молчании переоделись. Володя, не зная, чем себя занять, сел на диван.

— Ты чего-нибудь хочешь? — осторожно спросил Юра, зайдя в гостиную. — В смысле, вообще всё что угодно: поесть, поделать, наорать на меня?..

Володя молчал. С трудом пожал ноющими под тяжестью обиды плечами и, отвернувшись от Юры, уставился в окно.

— Володя, ну не молчи! — продолжал донимать его Юра — в его голосе отчётливо слышалось отчаяние.

Володя тяжело вздохнул и устало произнёс:

— Что мне сказать?

— Что мне сделать, чтобы всё стало как раньше?

— Мне надо поработать, Юр.

— Ты шутишь? — Юра не поверил, но, поймав на себе серьёзный взгляд Володи,

прошептал: — Ладно, как скажешь.

Володя соврал. Он не собирался работать, ему просто хотелось побыть одному. Оказавшись в кабинете, сел за стол с компьютером, но не стал его включать. Вгляделся в отражение в тёмном экране — неужели он похож на ненормального? На усталого, разочарованного, слабого — может быть, но точно не на ненормального. Но что на этот счёт думал Юра? Может быть, он правда псих? Ведь сумасшедшие не осознают ненормальности своих мыслей или действий. «Ну нет, — отмахнулся Володя. — Это бредево и пошло». Он поставил локти на стол и, сняв очки, спрятал лицо в ладонях.

Едва они стали парой, как Юра тут же захотел отправить его к врачу? Что это вообще значит? Зачем? Неужели Володя действительно кажется Юре психом? А с другой стороны, что ещё он должен был подумать, когда узнал столько подробностей Володиной жизни? И про его тягу к самоистязанию, и про панические атаки, и про зависимость от снотворного. Ещё и та вчерашняя пьяная сцена ревности...

За спиной послышался шорох. Володя не видел, но чувствовал — Юра стоял на пороге. Вскоре он его услышал — Юра неуверенно постучал в дверь собственного кабинета. Тихо подошёл, обнял Володю со спины и зашептал в шею:

— Прости, прости меня. Я не собирался копаться в твоей голове. И Ангелу не просил. И не стал бы просить!

— Только мы стали парой, как ты повёл меня к психиатру. Что я должен думать, Юра?

Он судорожно вздохнул, коснулся губами Володиной щеки и затараторил:

— Ты обещал расстаться с Игорем навсегда, так? Я уверен, ты сдержишь своё обещание. Но я понимаю: порвав с ним, ты лишишься врача, который выписывал тебе рецепты. Помнишь, я говорил о списке гей-френдли докторов? Так вот, такие списки есть по всему миру. Если захочешь, Ангела найдёт хорошего специалиста в Харькове и перенаправит тебя к нему. А ещё ты можешь общаться по скайпу с ней...

Володя не нашёл что ответить. В чём-то Юра был прав. В конце концов, предложи он познакомить его с психоаналитиком, разве Володя согласился бы? Вряд ли.

Повисла напряжённая тишина. Юра прижался носом к уху Володи и снова заговорил. Слова перебивал шум его же дыхания.

— Если захочешь, позвони ей как-нибудь потом. Когда сам захочешь. Или вообще никогда. Это только твоё решение. Я хотел просто вас познакомить. Только это и больше ничего!

— Правда? — Володя развернулся к нему, посмотрел в испуганное лицо.

— Да! — Юра судорожно улыбнулся. — Я, конечно, тот ещё идиот. Когда планировал вашу встречу, даже представить не мог, как жутко это будет выглядеть со стороны.

Продолжая сидеть в кресле, Володя уткнулся лбом в его живот и с явным облегчением выдохнул. Но снова ничего не ответил.

Юра обнял его за плечи одной рукой, а другой стал поглаживать волосы и печально прошептал:

— Не могу не думать о том, что скоро ты уедешь. И мне ужасно хочется сделать так, чтобы там, в Харькове, ты ощущал моё присутствие. Поэтому я подумал о психоаналитике, чтобы ты мог делиться с ним переживаниями. — Юра замолчал на секунду и неуверенно хмыкнул: — Но, как видишь, Остапа понесло.

На сердце полегчало. Вчерашнее действительно не имело значения. Всё нормально. Юра не считал его психом, он просто беспокоился и, пусть нелепо, но искренне хотел помочь ему справиться с неминуемым одиночеством.

Володя поднял голову. Взглянул снизу вверх на Юрино лицо и, прочитав на нём тревогу и грусть, устало закрыл глаза. Юра тяжело вздохнул, погладил Володин лоб, брови и веки.

Этот неловкий порыв нежности окончательно растопил сердце, и Володя глухо произнёс, прижимаясь губами к Юриному животу:

— Но я буду ощущать твоё присутствие, а ты — моё. Скайп и аська ведь никуда не денутся.

— Но человек рядом... — неуверенно прошептал Юра, так и не закончив свою мысль.

— О, если ты имеешь в виду женщину, которая будет болтать со мной, то для этого у меня есть Маша... — невесело хмыкнул Володя.

Юра рассмеялся, а Володя, всё ещё подавленный, ответил улыбкой.

Обычно в Юрином доме всегда звучала музыка. Он либо играл сам, либо ставил пластинки или диски. Казалось, Юра позволял тишине господствовать, только когда они спали, хотя кто знает, быть может, и тогда на кухне негромко шелестело радио. У Володи

сложилось впечатление, что тишине здесь просто не место. Но сегодня, в их последний день вместе, дом погрузился в безмолвие.

Володя проснулся один. Прислушался, ожидая услышать фортепиано, но по обоим этажам разносился лишь один звук — монотонный стук стрелок часов.

Юра сидел на кухне и, кутаясь в белый махровый халат, задумчиво дымил сигаретой.

— Доброе утро, — поздоровался Володя и сказал с укоризной: — Ты же знаешь, я не люблю, когда ты куришь.

Юра поднял на него взгляд и улыбнулся.

— Привет. Всё-всё, больше не буду. Не ожидал, что ты проснёшься так рано. — Он затушил сигарету и потянулся за поцелуем.

— Пепельница, — буркнул тот. — Ещё и на голодный желудок небось.

Юра закатил глаза.

— Да ел я, ел. И тебе приготовил. Вот. — Юра поставил на стол тарелку с бутербродами. — Садись.

— Ну что, последний день... — констатировал Володя — улыбка начала сходить с Юриного лица. — Что будем делать?

— Как насчёт сдать билет? — хмыкнул Юра.

— Заманчиво. — Володя грустно улыбнулся. — Юра, я очень хочу остаться, но работа... С февраля стартует очень крупный проект, и от его успеха зависит репутация компании.

— Значит, мы никуда не пойдём, на весь день останемся дома. Только мы и никого больше, — перегнувшись через стол, Юра взял его за руку. Улыбнулся, но вместо улыбки получилась какая-то гримаса.

— Согласен, — только и ответил Володя, сжимая его пальцы.

Лучше бы они всю неделю провели только вдвоём, ведь стоило им оказаться среди других людей, как их отношения если не дали трещину, то уж точно пошатнулись.

Будто прочитав его мысли, Юра сказал:

— Так жалко времени, потраченного на клуб. Вернуть бы тот вечер и никуда не ходить.

— Ну, — Володя скептически сощурился, — зато я узнал, что представляет из себя твоё окружение.

— Не обобщай. — Юра покачал головой и налил себе ещё кофе. — С ними мы встречаемся редко, а моё окружение — музыканты.

— И именно с ними я не познакомился, — хмыкнул Володя. — Очень жаль.

— Ничего, как-нибудь познакомлю, — пообещал Юра.

— А они знают, что ты гей?

— Близкие знают. А вообще, я не скрываю свою ориентацию, но и не демонстрирую её. Хотя если спросят — отвечу честно. Правда, лезть в личную жизнь у нас как-то не принято.

— А близкие как узнали? — Володя допил кофе и отправился помыть чашку.

— Давным-давно, когда собирались на вечеринку, я сказал, что приду со своим парнем. И всё. — Юра тоже поднялся, подошёл к Володе и передал ему грязную посуду. Строго посмотрев, Юра добавил: — Только давай без этих «опять он», ладно?

— Хочешь сказать, этот твой х... Йонас трётся и с ними?

В ответ Юра пожал плечами.

Когда Володя закончил уборку, они, не сговариваясь, пошли в кабинет. Юра поставил пластинку с классикой. Музыка казалась смутно знакомой, но Володя не смог бы назвать композитора, а тем более — произведение. Впрочем, он даже не старался вспомнить — думал совсем о другом.

— Юр, тебе не кажется странным, что Йонас везде?

— Это не странность, а закономерность, — ответил Юра, сядя рядом на диван. Откинувшись на спинку и, глядя Володе в глаза, объяснил: — За шесть лет отношений у нас, конечно, появились общие друзья. Он успел познакомиться со всеми моими, а я — с его. Йонас очень общительный, он, — Юра задумался, — не помню слова... Вклинился? Внедрился? Влился в нашу компанию, а я — в его. Ну и знаешь, как бывает: после расставания друзья-то никуда не деваются. Йонас стал частью моей компании, а я — его. Неудивительно за шесть лет, правда? Поэтому тебе кажется, что он везде.

— Да, — задумчиво протянул Володя, — не поспоришь, шесть лет — это долго.

— Не настолько, как может показаться. Мы расходились и сходились, ссорились и

мирились. И, кстати, это вовсе не значит, что я был у него один. И тем более не значит, что он был один у меня. — Юра положил голову Володе на плечо. — Я ведь плохой человек, понимаешь? Я эгоистичный, капризный, помешанный, заикленный на творчестве, со мной тяжело и скучно...

Из всего сказанного Володя зацепился за одну-единственную фразу. «Не значит, что он был у меня один», — мысленно процедил он. Значит, они изменяли друг другу. Юра изменял! Он был с кем-то другим, спал с кем-то другим, когда Йонас — как бы Володя ни ненавидел его, — Юрин парень, ждал его дома. Всё это делал он, тот самый Юра! Тот самый парнишка из «Ласточки», талантливый и хулиганистый, чьи щёки заливались краской, когда Володя касался его руки. Тот, кто плакал под ивой в ночь их расставания, совсем не похожую на этот их последний день. Тот, кто писал ему пылкие, полные любви и тоски письма, высылал брошюры и фотографии, будто безмолвно крича: «Не бойся быть собой, помни меня, люби меня!» Тот Юра, что до сих пор снился ему.

Осознание этого толкнуло бы Володю в пропасть разочарования. Толкнуло «бы» — если бы не одно но. Юра произнёс это так грустно и искренне, что стало понятно: он жалел о своих поступках.

— Я не хочу осуждать вас. — Последнее слово далось Володе с трудом, встав костью поперёк горла — он не произнёс, а выплюнул его. — Юра, пусть вам и было тяжело вместе, но раз уж ты выбрал человека, то он должен быть единственным. Либо будь верным до конца, либо расстанься с ним. Иначе какой смысл вообще состоять в отношениях?

— Смысл такой же, как если бы у нас никого не было. Такая у нас получилась «любовь». Мы были моложе и проще.

Юра обнял его за талию и прижался щекой к шее. Вдыхая запах Юриных волос, Володя закрыл глаза. Ему было одновременно хорошо и больно. Но из-за чего именно больно, не мог понять. Из-за неизбежного расставания? Из-за Юриного прошлого и своего прошлого? Из-за того, что Юрины слова о Йонасе внезапно натолкнули на воспоминания об Игоре, о его изменах?

Всё это было неправильно. Всего того, что случилось с Юрой и Володей за двадцать лет разлуки, не должно было произойти. Знай тогда Володя, как всё обернётся, многое сделал бы по-другому. Если бы знал. Но сделанного не воротишь — ни Володе, ни кому-либо другому. О прошлом можно жалеть, но незачем его бояться. Именно будущее пугало по-настоящему — неизвестностью предстоящего.

— Юр, — шепнул Володя ему в макушку, — а что будет с нами? Что дальше?

— Самолёт. Интернет. Весна, — перечислил Юра. — А летом мы вместе будем в

Баварии. Ты ведь приедешь, правда?

Он оторвался от груди Володи, приподнялся. Володя посмотрел в полные надежды глаза и нахмурился.

— Я не могу столько ждать.

— Как будто у тебя есть выбор, — скептически хмыкнул Юра.

— Конечно есть! — воскликнул Володя. — Мы, блин, взрослые люди! Неужели не решим банальную задачу встретиться раньше? Приезжай ко мне. Разбирайся с заказами и приезжай, как только сможешь!

На смену беспросветной грусти пришло воодушевление: ведь правда — их проблема и не проблема вовсе, а временная трудность. Юра задумался. Встал с дивана, принялся мерить шагами кабинет, размышляя вслух:

— У меня два заказа. Один почти готов, там осталось чуть-чуть поколдовать с аранжировкой. Но второй заказ большой, и я к нему даже не приступал. Заказчик сам не знает, чего хочет, а у меня идей как не было, так и нет.

— И как долго ты будешь его писать?

— Закончу к концу марта. Нужно много треков, но, если очень постараюсь, освобожусь раньше.

Володя тоже встал с дивана и заключил Юру в объятия.

— Вот это уже разговор, а то всё «летом да летом», — сказал он, улыбаясь. — Что можно сделать, чтобы ты закончил раньше?

От былой грусти не осталось и следа, и Юра улыбнулся.

— Вернуться к жизни по графику.

— Завтра вернёшься, — сказал Володя, разворачивая и толкая его на диван. — Всё завтра.

Юра неловко плюхнулся и рассмеялся. Его халат, держащийся на одном только поясе, распахнулся — одежды под ним не было. Юра попытался прикрыться, но Володя остановил его. И всё стало так, как должно быть.

По дому разносились звуки бодрого марша, прогоняя тишину. Подхваченный ветром

снег бил в окно, тонкое стекло сдерживало холод, оберегая тепло этой комнаты. Серебряные лучи зимнего солнца слабо пробивались сквозь тучи, но с каждой минутой проигрывали всё больше и больше. Наконец мрак вынудил Юру оторваться от Володи и, хотя часы показывали всего полдень, включить лампу. Тёплый жёлтый свет разлился по комнате, озарив десятки лиц, что беззастенчиво пялились на них с фотографий на стенах.

— Я не настаиваю, — произнёс Володя, отдуваясь. — Но мне было бы приятно, если бы ты убрал фотографию Ионаса.

— О твоей ревности будут слагать легенды! — прыснул Юра. — Но мне нравится.

Он вздёрнул бровь, с вызовом уставился на Володю. Но ни одна мышца не дрогнула на его лице, провокация не сработала, и Юра, закатив глаза, повиновался — снял фотографию.

— Ты слушаешь, что я написал для тебя? — спросил он, ложась рядом с Володей.

— Конечно. А давай прямо сейчас послушаем твою музыку?

— Нет уж. Это написано для того, чтобы слушать в одиночестве. Тем более мне будет интересно узнать, понял ли ты мой замысел.

— Какой замысел? Что ты имеешь в виду?

Юра рассмеялся.

— Мои истории, написанные для тебя.

— Музыкой, что ли? — не понял Володя.

Глядя на его недоумевающее лицо, Юра рассмеялся.

— Конечно музыкой! Музыка тоже способна рассказывать истории. Я написал несколько для тебя. Когда приедешь и слушаешь — расскажешь их мне.

Получив такую установку, Володя всерьёз забеспокоился. Что, если он не поймёт, что хотел сказать ему Юра? Что, если вообще не разберётся? Не страшно, если Юра заподозрит его в невежестве, но если вдруг решит, что Володе на самом деле плевать на его творчество?

— Знаешь, что плохо? — спросил Володя, накрывая их обоих пледом. — Хоть я читал книжки по теории музыки, но мне всё равно кажется, что я ничего не понимаю. Ты можешь научить меня понимать музыку? Вот, например, симфония. Что это такое и о чём?

Юра подозрительно сощурился. Володя приготовился получить выговор, но Юра осторожно спросил:

— Я правильно тебя понял? Ты хочешь, чтобы я научил тебя активному слушанию? Это же проходят классе во втором!

— Думаешь, я помню, чему учили на музыке в начальной школе? — хмыкнул Володя.

— Ладно... — протянул Юра. Ненадолго задумался, вздохнул и выдал целую тираду, будто заученную наизусть: — Симфония — это философское размышление композитора. Это роман в мире музыки, в нём, как и в литературе, есть персонажи и сюжет. Симфония состоит из четырёх частей, в каждой раскрывается одна из граней человеческого существования. Первая — образ человека действующего, вторая — человека размышляющего, третья — человек играющий, четвёртая — человек в обществе.

— Давай послушаем какую-нибудь? У Чайковского, я знаю, есть. Шестая, например.

— Нет, Чайковский, а тем более Шестая симфония, — это слишком сложно. — Юра снова задумался, встал, открыл шкаф с грампластинками. — О, вот, например, Пятая симфония Бетховена. Она короткая, и ты её точно знаешь.

— Включай.

Но Юра не спешил ставить пластинку. Аккуратно перекатывая её в руках, он прочёл лекцию, точно преподаватель в институте. С одним только отличием: этот преподаватель стоял голый.

— В первой части даётся психологическая установка, точка, от которой композитор начинает рассказывать историю. Здесь сталкиваются несколько тем-персонажей. Запомни их и наблюдай, что с ними происходит дальше. Как изменяются и взаимодействуют друг с другом. — Продолжая с подозрением смотреть на Володю, Юра переступил с ноги на ногу и продолжил: — Во второй части композитор описывает окружение, раскрывает контекст. — Юра поставил пластинку, но не включил. Снова обернулся к Володе и поёжился, видимо, успев замёрзнуть. — В третьей части действие переводится в плоскость игры. В ней тоже есть контрасты, но не драматические, как в первой части, а лёгкие, радостные. Четвёртая разрешает конфликт произведения, отвечает на вопросы, заданные в предыдущих частях. Как правило, это самая быстрая часть цикла.

— Включай уже и иди скорее ко мне, — позвал Володя.

Он приподнял плед, сделал приглашающий жест рукой. Юра снова поёжился, включил музыку и послушно потопал к нему.

— Но, чтобы полностью понять симфонию, надо знать историю её создания, — сказал

он, устраиваясь рядом — Володя вздрогнул от прикосновения холодной кожи. — Например, эта симфония была написана во время Великой французской революции. Она о борьбе человека с судьбой, с роком.

Володя обнял его и прошептал в висок:

— Юр, а почему именно пластинка? У тебя что, диска нет?

— Потому что Пятую симфонию лучше слушать именно в том исполнении, что на пластинке.

— То есть, ко всему прочему, существуют плохие и хорошие исполнения, которые тоже влияют на понимание? Шикарно! — Володя невесело хохотнул.

Юра прижался щекой к его груди. Его рука, как всегда беспокойная, вырисовывала круги и линии на Володином животе.

— Эта симфония не о судьбах человечества, как было принято во времена Бетховена, она личная, от первого лица, лирический герой один — человек. Есть и другой персонаж — судьба, долг. Первая часть начинается с известного «Так судьба стучится в дверь». Духовые — глас судьбы, струнные — голос человека. Судьба доминирует. А человек боится. Слышишь страх? Теперь жалоба. Слышишь гобой? Это печаль человека.

— Ага, — протянул Володя и поцеловал Юру в лоб. А в голове тем временем пронеслось: «И как этот гобой звучит?»

Они замолчали на несколько минут, прислушались. Когда настроение симфонии сменилось, Юра подал голос:

— Это вторая часть — контрастная. Тут и марш, и танцевальность, и напевность. Слышишь, как меняется голос человека? Он становится мужественным и начинает влиять на голос судьбы. И меняет её... Она перестаёт быть ужасающей, становится торжественной благодаря чело... — не успел Юра договорить, как Володя прервал его рассказ поцелуем, рассчитывая на ответный. Но Юра отреагировал неожиданно агрессивно:

— Если не собираешься слушать, зачем просишь рассказывать? Я тут голову ломаю, как тебе всё объяснить, чтобы ты смог понять, а для тебя это так — пустяк, повод пообжиматься?! — Юра резко скинул Володину руку со своего плеча. — Ты вообще уважаешь мой труд? Думаешь, это легко — объяснять мало того что... незнающему, так ещё и тому, кому это на самом деле неинтересно? — Он грубовато вывернулся из его объятий. Встал с дивана.

Володя вскочил вслед за ним.

— Я очень серьёзен. Всё-всё, слушаем.

Он окончательно убедился, что с Юрой не то что шутить об этом нельзя, даже относиться легкомысленно категорически запрещено.

— Сядь на кресло, — велел Юра, — чтобы ничего не отвлекало. И внимательно слушай.

Володя взял его руку и потянул обратно на диван.

— Пожалуйста, не надо. Ну сжался надо мной, дураком. Я лучше усваиваю информацию, когда учитель рядом.

Юра нахмурился, но уступил и лёг. Володя обнял его, положил Юрину голову себе на грудь.

— Говори, я слушаю очень внимательно, — уверенно сказал он.

— Сначала судьба грозная, — Юра продолжил с явной неохотой. — Человек боится её, ситуация кажется безвыходной, но у Бетховена выход есть всегда. Симфония начинается в миноре, а в конце звучит почти так, как в начале, только в мажоре. Таким образом показано движение от мрака к свету.

Володя лежал, изо всех сил пытался слушать Юру и «читать» симфонию, но от жара обнажённого тела рядом уже плавился бок, а случайные прикосновения отвлекали. По Юриному воодушевлённому и сосредоточенному лицу было ясно, что он касается опасных точек случайно.

Володя размышлял, когда уже Юра позволит приласкать себя. Всё-таки они — взрослые люди с потребностями, а Юра, сам того не замечая, ещё и провоцировал, будто лежал не с живым человеком, а плюшевой игрушкой.

«Сейчас уже можно? Нет?» — сомневался Володя. Жалел, что до этого не слушал Пятую симфонию и не знал, когда там станет неинтересно — если для Юры вообще существует что-то неинтересное в музыке. И Володя не рисковал: ведь стоит не вовремя проявить ласку — и Юра не просто обидится, а наверняка не позволит повторить урок. Пришлось усиленно думать.

— Да, я слышу, — вскоре подал голос Володя. — А эта часть игровая? Да, точно. Мы сейчас находимся в игровой части!

— Правильно, — кивнул Юра, довольно улыбаясь.

— В контексте революции это, наверное, битва. А следующая, ты говорил, это...

Вдруг Володя ощутил на себе слишком пристальный взгляд. А когда заметил

закушенную губу, все мысли из головы вылетели. Музыка ушла на второй план даже для Юры. Что бы тот ни говорил, но в их последний день чужим симфониям была отведена роль всего лишь сопровождения.

Остаток дня они провели в кабинете, уютясь на узком диване. Володя предлагал перебраться в спальню, но Юра отказался — там не на чем слушать музыку. Пришлось уступить. Они вышли из кабинета, только чтобы поужинать.

— А зачем ты держишь плед с подушкой в кабинете? — спросил Володя, жуя бутерброд и кутаясь в тот самый плед. Юра тем временем ловко — в халате ему было удобнее, чем Володе, — откупоривал ром.

— Потому что по графику у меня тихий час с шести до семи вечера.

— Кстати, а расскажи подробнее про свой график? Может быть, он у тебя где-то записан?

— Нет. — Юра улыбнулся. — Не записан. Я тебе его и так расскажу.

— Расскажи сейчас, я запишу.

Юра ухмыльнулся:

— Даже так?

— Ну да. — Володя достал телефон и открыл заметки. — Мне ведь важно знать, когда тебе удобно общаться, а когда тебя лучше не отвлекать. Да и вообще...

До поздней ночи Володя дарил Юре ласку и сам получал её. Но даже в самые сладкие моменты его не покидали тяжёлые мысли.

Ведь невозможно же влюбиться во второй раз в одного и того же человека? Даже в теории такого никак не может быть, а с Володей это случилось в действительности. Но раз невозможное произошло, объяснение только одно: они — животные, и никакой святой природы в их чувствах нет, есть только первобытное, дикое. Гормоны и феромоны. Это так примитивно, но Володю действительно будоражил его запах. Ни о каком бессмертии души или судьбе в таком случае не шло и речи. Хотя бы потому, что если есть душа и судьба, значит, существовал и Бог, значит, они — грешники и должны гореть в аду. Но они горели скорее в райском пламени, чем в адском. Но горели — это правда.

Только огонь больше не согревал, а обжигал. Ведь сколько ни обнимай, ни целуй, ни говори, сколько ни копи воспоминания, всё мало — они не перевесят предстоящей тоски,

они уже не перевешивают её. Уже страшно, уже плохо, уже тоскливо. От осознания, что эти часы — последние, сжалось сердце, а в груди разверзлась пропасть. Подобно чёрной дыре, она засасывала в себя вот-вот обрётённую радость и тут же уничтожала её. И вдруг в голову закралась крамольная мысль: быстрее бы настало утро.

И утро настало. Володя проснулся по будильнику и краем глаза заметил, что Юра, лёжа рядом, даже не шелохнулся, будто не услышал его звон. Он молча уставился в одну точку.

— Что с тобой? — спросил Володя, обнимая.

— Надо вставать, — прошептал Юра.

— Юр, ну чего ты? Не грусти. Мы ведь всё сможем, правда? Это ведь не пустое обещание прийти через десять лет под иву, а реальный план действий, так ведь?

— Я не хочу становиться воспоминанием, — одними губами произнёс Юра. — Не снова.

— Всё зависит только от нас, — уверенно заявил Володя, хотя от слов Юры сердце сжалось с такой силой, будто по нему пошла глубокая трещина.

Вставать не хотелось, но пришлось. Они умылись, позавтракали — и завертелось. День пролетел как будто на перемотке, оставив в памяти лишь редкие кадры.

Сборы, вещи, чемодан. Машина. Дорога в тишине. Аэропорт. Шум, духота, толпы народа. И боль. Чудовищное усилие над собой, чтобы выпустить Юру из объятий.

А в голове — одна мысль: «Надо резко, как будто отрываешь пластырь, расцепить руки и уйти. Не тянуть — прямо сейчас, пока не осознал, пока импульс понимания не дошёл до мозга».

Но как теперь жить? Как ему, познавшему такую страсть, отпустить Юру? Как смириться, что остаётся лишь довольствоваться живой, но плоской картинкой в мониторе? И при этом всём телом помнить его пальцы: сначала нежные, а затем — яростные, до красноты сжимающие кожу. Вцепившиеся в Володю, будто тот вот-вот исчезнет.

И Володя действительно исчезал из Юриной реальности, а Юра — из его. С каждой минутой будто таял, пока окончательно не растворился в толпе.

В зале ожидания Володя набрал сообщение — наверное, во всех смыслах самое дорогое в своей жизни: «Я не сказал тебе вчера и теперь очень жалею — я люблю тебя». Но удалил

— не знал, правда то или нет. А оказавшись в салоне самолёта, написал и отправил другое, уже не сомневаясь ни секунды: «Я буду безумно скучать по тебе. Уже скучаю».

Во время взлёта ужасно разболелась голова. Володя смотрел в иллюминатор — дома, машины и дороги становились всё меньше и меньше. Солнце слепило глаза. Запах Юры испарялся с кожи.

14. Точка отсчёта

Снова погружаться в повседневную рутину оказалось сродни пытке. По возвращении домой знакомая, привычная текучка и весь налаженный Володин быт поблекли в его глазах, потеряли значение и смысл, потому что здесь не было Юры.

Раньше Володя считал, что максимально комфортно устроил свою жизнь: у него есть большой дом, дело жизни, которому он посвящает всего себя, приятели, любимое существо — Герда. Теперь же всё это превратилось в пустой ненужный фон, а на передний план вышло одиночество. Оно присутствовало и раньше, но, подобно старой зарубцевавшейся ране, не болело, если лишний раз не трогать. А неделя в Германии разбередила эту рану, разодрала её края, и единственным обезболивающим стал Юра.

Открыв двери своего дома, Володя понял, что теперь для него изменилось многое. Он был рад увидеть собаку. Был рад оказаться среди родных стен, спать в своей удобной кровати, ходить по просторным комнатам, а не спотыкаться, гулять по широкому двору. Но больше его ничто не радовало. Собака — пусть и любимое существо, но не человек, кровать — удобная, но слишком велика для него, комнаты — просторные, но пустые, двор — тусклый. Всё серое, всё пустое без Юры. Во время поездки он нашёл ответы на многие вопросы, испытал незабываемые эмоции, и его жизнь разделилась на слишком явные «до» и «после».

«До» Володя не был ни в чём уверен. Не понимал, кто они друг другу, и сам себе твердил о дружбе. Не знал, какой теперь Юра, ведь видел его лишь таким, каким он выходил с ним на связь. Был больше влюблён в воспоминания о солнечном подростке из своей юности, а не в самого Юру.

«После», хоть многие вопросы решились, других стало ещё больше. Теперь Володя понимал, кто они друг другу. Они — пара. Между ними отношения. И, может, звучало это и здорово, но они всё ещё жили в разных странах, их всё ещё разделяли километры дорог, и жизнь Володи будто замерла в ожидании Юриного приезда. А ещё теперь Володя знал настоящего Юру, понимал, чем тот живёт и, главное, кто его окружает.

Володя увидел, *что* находится за пределами его монитора и стенами кабинета. В конце концов, Володя влюбился в *этого* Юру — красивого, талантливого, взрослого. И чем сильнее Володя осознавал, какие теперь между ними отношения, тем мучительнее было возвращаться к онлайн-общению. Зная, какой Юра на ощупь, помня запах его кожи, мимику,

жесты и тёплый взгляд, очень сложно было снова брать телефон и писать ему сообщения, снова включать компьютер и звонить ему по вечерам. Помня черты его лица, не иметь возможности рассмотреть их за помехами. Помня звучание его голоса, слышать, как его искажает связь. И, хуже всего, понимая, что они вместе, что их чувства взаимны — не иметь ни малейшего шанса оказаться рядом.

С первого дня в Харькове руки так и тянулись к подаренному диску, но Володя сознательно не давал себе ставить его. Нужно было вернуться в реальность, снова начать жить, а не грезить наяву, чему явно не поспособствовала бы Юрина музыка. Володя был уверен: едва услышит первые звуки, как снова окунётся в волшебство минувшей недели и затоскует.

Усугублялось всё тем, что Юра не мог определиться с точной датой своего приезда. Они договорились на конец марта, но всё зависело от Юриных заказчиков: от того, как быстро те пришлют сценарий и как долго будут принимать работу. А главное — не передумают ли в самый последний момент, потребовав всё переделывать.

Володя с Юрой в прежнем режиме переписывались в ICQ и созванивались в скайпе. В Германии не было таких же длинных новогодних каникул, как в Украине, и Юра засел за работу сразу же, как улетел Володя.

Тот тоже решил не расслабляться и уже шестого января вышел на работу. Охранник на вахте очень удивился, увидев начальника в пустом офисе, когда все уважающие себя люди готовили рождественский стол и ждали появления первой звезды на небе. На самом деле Володя заехал в офис скорее от скуки, чем от большой необходимости. Вечером его позвали в гости Женя с Ириной, а вот что делать весь день, Володя не знал. С утра уже успел побегать с Гердой, убрать снег во дворе и даже съездить на автомойку.

Работы накопилось немного — упущенное время навёрстывать не пришлось. Однако в каникулах был и минус: отдыхали не только те, кому положено отдыхать, но и те, кому стоило бы работать. Володя выяснил, что фуру со стройматериалами для февральского проекта задержали на двое суток на границе. Хотя до праздников Брагинский звонил Володе и уверял, что всё в порядке. Вот и доверяй ему теперь.

В обед написал Юра, и Володя сразу же предложил ему выйти в скайп.

— А ты чего это в офисе торчишь? — удивился тот, как только на экране появилось изображение. — Привет, кстати.

Володя объяснил как есть — мол, скучно сидеть дома.

— И ещё тут связь хорошая, хотел тебя услышать, а не переписываться.

— Ну ты даёшь, конечно, — неразборчиво сказал Юра, что-то жуя. — Будь у меня возможность сидеть дома и ничего не делать, хрен бы кто меня оттуда вытащил.

— Ну, мне всё равно сегодня пришлось бы ехать в город к Ире с Женей, так что... Вот думаю, что Ольке купить. Спросил у Ирины, так та ругаться начала, что я её вечно балую. Ну а как к ребёнку без подарка?

Юра пожал плечами.

— Вот с вопросами про детей — это точно не ко мне. — Он засмеялся. И, видимо, услышав протяжный вздох Володи, добавил: — Хотя... Ну, если хочешь, давай подумаем. Что она любит?

— Русалочек она любит и кукол, что ещё девочки любят? Но не дарить же ей снова Барби, да и это Рождество, а не день рождения, нужно что-то чисто символическое.

Юра снова пожал плечами.

— Купи ей набор киндер-сюрпризов. Она наверняка получила кучу сладостей в праздники, а тут и сладость, и игрушка. Ну и вообще, не знаю, какой ребёнок будет не рад киндеру. У меня есть пара знакомых, кто и в сорок их любит.

Они проговорили ещё полчаса, а потом Юра ушёл работать — у него ведь всё-таки график. Отключившись, Володя обвёл взглядом пустой кабинет. Офисную тишину нарушало лишь отдалённое бормотание телевизора у охранника внизу. И как только раньше Володя мог считать эту тишину уютной?

Юра был совершенно прав: Олькино отношение к киндерам оказалось однозначным. Получив гостинец, она повисла у Володи на шее, а затем, довольная, унеслась в комнату добывать сокровища из шоколадных яиц.

Ирина посмотрела на Володю с укором.

— Вов, ну я же просила ничего не дарить, ну что за... — бурчала она, но скорее только для приличия. Понимала же, что Володя никогда не придёт с пустыми руками к крестнице.

Рождество ничем особо не отличалось от других празднований — ну разве что тем, что к столу Ирина приготовила ровно двенадцать блюд, среди которых, конечно, оказалась и

традиционная кутья. Не обошлось и без алкоголя. Но и народу было поменьше: Ира, Женя, их сын Пашка, Олькина крёстная Наташа с маленьким сыном и Маша.

Володя спокойно потягивал сок — в этот раз никто не стремился его напоить. За столом было не очень шумно — все слушали рассказ Жени о семейной поездке в Карпаты на новогодние праздники.

— ...Ну, в общем, потраченных денег оно стоит, — он уже заканчивал, — природа — безумная, туда бы съездить летом, конечно.

— Володь! — воскликнула Маша. — Так и ты расскажи же нам, как съездил в Берлин.

— О, ты был в Берлине? — удивилась Ира. — По работе или отдыхал?

Володя пожал плечами и коротко ответил:

— В отпуск на неделю летал.

— Ну и? Почему именно в Германию? Что из тебя слова вечно клешнями тянуть надо? — хохотнул Женя.

— Да блин! — воскликнула Маша, видимо, не выдержав. — Его Конев в гости позвал!

Женя посмотрел на Машу с немым вопросом в глазах, Ира нахмурилась. Они явно задумались, будто услышали смутно знакомую фамилию, но никак не могли вспомнить откуда.

— Да Юрка Конев из «Ласточки», ну вы чего! — воскликнула Маша ещё громче. — Ладно Женька его может не помнить, но ты-то, Ирин! Ты же у нас в отряде вожатой была!

— Ой! — Ирина встрепенулась. — Да ну? Тот самый Конев? Серьёзно? — Она посмотрела на Володю.

— Ну да, — кивнул тот.

Володя отвечал сдержанно, потому что сомневался, не вызовет ли пересказ его поездки подозрения. Не странно ли вот так взять и поехать в отпуск в другую страну к человеку, которого не видел двадцать лет?

Но Ирина слишком воодушевилась — отмолчаться уже не получилось бы.

— Ух ты, надо же! А ты и не говорил, что вы до сих пор общаетесь!

— А мы и не общались... Осенью случайно пересеклись, он на гастроли приезжал. — Володя кивнул на Машу. — Маша наткнулась на его афишу, показала мне.

— Гастроли? — От удивления Ирина аж прикрыла рот рукой. — Он что, всё-таки музыкант?

— Композитор и дирижёр. Приезжал со своей программой... эм... симфонией.

— Какой молодец! — Ирина хлопнула в ладоши. — А ведь таким оболтусом был, а! Женька, ты хоть помнишь его?

Женя неопределённо покрутил рукой в воздухе.

— Да ладно тебе, он в «Ласточку» лет пять подряд ездил! Такой бешеный, я вечно из-за него нагоняи от руководства получала. Он то с кем-то подерётся, то что-то разрушит... Ну помнишь, ещё скандал был, он соотряднику нос сломал, а тот оказался... — она задумалась, вспоминая, — ...то ли сыном главы горисполкома, то ли директора завода... Ты же тогда ему в нос вату запихивал, кровищи было...

— Вишневский, — подсказала Маша.

— А! — Женя поднял указательный палец. — Точно! Вспомнил!

Ира покосилась на него.

— Вот стоит только упомянуть травмы, так сразу всё вспоминаешь.

Женя только развёл руками.

— Так и что, и что, Вов? — продолжила расспрашивать Ирина. — Он в Германию перебрался?

— Да давно уже, ещё в начале девяностых.

— Ого! Слушай, обязательно дай нам его контакты, я тоже хочу с ним поболтать. Вы как, по интернету переписываетесь, да?

— В аське, — уточнил Володя.

— Ой, а давайте ему прямо сейчас напишем, может, он выйдет в скайп! — предложила Маша. — У вас же тут хороший интернет, вы же родственникам в Францию звоните постоянно!

Володя покосился на неё исподлобья, но та намёка не поняла.

— Я сейчас ему напишу! — Маша схватила свою раскладушку и начала что-то печатать.

Володя как бы между делом достал телефон, зашёл в аську и быстро набрал Юре:

«Привет. Ирина с Женей про тебя спрашивают, хотят увидеть. Если не хочешь, просто не отвечай сейчас Маше», — и добавил ряд улыбающихся смайликов, чувствуя вину за то, что придётся отвлекать Юру.

Но тот внезапно ответил:

«Я буду очень рад всех видеть, пусть звонят, дай им мой ник».

А в течение следующего получаса Женя пытался найти Юру в скайпе и настроить веб-камеру, а Ирина ходила вокруг него и сыпала советами. Ко всеобщему гомону прибавились визги Ольки и сынишки Наташи, которые чуть не подрались в гостиной из-за какой-то игрушки из киндера. А Володя нервничал, слыша где-то внутри отголоски иррациональной и совершенно глупой ревности — будто бы теперь, когда все узнали о существовании Юры в Володиной жизни, Юру придётся со всеми ними делить.

Маша дёрнула его за рукав, заговорщицки улыбнулась.

— Что ты такой хмурый, а?

— Ничего, всё нормально.

— Нет, ты хмурый, я же вижу.

— Что ты пристала? — не в силах скрыть раздражение, спросил Володя. — С тобой, Маша, конечно, в разведку не пойдёшь.

— Что? — не поняла та и озадаченно уставилась на Володю. Наконец догадавшись, зашептала: — Ты что, боишься, что кто-то что-то не то подумает? Да брось, Володь. Даже если знаешь — сложно поверить.

Вскоре Жене удалось дозвониться, и через несколько секунд в окне скайпа прогрузилось изображение Юры.

— Конев! — тут же воскликнула Ирина.

— Ну здравствуйте, Ира Петровна! — кривляясь, ответил тот и даже приветственно отсалютовал.

— Вот же! Точно ты, Конев!

— Ну а кто же ещё?

Ирина быстро сместила со стула Женю и сама уселась перед монитором.

— Как у тебя дела? Давай рассказывай!

— Мне пересказать всю жизнь за те годы, что мы не виделись? Боюсь, придётся прерываться на еду и сон.

— Как всегда паясничаешь! — Ирина довольно засмеялась. — Нам Вова уже рассказал, что ты теперь музыкант, а значит, человек серьёзный...

Может, виной тому было нечёткое изображение, но Юру явно покорило, когда Ирина назвала Володю Вовой.

— Ну не такой уж и серьёзный, честное слово. Бренчу тут потихоньку на пианино...

Между Женей и Ириной просунулась любопытная Оля.

— Где пианино? — спросила она.

— Юра, а это наша Оля. — Ирина усадила дочку себе на колени. — Оля, помаши дяде Юре в камеру. — Та без особого воодушевления помахала рукой, а Ира продолжила: — Она у нас, кстати, тоже учится играть на пианино. В музыкальную школу ходит после уроков, да? Расскажи дяде Юре, как тебе нравится играть!

Ирине, очевидно, хотелось похвастаться музыкальными способностями дочери, но Оля вдруг воскликнула:

— Нет! Не нравится! Надоело мне это пианино!

— Оля! — строго прикрикнула Ирина. — Ты чего?

Юра захохотал по ту сторону экрана.

— Ничего, ничего, Оля, я тебя прекрасно понимаю, я тоже в детстве из-под палки ходил на уроки музыки. И кому, скажи, сдалось это пианино? Сидишь, ноты учишь, какие-то этюды играешь день за днём — ну и скукотища!

— Да! Ещё и этому жирафу не нравится, как я их играю!

— Какому такому жирафу? — не понял Женя.

— Да этому — Андрею Васильевичу! Он на жирафа похож!

А дальше связь начала прерываться — буквально на самом интересном месте. Ира только начала расспрашивать Юру про жизнь и задала вопрос про семью да жену, как по изображению пошли помехи, пропал звук, а потом звонок и вовсе оборвался.

— Наверное, карточка закончилась, — пожал плечами Женя, пытаясь снова установить соединение. Подёргал провод на модеме, снова позвонил в скайпе, но тщетно.

— Эх, — вздохнула Ирина. — Ну, Вов, напишешь мне его аську, хоть там пообщаемся...

После Рождества закипела работа. Из-за задержки фуры Володя не стал верить Брагинскому на слово и всю неделю ездил с проверками по объектам. Строители подозрительно косились на него — надо же, сам директор приехал без предупреждения, да ещё и принялся совать свой нос в каждый документ, осматривать каждый угол и лично требовать отчёта от каждого рабочего о сделанной и несделанной работе. Володя старался всегда быть корректным по отношению к подчинённым, но его ужасно вывели из себя два прораба: один — запахом перегара, другой — целыми пятью «Не знаю» на заданные вопросы. Пока Володя перечислял им их обязанности, сорвал голос.

В середине недели из Твери прилетела мать. Володя поехал встречать её в аэропорт, отвёз домой, помог разобрать вещи. Квартира пустовала четыре месяца, и хотя мама выглядела куда лучше, чем до отъезда, переступив порог, заметно погрустнела. Это Володя уже привык к опустевшему родительскому дому, а мать, наверное, подсознательно ожидала увидеть мужа.

Чтобы отвлечь мать от грустных мыслей, Володя сагитировал её к походу за продуктами, чтобы заполнить пустой холодильник. Потом помог приготовить ужин и решил остаться до утра — побоялся оставлять маму в первую ночь одну.

Володя лежал в своей комнате, чувствуя, как непривычно пружины старого матраса врезаются в спину.

«Почему не спишь? — в одиннадцатом часу прилетело в аську от Юры. — Да ещё и сидишь онлайн».

«Только зашёл проверить, вдруг ты тоже тут, и вот удача! Сам почему не спишь? У тебя же режим!»

«Да кое-кто тут приезжал, весь режим мне сбил, не могу вот так сразу к нему вернуться, ложусь поздно, думаю... о всяком».

«О чём это?»

«Не скажу! — Юра прислал смайл, показывающий язык. — Как там мама?»

«Встретил, привёз домой, остался ночевать в родительской квартире. Лежу в своей старой постели, тут очень неудобный матрас, чувствую спиной все пружины. И как только спал на нём столько лет?»

«Это потому что меня рядом нет. Со мной тебе было бы удобнее».

Володя вздохнул.

«Да, Юр, с тобой мне было бы удобно спать даже на тибетских колючках».

Юра некоторое время молчал, а потом написал:

«Хотя не исключено, что со мной тебе в спину упиралось бы нечто другое».

«Юра!»

Тот прислал в ответ хохочущий смайлик.

«Ладно, я пойду спать. Надеюсь, теперь ты будешь засыпать с мыслями обо мне. Спокойной ночи».

«Спокойной». — Володя занёс было палец над смайликом с поцелуем, но в последний момент передумал. Решил, что это уже чересчур по-детски.

Засыпать с мыслями о Юре действительно было приятно, вот только уснуть получилось не сразу. Оказалось очень легко представить лежащего рядом Юру — на узком диване, тесно прижимающегося и дышащего Володе в шею. Избавиться от этих мыслей было непросто, они не давали уснуть, а стоило начать засыпать, как образ Юры становился даже более чётким, почти осязаемым. А понимание того, что это лишь фантазия, навевало тоску — когда ещё они смогут заснуть в одной кровати в реальности?

С утра мама значительно оживилась. Проснулась раньше Володи, приготовила завтрак,

разбудила его.

Вечером, утомлённая после дороги и грустная, она молчала, а вот теперь разговорилась. Пока Володя ел сырники и пил кофе, она пересказывала свою поездку. Володя довольно быстро запутался в хронологии событий — мама имела привычку перескакивать с пятого на десятое. Он слушал вполуха, одновременно желая Юре доброго утра в ICQ. Тот был офлайн, но Володя всё равно решил ему написать:

«Вчера еле уснул, всё думал о тебе. Караул какой-то, если так продолжится — совсем спать не смогу», — и добавил смеющийся смайлик.

— Детки у неё, конечно, такие карапузы, — говорила мама, наливая себе чай. — И вот вроде, знаешь, новорождённые всегда такие... страшенькие, а эти — просто прелесть! Вова в близняшках просто души не чаёт, ходит их качает постоянно, что-то рассказывает — хотя что они ещё понимают, им месяц от роду! Алина даже раздражается: как Таня привозит их в гости к деду, так он обо всём забывает. И никому не даёт с ними возиться, даже подгузники сам меняет! Такие забавные. Вова же облысел уже, а у малышей волосы только-только появились, да и светлые совсем, незаметные. Он внучек на руках таскает, ну натурально трёхголовый лысый Змей Горыныч!

Володя вопросительно посмотрел на маму, пытаясь представить, что за монстра она выдумала. Он запутался в именах ещё сильнее, чем в хронологии событий, и за последние пять минут потерял нить повествования. Попытался разобраться: Вова — двоюродный брат, Алина — его жена. Таня — какая-то их родственница, но о каких ещё близнецах рассказывает мама?

— Мам, я запутался, откуда взялись близнецы?

Она удивлённо на него уставилась.

— В смысле, разве я тебе не говорила? Таня же родила!

Он кивнул, но всё равно мало что понял.

— А Таня?..

— Сынок, ну что у тебя с памятью? Таня — дочка Вовы. Близнецы — его внуки. — Она задумалась на несколько секунд, а потом добавила: — Ты, наверное, им двоюродным дедом приходишься.

На пару минут Володя завис. Он помнил, что Вова рано женился, ещё лет в двадцать, и что дочка у него родилась вскоре после свадьбы. И понятно, что она уже взрослая, и неудивительно, что уже родила, вот только у Володи с братом разница всего четыре года, а

тот уже дедушка? У самого Володи не было детей, и вряд ли когда-нибудь появятся, а у его двоюродного брата уже есть внуки! И, будь Володя обычным мужиком с гетеросексуальной ориентацией, наверняка уже был бы женат и имел если не внуков, то точно взрослых детей...

Мама обеспокоенно посмотрела на него.

— О чём задумался, сынок?

— Да так, — отмахнулся он. — Удивился, если честно.

Мама была явно не тем человеком, с кем он мог поделиться своими настоящими переживаниями.

— Да уж, сынок, тебе тоже не мешало бы задуматься о семье и детях, всё-таки уже такой возраст, а ты...

Она не укоряла и не нравовчала — просто констатировала давно известный факт, но внутри тут же поднялась волна раздражения.

— Мам, не заводи опять эту шарманку, прошу.

Она поставила на стол перед Володей корзинку с печеньем и села напротив.

— Сынок, я ведь не пытаюсь обидеть, ты же знаешь, я просто переживаю за тебя. Я очень не хочу, чтобы ты остался один, понимаешь? — Она потянулась к нему через стол и взяла за руку.

Володя мысленно упрекнул себя за раздражительность. Мама действительно просто переживает. Вот только он теперь не был один. Но разве для неё это что-то меняло? Он никогда не посмеет рассказать ей о подобном — сделает только хуже и больнее: и ей, и себе. Узнай мама об их отношениях с Юрой, наверняка предпочла бы, чтобы её сын остался одиноким.

Мысль о том, что Вова стал дедом, не отпускала Володю до самого вечера. Он прокручивал её в голове, разглядывал с разных сторон, под разными углами. Эта мысль несла непонятное даже самому Володе разочарование. Но в чём или в ком? В себе — ведь в его возрасте другие, *нормальные*, мужчины имеют семьи и взрослых детей? Или в Вове — разве он, первый, к кому Володя испытал настоящее влечение, не имеет права стареть?

Володя ломал голову, решая, что сделать, чтобы избавиться от этого бесполезного и мучительного ощущения. Игорь посоветовал бы разобраться в причине этих странных чувств. И, наверное, оказался бы прав. Но Володя не хотел заниматься самокопанием. Впрочем,

пытаться подавить эти чувства тоже не стал.

Едва часы пробили восемь вечера, как Володя написал Юре, зная, что тот вот-вот появится в сети:

«Мать поделилась новостью: мой брат, Вова, стал дедом. Тот самый Вова. Помнишь?»

«Его-то забудешь, — ответил Юра без смайлов и спустя несколько секунд добавил: — Он нашу фотку порвал, когда захлопнул дверь перед моим носом».

«Он старше меня всего на четыре года, а уже дед. Поверить не могу».

«Ха! Получается, что ты тоже дедушка, Володь!» — И хохочущий смайлик.

«Ага, поздравь ещё», — громко стуча по клавишам, написал Володя. Он отчего-то рассердился. Юра, конечно, не услышал этого, но смену настроения уловил.

«Ладно-ладно, шутки в сторону. Вижу, что ты не в духе».

Володя не стал отвечать — видел, что Юра продолжает печатать.

Вскоре пришло новое сообщение, оборванное на полуслове:

«Володя, а что, собственно, тебя беспокоит? Двоюродным дедушкой можно стать и в пятнадцать, возраст тут ни при чём. Или ты...»

Юра будто бы не успел удалить лишнее и отправил сообщение как есть.

«Что я?» — подтолкнул его Володя.

«Ревнуешь?»

«Ты шутишь? Кого мне ревновать? К кому?» — Володя хотел добавить смайл, но не стал — получилось бы фальшиво.

«Слушай, ты не обижайся, если я неправ, но ты, вообще-то, написал одну строчку. Что тебя расстроило? Ты завидуешь ему, тоже хочешь семью?»

«У меня есть семья».

Да, у Володи была какая-никакая, но семья. Юру тоже хотелось бы считать её частью, но делать столь громкие заявления Володя пока не решался — наивно, да и незачем бежать

впереди паровоза. Однако Юра прав: он был немногословен, и злился, и завидовал Вове. Но было ещё кое-что сокровенное, чем Володя не делился ещё ни с кем.

«Вообще-то, да, я тоже хочу детей, но какая разница, их всё равно у меня никогда не будет», — написал он и долго смотрел на сообщение, раздумывая, отправлять ли его Юре. Вздохнул, закрыл глаза и всё же отправил.

Ответ прилетел быстро:

«Ребёнка можно усыновить».

«И кто даст это сделать такому, как я?»

«Какому “такому”? Умному? Богатому?»

«Юр, ну не надо, ты же понял, о чём я».

«Вообще-то, не понял. Если ты об ориентации, то, во-первых, попробуй это докажи, а во-вторых, даже если узнают и не разрешат в Украине, то скоро разрешат в Германии. Ты же знаешь, что активисты борются за то, чтобы нам разрешили всё это».

«Думаешь, у них получится?» — написал Володя, хмурясь.

«Я в этом уверен. Пусть не скоро, пусть через десять лет, но в Германии геям позволят вступать в полноценный брак и вполне вероятно, что в этой жизни разрешат усыновление и суррогатное материнство».

Какая разница, что там будет в Германии? Это Юрина страна, а не его, Володя как был там гостем, так гостем и останется. На улицах Берлина, в Дахау и даже в Юрином доме он ни на минуту не задумывался остаться там насовсем. Стать мигрантом? Снова? Ну уж нет. Ему ещё в юности хватило такого стресса, хотя изменения, казалось бы, были минимальные — что Россия, что Украина в те времена были практически одним и тем же.

Они переписывались с Юрой больше часа, но этот разговор не развеял Володиных сомнений, легче ему не стало, как, впрочем, и не стало понятнее, в чём дело.

Попрощавшись с Юрой, Володя получил сразу три целующих смайлика в ответ и отправился спать.

Но, прежде чем лечь, торчал у зеркала, искал морщины, седые волосы и проплешины. В детстве они с Вовой были похожи как две капли воды, а если Вова уже лысый, выходило, что

и Володя тоже может облысеть через четыре года? «Не может быть», — не верил он, оценивая свои ещё тёмные, ещё густые волосы. Пока всё было в порядке, но тем не менее нашлось два седых волоса. Володя их вырвал.

Он выпил таблетку. Лежал в кровати и разглядывал тени на потолке, устроив руку на тёплом боку Герды, заливисто храпевшей рядом. Не прошло и получаса, как Володя начал медленно засыпать. А в голове продолжала крутиться навязчивая мысль: «Вова не может постареть, он не имеет на это права». Уже проваливаясь в сон, Володя догадался, почему так испортилось настроение: он не мог простить Вове старости, ведь когда-то испытывал к нему чувства. Вова был самым первым, всё началось с него.

В тот день в Москве было солнечно, но порывы прохладного ветра уже предсказывали приближение осени. И всё же у четырнадцатилетнего Володи было аж два повода для радости.

Во-первых, родители купили ему новенький велосипед «Салют». Дожди перестали лить только сегодня, и можно было наконец вдоволь гонять по двору на зависть соседским ребятам. А во-вторых, послезавтра должен был приехать из Твери Вова. В этом году он поступил на первый курс московского института, и, пока ему не дали общежитие, тётя и дядя согласились приютить его у себя.

Володя не виделся с Вовой уже очень давно — года четыре. Последний раз, совсем маленьким, после пятого класса, он ездил под Тверь к бабушке с дедушкой. Тогда им с Вовой было весело вместе гулять и играть, ходить на речку и помогать бабушке в огороде. И Володя был уверен, что и теперь им будет очень весело вместе!

Володя затормозил у статуи с читающими девушками-пионерками. Две гипсовые фигуры в школьных платьицах, склонившиеся над учебниками, напомнили Володе, что до первого сентября осталось меньше недели.

«Ну и ничего, — подумал он. — И после школы будет время погулять с Вовой! К тому же он старше, будет помогать мне делать уроки! — Он слез с велосипеда и, поставив его у ствола высокого раскидистого дуба, залез на постамент статуи, уселся рядом с пионерками и стал болтать ногами. — А ещё можно сводить его на стройку, полазаем там, покажу ему котлован! — думал он. — А ещё поднимемся на крышу пятиэтажки, вот будет клёво!»

Планируя, где они будут гулять и как проводить время, Володя заметил вошедшего во двор высокого парня с рюкзаком за спиной и дорожной сумкой в руках. Но, даже прищурившись, не смог разглядеть его лица. И только когда тот дошёл до крайнего

подъезда четырёхэтажного дома, Володя понял: это же Вова! Он вытянулся за пять лет, стал шире в плечах, и в нём действительно было тяжело узнать мальчишку из Володиных детских воспоминаний.

Подняв увесистый велик за перекладину, даже не подумав, что быстрее будет на него сесть и доехать до дверей, Володя побежал вслед за братом. Запыхавшись и вспотев, догнал его уже на четвёртом этаже. Вова, зажав дверной звонок, обернулся на радостный крик:

— Вовка! Ты же только послезавтра должен был приехать!

— Привет, — сухо поздоровался Вова. — Ага, должен был, но билетов на сегодня не оказалось — в последний момент поменял.

Затащив велик на последнюю ступеньку и бросив его прямо на пол, Володя хотел было обнять брата, но остановил свой порыв. В спокойном взгляде Вовы было куда меньше радости, чем ожидалось.

Вова протянул ему руку для рукопожатия, совсем как взрослый. Володя нервно вытер вспотевшую ладонь о шорты. Кожа у Вовы была сухой и тёплой, он крепко сжал его руку, а Володя вздрогнул от этого прикосновения — по телу будто пропустили разряд тока.

Вова остался дольше, чем на месяц — с общежитием никак не складывалось, не всем студентам хватило мест, а новый корпус не успели подготовить к началу учебного года. Родители не возражали: Вова их нисколько не стеснял, в большой трёхкомнатной квартире у него была отдельная комната, да и вообще дома он бывал чаще всего только по вечерам и ночью. С утра уходил на учёбу, вечером — гулял с однокурсниками, потом познакомился с дворовыми ребятами постарше.

А с Володей Вова гулять не хотел. Разница в три с половиной года, которая совсем не ощущалась в детстве, теперь оказалась существенной. Володя был ещё ребёнком, пионером и школьником, а Вова — уже комсомолец, уже студент. Их интересы сильно отличались. Вова, например, увлекался мотоциклами и не разделил Володиной радости по поводу нового велика. Как-то раз Володя решил позвать его покататься в парк, даже выпросил у соседа Кольки его велосипед для Вовы, чтобы покататься вместе, но Вова отмахнулся, сказав, что ему нужно заниматься.

Иногда Вова помогал Володе с уроками, но было видно, что ему не очень-то интересно — у него самого на полке стояли учебники посерьёзнее школьных. Володя пытался несколько раз позаниматься вместе с ним, но едва ли понимал институтскую программу, и беспокоить Вову почём зря не хотел.

Наверное, Вова видел, что брат на него обижается, и будто в извинение за то, что проводит с ним так мало времени, подарил часы. Володя радовался как никогда: ведь «Монтана» были такой редкостью! Вове вручили их за победу в городской олимпиаде по физике. Он мог бы носить их сам, но отдал Володе.

Но от былой радости не осталось и следа, стоило только Володе нацепить часы на руку и нажать кнопку. Циферблат плыл перед глазами, а цифры он смог разглядеть, только сильно прищурившись. Володя знал, что у него беда со зрением, но до последнего отказывался носить очки. Вдаль он видел неплохо, а вот вблизи — хуже с каждым днём. И если с тем, что плохо видит буквы в книгах, когда читает или когда делает домашку, Володя мирился, то не видеть цифры на часах, которые подарил ему брат, оказалось катастрофой.

Володя попросил родителей отвести его к врачу. После проверки зрения окулист ругался: Володя слишком затянул, надо было выписывать очки куда раньше, чтобы зрение не падало так быстро. Но теперь — только очки с сильными диоптриями.

Вечером того же дня, стоя перед зеркалом в своей комнате, Володя вертел в руках новенькие, чистенькие очки и не решался надеть их. Очки выглядели некрасиво: чёрная роговая оправа, толстые стёкла — прямо как у его шестидесятилетнего деда. Глубоко вдохнув, будто перед прыжком в воду, Володя зажмурился и надел их. Открыл глаза и нахмурился. За последние месяцы ему разонравилось своё имя — ведь его звали так же, как брата. А теперь, чётко рассмотрев себя в зеркале, Володя увидел, как сильно похож на него и внешне.

Володя понимал, почему Вова совсем не хотел проводить с ним время. Что Вове дёшево строить парков и крыши? Всё это детские забавы, а Вову уже интересовали девушки. Володя не раз видел, как он играет на гитаре во дворе в окружении ребят постарше, видел, с каким восхищением и интересом смотрят на брата девушки. А Володя ещё ни разу не влюблялся, с девочками во дворе дружил так же, как и с мальчишками. Знал, что однажды ему тоже начнут нравиться девушки и тогда он тоже станет взрослым.

В одну ноябрьскую ночь он проснулся от скрипа половицы в коридоре. Звякнула вешалка, зашуршала одежда, тихонько хлопнула входная дверь.

Володя вскочил с кровати, схватил с тумбочки очки, нацепил их на нос и подбежал к окну, выходящему во двор. Увидел, как Вова вышел из подъезда и направился в сторону соседнего двора.

Чувство страха вперемешку с тревогой, будто неизбежно должно было случиться нечто плохое, охватило Володю. Он не понимал, чем вызваны эти чувства, и совсем не отдавал себе отчёта, когда, накинув куртку прямо на пижаму и сунув ноги в ботинки, выбежал следом за братом. Тот уже скрылся за поворотом дома — только спина

мелькнула.

Чувствуя себя шпионом, понимая, что лезет не в своё дело, Володя прокрался под стеной, спрятался за открытой дверью одного из подъездов, потом быстро перебежал освещённую часть двора и скрылся за стволом яблони.

Володя смотрел на открытую круглую площадку, вымощенную плитами, с клумбой по центру. Здесь было красиво. Сейчас, в желтоватом свете фонарей, промокшее под осенним дождём, заваленное опавшими листьями место выглядело мрачно, но статуи двух лосей с широкими тяжёлыми рогами, похожими на кленовые листья, придавали ему величественности.

По другую сторону от клумбы, ёжась от холодного ветра и обнимая себя за плечи, стояла хрупкая девушка в расстёгнутой дублёнке поверх домашней одежды. Она встрепенулась, увидев приближающегося к ней Вову, помахала рукой. Вова подошёл к ней.

Володя не слышал их разговора, но отчётливо видел, как Вова робко заключил её ладони в свои, поднёс их к лицу, согревая дыханием. Она звонко хихикнула и положила руки Вове на плечи, а тот аккуратно приобнял её за талию. Так они и стояли минуты три, говорили о чём-то, девушка широко улыбалась. Сердце Володи стучало где-то в горле, перед глазами, несмотря на очки, всё плыло, казалось, что эти минуты длятся целую вечность. Вова сказал что-то ещё, а потом подался вперёд, приблизился к лицу девушки и легко коснулся её губ.

Володя схватился рукой за яблоневую поросль, растущую у корней дерева — ему показалось, что он падает. Но это не он падал, а мир перед ним кружился. Не соображая, не видя толком ничего перед собой, Володя развернулся и рванул обратно домой. На выходе со двора наступил в глубокую лужу, промочив ботинок, а в подъезде чуть не споткнулся о ступеньку.

Сбросив обувь и куртку, он влетел в свою комнату, упал на кровать, накрылся с головой одеялом и постарался унять дрожь. Из-за промокших ног по всему телу расползлся мерзкий липкий холод, но дрожал Володя не от этого. Он не понимал от чего — будто бы от злости, но почему ему было так больно? Он сильно-сильно зажмурился, но всё равно видел Вову и ту девушку — как они держались за руки, как обнимались, как он её целовал.

«Почему она? Она, наверное, общается с ним только потому, что он хорошо играет на гитаре! Вертихвостка, вытащила его посреди ночи, что, днём не нагулялись? Она недостойна Вовы, не она должна быть с ним!»

А кто тогда? Какая-нибудь другая девушка? Тогда в чём разница? Володе не стало бы

лучше, окажись на его месте другая. Но кто же должен был быть на её месте?

Тяжёлый беспокойный сон навалился на него, и сквозь эту мутную дрёму Володя снова увидел тот двор, ту клумбу, статуи двух лосей. Только стояла не осень, всё вокруг, солнечное и весеннее, зеленело. Володя ощутил сладкий запах сирени, от порыва тёплого ветра на голову посыпались лепестки цветущей яблони. Он снова увидел Вову — улыбающегося так же, как той девушке. Но он улыбался ему — Володе! Ладони охватило теплом, когда Вова взял его за руки. Кожу обожгло дыханием, её будто расплатило прикосновением мягких губ. И не было вокруг никого — только они вдвоём в целом мире. Володя смотрел в счастливое лицо брата, гладил его щёки и шею и ощущал жар. Так горячо, так невыносимо сладко было прижиматься к раздетому по пояс Вове... Миг — и они стояли почему-то не на площадке во дворе, а в его комнате, на полу у книжного шкафа. Как приятны были ласковые прикосновения Вовы. Пальцы — на Володиной спине, губы — на щеках и ниже: на подбородке, шее, ключицах. Володя задыхался, ему казалось, что он сейчас взорвётся от напряжения, от невыносимой истомы по всему телу, а особенно там, где Вова касался его.

Володя резко открыл глаза. В комнате было темно, в окно тускло светила луна. Он дрожал, но теперь уже не от холода. Володе было жарко, он взмок. Скинул одеяло, попытался перевернуться на другой бок и тихо ахнул, почувствовав под собой влажное пятно. Забыв надеть очки, он в несколько секунд добежал до ванной, открыл кран и бросил под струю воды пижамные штаны. Он оттирал их с такой силой, что чуть не порвал. Было мерзко, противно, очень стыдно и невыносимо больно. Так больно, что хотелось самому сунуться под воду и утонуть там, лишь бы не слышать своего ноющего сердца и не думать о том, что ему снилось и кто ему снился.

Из ванны повалил пар — без очков Володя не заметил, что слишком сильно выкрутил вентиль горячей воды и не разбавил холодной.

Руки покраснели от жгучей боли, а Володя всё держал и держал их, стиснув зубы, чтобы не закричать. Эта боль была адской, но по сравнению с той, что пылала внутри, терпимой и даже приятной. А на сердце с каждым мгновением становилось всё легче и легче.

15. Тени недоверия

Утро воскресенья ничем не отличалось от других.

Володю разбудила Герда — она скулила и чего-то требовала. Он встал и, не умываясь, принялся одеваться на пробежку. Но замер на пороге — Герда осталась на кухне, демонстративно тыкалась носом в пустую миску и выходить из дома не спешила.

— Вот попрошайка, — буркнул Володя и послушно побрёл к ней.

Открыл собачий адвент-календарь — подарок Юры для Герды, — достал очередное лакомство и протянул ей. Та, вильнув хвостом, слизнула с ладони корм, твякнула и унеслась к входной двери.

— И что, интересно, я буду делать, когда календарь закончится? — спросил в пустоту Володя. — Ох уж этот Юра, собаку мне разбаловал!

На улице не на шутку приморозило. Не сказать, что до этого было тепло, но сегодня градусник показал минус пятнадцать, и Володя, несмотря на термобелье и тёплый спортивный костюм, быстро замёрз.

Пока ждал, когда Герда сделает свои дела под деревом, написал Юре. Тот завтракал, поэтому откликнулся сразу. Перекинулись буквально парой слов — Юра торопился работать, а Володю уже тянула гулять в лес облегчившаяся Герда.

Он прикинул план на день — во-первых, нужно обязательно съездить в город и подключить себе наконец нормальный интернет. И, во-вторых, Володя хотел купить абонемент в бассейн. Он уже и не помнил, когда плавал в последний раз, а уж коль через два месяца предстояла встреча с Юрой, очень хотелось привести себя в порядок. Пока был в Германии, ел что попало и много пил и поэтому ничуть не удивился, обнаружив, что поправился.

Хорошо Юре: он от природы худой. В молодости Володя тоже не жаловался на фигуру, но лет с тридцати буквально одна неделя неправильного питания вкупе с алкоголем мгновенно превращалась в лишние сантиметры. Володя понимал, что с годами не молодеет, а толстеть не мог позволить себе ни в коем случае — это недопустимо. Ещё решил купить крем для век — вчера вечером в ярко освещённом зеркале ванной разглядел оформляющиеся мешки под глазами.

Определившись с планами на день, порядком замёрзший Володя заторопился домой, но Герда будто не чувствовала холода — рыла носом сугробы, ловила пастью снежинки и носилась между деревьями. Ничего не предвещало беды. Но, возвращаясь в десятом часу к дому, Володя увидел у своих ворот знакомую машину. В голову сразу пришла идея свернуть обратно в подлесок и не показываться на глаза — авось не дождётся и уедет. Но Герда, как назло, внезапно рванула к дому.

Завидев её, Игорь вышел из машины. Володя мысленно пожелал, чтобы собака бросилась на него и хотя бы немного напугала, но та, предательница, затормозила возле него и завилала хвостом, позволяя гладить себя по ушам. Выхода не было — пришлось идти следом.

Игорь не изменился за время, что они не виделись — да и не должен был, это Володе показалось, будто прошла целая вечность. Игорь ёжился на морозе в своей подбитой овчиной куртке, дёргал головой, откидывая жидкую чёлку, лезущую в глаза.

— Что ты тут забыл? — без приветствия и сразу с грубости начал Володя. Притворяться, что хотя бы немного рад его видеть, Володя не собирался. — Герда, ко мне!

Собака повернулась к нему, прижала уши к голове и послушалась.

— А что ты так не приветлив? — спросил Игорь максимально обыденным тоном.

— А с чего я должен быть приветливым с незваными гостями?

Володя прицепил поводок к ошейнику Герды, намотал его себе на запястье и спрятал руки в карманы. Натянул шапку пониже.

— Замёрз? — с явно наигранной заботой спросил Игорь. — Может, хоть в дом пригласишь?

— Не приглашу. И даже не буду спрашивать, зачем ты приехал. Лучше сразу уезжай.

— Ай-ай, Вов, что я тебе сделал? Почему ты так плохо со мной обходишься?

Володя нахмурился ещё сильнее.

— Как обхожусь? Ты приезжаешь ко мне без предупреждения и считаешь, что я тебе чем-то обязан?

— Вообще-то, я предупредил, что заеду. Я же не виноват, что ты ни сообщения не читаешь, ни трубку не берёшь.

— Ну? И разве это не говорит о том, что встречаться с тобой я точно не хочу?

— Да ладно тебе, Вов, не будь таким жестоким! — Он посмотрел на него и нежно улыбнулся.

Володя никак не отреагировал, лишь моргнул — его лицо как было, так и осталось непроницаемым. Игорь свёл брови и, мотнув головой, неожиданно зло сказал:

— Что? Думаешь, съездил в Германию к этому своему... Юре? И что теперь? «Жили они долго и счастливо и умерли в один день?» Так теперь будет?

Володя не поддался на провокацию. Дёрнул уголками губ и спокойно сказал:

— Тебя не касается, что я думаю, Игорь. И что я делаю, и что я чувствую, а тем более — куда и к кому езжу. Я сказал тебе это при прошлой встрече и никак не возьму в толк, почему ты так этого и не понял.

— Да потому что ты мне дорог! — Игорь шагнул к нему и протянул руку, но Володя отстранился. Герда, чувствуя настроение хозяина, утробно зарычала на Игоря. Тот опустил руку и с укором сказал: — Вов, ну всё же хорошо было... Мы и раньше с тобой ругались, расходились. Но потом всё равно возвращались друг к другу.

Володя покачал головой.

— Нет, Игорь. Нечего нам возвращать. Не было у нас с тобой никогда нормальных отношений.

Но Игорь был непробиваем — снисходительно улыбнулся и фыркнул:

— Да брось! Что, думаешь, *теперь* у тебя появились настоящие отношения? С этим твоим... Юрой?

Володю покорило от того, с каким ядом Игорь произнёс это имя.

— Лучше просто заткнись, — тихо, но уже не так спокойно сказал Володя. — Тебя мои с ним отношения не касаются и не должны касаться.

— Как раз таки касаются самым прямым образом! Стоило появиться этому... — Игорь проглотил какое-то явно обидное слово, — ...Юре, как оказалось, что, — он изобразил в воздухе кавычки, — у нас с тобой никогда не было нормальных отношений?

Володя вздёрнул бровь.

— А разве это не так? Или ты всерьёз считаешь, что встречи раз в месяц для секса — это и есть нормальные отношения?

Игорь закатил глаза.

— Ах, прости, не знал, что «нормальные отношения» — это отношения на расстоянии с человеком, который живёт в другой стране! На огромном, Вова, расстоянии!

— Это, Игорь, не твои проблемы, — отрезал Володя.

— Да, как же, конечно, не мои! Вот только когда ты всё просрешь с этим своим Юрой, первый, к кому ты пойдёшь, — это я. Потому что я тебе нужен! Потому что никто, кроме меня, не знает твоих потребностей!

— Как ты меня достал с этой чушью, Игорь! — выкрикнул Володя. Герда тявкнула, не

понимая, видимо, почему хозяин вдруг повысил голос. — Слишком много чести себе делаешь, считая себя самым особенным в моей жизни!

Игорь зло расхохотался.

— А думаешь, твой Юра — особенный?

Володя непроизвольно сжал кулаки. Вдохнул, медленно выдохнул и сквозь зубы процедил:

— Да, Юра — особенный. Это тебя, Игорь, можно заменить кем угодно. Уезжай. Пожалуйста. — И, подтянув Герду за поводок, не прощаясь, прошёл мимо.

Открыл ворота и скрылся в доме.

Часы в прихожей показывали десять минут одиннадцатого — день только-только начался, а Володя уже устал. Вдобавок разболелась голова.

Он выпил аспирин, слыша рёв мотора за окном и скрип шин по заснеженной дороге. Прилёг с ноутбуком на диван, зашёл в аську. Виновато глядя на Юрин ник, Володя вспомнил обещание не общаться с Игорем. Попытался сам себя оправдать — сегодня это произошло вынужденно, он ведь не звал его, не отвечал ему, Игорь сам приехал.

Через пару минут написал Юра. Володя не решился рассказать ему про утреннего гостя — не хотел давать лишний повод для недоверия. Пожаловался на головную боль, тут же получил указания сидеть сегодня дома, не работать и попытаться отдохнуть. Володя заверил, что постарается.

Таблетки мало помогли: боль продолжала пульсировать в висках. Накатывала сонливость, а в голову то и дело лезли обрывки разговора с Игорем. Володя попытался отвлечься — нашёл чем забивать мысли. Игорь — последнее, о чём хотелось сейчас думать. Да и не только сейчас.

Володя отложил ноутбук, сполз по дивану, прикрыл рукой глаза, заслоняясь от солнца. Игорь действительно ему никто. Притом уже давно. Может, последние лет... шесть? Володя искренне не понимал, с какой стати Игорь требует от него что-то, звонит, приезжает и чего добивается. Володю сейчас очень удивляло, что тот взаправду считал, будто между ними до сих пор были какие-то отношения.

Он давно заметил, как сильно Игорь изменился, но только теперь понял, в чём именно заключались эти изменения. В самом начале Игорь привлекал своей уверенностью, смелостью и, несмотря на брак, свободой. Затем — мышлением и необычными взглядами на

жизнь. Теперь же он не привлекал совершенно ничем — лишь отталкивал. И когда только Игорь стал таким жалким?

Первый месяц разлуки с Юрой пролетел очень быстро. Подготовка к новому проекту пошла до того активно, что Володя не всегда успевал к Юре на созвон. Он было порадовался, что отношения на расстоянии даются ему легче, чем думал, но стоило работе сбавить темп, как всё освободившееся время заполнила тоска по Юре. Володя старался занять себя другими делами, снова пошёл в бассейн. Плавание очищало голову от мыслей — сосредоточенный на дыхании и движениях, Володя не мог думать ни о чём другом, кроме вдохов, выдохов и чередования рук.

Юра, узнав о его старом новом увлечении, сыронизировал в своём стиле:

«Небось чужих мужиков там разглядываешь?»

«Конечно! Мне же своего мало», — обиделся Володя.

«Хочешь сказать, что... *иметь меня в Германии* для тебя достаточно?!» — ответил Юра, дополнив сообщение тремя обиженными смайликами.

«Я бы с радостью *имел тебя* в Харькове, но...», — давясь смехом, написал Володя, решив, что их отношения уже достаточно близки для таких шуток.

А на самом деле Володя действительно ни на кого не смотрел. Но Юра оказался недалёк от истины: раньше Володя силой заставлял себя отворачиваться от подтянутых пловцов, которых в этом бассейне всегда было немало. Но сейчас — это не раньше. Какими бы привлекательными ни были посетители бассейна, у Володи на уме был другой, пусть худой, но *свой*, как выразился Юра, «мужик».

Дома Володя активно читал книги по музыке. Старался научиться понимать и слышать, чтобы в конечном счёте стать Юре достойным собеседником. Ведь пока Володя был не лучше Йонаса, ведь мог сказать только: «Это мне нравится, а это — нет, но почему — не знаю». Чтобы понимать это «почему», стал слушать симфонии Прокофьева. Додумался до этого, конечно, не сам — Юра подсказал: «Они написаны специально, чтобы учиться».

Юрин диск Володя не включил ни разу. В январе, опасливо поглядывая на него, брал в руки и клал обратно — Юрина музыка запросто унесла бы его в Германию, на диван в уютном кабинете. И тогда в голову могли бы лавиной хлынуть воспоминания об их сказочных каникулах, усиливая тяжесть ожидания.

Тоска победила в первых числах февраля. Володя поставил диск, но решил не

докладывать об этом Юре до тех пор, пока не убедится, что по-настоящему понял его историю, написанную нотами.

Юра записал для него четыре трека. Сперва Володе предстояло выяснить: это четыре главы или четыре разных рассказа? Володя и так догадывался, о ком они, но о чём? Заранее решив не слушать бездумно всё подряд, а переходить к следующему треку только тогда, когда поймёт предыдущий, Володя сосредоточился на первом.

Каково было его удивление, когда вместо вступительных нот он услышал Юрин голос:

«Здравствуй, Володя! Эта музыка для тебя и про тебя. Я прочитал все твои письма. Не передать словами, как мне жаль, что тогда ты был совсем один. Врачи, Игорь и Света не в счёт, правда? Но, знаешь, даже тогда, даже очень далеко, но у тебя был настоящий друг. Сначала он был немым, но теперь он обрёл голос...»

Зазвучало пианино, но Володя не слушал его. Он замер, где стоял, ошарашенно глядя в окно. Грудь приятно стиснуло. Володя сам не понимал, почему отреагировал столь бурно — наверное, от неожиданности, ведь смысла Юриных слов он не уловил. Включив диск сначала, он приготовился снова услышать предисловие и сосредоточиться на музыке.

Он лёг на диван, закрыл глаза, и музыка перенесла его в другой дом, на другой диван. Там пахло старой мебелью и Юриным одеколоном, кружили в воздухе пылинки, а с фотографий на стенах смотрели лица. Юра устроился рядом, положив ему на грудь ладонь, и отбивал беспокойными пальцами ритм по коже. Володя обнимал Юру и вдыхал запах его волос. А Юра одновременно был в двух местах: и нежился рядом, и сидел за пианино, играя звучащую в реальности мелодию.

Из фантазии Володю вырвала знакомая трель телефона — Юра написал ему сообщение: «Прости, но сегодня я, скорее всего, не смогу позвонить в скайпе, очень много работы. Буду работать до ночи. Отпустишь?»

Володя даже не расстроился — на сегодня у него появилось очень важное и приятное занятие. Быстро ответив «Да, конечно», он отложил телефон, переключил на начало трека и снова закрыл глаза. Наслаждаясь картинкой в воображении, он не смог сосредоточиться на музыке: не получалось отпустить волшебное видение, где они вместе с Юрой в кабинете. Только к вечеру Володя пересилил себя и прислушался, стараясь понять, какую историю рассказывал ему Юра.

Первым аккордом зазвучал одинокий голос главного героя. Он был неуверенным, будто испуганным, захлёбывался и тонул в тишине. Вдруг грянули другие голоса, музыка стала

рваной и нервной — иногда раздражающе громкая, она подавляла главного героя. Слушать было тяжело, но в середине произведения Юра смягчился — он заглушил гомон, и в тишине зазвучал ещё один голос, высокий и нежный, но тут же замолк снова. Этот голос то появлялся, то пропадал, а когда возвращался, главный герой замирал, будто прислушиваясь. В конце произведения второй голос появился опять. С каждой секундой он становился громче и увереннее, а когда раскрылся в полную силу, слился с главным героем. Он переплетался с ним, будто дополняя, произнося то, что первый не мог сказать сам. Вместе они звучали прекрасно и гармонично. Минорный мотив сменился мажорным. А завершилось произведение на высокой ноте, где они оба пели победно и вдохновляюще.

В который раз переслушивая произведение, Володя улыбался с закрытыми глазами. Только одно нарушало идиллию: Герда поскуливала в такт музыке, сидя возле шкафа, в котором Володя спрятал от неё адвент-календарь. Выпрашивала лакомство. Пришлось встать.

Достав из календаря горстку корма, Володя показал Герде пустую коробку и заявил:

— Видишь, это последняя? Больше не проси.— Но смягчился и добавил ласково: — Наш Юра — настоящее чудо, такой классный подарок тебе подарил. И мне.

Если подарок для собаки был просто хорошим, то для Володи — просто удивительным. Ему никто и никогда не посвящал музыку — Володя и помыслить не мог о подобном. А Юра взял и сделал, никого ни о чём не спрашивая.

Они созвонились следующим вечером. Володя собирался в бассейн, но специально задержался в офисе. В груди защемило, когда он увидел Юру в этой комнате: не только потому, что знал это место и помнил каждый его сантиметр, но ещё и потому, что был в этом самом кабинете буквально вчера. Пусть и только в своих мыслях.

— Знаешь, я послушал первый трек на твоём диске. Юр, у меня нет слов, чтобы описать, как это приятно.

— Та-а-ак, — прищурившись, протянул Юра. — Отлично, теперь рассказывай, о чём я написал.

— Экзамен мне устраиваешь? — усмехнулся Володя.

Юра закинул в рот кусочек грейпфрута и, что-то неразборчиво промычав, пожал плечами. Володя покачал головой.

— Экзамена всё равно не получится, ты же всё сам рассказал перед треком. Я слушал только первый. Там про меня. Сначала о том, как мне было без тебя, а затем о том, как

появился ты и всё изменил.

— Ну, можно сказать и так, — кивнул Юра. — Молодец! Ты уже знаешь, о чём следующий?

— Нет. И не рассказывай, я хочу сам выяснить.

Юра ласково улыбнулся, хотел что-то сказать, но отвлёкся на телефонный звонок. Извинившись перед Володей, он отошёл от компьютера и ответил. Несколько минут он то сердился, то смеялся, говоря, конечно же, не на русском. Володя ничего не понял. Зато ему в голову пришла мысль: а не выучить ли немецкий? В Германии, особенно в клубе и комьюнити-центре, языковой барьер подпортил Володе настроение, да и вообще хотелось знать, о чём говорит Юра с невидимым собеседником.

— Это была Анна, — доложил Юра, вернувшись. — Она передаёт тебе привет.

— О, ей тоже передай как-нибудь, — искренне сказал Володя.

— Знаешь, а ты ей понравился. Сказала, ты в её вкусе. — Юра расплылся в хитрой улыбке.

Володя шутливо закатил глаза.

— Тогда передай ей, что я занят. Кстати! Я тут подумал: надо бы выучить немецкий...

— А у тебя есть на него время? — Юра нахмурился. — Ты смотри, это ведь не только уроки у преподавателя, но и как минимум час занятий дома каждый день.

— Юр, говоришь так, будто я английский не учил. Я знаю, каково это, — отмахнулся Володя. — Но ради такого время найду.

— Ради какого «такого»? Ради меня? Тогда это очень хорошая мысль!

Воодушевлённый идеей быть с Юрой на одной волне, Володя принялся искать курсы на следующий же день. Юра живо интересовался его успехами сначала в поиске, а затем в обучении. Грозился, что будет его проверять гораздо строже преподавателей.

И Юра приступил к обещанному уже через неделю, когда снова созвонились в скайпе.

— Давай-ка выясним, как дела с твоим немецким? — строго спросил он, оттягивая воротник кофты. — Что это?

— Сейчас, минутку, — сказал Володя и потянулся к сумке, принялся там копать. — Так. Что перевести?

Юра указал на свою шею:

— Как это называется?

Володя уставился на него. Принялся судорожно листать небольшую книжку, нашёл, что искал, и неуверенно выдал:

— Hals.

Юра захохотал.

— Ты серьёзно? Словарь!

— А что? Я только начал. И части тела мы ещё не проходили.

— Ну ладно, пусть со словарём, — ответил Юра, вдруг сощурился и, закусив губу, прошептал: — Поцелуй-ка меня здесь, мой умница.

Володя замер.

— Прямо сейчас?

Он ужасно тосковал по Юре. По его присутствию рядом и больше всего — по ласке. Володя стал скучать уже на следующий день после приезда, а спустя ещё месяц порой изнемогал так, что часами думал только о Юре. А тот ещё и подливал масла в огонь, не единожды намекая: чтобы сделать друг другу приятно, вовсе не обязательно находиться рядом. Но не так же — не на работе, где этажом ниже сидит охранник.

— Целуй! — приказал Юра.

— Юр, ну это несерьёзно.

Юра расхохотался.

— А должно быть?

Володя нахмурился.

— Ты меня понял.

— А ты понял меня. Давай! — прикрикнул Юра, продолжая улыбаться.

Володя вздохнул. Встал из-за стола и убедился, что кабинет заперт на ключ. Подключив наушники к ноутбуку, наклонился и поцеловал монитор.

Юра довольно хмыкнул.

— А если не будешь меня слушаться, вообще ничего не покажу. — Он оттянул воротник ещё сильнее, обнажил ключицу: — А теперь здесь...

— Ну хватит! Это глупо.

— Мне прекратить? — Юра прищурился. — Ты уверен?

— Я целую не тебя, а монитор, — простонал Володя.

— Ну и что? В этом мониторе ты можешь увидеть, например, вот это. — Юра приподнял кофту, обнажая живот.

Володя судорожно вздохнул — от нечёткого вида Юриного пупка перехватило дух и напряглось всё тело. Юра встал, медленно расстегнул ремень, вытащил его из шлёвок. Отойдя от монитора, он полностью снял кофту и бросил себе под ноги. Володя судорожно вздохнул — он понял, к чему Юра ведёт.

— А дальше будет то, о чём я подумал? — просипел он. Вместо ответа Юра улыбнулся ещё шире.

Решив, что в принципе не важно, где он сейчас находится, ведь главное — у него в мониторе, Володя аккуратно снял пиджак, а затем скинул и всё остальное.

Каждый вечер занятый то немецким, то плаванием, то работой, Володя никак не успевал послушать Юрин диск. Он ни за что не стал бы включать его музыку просто фоном — для неё требовалась сосредоточенность. Володя решился послушать второй трек, как только выдалась возможность — когда Юра в очередной раз отпросился у него поработать вместо созвона.

«Как думаешь, когда в этой истории снова появился и обрёл голос второй герой? Что он

хотел бы рассказать тебе? И что хотел бы услышать ты? Ты помнишь лето восемьдесят шестого года? Я знаю: твой ответ “да”. Я тоже помню. Всё до последней детали, до последнего утра, когда мы расстались. Ты хотел бы его вернуть?

Я — нет, из-за того, что случилось после. Но мне хотелось бы возвращаться в то лето так часто, как я захочу. Поэтому я записал его так, как оно видится мне сквозь года. Послушай и ты. И вспомни своё лето восемьдесят шестого года».

Эта композиция не была исключительно фортепианной — в ней звучали ещё и электрогитара, бас и барабаны. Насквозь пронизанная нежной грустью, мелодия пробуждала воспоминания об их юности. В ней слышались вкрапления какого-то очень знакомого, но давно забытого мотива — должно быть, Юра играл ему нечто подобное в «Ласточке». Володя не разбирался в психологии музыки, но в ней разбирался Юра. В его истории чувствовался плеск реки, шелест ивовых веток, шипение радиоволн. Юрина мелодия рисовала в Володином воображении самые сладкие моменты их юности: нега в тени ивы, заводь с кувшинками, старый театр.

Володя повернулся к окну и устремил взгляд на заснеженный двор — через пролесок и пересохшую реку посмотрел на флагшток. Когда-то там было так красиво, но теперь не осталось ничего.

Он вздохнул. Да, они с Юрой воссоединились спустя двадцать лет. Но как можно радоваться, если все эти годы упущены? Ведь уже не вернуть тех летних дней, не вернуть двух главных героев Юриной истории, не отстроить заново тот самый лагерь, даже беседку романтиков не восстановить — ещё в прошлом году Володя распорядился снести её руины.

Когда он слушал первый трек, то напрягал голову и слух, заставляя себя искать голоса главных героев и внимательно следить за сюжетом. Но вторая композиция того не требовала — история сама собой вырисовывалась в его воображении. И сюжет — не выдумка, а одно конкретное воспоминание.

Сколько раз Володя мечтал о том, чтобы это воспоминание ему приснилось. Потому что во сне всё кажется настоящим и реальным, и Володя хотел заново пережить тот момент.

Последние дни в «Ласточке», ещё до того, как их застучала Маша. Безлюдная дорога к лодочной станции. Влажный запах дубового леса, терпкий и грибной.

Солнечные лучи, рваными кляксами пробивающиеся сквозь листву, пятнами устилали каменные ступени, ведущие к реке. У Володи в кармане шорт позвякивали ключи от станции. Юрка бежал впереди — он так спешил скорее добраться до лодки, подгонял

Володю, чтобы поторопился, ведь дневной отбой такой недолгий, а они хотели успеть так много.

Сквозь года Володя помнил лишь Юркину широкую улыбку и звонкий смех, но лицо было нечётким, будто подёрнутое дымкой. Зато Володя отчётливо слышал зовущий голос:

— Ну что ты там застрял?! Давай быстрее! — подгонял Юрка, протягивая ему руку.

А Володя стоял на верхней ступеньке и просто смотрел. Юрка снова криво повязал красный галстук и не заправил футболку в шорты. На предплечье — синяк, на колене — новая ссадина. Когда только успел?

И именно этот момент так ярко отпечатался в памяти, ведь именно в ту секунду Володя понял, что поселившееся в нём чувство — бесповоротно. Что его невозможно отрицать, что от него никуда не деться. Что оно — навсегда и будет с ним до конца жизни. Он отчётливо помнил, как испугался, но тут же понял, что на самом деле его страх — ничтожный, а любовь — огромная. И сокрушительная. А сокрушить она могла не только страх, но и его самого. Но сейчас Володя отказывался думать об опасности, ведь он слышал звонкий смех и смотрел на такого Юрку. На своего Юрочку — лучшего, талантливого, красивого. Любимого.

Володя написал Юре в офлайн: «Твоя вторая композиция невероятно красивая. Не представляю, каково тебе было её писать, но слушать её очень больно».

Юра ответил ему за полночь:

«Я не понял, так она тебе понравилась или нет?»

«Очень, Юрочка, она мне очень понравилась».

«Когда я приеду, мы послушаем её вместе, и ты расскажешь, почему тебе стало больно».

«Я и так скажу: потому что мы потеряли много времени. И продолжаем его терять. Когда ты приедешь? Прошло почти два месяца, я понимаю, что осталось уже не так много времени — меньше месяца. Но я безумно устал ждать».

«Я тоже очень устал. И соскучился».

Юра прислал грустный смайлик и продолжил что-то печатать:

«Но придётся подождать ещё месяц или дольше...»

Нахмурившись, Володя перечитал последнее сообщение два раза.

«В смысле, дольше?!»

«Давай позвоню».

Володя запустил скайп и сам набрал Юру.

— Почему без видео? — спросил Володя, глядя в чёрный экран ноутбука.

— У меня интернет весь день барахлит, если включу видео, вообще всё отвалится.

— Ладно, — протянул Володя, но в голову закрались сомнения: все предыдущие разы интернет-соединение было нормальным — и тут вдруг плохое. Но Володя не стал спорить и выпрашивать — не хотел выглядеть параноиком. Тем более что возник куда более важный вопрос:

— Когда ты приедешь?

— Сегодня я должен был сдать заказ, но заказчик запарол половину работы. Придётся переделывать, а это, — Юра вздохнул, — небыстро.

— И сколько?

— Я постараюсь побыстрее, но не факт, что успею к марту.

— Юра...

— Что, «Юра»? Что я могу сделать? — раздражённо воскликнул Юра. — Володя, у меня и так стресс, а тут ещё ты давишь.

— Я не хотел давить, извини. Просто... Ты знаешь...

— Знаю, — резко ответил Юра, но потом смягчился: — Ты тоже прости, я не хотел ругаться. Ты просто не представляешь, насколько я злой.

Но Володя очень даже представлял, только главной его эмоцией была не злость, а досада. От понимания, что придётся ждать ещё несколько недель, опускались руки. И всё бы ничего, затялись только время ожидания, но, начиная со следующего дня, изменилось поведение Юры.

Он, всегда живущий по чёткому графику, вдруг начал раз от раза отступать от него и пропускать сообщения. Володя молча терпел две недели, но в итоге всё же не выдержал.

Войдя в офис как всегда в девять, Володя ожидал, что Юра привычно пожелает ему доброго утра, но его не было в ICQ. Володя написал ему в офлайн, но спустя полчаса ответа не последовало. Проверил, не вышел ли Юра в сеть — не вышел. Беспокоясь, всё ли с ним в порядке, ведь по утрам он всегда бывал онлайн, Володя написал ему сообщение:

«Доброе утро. У тебя всё в порядке? Почему не пишешь?»

«Работаю. Некогда. Вечером позвоню», — был ответ, и он взбесил Володю. Тот написал:

«Ты сам установил такой график, так следуй ему!»

Не получив в ответ ни слова, Володя было решил больше не писать Юре, но к вечеру оттаял и напомнил, что ждёт его в скайпе через час.

Юра позвонил через два.

Чего только Володя себе не напридумывал, пока ждал, и всё сводилось к одному: не скрывал ли чего Юра? Ведь он мог и попросту врать насчёт работы. Володя не столько ревновал, сколько свирепел от бессилия. Казалось, что от него ничего не зависит и он не контролирует Юру. Фактически Володя — половина этих отношений, но он бесполезен, потому что вокруг них царит хаос. И этот хаос через чужих людей встаёт между ним и Юрой и грозит уничтожить всё. А Володя далеко и не может ни на что повлиять, не может защитить Юру. Но единственная правильная мысль всё же посетила его голову: если Володя продолжит в том же духе, то не хаос и не другие люди, а он сам разрушит эти отношения. Чтобы этого не случилось, пришлось побороть страх и взять себя в руки.

— Объясни мне, что происходит, — вместо приветствия начал он. — Ты почти полмесяца избегаешь и игнорируешь меня. Почему?

Юра вздохнул и опустил взгляд. Он выглядел болезненно — под глазами пролегли тени, небритое лицо похудело и осунулось, движения были заторможенными. Володе показалось, что Юра пьян.

— Я устал.

— От чего или от кого? От меня?

— Ой, ну что ты говоришь. — Юра хмуро уставился на Володю. — Устал от этого дурацкого заказа. Днями и ночами пишу — и всё не то.

— Бракуют? — спросил Володя, а Юра кивнул.

Он молча отошёл от компьютера, видимо, на кухню, потому что вскоре вернулся с бокалом в руке.

— Юр, разве это нормально?

— Нет. Я сам тороплюсь закончить, чтобы быстрее приехать к тебе.

Володе стало неловко — Юра убивался на работе, а он вдобавок мучил его своими подозрениями. Но Юра ни о чём толком ему не рассказывал.

— Ну и пошли этого заказчика! — воскликнул Володя. — Плевать на деньги, ещё заработаешь.

— На деньги, может, и плевать, а вот на репутацию — нет, — устало протянул Юра.

— Господи... ещё и это.

— А ты как думал? Конечно.

— Да уж... Это, наверное, не совсем то, о чём ты мечтал...

— Да ладно, бывает и хуже. Если бы не торопился к тебе, относился бы к этому проще.

Они проговорили час. Во время разговора связь постоянно прерывалась — Юра делал что-то ещё на компьютере. Устав постоянно перезванивать, Володя отпустил его дальше заниматься своими делами, а сам отправился учить немецкий.

Юра его успокоил, но на душе стало ещё тяжелее: он вкладывал душу в свою музыку, творил сутки напролёт, опустошая себя, и что получал взамен? Критику от заказчиков и подозрения от Володи.

«Так дело не пойдёт, — решил тот. — Я не должен его подводить. Пусть кто угодно подводит, но только не я».

С того дня Юра не получил от него ни одной претензии, даже наоборот — Володя говорил ему только слова поддержки, уточняя, что ждёт его сообщений и звонков всегда, хоть посреди ночи. Но Юра ни разу не написал ему вне графика. Впрочем, и в отведённое им самим для Володи время появлялся всё реже и реже.

Юры стало отчаянно не хватать. Весь оставшийся февраль и начало марта Володя посвятил, разумеется, работе, а ещё бассейну и интенсивному изучению немецкого, чтобы как можно реже оставаться один на один со своими тревогами. Спасительной соломинкой в выходные стала Юрина музыка. Он переслушивал две старые композиции, отчего-то боясь

ставить новую. И напрасно — он убедился в этом, когда всё же решился её включить.

Снова в выходной, когда вернулся с пробежки весь в снегу, Володя лёг на диван, представляя, что он в Юрином кабинете, и включил трек номер три.

«Ты задумывался о том, что будет дальше? Есть ли вообще будущее или достаточно только прошлого? Ведь до чего сильной и светлой была любовь тогда! Реалисты скажут, что такое не повторяется, и с ними трудно поспорить. А ты реалист? Или романтик? Неважно. В любом случае, кроме этой святой любви, есть и другие достойные крепкие чувства. В конце концов, есть другая любовь — её называют дружбой. Спросишь меня, а что думаю я? А я ничего не знаю — могу только немножко помечтать».

И после его слов воздух наполнился звоном колокольчиков. Полная предчувствия мелодия переливалась трелями, закручивалась и плыла под ногами и потолком. Звон бликами света вспыхивал и угасал. У Володи возникло удивительное ощущение лёгкости и движения — колокольчики, словно снежинки, кружились над ним. Точно снежинки. Должно быть, Юра писал это тогда, когда они договорились о приезде Володи под Новый год. Вот что такое колокольчики — снег и гирлянды. Затем зазвучало пианино. Юра не стал усложнять — снова два голоса. Весёлые, они будто спорили друг с другом. Один голос переходил в другой, их окружали колокольчики, и в конце все звуки слились воедино — в одну нежную мелодию.

Володя гадал, как именно Юра закончит эту историю. Но Юра её не закончил, он не стал ставить точку — легкомысленная мелодия становилась всё тише и тише, будто отдаляясь, пока не угасла совсем.

Чтобы догадаться, в чём именно состоял Юрин замысел, Володе не пришлось переслушивать этот трек несколько раз. Да, он поставил его на повтор, но вовсе не потому, что не понял. Эта мелодия ему очень понравилась — она вызвала улыбку, подбодрила, сбросила тяжесть с сердца.

Володя потянулся к телефону, написал Юре:

«Я послушал твоё третье произведение. Так ты, оказывается, всё знал и ничего мне не сказал! А я в Германии голову сломал, гадая, как к тебе подступиться!»

Юра ответил на удивление быстро:

«Что знал? Что ты не сможешь передо мной устоять? Конечно знал!»

Володя хмыкнул — с самооценкой у Юры определённо не было никаких проблем.

«Я думал, ты сомневался».

«Сомневался, но, знаешь... чёрт, у тебя были такие красивые очки».

Володя невольно рассмеялся.

«Я смотрю, у тебя хорошее настроение».

«Сейчас у тебя тоже будет! — Юра прислал смайлик в тёмных очках. — У меня приняли заказ! Через две, максимум три недели я приеду!»

От такой новости Володя резко сел.

«Да ладно?! Пошли в скайп?»

«Не могу, я в студии. Сегодня вечером хотим с ребятами отметить это дело, дома буду поздно».

«Трезвый и один, я надеюсь?»

«Чего?» — не понял Юра.

«Веди себя хорошо», — написал Володя и, продолжая улыбаться, поехал в бассейн.

Юра вернулся в полвторого. Володя прочитал его сообщение уже утром: «Я дома. Пошёл спать. Сладких снов!»

А объявившись ближе к обеду, Юра написал:

«Впервые за последние два месяца выбрался отдохнуть. Ну и начало года...»

Володя питал надежду, что ближе к приезду у Юры появится больше времени. Но как бы не так. В последние две недели они переписывались раз в день, чаще всего перед сном, а созванивались и того реже.

Не имея возможности видеть его даже в скайпе и изнемогая от тоски, Володя стал часто пересматривать их фотографии. Он распечатал и поставил в рамку на прикроватную тумбочку свою любимую. Одну из первых, что сделал Юра на новый фотоаппарат — где они лежали на кровати и Володя целовал его в щёку. Смотреть на их счастливые лица было приятно и грустно одновременно — Германия и всё, что происходило с ним там, теперь казалось сном.

В начале апреля, за день до Юриного приезда, воздух запах весной. Наслаждаясь им,

пьянящим и сладким, Володя сел в машину и поехал из офиса домой. Глядя на дорогу, он смаковал мысль о том, что осталась всего одна ночь — и уже завтра в это же время рядом с ним будет Юра.

Вечером Володя решился послушать последнюю Юрину композицию. Ведь по приезде тот наверняка спросит: послушал ли, понял ли? И нужно будет что-то ответить.

«Я хотел завершить цикл произведений предыдущим. Но вспомнил о жизни второго главного героя без тебя. Быть может, ты хотел бы послушать рассказ о нём? Ведь за два десятилетия разлуки многое произошло, многое, как и сам герой, изменилось. Не изменилось, пожалуй, только одно: память о тебе и те чувства, что он бережно хранил все эти годы».

После столь трогательного вступления Володя ожидал услышать нежные фортепианные звуки, и каково было его удивление, когда из динамиков на весь дом громыхнула электронная музыка. Если классическую он научился худо-бедно понимать, то электронную не получилось ни с первого, ни со второго раза. Володя скорее воспринимал её, чем понимал, и прислушивался к своим ощущениям. Музыка, то импульсивная, то спокойная, ассоциировалась у него с полётом в космосе. Герой Юриной истории парил среди звёзд в невесомости, окружённый вспышками света — звуками и голосами. Казалось, Володя слышал там и свой голос, но его постоянно заглушал другой, куда более громкий.

Володя выключил диск. Как ни старался, не понял этот трек, да и думать о нём не хотел — уже завтра его ждало нечто более важное, более дорогое, чем Юрина музыка. Сам Юра.

16. Другая любовь

Самолёт Минск – Харьков приземлялся без пятнадцати шесть по киевскому времени. Совсем скоро Юра будет здесь, в Харькове, рядом — Володя весь день прокручивал в голове эту мысль и никак не мог в неё поверить. Впрочем, он даже и не старался — и без того знал, что пока не увидит Юру собственными глазами и не коснётся собственными руками, их встреча будет казаться ему сном. А время с самого утра не просто тянулось — оно, казалось, словно застыло.

Володя не мог усидеть на месте. Сгорая от нетерпения, пришёл в офис до открытия, лишь бы скоротать часы до поездки в аэропорт. Этой ночью он очень плохо спал — сильные таблетки пить не решился, а лёгкое снотворное не дало никакого эффекта. Пытаясь улечься поудобнее, проворочался до трёх ночи, представляя, как встретит Юру, как наконец-то увидит его вживую, а не в мониторе.

После обеда пришло СМС от Юры:

«Я в Минске. Вылет без задержки. Скорее бы уже оказаться у тебя».

«Ждать уже недолго», — подумал Володя, будто убеждая самого себя. До встречи с Юрой оставалось несколько часов, но Володе они казались вечностью.

«Встретимся в зале ожидания», — написал Володя.

«Окей, я буду в бежевом пальто!»

Володя рассмеялся и отправил:

«Да я тебя и без пальто узнаю».

А вдогонку написал:

«Кстати, пока не забыл: будь осторожнее с Гердой! Когда я приехал, она набросилась на меня с ласками и повалила в самую грязь».

«Пф... Герда. Вообще-то, я рассчитываю, что, когда приеду, ТЫ нападёшь на меня... с поцелуями».

Володя хмыкнул.

«Думаю, так и случится».

И вот уже дорога в аэропорт, сорок минут до посадки. Съезжая с окружной, Володя гадал — интересно, а Юра так же сильно ждёт встречи? О чём он сейчас думает, пролетая высоко-высоко над землёй, уже, скорее всего, над Харьковом или в его окрестностях? Спит или читает? Слушает чужую музыку или придумывает свою?

Остановившись у площади, примыкающей к зданию аэропорта, Володя уставился на серые тяжёлые облака в надежде разглядеть серебристую точку самолёта. Подумать только — Юра где-то там, на высоте тысяч метров. Каким взглядом он смотрит на землю? Таким же, как Володя — на небо?

Хотелось смеяться.

«Что же ты со мной делаешь, Юра? Стою тут посреди площади и улыбаюсь тучам! Счастливый дурак!»

Входя в зал ожидания, Володя собрался с мыслями. На табло уже горел номер рейса и время прилёта. Ещё десять минут... Володя с трудом сдерживался, чтобы не начать

отсчитывать секунды.

Он слышал рёв двигателей приземляющегося самолёта, потом — увидел его в огромном окне, выходящем на взлётную полосу. Десять минут растянулись в полчаса: ведь ещё паспортный контроль, потом багаж. Юра — с чемоданом в правой руке и пакетом из дьюти-фри в левой — спустился в холл вместе с цепочкой других пассажиров. Посмотрел по сторонам, тут же заметил идущего к нему Володю и расплылся в улыбке.

Первым порывом было — обнять. Но в последний момент Володя, уже схватив Юру за плечи, замялся. По ушам ударил посторонний шум: гомон людей, эхом отражающийся от стен холла, цокот каблучков по мраморным плитам, механический голос диспетчера из громкоговорителя. Они не наедине, уместны ли будут объятия? Так и держа Юру за плечи, Володя просто смотрел ему в лицо, а тот, вдруг подавив улыбку, прошипел сквозь зубы:

— Не обнимешь сейчас же — прямо тут поцелую.

Угроза подействовала — из двух зол Володя выбрал меньшее: притянул к себе Юру, обнял. Старался, чтобы сошло за дружеское объятие, но не получилось. Вдохнув запах Юриных волос, не смог отпустить так сразу. А Юра, прижавшись, умудрился выдохнуть Володе в шею так, что по коже побежали мурашки. Разомкнуть объятия оказалось непросто — теперь Юру не хотелось отпускать ни на секунду. А вдруг, если отпустить, то он исчезнет? Но, заметив краем глаза, как проходящая мимо женщина при взгляде на них скривилась, Володя всё же расцепил руки.

Сложив вещи в багажник, они уселись в машину, и у Юры зазвонил телефон. Заводя мотор, Володя покосился на Юру — он открыл сообщение и улыбнулся.

— Во даёт! Я толком приземлиться не успел...

— Кто там тебя уже?..

Юра показал ему экран телефона. Володя, выезжая с парковки и следя за дорогой, мельком разглядел только имя контакта: Sidorova.

— Маша, что ли? Чего хочет?

— Представляешь, увидеться со мной. Говорит, что если откажусь, то она меня проклянёт.

Володя хохотнул, вспоминая заговор на мухах:

— Да уж... во всякой сверхъестественной чуши она эксперт.

Впервые в жизни Володя пожалел, что живёт за городом. И вроде бы по окружной ехать не так уж и долго, но дорога до дома казалась ему вечной. Юра полпути перекидывался с Машей сообщениями, потом рассказывал о полёте — как самолёт пару раз попадал в турбулентность, а Юра мучился от приступов морской болезни. Володя старался слушать внимательно, но то и дело подумывал остановить машину где-нибудь посреди поля, чтобы бросить наконец руль, повернуться к Юре и... Да он даже и не знал, чего хочет больше: то ли накинуться на него прямо тут, то ли просто обнять, ещё крепче, чем в аэропорту, и никогда не отпускать. Он так соскучился!

Но даже по возвращении домой им не сразу удалось остаться наедине — стоило только открыть калитку, как Герда чуть не снесла Юру с ног. Повезло, что на улице не было слякоти, иначе Юрино однотонное бежевое пальто моментально превратилось бы в пятнистое.

— Герда, фу! — прикрикнул Володя, но собаке всё было нипочём — даром что хозяин ругался. Юра, совершенно счастливый, бросился трепать её за бока. — Юра, ну ты же сейчас весь в шерсти будешь...

— Ну и ладно, — отмахнулся тот, — у Герды шерсть под цвет моего пальто. Мы с тобой стильные, да, девочка? — он засмеялся. — Надо же, не видела меня полгода, а помнит!

— Тебя забудешь... — пробурчал Володя, закатывая его чемодан в дом.

И только Юра зашёл следом, как Володя захлопнул входную дверь. Герда обиженно твякнула с другой стороны, но он уже не обратил на это внимания. Юра снял пальто, повесил его на крючок, повернулся к Володе и замер, глядя ему в лицо. Володя сцепил зубы — ещё двадцать минут назад сам себе обещал, что не будет набрасываться, но его притянуло словно магнитом. Он шагнул к Юре, обхватил ладонями его лицо.

— Юр... — ткнулся носом в его холодную щёку. — Юр...

Тот коснулся тёплыми пальцами его шеи. Приблизился к губам, но не поцеловал, только еле-еле дотронулся.

— М? Что такое?

Володя качнул головой, прикрыл глаза:

— Ничего. Соскучился очень...

Дыхание Юры обожгло щёку. Володя, не открывая глаз, нашёл его губы — мягкие, податливо раскрывшиеся навстречу. Мир вокруг замер. В голове закружились сбивчивые мысли: всё-таки дождался, Юра здесь, это по-настоящему... А потом и они затихли. Остались только ощущения: Юрины пальцы в волосах, вкус его губ, тёплая кожа под ладонями — Володя и сам не заметил, когда залез Юре под джемпер. А ещё стало очень жарко — Володя так и не снял пальто и теперь просто сбросил его на пол.

Юра перехватил его руки у пряжки своего ремня. Подставляя под поцелуи подбородок, тяжело дыша, прошептал:

— Володь, стой, — и, вопреки своим же словам, притянул ещё ближе за шею. — Володь, я с дороги, мне в душ нужно.

— Да, хорошо. — Володя поцеловал его в шею. — Сейчас... — Добрался губами до выреза джемпера. — Сейчас я тебя отпущу...

И он правда отпустил, сделав над собой невероятное усилие.

Пока звал в дом Герду и искал Юре полотенце, тот уже скрылся в ванной.

Володя постучал. Юра открыл, посмотрел на него, улыбнулся.

Володя прокашлялся:

— Где всякие там гели и шампуни, ты помнишь, да? — А сам не мог оторвать взгляда от Юры — тот успел раздеться и стоял в одном белье.

— Я уже достал свои, — улыбнулся Юра. Он не спешил закрывать дверь, так и держался за ручку, глядя на Володю.

— Что? — растерянно спросил тот.

— У тебя взгляд как у Герды.

Володя вздёрнул брови.

— Почему?

Юра пожал плечами.

— Ну, когда она просит ласки, выглядит примерно так же... — Распахнув дверь

настежь, он отошёл к душевой кабине, повернул кран. — Ты со мной?

Володе не нужно было предлагать дважды.

А несколькими минутами позже Володя почти выпал из реальности. Шумел душ, по телу стекали струи горячей воды. Он обнимал Юру, целовал его мокрые плечи, прижимал и прижимался, касался везде, где только хотел. Но вдруг Юра, обернувшись, спросил:

— Как у тебя успехи с немецким?

Володя аж поперхнулся:

— Нашёл время спросить...

Тот засмеялся:

— Ну давай-ка, скажи что-нибудь по-немецки.

Володя мотнул головой — сейчас и на русском-то думалось с трудом, куда уже там на другом языке. Но он всё же вспомнил кое-что, выученное недавно.

Он прижался к Юриной спине, ткнулся губами в его ухо:

— Ich will dich, — сказал медленно и полужёпотом, сомневаясь, что произнёс правильно и что Юра вообще расслышал его за шумом воды. Володя поцеловал его в затылок, снова вернулся к уху и добавил: — Очень.

Тот задрожал — то ли от смеха, то ли от щекочущего дыхания Володи. Но потом выскользнул из объятий, повернулся лицом, потянулся к губам и перед поцелуем шепнул:

— Warte auf die Nacht...

Готовя ужин, Володя то и дело оборачивался через плечо — убедиться, что Юра, настоящий, а не виртуальный, действительно здесь. Тот попросил разрешения принести Володин ноутбук на кухню, получил утвердительный кивок и уже через пару минут стучал по клавишам, договариваясь с Машей о завтрашней встрече. Толком ничего не решив, полез смотреть афишу. В итоге планов на две недели у него появилось много.

Володя даже немного жалел — ему хотелось весь Юрин отпуск вообще никуда из дома не выходить, хоть он и подозревал, что затворничество быстро наскучит им обоим.

Накрыв на стол, Володя достал из шкафчика заранее купленный ром. Увидев бутылку, Юра вздёрнул брови.

— Специально купил? — он посмотрел на Володю, улыбаясь. — Мне?

Тот, ухмыльнувшись, пожал плечами.

— Надеюсь, угодил с маркой? Если что, давай твой откроем?

Юра хмыкнул:

— Всё в порядке. Ром — он и в Африке ром. Я всякий пью.

Поев и выпив полстакана, Юра начал зевать, хотя на часах даже девяти не было. Глядя на него, Володя вздохнул — он давно, ещё в скайпе, стал замечать, что Юра выглядел уставшим. А в реальности эта усталость проявилась куда сильнее: он похудел, скулы заострились, под глазами залегли глубокие тени.

Володя обеспокоенно спросил:

— Юр, ты не приболел?

Но тот лишь отмахнулся.

— Всё в порядке, просто нужно выспаться. Завтра приду в себя и очухаюсь — я же всё-таки в отпуск приехал.

Разговор явно не клеился. Володя поймал себя на странной мысли: с непривычки ни он, ни Юра не находил нужных слов и вопросов. Общаясь на протяжении этих месяцев — пусть в последнее время и не так часто, — оба знали, чем каждый живёт. А тоска проявлялась только в невозможности почувствовать физическое присутствие рядом. Наверное, поэтому ощущение, будто они давно не виделись, было неявным и приглушённым.

С кухни переместились на диван в гостиной. Порядком охмелевший Юра — действительно странно, что его повело с первого стакана, — принялся строить планы на предстоящий отпуск.

— Нужно нагуляться по городу, раз в прошлый приезд не успел. Всё-таки я здесь вырос, интересно, насколько всё изменилось. — Он встал, чтобы налить себе ещё рома, а потом, плюхнувшись на диван, улёгся Володе на плечо. Тот приобнял его за талию, пододвинулся

ближе. Юра продолжил: — Когда писал твой диск, так понравилось превращать воспоминания в музыку, что теперь хочу по приезде домой записать детство и память о Харькове — для себя. Жутко устал за эти два месяца, ни дня не нашёл для своей музыки, одна работа...

Володя пропустил между пальцев пару прядей его волос, зарылся носом в макушку.

— Ты правда выглядишь замученным.

— Да ладно, неужели так заметно? — Он поднял голову, недоверчиво посмотрел Володе в лицо. Тот кивнул, положил ладонь ему на щеку, погладил большим пальцем.

— Ты похудел. Наверняка питался как попало, а то и вообще поесть забывал?

Юра дёрнул плечами и виновато улыбнулся.

— Ну, может быть, иногда... Но ты же меня откормишь?

— Конечно!

— Ой, чувствую, зря спросил. По твоему взгляду сразу видно, что откармливать меня будешь одной овсянкой и салатами...

Он взял пульт от телевизора, стал бездумно щёлкать каналы. Остановился на каком-то сериале про войну. Володя плохо разбирался в современном кинематографе и не был в курсе, что сейчас крутят в эфире — телевизор он включал от силы пару раз в месяц.

— Так странно слышать украинский из телека, — прокомментировал Юра. — Будто в другой мир попал.

— Когда приезжал к тебе, мне было так же странно слышать отовсюду немецкий. Но ты-то хотя бы понимаешь, о чём тут говорят, а я вообще... как инопланетянин.

— Но сейчас-то ты уже можешь кое-что перевести? — лукаво улыбнулся Юра.

Володя пожал плечами.

— Я хожу на курсы всего пару месяцев... Читать худо-бедно умею, но на слух воспринимаю тяжело. Хотя если говорят что-то несложное медленно и чётко, то понять могу. А сам говорю плохо, пока не получается быстро и без запинки выразить мысль. Ещё и слова заковыристые. Вот твой немецкий красиво звучит, мягко, а у меня, кажется, сплошное злое шипение.

Юра рассмеялся, запрокинув голову. Так и оставшись полулежать, упираясь шеей в спинку дивана, тронул Володино предплечье. Тот повернулся и наклонился к нему, а Юра, улыбнувшись, поправил его сползшие на нос очки.

— У тебя красивый голос, Володь, на каком бы языке ты ни говорил. Мне в юности так нравилось тебя слушать...

— А теперь не нравится?

— Нравится! Но сейчас ты говоришь по-другому. Голос стал ниже, и... «г» мягче, «ш» протяжнее, в общем, перенял харьковский акцент. А раньше «акал», как типичный ма-а-асквич. Меня это так жутко бесило! — Он хохотнул и тут же стал серьёзным: — А потом... потом мне всё в тебе начало нравиться.

У Володи внутри что-то дрогнуло — так приятно было услышать это признание, будто из далёкого прошлого.

— Странно помнить голос человека спустя два десятка лет, правда? — спросил Юра.

— Не знаю, — ответил Володя. — Мне кажется, я в принципе не способен помнить голос так долго. Но с твоим-то слухом, что в этом может быть странного?

— Значит, мой ты не помнишь?

Володя покачал головой и сказал честно:

— Плохо. Помню, что он был звонкий: когда ты кричал на малышню, аж в ушах звенело. Интонации какие-то помню... Но прямо вот воспроизвести в голове звучание твоего голоса не могу. Да уже и смешалось всё — я привык к тому, как ты говоришь теперь...

— По-другому?

— Да. — Володя задумался, как бы объяснить. — Ты говоришь мягко и вкрадчиво, с приятным акцентом. И мне кажется, твой голос стал чуть хриплым, да?

Юра, улыбаясь, развёл руками.

— Тебе же виднее, я-то свой голос совсем по-другому слышу.

— Забавно, — протянул Володя, — я никогда ни с кем не обсуждал, как звучит чей-либо голос. Даже мысли не возникало.

— Просто раньше у тебя не было парня-музыканта, — хмыкнул Юра.

— Вообще-то, был, — не согласился Володя с наигранной серьёзностью. — Давно, правда, мне было восемнадцать тогда...

Юра хохотнул и ткнул его пальцем в лоб.

— Технически тогда я не был твоим парнем.

— Да? По-моему, всё было очевидно.

Юра фыркнул:

— А по-моему, даже Сидоровой всё было очевиднее, чем тебе! — И он, передразнивая, припомнил: — «Особенный друг, особенный друг» — вот что ты говорил!

— Так это же синоним!

— Не согласен! — воскликнул Юра и закинул руки Володе на шею, потянул его на себя. Володя придвинулся вплотную и почувствовал, как Юра барабанит пальцами по спине. — Немного грустно вспоминать, какими мы были, — прошептал он Володе в ухо. — Хотя порой мне кажется, что ты не сильно-то и изменился. Вроде стал старше, солиднее... Серьёзнее? — будто сам у себя спросил и тут же ответил: — Да нет, ты всегда был серьёзным, но в тебе легко узнать прежнего Володю. Я изменился сильнее.

Володя не понял, чем была последняя фраза — вопросом или утверждением. Он не хотел отвечать, боялся обидеть Юру, пусть в этом и не было ничего обидного — людям свойственно меняться, тем более спустя столько лет. Но в нынешнем Юре Володя действительно видел очень мало от него прежнего.

— Помнишь, я сказал на записи, что не хотел бы возвращаться туда, в прошлое? Это правда. Потому что там мы с тобой снова расстались бы, там мы не смогли бы быть вместе. А тут можем. Но я так боюсь, что ты не примешь меня таким, каким я стал.

Володя разомкнул объятия, приподнялся и с тревогой посмотрел Юре в лицо.

— Что за глупости ты говоришь? — нахмурившись, спросил он. — Юра, то, что было между нами в молодости, — очень важно. Но здесь и сейчас оно не имеет никакого значения. Юность ушла, а мы с тобой тут, вместе, и какой смысл цепляться за прошлое? Я уже прошёл эту стадию. Влюбился в тебя заново. В такого, какой ты есть сейчас, а не был когда-то.

Юра запустил пальцы в волосы на его затылке, потянулся к губам.

— Хорошо, — прошептал он, закрывая глаза. — Главное, чтобы ты не пожалел.

— Как я могу... — начал было Володя, но не стал заканчивать фразу, а просто поцеловал Юру.

За окном залаяла Герда — Володя забыл, что час назад выпустил собаку бегать во дворе. Пришлось оторваться от Юры.

Пока впускал в дом и вытирал ей лапы, Юра успел задремать прямо на диване в гостиной. Точнее, Володе так показалось, потому что Юра, подложив локоть под голову, просто неподвижно лежал с закрытыми глазами. В телевизоре кто-то за кем-то гнался, стрелял и кричал. Боясь, что шум может разбудить Юру, Володя аккуратно вытянул пульт из его пальцев и выключил телевизор. Но Юра, не открывая глаз, вдруг сказал:

— Включи обратно, я слушаю.

Не удивляясь, Володя улыбнулся — вспомнил, что Юра смотрит кино ушами. Забавно.

И правда: когда сцена погони закончилась, а вместе с ней замолкла бодрая музыка, Юра открыл глаза и приподнялся.

— Так себе саундтрек, — вынес он вердикт. — Тут война и смерть, а музыка будто стремится развеселить зрителя...

— Юр, ну это же проходной сериал. Кто станет писать для него шикарное сопровождение...

— Качественная работа звукорежиссёра и композитора как раз таки может сделать его не таким уж и проходным. — Юра зевнул.

— Пойдём в постель. Мне кажется, ты уже засыпаешь.

— Пойдём-пойдём... Я ведь тебе ещё кое-чего обещал сегодня. — Он подёргал бровями.

Юра поднялся и, выгнув спину, потянулся так, что задралась майка, на долю секунды обнажив впалый живот. Володя судорожно вздохнул, предвкушая продолжение вечера, но, увидев, как Юра прикрывает рукой очередной зевок, мягко улыбнулся.

— Обещания подождут до завтра.

Он взял Юру за руки и потянул в спальню. Но тот, обняв Володю за плечи, повис на нём и протяжно выдохнул:

— Я не хочу никуда идти. Положи меня на место.

Володя закатил глаза.

— Детский сад «Ромашка»... — Герда, соглашаясь с ним, сердито твякнула. — Даже собака велит прекратить баловаться и идти в кровать, — «перевёл» он.

— Ладно-ладно, слушаюсь! Развелось командиров...

Юра и правда очень устал. Он уснул почти сразу — Володя всего на пару минут отошёл покормить Герду, а когда вернулся, тот уже тихо сопел, натянув одеяло до подбородка. Выключив светильник, Володя аккуратно залез к нему — Юра не проснулся, только, придвинувшись, уткнулся носом ему в грудь.

А Володя ещё долго лежал, не смыкая глаз. Прислушивался к себе — к теплу, разливающемуся внутри, к умиротворению и спокойствию, которые уже однажды обрёл в Германии и по которым ужасно соскучился за прошедшие месяцы.

Отправляясь с Гердой на пробежку, Володя спешил поскорее вернуться домой, к Юре, в нагретую им постель. Несмотря на оставленную Юре записку, он по привычке взял с собой телефон и весь час ждал сообщения в ICQ. Не дождался — утомлённый перелётом Юра видимо, ещё не проснулся. Отворив двери дома, Володя задержался на пороге. Сердце грело приятное ощущение, что его дом больше не пустует, что в нём есть другой, любимый человек.

Украдкой заглянув в спальню, Володя умилился — Юра действительно спал, свернувшись калачиком, в обнимку со второй подушкой.

Пока Володя кормил Герду и варил кофе, Юра проснулся, вышел на кухню босиком. Володя не сразу его услышал, поэтому, когда тот положил ладони ему на талию, вздрогнул.

— Guten Morgen, — прижавшись к его спине, прошептал Юра и прихватил губами мочку уха.

Володя хотел было развернуться, чтобы обнять и поцеловать, но в турке закипел кофе, а Юра тут же прошмыгнул в ванную.

Позже, за завтраком, Юра спросил:

— Слушай, а что у тебя с распорядком дня? Я-то молодец, что приехал в отпуск, а у тебя ведь работа...

Володя отмахнулся.

— Я тоже взял отпуск — не хочу отвлекаться. Не сгорит без меня фирма, — уверенно ответил он, хотя на самом деле сомневался в этом. — Мне, конечно, пару раз придётся съездить в офис, кое-что подписать да решить по проектам. Но в целом... зачем мне Брагинский, в конце концов?

— Ясно. Просто я тоже не хочу тебя отвлекать...

— Юра! — Володя деланно возмутился. — Это не ты меня отвлекаешь от работы, а работа отвлекает меня от тебя. Ты приехал совсем ненадолго, я смогу отложить свои дела ради тебя.

Юра опустил взгляд в чашку с кофе.

— Спасибо... — пробормотал негромко и вдруг встрепенулся: — Кстати! Ты послушал весь мой диск, до конца?

Володя кивнул.

— Да, но последняя композиция... если честно, её я не понял. Решил, что раз ты приезжаешь и раз этот трек о тебе, то попрошу послушать вместе, чтобы ты мне всё объяснил... Ты не обидишься?

Юра замотал головой.

— Нет конечно. Я так и думал, что последний для тебя будет сложнее, ведь ты не знаешь моей истории. Ладно, послушаем, но давай не сегодня. Сегодня мы идём гулять с Машей! Она мне уже весь телефон оборвала.

— О господи, ещё же рань!

— А ты думал, чего это я проснулся до обеда? Думаешь, сам?

— Вот ведь... — пробурчал Володя. — Лучше бы я тебя разбудил как-нибудь... поинтереснее...

Юра мечтательно улыбнулся, но тут же мотнул головой, будто сгоняя с себя остатки сна, и весело скомандовал:

— Так, решено: едим, одеваемся — и в Харьков!

Приезду Юры радовался будто не только Володя, но и сама природа. Весна уверенно отвоёвывала у зимы свои права: небо прояснилось, солнце слепило глаза, пели птицы. Услышав весёлое щебетание, Володя отчего-то вспомнил редкую гостью в этих местах — ласточку, что прилетала к нему во двор прошлой осенью.

— Хорошо здесь, когда нет дождя и грязи, — прокомментировал Юра, выйдя на улицу. И, глубоко вдохнув, сказал: — Весной пахнет.

Володя выгнал Герду из дома во двор, насыпал в миску возле будки корма и направился к машине.

— А если дождь пойдёт? — спросил Юра, следуя за ним. — В смысле, Герда ведь на улице...

— Во-первых, я не закрываю двери дома, она умеет цеплять их лапой и открывать. Ну а в крайнем случае у неё есть огромная будка, куда мы с тобой даже вдвоём поместимся.

— А не страшно оставлять двери открытыми?

— Так ворота же закрыты. Да и посёлок охраняемый, тут шлагбаум на въезде, сигнализация на каждом участке, камеры стоят на всех улицах.

Юра ничего не ответил, лишь многозначительно хмыкнул.

С Машей договорились на три часа дня, а до этого времени решили пройтись по парку Шевченко. Впрочем, долго гулять не вышло. Юра надел тонкие белые брюки и быстро замёрз, да и Володя, привыкший ездить на машине, а не ходить пешком, тоже ощутил всю обманчивость весны. Солнышко-то пригревало, а вот ветер всё ещё оставался промозглым, так и норовил пробраться под одежду и украсть всё тепло. Поэтому они решили отложить осмотр Харькова на другой раз, а Машу дожидаться в кафе рядом с метро.

Но Маше не сиделось дома, и она позвонила на полчаса раньше оговорённого времени. Сообщила, что уже ждёт под Градусником.

Юра заметил её издалека, замахал рукой. Володя удивился — надо же, столько лет не видел, а сразу узнал.

Ещё больше удивился, когда, вместо того чтобы просто поприветствовать, Юра

подхватил её и закружил в объятиях — та аж взвизгнула.

— Сидорова! — воскликнул Юра, ставя её на ноги. Держа за плечи, он устоял на ней, прищурился и вынес вердикт: — Какая была, такая и осталась!

Та цокнула, закатив глаза.

— Да ладно тебе, Конев! А сам-то! — и заулыбалась. — И, вообще-то, я уже давно не Сидорова...

— Для меня ты всегда останешься Сидоровой... Потому что ты, коза, мне всю жизнь испортила, — весело заявил Юра.

Маша не обиделась, уловила шутку и засмеялась, но для приличия легонько стукнула Юру по плечу.

— Надо же, — прокомментировал Володя, когда наконец они обратили на него внимание. — А помнится, кто-то друг друга раньше прямо терпеть не мог.

Юра прыснул:

— Я так выражал свою любовь к ней!

Маша кокетливо откинула с плеча волосы и снова закатила глаза.

— Ой, да на кой ты мне сдался!

— Да уж, куда там я? То ли дело Володя! — съехидничал Юра.

Маша прыснула и как-то многозначительно посмотрела сперва на одного, потом на другого.

— Действительно — то ли дело Володя, да, Юра?

Продолжая неоднозначно шутить, они направились в кафе. Володя ещё не успел проголодаться и выпил воды, а Юра заказал себе мороженого. Маша, кокетливо сославшись на диету, ограничилась чаем.

Володя в основном слушал, говорили Юра с Машей. Они вспоминали свои смены в «Ласточке», общих друзей и забавные истории. Володя, лишь однажды побывавший в этом лагере, едва ли мог поддержать тему, да и не хотел мешать — с Юрой он ещё успеет наговориться. Минут через тридцать стало понятно, что беседа бывших заклятых врагов закончится ещё нескоро, и Володя решил ненадолго оставить их — пройтись до работы.

До офиса отсюда было рукой подать — через площадь Конституции вниз по Сумской.

Володя забрал книги по немецкому, раздал поручения сотрудникам и, встретив Брагинского, позвал его в кабинет переговорить.

— И как же это тебя на работу занесло в отпуске-то? — Он развёл руками.

— Да разве вас так просто бросишь? — скривился Володя. — Возьмете и вообще все фуры на границе забудете.

— Ой да перестань! — отмахнулся Брагинский. — Наша-то в чём была вина?

— В том, что мне не сообщили. Дим, давай, чтобы больше такого не повторилось, договорились?

— Так точно, товарищ начальник, — отшутился тот. — Куда поедешь, кстати?

— Поеду? А, отпуск... Я остаюсь в Харькове, у меня тут... дела.

Прищурившись, Брагинский торжественно развёл руки и медленно кивнул.

— Те же дела, что и в новогодние каникулы? То-то, я смотрю, зачастил ты в отпуски, Вова! Когда проставляешься?

Володя с трудом сдержался, чтобы не закатить глаза, лишь устало вздохнул:

— Жениться я не собираюсь, если ты об этом.

— И правильно! — Брагинский похлопал его по плечу. — Зачем торопиться? Всему своё время! Ну давай, иди с богом, семья — это самое важное.

Пусть Брагинский ничего о Володе не знал, но улыбался он искренне. За годы дружбы с отцом он стал воспринимать Володю как родного сына, о чём, особенно под градусом, заявлял открыто. Брагинский искренне любил Володю и, узнай о нём правду, возненавидел бы с той же искренностью. Во всяком случае так считал Володя, поэтому при общении с ним всегда был начеку и старался не завираться.

Вернувшись в кафе, Володя обнаружил, что заклятые друзья уже успели приговорить две бутылки шампанского. А Маша, ещё час назад следившая за фигурой и пьющая лишь чай, теперь с удовольствием уплетала десерт из сливок, фруктов и шоколада. Когда Володя

подошёл к столику, она что-то заговорщицки шептала Юре, перегнувшись через стол, и хихикала.

— Интересный тут чай подают, — заметил Володя. Он присел рядом с Юрой, потянулся к меню. — Пообедаем? Или вы сегодня только шампанским с десертами питаетесь?

Юра широко улыбнулся и пожал плечами.

В отсутствие Володи эти двое, видимо, успели перебрать все истории из «Ласточки», поэтому теперь Маша расспрашивала Юру о Германии. Юра с энтузиазмом рассказывал, и Володя, уже ориентируясь в теме, даже смог вклиниться в беседу.

Где-то через час Маша начала зевать — ещё бы, после двух-то бутылок шампанского. Юра тут же вскочил и потянул всех гулять в парк, несмотря на логичные доводы трезвого Володи, что на улице к вечеру похолодало ещё сильнее.

Впрочем, до парка они так и не дошли. Сумскую в этот день продувал порывистый ветер, и, когда они добрались до ХАТОБа, Маша уже постукивала зубами. Володя лишь развёл руками.

— Я же говорил, что замёрзнем. Никто меня не послушал.

Маша отмахнулась от него и вдруг ткнула пальцем в афиши на здании театра:

— О, Володь, смотри, опять «Призрак Оперы» в мае приезжает!

— Ты хочешь сходить ещё раз?

Маша замотала головой.

— Да нет, зачем, уже ходили ведь... Лучше на что-нибудь другое, если уж соберёмся. Хотя, может, Юре интересно? Юра, ты видел «Призрака Оперы»?

— Конечно, — кивнул тот. — Действительно, уж если идти, то на что-нибудь другое.

— Почему? Тебе не понравилось? — зачастила Маша. — Как же так? А Володя говорил, что это ты посоветовал купить билеты именно на «Призрака»...

— Ну, я знал, что тебе понравится, — улыбнулся Юра. Он зашагал вдоль выключенного фонтана, с любопытством заглядывая за паравет. — Ты ведь романтичная особа у нас, а? Тогда этот мюзикл как раз для таких, как ты.

Подойдя к нему ближе, Маша тоже заглянула в фонтан и фыркнула:

— Да, мюзикл же о любви, конечно, он романтичный, и мне он понравился! Правда, грустный...

Володе ничего не оставалось, кроме как тоже подойти к фонтану. Он посмотрел вниз и едва сдержался, чтобы не хмыкнуть: ничего интересного — лишь покрытая коркой льда грязноватая вода на дне. Но Юра, продолжая смотреть туда, спросил:

— Почему грустно?

— Ну, в конце ведь он исчез, Призрак-то, который Фантом, — объяснила Маша. — Вот и грустно! Он же умер? Или вроде того?

Юра сунул руки в карманы пальто и дёрнул плечами.

— Не знаю. Но концовка очень справедливая, я считаю. Ведь его любовь к Кристине была совершенно эгоистичной и неправильной: он любил её как музу, как... — Юра задумался. — Он не любил её как человека. Голос Кристины — это всего лишь инструмент для его произведений. И, зная, что она любит другого, Призрак всё равно пытался заполнить её манипуляциями и силой, он был готов даже навредить ей.

Маша замерла, очарованно глядя на Юру — даже рот приоткрыла.

— А я и не задумывалась о таком подтексте... — протянула она.

— А мне всегда казалось, что это всё лежит на поверхности. И я удивлялся, почему люди всё ещё считают это произведением о любви. Но это ведь лишь мой личный взгляд. Я вечно придираюсь к мелочам, если дело хоть косвенно связано с музыкой — работа такая.

— Эх, Конев, какой ты умный! — воскликнула Маша. И приподняла ворот плаща, укрываясь от очередного порыва ветра. — Но давайте, наверное, мальчики, по домам. Прав был Володя: я уже окоченела!

Володя с облегчением вздохнул — наконец-то нагулялись.

— Тебя домой подвезти? У меня машина на Рымарской припаркована.

Помня две прекрасные недели в Германии, Володя старался сделать так, чтобы каждая проведённая в Харькове минута тоже стала волшебной и вдохновляющей для Юры. Пусть Володя и не хотел сравнивать эти два отпуска, но всё равно сравнивал даже в мелочах. Например, его гостиная с камином была безусловно стильной, но не такой уютной, как

Юрин кабинет — здесь было пусто и уныло. Голые деревья и жухлая трава за панорамным окном тоже радости не добавляли. Но Володя всё равно попытался воссоздать похожую атмосферу. Перед тем как отправиться готовить ужин, выключил свет, зажёл камин, и по дому заплясали отсветы огня.

Мокрый после душа, закутанный в Володин халат Юра заглянул через плечо в сковородку и скривился:

— Фу, это что, стручковая фасоль?

— Да ладно тебе, это же вкусно. А с курицей и рисом тем более. И, кстати, полезно.

— Эх, это не Харьков, а оздоровительный санаторий какой-то. Чувствую, за две недели отпуска я тут не только отъежусь, но ещё и помолодею лет на десять. — Он весело хохотнул и, чмокнув Володю в щёку, уселся за стол. — Что у тебя там на работе, кстати?

— Ничего особенного. — Володя выключил плиту и достал тарелки. — Сходил, забрал кое-какие документы. Нужно будет ещё счета проверить, но в целом я теперь в твоём полном распоряжении.

— Супер!

Володя поставил перед ним тарелку. Юра, всё ещё скептически кривясь, попробовал еду, задумчиво пожевал, хмыкнул, вынес вердикт:

— В принципе вкусно! — и принялся с аппетитом уминать порцию.

Когда Володя убрал со стола и поставил греться чайник, Юра спросил:

— Так, и какие у нас планы на эту неделю?

— Не знаю. Ты вроде хотел много куда сходить, Харьков посмотреть? Только надо одеться потеплее. А ещё, помнишь, Ира с Женей хотели с тобой повидаться, можем заглянуть к ним в гости. — Он задумался, вспоминая, что ещё они планировали на отпуск, когда Юра, ласково улыбнувшись, поманил его пальцем. — Что? — игриво спросил Володя и шагнул навстречу.

Юра вцепился в его футболку и подтянул к себе, раскинул руки, обнял поперёк живота, прильнув к нему щекой.

— Не хочу никуда ходить, там такая мерзкая погода! Давай весь отпуск просидим дома, будем смотреть фильмы, пить ром и... — не размыкая объятий, Юра поднял на Володю

взгляд, — не вылезать из кровати.

Володя взъерошил его волосы и широко улыбнулся.

— Это звучит как отличный план!

Следующие две недели действительно стали едва ли не самыми лучшими за всю Володину жизнь. Несмотря на то, что каждый их день проходил по одному сценарию, Володе не надоедало и, казалось, не надоест никогда.

Они рано просыпались — Юра неизменно ворчал спросонья, но через силу вставал и, зевая, шёл одеваться. В первые дни Володя предлагал ему поспать подольше, мол, он и сам мог бы погулять с Гердой, но Юра был непреклонен.

— В конце-то концов, неужели ты думаешь, я к тебе приехал, Володя? — как-то раз пошутил он, почёсывая собаку по загривку. — Нет конечно, я к ней приехал, только Герде принадлежит моё сердце. Разве я могу отказать ей в прогулке?

После они возвращались в постель. Нежились, лениво разговаривая о чём-нибудь неважном, но интересном, а потом Юра ненадолго засыпал. А Володя лежал рядом и любовался, стараясь запомнить эти мгновения счастья.

Днём Володя работал — несмотря на обещания Юре, совсем бросить дела не получалось, приходилось выделять хотя бы пару часов в день. Юра не расстраивался, всё прекрасно понимая. Он в это время через силу играл на старом расстроенном пианино, правда, с каждым днём его занятия становились короче и реже. Володя беспокоился, что Юра нарушает свой привычный график, но тот отмахивался, мол, отпуск же.

Больше всего Володя ждал вечеров. Раз от раза они были одинаковыми, но скучными — никогда. Постоянство придавало им особенную, семейную окраску.

Юра открывал бутылку рома, ложился на диван в гостиной, пристраивал голову у Володи на груди, и вместе они слушали разную музыку — либо что-то старое, проверенное временем, либо современное, звучащее из каждого утюга. Иногда Юра иронизировал, иногда хохотал и открыто издевался, а иногда сидел молча с закрытыми глазами, а потом пару часов ходил задумчивый и притихший.

Несколько раз Володя предлагал Юре послушать и его собственную композицию — четвёртый трек на подарочном диске. Но Юра почему-то отнекивался.

А ещё Володя внезапно открыл в себе интерес к кулинарии. Обычно он обходился полезными, но простыми сочетаниями продуктов, но готовить вместе с Юрой оказалось весело и увлекательно.

К тому же за годы эмиграции Юра соскучился по русской и украинской кухням, поэтому каждый день вспоминал и предлагал приготовить что-нибудь новое. И чаще всего Володя даже не знал, из чего это всё готовится. На помощь, конечно, приходили интернет и Маша.

В первую очередь Юра, разумеется, заказал борщ. И готовили они его под чутким руководством Маши, висящей с ними на телефоне. Таким же вкусным, как у неё, борщ всё равно не получился, но Юра остался доволен. А когда ему взбрело в голову приготовить на ужин солянку, Володя окончательно распрощался с идеей правильно питаться эти две недели.

Володя старался планировать — составлял список нужных продуктов, чтобы не ездить в магазин каждый день, а закупаться хотя бы на два-три сразу. И искренне удивлялся, как Юра, в своей обычной жизни живущий по строгому графику, умудряется вносить столько хаоса во всё остальное.

Например, под конец первой недели отпуска они поехали в магазин, договорившись приготовить на ужин запечённую курицу, а вернулись домой с пачкой муки и лотком фарша, чтобы лепить пельмени. Впрочем, против них Володя уже не возражал — он просто смирился. Тем более лепить пельмени под симфонии Брамса, одновременно слушая вводный курс об эпохе романтизма в музыке, было слишком занимательно.

В начале второй недели отпуска на улице по-настоящему потеплело. Прохладный сквозняк всё ещё поддувал под одежду, но солнце жарило так, что под конец утренней пробежки Володе пришлось снять олимпийку.

Юра догнал его минут через пять, но не один, а с Гердой. Володя иронично хмыкнул — обычно она бегала вместе с ним, а теперь от Юры ни на шаг не отходила.

— Давай сходим сегодня погулять? — предложил Юра, прикладывая руку козырьком ко лбу и смотря вдаль, на лес. — В город не хочется, а погода хорошая.

Володя кивнул.

— Давай. Вот туда можно, — он указал рукой на высокий лесистый холм вдалеке, за рекой, чуть правее от территории бывшей «Ласточки». — Оттуда обзор красивый, и можно на машине подъехать, чтобы грязь не топтать. Только подняться надо будет.

К обеду совсем распогодилось. В лесу, правда, было зябко и сыро, но порывы тёплого ветра приносили с собой запах весны. На ветках проклюнулись почки, а где-то высоко, в кронах, пели птицы.

Забраться на холм оказалось не так уж и просто — ноги скользили по ещё не просохшей земле. Благо перед выходом из дома Володя заставил Юру надеть резиновые сапоги и старую куртку. Пока поднимались, Юра умудрился споткнуться о торчащий из земли корень дерева и не упал лишь потому, что влетел Володе в спину. Володя смеялся, Юра матерился, но, как только добрались до назначенного места, стало ясно: усилия того стоили.

Выйдя на небольшое плато, Володя вдохнул полной грудью, окинул взглядом окрестности. Обернулся к озадаченному Юре. Тот с интересом рассматривал кучу сваленного посреди плато хлама — сырые гнилые доски с облупившейся зелёной краской.

— Это?.. — Он вопросительно взглянул на Володю.

— Беседка, — кивнул тот.

Юра вздохнул:

— Эх, жалко. Такое место было.

Володя пожал плечами.

— Место никуда и не делось. Я распорядился снести эту рухлядь, она прогнила вся. Скоро отстроят новую.

Юра приблизился, встал рядом с ним. Очарованно протянул:

— Красиво...

И правда красиво. Немного страшно из-за высоты. Плато резко обрывалось: внизу виднелся песчаный склон с густым подлеском, плавно уходящим к реке. А на другом берегу — коттеджный посёлок, дальше — бескрайняя степь с белыми прогалинами ещё не растаявшего снега посреди бурой прошлогодней травы.

Яркое солнце, пробиваясь через пушистые густые облака, отбрасывало причудливые

тени на раскинувшийся впереди пейзаж, отражалось бликами в воде. Речка, наполненная талыми водами, шумела и совсем не казалась пересохшей, но Володя знал: как закончатся паводки, русло снова обмельчает, а в знойное лето и вовсе заболотится и местами высохнет.

— Всё такое знакомое и одновременно такое... чужое, — задумчиво произнёс Юра.

Володя кивнул.

— Вот там, — он указал пальцем на болотце, сплошь покрытое жухлым камышом, — раньше была та заводь с лилиями.

Юра вздохнул.

— А вон «Ласточка», — он повернулся вправо, шагнул ещё ближе к обрыву. — Заросла совсем, летом за деревьями и вовсе не видно, наверное... — Глядя на лагерь, Юра застыл на несколько секунд, но вдруг встрепенулся, спросив: — А ты задумывался над тем, что с ней делать?

— Много раз, — кивнул Володя. Заворожённым видом замершего у самого обрыва Юры, он подошёл к нему сзади и обнял. — Думал, но так ничего и не решил.

— Может, разбить парк для жителей «Ласточкиного гнезда»? — спросил Юра. — Сделать беговые дорожки, восстановить корт, поставить площадки для детей. Здорово будет, разве нет?

— У нас уже есть такой парк. И хоть он далеко от моего дома, второй будет лишним. — Володя покачал головой. — Может быть, сделать здесь лагерь? Или просто отельный комплекс для семейного отдыха. Восстановить всё, что можно, а что нельзя — отстроить заново. — Он провёл носом по Юриному уху, поцеловал серёжку и прижался подбородком к его плечу. — Ты что думаешь?

Тот ответил, продолжая задумчиво смотреть вдаль:

— Лагерь? Да кому он сдался... И без того половина лагерей и баз отдыха пустуют, я это прошлой осенью выяснил. — Он повернулся к Володе, серьёзно на него посмотрел. — Ты не вернёшь «Ласточку», Володь. Даже если восстановишь до мельчайших подробностей... то время уже ушло.

Последние дни омрачились предстоящим расставанием. Грусти не было, но горькие мысли, будто тени, жались по углам и то и дело бросались на Володю, заставляя врасплох. Он

старался выкинуть их из головы и забыть о неминуемой разлуке, но время не остановить: день перед Юриным отъездом настал, последние сутки вместе.

С самого утра Володя испытал ощущение дежавю. Точно как в Германии, Юра проснулся раньше него и сидел на кухне в полной тишине. Не курил, как тогда, но отрешённо смотрел перед собой. Увидев его таким снова, Володя невольно подумал, будто они застряли во временной петле.

Всё, что уже было, повторится в точности: интернет, ожидание, те же вопросы — «Когда приедешь?» и «Почему не отвечаешь?». Часы от сообщения до сообщения, работа без интереса, поиск занятий, чтобы отвлечься от одиночества — не жизнь, а существование. И постоянная тоска. Это уже надоело. Но другой жизни у них не было, придётся жить свою.

— Что-то мне всё это напоминает, — вместо приветствия сказал Володя.

Юра печально улыбнулся и пожал плечами. Встал, поцеловал его в щёку, подошёл к пианино, провёл пальцами по клавишам.

Володя проследил за ним взглядом и попросил:

— Сыграй что-нибудь.

— Давай лучше что-нибудь послушаем? Как насчёт джаза?

Юра поставил диск с оркестром Глена Миллера и сел завтракать с Володей. Слишком весёлая музыка казалась неуместной для этого утра и больше раздражала, чем радовала.

— У меня есть идея получше, — заявил Володя и устремился к музыкальному центру. — Интересная музыка без названия. А у тебя, Юр, есть должок.

Он поставил диск с Юриной музыкой и не успел включить, как Юра возмутился:

— Ну зачем? Не надо. — Он встал и подошёл к музыкальному центру, попытался выключить, но Володя преградил ему путь.

— Я настаиваю, — сказал он, и музыка заиграла.

Юра сложил руки на груди и, отойдя к камину, неловко плюхнулся в кресло и болезненно ахнул.

— Ой, кажется, подвернул. — Он нахмурился и стал ощупывать лодыжку.

Володя тут же оказался рядом, осмотрел его ногу и, не обнаружив ничего подозрительного, успокоился. «Не хватало ещё торчать в больнице, вместо того чтобы провести дома последние сутки вместе», — подумал он, а вслух сказал, прищурившись:

— Юр, а ты не симулируешь?

Но тот закатил глаза.

— Уж поверь.

Володя сел в кресло напротив, положил Юрину ногу на колени и принялся массировать, но тот нахмурился ещё сильнее. Володя обеспокоенно спросил:

— Больно?

Юра покачал головой.

— Зря ты её поставил.

— Зря? — удивился Володя.

— Зря, — кивнул Юра.

— Не понимаю... — Володя пристально посмотрел ему в глаза, но Юра опустил взгляд.
— Юра, я не люблю недоговорок. Почему ты так упорно отказываешься её слушать?

— Слушать я не против, а вот рассказывать — не хочу. Понимаешь, я записывал этот диск до твоего приезда в Германию, и тогда я ещё не знал, что ты станешь так ревновать.

Ощущая, как тлеет в груди знакомое болезненное чувство, Володя догадался, в чём причина упорного Юриного молчания. Вернее, не в чем, а в ком.

— Опять Йонас... — тяжело выдохнул он.

— Опять, — кивнул Юра. — Я понимаю твои чувства. Можно подумать, будто вся моя жизнь вертелась вокруг него.

— Да, так подумать действительно можно, — ответил Володя. — Но ты правильно сказал: нельзя просто вычеркнуть из своей жизни человека, который был её частью шесть лет. Я тебя понимаю, у меня есть такой же Игорь, только, в отличие от тебя, я хотя бы прикладываю немало усилий, чтобы от него избавиться.

— Только не злись опять.

Но злости у Володи не было, только усталость. Ему надоело наткаться на Йонаса почти в каждом разговоре. Казалось, что он не прошлое, а настоящее, что их не двое, а трое.

Проводя пальцами по Юриной коже, Володя размышлял, как избавиться от этого третьего лишнего, но не находил решения: ему не доставало знаний о Йонасе, чтобы вышвырнуть его из их жизни раз и навсегда. Если эти знания вообще могли хоть как-то помочь.

После минутного молчания Володя негромко попросил:

— Юра, расскажи мне о вас, и закроем наконец эту тему. Мы оба от неё устали.

Юра удивлённо вскинул брови.

— А хуже не будет?

Володя невесело хмыкнул:

— Хуже будет, только если я найду его в твоей постели.

— Ну уж нет, такого не случится никогда! — Юра рассмеялся. — Йонас давно в прошлом.

«Я бы так не сказал», — подумал Володя, но промолчал.

Юра устроился поудобнее в кресле, подтянул ногу к Володе, намекая, чтобы тот продолжал массаж.

— Нас познакомили общие друзья, — наконец начал Юра. — Йонас почему-то напоминал мне тебя. Но только внешне, — уточнил он. — Внутренне вы совершенно разные.

— И что? — перебил Володя агрессивнее, чем собрался. Ему не понравилась эта ремарка: Юра будто бы оправдывался перед ним.

— Ничего, просто отметил, — сказал тот, словно не заметив грубости. — Какое-то время мы просто встречались, а о том, чтобы съехаться, даже не думали. Но через год о нас узнали мои родители. Я так рассорился с ними, что пришлось уйти из дома и переехать к Йонасу в Берлин. Мне дико не нравилось зависеть от него. Но я много учился, и снять квартиру не получалось — так я оправдывал сам себя. Йонас уже тогда был гей-активистом, но ещё не погряз в политике. Поэтому нам нравился наш гражданский брак. — Юра

изобразил пальцами кавычки. — Правда, вспоминаю сейчас те времена и понимаю: жили, вообще-то, здорово, ходили на разные вечеринки и собрания. Но его квартира была как проходной двор: всегда полно народу, некоторым Йонас даже разрешал ночевать. Но вскоре он задумал создать политическую партию для борьбы за права секс-меньшинств и сделал из нашего дома подобие штаб-квартиры. А мне с моей музыкой требовалась тишина и личное пространство. С тех пор между нами пошёл разлад, мы начали ссориться, однажды даже подрались, представляешь? — Юра усмехнулся.

Володе смешно не было. Он не мог даже вообразить, чтобы у него поднялась рука на Юру, тем более из-за музыки. Он проглотил так и рвущееся из горла «Вот урод» и продолжил молча слушать.

— После драки мы не разошлись, но я решил, что лучше жить одному, и стал активно искать квартиру. Но только я переехал, как до меня дошли слухи, будто у Йонаса кто-то появился. А мы, вообще-то, не расставались, встречались у него три раза в неделю. Я помчался к нему и устроил скандал, — он хмыкнул и потупил взгляд. — Потом помирились.

— И ты так запросто простил ему измену? — буркнул Володя.

— Володь, я до сих пор точно не знаю, изменил он мне тогда или нет. Он уверял, что его оболгали. Что, кроме меня, у него никого нет и не было, что никто другой не нужен. К тому же ребята, что на него донесли, неожиданно дали задний ход — мол, вроде да, но, может, и нет. Как бы то ни было, после того случая у меня началась паранойя. Я пытался выяснить, когда и с кем он общается, устраивал сцены ревности, а он меня никогда ни к кому не ревновал. Даже обидно как-то. В общем, ссорились с ним мощно, но и мирились тоже... хорошо. Я боялся оставлять его одного, и в итоге мы снова съехались, но на этот раз он перебрался ко мне — моя квартира была больше. Но вместе с Йонасом ко мне переехала вся его тусовка. Не представляешь, какой у нас творился бедлам: я в кабинете, а он с толпами своих соратников и знакомых в гостиной. У него орут друзья, у меня — музыка, Йонас орёт на меня из-за музыки, я — на него из-за друзей. И ведь несмотря на то, что занимались они таким благородным делом — политикой, попойки у них были дикие. И не только попойки. Не знаю, как я терпел это почти год! Но терпение лопнуло, когда я застал у себя в спальне, в своей собственной кровати, тройничок!

— С Йонасом? — осипшим голосом уточнил Володя.

Юра воскликнул:

— Нет, что ты! На такое ему не хватило бы наглости. Во всяком случае тогда.

Он неожиданно замолк. Закусил губу и незряче уставился в окно. Володя видел, что он пытается подобрать слова и это даётся ему нелегко, поэтому не торопил.

Собравшись, Юра продолжил:

— В общем, история со штаб-квартирой у меня дома закончилась, мы стали жить как приличная семья. Так могло показаться со стороны, но на самом деле нашу жизнь начала отравлять политика. Думаю, занимайся ею Йонас с самого начала, у нас бы ничего не получилось: политика требовала слишком много времени и сил. Но она приходила в его жизнь постепенно. Йонас нуждался в том, чтобы говорить о ней постоянно, а я, выгнав всю ту братию, можно сказать, лишил его этого. Вскоре он открыл комьюнити-центр. Тот самый, куда мы с тобой приходили, — улыбнувшись, уточнил Юра. — Йонас стал сутками пропадать там. Но, даже когда он был дома, нам стало не о чем говорить. Я не мог поддерживать его разговоры так, как было нужно ему.

— А как было нужно ему? — не понял Володя.

— Йонас не просто занимался политикой — он ею жил. В начале своего пути такие люди, как он, особенно нуждаются в партнёре-единомышленнике. Йонасу нужен был другой человек, такой же, как он сам, чтобы не просто разделял, а болел его идеями вместе с ним. Первое время я пытался разрываться между музыкой и Йонасом, но в конце концов музыка победила. Меня всё это перестало волновать после прорыва в карьере. Я наконец перестал клепать дешёвый ширпотреб для магазинов и ресторанов — это, знаешь, такая специальная пустая музыка, чтобы заполнить тишину, но не отвлекать покупателей. Этими пародиями на искусство я зарабатывал много лет. Но потом заключил договор с лейблом, смог наконец писать настоящую музыку, и с тех пор меня интересовала только она. А Йонас её просто возненавидел. Он мне однажды сказал, что моя музыка, да и музыка в целом, — бессмысленна.

— Это же бред! — с жаром воскликнул Володя. — Музыка — это искусство, он что, отрицает его ценность?

— Ценность он не отрицал, он отрицал сам смысл моего, как он выразился, «сочинительства». И самое неприятное в том, что он, вообще-то, прав. Музыка действительно бессмысленна, потому что пройдёт время, и она неизбежно потеряется и забудется. Может быть, музыка великих композиторов по случайности или из-за исключительного таланта станет бессмертной, но с моей музыкой этого точно не произойдёт. Какой-нибудь саундтрек сохранится в истории благодаря фильму, но даже самые популярные фильмы забудутся. И вряд ли через пятьсот лет кто-то будет слушать написанное неким Юрой Коневым.

Володя открыл было рот, чтобы возразить, но Юра снисходительно улыбнулся и покачал головой.

— Йонас не понимал главного: для меня это «сочинительство» — попытка сохранить то, что обречено на умирание. Я люблю музыку за хрупкость. Но Йонас прав и в другом: то, что делает он, идёт на пользу всем и даже спасает жизни. Но меня тогда так ранили его слова, что я закатил настоящую истерику — мы ужасно поссорились. Он собрал вещи, ушёл и перестал отвечать на звонки. Где-то через неделю я не выдержал и бросился его искать. В комьюнити-центре его не оказалось, я собирался поехать на Моцштрассе и обойти каждый клуб, но догадался сначала зайти в нашу старую квартиру. У меня, конечно, остался свой комплект ключей, и я даже и не подумал позвонить в дверь — сам открыл. Зря не позвонил, не увидел бы, как он...

Юра резко замолк и отвернулся, будто пытаюсь скрыть свои эмоции. Вдохнул, выдохнул, снова посмотрел на Володю и ровно продолжил:

— Он не слышал, как я вошёл, и продолжал прыгать на каком-то парне. Я глазам своим не поверил, стоял в дверях, как идиот, приглядывался, мол, не может быть, что это Йонас. Но это был он, не пьяный, не под наркотой, а настоящий он!

Юра снова замолчал и отвернулся. А потом и вовсе откинулся на подголовник и прикрыл лицо рукой. Тяжело вздохнул.

— Не знаю, что творилось у меня в голове, не помню, но я не сказал ни слова, просто выбежал оттуда, и ноги сами принесли меня на Моцштрассе. — Говоря это, Юра не отнимал ладони от лица, избегая смотреть на Володю. Голос его звучал глухо. — Я напился вдрызг и в каком-то клубе, не помню уже в каком, столкнулся с одним парнем из прайда, который давно пытался меня склеить. Не спрашивай, зачем я это сделал, я не знаю! Он давно хотел, а я сам ему предложил: ведь я теперь человек свободный, ничто меня не останавливает. О боже...

— Угу. И он, конечно же, согласился, — скривившись, протянул Володя.

— Да.

Володя понимал, что не имеет права осуждать Юру, но и промолчать не смог. С издёвкой спросил, заранее зная ответ:

— И это решило проблему? Тебе полегчало?

— Нет конечно.

Юра опустил ноги на пол и сел в кресле, уронив голову на грудь. Глядя на его

ссутуленную спину, Володя не мог злиться на Юру. А на Йонаса — мог.

— Я теперь очень жалею, — процедил он, — что не набил этому уроду морду. А ты молодец, ты правильно сделал, что порвал с ним.

— Я с ним не порвал, — прошептал Юра. — Я его простил. Я любил его, понимаешь?

«Любил его», — мысленно повторил Володя. Впрочем, и без этих слов ему стало ясно: Юра действительно любил Йонаса, по-настоящему и искренне.

Но страшно, действительно страшно Володе стало от другого: главный человек в жизни Юры не он, а Йонас! И на самом деле Володя — всего лишь проходящая первая влюблённость, какая бывает у всех и всеми забывается.

Это у Володи после Юрки не было ничего, после Юрки ничего не осталось. Чувства к нему на многие годы выжгли в Володе способность любить. Была нежность к Свете, стыд и страх за неё. Была похоть к Игорю, надежда и обида. Но любви не было. Володя за всю свою жизнь не испытывал её ни к кому, кроме Юры. А Юра любил. По-настоящему, сильно, самозабвенно, жертвенно, именно так, как когда-то Володя — его.

И в то же время он понимал, что в самом факте Юриной любви к другому не было ничего предосудительного, неправильного или несправедливого. Просто у Юры хватило смелости вновь испытать столь сильные чувства. Так разве он в чём-то виноват? Конечно нет, но Володю убивало, травило и выворачивало наизнанку то, что Йонас для Юры значил так же много, как Володя в юности.

Если светлый хрустальный образ Юрки начал покрываться трещинами ещё в Берлине, то во время этого разговора он стал рассыпаться на куски, что, падая на пол, с мелодичным звоном разбивались и исчезали навсегда. Но если того Юры, чей образ бережно хранил в памяти Володя, больше не существовало, то кто тогда сидел перед ним? Кто-то чужой? Вряд ли. Незнакомый? Нет. И что этот «кто-то» значил для него?

Значил он многое. Ведь от взгляда его карих глаз сердце билось быстрее, а от голоса в груди теплело. Володю тянуло коснуться Юры, а его собственный голос звучал так нежно, когда он называл его по имени. Ю-ра. Музыка этого имени — шепчи его или кричи, — одинаково волшебна.

— Тогда почему вы расстались? — спросил Володя пустым, безжизненным голосом.

— Мы расстались без причин. Просто однажды у меня с глаз будто спала пелена. Я

перегорел, как лампочка. Всё как-то само собой произошло. Я просто проснулся и понял, что не хочу больше его видеть, что всё ушло: и любовь, и влечение, и вообще какие-либо чувства и эмоции.

— Но Йонас сказал, что ты возвращался к нему.

— Было жалко и времени, что отдал ему, и чувств, что когда-то испытывал. Я возвращался, да. Чтобы на следующий день уйти. Но всему есть предел, и однажды я ушёл насовсем.

— Ясно, — сказал Володя.

Трек про Германию, что крутился на повторе, стал раздражать. Будто уловив смену Володиного настроения, Юра подошёл к музыкальному центру и выключил диск. Дом погрузился в тишину.

Вернувшись к Володе, Юра тронул пальцами его волосы. Тот поднял пустой безэмоциональный взгляд.

— Что с тобой? — мягко спросил Юра.

— Ничего, — сухо ответил Володя. — Просто завидую. Почти за сорок лет я никого, кроме тебя, не любил.

По Юриному лицу будто прошёл спазм. Он вдруг опустился на колени, накрыл ладонями Володиной щеки и так пристально посмотрел ему в глаза, будто пытался заглянуть в самые потаённые уголки души.

— Володя, что я сейчас сделал? — хрипло спросил Юра.

— Рассказал про...

— Нет! Что я сейчас сделал с тобой? Я обидел тебя? Причинил боль?

— Юра, а как иначе? Конечно мне больно! — воскликнул Володя. — Но что теперь поделывать? Прошлого не изменить. Но спасибо за честность.

— Как я могу исправить это? — Юра совсем осел на пол, уткнулся лбом в Володиной колени.

Володю смутил этот жест. Он не хотел, чтобы Юра извинялся, сидя у ног как собака. Он

попытался поднять его с колен, но Юра схватил его за руки, сжал их и поцеловал ладони.

— Знаешь, — прошептал он, с нежностью глядя Володе в глаза, — я никогда не посвящал ему песен. Я вообще никому, кроме тебя, ничего не посвящал, и никто не вдохновлял меня так, как ты. Честно.

Володя опустился рядом на пол и обнял Юру. Осторожно прижимая его голову к груди, целовал волосы и вдыхал запах. Сердце разрывалось от стремительно сменяющихся друг друга чувств: от злости, почти ненависти, за любовь к другому до всепоглощающей нежности к Юре и страха потерять его, выпустить из объятий хоть на минуту.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — прохрипел Володя — горло сжимала тревога. — Я не хочу отдавать тебя кому-то.

— Никому ты меня не отдаёшь, — пробурчал Юра ему в шею. — Прежде чем так думать, спроси моего мнения, хочу ли я вообще кому-то, кроме тебя, отдаваться?

— Но я не смогу жить так, как ты предлагаешь. Это не жизнь вообще. Ты — там, я — здесь. Это отношения даже не на два города, а на две страны! Раздельная жизнь по факту: у тебя — своя, у меня — своя, дом у каждого — свой, просто мы иногда пересекаемся. Неужели ты хочешь этого?

— Нет, — буркнул Юра — Володе показалось, что тот всхлипнул.

— И я так не хочу! — Володя положил ладонь ему на плечо и крепко сжал. — Я хочу всё и сразу, хочу, чтобы мы были семьёй. Хочу общий дом, общий быт, собаку, в конце концов, общую.

Юра приглушённо рассмеялся.

— И что делать? Опять эмигрировать? И кому из нас?

— Ну... — протянул Володя и замолк, осознавая наивность своих слов, но, какими бы наивными они ни были, он отказывался сдаваться. — Ты можешь остаться у меня? Работать здесь, а высылать музыку по интернету? Ведь это же возможно?

— Жить так? Не думаю.

— Ну, может, не жить, а просто оставаться не на неделю, а подольше? Надо будет — полетишь в Германию, как в командировку.

— Милый мой Володя... — протянул Юра, отстранившись. Грустная улыбка на его

губах была красноречивее любых слов.

— Ясно, — сказал Володя и встал. — Надо выгулять собаку.

Он быстро оделся и, позвав Герду, вышел в прихожую. Юра засобирался пойти с ним, но Володя его остановил:

— Мне нужно побыть одному. Слишком много информации за сегодня — надо утрясти всё в голове.

Закрывая за собой дверь, Володя увидел Юру, растерянно стоящего посреди комнаты. Но сил остаться сейчас рядом с ним просто не нашёл.

А вернувшись через полтора часа, он застал Юру в прихожей — тот надевал пальто.

— Куда ты? — спросил он, не скрывая тревоги в голосе.

— Я тоже хотел погулять, — ответил Юра и поднял на него серьёзный взгляд. — Скажи, что ты надумал? Мы расстаёмся?

— Что? — опешил Володя. — Нет!

— Так мне вообще ждать тебя летом? — холодно спросил Юра.

— Жди. Жди, конечно, — произнёс Володя, пряча глаза. Он понял, к чему Юра клонит, и добавил: — Я буду терпеть отношения на расстоянии, пока не сломаюсь, если ты об этом.

— Это хорошо. — Юра кивнул.

— Так всё-таки куда ты?

— Я же сказал, — Юра сверкнул глазами и хитро улыбнулся, — погулять.

Юра быстро скрылся за дверью, Володя и слова не успел сказать.

Володя злился из-за того, что позволил и себе, и Юре тратить впустую оставшееся время. Хотелось вернуться в сегодняшнее утро и вообще не начинать этот разговор о Йонасе и Юрином прошлом. Не портить последний день вместе. Но он уже был испорчен, и даже вечер, и ночь. А завтра у Юры самолёт.

Юра не пришёл ни через час, ни через три. Володя дважды звонил ему, спрашивая, когда тот вернётся. Но Юра отвечал, что домой пока не собирается.

Всё это время Володя не находил себе места: измерил шагами каждую комнату, перемыл всю, даже чистую, посуду, приготовил ужин, но не съел и кусочка, брался за книги и тут же откладывал их. Злился — больше на себя, чем на Юру.

Когда часы пробили ровно шесть вечера, Володя услышал звонок в дверь и бегом рванул к ней.

— Где ты был? — Он едва сдержался, чтобы не закричать на Юру. — Почему так долго? Я чуть с ума не сошёл!

— Я сдал билет, — только и ответил Юра, победно глядя, как губы Володи растягиваются в улыбке.

17. Условное счастье

Володя вошёл в спальню. Было темно, но он различил два силуэта на своей кровати, затем услышал тихое прерывистое дыхание. Он инстинктивно потянулся к выключателю, но скользнул ладонью по пустой холодной стене.

Порыв ветра из открытого окна принёс с собой запах весенней ночи и всколыхнул штору. Она отодвинулась, и лунный свет упал на двух мужчин на кровати. Володя упёрся взглядом в ровную спину, замороженно следя за мышцами, перекатывающимися под смуглой кожей. Тот, кто лежал снизу, положил одну ладонь на лопатку, поглаживая, а второй зарылся в светлые крашенные волосы. Володя сразу же узнал эти руки — большие кисти, изящные длинные пальцы. Юрины.

Раздался тихий протяжный стон. Володя узнал голос. Он зажмурился, пытаясь прогнать видение, но, когда открыл глаза, картина не рассеялась. Зато стало светлее. Володя, противясь себе, шагнул ближе к кровати — чтобы рассмотреть, убедиться. А в следующий момент Йонас повернулся к нему вполоборота и, не прекращая движений, приветливо улыбнулся. Юра под ним приподнялся, обхватив Йонаса за шею, посмотрел на Володю и, будто приглашая, протянул ему руку.

Возмущение, злость и ревность вспыхнули внутри, но ко всему этому примешалось ещё и возбуждение — такое сильное и горячее, что Володя, преодолевая себя, шагнул назад, избегая Юриного прикосновения. Тот лишь мимолётно улыбнулся и тут же отвернулся, потянулся другой рукой в сторону. Володя поднял голову и судорожно вздохнул — с противоположного края постели на него, будто из зеркала, смотрел он сам. Вот только то отражение не было статичной копией. Тот Володя, усмехнувшись, взял протянутую руку, упёрся коленями в кровать и потянул Юру за волосы, прижимая к своему паху.

Володя хотел было что-то крикнуть, но не смог произнести ни звука. А когда попытался шагнуть ближе к кровати, чтобы оттолкнуть от Юры Йонаса или своего двойника — не смог сделать и шага. И когда комнату начало заволакивать туманом, Юра вдруг повернулся и испуганно посмотрел Володе в глаза.

Сон отпускал медленно, нехотя. Володя, буквально проваливаясь каменным затылком в подушку, с трудом открыл глаза и посмотрел в потолок. В паху было тяжело и подозрительно мокро. Он не сразу понял, что происходит — по всему телу расходилось тепло, погружающее сознание в негу удовольствия и мешающее остаткам сна раствориться. Перед глазами всё ещё стояла та мерзкая, но возбуждающая картина: Юра на кровати, Йонас — над ним, а сам Володя — сбоку.

Скинув с себя одеяло, он глянул вниз.

— Юра... — Володя запустил пальцы в его волосы и чуть потянул, отрывая от себя.

Тот упёрся подбородком ему в живот, посмотрел снизу вверх — румяный, возбуждающе невинный, — и растянул влажные губы в ехидной улыбке.

— Доброе утро.

Володя нервно сглотнул и сипло выдавил:

— Иди сюда.

Юра поднялся выше, устроившись в его объятиях. Володя, поцеловав, уткнулся лицом ему в сгиб шеи.

Сон всё ещё не уходил, непристойная сцена так и застыла под веками. Казалось бы, это всего лишь видение, но ведь так действительно когда-то было: не они втроём, а Юра с Йонасом. До этого момента Володя мог не думать о том, что Йонас делал с Юрой, куда проникал, где трогал и оставлял свои следы. Спросонья Володе казалось, что он видит их на Юриной коже и что Юра до сих пор пахнет чужим человеком. Что он до сих пор принадлежит Йонасу.

— Хочу тебя, — прохрипел Володя, целуя Юру за ухом. — Прямо сейчас.

Юра задрожал, прерывисто выдохнув.

— Вот так сразу...

Володя кивнул. Юра, поджав губы, смутился, но тут же, отстранившись от него, потянулся к тумбочке. И сразу же вернулся к Володиным губам. А потом вдруг надавил ему на плечо, укладывая на спину, и перекинул через него ногу.

Сидя на нём, Юра покачивался и смотрел сверху вниз, не разрывая зрительного контакта. А Володя всё равно словно продолжал спать — будто это не он сейчас смотрит Юре прямо в глаза, будто настоящий он стоит за спиной. И тут же вспышкой в мозгу возник кадр: Ионас на коленях, Юра лежит перед ним, а сбоку Володя — притягивает Юрину голову к своему паху.

Володя будто оказался заложником этих образов — касаясь пальцами Юриной груди, придерживая его за бока, не мог избавиться от мыслей, что там же его трогал Ионас.

Не выдержав, он опрокинул Юру на кровать, навис над ним, грубо, глубоко поцеловал. Юра застонал, Володя вжался в него, вцепился губами в шею. А отстранившись, увидел на коже красный след — будто метка. Возбуждение ударило по нервам с новой силой, Володю затащило в жаркую, тесную темноту. Образы из сна рассеялись, сменившись одной-единственной пульсирующей мыслью: «Мой, только мой. Не отдам».

Вздрагивая всем телом, Юра тяжело задышал, а у Володи закружилась голова. Когда его пронзило удовольствием, он ещё сильнее сдавил Юру в объятиях, судорожно застонав ему в шею. И тут же расцепил руки, обеспокоенно глядя на Юру. Но тот лишь усмехнулся:

— Ой-ой, сколько страсти.

Володя упал рядом с ним и пару минут просто молча лежал. В голове царил звенящая пустота, взмокшую кожу охлаждал сквозняк из приоткрытого окна.

Юра натянул на себя одеяло, Володя тут же нырнул к нему, обнял, зарылся носом в макушку. Мысли снова ворвались в голову. Что он только что сделал? И, главное, почему? Он, как бы выразился Игорь, развёл Юру на секс, потому что... почему? Потому что понял, что другой делал с Юрой то же самое, и захотел присвоить Юру себе?

— Как романтично, — промурлыкал Юра, утыкаясь лицом ему в грудь.

— Что? — не понял Володя.

— Раннее апрельское утро, воздух пахнет весной, птицы поют, и мы, сонные и ленивые, занимаемся любовью. Разве не прекрасно?

— Прекрасно... — тупо повторил Володя.

Чуть позже, стоя перед зеркалом в ванной, Юра ощупывал свою шею и посмеивался:

— Вот зараза! Ну ты меня и разукрасил, никогда ведь так не делал. И что на тебя только нашло?

Володя, выдавливая пасту из тюбика на щётку, взглянул на его отражение в зеркале и промолчал.

— Эх, придётся шарфом обматываться по самый подбородок, а то даже стыдно... — Юра, казалось, даже не заметил хмурого лица Володи, чмокнул его в щёку и вышел из ванной.

Юра и так очень часто улыбался, но этим утром улыбка вообще не сходила с его лица. Глаза горели каким-то особенным огнём — Юра был счастлив. Его настроение, будто ореол света, озаряло всё вокруг. Он включил свой диск, трек про их настоящее, распахнул стеклянную дверь, что вела из гостиной на улицу. И перезвон колокольчиков закружился по дому, устремился наружу. Герда помчалась в сад и принялась носиться по нему как бешеная, будто стараясь поймать эти самые колокольчики. Юра смотрел на неё и смеялся, но Володя оставался мрачнее тучи.

Нужно было прекращать думать об этом, иначе Юра заметит. Спросит, что не так, и как объяснить? Сказать, что склонил его к близости не потому, что по-настоящему желал, а потому, что приснился плохой сон? Потому что выиграло чувство собственности? Бред сумасшедшего! Володя совершенно не хотел разбираться, зачем он это сделал и почему. Да и стоило ли? Даже если он найдёт причины произошедшего — что это изменит? И зачем их искать, если у них всё хорошо?

Позже, за завтраком, Володя спросил:

— Ты решил, надолго ли останешься у меня?

— Пока не выгонишь, — хмыкнул Юра. — Шучу-шучу. Не знаю, Володь. На самом деле хочу попробовать поработать отсюда, может, действительно получится не так уж плохо. Но надо вызвать настройщика пианино — я бешусь, когда играю на твоём. И позже, когда придёт зарплата, куплю ещё миди-клавиатуру.

— Это что такое? — нахмурился Володя.

— Это типа синтезатора, только клавиатура мне нужна больше как устройство ввода.

— То есть? На ней что, нельзя играть?

Юра закатил глаза и терпеливо объяснил:

— Конечно можно. Синтезатор самостоятельно воспроизводит звук, а клавиатура делает это с помощью звуковой карты. Кстати об этом! Мне нужна хорошая звуковая карта. И вообще мощный компьютер. Боже, где взять столько денег?

— Я одолжу, если хочешь...

— Вот ещё!

— Перевезти из Германии не получится?

Полчаса решали, стоит ли игра свеч, ведь, во-первых, получалось недёшево, а во-вторых, оборудование отличалось хрупкостью. Выяснилось, что, несмотря на целую ораву приятелей, Юра не мог никого попросить собрать его компьютер и отправить посылку и, к удивлению Володи, даже Йонасу не доверял.

— Ещё мне желательно организовать свой угол, чтобы мы друг другу не мешали, — сказал Юра, допивая третью кружку кофе.

— Ты мне никогда не помешаешь, — улыбнулся Володя.

— Я очень рад, но нужно где-то разместить целую кучу техники.

— Ладно. Напиши список, что именно надо привезти или купить. А насчёт угла — давай перенесём пианино на второй этаж. Там много свободного места, можно организовать тебе полноценный кабинет.

Скептически скривившись, Юра хмыкнул:

— Ты знаешь, сколько весит пианино?

— У меня здесь, в новом кластере «Гнезда», работают три бригады строителей, я моментально найду пару человек, кто захочет подзаработать.

— А хорошо, — кивнул Юра и, подойдя к Володе, положил ладони ему на плечи и спросил: — С моей работой решили, но как же твоя? У нас ещё есть хоть немного времени,

прежде чем тебя засосёт офис?

— Сегодня я совершенно свободен, но завтра... — протянул Володя, собираясь посвятить Юру в свои планы. Но тот не дал договорить, сперва крепко поцеловал в щёку, а затем воскликнул:

— Тогда решено! Посмотри, какая чудесная погода за окном — поехали гулять в Харьков!

— Поехали, — улыбнулся Володя.

Однако погода оказалась вовсе не приятной. Синоптики обещали не выше пятнадцати градусов тепла и порывистый ветер. Собираясь на прогулку, Володя настаивал, чтобы Юра надел пальто, но тот противился:

— Я надену свитер под пиджак. Он шерстяной, видишь! — доказывал он, демонстрируя Володе бирку с составом ткани.

— Всё равно ты замёрзнешь! Видел, какой ветрище на улице? — спорил Володя. — С такой погодой раз плюнуть подхватить простуду. А будет жарко — снимешь!

— Если вспотеть, а потом замёрзнуть, ещё быстрее заболеть можно!

Они могли бы бодаться бесконечно, но Юра в итоге махнул рукой и уступил Володе. Только пробурчал, надевая пальто:

— И на кой чёрт купил этот пиджак?

Но победил всё равно Юра — синоптики явно обманули. Может, температура и не превышала пятнадцати градусов, но солнце светило так, что жарко стало уже через четверть часа. Припарковавшись недалеко от Сумской, прошли вниз по Бурсацкому спуску. Юра снял пальто и нёс его в руках, а Володя упрямился. В конце концов Юра начал посмеиваться над ним — в одном лишь свитере он чувствовал себя лучше и легче.

— Может, вернёмся и бросим вещи в машину? — предложил Володя.

Юра остановился, обернулся и указал рукой на пройденный ими путь.

— Уверен, что хочешь подниматься обратно в горку? По-моему, так себе идея.

Володя вздохнул.

— Почему мы вообще решили припарковаться на Сумской, а не хотя бы у Дома торговли? Оттуда ведь ближе...

Юра пожал плечами.

— Ну мы же гуляем! Созерцаем местные красоты, понимаешь? — объяснил наигранным нравоучительным тоном. — Эх, Володя-Володя!

— Если на то пошло, местные красоты я мог бы прекрасно созерцать и из окна машины, — пробурчал тот, стягивая с себя пальто. — Ладно, веди, Сусанин, сегодня ты у нас прокладываешь маршрут.

Володя помнил, что Юра хотел пройтись по родной улице ещё с самого начала отпуска в Харькове, и был только за съездить с ним. Он знал, что этот район пусть и находился почти в центре города, но пользовался дурной славой. Располагаясь между рынком и железнодорожным вокзалом, он притягивал всякий сброд, и в будни, а особенно по вечерам, ходить здесь было опасно. Но в выходные Юрин район становился вполне безобидным местом.

Обсуждая репутацию этих мест, они дошли до Бурсацкого моста. Юра остановился у перил, облокотившись о них, скovyрнул кусок чёрной краски.

— Интересно, речка всегда была такой узкой и мелкой? В детстве казалась такой большой... — задумчиво протянул он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Володе.

Но Володя всё равно ответил:

— В девяностых по ней даже пассажирские пароходы ходили. А потом как-то... видимо, не до пароходов уже стало.

— Да, девяностые сильно потрепали город, это я заметил.

Володя проследил за его взглядом — Юра смотрел на бурые воды, уносящие вниз по течению мусор: бутылки, пакеты и клубки водорослей. Разрушенные ступени, некогда служившие для спуска к реке, были исписаны граффити, покосившаяся зелёная ограда поросла кустами — на ветках уже начала появляться первая листва.

Они двинулись дальше — мимо рынка, кишашего людьми, мимо едко пахнущей бензином автостанции.

На одном из перекрёстков Юра вдруг остановился, поднял указательный палец вверх и глубоко втянул носом воздух. Володя озадаченно посмотрел на него.

— Слышишь запах? — спросил Юра, прищурившись.

Володя принялся, поначалу не почувствовав ничего, кроме смрада выхлопных газов. Пожал плечами, но вскоре ощутил едва уловимый аромат то ли шоколада, то ли жжёного сахара.

— Кондитерская фабрика, — объяснил Юра. — Вон там, — и указал на длинное двухэтажное здание, за которым виднелось несколько дымящих труб. — Запах детства.

Володя часто проезжал мимо, но ни разу не задумывался о том, какой именно фабрике принадлежали эти трубы. Хотя о том, что это кондитерская, можно было догадаться по двум фирменным магазинам на прилегающей улице. Мимо одного из них они сейчас шли.

— А сюда я бегал за мороженым! — сообщил Юра. Украдкой заглянув в витрину магазина, он мечтательно вздохнул: — Молочное за пятнадцать копеек.

— Ну давай купим тебе мороженого, если хочешь, — предложил Володя.

Юра отмахнулся:

— Оно не такое!

Володя был совершенно равнодушен к сладкому, даже к знаменитому советскому мороженому, поэтому лишь развёл руками:

— Как хочешь.

Наконец они дошли до Юриной улицы. Володя и раньше бывал здесь: первый раз в начале девяностых, когда искал Юру. Потом — сворачивал просто так, прогуляться. Будто на что-то надеялся.

Тихая узкая улочка будто застыла в прошлом: высоченные столетние клёны, дореволюционные трёхэтажные дома, трамвайные пути посередине выложенной булыжником дороги. Правда, пока Юра с Володей неспешно брели по пыльному, недавно отремонтированному тротуару, мимо не прогремело ни одного трамвая.

Юра остановился у двух торчащих из асфальта бетонных тумб. Задумался.

— Смотри, раньше тут была остановка. — Он оглянулся вокруг. — Вот обломки скамейки, а таблички с расписанием нет...

— Мне кажется, трамваи здесь не ходят. Причём уже давно. — Володя указал пальцем на бурые от ржавчины рельсы, частично ушедшие в землю.

— Ну и правильно! Как ужасно они гремели по утрам! Ты только представь — улица узкая, эхо от домов отражается... А ведь ходить-то они начинали с четырёх утра!

— Может, поэтому и отменили? Наверняка жильцы жаловались.

— О, на их месте я бы тоже жаловался. — Усмехнувшись, Юра пошёл дальше.

Шагая рядом, Володя рассматривал не улицу, а его лицо. Юра молча шурился и загадочно улыбался.

— Что такое? — негромко спросил Володя. — Вспомнил что-то смешное?

— Да здешний трамвай. — Юра кивнул. — В смысле, не маршрут, а именно трамвай, один конкретный. Когда я готовился к поступлению в консерваторию, занимался дома с репетитором, поэтому мне не надо было вставать рано. Но тогда же по утрам, я точно не помню, во сколько именно, здесь пускали дополнительный трамвай. Он был жутко старым, разваливался на ходу и грохотал отчаяннее остальных. И вот каждое утро я просыпался от его грохота и бежал проверять почту — вдруг найду там твоё письмо. — Будто смутившись, Юра потупил взгляд, но, не дав Володе вставить и слова, вскинул голову и воскликнул: — Вот мой дом, видишь? А во-о-он там, — протянул он, указывая пальцем вперед, — вход в мой двор.

Чтобы попасть туда, нужно было пройти через высокую тёмную арку. Юра не спеша направился к ней, но остановился и взглянул вверх — на табличку и номер дома «45». Вздохнул. И ступил в тень. Володя направился следом и, пройдя всего несколько метров, оказался будто бы в ином мире.

Весь двор был будто устлан белым покрывалом, Володя сперва даже опешил — неужели снег? Но почти сразу сообразил, что это опавшие цветки абрикосового дерева. Они были везде: лежали на земле, кружились в воздухе, поднимаемые ветром, шапками покрывали крыши низких сараев и припаркованных во дворе машин.

— Как красиво! — восхитился Володя, неожиданно вспомнив, что когда-то уже видел нечто похожее, только вместо цветов траву покрывали одуванчики.

— Надо же, абрикоса до сих пор жива! — Юра умиротворённо улыбнулся. — И цветёт, как в детстве...

— Абрикоса? Женского рода? — хохотнул Володя. — Так не говорят.

— Ну а в нашем дворе говорили!

Двор был наполнен звуками. Скрипели ржавые качели. Кидаясь друг в друга белыми лепестками, верещали дети. Компания подростков расселась на скамейках, слушая, как играет на гитаре какой-то парень. Внимание Володи привлекла девушка в чёрной футболке с надписью «Stigmata» — напомнила Машиного сына. Он удивился про себя: «Какая религиозная нынче молодёжь пошла».

Полноватый мужик сверлил что-то возле гаража, а неподалёку от него двое пенсионеров, переругиваясь, пытались завести мотор старого запорожца.

Озираясь вокруг, Юра прокомментировал:

— Надо же, и качели те же, ещё целые!

— Это с них ты свалился в детстве? — спросил Володя.

— Ага. — Юра повернулся к нему, вскинул бровь. — Ты помнишь? Я рассказывал?

Володя и сам удивился тому, что эта деталь всплыла в памяти.

— Да, — кивнул он. — Давным-давно ты рассказывал мне, как заработал свой шрам.

— А, точно. — Юра резко, будто инстинктивно, вскинул руку и коснулся подбородка. — Он до сих пор остался, кстати. Заметно?

— Если очень присмотреться, то да, — улыбнулся Володя.

Мужик, до этого что-то сверливший, отложил дрель, встал с низкой табуретки и, вытирая руки о грязные штаны, подошёл к ним.

— Эй, кого-то ищите? — неприветливо спросил, подозрительно присматриваясь.

— А? Нет. — Юра ему вежливо улыбнулся и принялся объяснять: — Я жил здесь в детстве. В конце восьмидесятых уехал и вот вернулся посмотреть, как всё изменилось.

Он говорил негромко и искренне, но мужик смотрел всё с тем же подозрением. Он внимательно оглядел его с ног до головы, прищурился. Володю насторожил этот взгляд.

— И как фамилия у тебя? Я тут много кого из жильцов знаю.

На вид мужику было лет пятьдесят, теоретически он мог помнить Юру или хотя бы его родителей.

— Конев. Мы жили вон там, — Юра указал пальцем в угол двора, — в девятнадцатой. Мой отец был хирургом, может, помните?

Мужик задумался на несколько секунд, почесал затылок.

— Не, не помню, — грубо бросил он. Ещё раз подозрительно посмотрел — в этот раз и на Володю. Пожал плечами и, не попрощавшись, потопал к своему гаражу.

Юра обескураженно взглянул Володе в глаза. Кивнул сам себе и, развернувшись к арке, позвал:

— Пойдём!

Володя опешил:

— Но ты же даже до своей квартиры не дошёл...

— А смысл? Она уже давно не моя, что мне тут делать?

По тону стало ясно, что его настроение ухудшилось. Без лишних слов Володя направился следом.

Выйдя на улицу, пересекли трамвайные рельсы. Юра повёл Володю в сквер напротив дома, первым прошёл через высокие чёрные ворота, направился по аллее к кованой скамейке, уселся. Устроившись рядом, Володя обеспокоенно заглянул ему в лицо.

— Что случилось?

Юрины губы дрогнули, но что за эмоция крылась в этом движении, Володя не понял. Наверное, злость.

— Не знаю, — словно в подтверждение Володиной догадки, буркнул Юра. — Станный какой-то мужик. — Он вздохнул. — Хотя... чего я ожидал? Что кто-то вспомнит меня спустя двадцать лет?

— Для тебя это так важно? — осторожно спросил Володя.

— Не то чтобы, просто... Я очень любил это место. — После небольшой паузы Юра хмыкнул. — Наша квартира проходила насквозь через весь этаж, и из неё было два выхода. Один — на улицу к трамвайной остановке. А другой — сразу во внутренний двор. А в него, как в итальянское патио, можно попасть только через арку. — Взгляд Юры стал мечтательным, голос потеплел, и он продолжил делиться воспоминаниями: — С малых лет меня и моих друзей родители спокойно отпускали гулять допоздна — для нас этот дворик был самым безопасным местом на земле. Там всегда находился кто-нибудь из взрослых, — как сейчас тот мужик, — кто-то «свой». Соседи мгновенно реагировали, когда во двор попадал кто-то чужой — выясняли, кто такой, к кому и зачем пришёл, и в случае чего сразу выставляли вон. И вот сейчас получается, что как чужого выгнали меня... Нет, я не то чтобы очень расстроен, просто... это странно. Я пришёл с ощущением, что вернулся домой, а вон оно как получилось...

Володя не знал, какой реакции ждал от него Юра, поэтому поддержал:

— Кстати, когда я приезжал сюда, ко мне тоже пристала какая-то бабка, мол, чего это я здесь хожу. А я тебя искал. — Он грустно улыбнулся.

Юра взглянул на него, склонив голову набок.

— И в итоге нашёл! — И, будто угадав, что Володя станет спорить, отрезал: — Лучше поздно, чем никогда.

На это Володя лишь пожал плечами.

— И всё же странно, что этот мужик тебя не узнал, — добавил он после минутного молчания. — Он выглядит куда старше нас. И ладно тебя, но твоих родителей-то он должен был помнить. Хирурга-то с доступом к спирту в сухой закон...

— Да не факт. Отец постоянно пропадал в больнице. А я во дворе гулял редко — у меня то школа, то пианино. И только когда я забросил музыку и стал с пацанами мотаться... и то среди наших я был вечно на вторых ролях. Самый главный бунтарь у нас Шурик, вот его сто процентов помнят все в нашем дворе.

Они задержались в сквере ещё на час. Прогуливаясь по тенистой аллее, вышли на небольшую площадь, что раскинулась перед зданием спорткомплекса. В усадебном двухэтажном доме с колоннами, судя по афишам-объявлениям, работали секции борьбы и художественной гимнастики для детей. Юра травил байки из юности — как гонял по этой площади на велосипеде с ребятами со двора, как лазили по трубам и однажды, не удержав равновесия, свалился в заросли крапивы.

— Дня три у меня всё чесалось. Вообще всё и везде! Это было ужасно! — смеялся он.

Этот сквер всё ещё пользовался популярностью у подростков. Они, как и в Юрином детстве, гоняли по асфальтированной площадке возле входа в спорткомплекс, но уже не на велосипедах, а на скейтбордах.

Отдохнув в тени, они отправились дальше, к Юриной школе.

— А здесь, кстати, Маша училась! — сказал Юра, указывая пальцем на громаду тринадцатой школы.

— А вот и нет. — Володя помотал головой. — Она училась в восемнадцатой, а в этой Женя был физруком.

— Ой, и правда. Ну не всё же мне помнить... Главное — не забыть, в какой учился я сам!

Его школа располагалась чуть дальше, в одном из узких переулков. Но, дойдя до поворота, Юра остановился и уставился на забор, который скрывал от глаз трёхэтажное старое здание.

— Это же театр Муссури! Что с ним стало?

Володя вскинул голову — за разрисованным, обклеенным объявлениями ограждением виднелось полуразрушенное строение, ещё хранящее следы былой роскоши. Теперь же оно больше пугало, чем восхищало: отколотая жёлтая плитка, торчащие из окон деревяшки, осколки лепнины, провалившийся внутрь купол.

— Театр мюзикомедии переехал на ту улицу, — пояснил Володя, указывая себе за спину, — давно уже. А это здание признали аварийным, оно часто горело. Слышал, буквально осенью его тушили в очередной раз.

Повернувшись, Юра рассеянно посмотрел на Володю.

— Я каждый день мимо в школу бегал, у меня окна кабинета сольфеджио на него выходили... Такое величественное здание, красивое, я вечно его разглядывал, когда скучал на занятиях...

Володя развёл руками.

— Ну а сейчас это пристанище бомжей и подростков, которые любят шататься по заброшенным местам. Слышал, коллеги обсуждали, что последний пожар случился как раз из-за них — жгли костёр прямо на сцене.

— Ну, может, отреставрируют ещё. Это же памятник архитектуры.

Юра вздохнул, ещё раз окинул печальным взглядом старый театр и свернул в переулок.

Территория Юриной школы пустовала, но, несмотря на выходной день, из приоткрытого окна на первом этаже лилась стремительная мелодия — скрипка. Юра взмахнул пальцами в такт музыке, промычал мотив себе под нос.

— По субботам здесь тоже идут занятия? — спросил Володя.

— Ну, когда я тут учился, не было... Может, дополнительно кто-то занимается? Эх, это же Паганини, двадцать четвёртый каприс. Как же я ненавидел играть его на пианино.

— Почему?

— Не получалось. Я с самого начала, как только мне задали разучивать, просто возненавидел этот каприс. Он написан для скрипки! Ты слышишь? Он же просто сумасшедший, с безумными скачками! А скорость? Он заточен под смычок! А его переложили на клавиши. Я так психовал... Пальцы буквально в узел завязывались во время игры, я постоянно сбивался. А он ещё из нескольких частей состоит, и каждая со своим размером. Ой, это просто кошмар моего детства... — Он задумчиво хмыкнул и подытожил: — Придём домой — надо будет попробовать сыграть...

Володе нравилось слушать Юру, особенно когда он, мечтательно глядя в никуда, так вдохновенно говорил. Но, когда он стоял в этом дворе, в голову навязчиво рвались свои воспоминания.

Здесь он познакомился со Светой. Именно во дворе Юриной школы произошла встреча, которой не должно было быть.

Что привело Володю к этим стенам? Ведь тогда он точно знал, что Юры давно нет в Харькове. Во всём виновата случайность — однажды, проходя мимо, он услышал звуки пианино, доносящиеся так же, как и сегодня скрипка, из окна первого этажа. Быть может, тогда играли этот же самый двадцать четвёртый каприс Паганини. Володя остановился неподалёку — просто послушать. Прикрыл глаза и на одно мгновение позволил себе представить, что играет не кто-нибудь, а Юра, что робкая летящая мелодия струится из-под его пальцев. И в тот момент на какую-то долю секунды ему показалось, что стоит обернуться — и из дверей школы выйдет Юрка, радостно помашет ему рукой и побежит

навстречу. Но, обернувшись в реальности, Володя увидел взрослую девушку в чёрном брючном костюме.

— Ты кого-то ждёшь? — просто спросила она — без приветствия и сразу на «ты». Володя пригляделся к ней — вздёрнутый нос, короткая стрижка с налаченной чёлкой, не по моде скромный макияж.

— Да, — не раздумывая, сказал он, но тут же исправился: — То есть нет.

— Так да или нет? — она удивлённо изогнула бровь.

— Не знаешь, кто это играет? — зачем-то спросил Володя.

— Судя по качеству игры, явно не преподаватель, — улыбнулась она. — Кто-то из учеников. Там класс фортепиано.

В ответ Володя лишь многозначительно промычал. А она не сдавалась:

— Точно никого не ждёшь? Ты скажи, я могу позвать...

— О чём задумался? — Юра щёлкнул пальцами перед его носом.

Володя моргнул.

— Да нет, ни о чём. — И вдруг неожиданно для самого себя признался: — Свету вспомнил.

Юра хмыкнул:

— Свету? Твою неудавшуюся невесту?

— Да.

— С чего это вдруг?

Володя задумался. После разговора про Йонаса поднимать тему бывших не хотелось, а говорить про Свету — и подавно. Но Юра, будто прочитав его мысли, предупредил:

— Если беспокоишься, что буду ревновать, то не стоит: это явно не тот случай. Но если не хочешь вспоминать, я не настаиваю... Я спросил просто потому, что сегодня весь день мы говорили только обо мне...

Володя вздохнул.

— Да ничего такого. Она в этой школе работала, вот и вспомнил.

— Какая ирония. И на чём она играла?

— Она преподавала вокал. А я, бывало, приходил сюда во время обеда — офис же недалеко. Не делай такое удивлённое лицо. Конечно, я знал, что это твоя школа и тебя там уже нет! Просто мне очень нравилась атмосфера этого места.

Юра отошёл от окон школы, махнул Володе рукой, приглашая последовать за ним. Сел на скамейку под клёном, а когда Володя устроился рядом, повернулся к нему вполоборота и с любопытством заглянул в лицо:

— Расскажи, какой она была?

Юра будто пытался вытащить из него нечто крайне личное, спрятанное слишком глубоко. И хотя Володю смутил настолько навязчивый интерес, он не стал недоговаривать или врать.

— Знаешь, она чем-то напоминала тебя. Я раньше и не задумывался об этом, но сейчас, глядя на тебя и вспоминая её... нахожу общие черты. В принципе, это даже неудивительно...

Юра улыбнулся, придвинулся ближе, всем видом показывая, что собирается разразиться тирадой, но спросил только:

— А ещё?

— Что ещё?

— Кроме того, что на меня похожа? Она тебе нравилась?

Володя пожал плечами.

— Конечно нравилась. Но не как девушка, а как личность. Ты же понимаешь, что я не мог влюбиться в неё... — сказал он, будто оправдываясь.

— Я понимаю, — согласился Юра.

— А я не понимал тогда. — Володя уставился на свои руки, сжал и разжал кулаки, сцепил пальцы в замок. — Я был таким непробиваемым болваном! Зная, кто я такой и в чём именно моя проблема, упрямо пытался найти что-нибудь плохое в ней! Искал, в чём она могла бы быть виноватой, чтобы... не знаю. Видимо, чтобы переложить ответственность. И ведь, как ни старался, так и не нашёл. Да, Света не была идеальной, но она была очень хорошей и любила меня. А я... ты знаешь. До сих пор ненавижу себя за это.

— Не бросайся в крайности. — Юра незаметно коснулся мизинцем тыльной стороны его ладони. — Мы все совершаем ошибки.

— Да. Но мои ошибки должны вредить только мне. А тут я мог сломать жизнь ни в чём не повинной девушки!

Юра не стал ничего отрицать, внимательно на него посмотрел и спросил:

— А что с ней сейчас?

— Не знаю. Здесь, — Володя кивнул на школу, — она точно не работает, уволилась, ещё когда мы встречались. А так... Мы не общались после расставания. Да и не думаю, что она хотела бы меня увидеть.

— А ты ведь так и не признался ей... почему вы расстались на самом деле, — задумчиво произнёс Юра, но Володя не понял, спрашивает он или утверждает.

— Нет. Я боялся, что сделаю ей ещё больнее. Но так я решил тогда, а сейчас... — снова уставившись на руки, Володя задумался. — А вообще, знаешь, Юр, я и сейчас поступил бы так же — не стал бы говорить всей правды. Думаешь, это неправильно?

Юра покачал головой.

— Не знаю. — Он встал, набросил пальто на плечи. — Не могу сразу ответить. Вопрос на самом деле сложный, надо думать, взвешивать...

Володя тоже поднялся на ноги.

— Замёрз? Пообедаем где-нибудь и дальше гулять или уже хочешь домой?

Юра хитро улыбнулся.

— Хочу тебя поцеловать, если честно. Но с этим придётся повременить...

Володя потянулся к Юре, поправил воротник его пальто, разгладил складки на шарфе, украдкой провёл подушечкой большого пальца по щеке, коснулся серёжки.

Выходя из ворот, Володя ещё раз обернулся к школьному крыльцу и улыбнулся. Когда-то он пытался найти здесь кареглазого мальчика из «Ласточки», но нашёл лишь новую ошибку.

А спустя годы, украдкой сжимая Юрины пальцы, Володя больше не чувствовал вины, только лёгкость на душе. Ведь «вчера» наконец стало неважным — ведь теперь у них появилось «завтра». Пришло время отпустить призраков прошлого.

18. Первые ласточки

С того дня, как Юра сдал билет, время полетело стремительно. За прошедшую неделю не произошло никаких особенных событий, кроме прогулки по Харькову. Они просто жили вместе: занимались делами и бездельничали, покупали продукты в магазине, гуляли с собакой, как обыкновенная семья. Пусть такая жизнь и могла бы показаться скучной, но она очень нравилась Володе. Он всё больше убеждался в том, что хотел именно этого, именно к этому и стремился. Одно расстраивало: отпуск закончился, в офис приходилось ездить каждый день, и текущая пятница не стала исключением.

— Ты во сколько планируешь вернуться? — спросил Юра, провожая Володю до машины.

Они вышли из дома, Володя открыл гараж.

— Постараюсь закончить пораньше, — ответил он, целуя Юру в щёку. — Часов в пять. Если бы не встреча с заказчиком, вообще бы никуда не ездил.

На самом деле Володя мог бы попросить Брагинского провести переговоры вместо него. Но он перестал ему доверять после инцидента с задержкой фур со стройматериалами в новогодние праздники. К тому же грубоватая манера общения Брагинского с клиентами с недавних пор стала напрягать Володю. Тем более что данный проект был одним из самых крупных и важных для фирмы за последние несколько лет. Поэтому Володя и решил проконтролировать встречу, которая не должна была занять много времени.

— Да ладно, не спеши сегодня, — пробормотал Юра, кутаясь в Володин халат — он полюбил надевать его по утрам. — Я с Шуриком договорился встретиться в четыре. Не успею закончить к пяти.

— С Шуриком? — не понял Володя. Собираясь сесть в машину, он взялся за ручку двери, но так и замер на месте. Казалось, это имя он слышал не впервые.

Юра вздохнул.

— Сосед мой, со двора, помнишь? Главный хулиган. Единственный из друзей детства, чей телефон у меня сохранился.

Володя нахмурился. Юра не посвящал его в свои планы. Выходит, он собирался ехать в

одинокчу в Харьков к малознакомому человеку с сомнительным прошлым.

— Ты давно с ним общался? — строго спросил Володя. — Ты вообще знаешь, что это за человек сейчас?

— Вот как раз и пообщаемся, наверстаем упущенное. А что? Боишься, что меня уведут? — Юра лукаво улыбнулся. Но Володе было не до шуток.

Юра слишком отличался от местных своей яркостью, живой мимикой и манерой речи, а главное — слишком непринуждённым, иногда даже чуть развязным поведением. Он вёл себя и, казалось, чувствовал себя в Харькове так же, как и в либеральном Берлине. И в этом сильно ошибался: здесь, в Украине, Юрины отличия могли стать поводом для конфликта. Володя из-за этого не беспокоился, когда был рядом и мог в случае чего защитить Юру. Но сегодня тот надумал ехать один.

— А ты не боишься, что этот Шурик может обидеть тебя? — напрягшись, спросил Володя. — Много лет прошло всё-таки, ты изменился...

— Обидит? — Юра рассмеялся. — Володь, ты чего, мы же друг друга с пелёнок знаем!

— Знали, — поправил Володя. — В таком случае давай я хотя бы отвезу тебя туда?

— Володь! — смеясь, воскликнул Юра. — Ну я же не маленький ребёнок! Поезжай на работу, я сам доберусь. Ничего со мной не случится. Мы просто посидим у него, поболтаем, детство вспомним.

— Ладно, — нехотя согласился Володя. В конце концов, не ограничивать же Юрину свободу? Он взрослый человек, а Володя не тюремщик... — Тогда продиктуй мне адрес этого твоего Шурика.

— Зачем? — удивился Юра.

— Потому что мне так будет спокойнее, — просто ответил Володя, но, увидев подозрительный прищур Юры, добавил: — На всякий случай.

Тот, сунув руки в карманы халата, хмыкнул:

— Ладно... Мы договорились в четыре встретиться на Научной. Спрошу у него точный адрес и пришлю тебе сообщением.

Но ни в четыре, ни в половину пятого сообщение от Юры так и не пришло. Володя, постукивая пальцами по столешнице, выслушивал претензии заказчика и объяснения

Брагинского, а сам то и дело косился на телефон. Не выдержал, быстро набрал сообщение:

«Юра, ты забыл про адрес?»

Ответ пришёл через несколько минут. Да, Юра действительно забыл, но улицу и номер дома выслал.

Переговоры затянулись. Попрощавшись с заказчиком в семь вечера, Володя не стал собираться домой — пришлось созвать коллег на экстренное совещание по итогам встречи. Лера бросилась обзванивать тех, кто уже ушёл из офиса: одних просила вернуться, а другим — приказывала.

Покончив и с этим, совершенно вымотанный Володя откинулся на спинку кресла. Достал телефон, позвонил Юре. Долго слушал длинные гудки, уже начав нервничать, хотел набрать заново, но с той стороны ответили.

— Да? — Юра тяжело дышал.

— У тебя всё нормально? — встревоженно спросил Володя.

Но вместо ответа в трубке послышался топот, затем хлопок, металлический стук и шорохи.

— Юра? — резко встав с кресла, позвал Володя. — Ты слышишь?

— Да. Слышу-слышу. В подъезде я. Был. Спускался. Всё нормально.

Но Володя заподозрил неладное. Юра казался одновременно заторможенным и нервным, если не сказать злым, говорил на повышенных тонах, тянул гласные, а его голос звучал непривычно низко. Володе хватило одной фразы, чтобы понять: Юра пьян и, судя по всему, сильно.

Володя занервничал. Поддатый Юра — более нежный, более откровенный, — становился для Володи ещё более притягательным, казался забавным. Так было обычно, но не сейчас, когда Юра пропадал неизвестно где и с кем.

— Юра, где ты находишься? По тому же адресу, который скидывал? Я сейчас за тобой приеду.

— Брось, Володь, всё нормально, я возьму такси.

— Я уже выхожу из офиса, мне до Научной буквально пять минут ехать. Жди.

Володя не стал сбрасывать звонок, но, пока одевался и закрывал офис, убрал телефон от уха. А когда отдал ключи охраннику, увидел, что Юра положил трубку.

До Научной он и правда доехал за пять минут. Дольше пришлось петлять по незнакомым переулкам, ища нужный дом. А когда его нашёл, Юры там не оказалось. Володя дозвонился до него только с третьей попытки и изнервничался так, что, выезжая со двора, чуть не задел припаркованную машину.

— Юра! — крикнул он в трубку. — Ты, блин, где?

— Возле метро, — сказал он так, что Володя с трудом расслышал — из трубки доносились музыка и гомон.

— Возле какого метро?

— Возле Научной!

Выругавшись сквозь зубы, Володя выехал на проспект.

Возле входа в метро, как обычно, толпился народ, из ближайших кафешек гремела музыка, светили огни иллюминации. Юра стоял под липой у лавочки — пальто нараспашку, шарф не завязан, а просто перекинут через шею.

Расталкивая спешащих в метро людей, Володя стремительно подошёл к нему.

Но тот, сосредоточенно уставившись в телефон, его не заметил.

— Юр! — подойдя вплотную, позвал Володя.

— О, здорово. — Юра натянуто улыбнулся.

— Что с тобой? Ты почему не дождался меня?

Улыбка сползла с лица Юры.

— Хотел уйти.

— Но я же попросил тебя подождать!

Вдруг Юра сцепил зубы и без толики прежней мягкости в голосе отрезал:

— А я сказал, чтобы ты не ехал за мной! Но ты же всё равно здесь!

Не ожидая такой резкой смены тона, Володя растерялся. А Юра вдруг тряхнул головой, будто пытаясь избавиться от ненужных мыслей, неуклюже наклонился и упёрся лбом Володе в плечо.

— Прости. — Он вдохнул, будто собирался сказать что-то ещё, но замолк. Володя почувствовал, как Юра коснулся его запястья, скользнул пальцами ниже, сжал его ладонь.

Володя сглотнул, стыдливо оглянулся через плечо. Наткнулся взглядом на девушку, явно ждущую кого-то у входа в метро — она, скривившись, смотрела прямо на них. Володя выдернул руку — инстинктивно, не успев даже осмыслить свои действия.

Юра немного растерянно посмотрел на него.

— А, люди же, ну да, понятно... Поехали домой, — вздохнул он и, чуть пошатываясь, направился к парковке.

Пока дошли до машины, Володя успел успокоиться. Выехав на дорогу, попытался объяснить:

— Юр, я не хотел убирать руку, просто...

— Да я понимаю. Всё нормально, — вяло пробормотал Юра.

— Нет, я правда не хотел. Оно само так получилось.

— Володь, да ладно. Всё нормально, правда.

— У тебя что-то случилось? Ты выглядишь так, будто не с другом встречался, а даже не знаю...

Володя отвлёкся на гудок пролетевшей мимо машины — какой-то идиот попытался его подрезать, — и едва успел выкрутить руль влево. Он выругался сквозь зубы, а Юра, казалось, даже не заметил произошедшего. На вопрос он так и не ответил, лишь отвернулся и, сложив руки на груди, уставился в окно.

Володя решил снова заговорить с ним только по возвращении домой. Он тянул время: вымыл Герде лапы, переоделся в домашнее, а когда вышел в гостиную, Юра стоял у кухонного стола со стаканом рома в руке.

— Может...

Володя хотел было предложить Юре притормозить с алкоголем — и так уже достаточно выпил в гостях. Но тот залпом осушил стакан и со стуком поставил его на стол.

— Я немного, — опередил его Юра. — Больше не буду.

Володя быстро подошёл к нему, заглянул в лицо.

— Скажи мне, что случилось? Я же вижу: ты сам не свой.

Тот покачал головой.

— Да ничего особенного. Правда, ерунда какая-то в голову залезла. Оно того не стоит, а мне как-то... — он задумался, подбирая слово, — паршиво.

— Ты расстроился из-за этого, как его там, друга твоего? — с явным пренебрежением протянул Володя.

— Да, наверное. Слушай, ты в любом случае скажешь, что я зря грузусь и оно того не стоит, так что...

— Юра! — Володя укоризненно посмотрел на него. — Расскажи.

— Да блин... — Тот уселся за кухонный стол и устало уронил голову на скрещённые руки. — Совершенно всё по-дурацки как-то. Это со мной, видимо, что-то не так. Я ведь прекрасно понимаю, что прошла куча времени и многое давным-давно поменялось, но в какие-то моменты я выпадаю из реальности, и мне кажется, будто не было этих пятнадцати лет в Германии, будто всё по-прежнему. Я с Шуриком дружил буквально с пелёнок — нас мамы в соседних колясках качали. Мы вместе ходили до школы, только он раньше меня сворачивал в тринадцатую, а я в свою музыкалку шёл чуть дальше. Вместе по крышам лазили, абрикосы зелёные жрали, карбид взрывали и на великах гоняли по скверу. Он всегда был простым пацаном, ну не зря же его с детства называли даже не Саня, а именно Шурик. Наверняка он таким и остался, это, видимо, я изменился слишком сильно. — Юра поднял голову, посмотрел на Володю, который тут же сел напротив. Вздохнул, усмехнулся. — Сто лет не пил коньяк, не люблю, а этот даже неплохо пошёл... — Вопреки своим словам, Юра с отвращением поморщился. — Жена у Шурика противная до жути. Не давала нам посидеть нормально, всё время заходила на кухню и вмешивалась. А говорила со мной так... презрительно, насмешливо. И смотрела брезгливо, как на прокажённого. — Юра задумался, махнул рукой. — Хотя на самом деле задело меня другое. Ну ты только подумай: Шурик

кладовщиком работает, а она сама — парикмахером. Но как заговорили про мою работу, эта клуша так скривилась, будто сама она — британская королева, а я — какой-то трубадур! — Юра закатил глаза и визгливо передразнил жену Шурика: — «Всего лишь саундтреки на заказ пишешь? А я-то думала, что если уж человек называет себя композитором, то он что-то великое пишет, от души!»

— Ну так объяснил бы ей, как всё обстоит на самом деле! — воскликнул Володя. — Она же просто глупая баба...

— Я мог бы, но тут Шурик ей поддакнул. Мол, не переживай, Юра, всё ещё будет, напишешь что-то своё, великое, что обязательно принесёт тебе денег и славы... И я из-за этого так разозлился!

Володя обеспокоенно смотрел на него, ожидая продолжения, но Юра пожал плечами и замолчал. Выходило, Володя должен был понять, что именно разозлило Юру. Но Володя не понимал.

Он аккуратно произнёс:

— Да ладно тебе, Юр. Ты же сам говоришь, что Шурик с женой — обыватели. Они явнс не из тех, кто способен понять искусство.

Юра мимолётно улыбнулся — по крайней мере на этот раз не фальшиво, а скорее снисходительно.

— Я так и знал, что ты скажешь, будто я переживаю из-за ерунды.

— Нет! Если это тебя беспокоит, значит, это не ерунда. И твоя реакция нормальна. — Володя аккуратно взял Юрины руки в свои, погладил костяшки пальцев. — Они обесценивают то, что для тебя очень важно. Но они — чужие люди. А близкие тебя понимают. Например, я. Я прекрасно знаю, что ты вкладываешь душу даже в заказную работу. А про то, что это «всего лишь саундтрек», даже думать забудь! Другие ведь и мысли не допускают о том, что музыкальное сопровождение фильмов, сериалов и постановок — не менее важная составляющая. Они не знают, что так было всегда! Помнишь, ты сам говорил, что великие композиторы тоже писали саундтреки, только к спектаклям, операм и балетам... — Володя говорил вдохновлённо, ища в Юрином взгляде одобрения. — Другое дело, что сейчас на одних саундтреках сложно прославиться, а из-за нестабильности дохода тебя нельзя назвать состоятельным...

Юра нахмурил брови, и Володя поправил себя:

— Не знаю, может, не вкладывайся ты во всё это так сильно, смог бы писать больше и быстрее?

Юра резко вырвал руки и зло посмотрел на него.

— Как вы все достали! — воскликнул он. — Я тебе принтер, что ли, чтобы печатать ноты? Да и нормально я зарабатываю! Не всё в этом мире меряется деньгами, а творчество — и подавно!

От его выкрика Володя растерялся.

— Юр, я не хотел... — осторожно сказал он и попытался снова взять его за руки, но Юра отшатнулся и молча ушёл в спальню.

А Володя остался стоять посреди кухни, удивлённо уставившись на дверь. Прокручивая в голове Юрин рассказ и свои слова, он никак не мог понять, что же такого ужасного сказал и что могло так задеть Юру. Или Юре просто нужен был повод хоть к чему-нибудь прицепиться?

На следующий день они приступили к обустройству Юриного кабинета. Прежде всего нужно было перенести пианино, и Юра долго решал, куда именно его поставить. Ближе к обеду он наконец определился.

Спустившись на первый этаж, Володя вызвал рабочих, а Юра удобно устроился на диване. Похлопал рядом с собой, приглашая Володю присоединиться, но тот не сдвинулся с места. Смущённо кашлянув, он попросил:

— Не мог бы ты уйти в спальню и не выходить оттуда, пока рабочие не закончат? — Володя сердился сам на себя из-за этой просьбы, но другого выхода не находил.

— Почему? — спросил Юра с растерянной улыбкой. — Ты что, прячешь меня?

— Конечно нет! — боясь, что Юра поймёт его неправильно, Володя поспешил оправдаться. — Просто... Это же мои подчинённые, вдруг распустят слухи о том, что я живу с каким-то мужчиной. Я ни в коем случае не хочу тебя прятать, но и оправдываться на работе тоже не хочется.

Юра вздохнул.

— Понимаю. Ладно, тогда погуляю с Гердой в саду.

— Юр, если ты будешь во дворе, они тебя увидят... — Володе было неловко за свои слова, вся ситуация казалась ему глупой, но он не преувеличивал: слухи среди рабочих быстро дойдут до Брагинского, а от него — до матери. А её эти слухи могут убить.

Юра оглядел окна, сердито нахмурился, кивнул.

— Ладно, денусь куда-нибудь подальше.

Когда рабочие ушли, Володя отыскивал Юру с Гердой недалеко от реки. Тот кидал ей летающую тарелку, и собака, воодушевлённо поскуливая, с игрушкой в зубах мчалась обратно к нему.

У Володи отлегло от сердца — Юра не сердился и как ни в чём не бывало радостно улыбнулся ему.

— Уже закончили?

— Ага, всё готово. — Володя кивнул и виновато посмотрел на него. — Юр... Ты, наверное, обиделся на то, что выгнал тебя. Прости меня. И за вчерашнее тоже прости — я какой-то чуши наплёл. Ты же знаешь, я иногда бываю таким дураком, нормально выразиться не могу...

Юра шагнул ближе, ткнул пальцем Володе в переносицу, поправляя очки.

— О, ещё как знаю. Поэтому и не обижаюсь. — Он погладил Володю по щеке. — Всё хорошо, не переживай, твоя собака компенсировала мне весь причинённый моральный ущерб. — Он хохотнул: — Так что за тобой должок. — Он протянул ему тарелку и кивнул в сторону подпрыгивающей от нетерпения Герды.

Пианино установили там, где указал Юра. Володя выдохнул с облегчением, когда увидел его довольный кивок. Юра говорил, что место инструмента очень важно: пианино деревянное, на сквозняк нельзя, у батареи нельзя, в сырости тоже нельзя. Но Володя подозревал, что Юра думал не столько об инструменте, сколько о себе, иначе почему оно стояло точно там же, где и дома в Германии?

Юрин новый кабинет был в два раза больше немецкого. Он мерил шагами пока ещё пустое пространство комнаты, раздумывая о чём-то своём. Подошёл к огромному окну, выглянул на улицу.

— А здесь здорово, ты согласен? — протянул Володя, обнимая его со спины. Вид открывался такой, что недолго zalюбоваться: лес, небо и в самом центре флагшток лагеря «Ласточка».

— Сказать по правде, я и мечтать о таком не мог, — промурлыкал Юра и сжал Володины руки, сцепленные в замок у себя на животе. — Поставим стол, и будет вообще

идеально.

— Может, стоит сперва поклеить обои? Какие-нибудь неяркие с геометрическим рисунком, — предложил Володя. Стены, покрытые белой штукатуркой, выглядели скучно и бледно. Володя посмотрел на них, и вдруг его осенило: — Или ещё лучше: давай обклеим всё звукоизоляционными листами!

Юра отмахнулся.

— Какой в них толк, если у меня окно во всю стену? Ничего не надо. Повешу несколько фоток и какую-нибудь картину. Минимализм — это здорово, ничего не отвлекает...

Володя кивнул, ткнулся носом ему в висок.

— Но всё же пару ковров нужно купить. Паркет холодный, а у тебя почему-то нет привычки надевать тапки, вечно босиком ходишь.

— Какой ты у меня заботливый, — промурлыкал Юра, разворачиваясь в объятиях. — И чем я только заслужил такого Володю?

Он улыбнулся и, прежде чем Володя успел наклониться и поцеловать, выскользнул из его рук. Подошёл к пианино, нежно погладил крышку.

— Тебе нужен не только стол. — сказал Володя. Он шагнул к Юре, уселся на банкетку. — Думаю, диван будет нелишним. А пока... — он подтянул Юру за талию к себе, скользнул пальцами под кофту. — Юр, а ты знаешь, что на пианино можно не только играть, а например... сидеть или, если очень постараться, даже лежать... А ещё, знаешь, что делать?

— Эй! Я тебе, блин, полежу на пианино! Даже не подходи к нему, варвар! — рывкнул Юра, а потом, когда Володя стал щекотать ему бока, дёрнулся и захохотал. Успокоившись, он пропыхтел: — Чего это ты собрался делать, лёжа на нём?..

— Ну не зна-аю, — протянул Володя, смеясь.

— А я знаю! Теперь мне понятно, кто его довёл до такого плачевного состояния!

— У меня дома, кроме тебя, не было никого!

— Так ты ещё и в одиночку его довёл?!

— Ну перестань, — засмеялся Володя, хватая Юру за руки и закидывая себе на шею. — Поехали в Харьков, купим тебе диван?

— Вот ещё. Я сам могу купить. Попозже. Вот переведут гонорар за сериал...

Теперь пришла очередь Володи дёргаться — Юра стал щекотать ему затылок.

— Ложка к обеду хороша, — ёжась от прикосновений его пальцев, возразил Володя. — Я что, в конце концов, не могу тебе его подарить?

— Нет, Володь, мне такое не нравится, — неожиданно серьёзно заявил Юра. — Я не собираюсь сидеть у тебя на шее.

— Юра, это, вообще-то, мой дом, что хочу, то в него и покупаю.

Спорить с таким аргументом было бессмысленно. Но Юра продолжал ворчать — и когда одевался, и по дороге в магазин, и в самом магазине. Однако, увидев диванчик, как две капли воды похожий на тот, что стоял у него в Германии, мигом замолк.

На обустройство кабинета ушли все выходные. Володя втихую купил ещё два стеллажа, а Юре сказал, что заказал их уже давно. Мол, хотел сделать на втором этаже библиотеку, а собрать и поставить руки так и не дошли. Юра недоверчиво хмурился, но делать нечего — коробки уже лежали в подвале. Среди них Володя «неожиданно» обнаружил удобное «отцовское» кресло.

За эти два дня Юра ни разу не сел за инструмент. Но, как только наступили будни и Володе пришлось ездить в Харьков, продолжил заниматься. Володя старался проводить с ним больше времени, возвращаясь из офиса пораньше. Но всё чаще приходилось работать удалённо — зато под аккомпанемент фортепиано, что звучало со второго этажа.

Порой Володя ловил себя на мысли, что всё это — какой-то чудесный сон или сбывшаяся мечта: работать, зная, что в одном доме с ним творит свою музыку его Юра.

Поэтому Володя не хотел проводить порознь ни минуты. Но несколько раз в неделю задерживался в Харькове: посещал бассейн и уроки немецкого. Он не раз собирался прекратить занятия, но передумывал — даже если бросит, то они всё равно не смогут проводить больше времени вместе из-за Юриного графика.

Впрочем, вскоре Юра стал его нарушать. Сперва Володя не придавал этому особого значения. Просто отмечал, что, вопреки режиму, дома становилось тихо. Но в один из дней, вернувшись из бассейна, застал Юру за просмотром телевизора вместо занятия музыкой.

— У тебя всё в порядке? — осторожно поинтересовался Володя, садясь рядом с ним на

диван. — Недавно я не мог оторвать тебя от пианино, чтобы накормить... Я думал, у тебя строгий график.

Юра пожал плечами, переключил пару каналов, отложил пульт.

— Я вносил правки в последний заказ, снова отдал его на проверку. Вот теперь и делать особо нечего.

Володя вовсе не был против Юриного отдыха. Наоборот, так даже лучше, ведь они могли проводить больше времени вдвоём. Но всё же: разве не Юра ещё недавно говорил, что из-за заказов у него не оставалось ни минуты на собственную музыку?

— А других заказов у тебя нет? — спросил Володя.

— Есть пара предложений, — кивнул Юра, — снова для сериалов. Но я побаиваюсь за них братья.

Володя нахмурился.

— Почему?

— Вдруг не справлюсь.

Володя вопросительно на него посмотрел, ожидая пояснения. Юра протяжно вздохнул:

— Я очень устал от прошлого сериала, заказчики жутко придирчивые. А для новых проектов предлагают работать по той же схеме, и писать придётся примерно то же самое. Я не уверен, что справлюсь... В общем, долго объяснять, не бери в голову.

— Хорошо. Ладно. Но как же твоя музыка? — Увидев тяжёлый взгляд Юры, он объяснил: — Юр, я не настаиваю и не заставляю, я просто переживаю за тебя, понимаешь? Ведь ты говорил, что раньше у тебя не хватало времени, а ты хотел бы записать воспоминания о Харькове...

— Да как-то, — отмахнулся тот. — Вдохновения совсем нет. По крайней мере пока.

Володя понял, что Юра не хочет об этом говорить, и закрыл тему. Он не перестал беспокоиться за Юру, но, как оказалось уже на следующей день, — зря.

Посреди рабочего дня Юра неожиданно позвонил Володе и прокричал в трубку почти на одном дыхании:

— Мне заказали музыкальное оформление к спектаклю по «Мастеру и Маргарите»! Это такая честь! Это же Булгаков! Мы с ним земляки, я, можно сказать, буду представлять культуру СССР!

— В Харькове, что ли? — не понял Володя.

— Конечно в Берлине! Заказчик — мой старый знакомый, я уже давно мечтал написать что-нибудь для него. Он — отличный режиссёр, а работа с ним — прямая дорога к известности!

— Ты уедешь? — опешил Володя, прервав восторженные восклицания Юры.

— Ну да, — сразу присмирел тот. — Но позже. У них ещё не готов сценарий.

— Тогда хорошо, — негромко произнёс Володя.

— Ты говоришь так, будто не радуешься за меня, а разрешаешь мне брать заказ... — протянул Юра с подозрением в голосе.

— Не говори глупостей, я очень рад за тебя! — тут же воскликнул Володя, стыдясь — ведь действительно звучало так, будто он разрешил. А может, и не будто.

Вернувшись домой в шесть, когда по графику Юра должен был писать, Володя застал его не за инструментом в кабинете, а в гостиной с книгой в руках. Судя по обложке с изображением картины «Купание красного коня», это был альбом по изобразительному искусству.

— Я думал, ты читаешь Булгакова, — удивился Володя. — Или что-то по музыке на худой конец.

— Неужели ты думаешь, что все мои интересы ограничиваются только заказами? — нахмурился Юра, но, заметив, как Володя стушевался, хмыкнул: — Да ладно, ты прав, это для него.

— И что это? Зачем? — спросил Володя и принялся разбирать пакеты с продуктами.

Юра присоединился к нему на кухне, стал помогать расставлять покупки.

— Когда пишу для себя, мне не особо нужен культурно-исторический контекст, а вот для таких спектаклей — ещё как.

— А разве сценария недостаточно?

— Нет, потому что мир «Мастера и Маргариты» вполне реален. Это наш мир. Разница лишь во времени — он существовал в начале двадцатого века. Просто он описан не в «Мастере и Маргарите», а в других исторических источниках.

— Не понимаю. Объясни, — попросил Володя и стал машинально перемыть посуду. У Юры обнаружилась отвратительная привычка мыть чашки до того небрежно, что на них оставались тёмные разводы от чая и кофе.

— Мир, в котором живут герои Булгакова, — начал Юра, — родился не вчера и не из пустоты — это переосмысленный автором реальный мир, в котором жил он сам. И этот мир существует не сам по себе, у него есть база — контекст, но контекст необычный: он одновременно и окружает нас, и составляет наше бытие.

— Если бы с музыкой не сложилось, из тебя получился бы отличный философ, — улыбнулся Володя. Он с нежностью посмотрел на одухотворённого Юру, что сидел на табурете, мечтательно глядя в потолок, и принялся чистить картошку.

— Не понял, да? — хмыкнул Юра. — Объясню на примере христианства. Однажды придуманное, оно изменило реальный мир под себя. Христианство как культура — вокруг нас, а как религия — внутри нас, мы живём по христианским заветам. Следовательно — мы живём им. А затем приходит другая религия или идеология, и мир перепридумывает сам себя. Он переосмысливает пережитое прошлое, а затем переживает переосмысленное настоящее, но уже по новым законам. Это повторяется снова и снова, и это читается во всём: в культуре, в истории, в истории культуры, в музыке...

— Никогда не копал так глубоко. Но в обычной жизни это, наверное, и ни к чему, — заметил Володя.

Юра кивнул.

— Практическая польза есть для политиков. И, конечно, для нас, сочинителей. — Юра пожал плечами. — Смотри. У меня есть книга, я знаю сюжет и знаю реальную историю страны в нужный период времени. Знаю, что тогда происходило, но мне нужно разобраться, *как именно* это происходило тогда, чтобы понять, как позволить произойти сюжету сейчас, в спектакле. И показать всё это музыкой. Для этого и нужна история искусства того периода.

Володя кивнул. Он вникнул в смысл Юриных слов, но не понял, зачем всё так усложнять. Зачем заново придумывать историю? Чтобы она была реалистичной?

Ясно одно: Юра — человек, живущий в другом мире. Не в прозаичном, как Володин, и, наверное, не вполне материальном.

— А просто так, с ходу, не можешь написать чей-нибудь лейтмотив? — спросил

Володя.

— Обычно так и делаю, но... не знаю, что-то не пишется.

— Может быть, из-за смены обстановки?

— Да, возможно. Наверное, ты меня отвлекаешь. — Юра улыбнулся.

— Это ещё кто кого отвлекает. — Володя улыбнулся в ответ, поцеловал Юру в щёку и отправил его в кабинет.

Следующим утром Юра засобирался в картинную галерею.

— Зачем? — спросил Володя, завязывая галстук перед зеркалом в спальне.

— Многие художники и писатели ищут вдохновение в музыке, почему бы мне не поискать его у них? — философски заметил Юра, помогая ему надеть пиджак. — Знаешь, у всего в этом мире есть свой звук, у каждого места — своя мелодия. Даже тишина может быть музыкой, верно? Картины тоже звучат.

— Тогда собирайся и поехали сейчас. Я подброшу тебя до музея, — предложил Володя, оглядывая Юру. Тот стоял на пороге спальни в одном полотенце на бёдрах.

— Я собирался днём... а утром хотел почитать.

— В обед я не смогу приехать, не такси же вызывать. Поехали сейчас, а почитать сможешь и позже.

Юра пожал плечами.

— Ну ладно. Подожди пять минут.

Из-за того, что заезжал в музей, Володя едва не опоздал на очередную встречу с проблемным заказчиком. А Брагинский вообще явился спустя десять минут после начала переговоров. Никто не обратил на это внимания, кроме, разумеется, Володи. Попивая потрясающе вкусный кофе, что собственноручно приготовила Лера, они подписали все документы, договорились о решении срочных задач и обсудили планы на будущее. Всё прошло довольно быстро, и неожиданно для самого себя Володя полностью освободился к обеду.

Обычно они с Юрой списывались в час дня, но сегодня тот не только не написал, но и был офлайн. Пришлось позвонить.

— Ты где? Почему не пишешь? — чуть встревоженно спросил Володя.

— Ой, извини, увлёкся, — полушёпотом ответил Юра. — Я в музее.

— Ты уже пообедал?

— Пока нет.

— Хорошо. Я закончил работать, тогда сейчас приеду к тебе — и поедем.

— Я на втором этаже, правое крыло. Жду.

Галерея оказалась большой, но Володя легко нашёл зал, где они договорились встретиться.

Когда он ступил внутрь, первое, что бросилось в глаза, — огромная, почти во всю стену, картина. Чем больше Володя всматривался в неё, тем больше на него давил запечатлённый на полотне хаос: в полную народу церковь ворвались вооружённые большевики, а поп в чёрной рясе преградил им путь, выставив перед собой руки, и пытался прогнать захватчиков и защитить алтарь от разграбления. Юра стоял перед этой картиной спиной к Володе. Казалось бы, его маленькая, в сравнении с гигантским изображением, фигура должна выглядеть угнетённой царящим на полотне хаосом. Но, наоборот, Юра будто был способен подчинить этот хаос себе — одно мгновение, и он взмахнёт руками, словно дирижёр, и немые крики на картине зазвучат, и грянет оркестр. Но ведь Юра действительно дирижёр, Володя уже видел его на сцене и знал, что его музыка и правда способна навевать образы и пробуждать эмоции.

— А вот и я, — негромко, чтобы не испугать, произнёс Володя.

— Привет, — буркнул Юра. Он вдруг ссутулился и показался хрупким и слабым. Володе тут же захотелось обнять его и увести от этой чудовищной картины.

— Ну что, идём обедать? — бодро предложил Володя.

— Осталось два зала. Давай их посмотрим, чтобы не возвращаться потом?

— Я думал, ты уже всё посмотрел... — удивился Володя. — Как долго.

— Вот так, да, — улыбнулся Юра, направляясь в сторону нужных залов. — Перед действительно вдохновляющей картиной я могу простоять пару часов.

— И какие тебе понравились сегодня? — поддержал разговор Володя.

— Я не знаю ни названий, ни художников. Я вообще никогда не читаю таблички. Обычно я быстро прохожу всю галерею, бегло осматриваю картины, а потом возвращаюсь к тем, за которые зацепился взгляд. Стою, разглядываю, придумываю истории этих картин: когда и как их писали, кто изображён на них, кем натурщики приходились художнику, что он о них думал и всё тому подобное. Так что любая информация о том, что в действительности изображено на картине, сильно ограничивает полёт фантазии.

— Ты так развиваешь воображение?

— Именно, — кивнул Юра и остановился, показывая на неизвестный Володе портрет. — Вот, например, посмотри на этого юношу. Он пишет картину, а за ним стоит человек. Юноша — это художник, но кто же за ним? По-моему, это заказчик. Видишь позу? Он будто кукловод — вставил руку в спину художника и управляет им изнутри как марионеткой. То есть диктует, что ему делать. Эта картина о несвободе. В этом юноше я вижу себя.

От такого заявления Володе стало не по себе — Юра всегда казался ему оптимистом. Но неужели это всего лишь маска? В действительности он ощущал себя творческим рабом? И ни разу не сказал об этом Володе?

— Почему ты так считаешь? — спросил он. — Кто тобой управляет?

— Не знаю. Заказчики, наверное, кто же ещё, — смущённо улыбнулся Юра. — Я знаю, что такие мысли глупы и инфантильны. Но я вкладываю душу в любую музыку, которую пишу, неважно, на заказ или нет. Вот и получается, что продаю душу за деньги. И при этом мне указывают, какой кусок и как отрезать.

— Помни о том, что у тебя всегда есть выбор и, что бы ты ни решил, я всегда останусь на твоей стороне, — сказал Володя, разглядывая этот портрет. Ему, наоборот, показалось, что двое на картине похожи на них с Юрой: он творит, а Володя — всегда рядом, готовый поддержать.

— Я знаю, — Юра улыбнулся, и они отправились в следующий зал.

Юра вошёл первым, и Володя услышал его смех, причём весьма глупый. Затем раздались полные возмущения голоса других людей.

Картина, развеселившая Юру и взбесившая других посетителей, впечатляла размером, а бурную реакцию, очевидно, вызвали изображённые на ней два усатых качка в трусах с волосатыми грудями и розовыми сосками. Они сидели рядышком на диване: один держал в руках скрипку, а второй — нотный лист.

Забавляло ещё и то, что картину установили на такой высоте, что лица посетителей оказывались точно на одном уровне с пахом качков.

— Это что, искусство?! — возмущался вошедший следом за Володей мужчина, матерясь.

— Это отвратительно! — поддержала его ещё одна посетительница. — И как я должна объяснять такое детям?

— Пидоров надо в лагеря высылать подальше от нормальных людей, а не выставлять на всеобщее обозрение. — Мужик резко развернулся, собираясь уйти, но влетел Юре в плечо. И застыл на месте, глядя на его серёжку. — Совсем страх потеряли, даже не скрываются, — зло прошипел он.

Володю насторожил взгляд мужика. Он весь напрягся.

— Это вы мне сказали? — спросил Юра ледяным тоном.

Мужик зло уставился сперва на него, затем — на Володю. Наткнувшись на его гневный взгляд, стушевался и промолчал.

— Повторите, что вы мне сказали, — потребовал Юра.

Володя шагнул к мужику ближе, закрыв Юру собой.

— Ничего. Вам послышалось, — буркнул мужик, затравленно оглядел их обоих и пулей вылетел из зала.

— Эй, что ты делаешь! — возмутился Юра, видя, что мужик уходит. — Отойди! Зачем ты встал передо мной?

— Успокойся, — попросил Володя. — Нам ни к чему скандал на ровном месте. Пошли отсюда. Ты всё равно никому ничего не докажешь.

Юра чуть-чуть повозмущался, но всё-таки послушно пошёл вниз по лестнице, а затем — к выходу из галереи. Мужик им больше не встретился.

До кафе шли молча, а заговорили, только когда, сделав заказ, отпустили официанта.

— Володя, что со мной не так? — спросил Юра, глядя на свои пальцы, барабанившие по столешнице.

— С тобой всё в порядке, — мягко ответил Володя.

Но Юра, не глядя на него, поджал губы и устало произнёс:

— Чем я выдаю себя?

— Не знаю... — протянул Володя. Он опасался этого разговора, боялся обидеть Юру, но и игнорировать эту тему тоже было нельзя. Он старался быть как объективным, так и мягким. — Может быть, дело в серёжке. Ну, знаешь, эти слухи, что их носят только геи.

— А подростки что?

— Ну ты же не подросток, — улыбнулся Володя.

— Это же бредовый стереотип! — фыркнул Юра.

— Согласен. Но он широко распространён, особенно среди всякого быдла.

— Да если бы он был один... — Юра перестал постукивать по столешнице, поднял голову и посмотрел Володе в глаза. — Люди на улице постоянно косятся на меня, оборачиваются...

— А ты не преувеличиваешь? — спросил Володя для проформы. Манерный и яркий, Юра притягивал к себе взгляды, хотел он того или нет. И Володя ещё до его приезда понимал, что вниманием он будет обеспечен.

Юра отрицательно помотал головой. Володя постарался его успокоить:

— На один презрительный взгляд придётся сто равнодушных. Просто равнодушные ты не замечаешь, а злые — помнишь. Но ведь в процентном соотношении их настолько мало, что, можно сказать, и нет вовсе. Они существуют только в твоём воображении. Не обращай внимания. Тем более это всего лишь взгляды.

— Как видишь, сегодня были не только взгляды... Но, чёрт подери, почему? У меня что, на лбу написано, какой я?

Юра требовал от него именно того ответа, который Володя особенно не хотел давать. Но молчание — не выход.

— Ты одеваешься слишком ярко в сравнении с местными, — осторожно начал он. — Вот посмотри вокруг, у кого ещё ты видел, например, голубой шарф? Или вообще хоть что-то выделяющееся?

Как Володя и ожидал, Юра вспыхнул:

— И что ты мне прикажешь? Снять шарф и светить всем твоими засосами? — произнёс он сдавленным шёпотом. Обнажил шею, демонстрируя новое красное пятно возле уха.

— Блин, за это прости, — сказал Володя, с досадой подумав, что обзавёлся плохой привычкой, сам того не замечая, оставлять засосы. — Но в остальном-то почему ты злишься на меня? В чём я виноват? Просто не носи на людях хотя бы серёжку.

— Тебе она тоже не нравится? — тихо, почти жалобно спросил Юра. Он потянулся к уху, стал крутить пальцами золотистый гвоздик.

— Она мне очень нравится, Юр. Мне нравится в тебе всё. Но одно дело — я, а совсем другое... — он проглотил едва не сорвавшееся с языка оскорбление, — остальные.

— Варварская страна! — воскликнул Юра так громко, что посетители за соседним столиком обернулись на них.

— Полегче, — попросил Володя. — Это же всё-таки твоя родина.

— И что мне толку от этой родины? — спросил Юра уже тише. — В Германии мне хотя бы не противно быть собой! Там мне даже в голову не приходит, что я какой-то не такой. Мне ведь немного надо: просто не встречать осуждения, когда иду куда-то. Я ведь не целуюсь с тобой, не тискаюсь на людях, а просто иду один!

— Рано или поздно и на нашей улице будет гей-парад, — примирительно улыбнулся Володя. — Правда, не думаю, что от него будет толк, скорее одно раздражение.

— Или унижение, — согласился Юра, — заведут в какой-нибудь загон как овец и окружат ментами. — Он вздохнул, посмотрел в окно и добавил: — Хотя от любого парада в любом случае толк будет.

— И какой? Возненавидят ещё больше? Люди приходят в форменный ужас от одних только фотографий с гей-парадов.

— А что думаешь ты? — спросил Юра, уставившись Володе в глаза.

Тот даже растерялся.

— Я... не знаю. Мне непонятен смысл такой показухи.

— А я уважаю открытых геев и восхищаюсь ими. Этим людям хватило сил научиться принимать себя такими, какие они есть. А их открытость нужна не только им, но и тем, кому пока не хватает сил и смелости принять себя. — Юра протянул руку к Володе, будто собираясь коснуться его пальцев, но тут же одёрнул себя. Задержался взглядом на его лице и

продолжил: — Вот, например, ты. Внешне ничем не отличаешься от гетеро, тебя не видно, а их — видно. Благодаря этой, как ты говоришь, показухе другие геи, особенно подростки, видят, что они не одни. Вспомни себя в юности и представь, насколько проще было бы, окажись ты в свои девятнадцать среди таких сильных и смелых людей. Ты бы легче принял себя.

— В свои девятнадцать я жил в СССР, — вздохнул Володя. — Ну ничего, рано или поздно и эта страна станет свободнее.

— Скорее поздно, чем рано. Гомофобия здесь таких масштабов, что кажется, будто это политика государства, — хмыкнул Юра. — Вернее, не кажется — я даже уверен в этом.

— Ну, не преувеличивай. — Володя улыбнулся.

— Я за одну только прошедшую неделю раз двадцать слышал осуждение в отношении геев по телевизору. И ведь это не просто говорится, а внушается людям и прямо, и косвенно. Через кино или случайные высказывания лидеров общественного мнения. В лучшем случае это звучит так: «Есть мы — нормальные, а есть ненормальные — они...»

— И что ты предлагаешь делать? — хмыкнул Володя. — Пройти парадом по всем крупным городам? И что дальше, думаешь, отношение к нам сразу изменится в лучшую сторону?

— Демонстрировать альтернативный взгляд. — Юра пожал плечами. — Признать, что гомофобия есть, и говорить о ней. Признать, что таких, как мы, много. Что мы нормальные, что, как и остальные, мы также полезны для общества. А то, что нас много, могут показать только парады.

— Ну, Украина уже делает шаги в эту сторону, — Володя постарался его успокоить. — Например, есть отдельный вид фильмов и литературы про...

Юра его перебил:

— Сам факт того, что кто-то выделяет это в отдельный вид, — уже гомофобия.

Слушая Юру, Володя не мог избавиться от ощущения, что его голосом говорит Йонас. Володя вздохнул и привёл последний аргумент:

— Помнишь, что было в твоей любимой Германии ещё пятьдесят лет назад? Тогда таких, как мы, наказывали не грубым словом, а сам знаешь как — мы же с тобой были в Дахау, видели.

— Но у меня нет в запасе пятидесяти лет, чтобы ждать, когда здесь станет лучше! — Юра сердито вцепился в ухо и снял серёжку. Вертя в пальцах и рассматривая её, покачал

головой. — Нет. В Германии до сих пор не всё идеально, но там не ощущаешь злобы и ненависти. Я бы понял, если бы меня осуждали за то, что я иду с тобой за руку, но за голубой шарф и серёжку в ухе?! Дикость какая!

Их разговор прервал подошедший с заказом официант. Быстро расставив тарелки, он удалился, но за это недолгое время Юра изменился в лице. Видимо, успел что-то решить для себя.

— Какого чёрта я делаю? — воскликнул он, снова потянулся к мочке уха и надел серёжку. — Пусть думают что хотят, мне плевать!

Следовало всё же попытаться уговорить Юру не надевать серёжку хотя бы тогда, когда он выходил куда-то один. Ради его же безопасности. Зная Юрину вспыльчивость, Володя был уверен: дай ему повод, он ответит на оскорбление так, что драка будет неизбежна — если надо, Юра сам её затеет. Он не станет сдерживаться, не подставит вторую щёку — так было в юности, так осталось и сейчас. Поэтому лучше не провоцировать людей, лучше попросить Юру снять серёжку. Володя это понимал, но сказать не смог. Потому что сейчас, сердито ковыряя замочек на серёжке, на Володю смотрел, сверкая карими глазами, тот самый Юрка, что двадцать лет назад в отместку швырнул в него яблоко. Уязвлённый, но гордый, справедливый, но задиристый, взрослый, но столь похожий на себя юного, Юра застегнул серёжку и теперь с вызовом взирал на Володю.

Губы того невольно растянулись в улыбке.

— Правильно, Юрочка, оставайся собой.

Но всё же он боялся за Юру. Внутри у Володи всё холодело, стоило представить, что в любой момент, просто поехав в магазин или отправившись гулять, Юра может, сам того не желая, ввязаться в конфликт. И неизвестно, чем этот конфликт в итоге закончится.

Володя посмотрел на него и со всей возможной серьёзностью произнёс:

— Юр, я всё же настаиваю, чтобы ты не ходил по Харькову один, особенно по вечерам. Две головы — полдракона, помнишь?

Ему казалось, что Юра вспылит или обидится. Ведь, в конце концов, Володя не может приказать взрослому человеку запереться дома и выходить на улицу только под наблюдением. Но Юра лишь откинулся в кресле, склонил голову сначала в одну сторону, потом в другую. Размышляя о чём-то, будто что-то оценивая, он кивнул и строго спросил:

— Приставишь ко мне охрану?

Володя хохотнул:

— А что, почему бы и нет?

— Кого? — Юра сощурился. — Если это будешь лично ты, то я согласен.

— Конечно я. Никому другому я ни за что не доверю настолько ответственную задачу.

19. Несвободное падение

Юра не нашёл вдохновения в галерее. Он не говорил об этом прямо, но Володя всё понял без слов, потому что за следующие пару дней ни разу не увидел его за пианино.

Помня, как Юра обижался на Йонаса за нелюбовь к своей музыке, Володя пообещал себе, что будет интересоваться Юриным творчеством как можно чаще. В офисе он старался не забывать спрашивать Юру об успехах через ICQ, а возвращаясь домой, просил сыграть то, над чем он работал весь день.

В субботу, проснувшись раньше обычного, Юра сразу же закрылся в своём кабинете, но спустился к завтраку. С благодарностью принял из рук Володи чашку кофе, немного виновато посмотрел на него и сказал:

— Володь, а ты не расстроишься, если я попрошу тебя эти выходные провести порознь? Мне что-то очень тяжело даётся работа над «Мастером и Маргаритой», хочу засесть в кабинете, отгородиться от мира и погрузиться в контекст целиком и полностью.

Разве мог Володя отказать? Конечно, ему хотелось как можно больше времени проводить вместе, но он понимал, что музыка для Юры важнее всего на свете, и готов был идти на любые жертвы, лишь бы он ею занимался.

— Юр, я всё понимаю и совсем не против, раз твоя работа того требует. — А увидев благодарную улыбку, Володя добавил: — Но, пожалуйста, про еду и сон не забывай, мой Мастер.

Юра чмокнул его в губы.

— Обещаю, что по ночам буду полностью в твоём распоряжении.

Володя нашёл чем себя занять. В субботу он полдня изучал немецкий, а в воскресенье убирался на участке — давно пора было это сделать. На улице уже всё зеленело и цвело, а в саду после зимы до сих пор валялись прошлогодние листья.

Юра действительно работал — со второго этажа почти всё время доносилась музыка. Правда, чаще — записи, среди которых Володя иногда улавливал нечто отдалённо знакомое. Живой фортепианный звук слышался редко — и то какой-то обрывистый и нескладный, будто Юра пытался что-то наиграть и тут же бросал. На первый этаж он спускался всего пару раз — выходил либо перекусить, либо сварить кофе. Володя его не трогал и ни о чём не спрашивал — не хотел мешать. Юра появлялся в спальне ближе к трём ночи, ложился к Володе под одеяло и почти сразу засыпал, пристроившись под боком.

Казалось, что всё в порядке: Юра работал над спектаклем, процесс пошёл. Но, вернувшись домой в понедельник, Володя так и замер на пороге от изумления. Невыгулянная Герда пулей бросилась на улицу, едва перед ней открылась дверь. Видимо, Юра заработался и забыл её выпустить. Володя было махнул на это рукой, но, зайдя на кухню, обомлел от царящего там бардака. Он всё понимал, видимо, творчество Юры было важнее уборки, но разве она заняла бы так много времени? Ведь Юра знал, что Володя вернётся с работы поздно и уставший.

подавив раздражение, он хотел сделать Юре замечание, что хотя бы посуду можно было помыть. Но тут же посмотрел на диван в гостиной, и желание ругаться вмиг пропало. Юра лежал в полной тишине, будто спал, но, приблизившись, Володя заметил, что его глаза распахнуты, а взгляд устремлён в никуда. Юра выглядел усталым и подавленным.

— Что-то случилось? — встревоженно спросил Володя.

— Нет, всё хорошо. Просто устал.

— Ты написал что-нибудь? Можно послушать? — аккуратно поинтересовался Володя, подходя к нему.

— Нет и нет, — пробормотал Юра, не поднимая головы.

— Что с тобой? — спросил Володя, опускаясь рядом на пол. — Мне показалось, что в выходные ты поработал очень продуктивно.

— Не знаю. Не пишется, — ответил Юра, подставляя губы для поцелуя. — Два дня пытался написать что-то цельное и вразумительное, но ничего не вышло.

— Почему же так?

— Акклиматизация, видимо. — Юра пожал плечами и уставился на него грустными глазами.

Володя вздохнул, погладил его по голове, коснулся губами волос, прошептал в них:

— Юрочка, ну что с тобой такое?

— Сам не знаю. Вроде бы мыслей много, но не могу заставить себя сесть за инструмент и записать их. Хожу вокруг него, что-то наигрываю, но всё не так.

— Что мне сделать? Как тебе помочь?

— Никак. Ты вообще тут ни при чём. Мне до сих пор не выслали сценарий. Как получу его — дело пойдёт. Просто мне очень непривычно, что вообще нет идей. От этого как-то тревожно — не творческий кризис ли это?

Володя представлял, что такое «творческий кризис», но понятия не имел, от чего он начинается и зависит, как проявляется. Но попытался утешить Юру:

— Не будь пессимистом — почему сразу кризис? Без сценария у тебя просто отсутствует постановка задачи, правильно ведь?

— Да-а... — задумчиво протянул Юра и уже веселее добавил: — А ведь ты прав! Так здорово, что ты интересуешься моей работой и поддерживаешь меня. Это так приятно.

— А мне будет приятно, если ты помоешь посуду и почишь лук.

Юра недовольно замычал, но всё-таки встал с дивана и поплёлся помогать.

Следующим вечером Володя снова вернулся поздно. Приготовился увидеть тот же бардак, что вчера, и услышать ту же тишину, отворил дверь, но на него обрушилась музыка. Володя не поверил своим ушам — это была не запись. Юра играл!

От музыки тугой узел, что все эти дни скручивался в груди, ослаб. Стало так радостно, что Володя начал подпевать незнакомой мелодии, ни разу не попав в такт.

Он не тревожил Юру до самой ночи, боялся спугнуть его вдохновение. Учил в одиночестве немецкий, но мыслями постоянно возвращался к Юре и улыбался.

Ближе к полуночи музыка затихла, и на лестнице послышались торопливые шаги.

— Я получил сценарий! — увидев Володю, воскликнул Юра и заключил его в объятия.

— Поздравляю! — улыбнулся тот. — Вот видишь, а ты говоришь: «Кризис-кризис». Сыграй, что написал.

— Пошли, — позвал Юра и вбежал по лестнице.

Поднявшись на второй этаж следом, Володя почувствовал запах табака, который так и ударял в нос.

— Ты что, опять курил? Ещё и в доме! — не смог промолчать Володя. — Я ненавижу эту вонь! У меня тут же начинает болеть голова.

— Но ты сам сказал, что это моя комната и я могу делать здесь всё, что захочу, — растерялся Юра.

— Не в этом дело. Дело в твоём здоровье. Так и до рака недолго.

Юра отмахнулся.

— Да ну, перестань. Я курю раз в сто лет — так, балуюсь. У меня нет привычки.

— Тогда тем более! Раз привычки у тебя нет, Юра, я запрещаю тебе курить, тем более в доме. Иначе... — произнёс он и задумался: а что иначе? Юра же не ребёнок, чтобы ставить ему ультиматумы или стыдить за курение, как в «Ласточке». — Без «иначе», я просто почеловечески прошу тебя: пожалуйста, не кури больше.

— Ну ла-а-адно, — как-то по-детски протянул Юра, смеясь. Подошёл к пианино и, не садясь, наиграл стремительную мелодию.

Володя не понял, какое отношение к «Мастеру и Маргарите» может иметь столь легкомысленная музыка, но Юру, разумеется, похвалил.

И этот день стал единственным, когда Володя слышал его игру. Юра больше не притрагивался к пианино и проводил вечера в кабинете в полной тишине. Даже записи не ставил. Эта тишина наполняла душу Володи тревогой.

Он старался не давить на Юру, но, каждый раз возвращаясь с работы, с замиранием сердца отворял двери дома и прислушивался — вдруг зазвучит музыка?

Она зазвучала в последний рабочий день перед майскими праздниками. Правда, снова запись. Но Володя порадовался и такой мелочи — может, всё же есть какие-то подвижки?

Юра сидел за инструментом с книгой в руках, но крышка пианино была закрыта.

— Над чем сегодня работал? — привычно спросил Володя. — Что-нибудь написал?

— Я перечитал сценарий вдоль и поперёк, но всё ещё не понимаю, какой должна быть музыка, — ответил тот. — Казалось бы, сам Булгаков указал, как должен звучать этот роман. Фамилии у героев как у композиторов: Стравинский, Римский, очевидно, что Римский-Корсаков, и, конечно, Берлиоз.

— И что же за музыку зашифровал Булгаков? — с любопытством спросил Володя. Он подтащил к пианино кресло, которое для успокоения Юры назвал отцовским, и уселся в него, всем своим видом показывая, что готов внимательно слушать.

— С Берлиоза всё начинается, он как ключ ко всему. У него есть «Фантастическая симфония», вот послушай, что сам Берлиоз писал про неё. — Юра открыл книгу и зачитал страницу, заложённую закладкой: — «Молодой музыкант с болезненной чувствительностью и горячим воображением отравляется опиумом в припадке любовного отчаяния. Наркотическая доза, слишком слабая для того, чтобы вызвать его смерть, погружает его в тяжёлый сон, сопровождаемый странными видениями, во время которого его ощущения, чувства и воспоминания претворяются в его больном мозгу в музыкальные мысли и образы. Сама же любимая женщина становится для него мелодией и как бы навязчивой идеей, которую он находит и слышит повсюду». — Юра отложил книгу, повернулся к Володе и добавил уже от себя: — Казалось бы, что тут думать, правда? Но это слишком просто. Слишком на поверхности. Тем более какие, к чёрту, будни Москвы под Берлиоза? Нет, тут должно быть что-то ещё, более сложное.

Володя взял его руку в свою, посмотрел в глаза и начал, осторожно подбирая слова:

— Ты очень интересно рассказываешь. Здорово, что ты так глубоко разбираешь материал, но ты только думаешь и ничего не пишешь. А твоя работа — писать, без этого ведь теряется навык, так?

Но Юра его будто не слышал, спрашивая скорее воздух, чем Володю:

— Как должна звучать повседневная Москва? Или, точнее, как передать Москву тридцатых немцам? Может быть, Утёсов? Как у него было: «Я могу под окнами мечтать, я могу, как книги, их читать»... — Его глаза загорелись искорками интереса, а щёки залились нездоровым румянцем. Юра заёрзал на стуле и вдруг воскликнул: — Володя, надо срочно купить Утёсова. Отвези меня в Харьков! Я бы сам съездил, если бы не выпил.

Юра кивнул на полупустой стакан, стоящий на пианино, и Володя вздохнул.

— Юра, подожди, успокойся. Не надо никуда ездить. Я скачаю тебе Утёсова.

— Спиратишь? Ты что, это же воровство!

— Я куплю в интернете, — не зная, как это сделать и можно ли сделать вообще, пообещал Володя. — В крайнем случае куплю завтра. Только не надо никуда бежать прямо

сейчас, хорошо? Тем более уже вечер, ты не успеешь к закрытию магазинов.

— А, да. Да, верно. Жаль.

— Ты лучше запиши, что придумал. Сыграй что-нибудь из того же Берлиоза, но не размышляй, а сыграй, ладно?

— Ладно, — сдался Юра, кажется, успокоившись.

Оставив его наедине со своими мыслями, Володя отправился заниматься немецким. Но сосредоточиться не получалось: вместо того чтобы учить новые слова, он то и дело отвлекался на мысли о Юре.

Он уже который день ничего не пишет, придумывает сам себе отговорки, занимается всем, чем только можно, но только не сочинительством. У него резко меняется настроение, появляются какие-то маниакальные идеи. И сценарий уже неделю назад прислали, а он никак не сядет за работу. К тому же Юра слишком часто пьёт, да ещё и в одиночестве. Неужели это действительно творческий кризис?

Размышляя, как можно ему помочь, Володя бросил немецкий и отправился в кровать. Юра присоединился к нему через полчаса. Обняв его, Володя задумчиво пробормотал:

— Юр, помнишь, рассказывая о Йонасе, ты говорил, что твоя музыка бессмысленна, потому что не настолько великая, чтобы остаться в истории?

— Ну? — буркнул Юра ему в шею.

— Я считаю, что это не так. Я считаю, что она достойна того, чтобы о ней помнили будущие поколения, — сказал Володя, но в ответ услышал лишь какой-то невнятный звук. — От твоего фырканья моё мнение не изменится. Юр, чтобы стать великой, музыка должна быть написана. Я понимаю, что пока она не пишется, но ты хотя бы пробуй, просто попытайся что-нибудь сочинить. Хотя бы просто сиди за открытым пианино, а не используй его как стол.

— Ну что мне, прямо сейчас идти? — жалобно спросил Юра. — Я устал...

— Нет, не сейчас, конечно — завтра. Завтра попробуешь?

— Не знаю... — Юра отвернулся от него.

Володя с грустью посмотрел на его затылок, на разбросанные по подушке, чуть отросшие волосы, которые, и без того непослушные, теперь вились. Юра никогда не казался

ему жалким, даже сейчас, когда тщетно пытался выжать из себя хоть что-то, но Володе стало так его жаль, что стиснуло горло.

— Юра, — печально прошептал он, — а тебе поможет, если сделать что-нибудь с пианино? Ты сам говорил, что оно фальшивит и плохо звучит. Возможно, из-за этого тебе так сложно сесть за него?

— Возможно, — тут же отозвался Юра. — Надо бы вызвать профессиональных настройщиков. Я пытался сделать что-нибудь со звуком, но у меня ничего не получилось.

— Да, давай вызовем, пусть посмотрят. Только сначала их надо разыскать. А завтра, как назло, начинаются праздники, никто и не будет работать.

— Ну, не завтра, так позже, время ещё терпит, — согласился Юра.

Володя уже начинал проваливаться в сон, потому что заранее выпил снотворное. Последние пару недель засыпать без него не выходило.

— Володь? — вдруг прозвучал шёпот в тишине комнаты.

— М? — промычал Володя сквозь сон.

— Мне так надоело сидеть дома, — пожаловался Юра, прижимаясь к нему со спины. — Поехали завтра гулять по Харькову?

Володя так хотел провести праздники дома, хорошенько отоспаться, закончить уборку в саду и вычесать Герду. Да и гостиная покрылась пылью и тоже требовала внимания. Но Юра и правда уже больше недели коротал дни дома, не гулял даже в окрестностях «Ласточкиного гнезда». Должно быть, он очень устал сидеть в четырёх стенах.

— Поехали, — ответил Володя, вздохнув. Юра в благодарность прижался ещё крепче.

«Надо позвонить Ирине с Женей, — решил Володя, засыпая, — хоть немного сменить обстановку для Юры».

В город поехали с самого утра. Володя надел плащ и минут десять прождал Юру в прихожей, возмущаясь, сколько можно наряжаться для банальной прогулки. А когда Юра

вышел к нему, Володя не смог сдержаться и демонстративно закатил глаза.

— Помнишь, ты спрашивал, почему люди сразу видят в тебе гея?

— Что со мной опять не так? — Юра с искренним недоумением уставился на него.

— Брюки, Юра, светлые брюки в обтяжку. Ты в них будто голый.

— Я думал, тебе понравится...

— Лично мне нравится, когда ты вообще без них, но моё мнение здесь ни при чём. — Видя сердито поджатые губы Юры, Володя смягчил тон: — Лучше переоденься в джинсы. Так будет и спокойнее, и теплее.

Юра нахмурился, скептически оглядел себя в зеркале и угрюмо побрёл переодеваться.

После обеда в кафе они неспешно возвращались к машине, планируя ещё прогуляться по Свердлова до набережной. Уже подходя к историческому музею, Володя заметил на другой стороне улицы вывеску «Музыкальные инструменты».

— Не хочешь зайти? — предложил он Юре.

— Да нет, зачем? — Тот пожал плечами.

— Вдруг там есть настройщики? — предположил Володя и не смог сдержать хитрой улыбки — в голове появилась интересная мысль. — Как думаешь, если специалисты не смогут настроить пианино, может, мне его вообще продать и купить себе новое? — Зная отчаянное желание Юры быть финансово независимым, он специально выделил слово «себе».

— Хороший инструмент стоит хороших денег, а если только для интерьера, то лучше оставь старое, — предостерёг Юра и послушно побрёл за Володей.

— Не только для интерьера, оно и тебе нужно. Ты же не в последний раз приехал ко мне, правда?

— Да, но мне согдится и нынешнее пианино. Уверен: после настройки оно зазвучит гораздо лучше, — упрямылся Юра.

Володя повёл его к светофору, чтобы перейти улицу. Юра шёл рядом, продолжая убеждать Володю в том, что настройка поможет, а перед самым входом выдал главный аргумент:

— Увидишь цены — быстро передумаешь покупать новое.

И они вошли внутрь.

Хотя вывеска выглядела скромно, сам магазин оказался дорого оформленным и довольно большим. Он занимал два этажа: на первом стояло с десятков пианино и висело множество гитар, а на втором Володя заметил барабанные установки, какую-то электронику и светоаппаратуру. Внутри было немногочленно, продавцы скучали и, едва завидев Юру с Володей, разом набросились на них:

— Подсказать что-нибудь?

— Вам какое: ученическое или профессиональное?

— Для себя смотрите?

— Нам, вообще, нужно узнать насчёт настройки пианино, — ответил Юра всем сразу.
— Настраиваете?

— Да. Пожалуйста, следуйте за мной, — пригласила девушка.

Юра было пустился за ней, но Володя остановил его:

— Давай бумажками я займусь сам, а ты пока походи тут, осмотришь. Вдруг вспомнишь, что ещё надо докупить в кабинет? Провода какие-нибудь или... Во — Утёсова!

Юра согласился на удивление легко и в сопровождении продавца пошёл гулять по магазину, о чём-то с ним переговариваясь.

Оставшись один на один с девушкой-консультантом, Володя попросил:

— Не могли бы вы показать молодому человеку профессиональные пианино? Мы с друзьями хотим сделать ему подарок, и это должен быть сюрприз, а без него нам не выбрать.

— Да, конечно, — кивнув, улыбнулась продавец. — Ценовая категория?..

— Нас с друзьями много, так что... главное, чтобы инструмент был действительно хороший. И, пожалуйста, будьте понастойчивее.

— Всё поняла, — снова улыбнулась девушка и, передав Володю коллегам на стойке информации, отправилась к Юре.

Оформив заявку на вызов настройщиков, Володя пошёл искать Юру и нашёл его в дальнем углу магазина среди множества пианино. Они были разные: и вычурные классические, и лаконичные современные. Юра сидел за одним из инструментов в окружении продавцов и посетителей, привлечённых звуками его игры. Даже издали было заметно, как горят Юрины глаза. Идя к нему, Володя покачал головой и подумал: «А говорил, что моя шарманка его устраивает».

Клавиши блестели под Юриными пальцами, по помещению разносились впечатляюще красивые звуки. Володя узнал эту музыку — то была первая композиция с Юрино диска, посвящённая ему. Мелодия была такой силы и глубины, что по телу Володи побежали мурашки, но не успел он привыкнуть и прислушаться к ней, как Юра обернулся и тут же прекратил играть.

— Закончил? Уходим? — спросил Юра, вставая и с грустью поглаживая клавиши пианино, на котором только что играл.

— Перед уходом попробуйте ещё вот это, — вмешалась консультант, с которой договорился Володя. Она указала на современное чёрное матовое пианино, стоящее в центре зала. — Это исключительный инструмент, единственный в своём роде.

— Давай, — ободряюще кивнул Володя, видя сомнение Юры.

Тот робко глядел то на Володю, то на пианино. Должно быть, метался между желанием ещё насладиться хорошими инструментами и необходимостью срочно уйти.

— Зачем? — нахмурился Юра. — Мы же не будем ничего покупать.

Но Володя только пожал плечами.

— За спрос денег не берут, тем более что сегодня выходной, времени у нас предостаточно. Поиграй ещё, почему нет?

— Посмотрите, сколько у вас слушателей, — поддержала Володю консультант, как бы ненароком кивая на посетителей. Стоящая рядом семейная пара делала вид, что выбирает инструменты, когда на самом деле — и это было заметно, — прислушивалась. Ещё трое, не таясь, переговаривались в ожидании Юриной игры.

Уговорить Юру оказалось совсем несложно. Он сел за инструмент и начал играть. По телу Володи снова побежали мурашки — звук этого пианино, более громкий и глубокий, впечатлял ещё больше.

Володю даже взяла гордость за Юру — до чего же он талантлив! Своей игрой и музыкой он умел вызывать у множества абсолютно разных людей столь сильные эмоции, что они забывали о делах и застывали на месте, слушая. Юра и сам наслаждался всем этим — прикрыв глаза и легонько покачиваясь на банкетке, он не ударял по клавишам, а будто тонул в них.

Володя подошёл к консультанту, кивающему в такт мелодии, и спросил о цене этого пианино. А услышав ответ, внутренне обомлел и многозначительно хмыкнул. Да, действительно эксклюзивный инструмент стоил как половина Юриного седана.

Выйдя из магазина и шагая в сторону машины, Юра отметил:

— Ничего не скажешь, времена меняются. Когда пытался поступить в консерваторию, хотел купить новое пианино. Так и не купил: в каждом магазине на меня смотрели как на убогого, мол, чего ходишь, всё равно не можешь себе его позволить. На дорогих так вообще не давали играть, даже при продавце, представляешь?

— Капитализм всё расставил на свои места, — улыбнулся Володя. — И, как видишь, теперь для них честь принимать у себя такого таланта, как ты.

— Ой, перестань, — смущённо рассмеялся Юра.

Всю дорогу до дома Юра пребывал в приподнятом настроении. Он без умолку восхищался невероятной красотой звука, который выдавало второе пианино.

Володе оставалось только задумчиво улыбаться и поддакивать.

Володя был на работе до позднего вечера, поэтому настройщиков Юра принимал сам. Сообщив ему об их приезде, пропал на пару часов. Он разобрался в отладке пианино и живо интересовался процессом, поэтому сразу предупредил Володю, что будет недоступен.

Впрочем, и Володе было не до пианино — на объекте, в одном из строящихся домов, обвалилась стена. Никто не пострадал лишь потому, что произошло это в обеденный перерыв и рабочих просто не было на месте. Но Володе всё равно пришлось ехать на объект выяснять, в чём причина: в исполнителях, технологии или материалах. Возвращаясь домой под ночь еле живой от усталости, он мечтал только о еде и сне, а о пианино и думать забыл.

Но мрачное лицо Юры тут же напомнило о нём.

— Ну как? — только и спросил Володя, снимая влажную, насквозь промёрзшую на ночном весеннем ветру одежду.

— Как бы я хотел сказать, что стало лучше, но нет. Вообще никакой разницы.

— Ясно... — только и сказал Володя, не испытав от новости ни единой эмоции. Он пережил за сегодня всю гамму чувств от страха до ярости, и сил на что-либо ещё у него просто не осталось. Да и что он вообще мог испытать? И так было ясно: это не музыкальный инструмент, а ящик.

Он попросил Юру приготовить ужин, а сам отправился отогреться в душ и стал размышлять, где взять денег на новое пианино.

Сегодня утром он ещё сомневался, стоит ли покупать другой инструмент. В сотый раз перепроверяя бюджет проектов, Володя ничего нового в нём, разумеется, не обнаружил. Изучил даже план по премиям. Сейчас как руководитель премии он не получал, но оставалось небольшое вознаграждение за время, когда Володя ещё не был начальником. Но и от этих денег толку не было: на пианино всё равно не хватило бы, а завышать себе зарплату он никогда бы не стал. Выход оставался только один: брать кредит.

«Предложить, что ли, Юре купить его в складчину? Да ну, он не согласится», — решил он, выходя из душа таким же усталым, как и до него.

Упав после ужина в кровать, он понял, что сегодня уснёт мгновенно. А тут ещё Юра, усевшись рядом, принялся гладить его волосы.

— Поделись, как ты сегодня? — тихо спросил он.

— Чуть не замёрз там насмерть, на открытой местности на ветру, — пожаловался Володя и положил голову на Юрины колени.

— Слава богу, всё обошлось, — вздохнул Юра, нежно массируя ему шею.

— Да уж, — пробормотал Володя, расслабляясь. — Главное, что я выяснил, чья это вина.

— И чья же? — спросил Юра.

— Брагинского... — протянул Володя. — Привёз им не тот раствор.

— Опять он, — вздохнул Юра. Он не первый раз слышал о том, что в последнее время от Брагинского больше вреда, чем пользы.

— Но это ладно, — отмахнулся Володя. — Что нам делать с пианино?

— Ничего. Буду заниматься на нём как раньше.

— В том-то и дело, что раньше ты на нём и не занимался толком.

— Ой, не ворчи, — отмахнулся Юра, шутливо ткнув его в спину. Володя почувствовал, как другая его рука опустилась с затылка на ключицу и коснулась того места, где раньше была ссадина от ремня.

Вдруг расслабленные пальцы Юры напряглись.

— Он тебе звонит? — серьёзно спросил он.

— Игорь? Не знаю, я внёс его в чёрный список. Ума не приложу, что ещё можно сделать, чтобы он отстал. Он как будто русского языка не понимает.

— Дай мне его номер, я объясню на немецком, — угрожающе заявил Юра.

Володя хмыкнул, с удивлением думая: «Ну у Юры и интуиция». Ведь именно сегодня Игорь появился вновь.

Вечером охрана «Ласточкиного гнезда» сообщила Володе, что к нему хотел попасть посетитель. Фамилию не назвали, но указали марку и номер авто — Игоря. Володя попросил, даже когда он дома, не пропускать ни машину, ни владельца и больше не звонить по этому поводу. После этого случая он добавил Игоря в чёрный список и на телефоне, и в аське, не оставив тому возможности связаться. На душе сразу стало спокойнее. Теперь оставалось только одно место, где Игорь мог до него добраться — работа, но выдворить его и оттуда у Володи всё равно не получилось бы. Ну, скажет на вахте, чтобы не пускали, а Лере — чтобы не соединяла, но улицу не перекроешь. Да и не стоит лезть на рожон, не стоит злить Игоря — вдруг ему придёт в голову в отместку раскрыть их отношения коллегам? Тогда проблем не оберёшься.

И всё же Володя сомневался, все ли меры предпринял, чтобы порвать с Игорем окончательно. Не раз прокручивая в памяти их разговоры, он убеждался, что всё сделал правильно, но Игорь всё равно никак не оставлял его в покое.

Случай на работе так вымотал Володю, что на завтра он даже не появился в офисе. Ему хватило сил только на то, чтобы съездить в банк и подать заявку на кредит. Володя

собирался сразу вернуться домой, но узнал, что заявку уже утвердили, и отправился в музыкальный магазин.

Он не говорил Юре о том, что купил другой инструмент, и с замиранием сердца ждал его реакции, когда на следующее утро к дому подъехал грузовик.

— Опять настройщики, что ли? — не понял Юра, увидев название магазина.

— Нет, не совсем, — ответил Володя, пряча взгляд. Ему отчего-то стало стыдно, будто он обманул Юру, будто заставил сделать нечто плохое.

Ожидая, что Юра разразится гневной тирадой, Володя вздрогнул от неожиданности, когда тот, хлопнув дверью, скрылся в спальне.

Юра не появился, ни когда пианино несли, ни когда устанавливали на место старого и настраивали. Сразу как грузчики и настройщики ушли, Володя тихонько прокрался в спальню, думая, что Юра спал. Но тот лежал на своём месте, незряче уставившись в окно.

— Тебе даже не интересно, что за пианино я купил? — спросил Володя, садясь рядом. Он положил ладонь на Юрино плечо, но тот её сбросил.

— Ты должен его вернуть.

— Не могу — потерял чек, — соврал Володя.

— Ты издеваешься? — устало выдохнул Юра.

Володя морально готовился к ссоре, думал, что Юру придётся успокаивать. Но, когда тот показал, что по крайней мере пока ругаться не намерен, расслабился. Лёг рядом, обнял Юру и спокойно начал:

— Я не понимаю тебя. Почему ты решил, что я издеваюсь? Почему тебя это так задевает?

— Меня задевает то, что ты не прислушиваешься ко мне. Ты всё решаешь сам, будто моего мнения для тебя просто не существует, — проворчал Юра в подушку, впрочем, на этот раз Володину ладонь не сбросил.

— Ещё как существует. Поднимись наверх, сам посмотри. — Володя вздохнул. — Юр, ты слишком упрямый, у меня нет выбора, кроме как действовать по-партизански. И, в конце

концов, это же мой дом, и я покупаю сюда то, что хочу, а ты помогаешь мне. Сейчас помог потратить деньги на действительно хороший инструмент, а не на такую же дорогую шарманку, как старое.

— Само пианино ни в чём не виновато, — уже мягче ответил Юра. — Ты держал его одной половиной у вечно открытого окна, другой — у камина. Конечно, оно испортится — это же дерево.

— Ну вот, ты мне помог ещё раз: теперь я знаю, как делать нельзя и где лучше его устанавливать, чтобы жило дольше. Раньше я о таком не беспокоился, ведь пианино было у меня для украшения интерьера. А теперь вот буду беречь — для тебя. Ну так что, посмотришь, что нам привезли?

— Какое это пианино? — спросил Юра, поворачиваясь к нему. — То чёрное?

— Чёрное, — кивнул Володя, а Юра расплылся в улыбке. — Теперь видишь, как я «не учитываю» твоего мнения?

Глядя, как Юра светится от счастья, проводя пальцами по клавишам нового пианино, Володя подумал, что после этого кризис точно должен пройти. И действительно: теперь, возвращаясь домой, он заставлял Юру за инструментом. Старательно игнорируя мысль, что музыка, какая-то нервная и неровная, то звучала, то затихала, постоянно захлёбываясь, Володя радовался одним только попыткам Юры играть.

Но Юра не выглядел счастливым. Заканчивая работу, он раз от раза возвращался злой. День ото дня Володя спрашивал, что именно Юра сейчас пишет, и даже читал сценарий, чтобы понимать контекст. Юра отвечал, но так, будто отчитывался, и выглядел при этом виновато.

Володя упрямо отказывался принять тот факт, что с покупкой нового пианино проблема не решилась, ведь при нём Юра играл. Но в середине мая ему пришлось это признать.

Он вернулся с работы раньше обычного, забыв предупредить Юру заранее. Часы показывали пять вечера, и по графику тот должен был заниматься, но в доме стояла тишина. С тех пор как Юра стал жить в «Ласточкином гнезде», он часто нарушал график. Но в последнее время, наоборот, придерживался его, и Володя посчитал это добрым знаком. И потому теперь, заметив, что Юра снова сбился с привычного режима, напрягся.

Он поднялся на второй этаж. Герда поскуливала, сидя под дверьми Юриного кабинета — тот что, не хотел её пускать? В комнате было холодно и стоял запах алкоголя. На столе и

полу валялись зачерканные до черноты и дырнотные листы. Юра спал, раскинувшись на диване звёздочкой в Володином халате и тапках. Один — на ноге, другой — на полу.

«Так вот что происходит дома, когда меня нет», — разочарованно подумал Володя, накрывая Юру пледом. Он порывался поскорее уйти отсюда, даже не уйти — сбежать и хорошенько напиться. Его охватили злость и обида, захотелось накричать на Юру, потребовать объяснить, почему он обманывает. Но вдруг Юра открыл глаза и посмотрел на него так жалобно, что сердце сжалось, а распирающий грудь гнев резко сошёл на нет.

— Будешь ужинать? — спросил Володя, поглаживая его волосы.

— Да, — одними губами прошептал Юра, продолжая смотреть на него грустными глазами.

— Я только пришёл, не успел приготовить. Ты можешь подремать ещё полчаса.

— Ладно.

Когда Володя оказался на первом этаже, у него опустились руки. Герда скулила, просясь на улицу, а дома опять царил бардак: вещи лежали не на своих местах, диски и книги вперемешку с диванными подушками валялись на полу, на столе стояла гора немытой посуды. Юра даже не удосужился выбросить в урну остатки еды и собрать крошки.

Разочарованно бурча себе под нос: «Значит, всё это время он целыми днями спал и пил, а передо мной только изображал прилежного музыканта?» — Володя принялся за уборку. Удивляясь тому, что Юра ни разу за последнее время не показался ему пьяным, Володя сначала рассердился на себя, потом — на него. Рассердился из-за всего: из-за Юриного вранья, из-за собственной слепоты, из-за постоянных разговоров только о музыке, из-за того, что, в конце концов, между ними уже давно не было близости. И, конечно, из-за постоянного бардака дома. Но бардак — это мелочь, и портить отношения с Юрой из-за подобной ерунды Володя не собирался, тем более что у них была куда более серьёзная проблема. Но, как решить её, Володя не представлял.

Он из кожи вон лез, чтобы помочь Юре побороть творческий кризис, потратил немало денег и душевных сил, с трудом засыпал по ночам, придумывая, что ещё можно сделать, но всё без толку. А теперь, увидев, чем на самом деле занимался Юра, Володя окончательно растерялся. Он старался делать хоть что-то, вытащить Юру из уныния, но тот, казалось, совершенно не хотел помочь себе сам. Или хотя бы подсказать Володе, что делать.

Спустя несколько минут на втором этаже зазвучало пианино, но не прошло и получаса,

как раздражённый Юра спустился в кухню.

— Мне не нравится! Всё не то!

Володя обернулся к нему, посмотрел на усталое лицо и замер, будто впервые увидев. Почему он раньше не замечал, как сильно изменился Юра за прошедший месяц? Он осунулся, из-за трёхдневной щетины лицо казалось посеревшим, глаза впали, под веками пролегли тени, волосы сильно отросли. Он казался хрупким и надломленным, его хотелось защищать, а не критиковать.

— В музей ты ходил, по местам детства гулял, что ещё можно сделать? — борясь с приступом жалости, спросил Володя и, уже не надеясь, что это поможет, озвучил первое, что пришло в голову: — Может, сходим на какой-нибудь мюзикл или концерт?

— На концерт? А давай... правда, давай только я сам выберу.

— Договорились.

Юра выбрал Шестую симфонию Чайковского. Концерт проходил в пятницу, Володя ворчал, мол, неудобно, лучше в выходной, но Юра лишь развёл руками — ничего лучше пока не предвиделось.

— А давай, чтобы ты не возвращался за мной домой, я сам приеду к тебе в офис, а оттуда в филармонию? Хочу посмотреть, где ты работаешь. — Юра улыбнулся. Вообще этим утром он снова стал похож на себя: улыбался, шутил, лез обниматься. — Но мне идти не в чем, только джинсы и белые брюки. Я пороюсь у тебя в шкафу, окей? Поищу что-нибудь классическое.

— Поищи, — разрешил Володя.

Перед выходом он поручил Юре несколько задач: помыть посуду, выгулять Герду и обязательно ополоснуть ей лапы — всю ночь шёл дождь, на улице грязно.

— И ещё, — он строго посмотрел на Юру, — побрейся уже наконец, а то колючий как ёж.

— Погоди, но, если я сбрею усы, то как буду ориентироваться в пространстве? — хохотнул Юра.

— Не понял...

— Ну, это потому, что ты собачник. — Юра загадочно улыбнулся.

До Володи только в машине дошёл смысл его шутки, мол, будь Володя кошатником, то помнил бы, что у кошек усы — сенсоры. Он рассмеялся. Если посещение концертов — это всё, что нужно Юре для счастья, они будут ходить в филармонию хоть каждый день.

Юра собирался приехать, когда офис опустеет, чтобы их не отвлекали, но передумал и явился тогда, когда Лера ещё была на месте. Володя предупредил её, чтобы сразу, как Юра придёт, пригласила его к нему.

Володя расплылся в улыбке, когда увидел на пороге кабинета Юру. Каким же он был красивым, как сильно напоминал себя прежнего: с аккуратно зачёсанными назад волосами, в новом пиджаке и Володиных брюках, но без серёжки и голубого шарфа. А стоило Юре подойти поближе, как воздух наполнился лёгким ароматом его парфюма.

С удовольствием вдыхая любимый запах, Володя встал из-за стола, и Юра тут же упал в освобождённое им кресло.

— Так вот, значит, откуда ты звонил мне по скайпу... — протянул он, потягиваясь. — А у тебя тут здорово, уютно.

— А ну брысь отсюда. — Володя развернул кресло и, взяв Юру за руки, поднял. — Мне осталось написать несколько писем — и буду свободен.

— Да ну, брось. Сегодня же пятница. Ты вечно работаешь.

— Сам виноват — нечего было приезжать раньше. — Володя покачал головой. — Чем тебя занять? Можешь чаю попить...

— Я сам себя развлеку, — успокоил его Юра.

Он принялся бродить по кабинету, разглядывая плакаты, журналы и книги по архитектуре, без спроса достал из шкафа стопку проспектов с изображениями проектов, что выполнила Володина фирма. Сел на диван, стал листать.

Несмотря на то, что Юра мельтешил перед глазами, заглядывал в шкафы и брал оттуда вещи, Володе он совершенно не мешал. А когда притих, шурша страницами, Володя вообще забыл о его присутствии и вспомнил, лишь когда Юра окликнул его:

— Володь.

— М? — Володя оторвался от ноутбука, взглянул на Юру. Он стоял напротив окна, раздвинув жалюзи, и смотрел на улицу.

«Интересно, эти брюки сидят на мне так же хорошо? Особенно со спины...» — подумал Володя, беззастенчиво разглядывая Юрину фигуру.

— Я пришёл сюда примерно час назад, да?

Володя взглянул на часы.

— Да, почти, а что?

— Странно... — протянул Юра с подозрением в голосе. — Когда я приехал к офису, вся улица была заставлена машинами, таксисту даже было негде высадить меня. Там, прямо на тротуаре, стояла машина, а в ней сидел мужик. Прошёл час, улица уже пустая, но та машина всё ещё стоит, и мужик до сих пор в ней. Шпион какой-то, — хмыкнул Юра.

Володя подошёл к окну, выглянул и тяжело вздохнул. Видимо, по его реакции Юра догадался.

— Это тот, о ком я думаю?

— Угу, — выдохнул Володя. — Юр, я пойду поговорю с ним. Жди меня здесь, ладно?

— Володь, стой. Он вообще адекватный? Такое поведение как-то ненормально...

— Ну, во всяком случае, он был адекватным, — ответил Володя, надевая плащ.

— Будь осторожен, — встревоженно попросил Юра.

— Конечно, не беспокойся, — сказал Володя и вышел из кабинета.

Офис пустовал — даже Лера ушла. Лишь охранник сидел на месте, одним глазом поглядывая в телевизор, а другим — в камеры. Володя отметил это просто так, по привычке — Игоря он не боялся. Но всё равно говорить с ним прямо под окнами кабинета, посреди улицы и буквально на глазах Юры, Володя не собирался. Юре стоило лишь открыть окно, чтобы услышать каждое слово.

Поэтому, выйдя из офиса и встретившись взглядом с сидящим в машине Игорем, Володя

кивнул в сторону ведущей во двор арки. Он ступил туда, убедившись, что Игорь пошёл следом.

— Я принёс тебе рецепт, — сказал он, протягивая Володе бумажку.

Володя взял её, недоверчиво осмотрел и сунул обратно Игорю.

— Зачем ты пришёл на самом деле? — строго спросил он. — Игорь, как мне ещё объяснить тебе, что между нами всё кончено? Что я ещё должен сделать, чтобы ты оставил меня в покое?!

Игорь ответил невпопад. Он говорил и выглядел так подавленно и потерянно, будто стоял перед судьёй, а не перед Володей:

— Я всё рассказал жене. Вообще всё рассказал: про бисексуальность, про измены, про наши с тобой встречи, про то, что много лет жил с ней, не любя...

— Господи, зачем? — Володя опёрся спиной о стену и с осуждением посмотрел на Игоря. — Ладно бы просто бросил, но зачем причинять ей боль?

— Ради нашего с тобой будущего.

Опешив, Володя вытаращился на него.

— Какого будущего? Нет у нас никакого будущего, да и «нас» уже нет. Есть только совместное прошлое — и то... не самое лучшее.

— Вова, но можно же всё вернуть и улучшить! Чего ты всегда хотел? Чтобы я ушёл от неё? Так вот он я — получай, теперь я только твой. Чего ещё? Ты хотел жить вместе, как семья? Давай! Мне надоело скрываться. Давай я познакомлю тебя с родственниками, друзьями, коллегами? Пусть все знают о нас!

Игорь был искренен, и Володе стало его жаль. Наивный, он правда устал от всего — Володя видел это. Но, какие бы чувства к нему он ни испытывал, Игорь сам виноват в содеянном и сам пришёл к этой ошибке.

— Зря ты это сделал. Между нами ничего больше не будет. — Володя покачал головой.

— Почему? — простонал Игорь. Он на мгновение отвернулся, а когда снова посмотрел на Володю, переменялся в лице, побледнел. — Из-за твоей интрижки с этим немцем? Господи, Вов, у тебя что, кризис среднего возраста? Под сорокет ввязываешься в не пойми что? Ещё и с иностранцем!

— Он не иностранец. Он из Харькова, — сам не понимая зачем, сообщил Володя.

— Это, конечно, всё меняет... — протянул Игорь. Казалось, он начинает злиться: бледный как полотно, нахмурился, сжал кулаки. — У тебя с ним всё равно ничего не получится.

Володя усмехнулся:

— Какое интересное заявление, да ещё и от кого!

— От того, кто разбирается не только в психиатрии, но и в психологии, — заявил Игорь.

Он снова отвернулся, замолчал на несколько секунд и вдруг разом выдал целую тираду, будто эти слова давно вертелись на языке:

— Я давно тебя знаю. Знаю, что ты невротик и, чтобы жить с тобой, нужно много терпения — твоё эго приходится постоянно подавлять. Но у меня есть на это силы, а вот твой Юра вряд ли выдержит подобное давление. Помяни моё слово: он сразу сбежит, как только ощутит, что ты стремишься подчинить его себе. И дай бог, чтобы успел до того, как ты установишь над ним тотальный контроль.

Гадая, не для того ли Игорь явился, чтобы просто вылить на него накопившуюся злобу, Володя решил не раздувать конфликт. Но вопрос сам слетел с языка:

— Да что ты говоришь? Интересно, почему ты столько лет не можешь меня бросить, раз я такой невыносимо сложный?

— Потому что я специально держал дистанцию все эти годы! Я понял, что ты деспот, и смог от тебя отгородиться.

— Теперь я ещё и деспот! — воскликнул Володя, не скрывая циничной улыбки. — Игорь, ты, конечно, очень интересный человек. Правда! Забавно слышать такой подробный, псевдопроницательный анализ моей личности от того, кто лет восемь пытается уйти от жены и никак не может.

— Я не уходил не потому, что боялся жить без неё, а потому, что не решался остаться с тобой! — он выдохнул и продолжил уже куда более спокойным тоном: — Ведь, Вов, если начать с тобой отношения типа семейных, от тебя невозможно будет убежать. Сначала всё, конечно, будет волшебным, но потом, со временем, ты неизбежно станешь нарушать личные границы другого человека и будешь пытаться подчинить его себе.

— Не ты ли только что предлагал мне серьёзные отношения? Ох, Игорь... Хватит с меня.

Володя развернулся на пятках, собираясь уйти, но Игорь схватил его за локоть и процедил:

— Я любил тебя и буду любить. Мне было очень трудно держать дистанцию. Ты слишком привлекательный, особенно когда влюблён. И когда ревнуешь. В тебя невозможно было не влюбиться! И я любил и очень дорожил тобой. И именно потому, что смог построить между нами стену, наши отношения продлились так долго.

Так вот как Игорь оправдывал целые годы Володиных обид? Володя вспомнил о них. О том, как убежал полураздетый из его дома, боясь столкнуться с женой, как торчал в воняющих клопами гостиницах, как ждал его вечерами на улице у института и прятался от его коллег. И после всего этого Игорь уверяет, что всё это время любил?

— Ты не любил, а предавал, — не сдержавшись, рявкнул Володя. Он вырвал руку, снова развернулся к Игорю. — Не знаю, какими для тебя были наши отношения, но для меня... Ты предавал меня каждый раз, когда прятал, каждый раз, когда возвращался к ней!

В воздухе повеяло сигаретным дымом. Их могли слышать, но взбешённому Володе было на это наплевать. Тем более Игорь подлил масла в огонь:

— А твой Юра тебя, конечно, никогда не предаст...

— Это уже не твоя забота, — прошипел Володя.

Он хотел было рявкнуть, чтобы Игорь не сравнивал Юру с собой, но замолчал, услышав в арке звук шагов.

— Добрый вечер, — прозвучал знакомый голос.

Володя обернулся. Юра, вывернув из-за угла, неспешно приближался к ним — с сигаретой в зубах, в распахнутом пиджаке, бледный от ярости. Он выглядел угрожающе.

— Юра, — представился он, бросил сигарету на асфальт и протянул Игорю левую руку.

«Левую! — вскользь отметил Володя. — Но Юра ведь правша...» И за какую-то миллисекунду сообразил, что сейчас произойдёт.

Юра замахнулся правым кулаком, Володя кинулся вперёд, успел перехватить его за талию и оттащил от Игоря. Не выпуская Юру из объятий, Володя нараспев протянул ему на ухо:

— Спокойно...

С садистским удовлетворением он заметил, как расширились от удивления глаза Игоря.

Интересно, что именно его поразило: Юрино поведение или то, что Юра в принципе здесь, рядом с Володей?

— Пошёл вон отсюда! — подавшись вперёд, но не пытаясь вырваться, прорычал Юра.
— Хватит отравлять ему жизнь! Ни хрена ты не знаешь, и никакие твои пророчества не сбудутся!

Игорь окинул его долгим нечитаемым взглядом. Развернулся и ядовито бросил через плечо:

— Удачи тебе, Юра.

Поднявшись в кабинет, Володя заметил, что так и не дописал письмо заказчику, но теперь было не до работы. Он закрыл ноутбук и убрал его в сумку.

— Ты не злишься? — спросил, подняв взгляд на удивительно спокойного Юру.

— Нет. Володь, вот честно, мне плевать, просто он мне надоел.

— И много ты слышал?

— Откуда мне знать, много это или нет? Слышал, что ты, как он сказал, — манипулятор?

— И что? Думаешь, он прав?

Юра улыбнулся и подошёл к нему, присев на край стола.

— Думаю, что он сам манипулятор.

Володя улыбнулся в ответ. Вся эта ситуация выбила его из равновесия, заставила разнервничаться, но Юрино спокойствие остудило пыл.

Володя шагнул к нему, упёрся ладонями в стол по обе стороны от Юры, мазнул губами по щеке.

— Ты выглядишь очень соблазнительно, когда злишься, защищая меня, — проворковал

Володя ему в ухо и поцеловал в шею.

Юра хохотнул и запрокинул голову. Володя скользнул губами по кадыку и подбородку, забрался руками под джемпер.

«Чем я занимаюсь на рабочем месте?» — промелькнула мысль, но тут же исчезла, когда Юра притянул его к себе за плечи и поцеловал.

Хотя, если вспомнить, что он делал в этом же кабинете, разговаривая с Юрой по скайпу, то пылкие поцелуи теперь казались невинной забавой. Правда, такими темпами одними лишь поцелуями они не ограничатся.

Через минуту Юра всё же отстранился от Володи.

— Мы на концерт опоздаем, начальник. Двадцать минут осталось!

Володя вздохнул. И зачем ему какой-то концерт, если тут Юра, такой красивый и желанный, в его объятиях? Но скрепя сердце он всё же отошёл от него и, взяв в руки сумку, глянул на часы. Они и правда могли опоздать.

Симфонию играли в том же зале, где в сентябре, спустя двадцать лет разлуки, Володя увидел Юру. Зрители шумели, музыканты настраивали инструменты. Володя с Юрой успели занять свои места за пару минут до начала.

Юра спросил, наклонившись к его уху:

— А где ты тогда сидел?

— Вон там, — Володя указал на кресло в десятом ряду.

— А я всё время сидел вон там, — Юра указал на последний ряд.

— Ты был здесь как слушатель?

— Конечно. В школе и позже, перед поступлением, ходил слушать учеников консерватории.

— А ты вообще мог тогда представить, что будешь тут выступать как дирижёр со своей собственной музыкой?

Юра рассмеялся.

— Нет, даже тогда. А до чего же амбициозный я был!

Володя улыбнулся и хотел сказать, что Юра достоин ещё большего, но вышел дирижёр, и зал разразился аплодисментами.

Зазвучала Шестая симфония Чайковского. Патетическая, мрачная. Но, слушая её, Володя сравнивал свои нынешние впечатления с теми, что произвели на него музыка Юры и он сам. В памяти мигом всплыл его образ за дирижёрским пультом. Какая в нём чувствовалась сила, если не сказать мощь. Володя повернулся, посмотрел на реального Юру — подавленного и надломленного. Почему он стал таким? Что за последние месяцы произошло такого, из-за чего он так выгорел?

Если в «Ласточке» Володя его вдохновлял, не мог ли сейчас отравлять?

Володя отогнал от себя эту бредовую мысль. С чего бы? Тем более говорят, что творцам нужны сильные эмоции — счастье или страдание, а Юра счастлив рядом с Володей.

Всю симфонию Володя то и дело украдкой на него посматривал. Юра, казалось, полностью погрузился в музыку — сидел с закрытыми глазами, будто даже не дышал. Но вдруг Володя услышал, что Юра шмыгнул носом. Странно, он же ходил в шерстяном пиджаке, когда успел простыть? Володя не придавал этому значения, снова увлёкся симфонией, но через минуту рядом послышался всхлип.

Обернувшись, Володя застыл — Юра так и сидел с закрытыми глазами, а по его щекам катились слёзы. Володя изумился — до чего же Юра тонкая впечатлительная натура. Что же он слышит сейчас, какие картины показывает ему сквозь толщу веков Чайковский?

Видеть его слёзы от музыки было странно и трогательно. С одной стороны, хотелось не мешать наслаждаться, но с другой — пальцы сами тянулись к его руке. Оба желания боролись в Володе несколько минут, и в итоге победило второе.

Потревожив соседку справа, Володя снял пиджак и положил его на колени, накрыв им и свои, и Юрины. Под тканью просунул руку, нашёл его пальцы, сжал. Юра удивлённо посмотрел на него. Володя улыбнулся, а Юрина ответная улыбка получилась вымученной — в его глазах плескалась боль и тоска.

Обратно к машине Юра не шёл, а плыл — медленно, будто чуть пошатываясь. Не будь он весь вечер рядом, Володя подумал бы, что Юра пьян. Он просто шагал, уставившись в асфальт, и молчал. Пару раз Володе даже хотелось придержать его под руку — вдруг упадёт.

Остановившись у парковки, Володя развернул Юру к себе, положил ладони ему на плечи и чуть встряхнул. Тот посмотрел на него стеклянным взглядом. Спрашивать, всё ли в порядке, было бессмысленно, как и пытаться выяснить, что случилось.

— Давай поднимемся ко мне в кабинет?

— Зачем? — равнодушно спросил Юра.

— Чая попьём. — И Володя, не дожидаясь согласия, взял его под локоть и повёл внутрь.

Охранника на вахте почему-то не оказалось — может, в туалет отошёл? Володя пожал плечами — он всегда носил с собой запасные ключи от офиса.

Зайдя в кабинет, Юра сделал несколько шагов, зачем-то погладил пальцами столешницу, подошёл к окну, но даже не взглянул в него. Володя, наблюдая за этими бессмысленными действиями, лишь покачал головой. Юра развернулся лицом к Володе, опёрся на подоконник и, сложив руки на груди, уставился в пустоту. Володю напугал этот совершенно отрешённый взгляд.

Он быстро подошёл к стеллажу, открыл шкафчик, в котором хранил подарочный алкоголь, откупорил одну из пузатых бутылок — то ли коньяка, то ли виски, даже не разобрался. Налил прямо в чайную чашку, стоящую на столе, сунул её Юре в руки. Тот, видимо, даже не понял, что это не чай — отхлебнул и тут же закашлялся.

Володя мигом забрал у него чашку, поставил на стол. У Юры снова слезились глаза — наверное, всё же от неожиданности. Он смотрел недоумённо и несколько обиженно, но теперь — хотя бы осмысленно.

— Прости, — сказал Володя. — Мне показалось, ты совсем не в себе.

— Я... — Юра растерялся, обвёл взглядом кабинет.

— Юр, что случилось? Мне казалось, поход на симфонию должен тебя воодушевить, но вместо этого ты впал в... протрацию? Даже не знаю, как это назвать.

Юра закрыл лицо руками, надавил на глаза. Покачал головой, прерывисто выдохнул.

— Я не знаю...

Володя шагнул ближе, встал вплотную, положил одну ладонь на плечо, вторую — на затылок. Притянул Юру к себе, поцеловал в висок.

Юра прижался к нему так, будто только это ему и было нужно, упёрся лбом в плечо, потёрся щекой о пиджак.

— Что с тобой такое, Юрочка? — выдохнул ему в волосы. — Скажи, как тебе помочь?

Юра качнул головой — получилось, будто боднул Володю в плечо.

— Слышал, как она прекрасна? — сдавленно спросил он. — Симфония. Сколько всего Пётр Ильич вложил в неё, сколько рассказал, сколько и как передал... Слушаешь — и будто и правда всю жизнь за него проживаешь...

Володя погладил его по голове. В Юрином голосе звучало нечто необъяснимое — не жалость, не грусть. Но, казалось, его необходимо утешить. Но как? Володя просто не знал, что сказать, чтобы ненароком не сделать ещё хуже своими словами.

— Боже, Володь, я просто бездарность, — выдохнул Юра так тихо, что Володя сперва решил, будто ослышался.

— Что? — Он обхватил Юрино лицо ладонями и поднял его голову, заставив посмотреть себе в глаза. — Что ты такое мелешь?

Юра ничего не ответил, но его взгляд выражал так много и будто бы ничего одновременно, что Володя не на шутку за него испугался.

— Глупый. — Он поцеловал его в лоб. — Ты самый талантливый человек из всех, кого я знаю. — Володя коснулся губами его подбородка, поцеловал в щёку и висок. — Я, может, не так уж и много талантливых людей знаю, но разве правильно сравнивать себя с другими? — Он чередовал слова с поцелуями: то в нос, то в губы, то снова в щёки. Только бы отвлечь Юру от его ужасных мыслей. — Твоя музыка уникальна, ты вкладываешь в неё себя, и только... как минимум поэтому она бесценна. Слышишь меня?

Юра кивнул.

— Ты веришь мне? — спросил Володя.

Юра опять кивнул и тихо выдавил:

— Да.

Володя снова прижал его к себе и стал гладить по волосам. Юра послушно уткнулся носом ему в шею и прошептал:

— Спасибо, Володь.

Они ещё долго стояли так у окна. Юра не отпускал его, а Володя боялся разомкнуть объятия — вдруг, стоит только убрать руки, Юру снова охватит истерика?

Но через какое-то время — может, минут пятнадцать, Володя не засекал, — Юра подал голос:

— Поехали домой, уже почти десять...

Когда они выходили из офиса, их заметил охранник и, наверное, очень удивился. Но Володе было на него совершенно плевать. Важнее всего сейчас было отвезти Юру домой и уложить спать.

Примечание к части У нас есть беседа в ВК специально, чтобы обсуждать новые главы ОЧМЛ. Вот тут https://vk.me/join/AJQ1d9n_dRe1S4Q9bTOYKZPh Заходите, если хотите поорать, что-нибудь спросить или просто поболтать с теми, кто с вами в одной лодке, хе-хе.

20. Белыми нитками

Следующим утром Володя проснулся первым. Часы показывали десять, но Юра ещё спал. Торопиться было некуда, поэтому Володя позволил себе понежиться в постели подольше. Лежал, разглядывая лицо Юры — тот даже во сне хмурился, — и думал. Вспоминал, каким подавленным и тихим Юра стал после концерта, его слёзы. Видимо, эмоции, которые он испытал во время прослушивания симфонии, оказались настолько сильными, что полностью вымотали его.

Когда стрелка часов подползла к одиннадцати, пришла пора будить Юру. Легонько касаясь его лба и щёк, Володя с удивлением обнаружил, что выражение лица Юры не меняется. Может быть, он и не спал? И действительно — стоило дотронуться до Юриных губ, как он поцеловал Володины пальцы.

— Доброе утро! — улыбнулся Володя. Приблизился к Юре, но тот отпрянул.

— Не надо. От меня воняет тухлыми яйцами! — проворчал он, пряча лицо в ладонях.

— Обожаю тухлые яйца! — Володя рассмеялся. Попытался убрать его руки, чтобы дотянуться до губ, но Юра отвернулся. — Ну и ладно, поцелую в другом месте, — сказал Володя и полез под одеяло.

— Володя, не надо, — заворчал Юра. — Я не хочу! — вдруг воскликнул он и оттолкнул его.

Володя ожидал чего угодно, но не такого яростного сопротивления. Он вылез из-под одеяла и сердито уставился на Юру.

— Когда ты наконец захочешь? — Он понимал, что неправ, но не смог сдержать раздражения. — У нас уже две недели ничего не было!

— Может, вернёмся в Германию? — невпопад спросил Юра, повернулся к Володе и с мольбой посмотрел ему в глаза.

— Зачем? — спросил Володя. — Здесь твоя Родина! Здесь наш дом, наконец.

— Наш дом будет там.

Володя тяжело вздохнул. Он не раз размышлял о переезде и пришёл к выводу, что это невозможно. Без него фирма развалится. И это не просто бизнес, а Володино наследие, дело всей жизни отца. Отец столько сил вложил в него, столько лишился и оставил фирму именно Володе. Не продал Брагинскому или кому бы то ни было, а передал сыну. Но бизнес — это лишь вершина айсберга. А как же мать? Перед переездом в Германию Володе придётся рассказать матери правду о себе. И что тогда станет с ней?

Володя не мог забыть, как тяжело она перенесла его признание в юности: сколько плакала, сколько ночей не спала, как вместе с ним ходила к этому же психиатру и тоже пила антидепрессанты. И всё это случилось в девяностых, когда и мать была моложе, и отец был рядом с ней. Володя и не сомневался, что теперь, овдовевшая, она не вынесет горькой правды. Эта правда её убьёт.

— Юра, но ты можешь работать здесь, а я работать там физически не смогу. Без меня бизнес развалится, ты сам видишь, что их нельзя оставить даже на неделю. И ещё мать...

— Ясно, — сказал Юра, вставая. — Другого я и не ожидал.

— Может, объяснишь мне, в чём на самом деле проблема? — Володя поднялся вслед за ним.

— Да я сам не знаю. — Юра устало опустился на край кровати. — Дело даже не в творчестве, ведь у меня и в Германии не раз случались кризисы. Мне плохо здесь, понимаешь? В смысле, не с тобой плохо, а в Харькове. Кроме тебя, у меня никого нет... — Он пожал плечами и посмотрел Володе в глаза. — Нет, мне не то чтобы нужны другие люди,

но без них Харьков кажется слишком враждебным. Кажется, что я вынужден жить в прошлом. А ведь оно мёртвое.

От последних слов у Володи сжалось сердце. В голову ворвались неприятные вопросы: что или кого имел в виду Юра, говоря о мёртвом прошлом? Не его ли?

Володя потрянул головой, будто пытаясь выкинуть эти мысли, и произнёс первое, что пришло на ум:

— Ну хочешь съездим в гости к Ирине с Женей? Они будут рады тебя видеть, а ты развеешься.

Юра отозвался неожиданно живо:

— Да, хочу. Очень хочу! У меня, кстати, есть подарок для их дочки.

От этого предложения Юра буквально расцвёл и весь завтрак не умолкал ни на секунду. Вспоминая свой разговор с Ириной и Женей в скайпе, Юра пересказывал его так подробно, будто сам Володя при нём не присутствовал. Но Володя не перебивал. Лишь изредка поддакивая, он молча любовался горящими глазами и искренней улыбкой. Слишком непривычно было видеть Юру таким. Живым.

Сразу же после завтрака Юра настоял, чтобы Володя позвонил Ирине. И он, не вставая из-за стола, взялся за телефон. И тут уже Ирина оживилась: узнав, что Юра наконец придёт в гости, она развела сумасшедшую деятельность. Пообещала устроить такое застолье, каких не бывало даже на Новый год. Володя попытался её отговорить, и Ирина сначала согласилась, но через полчаса перезвонила, заявив, что празднику быть.

— Так что приходите завтра в четыре, — подытожила она и, не дав Володе положить трубку, воскликнула: — А может, мы ещё кого из «Ласточки» соберём, а? У тебя остались контакты кого-нибудь из твоего отряда? У тебя же куча малышни там была, давай кого-нибудь найдём!

— Успокойся, — осадил её Володя. — Ты уверена, что нам это нужно?

— А почему нет? Будет весело!

— Ирин, но мы этих людей не видели много лет. И ведь это даже не встреча одноклассников или однокурсников. Это просто люди, с которыми лично я провёл всего одну смену в лагере сто лет назад. Ладно вы с Женей и Маша — мы хотя бы всё это время общались. Но зачем превращать дружеские посиделки в какой-то сомнительный кружок по

интересам?

На том конце провода послышался протяжный вздох.

— Ой, всё. Ладно, — буркнула Ирина. — Не хотите, как хотите. Будем только мы, вы и Маша.

Пересказывая этот разговор Юре, Володя засомневался, а не обидел ли её.

— Да вряд ли, — успокоил Юра. — Она взрослый человек, уж наверняка и сама знает о своём чрезмерном энтузиазме.

— Да уж, порой она становится такой активной... Мне кажется, дай ей сегодня волю — она бы достала не только контакты детворы из отрядов, но и даже этой, как её... старшей воспитательницы, гримзы той...

— Чехони вяленой! — Юра прыснул. — Ольги Леонидовны. Ну, её уж точно пришлось бы доставать из-под земли. В буквальном смысле.

— Конев! — воскликнул Володя, вспомнив, как Ольга Леонидовна ругала Юру.

— А что сразу Конев? — поддержал Юра, смеясь.

Вечером Ирина ещё раз набрала Володю. Хотела перенести встречу на следующую неделю, но в итоге всё-таки остановилась на завтрашнем дне.

— Пока ты торчал в душе, она снова звонила, — сообщил Юра, ложась спать. — Спрашивала, что я ем. Я сказал, что всеядный. Кажется, она расстроилась.

Устроившись рядом, Володя вздохнул.

— Это же Ирина! Уверен, что она собирается пир на весь мир устроить. И плевать, о чём мы с ней договорились. Надо будет позвонить Жене, попросить, чтобы он её утихомирил.

Почти всю ночь шёл дождь, немного затихнув лишь под утро. Но ближе к обеду тучи снова обложили небо.

— Мда, погода так и шепчет: «Займи, но выпей», — прокомментировал Юра, уныло глядя в окно.

Он начал собираться за три часа до выхода. Володя в это время пытался учить немецкий, но Юра мешал. Он побросал на кровать всю свою одежду и принялся перемерять каждую вещь. Вертелся перед зеркалом, ворчал.

После случая в музее у Юры появился пунктик: он стал беспокоиться, похож на гея или нет. И если в отношении незнакомых людей он мог плюнуть на это, то перед встречей с Ириной и Женей волновался как перед первым свиданием. Планируя остаться у Володи на две недели, Юра привёз с собой пару кофт, рубашку, пиджак, брюки и джинсы, а докупить что-нибудь в Харькове не додумался. И теперь он во всех красках расписывал, какой дурак, что не догадался зайти в магазин одежды.

— Да надень уже этот свитер, — не выдержал Володя, захлопывая учебник.

— В свитере и пиджаке будет жарко, — тут же отозвался Юра.

Володя задержался на нём взглядом. Юра, вздохнув, достал из комода ремень, задумчиво приложил его к брюкам, хмыкнул, развернулся к зеркалу. Володя проследил за его отражением, закусил губу и тут же отвернулся, испугавшись картинка, возникшей вдруг в голове.

— Давай выйдем пораньше, съездим в магазин и купим тебе ветровку, — предложил Володя. Глаза Юры азартно вспыхнули.

Покупать одежду с Юрой оказалось гораздо проще и быстрее, чем Володя ожидал. Он был уверен, что Юра довольно скрупулёзно подбирает себе вещи, учитывая и стиль, и сочетания цветов. Но, судя по всему, тот руководствовался лишь эмоциями.

В магазине Юра тут же направился к вешалке с верхней одеждой. Сразу же обратил внимание на снежно-белую ветровку с красной фурнитурой. Володя было улыбнулся — кто бы сомневался в Юрином выборе, но тот лишь пощупал ткань и прошёл мимо. Взял две других ветровки — тёмно-синюю и чёрную. Стоя перед зеркалом, приложил к себе сперва одну, затем другую. Повесил синюю обратно, попросил девушку-консультанта принести чёрную нужного размера и скрылся в примерочной.

Володя остался в зале. Пока ждал Юру, рассматривал галстуки и запонки. Он так увлёкся, что, когда через несколько минут Юра вышел из примерочной, не сразу понял, что молодой человек в чёрной ветровке — это именно он. Привыкший к пастельным тонам и ярким деталям в образе Юры, Володя стал ассоциировать его с чем-то светлым, но сейчас перед ним стояла тень.

Володя повернулся к Юре. До этого момента он считал, что чёрный цвет — универсальный и идёт всем. Но Юре он не шёл абсолютно, окружая его мрачным ореолом.

— Может, всё-таки синюю? — предложил Володя. Только сейчас он заметил отсутствие серёжки в ухе и что единственной светлой деталью в его одежде оказалась простая белая футболка.

Юра помотал головой.

— У синей не тот фасон. Ну так что, — спросил он, разглаживая пальцами воротник, — теперь я не похож на гомосека?

«Теперь ты не похож на себя», — подумал Володя, оглядывая его. Но промолчал — решил, что если скажет такое вслух, ничего хорошего из этого не выйдет. Юра выберет что-нибудь другое и весь вечер, расстроенный, просидит как на иголках. А Володе останется лишь снова переживать за него. Этого он не хотел. А значит, не было смысла делиться этой правдой.

— Ну так что? — поторопил Юра.

«Так будет лучше для него», — решил Володя, сказав вслух:

— Извини, задумался. Тебе очень идёт.

Они вышли из магазина. Юра застегнул молнию на ветровке, скрыв за ней белый треугольник футболки, и окончательно превратился в тёмное пятно. Чёрный цвет казался траурным, оттенял его глаза, старил лицо, добавлял годы. Юра шёл к машине, пряча руки в карманы, и ссутулился так сильно, будто на его плечи что-то давило.

По дороге в гости молчали. Володя настороженно, а Юра — напряжённо. А когда он ещё и каким-то слишком раздражённым жестом выключил радио, погрузив салон в полную тишину, Володя совсем напрягся.

Впрочем, увидев Ирину, Юра мигом повеселел, а Володя чуть расслабился — Юрино веселье не казалось наигранным, похоже, он действительно был рад увидеть бывшую вожатую.

— Здравствуйте, Ира Петровна! — крикнул Юра с порога и отсалютовал.

Ирина закатила глаза и бросилась его обнимать. Потом Юра крепко пожал руку Жене, чмокнул в щёку Машу и присел на корточки, чтобы познакомиться с Олькой.

— Оля, это дядя Юра, — сказала Ирина.

Юра изумлённо скривился, видимо, от непривычной приставки «дядя».

— Я уже видела тебя в компьютере, — заявила Олька.

— Я тоже тебя там видел, — кивнул Юра. — Правда, мне казалось, ты должна быть меньше.

Олька на несколько секунд задумалась, а потом серьёзно спросила:

— Но я на целый сантиметр выросла! Как это меньше?

— А вот так! Тогда ты была вот такусенькой. — Юра свёл большой и указательный пальцы, оставив между ними не больше пяти сантиметров. — По крайней мере в компьютере.

— Тю! — воскликнула Олька и звонко рассмеялась. — Так в компьютере же все маленькие!

Все уселись за стол: есть, пить и разговаривать. Юра устроился на диване. Маша сперва придвинулась к нему, но тут же отсела, освободив место для Володи. Кивнула ему, приглашая, но тот помотал головой.

Юра оказался в центре всеобщего внимания. Ирина едва ли не допрос ему устроила. В первую очередь интересуясь Германией, она спрашивала о быте, городах, Юрином доме, культуре и кухне, людях, местах и политике. Потом она всё же дала Юре передышку и начала вспоминать «Ласточку». Когда к беседе присоединилась и Маша, Володя стал теряться в именах, фамилиях и событиях. Вскоре поймал на себе слегка недоумевающий взгляд Жени.

Тот кивнул Володе в сторону кухни и сказал одними губами:

— Пойдём выйдем.

Оказавшись на кухне, Женя устроился на табурете возле открытого окна, закурил. Когда Володя сел напротив, резко спросил, выдохнув облачко дыма изо рта:

— А Юра он что, из «этих»?

Володя посмотрел ему в глаза. Помолчал несколько секунд, не сразу сообразив, о чём шла речь.

— Из каких? — зачем-то уточнил он, хотя уже и сам догадался.

В ответ Женя двусмысленно подёргал бровями.

Внутри Володи поднялась волна раздражения. Он стиснул зубы, мысленно спрашивая сам себя: неужели по Юре так заметно? Сегодня Юра выглядел более чем обычно, так каким образом Женя смог распознать в нём гея? Неужели его выдавали повадки? Но если так, то почему же тогда Володя их совершенно не замечал? Неужели настолько привык? И тут Володя ответил сам себе: потому что, в отличие от других, ему всё это нравилось в Юре. Потому что Володя принимал его таким, какой он есть.

Вопрос Жени повис в воздухе. Володя знал, что именно нужно ответить, но не мог набраться решимости и произнести вслух правильные слова. Они с Юрой никогда не обсуждали, что будут делать, если окажутся в подобной ситуации. Однако, помня его рассказ о коллегах и друзьях, Володя точно знал: Юра сказал бы Жене правду.

Но разве не подло было бы говорить только за Юру? Выдать только его тайну, бережно храня свою.

«Нет, не свою, — мысленно поправил себя Володя, — а нашу».

Но Володя не был готов открыться. До этого момента ему в голову не приходило и мысли признаться друзьям! Он никогда не думал, что кто-то из них поставит его перед выбором: признаться или нет. И не планировал, как ответит. И, наверное, именно потому, что Володя не прокручивал в голове эту сцену, он не загнал себя в ловушку страхов каминг-аута. И теперь он осознал, что в этот самый момент не боится ничего.

Глубоко вдохнув, он посмотрел Жене в глаза и выпалил так же быстро, как отрывают пластырь:

— Да, Женя, мы вместе.

Женя уставился на него. Нервно поёрзал на стуле, глупо ухмыльнулся.

— Что? Прикалываешься надо мной?

Сохраняя внешнее спокойствие, Володя мысленно рассмеялся — предсказуемая для Жени реакция.

— Нет, Жень. Я не шучу.

Ухмылка сползла с лица Жени.

— В смысле? Ты... Что?! — он замер с приоткрытым ртом, рискуя уронить прилипшую к губе сигарету.

— Вот так, да. — Володя развёл руками.

— Но как же... — пробормотал Женя. И то ли удивлённо, то ли зло воскликнул: — Тебе что, баб мало?

Осевшая было волна раздражения поднялась с новой силой. Меньшее, чего сейчас хотел Володя, — это объяснить Жене тонкости своих сексуальных предпочтений, в особенности, почему ему мало баб.

— Жень, давай закроем эту тему, — спокойно попросил Володя, вставая с табурета и собираясь вернуться в зал.

— Да блин! Но ты же нормальный мужик, Вова! Да на тебя и раньше девчонки гроздьями вешались, а сейчас так вообще...

— Женя, я прошу тебя, не надо! Это ведь моё личное дело, не находишь?

Когда он вернулся в зал, вся компания вставала из-за стола.

— О, Вов! — воскликнула Ирина. — Ты представляешь, Юра написал для Олечки пьесу!

— Про мою любимую куклу-русалочку, — взвизгнула довольная Олька.

— Мы идём её слушать! — поддакнула Маша.

— Да, я сейчас приду к вам, — натянуто улыбнулся Володя и свернул в коридор.

Он зашёл в ванную, взглянул на себя в зеркало. Помыл руки с мылом, заметил, как подрагивают пальцы. Внутри разлилось странное чувство: тяжесть и обида. Ну а чего он ожидал? Что Женя порадует за него? Скажет, что всё в порядке, что так и нужно, что ничего необычного не произошло? Раньше Володе казалось, что открыться кому-то — это сбросить с души камень. Или хотя бы кусок камня. Но почему же стало только тяжелее?

Когда он зашёл в комнату Ольки, та неуверенно брэнчала на пианино, слушая Юрины объяснения. Он придвинул к инструменту ещё один стул и, сидя слева, зажимал аккорды. Диктовал, какие клавиши использовать, попутно показывая на исписанный нотами лист.

Ирина и Маша устроились на кровати и негромко переговаривались между собой.

— А во второй части твоя кукла оживает, — сказал он. — Давай покажу.

Он осторожно снял Олькину руку с клавиш и быстро наиграл мелодию — лёгкую и звенящую, будто взмах волшебной палочки.

— Здорово! — воскликнула Олька. — Дай я попробую!

Она значительно медленнее Юры повторила отрывок, пару раз перепутав ноты, но не потеряв от этого воодушевления.

В комнату зашёл Женя. Опёрся о дверной косяк, хмуро посмотрел сперва на Володю, потом на Юру и Олю.

— А дальше что будет? — спросила она.

— А во второй части ожившая кукла-русалочка просит маленькую девочку отнести её к морю.

Олька охнула.

— И что же, ей придётся отпустить свою любимую куклу?

Юра картинно почесал щёку, хмыкнул:

— Дай-ка подумать... Получается, что кукла ожила, а это значит, она теперь не совсем кукла, правда? Она же теперь живая русалочка! Значит, ей нужно в море, ведь русалки не могут жить на суше.

Олька вмиг погрузилась. Обернувшись, взглянула на подаренную Володей русалочку, что сидела на столе. Володя заметил, как в её глазах блеснули слёзы. Видимо, это заметил и Юра.

— В общем, я тоже не смог решить, как закончить, — сказал он. — Давай мы вместе придумаем финал этой истории?

— А правда, Юр! — воскликнула Ирина. Подошла и, тронув Юру за плечо, воодушевлённо предложила: — У тебя так хорошо получилось найти общий язык с нашей хулиганкой! Может, ты бы с ней позанимался ещё?

Юра удивлённо посмотрел на неё.

— Да ты что, я же не репетитор, Ир...

— Да, Ир, — вдруг встрял Женя. — Не думаю, что он подходит на роль репетитора.

Он сделал пару шагов к пианино. Юра посмотрел на него, нахмурился.

— Это ещё почему? — не унималась Ирина. — Оля с Нового года поет, что не хочет заниматься музыкой, я первый раз вижу, чтобы ей было так интересно!

— Потому что я так сказал! — неожиданно резко рявкнул Женя. — Ещё не хватало, чтобы пидор учил моего ребёнка!

Ирина вскрикнула и прикрыла Олины уши ладонями.

— Ты что... — прошептала она.

Противно скрипнув ножками стула по паркету, Юра резко встал, посмотрел Жене в лицо и процедил сквозь зубы:

— Пидор не собирается учить твоего ребёнка ничему, — и быстро вышел из комнаты.

Володя было кинулся за ним следом, но увидел выражение лица Жени. Тот кривился, прожигая Юрину спину взглядом, полным презрения и ненависти.

Подавляемое на кухне раздражение, не успевший ослабить хватку страх, вспыхнувшая только что ярость разом обрушились на Володю. Они объединились в одну совершенно нечитаемую эмоцию и прогремели внутри самым настоящим взрывом. Володя не успел осознать реакции своего тела — в один миг его кулак сжался и тут же устремился Жене в лицо. Володя даже не рассчитывал на удар подобной силы. Женя по инерции отшатнулся к стене, Олька взвизгнула, Маша охнула. Ирина стояла с открытым ртом, будто вообще не понимая, что происходит.

Володя же не собирался дожидаться, когда Женя отойдёт от удара и захочет дать сдачи, и бросился за Юрой.

Юра курил, сидя на лавочке у подъезда.

— Юр... — Володя тронул его за плечо. — Поехали домой.

Но тот его будто и не услышал, так и сидел, глядя в одну точку прямо перед собой, делая затыжку за затыжкой.

— Слушай, я не хочу обострять конфликт. Женя выпил, ему хватит ума пойти меня догонять. — Володя попытался взять его под локоть и поднять со скамейки, но Юра неожиданно агрессивно отдернул руку.

Выбросив бычок, затоптал его носком ботинка, достал из кармана ещё одну сигарету. Огонёк зажигалки высветил в темноте его глаза — чёрные и злющие.

Володя осмотрелся, нет ли вокруг людей, и присел рядом с ним, обнял за плечи и положил ладонь на колено. Попытался заглянуть ему в глаза.

— Юр, прости меня. Я не знал, что так получится, я не собирался ничего никому говорить. Женя сам спросил, а я не мог обманывать...

— О чём он спросил?

— Что? — не понял Володя.

Юра запрокинул голову, посмотрел в небо, выдохнул дым. Опустил взгляд на Володю.

— Ты с ними общаешься много лет, и они никогда ни о чём не подозревали. Но, стоило появиться мне, как Женя всё сразу понял. За что ты передо мной извиняешься, Володь? Очевидно же, что дело во мне.

— Юра, нет!.. — Володя хотел опровергнуть его слова, но не нашёл аргументов. — Юра, ты ни при чём. Да плевать на окружающих...

Лязгнула дверь подъезда — на порог, на ходу застёгивая плащ, вышла Маша.

— Ну надо же, два идиота, что один, что вторая... — ругалась она себе под нос. А заметив Володю и Юру, ойкнула. — Вы ещё не уехали?

Володя молча смерил её взглядом, Юра, казалось, даже не заметил, что тут появился кто-то ещё.

— У Жени кровь носом пошла, сильно ты его, конечно, стукнул.

— Надо было сильнее, — сквозь зубы процедил Володя.

Маша пожала плечами.

— Они не понимают просто. Ира орёт как припадочная о том, что всегда считала тебя нормальным. Я попыталась объяснить, что ты, вообще-то, как был нормальным, так и остался. Но они меня не послушали. — Она вздохнула. — Меня она, короче, тоже послала, как поняла, что я о вас знаю.

Юра вдруг поднялся на ноги. Огляделся по сторонам, покачал головой и молча направился к машине.

— Маш, тебе такси вызвать? — спросил Володя только ради приличия. Он не хотел задерживаться.

— Да ладно, я сама, не переживай. Пока, Володь, удачи вам.

Юра так же спокойно и равнодушно сел в машину и сразу же, откинувшись на подголовник, закрыл глаза. Ехали в полной тишине — Володя не рисковал включать радио.

Уже дома Володя разжёл камин и сел рядом с Юрой. Тот пил ром прямо из бутылки, развалившись на диване и глядя прямо перед собой.

Володя приобнял его, упёрся подбородком в плечо и всё-таки сказал:

— Прости меня. Это я виноват, не нужно было вообще никуда ехать.

— И что же, нам теперь никуда не ходить, закрыться дома и ни с кем не общаться лишь потому, что другие люди видят в нас монстров?

Володя покачал головой. Он не знал, что на это ответить. Молча сходил на кухню и принёс им стаканы.

— Прости меня, — только повторил он.

Юра разлил ром по стаканам, выпил свой залпом и прошептал:

— Я ни в чём тебя не виню.

Посреди ночи Володя вдруг распахнул глаза и уставился в потолок. Ему не снился очередной кошмар, а в спальне было темно и тихо. Сердце размеренно стучало в груди, он

спокойно дышал, но иррациональное чувство тревоги не давало провалиться обратно в сон. «Что-то не так, — крутилось в голове, — что-то случилось».

Володя включил ночник и, как только тусклый свет немного отогнал дрему, сразу понял, в чём причина тревоги: постель рядом была пуста. Где Юра?

«Должно быть, пошёл в ванную, а когда вставал, потревожил меня, вот я и проснулся», — успокоил себя Володя и выключил свет.

Сон снова захватывал его, в голове кружились картинки прошедшего дня, мельтешили мысли: Женя предал, Ирина презирала, Юра злился, а свою крестницу Володя больше никогда не увидит. Потом всё это перемешалось в голове: Женя злился, Оля презирала, а они с Юрой больше никогда не увидятся.

Что-то снова вырвало Володю из сна, он вдруг вспомнил: в ванной не горел свет, а постель рядом была ровно застелена — Юра сегодня даже не ложился? Но где он?

Володя открыл глаза и прислушался — везде царил полная тишина. Сон как рукой сняло, Володя резко встал, нацепил очки. Вышел в гостиную, мельком взглянул на часы — полтретьего ночи.

Едва шагнув на первую ступеньку лестницы, Володя услышал пианино. Не музыку, а лишь пару обрывистых звуков, которые сразу же стихли.

И вдруг в кабинете Юры что-то грохнуло и зазвенело, да так громко, что Володя вздрогнул от неожиданности. Он бросился бегом на второй этаж, без стука распахнул дверь.

Юра, пошатываясь, стоял посреди комнаты вдрызг пьяный. У его ног валялись сломанный стул и осколки стекла.

— Юра, что... — прошептал Володя, пытаясь понять, откуда вообще взялось стекло.

— Выйди! — рявкнул Юра, обжигая яростным взглядом. — Вон!

Володя уставился на него, открыл рот, чтобы что-то ответить, но, шокированный Юриной реакцией, не выдавил из себя и слова и захлопнул дверь.

Постоял с минуту у кабинета, прислушиваясь, что творится внутри, но там всё затихло. Он попытался открыть дверь ещё раз, но, стоило взяться за ручку, как с той стороны раздался щелчок — Юра закрылся на замок и сказал:

— Уйди, пожалуйста. — И в этот раз в его голосе уже не было злости, только мольба.

Уходить Володя не просто не хотел, а боялся. Но перечить он не решился.

Володя кое-как доплёлся до спальни, сел на кровать, сбросил очки и схватился руками за голову.

На него накатывала чудовищной силы тревога, она затягивала в себя, с каждой минутой всё больше превращаясь в настоящую панику.

Дыхание зашлось. Володя с трудом хватал ртом воздух, горло стискивало. Руки затряслись, вслед за ними задрожало всё тело. Сердце заколотилось так сильно, что заболела грудь. Страх сковал его, не давал сдвинуться с места.

Зато в голове враз опустело — никаких мыслей, сомнений, решений. Один только ужас и больше ничего.

Володя боком повалился на кровать и, едва голова коснулась одеяла, застонал в него. Почуввав что-то неладное, в комнату вбежала Герда — скуля и тревожно потявкивая, стала крутиться рядом. Ткнулась мордой Володе в ладони, которыми он закрыл лицо. Её мокрый нос приятно охлаждал, а дыхание, наоборот, согревало, и Володе вспомнилось старое, почти забытое ощущение из прошлого — шок от резкого контраста температур. Вспомнилась и боль — жгучая и одновременно режущая, сильная до крика, но приятная.

В мозгу вспыхнула чёткая мысль — Володя знает, как за несколько секунд прекратить эти мучения и успокоить себя, знает, как прогнать все эти мысли и страхи.

— Нет-нет-нет-нет, — зашептал Володя, — оно не могло вернуться, не сейчас, не снова. Нет-нет-нет.

Но он всё равно не смог бы добраться до ванной и включить воду — он оцепенел, вообще не мог пошевелиться. И от этого стало ещё хуже, страх прочно сковал, сдавил горло, и никак не удавалось хоть немного ослабить эту хватку.

«Нужно позвать Юру, сказать, что у меня рецидив, — пульсировало в голове. — Юра придёт, он поможет».

Володя, не в силах говорить, простонал Герде:

— Позови его, позови.

Но собака не знала такой команды и только неуверенно тьякнула. Сквозь вязкий ужас блеснула трезвая мысль — нужно привлечь внимание. Если Володя не может говорить, то Герда может залаять.

— Голос, Герда, — прохрипел Володя. — Голос.

Та гавкнула, он повторил команду, и собачий лай разнёсся по дому. Володя стал ждать. Не понимая, сколько времени прошло — минута или час, — он снова и снова командовал. Собака лаяла, но Юра не приходил.

Когда небо за окном стало светлеть, Володя, преодолевая боль, попробовал пошевелиться. Мышцы заоченели, тело еле двигалось. Он кое-как дотянулся до ящика тумбочки, нашёл снотворное, выдавил в рот прямо из блистера и разжевал горькую таблетку, не запивая.

Через пару минут он смог нормально улечься на кровать, закрыл глаза, надеясь быстрее уснуть. Но, несмотря на таблетки, сон не шёл. Сквозь мутную дрёму Володя ждал, что распахнётся дверь спальни, войдёт Юра, устроится рядом и успокоит его.

Утро для Володи наступило после обеда. Он посмотрел на кровать рядом — нетронутая.

Решив, что на работу сегодня не пойдёт, Володя написал Лере сообщение, собрался с силами и вышел в пустую кухню. Он не знал, хочет ли видеть Юру, который так его подвёл. И не знал, что ему скажет.

Юра уже позавтракал — на плите стоял остывший омлет, а в раковине засыхали невымытые тарелка и кружка.

«Надеюсь, у тебя всё хорошо, Юра», — подумал Володя, открывая кран, чтобы вымыть посуду.

Сил не было даже сидеть, поэтому после завтрака он вернулся в спальню. Свернувшись под одеялом, постарался заснуть, но не смог. Смотрел усталыми глазами на снимок в рамке, что стоял на тумбочке — их общее фото из Германии, где он целует Юру в щёку. Замечательное фото, от которого ещё не веет ромом, не несёт обидой и виной.

Проснувшись ближе к вечеру, Володя решил, что паническая атака отпустила окончательно. Он полежал полчаса и хотел уже выйти в кухню, но в спальню заглянул Юра. Молча лёг рядом, обнял.

Володя не чувствовал себя выспавшимся, напротив — разбитым и уставшим. Не было сил злиться или что-либо выяснять. Он сполз чуть ниже, уткнулся Юре в грудь.

— Что с тобой случилось? — тихо спросил Юра, поглаживая его по волосам. — Ты проспал почти сутки, на работу не поехал.

Рассказывать правду Володя не хотел. Если Юра узнает о панической атаке, наверняка разнервничается и начнёт его лечить фигурально и буквально. А этого Володя точно не выдержит:

— Кажется, простыл, — соврал он. — Утром температура была, сейчас уже легче. Не хотел тебя тревожить.

Следующей ночью Юра снова остался ночевать у себя в кабинете.

Проснувшись с утра и заметив, что половина кровати рядом снова нетронута, Володя встревожился и поднялся к нему. Он и подумать не мог, что когда-то будет в собственном доме торчать под дверью и подслушивать. Но этим утром ему пришлось поступить именно так — из кабинета доносились голоса.

Юра говорил по-немецки. Знаний Володи не хватило для перевода всего разговора, но общий смысл он уловил: Юра жаловался кому-то на жизнь и упоминал его имя.

Володя так и замер на месте, прижавшись ухом к двери. Юре ответил женский голос.

«Кто это может быть? Что он рассказывает ей, про себя или... про меня? Вдруг он узнал, что со мной случилась паническая атака, и говорит об этом?» — Сердце сжалось от тревожного предчувствия.

Володя положил дрожащие пальцы на ручку, медленно повернул, чтобы не заскрипела, и слегка приоткрыл дверь. Заглянул в тонкую щель.

Юра сидел за столом, к Володе спиной, перед компьютером. А там, в скайпе, на него смотрела женщина. Володя узнал её — Ангела, психоаналитик из комьюнити-центра в Берлине.

Она задала Юре вопрос, Володя изо всех сил напрягся, переводя, и не поверил своим ушам:

— Что ты почувствовал, когда приехал в Дахау?

«Дахау?» — удивился Володя. Должно быть, он ошибся. Но нет, в Юрином ответе звучало именно это слово. Как ни странно, на душе полегчало — всё-таки речь не о Володе.

Он тихонько, чтобы остаться незамеченным, закрыл дверь и спустился в гостиную.

«Дахау, что за бред?» — думал он. При чём тут Дахау? Неужели в Юрином кризисе виновата та их поездка? Не может быть, ведь с тех пор, как они там побывали, прошло столько времени, столько всего случилось. Как это могло быть связано с творческим кризисом?

Сначала была взаимность с Володей — Юра был счастлив. Потом разлука с ним — Юра грустил. После он много работал, да, вкладывал душу, но ведь у него всё получалось. А по приезде сюда Юра снова обрёл счастье. Не мог же он притворяться? Вряд ли, ведь у него не было причин, он даже сам решил сдать билет. Творческий кризис начался уже позже.

Володя гадал, как спросить так, чтобы Юра не понял, что он подслушивал. Задать вопрос как бы невзначай? Но какой именно?

Он придумывал разные формулировки, уже решил, что вообще не станет заводить этот разговор — быть может, Юра сам расскажет.

Но, стоило Юре появиться на лестнице, как Володя забыл всё, о чём думал.

Не поворачиваясь к нему, ядовито выдавил:

— Что ты можешь рассказать чужому человеку такого, чего не хочешь рассказывать мне? Ты мне не доверяешь?

Юра застыл на лестнице и нервно ответил:

— Конечно доверяю, просто это врач. От врачей не стоит ничего утаивать...

Володя развернулся, посмотрел на него. Юра выглядел нерешительно, будто не знал, стоит ему войти в гостиную или лучше опять скрыться наверху. Володя устало потёр переносицу, сложил руки на груди.

— Почему ты перестал ночевать со мной? — спросил он как можно мягче и направился к Юре.

Тот опустил взгляд.

— Тогда я перепил и... решил, что лучше не приходить. А сегодня читал книжку и задремал, проснулся уже утром. Извини, тебе, наверное, было неприятно.

— Ясно... — протянул Володя. Ступил на лестницу, подошёл к Юре, взял за руки, сжал его пальцы. — Юра, зачем тебе врач?

— Знаешь, у Рахманинова был ужасный творческий кризис, такой тяжёлый, что привёл к глубокой депрессии. Он не смог побороть её сам и обратился к психотерапевту. И тот его вылечил. Вскоре Рахманинов написал свой шедевральный второй фортепианный концерт и посвятил его врачу. Хочешь, я сыграю его тебе? Хочешь?

Раньше Володя сразу же ответил бы, что, конечно, хочет. А теперь задумался. Нет, Володя хотел другого: чтобы Юра пришёл к нему той ночью и помог справиться с паникой. Чтобы Юра перестал пить, чтобы стал самим собой. И, главное, Володя хотел никогда больше не чувствовать себя брошенным. Все эти желания были искренними, но несбыточными, поэтому он лишь вздохнул и устало сказал, направляясь в кабинет:

— Конечно хочу.

Слушая Юрину игру, Володя растерялся. Ему стало грустно и одновременно радостно. Он смотрел на Юру, сидящего за пианино, и видел, как неизвестная магия превращает слабого человека в сильного, а его тоску — в радость. Видел, как эта магия наполняет Юрину душу теплом, лечит.

Да, Юра не пришёл, когда Володя в нём так нуждался, ну и что с того? Юра попросту не знал, как сильно в тот момент был необходим ему. Ведь если бы знал, то точно пришёл. Вот только он и сам мучился. Если бы не его кризис, не было бы вообще ничего: ни паники, ни одиночества, ни запаха рома, ни осколков на полу.

Когда одному плохо, другой должен быть сильным, чтобы помочь и поддержать, но так вышло, что в ту ночь сильным не смог оставаться никто из них.

Устав сдерживать сумбур эмоций, Володя шагнул к Юре вплотную. Положил ладонь на плечо, стиснул. Юра упёрся затылком в Володин живот, посмотрел на него снизу вверх. В его карих глазах, как в зеркале, Володя увидел своё отражение. В Юриных тёмных зрачках

он тоже был тёмным.

Другую ладонь Володя положил Юре на шею, погладил пальцами подбородок.

— Ай, щекотно, — тот, улыбнувшись, съёжился.

Юра нажал не на ту клавишу. Нахмурился, тут же опустил голову, уставился на клавиатуру. А Володю не волновала его ошибка, фальшивая нота ничуть не испортила произведения, и он продолжил нежно гладить большим пальцем старый шрам на любимом подбородке, любимые скулы и шею.

Юра не стал играть концерт Рахманинова до конца. Опустил руки, будто уронил — они повисли плетью вдоль тела.

Магия музыки закончилась, но Володя не хотел отпускать Юру.

— Я боюсь за тебя, — прошептал он.

— Не бойся. Ангела дала мне контакт хорошего психиатра, завтра я поеду к нему. Отвезёшь?

Володя замер. Молча уставился в никуда, осознавая, что Юра сам хочет пойти к врачу. Володя понимал, что его личный опыт «лечения» не имел ничего общего с реальной медициной. Но никакие доводы рассудка не могли побороть старую фобию. Хотел того Володя или нет, в его сознании «психиатр» невольно становился синонимом слова «палач».

— Не надо, — прохрипел он, борясь с желанием закричать.

— Я пойду, — ответил Юра негромко, но твёрдо. — Пора что-то менять.

Володя отпустил Юрино плечо и развернул к себе. Оглядел его с ног до головы, ища в его позе и выражении лица решимость. Но ни тени решимости в Юре не было — он ёжился то ли от неуверенности, то ли от холода. Который день он ходил в Володином халате. Юра мёрз постоянно и потому кутался в него как в шубу, но при этом не поддевал ни футболки, ни брюк. Обычно Володины мысли крутились вокруг того, что скрыто под халатом, а вовсе не вокруг того, чтобы заставить Юру одеться нормально. Но сейчас, глядя, как он кутается, Володя захотел согреть его.

Он медленно опустился на пол.

— Менять надо что-то, но не себя, — прошептал он и уткнулся в его колени лицом. — Эти люди могут изменить тебя. Ты знаешь, насколько они могут быть опасны.

— Володя, ну перестань. Если этот врач скажет или сделает что-то не так, я просто уйду от него.

Головой Володя это понимал, но сердце раздирал страх.

— Ты уверен, что тебе это действительно нужно? — простонал он, касаясь губами его голых коленей. — Абсолютно уверен?

— Да, — тихо ответил Юра. Затем взял его за подбородок: — Ну-ка посмотри на меня. Всё будет хорошо, я обещаю. Доверься мне.

— Тебе я доверяю, но... — пробормотал Володя, закрывая полами халата Юрины ноги.

— Если будет «но», хоть один намёк на это «но», я сразу уйду.

— Я не хочу, чтобы ты превращался в меня. Чтобы зависел от чёртовых таблеток, я так этого боюсь!

— Но депрессия — это болезнь в самом прямом смысле слова. Организм дал сбой.

— У тебя депрессия? — опешил Володя.

Он думал, что Юра страдал из-за творческого кризиса, но неужели, наоборот, кризис — следствие депрессии?

— Судя по всему... — прошептал Юра. — Но, чтобы быть уверенным, нужно сдать анализы.

— Кто довёл тебя до этого? Я?! Чем?! Когда это началось? — нервно зачастил Володя.

— Я не знаю. В том-то и дело, что не знаю. Нужны исследования и терапия.

Володя не спал полночи, а утром надеялся, что Юра передумает идти к врачу, но тот был непреклонен.

Остановившись у больницы, Володя посмотрел на Юру так, будто видел в последний раз — взглядом цеплялся за каждую деталь, пытаясь запомнить его до встречи с врачом, чтобы сравнить с тем, каким он станет после. Настроение было отвратительное ещё и потому, что сейчас он был обязан поддерживать Юру, а на деле получалось, что Юра поддерживал его.

Быстрее попрощавшись — чем дальше они тянули, тем больше Володя боялся, а Юра нервничал, — Володя поехал в офис.

Как назло, в такой сложный и нервный день ему ещё предстояло провести совещание. А может, и к добру — хотя бы отвлечётся.

Созвав всех ведущих и старших специалистов в своём кабинете, Володя собрался с мыслями и начал делиться планами на следующее полугодие — проектов ожидалось много, к ним требовалось подготовиться заранее.

Обсуждения вышли до того жаркими, что отведённые на них два часа пролетели мгновенно. Володя не заметил прошедшего времени и совсем забыл, что уже несколько часов его телефон лежал выключенным. Поэтому, когда Лера приоткрыла двери, Володя, не глядя на неё, послал Брагинского выяснить, что ей нужно.

Через пару минут его кабинет стал пустеть, а вернувшийся Брагинский негромко пробормотал ему на ухо, чтобы выходящие не слышали:

— К тебе пришли. Какой-то, ну... мне кажется, педик.

Володя непонимающе уставился на него. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы переварить сказанное Брагинским и вспомнить о Юре. Он рывком встал и вышел в приёмную, но Юры там уже не оказалось.

— И где... — растерялся Володя, тупо глядя на пустое кресло.

— Владимир Львович, а посетитель уже ушёл, — сказала Лера.

— Почему? Когда?

— Вот только что, когда Дмитрий Викторович...

— Ясно, — сказал Володя и рванул к Брагинскому, который до сих пор сидел у него в кабинете.

— Что ты ему сказал? — едва не срываясь на крик, спросил он.

— Что он, видимо, ошибся адресом. — Брагинский развёл руками, явно считая, что не сделал ничего неправильного.

— Каким, мать твою, адресом? Что ты несёшь?! Почему он ушёл? Ты ему нагрубил?

Брагинский аж растерялся, открыл рот, моргнул.

Володя выругался, схватил телефон, зажал кнопку включения.

— Нет, ну что вы, Владимир Львович! — возразила Лера, осторожно зайдя в кабинет. — Никто не грубил. Я сказала, что вы заняты, на совещании, и предложила присесть.

— И? — нервно спросил Володя.

— Потом вышел Дмитрий Викторович... спросил, зачем вы ему... Точно ли ему нужны именно вы, потому что... — Лера замялась.

— Потому что — что? — Володя нетерпеливо потребовал ответа.

Она опустила взгляд в пол и тихо, так, что Володя с трудом расслышал, повторила слова Брагинского:

— Потому что такие люди к вам не ходят...

Он запоздало осознал, что именно случилось. Юра и без того несколько недель страдал от кризиса, а теперь, явно расстроенный психиатром ещё больше, пришёл к нему в офис. Пришёл в место, где Володя — полноправный хозяин, в место, где Юра должен чувствовать себя как дома. Но получил там вместо поддержки презрение.

— Твою мать! — взревел Володя, глядя на Брагинского. — Тебе кто, сука, право давал так говорить с моими гостями?!

— Думай с кем разговариваешь, щенок! — рявкнул тот.

— Это тебе бы стоило думать, с кем и, главное, как ты разговариваешь! Выметайся отсюда! — закричал Володя.

Брагинский посмотрел на него совершенно ошарашенным взглядом, но всё-таки поднялся и вышел.

Телефон включился, пошли сообщения о пропущенных звонках, в том числе Юрины, отправленные сорок минут назад:

«Я закончил. Всё нормально. Заедешь за мной? На улице опять дождь собирается».

«Я промок, взял такси, еду к тебе».

Он набрал Юру, но не дозвонился — занято. Володя хаотично просчитывал: если Юра вышел пять минут назад, значит, ещё где-то рядом. Даже если собрался вызвать такси, маловероятно, что успел найти водителя, готового ехать в Володину глушь.

Непрерывно звоня, Володя стал натягивать пиджак. Вдруг в кабинет заглянул Брагинский.

— Этот пидор — он тебе кто? — зло спросил он.

— Не смей его так называть!

— Ты так за него заступаешься, будто... — протянул Брагинский издевательским тоном. — А... я кажется, понял... Это — то самое семейное обстоятельство, да?

Володя замер с трубкой в руках, повернулся к Брагинскому и негромко ответил:

— Да.

— Я видел по камерам, как вы ночью заходили с этим голубком в кабинет. Господи, Вова, узнай твой отец, чем ты тут занимался... Или, может, он знал, что его сын — гомосек? — продолжал издеваться Брагинский.

— Ещё слово, и я тебя уволю на хер!

— Нет, Вова, не уволишь. С таким, как ты, работать не буду я. Я увольняюсь сам, — заявил он.

— Увольняйся! — крикнул ему Володя. — От тебя и так толку как от дерьма! Даже нормальный раствор заказать не можешь. Заплатишь за обваленную стену и катись на все четыре стороны!

Брагинский, не ответив, хлопнул дверью приёмной.

На выходе из кабинета Володю остановила Лера.

— Владимир Львович, я на всякий случай посмотрела, куда ушёл ваш друг, — неожиданно произнесла она. — Он вышел из офиса и повернул налево, в арку.

— Ясно, — зло буркнул Володя.

Но, запоздало осознав, как мягко и тактично Лера назвала Юру, он остановился на лестнице и повернулся к секретарю. Бледная и взволнованная, Лера стояла в дверях приёмной.

— Спасибо, — искренне сказал он и поспешил на улицу.

Юра действительно оказался во внутреннем дворе офиса. Он сидел на бордюре, курил и разговаривал по телефону:

— «Ласточкино гнездо», да. Это за городом... — Он увидел Володю и, не договорив, сбросил.

«Да что же это такое? — думал Володя на ходу. — Даже в моей собственной компании на Юру косятся и оскорбляют. Как я могу уберечь его от ненависти окружающих, если не могу сделать этого даже здесь?»

— Прости меня, прости-прости, — зашептал Володя, бросившись к нему. Он сел на корточки перед ним, взял его руки в свои, стал целовать.

— Ты что, заметят же! — воскликнул Юра, поднимаясь.

И действительно — в этот двор выходили окна почти всех кабинетов офиса. Володя оглянулся и увидел в них силуэты. Он узнал Брагинского и стоящую рядом с ним Леру. Он разглядел даже выражения их лиц — презрительное Брагинского и полное сожаления Лерино.

— Мне плевать, — сказал он, обнимая Юру, — пусть знают. Они для меня никто.

Володя не сожалел об этом. Он уже давно перестал нуждаться в чьём бы то ни было одобрении. А если сотрудники не захотят теперь с ним работать, чёрт с ними, наберёт новых.

— Отвези меня домой, — попросил Юра.

Володя кивнул:

— Хорошо, пойдём.

А сам поймал себя на мысли, что чуть ли не все последние их выходы в свет заканчивались одинаково: Юра хотел скорее уехать домой — будто бы спрятаться от внешнего, обозлившегося на него мира.

Почти всю дорогу до «Ласточкиного гнезда» Юра молчал, уставившись в окно.

— Скажи хоть что-нибудь, — не выдержал Володя, сворачивая с трассы на просёлочную дорогу.

— Что?

— Ну я не знаю. Что угодно. Пожалуйся, позлись, наори на меня, в конце концов.

— На тебя-то мне за что орать?

— Да за всё: что позволил Жене нагрубить, что допустил хамство в моём офисе...

Юра выдохнул, покачал головой.

— Другими словами, за то, что позволял мне нормально функционировать в обществе, а не запикивал меня в шар как для хомяка? За это я тебе, наоборот, благодарен.

21. Причиняя добро

Стоило Володе войти в офис, как в опенспейсе повисла тишина. Затихли разговоры, работники попрятались за мониторами, и, только когда Володя почти дошёл до двери своего кабинета, раздались несколько голосов.

Вставив ключ в замочную скважину, Володя сцепил зубы и отогнал от себя внезапное острое желание развернуться и наорать на кого-нибудь или на всех сразу. «Какого чёрта вы сверлите мне спину, как будто я прокажённый? Хотите что-то сказать — так говорите, а не шепчитесь!»

Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Володя повернулся к столу секретаря:

— Лера, Брагинский уже пришёл?

— Нет, Владимир Львович, Дмитрия Викторовича ещё не было.

— Ясно.

Володя хмыкнул. Значит, вот как — двенадцатый час, а Брагинский даже не соизволил появиться на работе? Внутри клокотала ярость, подталкивала к тому, чтобы позвонить, выяснить отношения, поругаться, но Володя сам себя осадил. Важно сохранять лицо.

Полдня Володя старался не выходить из своего кабинета и лишний раз не показываться никому на глаза. Подумывал уже никуда не идти на обед, а заказать доставку, но в последний момент затихшая было ярость вспыхнула с новой силой. Какого чёрта он вообще должен сидеть в кабинете офиса *своей* фирмы и прятаться от *своих* подчинённых, будто он и правда в чём-то перед ними виноват?

Перед обедом Володя дал Лере указания — так, чтобы слышал весь опенспейс:

— К моему возвращению подготовьте, пожалуйста, отчётность по ЧП. При необходимости звоните Брагинскому, он должен был сегодня всё предоставить. И я не нашёл согласование заказа по новым краскам, Ткаченко должен был положить мне его на стол ещё вчера. Уточните у него, почему задача не выполнена? Произошло что-то, что позволяет сотрудникам нарушать сроки?

Несмотря на строгий тон Володи, Лера вдруг улыбнулась краем губ и кивнула:

— Всё будет сделано, Владимир Львович!

В конце концов, не случилось ничего сверхъестественного, Володя не сделал ничего противозаконного. А если кто-то из сотрудников считает, что Володя живёт не так или не с тем человеком — это проблемы прежде всего сотрудника. И это никак не должно влиять на рабочий процесс.

Во время обеда на телефон пришло напоминание. Володя посмотрел на экран: «17 мая, завтра: День рождения Юры».

Надо же, а Володя совсем забыл. Нужно обязательно придумать, что подарить, а вечером спланировать, как устроить праздник.

Вернувшись в офис, Володя обнаружил у себя на столе согласование по проекту, которое должно было быть готово ещё вчера. Нагоняй сработал. Хотя в остальном в офисе всё так же повисало молчание, когда Володя выходил в опенспейс. Он видел осуждающие и недоумевающие взгляды в свою сторону, но понял, что нужно просто вешать перед собой

воображаемый щит. Его личная жизнь не касается ни одного из этих людей. Они должны работать, он платит им за это деньги. А если Володина ориентация задевает кого-то настолько, что это мешает рабочему процессу, то он не собирается цепляться ни за одного из сотрудников.

— Лера, а что там с отчётом по ЧП?

Та пожала плечами и виновато сказала:

— Не знаю, Владимир Львович. Отчёт я уже составила, его осталось только распечатать, но нужна подпись Дмитрия Викторовича, да и акты по нарушениям тоже он делал. А до него не дозвониться.

Володя хмыкнул. Дело принимало интересный оборот. Он совершенно не понимал, на что рассчитывал Брагинский. Ссоры ссорами, но вина за обрушившуюся стену — целиком и полностью на нём. К тому же он не дурак, он прекрасно знает, что, игнорируя, только усугубляет ситуацию. Володе проще будет подать судебный иск и не придётся заниматься ненужными разборками, тем более что экспертиза проведена, закон на его стороне.

— Ладно, Лера, сегодня давайте придержим этот отчёт. Если от Брагинского не будет никаких вестей до завтрашнего обеда, то буду сам разбираться.

Володя уехал с работы на час раньше, чтобы успеть до закрытия зайти в ювелирный. Он ломал голову, придумывая, что же подарить Юре. Очевиднее всего было бы выбрать нечто, связанное с музыкой, но Володя боялся, что очередные намёки на творчество могут усугубить Юрин кризис. Поэтому всё же решил, что лучше будет подарить какую-нибудь безделушку, зато дорогую и красивую. Например, золотое украшение — чтобы подходило к Юриной серёжке.

Володя зашёл в несколько ювелирных. Посмотрел на кольца, но отмёл эту идею: перстни выглядели пафосно и громоздко, а тонкие обручальные могли стать глупым намёком. Цепочки и подвески тоже, на Володин взгляд, не подходили — на красивой Юриной шее не хотелось видеть что-то лишнее. Оставались браслеты, и Володя долго ходил между витринами, высматривая подходящий. Выбор не радовал: сплошные тяжёлые цепи, которые должны были подчеркнуть статус владельца, а не украсить руку. В четвёртом по счёту магазине Володя наконец увидел то, что искал — аккуратный тонкий браслет из золота и платины. Живо представилось, как изящно он будет сидеть на Юрином запястье.

Наблюдая, как девушка за прилавком упаковывает покупку в красивую синюю

коробочку, Володя пожалел, что из-за событий последних недель вспомнил о Юрином дне рождения только сегодня. Парой дней ранее он ещё успел бы заказать гравировку, чтобы браслет был именной.

Выходя из магазина в приподнятом настроении, Володя улыбнулся. Он надеялся, что Юре подарок понравится.

Герда встретила его во дворе дома — там же, где Володя, уходя с утра, её и оставил. Почему собака сама не вернулась в дом, стало понятно уже через минуту: дверь оказалась захлопнута. Не закрыта на замок, но и не прикрыта, как обычно. Герда не смогла бы сама подцепить её лапой. Юра захлопнул? Может, случайно?

В доме царил полная тишина. Ни шороха, ни звуков музыки из кабинета. Володя позвал:

— Юра? Я дома.

На кухне даже не было привычного бардака: посуда на своих местах, будто Юра даже не обедал.

Володя поднялся к его кабинету — заперто на ключ.

— Какого чёрта? — буркнул себе под нос.

Если Юра куда-то ушёл, то почему не предупредил? Не мог же он запереться изнутри — какой в этом смысл? Или всё же мог?

Володя, недолго думая, достал из кармана телефон и набрал его номер. Звонок раздался из-за дверей кабинета, но трубку никто не взял. Сдерживаясь, чтобы не материться, Володя спустился в зал, нашёл запасные ключи. Всё это время в трубке раздавались гудки, и он слышал трель Юриного телефона на втором этаже.

Юра спал полулёжа на диване, головой на подлокотнике, уронив ноги на пол. Рядом стояла пустая бутылка рома, а ещё одна, початая, упала и разлилась лужей под диван. Да и в целом в кабинете царил полный бедлам: нотные листы, музыкальные диски и книги раскиданы, на крышке пианино — пустые чашки и кофейные следы.

— Твою мать... — прошипел Володя, чувствуя, как внутри всё буквально заливают яростью.

Он подошёл к Юре, довольно жёстко потряс его за плечо.

— Юра! Юр!

Тот никак не отреагировал, даже не шевельнулся.

Злость моментально сменилась беспокойством, Юра ведь даже не сопел. Он вообще дышит? Володя прислушался, склонился над ним, потрогал лоб и скулу. Почувствовав прикосновение, Юра всё же скривился и фыркнул, но так и не проснулся.

Ведомый смутным подозрением, Володя громыхнул верхним ящиком стола, потом ещё одним. В самом нижнем нашёл прописанные врачом таблетки, выдохнул — нераспечатанные. Подумав, сунул себе их к карман — не хватало ещё, чтобы Юра, забывшись, смешал таблетки с алкоголем. Володя уже совсем не был уверен в том, что у Юры хватит ума такого не сделать.

Выходя из кабинета, он снова обернулся на спящего Юру. Скривился и вздохнул, качая головой. Что же делать? Он же говорил, что ему нужно лечить депрессию, сходил к врачу, и вот...

Юра проснулся часа через три. Володя стоял у плиты, помешивал булькающий в кастрюльке куриный суп и исподлобья наблюдал за Юрой.

Тот молча налил себе воды, залпом осушил стакан, снова наполнил его и уселся за стол. Выглядел он крайне помятым и полуживым, и в другой раз Володя, может, и пожалел бы его, но не сегодня. Он со стуком поставил перед ним тарелку супа.

Юра поднял на него глаза, посмотрел с благодарностью, но, наткнувшись на Володин взгляд, отвернулся.

— Юра... — негромко сказал Володя. Он попытался смягчить тон, но злость так и лилась из него.

— Володь, не начинай, я тебя прошу, мне и так хреново...

— А мне что, думаешь, хорошо? — вспыхнул Володя. — Мне, думаешь, нравится приходить каждый день домой и видеть тебя пьяным и неадекватным? Я уже ничего не говорю про постоянный бардак и вонь алкоголя на весь дом! Юра, мы же договорились, ты же пообещал... А ты... Как я могу доверять тебе теперь?

— Володь, голова и без этого болит, мы можем отложить этот разговор на...

— Нет, не можем! — Володя заговорил тише, но от этого в его голосе только прибавилось холодной ярости: — Сколько можно откладывать? Я устал видеть тебя таким, я *не хочу* видеть тебя таким, Юра! Ты же сходил к доктору, ты же решил лечиться, ты купил таблетки, так в чём проблема?

Юра резко отодвинул от себя тарелку супа и встал со стула. Ничего не говоря, подошёл к шкафчику, где хранился подарочный алкоголь и Юрин ром. Рома там не оказалось.

— А где?.. — Юра растерянно обернулся.

— Что «где»?

— Мой ром. У меня была ещё бутылка.

— Я не знаю. Может, ты всё выпил и забыл?

— Что? Какого хрена, Володя? — Юра повысил голос. — Ты что, вылил мой ром?

— Нет! Но, останься он там, так бы и сделал! Потому что это уже ни в какие ворота. Юра! Ты пьёшь и даже не помнишь сколько!

Юра посмотрел на него, прищурившись, но вдруг пожал плечами, развернулся и потянулся за бутылкой коллекционного коньяка, стоящего в углу шкафчика — давний подарок одного из клиентов фирмы.

— Нет! — Володя подскочил к нему. — Не смей!

Юра откупорил плотную крышку.

— Тебе коньяка жалко, что ли?

Володя попытался выхватить у него из рук бутылку, но Юра неожиданно крепко вцепился в неё.

— Мне тебя жалко!

Юра потянул на себя. Мгновение — и осколки бутылки разлетелись по кафельному полу в луже резко пахнущего алкоголя.

— Вот чёрт. Всё же придётся идти в магазин, — разочарованно протянул Юра. Он даже

не вскрикнул, когда уронил бутылку. Развернулся и направился к лестнице на второй этаж.

Перешагнув через лужу, Володя нагнал его у ступенек, схватил за локоть.

— Я запрещаю приносить алкоголь в мой дом!

Юра снова равнодушно пожал плечами.

— Ладно. Тогда буду пить его на улице.

— Никуда ты не пойдёшь! — прорычал Володя и дёрнул Юру на себя, не давая уйти на второй этаж. Тот вырвал руку.

— И что ты сделаешь? Запрёшь меня?

— Если это поможет тебе бросить пить, то да!

— Я тебе что, собака? Хочешь на цепь меня посадить и выпускать по команде?

— Если это поможет тебе, — снова повторил Володя.

— Не поможет! Я человек, я имею право...

— Да ты не похож на человека! — перебил его Володя. Схватил за плечи, подтащил к зеркалу, поставил к нему лицом. — Ты на себя посмотри! Разве так выглядит человек, Юра? Нет, так выглядит ничтожество...

Он осёкся, поймав в зеркале потускневший взгляд Юры. Тот поджал губы, резко вдохнул, будто его ударили под дых. Дёрнулся. Володя ещё сильнее стиснул его плечи, удерживая. Юра выкрутился, рванул в сторону — Володя попытался заключить его в объятия.

— Пошёл ты к чёрту, — прошипел он, дёргаясь в его руках.

— Юра, успокойся.

— Пошёл... ты... к чёрту! — Он вывернулся, отпихнул от себя Володю и стал подниматься по лестнице.

Глядя на его сгорбленную спину, взлохмаченные волосы и дрожащую руку, что держалась за перила, Володя ощутил сожаление. Ну что он ему сказал? Зачем так грубо?

— Юра, стой!

Тот остановился.

— Что? — не оборачиваясь, спросил он.

— Прости, я грубо сказал, я не хотел так. Куда ты?

— Спать.

— На диване опять? Тебе там не место...

— А где моё место, Володя? В будке Герды?

— Нет, в моей кровати, рядом со мной. Пожалуйста, хватит спать по отдельности. Я скучаю, мне тебя не хватает.

— Я же ничтожество, Володя. Зачем тебе рядом такой, как я?

И он ушёл вверх, даже не обернувшись. Володя покачал головой, потёр руками лицо. А ведь он хотел обсудить с Юрой, как отмечать его день рождения...

Лёжа в кровати, Володя пожалел, что не взял тогда рецепт у Игоря. Снотворное закончилось, а успокоительное, сколько бы Володя его ни пил, не помогало. Он проворочался в кровати почти до утра, прислушиваясь к звукам в доме. Вдруг Юра всё-таки придёт? Нет. Он даже ни разу не спустился на кухню попить воды.

Володя переживал за него — он ведь так ничего и не поел. А у него в кабинете оставался ром, не весь же разлился из бутылки. И ведь наверняка Юра его выпил, да ещё и на голодный желудок.

Володя прокручивал в голове куски их ссоры. В какие-то минуты сон таки приходил — душная тяжёлая дрёма, сквозь которую он снова и снова слышал Юрин равнодушный голос и свой — строгий и ледяной.

«Хочешь на цепь меня посадить?!»

«Так выглядит ничтожество! Ты выглядишь как ничтожество!»

И, выныривая из этого марева, Володя отчаянно тянулся к Юре — встать с кровати, подняться наверх, обнять его. Но продолжал лежать, понимая, что Юра наверняка заперся в кабинете, а ломиться к нему посреди ночи — только спровоцировать новую ссору.

Утром Юра не спустился к завтраку. Володя, собравшись уже на работу, поднялся к нему. После вечернего скандала он теперь не знал, как попросить прощения, а тем более — как поздравить Юру. Володя безрезультатно подёргал ручку двери — закрыто.

— Юра, я не хочу опять врываться к тебе без спроса, но ты хоть подай признаки жизни. С тобой всё в порядке?

За дверью послышался шорох. Через полминуты щёлкнул замок — Юра приоткрыл дверь. Выглядел он ещё хуже, чем вчера — помятый, с опухшими покрасневшими глазами, всклокоченный и сонный. Володе сразу же захотелось обнять его, затащить в душ, вымыть, накормить и уложить спать в чистую мягкую постель. Но Юра не дал ему сделать навстречу и шага — придержал дверь, оставив только небольшую щель.

— Как видишь, со мной не всё в порядке, но я живой.

— Юра, чем тебе...

— Не надо мне помогать, — оборвал его Юра. — Иди на работу.

И Володя не посмел ему перечить — будет ведь только хуже. А тем более не смог выдать слова поздравлений, которые прозвучали бы сейчас как насмешка. Он лишь сказал:

— Я приготовил завтрак, а в холодильнике стоит суп. Поешь, пожалуйста, ты со вчерашнего дня голодный.

Юра захлопнул дверь.

Спускаясь по лестнице, Володя чувствовал, как внутри всё раздирает от боли. Юра закрылся от него — и физически, и морально. Володя наговорил ему гадостей, и, сколько бы теперь ни раскаивался, слов обратно не возьмёшь.

Он не знал, что делать. Он боялся за Юру. Боялся, что, стоит уехать на работу, как Юра тут же пойдёт в магазин. Ему же плохо, у него жуткое похмелье, и ему нужно выпить, чтобы полегчало, и так по кругу, а это прямой путь к запою. Да что там — Юра уже ушёл в запой.

Володя положил коробочку с браслетом на видное место — на кухонный стол, рядом с чайником. Вертя в руках пустой бумажный лист, долго думал, написать пожелание или попросить прощения. Глупо делать это так, будто он боится поговорить. В итоге Володя не придумал ничего лучше надписи «С днём рождения, Юрочка». А всё остальное он скажет ему лично.

Но, глядя на оставленный на столе подарок, Володя всё ещё сомневался. Может, вообще не идти на работу? Съездить в магазин, купить торт, устроить праздник, а заодно

проследить, чтобы Юра не пошёл за ромом? А какой смысл? Как Володя его удержит, если тот захочет пойти? Силой? Опять ссориться?

Володя вертел в руках связку ключей, стоя у ворот участка. Обычно он закрывал их на задвижку, чтобы Юра мог спокойно выходить не только во внутренний двор, но и за территорию. Но сейчас, глубоко вздохнув, он запер ворота на ключ. Будет лучше, если Юра не сможет выйти из дома.

Сегодня Брагинский был в офисе. С совершенно напыщенным и гордым видом зашёл к нему в кабинет перед обедом, положил на стол недостающие в отчёте о ЧП акты.

Володя их молча просмотрел и протянул обратно:

— Отдай Лере, нужно прикрепить к папке. И подпиши у неё ордера на компенсацию ущерба.

Как ни странно, Брагинский даже спорить не стал. Вообще слова лишнего не проронил. Володю так и подмывало спросить, какого чёрта он вчера не явился на работу и почему до сих пор не принёс обещанное заявление на увольнение. Но осадил себя: не стоит усугублять ситуацию и, уподобляясь ему, мешать личные эмоции с работой.

А личных эмоций у Брагинского было хоть отбавляй — он смотрел косо, то и дело кривил губы и всем своим видом показывал, как ему неприятно находиться рядом с Володей. Стало даже забавно — надо же, как человека может взбудоражить то, к чему он не имеет совершенно никакого отношения. Например, с кем спит Володя. Была бы это девушка, Брагинский только порадовался бы, а потом забыл бы через день.

После обеда постучалась Лера.

— Я подшила отчёт по ЧП, осталось только вам подписать. Но вы проверьте его.

— Хорошо. — Володя кивнул, забирая у неё папку.

— Ещё утром пришли согласования по маркетингу, я проверила, нашла недоработки и отправила переделывать. К вечеру должны вернуть.

— Хорошо. Спасибо, Лера, вы... вы замечательный секретарь.

— Владимир Львович, — обычно серьёзная и сдержанная, Лера вдруг смущённо опустила взгляд, — простите за личный вопрос, но сотрудники распустили слухи о вас и

вашем друге и теперь спрашивают меня. Что мне отвечать?

На мгновение Володю изнутри обдало холодом — неужели всё-таки не удастся избежать этих неудобных вопросов?

— Мне всё равно, — отмахнулся Володя, — отвечайте то, что считаете нужным.

— Тогда я буду говорить... что это не их собачье дело.

Володя резко поднял голову, посмотрел на неё, прищурившись, улыбнулся.

— Мне нравится такая формулировка.

Щёки Леры залились краской.

— А что вы сами думаете об этом? — спросил Володя. — Кроме того, что это не ваше дело, разумеется?

— Ну, — Лера пожала плечами, — я давно догадывалась об этом. У нас в офисе столько красивых женщин, а вы всегда были как камень, так что... я надеюсь, что у вас с вашим другом всё будет хорошо.

— Спасибо, Лера, — выдохнул Володя и впервые в жизни обратился к ней на «ты»: — Ты всегда была отличным сотрудником, но оказалось, что и человек замечательный. Мне приятно с тобой работать.

— И мне с вами, Владимир Львович, — улыбнулась Лера.

По дороге домой Володя купил торт, а пока ехал, планировал, что скажет Юре по возвращении. Тот уже должен был немного отойти от вчерашней ссоры, так что можно будет попросить у него прощения и поздравить с днём рождения. Володя очень надеялся на мирное разрешение конфликта.

От хорошего настроения не осталось и следа, как только Володя подъехал к дому. На улице уже смеркалось, но в окнах не горел свет. Володя открыл ворота ключами, вздохнул спокойно — Юра здесь. А с другой стороны, куда бы он делся? Может, снова спит? Странно, но и Герды нигде видно не было.

В доме царила мёртвая тишина — ещё мертвее, чем вчера. Собаки на первом этаже не было.

Володя поднялся наверх — дверь в кабинет оказалась открыта. Внутри как будто прошёл ураган: все шкафы распахнуты, вещи разбросаны по полу, ящики стола выдвинуты. На диване валялся халат, край которого упал в вчерашнюю лужу рома.

Володя окликнул Юру, но в кабинете его явно не было. Не спрятался же он от него? Володя позвал Герду. Тишина.

Куда они могли деться из закрытого дома? Чувствуя накатывающую панику, Володя схватил телефон, набрал Юру и вздрогнул от неожиданности — по кабинету разнёсся рингтон. Юрин телефон лежал на столе под кипой бумаг.

Володю вмиг охватила паника. Он снова позвал Юру, затем ещё раз, громче, и ещё раз, ещё громче.

А вдруг он что-то с собой сделал? У него же депрессия, ему ведь совсем плохо, а Володя запер его в доме! Одного! Куда же он мог спрятаться?

Володя побежал в ванную. Пусто. В спальне Юры тоже не было. И на кухне, и в зале Володя искал везде: спустился в подвал, заглянул в кладовку, посмотрел в недостроенных комнатах второго этажа, даже шкафы с вещами пооткрывал. Юры нигде не было.

Володя выбежал во двор. Замер на веранде дома, схватился за косяк, ощущая, что ещё немного — и его снова накроет паническая атака.

Вцепившись в дверную ручку, Володя глубоко вздохнул и медленно выдохнул, заставляя себя успокоиться. Постарался думать логически. Герды тоже нет, значит, Юра ушёл куда-то с ней. Значит, не сам? Но куда он мог уйти, если ворота участка закрыты? Володя медленно обошёл дом по кругу, внимательно оглядываясь. Ну не через забор же Юра перелез, в самом деле?

Володя зацепился за мысль о заборе, снова пытаюсь выровнять дыхание, чтобы успокоиться. Забор, ворота... Калитка! Володя бросился в угол двора — туда, где за кустами дикого винограда виднелась открытая калитка в соседский двор.

И, будто услышав его протяжный выдох, по ту сторону забора твякнула Герда. Володя сперва даже себе не поверил — может, всё-таки Найда?

Он скомандовал: «Ко мне!» — и через полминуты увидел несущуюся ему навстречу собаку. Ну, хотя бы с ней всё хорошо.

— Герда, где Юра?

Та гавкнула на него и посмотрела с любопытством.

— Герда! Ищи Юру!

Та снова гавкнула, развернулась и понеслась в сторону дома соседей.

Идя следом за ней, Володя пытался понять, как Юра смог открыть эту калитку. Ключи от неё были у Володи и соседей. Перелезть он через неё не мог — высокая. Да и зачем? Юра же не совсем сбрендил, чтобы врываться на чужую территорию?

Володя дошёл до веранды. Найда узнала его и приветливо тьякнула, звякнув цепью. Володя вдавил кнопку дверного звонка, услышал, как в глубине дома раздалась весёленькая трель. Открыли только с третьего раза. Сергей как-то очень странно улыбнулся и медленно протянул:

— Ой, Влади-имир! Доброго денёчка тебе...

— Уже вечер, Сергей. Ты не видел моего... друга? Нигде не могу его найти, а калитка открыта, да и Герда тут.

Сергей моргнул, кивнул и, развернувшись, позвал за собой внутрь дома. Володя шёл за ним, слушая тихое бормотание:

— Я гулял по саду, смотрю — сосед новый. Ну вот разговорились, хороший Юрий человек, да. Талантливый, музыкант... Поговорили с ним об искусстве, общие темы наши.

Володя спокойно выдохнул — Юра нашёлся.

Володя не раз бывал в соседском доме: иногда Татьяна просила купить и привезти из города корм, изредка без повода звала на чай, а Володя не мог отказать — неудобно. Но он помнил, что внутри всегда было чисто и опрятно. Но не сейчас. Все окна оказались занавешены шторами, в углу зала на тумбочке шумел телевизор, а ещё было так накурено, что у Володи запершило в горле. Взгляд невольно зацепился за валяющиеся то тут, то там бутылки — из-под дорогого коньяка, хорошей водки, виски. На столике у телевизора стояла пепельница, полная окурков, а к застоявшемуся сигаретному дыму примешивался запах перегара и ещё чего-то сладковато-травянистого.

Юра полулежал в кресле. Откинувшись на подголовник, он, почти не моргая, смотрел в потолок. В его пальцах тлел окурочек сигареты, наверх поднималась тонкая струйка дыма.

Володя ошарашенно смотрел на него.

— Какого... — он закашлялся, едва вдохнув ртом.

Сергей тронул его за предплечье.

— Тс-с... Ну что ты, Владимир, — протянул он. — Не мешай человеку отдыхать.

А Юра даже не отреагировал ни на появление Володи, ни на голос, ни на кашель.

— Что с ним? — накинулся он на Сергея. — Он совсем упился?

Тот отмахнулся и начал глупо смеяться.

— Юрий вдохнул немного... природы. Не переживай, он просто расслабляется. Хочешь и тебе забью?

Сергей плюхнулся на диван, потянулся к лежащему на столике свёртку фольги.

До Володи наконец дошло.

— Ты что, его накурил?! — воскликнул он.

Сергей медленно поднял на него взгляд.

— Ну да, немного.

— Ты вообще нормальный?

— Ну... — Он покрутил рукой в воздухе. — Нормальный — это вообще растяжимое понятие. Вот ты, например, в какой-то степени тоже ненормальный. Все мы в какой-то степени ненормальные, кто-то больше, кто-то меньше.

Сергей говорил раздражающе медленно, тянул гласные и нёс какую-то окоlesiцу. Володя готов был взорваться от клокочущей внутри злости.

— На хрена?

— Что на хрена? — Сергей почесал затылок. — Я что-то уже потерял нить нашего разговора.

— Я говорю, кто тебя просил давать Юре эту гадость?!

— А... — Сергей кивнул.

— Володя, ну что за истерика на ровном месте? — вдруг раздался Юрин голос. Володя посмотрел на него — тот сидел как сидел, всё так же неподвижно, и пялился в потолок. — Никто никого ни к чему не принуждал. Серёжа предложил, я не стал отказываться. Всё прекрасно.

— Во-о-от, — протянул Сергей, подняв указательный палец вверх.

Володя, склонившись над Юрой, заглянул ему в глаза. Потряс за плечо.

— Юра. Юр, пойдём отсюда.

— Куда? — Он сфокусировал взгляд на Володином лице и внезапно улыбнулся — совершенно по-доброму. — Опять хочешь меня закрыть? — А потом поднял руку и потряс перед Володиными глазами браслетом на запястье. — Один наручник уже купил. Когда второй подаришь?

Володе стало жутко. Ледяной тон Юриного голоса слишком расходился с милой улыбкой, играющей на его губах.

— Нет, Юра, нет. Прости, я не...

— Ладно, пойдём, — вдруг согласился Юра.

Он резко встал, сделал пару шагов, пошатнулся. Володя успел его подхватить. Юра хихикнул:

— Не, нормально. Сейчас сориентируюсь.

Пока шли до дома, той же дорогой через задний двор и калитку, Юру пробило поболтать. Он весело рассказывал, и, если не знать, откуда Володя его только что забрал, можно было бы даже подумать, что с Юрой всё в полном порядке.

— Его жена уехала куда-то, я что-то забыл, вроде бы в отпуск. А этот в запой ушёл. А потом бухать ему надоело, он травки достал. Во дед даёт, я даже позавидовал. Немного, потому что на самом деле там нечему завидовать, знаешь, он мне свои картины показывал — такие пустышки. Те, что у него стоят там, в доме — не продаются, говорит. А показал мне те, что при Совке рисовал и продавал — там классные картины. Нет, не шедевры, но в них хотя бы есть какой-то смысл. Говорили с ним. Выгорел человек настолько, что обратно уже не вернётся. Рисует натюрморты какие-то. Не то чтобы я разбираюсь, но вроде вижу, что техника есть, но, знаешь... Такие пустые картины. Не то что раньше, раньше, он мне показывал, были лучше, рисовал хотя бы со смыслом...

Володя открыл двери дома, Юра зашёл следом, облокотился спиной о стену.

— Ты повторяешься, Юр, — сказал Володя. Присел на корточки перед ним, расшнуровал его ботинки. Поднялся на ноги, объяснил: — Сергей и сейчас продаёт картины — рисует на заказ, просто почти все деньги пропивает.

— Да, на заказ рисует, хорошо рисует, но никакого смысла во всём этом нет... Он и сам не видит никакого смысла. — Юра говорил это не Володе, а пустоте перед собой. И вдруг начал сползать по стенке — подогнулись колени, он осел, обнял себя за плечи руками. — Выгорел, знаешь, да так, что вернуться обратно уже невозможно. Потому что никакого смысла во всём этом... нет.

— Юр! — Володя, испугавшись, попытался поднять его — подхватил под мышки, потянул наверх, но Юра повис на нём как тряпичная кукла.

Володя опустился на пол, закинул на себя Юрины руки, обнял его. Тот упёрся подбородком ему в плечо, продолжая бормотать одно и то же про выгорание и бессмысленность.

— Юра, перестань. Это не про тебя. Сергей сам виноват, сам себя довёл до такого, ты не такой, я помогу тебе, слышишь?

Юра не слышал. Володя продолжал его уговаривать. Поднял, наконец поставил на ноги. Юра особо не сопротивлялся, позволил довести себя до кровати и кое-как усадить на неё.

Володя не знал, чем помочь. Если с пьяным человеком при токсикозе было понятно, что делать — таблетки, холодный душ, — то как привести в чувство укуренного?

— Юр, тебе плохо? — спросил Володя, стаскивая с Юры одежду.

Тот мотнул головой. Потом кивнул.

— Тошнит? Голова кружится?

— Неа. Нормально.

Он накренился набок, упал щекой на подушку и застыл, глядя перед собой стеклянным взглядом. Володя сел на пол рядом с ним, погладил по волосам.

— Юр?

— М?

— Что мне для тебя сделать?

— Ничего. — Юра медленно моргнул. — Ты и так делаешь для меня бесконечно много... Это я, я сам же всё просираю.

— Юра, нет. — Он погладил его по щеке костяшками пальцев. — Юрочка...

Юра молчал. И будто спал, только с открытыми глазами. Володя смотрел на него и чувствовал, как накатывает паника — так же, как раньше: волной ужаса, страхом, леденящим оцепенением и удушьем. Внутри всё онемело, сердце будто сжали шипованной перчаткой, стало трудно дышать.

Это он довёл Юру до такого. Это он виноват.

Он запер его. Не сегодня, а ещё несколько месяцев назад, когда Юра только приехал. Он ограничил его свободу кабинетом, усадил за пианино, которое сам же, без Юриного согласия, купил. Он привязал его к себе, потому что знал, что Юра любит, а значит, не уйдёт. Идеальная цепь.

Володя попытался вдохнуть ртом, но горло будто затянуло плёнкой — воздух не проходил. Он ударил себя в грудь.

Юра смотрел в пустоту, полуприкрыв глаза, и даже не обратил внимания на Володины телодвижения.

До дрожи напрягая мышцы, Володя заставил себя подняться и бросился в ванную. Как был, в рубашке и брюках, шагнул в душевую кабину и крутанул кран. Кожу обожгло прохладой, остатки холодной воды в трубах моментально сменились кипятком, и в следующее мгновение его обожгло уже по-настоящему.

Володя не смог сдержать крика. Вывалился из кабинки, едва не упал, поскользнувшись на мокром кафеле. Краем глаза ухватил своё жалкое отражение в зеркале — насквозь мокрый, в липнувшей к телу одежде, с безумным взглядом. «Ну и кто теперь ничтожество, *Вова?*» — будто спрашивало отражение.

Володя с опаской заглянул в комнату — отсюда было видно кровать, Юра так и лежал на боку. Всё-таки уснул и ничего не услышал? Ну и хорошо...

Паника отпустила, но едва ли полегчало.

Володя сдирал с себя мокрые вещи, матерясь сквозь зубы. Вот он — единственный

способ справиться с собой? По-другому он и не может. Он был уверен, что с появлением Юры в его жизни окончательно избавился от тяги к самоистязанию, но нет. Это безумие, эта гадость всё ещё жила внутри.

Совершенно разбитый, Володя доплёлся до кровати и упал щекой на подушку. Глядя в Юрину спину, еле слышно прошептал:

— С днём рождения, Юр. Отличный у тебя получился праздник.

22. В тёплые края

Следующим утром Володя чувствовал себя так, будто его придавило бетонной плитой. Он с трудом разомкнул тяжёлые веки, кое-как сел на кровати. Совсем не удивился тому, что постель рядом оказалась пуста.

В этот раз не было даже тревоги за Юру. Володя вдруг почувствовал, что ужасно устал от всего: от перманентного страха, от беспрерывных мыслей — как помочь, что ещё сделать. Володя устал постоянно искать выход.

Из кухни донёсся шум: звон посуды и кипение чайника. Часы показывали почти одиннадцать, на телефоне висела пара пропущенных вызовов с работы. В любой другой раз Володя занервничал бы и тут же перезвонил узнать, в чём дело. А сейчас ему было совершенно наплевать — хотелось послать всё к чёрту.

Заметив Юру у кухонного стола, Володя прошёл в ванную. Вздвогнул, вспомнив вчерашний приступ в душевой кабине. Умывшись, он разглядывал в зеркале своё бледное лицо. Не только Юра сдал за последний месяц — Володя и сам выглядел не лучше. Бледная кожа будто истончилась, на её фоне особо контрастировали тёмные круги под опухшими веками, в глазах — сетка лопнувших капилляров. Ехать на работу в таком виде точно не стоило.

Володя уже решился выйти на кухню, но в комнате зазвонил телефон. На экране высветился рабочий номер.

— Алло?

— Владимир Львович, добрый день! — бодро сказала Лера. — Извините, что отвлекаю вас, но всё-таки мне нужно уточнить, будете ли вы сегодня в офисе?

— Нет, — как можно мягче ответил Володя. — Мне нездоровится, я сегодня поработаю из дома, так что все важные письма пересылайте мне на почту.

— Принято.

— Что-то ещё?

Послышался шелест бумаг.

— Эм... — замялась Лера. Прокашлялась и, понизив голос, сказала: — Владимир Львович, тут Дмитрий Викторович... беспокоится. Сегодня после обеда встреча с клиентами, и он, кажется, переживает, что вас нет.

Володя и правда забыл, что сегодня ему с Брагинским предстояло провести внеочередные переговоры. Недавнее ЧП пошатнуло доверие заказчиков. Раньше Володя, не раздумывая, всё бросил бы и рванул в офис, чтобы задобрить клиента — весь проект мог обернуться провалом. Но сейчас он не сдвинулся с места. Пусть Брагинский сам расхлёбывает кашу, которую заварил.

— Лера, передайте, пожалуйста, Дмитрию Викторовичу, что я абсолютно уверен в его дипломатических талантах. А если он не будет с чем-то справляться, я на связи и всегда готов прийти на помощь удалённо.

— Вас поняла, — сказала Лера и, судя по тону голоса, улыбнулась.

Володя сбросил вызов и самодовольно хмыкнул. «Вот и посмотрим, что для тебя, Дмитрий Викторович, важнее — репутация фирмы или моя личная жизнь».

Телефон зазвонил снова. Володя, не глядя на экран, поднёс его к уху. Он подумал, что, должно быть, Лера забыла ещё о чём-то сказать, и бросил:

— Что ещё?

Но из трубки послышался звонкий и слегка испуганный голос Маши:

— Э... Да ничего, вообще-то. Привет, Володь!

— А, это ты. Привет, Маш.

— Ты какой-то невесёлый. У вас что-то случилось?

Володя не собирался откровенничать с Машей, поэтому соврал:

— Всё в порядке, просто не выспался.

— Поня-я-ятно, — протянула та. — А я вот распереживалась — что-то Юра мне уже пару дней не отвечает ни в аське, ни по телефону. Точно всё хорошо? Мне показалось, он был очень расстроен после того, как ушёл от Ирины.

Володя было удивился тому, какая же хорошая у Маши интуиция, но тут же рассудил: интуиция ни при чём, всё и так слишком очевидно.

— Ну а кто бы не расстроился, услышав такое? — равнодушным тоном произнёс он.

— Да уж. — Маша вздохнула. — Я звонила Ире вчера, думала, может, их немного отпустило, надеялась, что вы помиритесь. А она как давай орать! Ой, столько грязи на тебя вылила...

— Какой? — спросил Володя, хотя ему было не особо-то интересно.

— Ну... — Маша замялась. — Да знаешь там, какой ты растакой, столько лет с тобой знакомы, да если бы они только знали раньше... и всё в этом духе. И про Ольку ещё, мол, будь возможность сделать так, чтобы ты перестал быть её крёстным, они бы с удовольствием сделали... И что ребёнка к такому, как ты, больше и близко не подпустят. Ну не идиоты ли, а?

Володя угукнул, уставившись в стену.

— А ты знаешь, ну и пусть идут они сами куда подальше! Я не жалею, что поругалась с Ириной! Это что, выходит, узнай она про Диму, и его стала бы считать ненормальным, психически больным извращенцем?

Володя невесело хмыкнул:

— Это так меня Ирина назвала?

— Ну... Вроде того. Ну вы не грустите там! Ира с Женей просто ни черта не понимают! — Она вздохнула. — Ладно, Володь, ты передай Юре, чтобы хоть ответил мне. И не расстраивайся. Всё будет хорошо!

Она положила трубку, а Володя так и продолжил смотреть в стену. Внутри закипала неясная злость, пришедшая на смену глухому равнодушию. Казалось бы, с чего тут злиться? С Ирой и Женей всё было понятно ещё в тот вечер, когда они поругались. Естественно, они не дадут больше Володе видеться с Олькой, хоть десять раз он её крёстный. Обидно, ведь Володя давно смирился с тем, что у него не будет собственных детей, а к Ольке относился почти как к дочке.

Он тряхнул головой. К чёрту всё это, сейчас у него существовали куда более насущные проблемы. Нужно было всё же поговорить с Юрой.

С кухни Юра уже ушёл, и Володя поднялся на второй этаж. В кабинете царил уже привычный бардак, Володя лишь вздохнул. На столе стояла чашка чая — от неё всё ещё шёл пар, а вот Юры нигде не было. Внутри колыхнулось беспокойство, но тут же Володя услышал лай Герды. Он подошёл к окну, посмотрел во двор — Юра играл с собакой. Герда, подпрыгивая и весело таявая, выпрашивала у Юры палку, тёрлась о него, бросалась под ноги. Юра смеялся, что-то по-доброму приговаривая, и в какой-то момент Володе даже показалось, что Юра стал прежним собой — весёлым, жизнерадостным.

Вот только не было никого, кроме Герды, кому бы он мог улыбаться этим утром. Даже Володе.

Он вспомнил, где вчера отыскал Юру: в гостях у соседа-алкаша, горе-художника, неудачника. И даже такой компании Юра был рад.

Он ведь чах от одиночества. Может, в Германии у него не было друзей, но Юру всегда окружали люди: музыканты, заказчики, знакомые из гей-тусовки. В Харькове же у него не было никого, кроме Володи, а Володя, как бы ни старался, не мог заменить Юре всех. И, видимо, в этом безмолвии, без голосов других людей, Юра выгорал. Ведь тишина для него — это конец музыки. А конец музыки — конец всего.

Володя снова вспомнил соседа Сергея, вспомнил, что говорил вчера Юра, как сравнивал себя с ним. И, как бы Володя ни пытался отрицать это, Юра был прав: он катился по той же наклонной, на глазах превращаясь в трагического героя, которого ждали лишь самоненависть, алкоголь и бедность.

Володя спускался на первый этаж с чётким намерением извиниться. Он не должен был срывать на Юру, ему стоило быть терпеливее к его состоянию. Володя должен ему помогать справиться с депрессией, а не усугублять её.

Но, едва увидев вышедшего в сад Володю, Юра моментально преобразился в лице. Улыбка сползла с его губ, взгляд стал серьёзным и обеспокоенным.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — спросил Володя, стоя на веранде.

Юра опустил глаза, забрал у Герды из пасти палку, замахнулся, чтобы снова бросить.

— Не сказать, что хорошо. Скорее без изменений. А ты?

— Что я?

Юра швырнул палку в дальний угол участка — Герда помчалась за ней, — и повернулся к Володе.

— Как *ты* себя сегодня чувствуешь?

Володя нахмурился.

— А как я должен себя чувствовать? Плохо спал, а так всё в порядке.

— М-м-м... — протянул Юра, снова наклоняясь к прибежавшей с палкой Герде.

Они помолчали. Юра потрепал собаку по голове, извинился перед ней и сказал, что уже устал. Та, кажется, не обиделась. Поднявшись на веранду, Юра шагнул к Володе.

— Володь, я вижу, что ты обо мне заботишься, но... Ты не думаешь, что эту свою заботу тебе стоило бы направить и на себя тоже?

Юрин голос звучал мягко, но Володя почему-то уловил в нём ядовитые нотки. А может, ему так лишь показалось.

— О чём ты?

Юра вздохнул.

— Не нужно делать из меня идиота! — раздражённо воскликнул он. — Да, я виноват, я вчера плохо соображал, сразу ни черта не понял... но я всё видел! Не думаешь, что слегка лицемерно делать из меня психа и всячески пытаться мне помочь, когда тебе помощь нужна не меньше?

— Что? — опешил Володя. — Ты что несёшь?

Юра закатил глаза.

— Можешь отнекиваться, если хочешь, это не изменит того факта, что твоё желание причинять себе боль никуда не делось!

Володя резко вдохнул.

— Если бы не... — начал было он, но заставил себя замолчать.

— Что? — настоял Юра. — Ну говори, что хотел сказать!

Володя понимал — рот лучше не открывать. Сейчас нужно уйти в дом, закрыться в комнате и успокоиться, не раздувать ссору. Но ярость, которая уже с час клокотала внутри, всколыхнулась с новой силой.

— Если бы не ты, мне не пришлось бы... применять к себе такие радикальные меры. Ты хоть представляешь, каково мне вчера было видеть тебя под наркотиками? И каково видеть каждый день, как ты разрушаешь сам себя?

Юра процедил сквозь стиснутые зубы:

— Ну да, конечно, во всём ведь виноват я, а не твоя недолеченная психотравма.

Володя мотнул головой, пытаясь прийти в себя.

— Да, у меня есть проблемы, я знаю о них. Но депрессия у тебя, Юра. Неужели ты не видишь, что ради тебя из кожи вон лезу? Я даже на работе открылся и разругался с друзьями. Из-за тебя я больше никогда в жизни не увижу любимую крестницу!

Юра отшатнулся от него и выкрикнул:

— Я ни о чём этом тебя не просил! Господи... Если я такой сложный, на кой я тебе вообще сдался?

Он развернулся и быстрым шагом скрылся в доме, хлопнув за собой дверью.

Володя моментально пожалел обо всём сказанном. Бросился следом за Юрой, догнал его у лестницы на второй этаж, вцепился в плечи, потянул на себя. И, прижавшись к спине, обнял поперёк груди и зашептал в ухо:

— Прости меня, Юр, пожалуйста, прости, прости...

Он думал, что Юра попытается вырваться, как вчера, сбросит его руки, уйдёт, но тот лишь размяк в Володиных объятиях, откинулся затылком ему на плечо и прерывисто выдохнул:

— Что же нам делать, Володь? Я совсем запутался...

Юра оставил дверь в свой кабинет открытой, но Володя не хотел заходить к нему. В доме царил тишина, лишь редкие звуки выдавали чьё-то присутствие. Даже Герда, будто чувствуя настроение хозяев, притихла на своей лежанке.

Володя чувствовал себя загнанным в угол, забредшим в тупик. Он не видел выхода и не знал, что делать. Ему хотелось уйти куда-нибудь, будто так можно было скрыться от проблемы. Время подходило к двум дня, Володя вспомнил, что через полчаса должны начаться переговоры с заказчиком. Поехать на работу было бы сейчас самым правильным решением — Володя никак не мог понять, почему с утра допустил мысль поручить важные переговоры ненадёжному Брагинскому. А учитывая последовавший за этим срыв на Юру, Володя действительно начал сомневаться, в своём ли он уме.

Он боялся, что если уедет, то по возвращении снова обнаружит Юру пьяным или, и того хуже, — неадекватным, как вчера. Но в конце концов желание сбежать из собственного дома перевесило. Да и понял он, что едва ли что-то остановит Юру, даже если закрытые ворота не стали преградой.

Переодевшись в костюм, Володя всё же решил заглянуть в кабинет.

— Мне нужно съездить на работу, — ровно сказал он.

Юра что-то читал, откинувшись в кресле и положив ноги на стол. Володя втянул носом воздух — алкоголем в кабинете не пахло.

Юра поднял глаза от книги.

— Хорошо.

— Ты... будешь здесь, когда я вернусь?

Тот вздёрнул брови.

— А мне есть куда отсюда деться?

Володя выдержал его долгий и совершенно безэмоциональный взгляд, и желание срочно сбежать куда-нибудь стало практически невыносимым.

Он опоздал на переговоры, но его появлению был рад и клиент, и Брагинский. Хоть последний пытался изображать равнодушие, выдал себя тем, что заметно расслабился, когда Володя вошёл в кабинет.

Встреча затянулась больше чем на два часа. Конфликтный заказчик потребовал гарантий в случае продления договора, скидки на услуги и материалы в счёт убытков, которые понёс из-за ЧП. Володе пришлось идти на уступки, а издержки и рентабельность проекта ещё предстояло рассчитывать позже.

В этих переговорах был лишь один плюс: на два часа Володя смог забыть о личных проблемах. Впрочем, стоило сесть в машину, как мысли о Юре хлынули в голову с новой силой. И решения, конечно, не появилось.

Небо затягивало тучами — скоро должен был пойти дождь. Володя ехал домой, в сотый раз прокручивая в голове одно и то же. Пытался найти недостающую деталь в конструкторе их с Юрой отношений, понять, где именно они просчитались. И, сколько Володя ни разбирал всё на составляющие, никаких ошибок не видел. Они нашли друг друга спустя двадцать лет, они узнали друг друга заново. Смогли отпустить прошлое и пытались жить настоящим, стать действительно счастливыми. Откуда же тогда взялся весь этот ком невысказанных обид? Откуда злость, Юрина депрессия, Володины срывы?

Володя понимал, что в круговерти всех этих мыслей и поисков занимается самообманом. Он сознательно избегал самого очевидного решения и, судя по всему, единственного.

Припарковавшись у участка, Володя ещё минут десять просто сидел в машине, будто искал в себе смелости зайти домой и увидеть Юру. Но Юры внутри не оказалось — Володя понял это ещё в тот момент, когда Герда встретила его за воротами. Двери дома были закрыты на ключ. Предполагая, что Юра ушёл в магазин за ромом, Володя даже не злился. Он этого ожидал — чего уж теперь? Но он всё равно набрал Юру, ожидая, что трубку никто не возьмёт, а трель звонка опять прозвучит откуда-то из кабинета.

Но Юра ответил буквально со второго гудка.

— Ты где? — осторожно спросил Володя.

— В «Ласточке», решил прогуляться. Не ожидал, что ты вернёшься так скоро, думал, успею.

Володя повернулся на сто восемьдесят градусов, посмотрел в сторону реки, на противоположный её берег. Иронично ухмыльнулся.

— Можно я приду к тебе?

— Давай. Я в театре.

Володя не любил возвращаться в «Ласточку». Несмотря на то, что купил эту землю, несмотря на то, что когда-то сознательно построил свой дом рядом со всеми этими воспоминаниями, он избегал туда приходить. Слишком много прошлого таила в себе эта местность: счастье, умещённое в три недели, боль, растянувшуюся на долгие годы.

Идя по деревянному мостику, перекинутому через речку, Володя заметил, как у самой воды пролетела и умчалась вдаль стайка ласточек. И как их только занесло в эти края? Послышался далёкий раскат грома, порыв ветра растрепал волосы, раздул полы пиджака. Володя нервно одёрнул его и пошёл дальше — к воротам лагеря.

Он впервые приехал сюда в девяносто шестом — спустя десять лет после смены в лагере. Пробравшись по заросшей тропе, открыл ржавые скрипящие ворота.

Володя вернулся сюда, чтобы встретиться с Юрой. Пусть он понимал, что вероятность этой встречи слишком мала, но зыбкая надежда всё же теплилась в груди.

И Юры тут, конечно, не было. Но был Юрка — виделся везде призраком прошлого. Володя остановился у корпусов младших отрядов, заметив детскую площадку. Звонкий Юркин смех доносился отовсюду, звучал в кособоких деревянных домишках, летал в воздухе вместе с одуванчиковым пухом. Старая карусель — осевшая, с облезшей краской, — утопала в жёлто-белом одеяле. Володя хотел утонуть в нём, лечь прямо в эти цветы, закрыть глаза и позволить прошлому утянуть себя. Но Володя понимал, что, каким бы сильным ни был соблазн, за этой счастливой фантазией обязательно придёт сильнейшее разочарование.

В девяносто шестом он приехал в «Ласточку», чтобы дойти до их ивы — потому что там хранились самые важные воспоминания. Но память повела его в другую сторону, и, не в силах ей противиться, Володя пошёл к кинозалу. Мимо щитовых, где Юрка впервые его поцеловал, мимо той самой яблони и танцплощадки. Володе слышалась «Колыбельная». Сперва казалось, что звуки исходят от эстрады, но, стоило повернуться к зданию кинозала, как музыка полилась уже оттуда. Володя тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения. Здесь уже давно не звучала эта музыка и никогда больше не должна была зазвучать. Но, спускаясь по старым скрипящим ступенькам, Володя на секунду зажмурился. Вдруг он откроет глаза, а там, внизу, на старых изломанных креслах, сидит Юрка?

Тогда Юра там не сидел. Но он сидел здесь теперь, среди пыли, грязи, обвалившихся стен и торчащих досок. Среди осколков их общего прошлого.

Ступени под Володиными ногами надрывно скрипели, но Юра не обернулся на звук.

— Юр... — Он тронул его за плечо.

Юра всё же поднял голову, посмотрел Володе в глаза, натянуто улыбнулся и равнодушно спросил:

— Как дела?

Володя пожал плечами — сейчас ему совершенно не хотелось вести пустые разговоры.

— Прости меня, Юр, — выдохнул он. — Я... снова наговорил тебе с утра всякого, сорвался. Всё должно быть не так.

Юра встал с кресла, прошёлся до сцены. Зачем-то ковырнул пальцем торчащий из деревяшки гвоздь.

— А как всё должно быть? — спросил глухо, не оборачиваясь.

Володя промолчал — ответ на этот вопрос слишком сильно расходился с реальностью. Они должны были быть вместе и счастливы. Потому что, пройдя такой путь, найдя друг друга после стольких лет разлуки, сохранив память о своих подростковых чувствах — разве могло быть иначе? Разве не сама судьба снова свела их вместе? Почему же тогда всё это неотвратно рушилось?

Юра направился к ступенькам, осторожно поднялся на сцену. Старые прогнившие доски трещали, в центре настила и вовсе зияла дыра.

— Я ведь всё понимаю, Володь, — сказал он, вышагивая по скрипящему полу. Володя заметил, что в некоторых местах из деревяшек сыпется труха. — У меня депрессия, у тебя на этом фоне обострились психозы. Тебя вывела из равновесия ситуация с крестницей и конфликты на работе. Этот ком обид, недосказанность — всё копится. У меня так же. И мы никуда не можем это деть, только вылить друг на друга. Замкнутый круг.

Юра сделал ещё шаг, и вдруг одна из досок сломалась под его ботинком. Раздался треск, Юра успел переместить вес на другую ногу, чтобы не провалиться под сцену. У Володи сердце ушло в пятки, а Юра вдруг широко улыбнулся.

— Слезай оттуда, Юр, ещё покалечиться не хватало, — позвал Володя.

Юра аккуратно спустился со сцены, но к Володе не подошёл, остался стоять поодаль.

— Помнишь, мы обсуждали, что тебе делать с «Ласточкой»? — спросил он.

— Ну? — живо отозвался Володя. Он ухватился за Юрин вопрос как за соломинку, лишь бы оттянуть разговор, ради которого он сюда пришёл.

— Я бродил здесь, рассматривал — всё почернело, заросло, осыпалось... Знаешь, ведь это место имеет ценность только для нас с тобой — потому что тут наша память. А для других это просто рухлядь. И не надо тут ничего нового строить — надо оставить всё как есть. Дать нашей «Ласточке» зарости окончательно лесом, опуститься под землю. Ведь когда-нибудь в будущем до этого места дотянется город, тут станут строить какой-нибудь микрорайон, вырубят лес, вскопают всё вокруг и найдут в котловане осколки этого прошлого. — Юра взмахнул руками, шагнул к Володе, посмотрел ему в глаза. — Представляешь, спустя много времени этот лагерь станет чем-то важным для людей, станет историей. Представь, приедут археологи, вскроют культурные слои, найдут фундаменты наших с тобой отрядов, кинозала, эстрады... выкопают статуи, отреставрируют и выставят их в музее. — Он улыбнулся, и Володю эта улыбка больше насторожила, чем порадовала. — Представь Зину Портнову в каком-нибудь белом зале? Будет наша «Ласточка» археологическим объектом. Может быть, даже сохранится память о нас с тобой, наша банка с письмами найдётся, значки наши, галстуки... Чтобы «Ласточка» стала значимой не только для нас, нужно дать ей умереть.

Володя задумчиво оглядел зал: выцветший занавес, выбитые стёкла, дырявую сцену. И правда ведь — рухлядь. Да, это их прошлое — и оно невообразимо ценно, потому что в нём они были счастливы. Но правильно Юра когда-то сказал: в том прошлом они были обречены на расставание, в том прошлом у них не было будущего. Вот только теперь Володя сомневался, что будущее есть у них в этом настоящем.

Потому что всё их прошлое — рухлядь. Разве возможно построить хоть что-то на таком неустойчивом фундаменте?

Будто перед прыжком в ледяную воду, Володя глубоко вдохнул носом и быстро сказал:

— Возвращайся в Германию, Юра.

Он смотрел на него, ожидая реакции, боясь, что Юра сейчас улыбнётся или расслабленно выдохнет. Но Юра уставился на него, нахмурившись.

— Что?

Володя шагнул к нему, взял за руки, надеясь, что он не станет вырывать их.

— Тебе нужно вернуться домой. Улетай отсюда, Юр.

— Что? — снова повторил тот. — Нет! Что значит...

— Послушай! — перебил его Володя. — Я ведь вижу, как тебе тут плохо, я вижу, как всё на тебя давит. Творческий кризис, депрессия — это ведь всё из-за Харькова, тебе тут тесно, одиноко. Ты же знаешь, я ни за что не отпустил бы тебя, если бы знал, как со всем этим

справиться, но я не вижу иного выхода. Ты прав, это замкнутый круг, мы травим друг друга всё больше и больше, уничтожаем всё хорошее, что было между нами. Разве тебе нравится то, что в последнее время происходит? Не обманывай себя, ты же понимаешь, что лучше вряд ли станет.

Володя замолчал и только сейчас заметил, что сильно сдавил Юрины пальцы. А тот даже не поморщился, лишь уставился на него широко открытыми глазами.

— А что... — Юрин голос дрогнул. — Что будет с нами?

У Володи в горле встал ком.

— Я не знаю, — шёпотом выдавил он.

Юра смотрел совершенно растерянно. Володе даже показалось, что он может заплакать, но его глаза оставались сухими. Не выдержав, Володя крепко обнял его, прижав к себе, зарылся носом в волосы и почувствовал, как Юрины ладони легли на плечи, а пальцы смяли ткань пиджака.

— Я не хочу расставаться, Володь. — Его голос дрогнул.

— Я тоже. Юр, я не могу снова потерять тебя, я уже когда-то так сделал и ещё раз такого не допущу. Но тебе нужно лететь отсюда. Ты ведь хочешь домой?

— Да, — глухо отозвался Юра ему в плечо.

Сердце стиснуло болью — наверное, где-то в глубине души, несмотря на все логичные доводы и решимость, Володя надеялся, что Юра не захочет обратно в Германию.

Тот отстранился, заглянул Володе в лицо.

— Ты ведь приедешь ко мне? Потом, в августе или сентябре, да?

Володя попытался улыбнуться, но получилось лишь немного дёрнуть уголками рта.

— Конечно. Приеду. — Он хотел ещё много всего сказать и пообещать, но наткнулся на сомнение в Юрином взгляде. — Ты веришь мне?

Юра быстро кивнул и, переча сам себе, ответил:

— Не знаю. Точнее, верю, да, но... Ты сам говорил: отношения на расстоянии — не для тебя. И получается, что мы возвращаемся к тому же, о чём говорили ещё в апреле.

— Я согласился терпеть их. И раз у нас нет другого выхода, что мне остаётся?

— Спасибо, — лишь произнёс Юра.

Володя снова взял его за руку.

— Только, Юра, пообещай... — Он серьёзно посмотрел ему в глаза. — Ты бросишь пить. Вообще.

Юра усмехнулся:

— Ну... ладно.

— Нет, не «ладно». Пообещай мне. Я отпускаю тебя, но должен быть уверен, что ты не сорвёшься, не смешаешь таблетки с алкоголем. Ангела ведь не знает, что ты пьёшь?

— Володь, да я... — Он запнулся и виновато посмотрел. — Нет, я ей не говорил.

— А почему? Это ведь большая проблема, Юра, тебе нужно признать, что ты алкоголик.

— Я не... Володя, да нет у меня никакой зависимости, я в любой момент могу бросить, — Он злобно зыркнул, попытался вырвать руку, но Володя не позволил. — Ты ставишь мне ультиматум? А если я не сдержусь, то что? Не приедешь ко мне? Бросишь меня?

Володя вздохнул — не хотелось опять ссориться.

— Пожалуйста, давай не будем ругаться, Юр. Пойми, что я переживаю.

Юра выдохнул, успокаиваясь.

— Хорошо, я обещаю, что не буду пить, — тихо и неуверенно сказал он. А потом громче добавил: — Но у меня есть встречное условие.

— Какое?

— Ты поговоришь с Ангелой.

Володя удивлённо вскинул брови, но пообещал:

— Хорошо, поговорю.

— Не обо мне, а о себе.

Володя цыкнул языком, удержавшись от того, чтобы закатить глаза.

— Юра, ты знаешь, как я отношусь к этим шарлатанам...

— Она не шарлатанка, это во-первых. А во-вторых... Ты просил от меня неприкрытой правды? Вот она — меня пугает твоя властность. Ты должен избавиться от этого... маниакального желания мной управлять.

Они вернулись домой. Юра сразу поднялся к себе, а Володя чувствовал, что ему просто необходимо чем-то заполнить пустоту, которая стремительно росла и расширялась внутри него. И он не придумал ничего лучше, чем заняться чем-то механическим и притворяться, что ничего катастрофического не произошло. Он ополоснул Герде лапы, немного её вычесал, прибрался в гостиной. Потом принялся готовить ужин.

Мысли, словно назойливый осиный рой, кружили вокруг, и чем больше Володя от них отмахивался, тем сильнее они норовили его ужалить.

Он убеждал себя, что они с Юрой не расстанутся. Повторял сам себе, что это вынужденная мера, правильное решение. Что всё закончится, Юрина депрессия пройдёт, их отношения наладятся. Неизвестно, каким способом, но они смогут преодолеть все трудности.

Сейчас Володе как никогда хотелось бы поверить в крылатую фразу, что если любовь настоящая, то она способна преодолеть что угодно. Но поверить не получалось. Да и любовь ли это? Спроси его кто-нибудь об этом ещё вчера, он бы, не сомневаясь, ответил «да». Но разве происходящее между ним и Юрой похоже на любовь?

Володя вдруг вспомнил, как когда-то очень давно, в «Ласточке», убеждал Юрку, что в настоящей любви нет места эгоизму. Он не смог бы воспроизвести дословно сказанное тогда, но общий смысл заключался в том, что требовать от любимого человека что-то взамен своих чувств — это эгоизм. Что настоящая любовь жертвенна, и если ты действительно любишь кого-то, то совершишь что угодно ради чужого счастья, пусть даже в ущерб себе.

Нарезая морковь, Володя даже улыбнулся, вспомнив, при каких обстоятельствах говорил это Юрке. Ведь тогда он хотел уберечь его от своей любви, считал её неправильной и разрушительной для них обоих. А так ли он ошибался, учитывая всё, что случилось между ними теперь?

Закончив с приготовлением ужина, Володя поднялся к Юре. Тот не закрывал двери, сидел за компьютером. Володя легонько постучал по косяку, чтобы привлечь Юрино внимание.

— Ты спустишься ужинать?

Юра кивнул, не отрываясь от монитора.

— Да, минут через пять.

Володя хотел было уйти, чтобы не отвлекать, но Юра повернулся к нему.

— Думаю, на какой день брать билет. Рейсы по нечётным, можно на завтра или... — Он не договорил, но Володя и так понял.

Он подавил порыв тут же сказать, чтобы подождал ещё и не улетал так сразу. Но какой смысл оттягивать неизбежное?

— Делай так, как тебе лучше, Юр. Я ведь тебя не прогоняю, — тихо сказал Володя.

Он поджал губы, попытался проглотить вставший в горле ком и, развернувшись, пошёл обратно на кухню.

Юра, как и обещал, спустился через несколько минут. Сел за стол, подвинул к себе тарелку.

— Взял на завтра. Вылет в пять вечера, — обронил он, принимаясь резать мясо. Володя заметил, как у него дрогнула рука.

— Хорошо, я помогу тебе собраться и отвезу в аэропорт.

— Спасибо.

Ужинали в полном молчании. Лишь звенели приборы о тарелки и стучал по окнам наконец начавшийся ливень. Это молчание угнетало, его хотелось нарушить, но казалось, что стоит сейчас о чём-либо заговорить, и вся боль, которую Володя держал в себе, выльется наружу.

От этой тишины хотелось сбежать, и он думал, что после ужина Юра снова уйдёт к себе. Но, доев, тот забрал посуду, вымыл её и налил две чашки чая. Одну поставил перед Володей, а со второй отправился на диван. Включил телевизор. Звуки и голоса из какого-то фильма показались слишком громкими и непривычными, но этот шум хоть немного развеял гнетущую атмосферу.

«Да в конце концов, он ведь завтра действительно улетит», — с этой мыслью Володя взял свою чашку и пошёл к дивану. Сел рядом с Юрой. Тот повернулся к нему, посмотрел в глаза и улыбнулся уголками губ.

Пусть они и не знали, о чём говорить, пусть между ними разверзлась пропасть, но хотелось просто побыть рядом. Может, не так, как раньше, обсуждая фильмы или внимательно слушая саундтреки. Пусть молча, но главное — рядом.

Чай пить не хотелось. Он остывал на журнальном столике, а Володя откинулся на спинку дивана и смотрел в экран. Он даже не пытался вникнуть в сюжет, просто наблюдал за сменяющимися кадрами. А Юра, отставив пустую чашку, вдруг придвинулся к Володе, положил ладонь ему на живот и внимательно посмотрел в глаза, будто спрашивая о чём-то, и Володя понял его без слов. Приподнял руку, и Юра тут же нырнул под неё, уложил голову ему на грудь, обнял поперёк торса и притих. Володя откинулся на подголовник и прикрыл глаза.

Они пролежали так до самой ночи. Слушая бормотание телевизора, Володя гладил Юру по волосам, а тот, казалось, и вовсе уснул. Но ближе к одиннадцати он всё же поднял голову, сонно посмотрел и спросил:

— Пойдём спать?

Пока Володя принимал душ, голова снова наполнилась мыслями. Он вдруг ясно осознал: уже завтра вечером Юры не будет в его доме. Вместо него здесь снова поселится неизвестность. После работы Володю будет встречать Герда. Со второго этажа не будет звучать музыка, а постельное бельё перестанет пахнуть родным запахом.

В марте, когда Юра прилетел в Харьков, Володя был ко всему этому готов: отпустить его через две недели, снова видеть только в экране монитора, снова жить по его графику и общаться по расписанию. Но теперь Володя привык — к тому, что Юра не просто есть в его жизни, а есть рядом. И вот так отпускать его было очень больно.

Вытирая волосы полотенцем, Володя зашёл в спальню. Юра сидел на кровати и гладил Герду, нагло развалившуюся прямо на постели — головой на Юриных коленях.

— Вот засранка, ну-ка кыш, сейчас весь плед в шерсти будет, — начал было ругаться Володя, но Юра шикнул на него.

— Не ругайся на неё. Она, может, хочет побыть со мной напоследок. Скучать будет. — Он потрепал Герду по ушам. — Да, девочка моя?

Та подняла голову и посмотрела на Юру. Потом повернулась к Володе. Зевнула, фыркнула и, будто говоря «Ладно, поняла, я тут лишняя», спрыгнула на пол и, постукивая когтями по паркету, ретировалась из комнаты.

Володя занял её место, сел к Юре, положил ладонь ему на плечо.

— Ты тоже хочешь побыть со мной напоследок? — повернувшись к нему, хохотнул Юра. Только вот в глазах у него плескалось море грусти.

— Конечно хочу.

Юра снял его ладонь с себя, сжал, уткнулся лбом в плечо.

— Юр? — негромко позвал Володя. — Думаешь, мы поступаем правильно?

Юра качнул головой — получилось, будто боднул Володю.

— Не знаю. Наверное, правильно. — Он вдруг еле слышно рассмеялся, щекоча Володю дыханием. — А я ведь предупреждал, что со мной сложно, что я сильно изменился и... стал вот таким. Как же я только умудрился всё так испортить...

— Юрочка, ты что? — Володя приподнял его за подбородок, посмотрел в глаза, поцеловал в лоб. — Не говори так. Ты ни в чём не виноват. Кто и что угодно, но только не ты.

Юра прерывисто вздохнул, подался вперёд, обнял Володю, прижался к нему и прошептал в сгиб шеи:

— Я так не хочу улетать...

Володя зарылся пальцами в его волосы, крепко зажмурился, глядя Юру по голове.

— Тебе здесь невыносимо — и дальше будет только хуже.

Юра кивнул и зачистил:

— Я две недели пытался решиться на возвращение в Германию, но не мог даже и думать о расставании с тобой. Я ведь и пил так много поэтому — просто чтобы забыться и не пытаться искать выход. А теперь... Уже завтра нам придётся прощаться, и от одной лишь мысли я готов всё бросить и остаться, снова сдать билет. Пусть я продолжу страдать, пусть мне будет сложно, невыносимо, только бы рядом с тобой. — Его голос задрожал. — Я ведь тебя так сильно люблю, Володь...

Володя чувствовал, как сердце буквально рвётся на куски. Он резко вдохнул, взял Юрино лицо в ладони, заставил посмотреть на себя. У него в глазах стояли слёзы.

— Юра... — беззвучно, одними губами, сказал Володя, пытаясь стереть влагу с его лица. — Юрочка...

Он притянул его к себе, припал к губам, стараясь вложить в этот поцелуй всю нежность и всё тепло, которые у него были.

Он никогда не нуждался в Юриных признаниях. Ведь любовь — не в словах. Любовь не обязательно озвучивать, её нужно показывать. Но всё же, стоило Юре произнести эти слова, как его любовь стала осязаемой. И целовал Юра так, будто хотел отдать её всю.

И Володя упивался ею, тонул в ней и сам не заметил, как нежные и аккуратные поцелуи стали глубокими и страстными. Он пришёл в себя, лишь когда Юра толкнул его, уронив на спину. Володя не стал его останавливать, наоборот — помог ему снять с себя футболку и стащить штаны. Поддался его прикосновениям, плаваясь в них, растворяясь в его ласках.

И будто сквозь туман слышал:

— Я хочу тебя. Можно?..

Юра, нависнув над ним, внимательно посмотрел в глаза, и Володя даже не сразу понял смысла вопроса. А когда понял, приблизился к Юриному лицу и, тихо засмеявшись, выдохнул ему в губы:

— Тебе можно всё.

Володя отдал бы всё на свете, чтобы навсегда остаться в этом моменте. Просто остаться в этом моменте и не помнить ничего, что будет дальше. Он хотел, чтобы время застыло, а эта ночь не кончалась. Быть тут — в постели с Юрой, под тяжестью его горячего тела. И пусть больно — но это сладкая боль. Только бы не наступало завтра. Только бы не было всех этих сборов, чемоданов, тягостного молчания и бесконечно долгой дороги в аэропорт.

Но всё это было, и Володя не мог стереть себе память, которая, будто издеваясь, подкидывала кадры двадцатилетней давности.

Володя провожал Юру до стойки регистрации, а сам не мог избавиться от воспоминаний об их последнем утре в «Ласточке», не мог избавиться от горького ощущения дежавю.

Тогда он знал, что видит Юрку последний раз в жизни. Провожал до автобуса, говорил с ним — с тем, кого через полчаса уже не будет. Юрки не будет. Будут буквы в письмах, фото, может быть, голос в телефонной трубке. Но он знал, что они больше никогда не увидятся. Он слушал, как Юрка, полный надежды, планирует будущую встречу, как светится радостью, представляя то, чего никогда не произойдёт.

А в настоящем, видя, как Юра остановился и поднял голову к табло, Володя старался убедить себя, что этого не повторится. Что всё у них ещё будет.

И, прощаясь, он, как и двадцать лет назад, прошептал:

— Прости, — так тихо, что и сам себя не услышал.

— Что? — Юра посмотрел на него.

Володя замотал головой и, наплевав на всё, крепко обнял его, глубоко вдохнул, пытаясь сохранить в памяти Юрин запах.

Из динамиков объявили посадку на рейс «Харьков — Минск», и Юра, цепляясь за Володины плечи, сдавленно шепнул ему на ухо:

— До встречи, Володенька.

А тот, волевым усилием размыкая объятия, произнёс:

— До встречи, Юрочка.

23. Ошибка за ошибкой

Дом без Юры опустел. Володя бродил по этажам, смотрел на оставленный им бардак, но убирать его не спешил — вместе с беспорядком исчезло бы ощущение, что Юра только что был здесь. Но пока ещё дом хранил его тепло, и на секунду могло показаться, будто он просто вышел и вот-вот вернётся.

Зря Володя его отпустил. Он был уверен, что отравлял Юру своим присутствием, и думал, что дома Юре полегчает. Но теперь, когда Юра остался один, Володя засомневался. С чего бы ему стало лучше? Что они сделали для того, чтобы стало лучше? Разбежались по разным углам, подальше друг от друга и сами от себя. Но ничего не решили.

Герда, уныло повесив голову, бродила за Володей. Вслед за ним заглядывала в комнаты, будто вместе с ним убеждалась, что они остались одни. В доме было тихо и прохладно, серый весенний дождь принёс через открытое окно ощущение сырости. Володя запер окно и разжёл камин. Затрещали дрова, от огня пошло тепло, и Володя уселся прямо на пол.

Согреваясь, задумался, что будет с ними дальше.

Юра окажется дома, и ему полегчает хотя бы на время. Как говорят, родные стены лечат. Но что станет потом, когда он осознает и прочувствует своё одиночество? Ему снова захочется выпить, но Володи не будет рядом, чтобы если не остановить его, то хотя бы ограничить. Но как ему помочь? Володя незряче уставился на сполохи пламени в камине, и в подсознании всплыл образ рыжеволосой женщины в Юрином мониторе. Сможет ли помочь Ангела? От таких людей, как она, Володя никогда не получал помощи, они лишь причиняли вред.

На пару с Гердой просидели у камина до самого вечера, пока не пришло сообщение от Юры. Он писал, что приземлился и, как только окажется дома, позвонит.

Спустя два часа он вышел на связь в скайпе.

— Ты поел? — видя его усталое лицо, тут же спросил Володя.

— Ещё нет, сейчас пиццу закажу.

— Пиццу? Юр, ну ты же знаешь, что это вредно.

— Мне лень готовить. Я устал. — Юра пожал плечами.

— Ну хотя бы пару яиц свари...

— Яйца кончились, а у меня нет сил даже выйти в магазин. Вообще многие вещи кажутся такими трудными. Я такой бесполезный, — протянул Юра.

Он поднял руку и отпил что-то тёмное из стакана. Володя без труда догадался, что именно.

— Ты же обещал... — устало простонал он.

— Я совсем чуть-чуть, всего один стакан. Я уменьшаю количество. Скоро откажусь совсем.

— Ты говорил, что можешь бросить в любой момент. Так зачем тогда снижать количество, прекращай — и всё!

— Ладно, — буркнул Юра. — Сегодня в последний раз.

— Ты уже не раз говорил мне это, но так и не перестал пить. Юра, пора принять, что у тебя не получится отказаться «в любой момент». Ты не сможешь прекратить без

посторонней помощи.

— Володя, я не алкоголик! Ничья помощь мне не нужна.

Тот опустил голову, устало потёр глаза.

— Юр, что мне делать? — тихо произнёс он. — Ты опять нарушил обещание. А мы договаривались, что... — Володя осёкся.

— Бросишь меня? — с вызовом перебил Юра.

— Больше всего на свете я не хочу тебя бросать, — простонал Володя. — Но в таком случае... ты просил, чтобы я пошёл к психологу. Но я не пойду до тех пор, пока ты не бросишь пить.

— Володя, мне кажется, ты просто ищешь повод не общаться с Ангелой.

— А ты в таком случае подменяешь понятия, Юр. У нас был уговор, но ты его нарушил. Так с чего мне его исполнять?

— Потому что я тебя прошу.

Володя закатил глаза и вздохнул. Сил на споры не осталось.

— И я прошу тебя.

— Наш разговор зашёл в тупик, — зло пробурчал Юра. — Давай созвонимся завтра. Я пойду, попробую что-нибудь написать.

— Иди, Юра, иди, — запоздало произнёс Володя, когда Юра уже положил трубку.

Он закрыл ноутбук и поднялся в его кабинет.

Там пахло ромом и сигаретами, но Володя проигнорировал всё плохое, потому что это была Юрина комната, всё здесь принадлежало ему, в каждом предмете ощущался Юра. Володя сел на диван, на котором тот провёл не одну ночь, и беспомощно уставился на купленное в кредит пианино — оно так и не помогло написать хоть что-нибудь. Глядя на пустую банкетку, вспомнил его фигуру, склонённую над клавишами. Сердце стиснуло страхом и жалостью — почему Юра столь отчаянно продолжает саморазрушаться? Как ему помочь, как спасти?

Из размышлений Володю вырвал шум возле двери: о паркет едва слышно шуршали мягкие лапы и цокали когти. Герда неуверенно мялась на пороге, не решаясь зайти внутрь —

в последнее время Юра сюда её не пускал. Володя обернулся к ней подозвать, но так и замер — Герда держала в зубах Юрин голубой шарф.

— Где ты его нашла, девочка? — прошептал Володя и протянул к ней руку. Герда вильнула хвостом и настороженно вошла.

Стоило взять шарф, как в груди защемило. Не отдавая себе отчёта в том, что делает, Володя уткнулся в него лицом. Замер в этой позе, наслаждаясь мягкостью и теплом ткани, пахнувшей Юриным одеколоном. Окутанный этим запахом, Володя закрыл глаза и лёг на диван.

От тоски и бессилия хотелось плакать. Он даже попытался, но не получилось — будто всё уже выплакал, будто внутри ничего не осталось. Скрючившись на диване, пытаясь не обращать внимания на ноющую боль в груди, Володя сильнее прижал шарф к лицу и стал проваливаться в сон. Он не пил снотворного — оно давно кончилось, — но уснул почти мгновенно и проспал без сновидений почти десять часов.

В четыре утра его разбудил звук сообщения в ICQ. С трудом разлепив глаза, Володя достал телефон и, подслеповато щурясь в темноте, прочёл:

«Мне очень плохо», — написал Юра.

Он резко сел и тут же позвонил ему.

— Что случилось? — спросил, не скрывая тревоги.

— Ничего, я просто... не знаю, Володь, — сдавленно пробормотал Юра. — У меня ничего не получается, я бесполезный, я правда какое-то ничтожество.

— Никакое ты не ничтожество, — медленно, чтобы успокоить и его, и самого себя, произнёс Володя. — Просто сейчас у тебя не лучшее время, ты болеешь. Но ведь скоро всё наладится, правда?

— Может быть...

— Юр, ты... только не злись. Скажи честно, сколько ты выпил?

— Два стакана, — тихо признался Юра.

— А таблетки? Ты ведь помнишь, что таблетки нельзя смешивать с алкоголем?

— Помню. Нет, их не пил. Хочу начать курс завтра, а то невозможно уже. Володя... — Юра неожиданно замолк, будто собираясь с мыслями. — Мне так тебя не хватает. Ты

прости, что напугал, но я просто хотел услышать твой голос, — тихо закончил он, но вдруг всхлипнул.

У Володи перехватило дыхание — Юра что, плачет? Но не успел пройти испуг, как злость, почти ярость на самого себя, вспыхнула в груди. Как ему вообще пришло в голову оставить человека в депрессии одного? Юре и вместе с любящим человеком было одиноко, но насколько плохо ему должно стать теперь, когда рядом с ним сутками не будет звучать человеческого голоса и не найдётся того, кто захочет обнять и приободрить?

И как было не разозлиться на себя, если вместо того, чтобы прямо сейчас бросить все силы на помощь Юре, Володя занялся самокопанием?

Он с трудом поборол хаос мыслей и предложил первое, что пришло в голову:

— Пригласи кого-нибудь в гости. Анну. Или сходи с ней куда-нибудь. Тебе не стоит оставаться одному.

— Ой, да больно я ей нужен! И вообще я не хочу никого видеть. Не переживай за меня, я просто устал из-за перелёта. Выплюсь — и всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо, — повторил Володя. Он не стал лишать Юру надежды на лучшее, хотя прекрасно знал, что сон не поможет.

Этот разговор отрезвил Володю. Он осознал, что ошибся. Чтобы Юре полегчало недостаточно просто отправить его домой. Родные стены не лечат, вообще никакие стены не лечат — лечат люди. А Юра остался в одиночестве. Один на один с депрессией.

Страх охватил Володю с новой силой. Догадавшись, что уснуть не удастся, он отправился с Гердой на улицу. Бежал вдоль реки, постоянно оглядываясь на «Ласточку», думал, что делать дальше.

Решение пришло довольно быстро: нужно было позвонить Ангеле. И пусть Володя не ждал от болтовни с психоаналитиком реальной пользы, просить помощи было попросту не у кого.

Дождавшись, когда Юра проснётся и напишет ему в ICQ, Володя попросил контакты Ангелы. Юра даже не поинтересовался, с какой целью.

Володя хотел созвониться с ним в скайпе, но Юра отказался:

«Устал. К тому же выгляжу плохо. И ещё дома бардак, надо прибраться».

«Ясно», — только и написал Володя.

Видя, что Юра что-то скрывает, он не стал допытываться до правды — вдруг ещё поссорятся.

«Юр, в разговоре с Ангелой я в любом случае коснусь личной жизни, а значит, придётся рассказать и о тебе. Разрешешь?»

«Мне всё равно».

Прежде чем созвониться с Ангелой, Володя долго читал форумы в интернете. Хотел выяснить, как проходит сеанс у психоаналитика, и подготовиться к нему. Но вспомнил своего доктора. О том, как работают с психиатром, Володя слышал многое, но на практике отличалось всё — от начала до конца оказалось совершенно другим. Поэтому он решил, что и здесь наверняка всё будет по-своему. К тому же Володя был абсолютно уверен, что Ангела с Юрой о чём-то сговорились.

Он всё утро решал, как начнёт разговор и будет уходить от темы о нём самом, но время шло, а решение не находилось. Ожидание сеанса было трудным. В голову лезли воспоминания о психологических тестах, с помощью которых его «врач» пытался определить Володину адекватность. Он отмахивался от этих мыслей, но те возвращались, пока наконец не прозвучал звонок в скайпе.

Ангела пожелала ему доброго дня и задала неожиданно простой вопрос:

— Расскажите, как у вас дела?

Володя даже опешил. Они говорили на английском, и у него оставалось несколько лишних секунд, чтобы составить фразу на чужом языке. Но Володя хитрил — тратил их, соображая, не как сказать, а что именно сказать.

— Вы — постоянный психоаналитик у Юры, но, насколько знаю, он не говорил вам о том, что страдает от алкогольной зависимости, — быстро и чётко выдал он по-английски.

— Спасибо, что сообщили. — Она сделала заметку в лежащем рядом блокноте. — При следующей встрече я поговорю с ним об этом.

— Нужно не поговорить, а помочь вылечиться, — произнёс Володя по-русски, но,

опомнившись, перевёл помягче: — Помогите ему найти лечение.

— Я помогу. Есть ли в его поведении ещё что-то, что вас настораживает?

Володя зарёкся общаться с любыми врачами, чей профиль — человеческая психика. Но всё произошедшее с ним и Юрой за последний месяц так вымотало его, что от былой решимости не осталось и следа. Володя ощущал себя беспомощным: что бы ни делал, всё выходило не так, что бы ни решал, везде ошибался, а бездействие казалось преступным. Он давно начал сомневаться в своих силах, но теперь, когда остался один на один с собой, понял, что не в состоянии справиться с угрозой, которая дамкловым мечом нависла над Юрой и им самим.

И вот перед ним сидела Ангела, человек, которому раньше Володя ни за что не доверился бы, но беда в том, что теперь он не мог доверять сам себе. Всё, что накипело внутри, рвалось наружу, а сил сдержать эти эмоции не осталось. Володя посмотрел Ангеле в глаза, вздохнул, нахмурился и выпалил всё, что его беспокоило:

— Я знаю, что вы работаете с ним, но лучше не становится. Он ходил к психиатру, ему прописали лекарства, но он их не пьёт. И хорошо, что не пьёт, потому что они несовместимы с алкоголем, а Юра каждый день пьян. Он вернулся в Германию и теперь совершенно один. Что мне делать? Как мне помочь ему?

Схватив ежедневник и ручку, Володя принялся конспектировать каждое слово Ангелы. К концу беседы он исписал четыре листа, но с досадой понял, что готового рецепта у неё не было. Володя старался не выдавать своего разочарования, но мысленно клял её на чём свет стоит.

«За что я заплатил деньги? Эти советы можно прочесть в любой книжке за пять копеек». Пробежался взглядом по своему конспекту. Остановился на двух предложениях, перечитал их несколько раз: «Забыть способы давления и влияния. Теперь главная позиция — просто быть рядом. Не давить, не толкать вперёд, не лезть в душу, не донимать, говорить тогда, когда он хочет».

— Но это же и есть бездействие, — прошептал он по-русски.

— Что? — переспросила Ангела.

— Пожалуйста, продолжайте, — вежливо попросил Володя, стараясь не выдавать нарастающего раздражения.

— Поощряйте разговоры о его чувствах. Рассказывайте и о своих переживаниях, таким образом вы продемонстрируете желание и готовность открыться, — посоветовала Ангела.

— Но я и так делаю всё это! — воскликнул Володя.

— Это замечательно. В таком случае просто будьте рядом. И постарайтесь не обижаться, если покажется, будто вы для него никто.

— Попробуй на такое не обидься, — сказал Володя по-русски. Ангела попросила его повторить на английском, но, когда Володя отмахнулся, продолжила:

— Возьмите паузу. Вам надо признать, что проблема есть, что она серьёзна и останется с вами надолго. Примите его депрессию, она имеет право на существование. Примите Юру с его недостатками, не пытайтесь его исправить. Будьте готовы к тому, что он может отказаться от помощи извне. И помните: он имеет полное право отказаться.

— Я всё это прекрасно знаю, — зло прошипел Володя, едва не добавив: «И без вас».

Внутри у него закипала злость. Он старался хотя бы выглядеть спокойным, но справлялся с этой задачей, только когда молчал.

Ангела ничуть не удивилась его реакции. Она не просто не подала виду, а, наоборот, поддержала его:

— Гнев — это нормально. Разрешите себе гневаться. И в целом больше думайте о себе и своих чувствах. Сейчас вам тоже очень тяжело, так ведь? — Она ждала его ответа, но Володя лишь молча покачал головой и вздохнул. Тогда Ангела продолжила: — Вам стоит поговорить с близким человеком, не с Юрой и не обязательно о Юре. Вы остались в одиночестве, и если такой человек у вас есть, то общение с ним поможет справиться с тревожностью.

Беседа с Ангелой не помогла Володе. Наоборот, после разговора он разнервничался ещё сильнее. Он не знал, куда деться от чувства вины за то, что оставил Юру одного. Следом пришли другие тяжёлые мысли. Володя принялся бродить по дому, лишь бы хоть как-то отвлечься. Но ни отвлечься, ни спрятаться не удавалось. Он больше не мог сидеть сложа руки. Он должен был сделать хоть что-то.

Юра остался один и не хотел никого видеть, что неудивительно в его состоянии. Но то, что он не хотел, не значило, что ему это не было нужно.

Володя предлагал ему созвониться с Анной, но Юра дал понять, что его друзьям на него наплевать. Но так ли это на самом деле? Конечно, Анна сама ему не позвонит. Но вовсе не потому, что ей всё равно, а потому, что она ничего не знает. Наверняка она думает, что он до сих пор в Харькове и у него всё в порядке. Нужно связаться с ней и сообщить, где Юра и в

каком он состоянии. Чтобы позвонила ему. И не только она. Чтобы позвонили все остальные его друзья. Юра не должен оставаться один. Не сейчас.

Но у Володи не было контактов ни Анны, ни других приятелей. Володя вообще не знал друзей Юры. Он видел их на фото и в клубе, но толком не запомнил даже имён.

— Где взять контакты его друзей? — спросил сам себя и устремился в кабинет на второй этаж — вдруг Юра оставил записную книжку или хоть что-нибудь, что могло бы помочь? Он битый час рылся в бумагах, но ничего, кроме нот, не нашёл — если Юра и пользовался записной книжкой, то увёз её с собой. Разочарованный, Володя собрался было уйти из кабинета, но его взгляд упал на компьютер.

В два шага оказавшись возле него, молясь, чтобы не было пароля, Володя нажал кнопку включения и замер. Но, как только прозвучала мелодия заставки, от сердца отлегло — Юра не задал пароль. Володя сел за стол и стал наблюдать, как загружаются программы и приложения. Компьютер зашумел, Юрино рабочее место будто ожило — возникло ощущение, что и Юра снова здесь, просто отошёл на несколько минут. Почувствовав, как накипают слёзы, Володя закрыл глаза и тут же встрепенулся от знакомого до боли звука — с привычным «о-оу» Юре пришло сообщение в ICQ.

Володя не стал разбираться, кто и что ему написал. Глядя на латинские буквы, он старался не искать знакомых слов — не собирался читать чужие сообщения. Ему нужен был лишь контакт Анны.

Найдя её, Володя достал телефон, запустил ICQ и вбил в поиск её UIN.

Вспомнил, как Юра рассказывал о застенчивости Анны. Морально приготовился не злиться, если не получит от неё больших развёрнутых ответов.

«Привет, Анна. Это Володя, Юрин друг. — Он долго смотрел на последнее слово, пытался найти подходящий синоним, но не нашёл. — Из Харькова, Украина. Ты помнишь меня?»

«Да, — неожиданно быстро ответила Анна и через несколько секунд добавила: — Привет».

Пока Володя писал следующее большое сообщение, Анна, видимо, предчувствуя неладное, прислала:

«У вас что-то случилось? Юра в порядке?»

«Прости, у меня нет времени на формальности. Сразу перейду к делу: мне нужна твоя помощь. Юра сейчас в Германии, и у него депрессия. Я часто пишу и звоню ему, но из-за того, что он остался один — я в Украине — нужно, чтобы кто-нибудь проявил к нему внимание. Например, приехал в гости, привёз еды или помог приготовить. Или просто побыл с ним рядом. Или хотя бы позвонил».

«Я позвоню, — ответила Анна, — и приеду».

«Спасибо, — написал Володя и, удивляясь сам себе, отправил грустный смайл. — Анна, пожалуйста, сообщи об этом другим его друзьям. Или просто пришли мне их контакты».

«Хорошо, я сообщу друзьям по прайду».

«А других знаешь? Музыкантов?»

«Нет».

— Плохо, плохо, плохо, — забормотал Володя.

Ему стоило бы сразу после разговора с Ангелой выпить успокоительного. Но Володя даже не подумал об этом, и теперь возрастающая тревога стала накатывать новыми волнами. Будь он не таким нервным, мог бы усомниться в своём решении. Стоило ли вообще обращаться к Юриным друзьям? Может, было бы достаточно просто ещё раз поговорить об этом с ним?

Ещё утром Володя был способен рассуждать трезво, но не сейчас. Меря комнату шагами, он усиленно вспоминал имена или профессии возможных друзей.

Сколько бы ни мучил себя, в голову ничего не шло, и, раздосадованный, сел за компьютер. Глядя в ICQ, Володя осознал, что прямо сейчас может узнать о Юре всё. Здесь, в компьютере, вся его жизнь! Эта идея соблазняла. Володя с трудом пресёк в себе желание читать его переписки.

И тут же в ICQ Володи написала Анна:

«Насчёт друзей-музыкантов спроси у Йонаса. Об этом может знать только он».

Володя усмехнулся.

— Ну уж нет, *ему* я писать не буду.

Ведь сообщить Йонасу о депрессии Юры — унижить самого себя. Признать, что Володя

не способен справиться с ответственностью. Дать повод смеяться над собой и собственной беспомощностью. Дать повод Йонасу приехать к Юре.

Володя старался не ревновать. Но воображение всё равно рисовало картинки, как Йонас приходит к ослабевшему от болезни Юре, утешает его, подбадривает, остаётся на ночь. Рядом с ним, в его кровати!

Володя спрятал лицо в ладонях, стиснул виски, пытаясь забыть эти сцены. У него уже начало получаться, но тут в голову закралась раздражающая мысль: а что, если бы это помогло Юре? Разве Володя может сознательно не сделать того, что действительно нужно Юре? Нет, ведь это слишком эгоистично.

Он смотрел на фотографию в профиле Йонаса как замороженный. Лишь спустя четверть часа Володя отвёл взгляд, заставил себя достать телефон и набрал в поиске контактов UIN Йонаса.

Быстро, пока не успел осознать, что делает, Володя отправил:

«Здравствуй. Это Володя, бойфренд Юры».

Перечитав, он скривился от дурацкого слова «бойфренд», но не мог представить себя Йонасу как-то иначе, не «друг» же.

Йонас тем временем не отвечал. Володя не мог знать, прочитал тот сообщение или нет, поэтому решил продолжить.

«Мне нужна твоя помощь», — набрал он, но удалил. Помощь Йонаса Володе не нужна.

«С Юрой случилось несчастье», — написал и тоже удалил. Что за несчастье с ним случилось — Володя?

«Мне нужны номера Юриных друзей-музыкантов. Можешь прислать?» — наконец отправил он и принялся формулировать следующее сообщение, где собирался сообщить причину. Он точно знал, что после прочтения Йонас обязательно спросит. На его месте Володя поступил бы именно так.

Он надеялся, что ему хватит времени как следует продумать текст ответа, но не прошло и минуты, как Йонас написал:

«А что случилось? Юра их потерял? Каким образом?»

«Выяснилось, что у Юры депрессия. Он сейчас в Германии. Пока он один, и я хочу попросить его друзей позвонить ему и поддержать».

«Почему ты не с ним? Вы расстались?»

Клавиши телефона жалобно скрипнули под его пальцами. Сердито поджав губы, Володя написал:

«Нет!»

И задумался — а правда, почему он не с ним? Есть ли у него хотя бы одна достаточно веская причина не быть рядом? В целом поводов оставаться в Харькове нашлось немало — проблемы на работе, которые усугублялись слухами о его ориентации. Заказчиков нужно было успокоить, а слухи — контролировать. Плюс пришлось бы объяснять матери, зачем ему снова в Германию. Но настолько ли эти проблемы значимы, чтобы оставить Юру сейчас одного? Нет, разумеется, нет.

Володя понимал, что совершенно зря отпустил его. Но ещё мог исправить эту ошибку: позвони он в аэропорт прямо сейчас, то менее чем за сутки оказался бы рядом.

«У меня срочные дела. Я их быстро закончу и сразу приеду».

Набирая этот текст, Володя ощущал, как внутри зреет решимость сделать именно то, о чём написал — приехать несмотря ни на что и как можно скорее.

«Понятно... — ответил Йонас. — Что опять у него случилось?»

Володя не поверил своим глазам — он не ожидал от Йонаса столь равнодушной реакции. Разумеется, они расстались. Но Володя видел в клубе, что на Юру Йонасу не плевать и даже если он больше не влюблён, то ревность точно осталась.

«Ты не удивлён? У него уже была депрессия?»

«Насчёт именно депрессии не уверен, но всякие срывы — да. Это уже не в первый раз. Ты же знаешь, какой он эмоциональный. К психоаналитику ходит?»

«Да».

«Не позволяй ему пить».

— И без тебя знаю, — прошипел Володя. Его начал раздражать этот разговор. Но он не успел ничего узнать, поэтому продолжил:

«Какие ещё у него есть друзья, кроме музыкантов и гей-тусовки? Кто его лучший друг?»

Йонас не отвечал достаточно долго. Володя наблюдал за иконкой карандаша под окном сообщений — Йонас то набирал текст, то стирал его. Спустя пару минут всё же пришло:

«Не думаю, что у него есть лучший друг. Не думаю, что он вообще когда-то был».

Володя хмыкнул.

«Ты не ответил: у тебя всё-таки есть телефоны его приятелей или нет?» — отправил он, собираясь заканчивать разговор, но Йонас написал ещё:

«Ты зря пытаешься приставить к нему людей. Обычно его, наоборот, надо оставить в покое».

— Я не спрашиваю твоих советов! — прорычал Володя.

Йонас говорил так, будто знал Юру как облупленного. Будто он — хозяин его жизни. А Володю это бесило. Особенно само понимание, что в Юриной жизни Йонас и правда имел большие значение и влияние.

«Мы сами с этим разберёмся, ок?» — написал Володя.

«Тебе виднее. Может быть, сейчас ему, наоборот, нужна тусовка. Я не знаю. Телефоны где-то были, надо искать».

«Когда прийдёшь?»

«Скорее всего, завтра».

«Буду ждать».

Получив в ответ «Пока», Володя убрал телефон и наконец смог нормально дышать — на протяжении всего разговора его душила злоба. Сидя за компьютером Юры, он бездумно смотрел на открытый в ICQ контакт Йонаса. Сделав над собой усилие, Володя закрыл окно. Но, как только оно исчезло, тут же появилось другое — с перепиской.

Борясь с желанием немедленно прочитать всё, Володя судорожно вздохнул. Он останавливал себя — ведь прочесть Юрину переписку значило бы вторгнуться в личное и сокровенное, поступить грязно и подло. Юра имел право на тайну. Тем более он уже жаловался на то, что Володя нарушал его личные границы.

Володя решил, что не станет ничего читать. Он потянулся закрыть ICQ, но на одно мгновение сообщения сами бросились в глаза. И Володя замер от изумления — в последний раз они переписывались в две тысячи пятом году.

В июле Юра писал Йонасу:

«Да это потому, что ты — немец! Ну я же сто раз просил тебя прочитать «Преступление и наказание» Достоевского, но ты так и не нашёл на него время! А ведь если бы прочёл его, то понял бы меня».

«Юра, ты опять ругаешься», — отвечал Йонас.

Володя с трудом переводил их переписку, но уже не мог остановиться. К тому же Юра прислал Йонасу очень длинное сообщение:

«Потому что мне всё время приходится тебе что-то объяснять! Короче, там есть такой персонаж, Свидригайлов, и у него любопытные размышления об аде. Что ад — это не котлы и черти, а тесная банька с пауками на стенах, и сиди там вечность. И я согласен с ним, но только вот эта банька не ад, а жизнь. И твоя, и моя, вообще всех людей. Но я нашёл в этой баньке окошко, не вырубил, а именно что нашёл. Я смотрю в него и вижу чудесные картины, сцены и образы, не просто красивые, а полные смысла, скрытого от остальных людей. Но я не могу дотянуться до них, они слишком далеко. Тогда я запоминаю их и пересказываю другим. Эти образы — и есть моя музыка».

«Ты знаешь, что я ненавижу русскую литературу, Кот. Я не буду тратить время на чтение унылых депрессивных размышлений».

Ответа от Юры не последовало. Он вообще больше ему не отвечал. Следующее сообщение от Йонаса датировалось октябрём:

«Привет, Кот. Идёшь на парад?»

Он написал Юре ещё раз, в ноябре две тысячи шестого:

«Привет».

Но ответом ему была тишина.

Володя улыбнулся — Юра не врал, ему действительно стало наплевать на Йонаса. По-настоящему наплевать.

На душе потеплело. Володя улыбнулся, закрыл чат с Йонасом и выключил компьютер.

24. Последние слёзы

Утро началось спокойно. Володя проснулся по будильнику, нехотя выгулял собаку, на автомате позавтракал и собрался на работу. Но, стоило сесть в машину, как на душе снова возникло непонятное чувство тревоги и вернулся вчерашний мандраж, охвативший его после звонка Ангелы.

Володя понимал, что ждать сообщений от Йонаса нужно ближе к вечеру, но от волнения не мог усидеть на месте. Работать в таком состоянии точно не получилось бы. Ехать в офис под осуждающие взгляды и издевательские смешки не хватало моральных сил. Сидеть дома было тошно.

Ужасно хотелось услышать Юру, но тот ещё спал. Думая, как отвлечься, Володя вспомнил слова Ангелы про близких людей. Кроме Юры, близкий человек у него был лишь один: мать. И Володя давно не виделся с ней, не приезжал в гости.

Он тут же позвонил ей и, едва услышав радостное «Что ты, сыночек, конечно, приезжай!», завёл мотор и отправился в Харьков.

Мать выглядела устало и, казалось, будто за последний месяц постарела на год. Но не успел Володя поинтересоваться её здоровьем, как она ахнула:

— Какой-то ты смурной. Не заболел?

— Нет. Просто устал на работе, — отмахнулся Володя.

— Проходи на кухню. Пока ты ехал, я твои любимые печенюшки испекла, — сказала она, приглашая Володю сесть, затем живо любопытствовала: — А что на работе?

— Да ничего страшного, с Брагинским поссорились, — ответил Володя.

И тут же пожалел о сказанном — мать начала допытываться:

— Почему поссорились?

— Да ничего особенного, просто у нас расходятся взгляды на некоторые вещи.

— На какие вещи? — не успокаивалась она, ставя перед ним полное блюдо печенья и чашку чая.

— Да неважно. Это личное.

— Какое ещё личное у тебя может быть с Брагинским? — нахмурилась мать, замерев на месте с сахарницей в одной руке и вазочкой варенья в другой.

— Не хочу об этом, — буркнул Володя. — Так, пустяк.

— Ладно, как скажешь, но, если он задумает тебя критиковать, напомни ему, где его место. Отец не просто так оставил фирму тебе, а не ему.

— Уже напомнил. И теперь он хочет уволиться.

Мама вздёрнула бровь.

— Хорош пустяк, раз он так решил... Ты ничего от меня не скрываешь? — Мать подозрительно прищурилась и посмотрела Володе в глаза.

Рука дрогнула — Володя чуть не облился чаем. Неужели пришло время признаться и ей? То, чего Володя боялся, то, что оттягивал и собирался оттягивать как можно дольше, само его настигло. Но страх за её здоровье остановил смелый порыв.

«Нет, говорить ей правду никак нельзя. Но как увести разговор от этой темы?» — только подумал Володя, как тут же прозвучал спасительный сигнал сообщения.

Володя достал телефон, скрывая экран от материнских глаз, прочёл сообщение от Юры:

«Ты перешёл все границы! Ты хоть понимаешь, что это уже чересчур?»

— Нужно позвонить. Это срочно, — дрожащим голосом сообщил Володя.

Чувствуя, как бледнеет, он встал из-за стола и направился в свою комнату. Заперся на замок. Набрал Юру.

— Что случилось, что я сделал не так?

— Зачем ты спрашиваешь, если и так знаешь, в чём дело? — едва слышно пробормотал Юра. — Перед отъездом я говорил, что устал от твоих попыток контролировать меня. Ты обещал, что больше не будешь.

Юра говорил медленно и тихо. Его слова должны были прозвучать со злостью и упрёком, но в них не слышалось ни единой эмоции. И это пугало Володю.

— Ну да-а... — неуверенно протянул он. — И я не контролирую.

— Тогда почему ты полез в мой компьютер?

Володя тяжело вздохнул. Спрятал лицо в ладонях и подумал: «Так и знал, что этот козёл доложит ему обо всём».

— Как ты об этом узнал? — произнёс он вслух. Пусть и выдал себя с поличным этим вопросом, отпираться было бессмысленно.

— Догадался. Потому что тебе больше неоткуда узнать номер аськи. — Юра тяжело вздохнул. — Володя, почему после всего ты поступил со мной так плохо?

— Я не хотел обижать тебя. Это всё ради твоего блага.

— Ради моего блага читаешь мою личную переписку?

— Что ещё мне оставалось?! — воскликнул Володя. — Ты отказываешься от помощи, но она тебе нужна!

— Уж явно не лезть в мою личную жизнь, — почти шёпотом перебил Юра. — Я же в твою не лезу. Помнишь, в Германии ты заходил в аську на моём компьютере? Хотя ты не вышел из своего аккаунта, я не стал читать твои сообщения. В отличие от тебя, я понимаю ценность личной свободы.

— Я не читал твою переписку, Юра. Ну, почти, четыре последних сообщения, и то случайно, они просто попались на глаза. Я лишь взял его номер и сам написал, от себя. И я не просил его звонить тебе!

— Да хватит уже называть её «он»! — воскликнул Юра, но получилось скорее раздосадованно, чем зло. — Или... подожди. Кому ты писал?

— Йонасу, — выдохнул Володя.

Юра изменился в голосе и произнёс ледяным тоном:

— Вот как... И что, понравилось читать, что я ему писал?

— Я уже сказал, что прочитал только четыре сообщения.

Юра ненадолго замолчал.

— Володя, ты как будто специально пытаешься вызвать во мне ненависть. Будто тебе мало того, что ты сделал со мной в Харькове, — совсем тихо простонал он.

— Да что я сделал-то?

— Посадил меня в клетку, — прошептал он.

Чем тише говорил Юра, тем громче — Володя.

— В какую, к чёрту, клетку? — почти прокричал он. — Я что, запираю тебя, не давал выйти из дома?

— Да.

— Тот раз не в счёт! Я не делал ничего плохого!

— Значит, я сам превратился в тень?

— Ну... нет, — выдохнул Володя и сел на диван. — Ты ни при чём — и я тоже. Это общество. Люди. Ты же всё понимаешь...

— Люди виноваты в том, что ты пытаешься взять под контроль мою жизнь?

— Да не пытаюсь я больше, Юр! Всё, что я делаю, это и правда ради тебя. Я забочусь о тебе, Юра! Я не могу видеть твои мучения и при этом ничего не делать! Скажи, на моём месте ты смог бы просто наблюдать, но бездействовать? Представь, что ты — это я. Что ты — это тот болван, который отпустил меня в другую страну, где я остался совершенно один, больной, уставший, без сил даже приготовить себе поесть!

Володя надеялся, что своими словами вызовет в Юре жалость, но тот никак не отреагировал на его тираду. В трубке стояла тишина.

— Юра! — прокричал Володя в пустоту.

Уставился в экран — звонок оказался сброшен. В панике Володя набрал его ещё раз, но гудки так и не зазвучали — на счёте кончились деньги. Володя не ожидал, что будет так долго говорить с Юрой, он позвонил ему не задумываясь.

Точно так же, не задумываясь, Володя отворил дверь. Выскочив из комнаты, столкнулся нос к носу с матерью. Она стояла на пороге бледная и встревоженная.

— Сынок, у тебя всё хорошо? — пролепетала она Володе вслед.

— Да. Нет. Скоро вернусь, — обуваясь, бросил Володя и устремился на улицу.

Погружённый в свои мысли, спустился по лестнице, вышел из подъезда. Вечерний весенний воздух пьянил ароматом сирени и вызывал ностальгию, но Володя отмахнулся от неё и сосредоточился только на своей цели — найти, где пополнить счёт.

Лишь обойдя два магазина, наконец нашёл автомат. Только получил чек, как невольно начал набирать Юру. Володя осадил себя — не стоило говорить с ним на улице. Их разговор могли услышать, а его тайну — раскрыть и выдать матери.

Володя дошёл до своей машины, припаркованной в дальнем углу двора. Садясь в неё, заметил краем глаза, что мать стояла у окна и смотрела на него. Должно быть, он заставил её поволноваться. Но, решив, что сейчас не до этого, он позвонил Юре.

Пока ждал, когда тот поднимет трубку, решал, что лучше сейчас сказать. Но, услышав подавленный, пустой, будто мёртвый, голос Юры, забыл всё напрочь.

— Юра, пожалуйста, выслушай меня, — взмолился он. — Обещаю, что больше никогда не прочитаю ни слова твоей личной переписки, никогда не позвоню твоим друзьям без твоего ведома. Этого больше не повторится, я обещаю!

— Ты понял, почему я разозлился? — негромко спросил Юра.

— Да, понял. Ты прав. Прости. И не только за сегодняшнее, за всё прости. За то, что позволил тебе снова уехать и остаться одному. Снова. Всё как тогда, блин, как двадцать лет назад. И снова виноват я! Я не знаю, что с тобой случилось и когда именно...

— Под ивой, — вдруг перебил его Юра. — Прошлой осенью. Скорее всего. Так считает Ангела.

Володя не сразу сообразил, о чём именно говорил Юра. Лишь через несколько секунд свёл воедино свои слова и его ответ.

«То, что с ним случилось, произошло под ивой прошлой осенью. Всё началось там — его депрессия началась там».

Володя сперва опешил, но, собравшись с мыслями, спросил:

— Ангела считает... А ты? Думаешь, она права? Думаешь, депрессия началась тогда?

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Ты не доверяешь Ангеле?

— Не то чтобы не доверяю, просто не знаю. С чего вдруг возникнуть депрессии? Мы с тобой не виделись двадцать лет. Ты жил не тужил, работал...

Юра грустно усмехнулся:

— А ты, наверное, думаешь, что раз я не пришёл в девяносто шестом, то ты для меня ничего не значил?

— Нет, я так не думаю, — соврал Володя.

— Зря. Ангела сказала, что депрессия могла возникнуть после сильного морального потрясения. Наша встреча такой и была для меня. — Юра хмыкнул. — Сейчас ты винишь во всём себя, но ты неправ. Вина — это моё бремя, быть виноватым — моя участь. Потому что после нашего расставания я жил хорошо, любил и был любимым. А ты остался один в созданном тобой же аду.

— Юра, ты неправ! Если ты упрекаешь себя в чём-то, то эту вину придумал ты сам!

Володя попытался поспорить, но Юра не дал и воскликнул куда громче прежнего:

— Не перебивай! Я виноват не потому, что не вытащил тебя оттуда. Я виноват потому, что тогда мне было просто-напросто плевать на тебя. Да, Володя, я забыл тебя и о тебе. Был занят собой, строил свою жизнь, свою карьеру. А потом, когда перестал вечно к чему-то стремиться, вечно куда-то бежать, когда остановился и посмотрел на достигнутое... только тогда я вспомнил. Приехал к тебе, нашёл тебя, увидел. Во что ты превратился? Кому ты себя доверил? Почему ты стал таким? Потому что из нас двоих предали меня, но от предательства сильнее пострадал именно ты.

Володя откинулся на подголовник и закрыл глаза. Слова Юры причинили ему боль. Ком застрял в горле, Володя с трудом проглотил его и собрал все силы, чтобы не выдать своё состояние.

— Юр, ты говоришь ерунду. Слушай, всё это время я, вообще-то, тоже строил свою жизнь. А в том, какой я её построил, ты не виноват. Ты вообще не имеешь к этому никого отношения.

— Ты ошибаешься. Всего несколько дней назад ты ошпарился впервые за много лет. Из-за кого?

Володя не нашёл что ответить. Врать, что дело было не в Юре, — глупо.

— И какой ты делаешь вывод? — устало спросил Володя.

— Из-за того, что ты не мог контролировать влечение к мужчинам в юности, сейчас ты компенсируешь это попытками контролировать меня.

— Это тебе Ангела сказала?

— Нет, сам догадался.

Володя по-доброму усмехнулся:

— Книжки читал?

— Нет. Просто думал, почему ты такой, какой есть.

— И какой? Кошмарный?

— Кошмарный, — согласился Юра, но тон его потеплел. — И самое странное то, что я люблю тебя. Такого кошмарного, невыносимого, сложного тебя. И ничего не могу поделать с этой любовью. У меня, видимо, тоже какое-то невротическое расстройство. — Володе показалось, будто Юра улыбнулся.

За несколько минут, на которые они прервались, Юра остыл. Володе сначала так показалось, но теперь он убедился в этом и мысленно сделал отметку, что впредь, когда они будут ссориться, надо брать паузу.

— Я тоже люблю тебя, — нежно произнёс он. — Несмотря ни на что.

— Даже на то, что я алкаш? — Юра усмехнулся.

Володя хмыкнул. Он не хотел называть его так, но использовать эвфемизмы было бы глупо, некрасиво и нечестно.

— Да. Я люблю тебя, несмотря на то, что ты алкоголик, одержимый музыкой, и... Как ты там ещё себя называешь?

— Истеричка, — подсказал Юра.

— Истеричка, — Володя кивнул, хоть Юра этого не увидел.

— Но я хотя бы обаятельный?

— Обожательный, — улыбнулся Володя.

В ответ послышался тихий, неуверенный смех.

— Знаешь, Володь... самое смешное, что Игорь был прав. А я так наехал на него, что даже неловко.

— Ну-ну. Скажи ещё, что Йонас в принципе нормальный мужик. — Володя покачал головой.

— Да какая разница, нормальный Йонас или нет. Если мне нужен ты. Володь, я хочу увидеть тебя. Позвони в скайпе.

— Не могу, Юрочка, я у матери. Давай позвоню тебе, когда вернусь домой? — нежно произнёс Володя. — Знаешь, ты забыл у меня свой шарф. Герда нашла его и принесла мне. Может, тебе тоже завести собаку?

Юра не ответил, Володе даже показалось, что тот отложил телефон и куда-то отошёл. Но в трубке послышался тихий вздох — стало ясно, что Юра всё ещё здесь.

— Ты говорил с Ангелой?

— Да, вчера..

— Насчёт меня или?..

— Тебя, да. Знаю, ты сейчас спросишь, готов ли я поговорить с ней о себе... Ты уверен, что вчера я снова попытался влезть в твоё личное и начать контролировать тебя. Я понимаю твои аргументы головой, но внутренне не могу принять. Я уверен: ты понял меня неправильно и контроль тебе только кажется. Но! — услышав, что Юра пытается его перебить, воскликнул Володя. — Я позвоню ей завтра же и запишусь на приём. Если ошибаешься ты, то Ангела заступится за меня. А раз ты считаешь её мнение авторитетным, то оно тебя успокоит. Но если ошибаюсь я... значит, мне надо лечиться... ещё и от этого. Если такова цена твоему счастью — я попробую. Правда, не думаю, что эти разговоры как-то помогут.

— Но если от одной встречи не будет толку, ты же попробуешь ещё раз?

Володя закатил глаза.

— Сколько встреч я должен провести?

— Хотя бы три.

— Ладно. Но при одном условии.

— Опять условия, — недовольно протянул Юра.

— Условия всё те же. Если ты не сможешь воздержаться от алкоголя, то обратишься за помощью. И не смей даже заикаться о моей мании контроля, когда дело касается алкоголя!

— Ладно, — недовольно буркнул Юра.

— А пока ждёшь меня, походи прими ванну, полежи, погрейся, — посоветовал Володя и сообразил, как можно приободрить Юру. — Повспоминай, чем мы с тобой занимались в этой самой ванной за день до моего отъезда из Германии.

Юра вежливо прокашлялся, Володя через силу улыбнулся. Они немного помолчали. Юра куда-то потопал — в трубке слышались шаги. Затем зашумела вода — видимо, он прислушался к совету и стал наполнять ванну.

— Только не включай слишком горячую воду, ладно? И телефон держи рядом, на случай, если станет плохо.

— Володя, всё со мной будет хорошо, — сказал Юра, и у Володи окончательно отлегло от сердца — его голос действительно больше не звучал таким мёртвым, как в начале разговора. Тем более Юра добавил почти весело: — Не включай параноика!

— Ну уж нет, быть параноиком, особенно если дело касается твоего здоровья, — это моя работа, — заметил Володя. — Тем более когда тебя нет рядом. Я постоянно думаю о тебе. Юр, если тебе станет грустно, вспомни, что именно в этот момент в моих мыслях нет никого, кроме тебя.

— Приезжай ко мне, — вздохнул Юра. — Я так соскучился. Приезжай скорее.

Попрощавшись, Володя просидел в машине ещё несколько минут, тупо глядя перед собой и улыбаясь. Затем собрался с мыслями, стараясь избавиться от остатков пережитого стресса, и пошёл домой к матери.

— Пойдём допивать чай, — сказала та и, не дожидаясь ответа, направилась в кухню.

Явственное предчувствие неладного овладело Володей. Не могла же она слышать первую половину их беседы с Юрой? Позвонив ему из дома, Володя говорил недолго и, кажется, негромко. Не могла же мать подслушивать?

«Нет, услышь она, то одной бледностью здесь бы не обошлось», — решил он и пошёл вслед за матерью.

Но в голове уже вспыхнуло воспоминание о том дне, когда он признался родителям. Память милосердно уничтожила много плохих моментов, но тот день Володя, казалось, запомнил навсегда. Тогда они всей семьёй ещё жили в старой московской квартире. Володя помнил картинку: круглый стол, обрамлённый сиянием свисающей с потолка лампы, в круге света — три чашки, вазочка с вареньем, хлеб и дрожащие руки Володи. Они с родителями ужинали, отец был, как всегда, весел, мама — тиха. А Володя, подавленный, весь вечер не мог поднять устремлённого вниз взгляда. Они это заметили, мать спросила, в чём дело, и он, с трудом собравшись, произнёс дрожащим голосом:

— У меня проблемы с психикой, серьёзные, давно.

Признание комом застряло в горле — горькое, колючее, гадкое. Он не мог исторгнуть его из себя, выплюнуть. Отец помог, спросил:

— Почему ты так решил? В чём именно проблема?

— Я не могу полюбить женщину.

— Ты педераст?

Нужно было всего-то произнести «Да», но ещё никогда Володя не давился этим словом так, что от удушья жгло глаза.

— Вова, ты педераст? — повторил отец.

Володя всхлипнул, кивнул, но не осмелился поднять голову. Стыдно. Так стыдно, что мог только смотреть вниз, на белую скатерть, на которую падали и расплывались уродливыми пятнами крупные капли — слёзы.

Мать жалобно заплакала, слишком по-детски хныкая. Отец молчал.

— Помоги мне, — давясь словами, произнёс Володя, — найди врача.

— Кто ещё знает об этом? — холодно, будто бы равнодушно, спросил отец.

Володя знал, что это притворство, всего-то защитная реакция отца, пройдёт минута-другая — и он взорвётся.

— Никто, — тихо ответил он.

— У тебя с кем-то это уже было?

— Ни с кем.

— Ясно, — сказал отец и вышел из кухни.

Они остались вдвоём с матерью, она взяла его за руку и жалобно прошептала:

— У тебя ведь ещё не было девушки, да? Может быть, всё пройдёт само, может быть, не стоит посвящать в это лишних людей?

Володя собирался ответить, но тут в комнату влетел разъярённый отец. Володя предвидел его реакцию, даже не удивился.

— Как ты смеешь так поступать с нами? За что? Столько сил в тебя вложено, и чем ты нам отплатил?

— Я знаю, что виноват! Я прошу у вас помощи!

— Прощения проси!

— Прости. — Он посмотрел отцу в глаза, затем повернулся к матери. — Мама, прости.

Отец заставил мать встать из-за стола, взял за руку и увёл в спальню. Володя ждал, что скоро родители выйдут, но те не появились ни через полчаса, ни через час. А Володя ждал. Сидел за столом, смотрел на свои ладони, с силой сжимая и разжимая кулаки, боролся с безумным желанием опустить их под горячую воду.

Когда старые часы пробили полночь, Володя поднялся, но, вместо того чтобы устремиться в ванную, завернул к родительской спальне.

— Отец, ты pomoжешь? — спросил он через закрытую дверь. — Мне больше не на кого положиться, не у кого просить...

Из-за двери прозвучало лишь сухое «Да».

Утром отец остыл, сказал:

— Я найду врача.

И даже похлопал по плечу. Посмотрел ему в глаза — Володя заметил, что это далось отцу тяжело, и ещё заметил во взгляде такое разочарование, какое не видел никогда раньше. И потом ещё долгие годы отец смотрел на него именно так — печально хмурясь, поджав губы, тщетно скрывая отвращение. А взгляд матери был полон боли, Володя всё чаще стал замечать, что, когда её глаза устремлены на него, они наполняются слезами.

Но сейчас её глаза были сухими. Это успокаивало, но только Володя сел на табурет и отпил чаю, как едва не поперхнулся от слов матери:

— Я знаю, *что* ты скрываешь от меня. Скажи это вслух. Тебе станет легче — и мне тоже.

И снова в горле застрял ком, а руки будто парализовало. Снова горечь на языке и жжение в глазах, невозможно дышать и говорить. Володя с силой сглотнул, но ком не растаял, а только опустился ниже, в грудь, расцарапав всё на своём пути.

— Ты подслушивала? — едва слышно просипел Володя.

— Скажи правду... — попросила мать тоненьким, точно как тогда, голоском.

— Подслушивала, — ответил за неё Володя.

Если бы он мог отмотать время назад, то ни за что не допустил бы того, чтобы она узнала. Уберёт бы её от разочарования и боли, которая теперь стала ещё сильнее — ведь мать одна, навсегда останется одна. У неё не будет внуков, а её сыну, единственному близкому человеку, придётся жить на две страны.

Володя встал, достал из шкафчика пустырник, накапал в рюмку, сунул матери.

— Мама, — тихо произнёс он, садясь напротив, глядя в глаза. — Мама, я не смог вылечиться от этой мерзости, ничего у меня не вышло.

Только последнее слово прозвучало, как горло снова стиснуло, а на глаза навернулись слёзы. Мать молчала, держа рюмку с пустырником и глядя сквозь Володю без единой эмоции на лице.

— Я так тебя подвёл, — прошептал Володя, перестав бороться с душащими его слезами. Они потекли из глаз, каплями падая на руки. — Я осквернил память отца. Прости меня, я никогда этого не хотел...

Сам не понимая зачем, Володя собирался сказать что-то ещё, но из груди вырвался громкий всхлип, а слёзы хлынули градом.

Мать перевела пустой взгляд на его лицо, затем вздохнула и опрокинула рюмку пустырника, сощурившись, будто там водка. Поставив её на стол, мать встала и резко, до

боли крепко обняла его.

Володю охватила сильная дрожь, глаза обожгло.

— Мама, прости меня, — прошептал он.

— Ну тише, — всхлипнула мама, поглаживая его по голове. — Ты такой, какой есть, что уж теперь?

— Что? — судорожно вздохнув, пробормотал Володя и посмотрел ей в глаза. — Ты сможешь меня простить?

Мама покачала головой.

— Если бы только в прощении было дело. Это ведь приговор, ты обречён на одиночество, понимаешь? — сказала она, и её глаза тоже наполнились слезами. — Я уже давно догадалась, что лечение тебе не помогло. Но не могла смириться, надеялась, что ошибаюсь...

— Догадывалась? — тупо повторил Володя.

— Я же не дурочка, — ответила мама, продолжая стискивать его в объятьях. — Тебе почти сорок, а у тебя никого, кроме Светы, не было.

— Но почему ты не сказала об этом мне? — не веря своим ушам, сбивчиво произнёс Володя.

— Я пыталась навести тебя на этот разговор, но ты упрямый, всё «хватит» да «хватит». И ведь сам так и не решился.

— Я думал, тебя это убьёт, — едва слышно произнёс Володя.

Рыдания перестали душить, но слёзы продолжали катиться из глаз. Все эмоции и страхи будто разом вскипели и потоком рвались наружу. Он не осознавал, что происходит, видел цепь событий, но, сбитый с толку, не мог установить между ними взаимосвязи.

Мама догадывалась, но надеялась, что ошибалась. Она простила Володю, но боялась его одиночества.

— И как мне смириться с тем, что ты не сможешь найти себе жену? И детей у тебя не будет... — Мама вздохнула и выпустила его из объятий. — Тот, с кем ты разговаривал, кто он тебе?

— Юра, — выдавил Володя. — Мой любимый человек.

— Твои чувства взаимны? — как бы между делом спросила мама, но Володя видел, что ответ ей действительно важен.

— Да, — кивнул он, вставая, чтобы налить пустырника уже себе. — Но он живёт в Германии, а я, дурак, оставил его там одного в депрессии.

— Так вот откуда взялась Германия... Юра, — повторила мама, — имя русское, а почему он живёт там?

Выпив успокоительного, Володя наскоро умылся и высморкался, сел напротив матери.

— Он наполовину еврей, переехал туда по программе репатриации или как её? — Наконец он смог успокоиться и говорил нормально, разве что иногда хлюпал носом. — А вообще он композитор, пишет музыку для спектаклей, кино и сериалов. Он даже мне посвятил несколько произведений. — Впервые за этот тяжёлый разговор Володя улыбнулся.

Мама, ещё более бледная, чем полчаса назад, принялась расспрашивать его о Юре. Её интересовало всё: от самого их знакомства и встречи спустя двадцать лет до расставания несколько дней назад. Она попросила показать фотографию, Володя согласился. Решил, что продемонстрировать совместные снимки, а тем более те, где они в обнимку, пока не стоит. Принялся искать на телефоне портретные, где Юра один. С сожалением пролистнул любимое фото с поцелуем на кровати. Затем ещё одно, тоже хорошее, из гей-клуба, где Юра выглядел особенно обольстительно — в узких клетчатых брюках и приталенной чёрной рубашке, он смотрел в упор, лукаво улыбаясь. Последнее фото Володя не стал показывать не из-за Юры, а из-за окружения — на заднем фоне застыл го-го танцор в золотистых стрингах.

Наконец выбрав несколько, Володя протянул ей телефон.

— Вот он мой Юра — смотри. — В первую очередь показал концертный снимок, где Юра стоял во фраке в окружении оркестра, затем один из последних — где он сидел на корточках во дворе Володиного дома и обнимал Герду.

— А есть фотографии, где вы вместе? — спросила она.

Володя соврал, что нет. Маме нужно было смириться и привыкнуть, ведь эта правда всё же далась ей не так легко. Володя видел это по грустным глазам, дрожащим рукам, бледности и выпитому, помимо пустырника, валидолу.

Разглядывая концертную фотографию Юры, мама вздохнула:

— Раз ты его любишь, то и я изо всех сил постараюсь его полюбить. Надеюсь, ты станешь добрее и мягче. Хотя я и так вижу, что уже стал. А что до памяти отца, не вини себя, ты сделал что мог, а он... он уже ничего не узнает.

— Брагинский узнал, — мрачно признался Володя.

— Так вот что за личная ссора, ясно... — кивнула мама. — Ну, в сущности, это не его дело. Но если помириться с ним возможно, лучше помирись. Эмоции — это важно, но ты всегда был умнее Димы, как и многих других. Не изменяй себе.

— Я подумаю над этим, — кивнул Володя, согласившись с ней как минимум в том, что рубить с плеча не стоило.

Собираясь домой, Володя написал сообщение Брагинскому:

«Я не подпишу твоё заявление. Оставайся работать. Уволюсь я».

Брагинский тут же перезвонил. Разговор вышел не самым приятным: не таким горячим, чтобы скатиться в ругань, а наоборот — холодным, полным обоюдного презрения. Они не хотели друг друга видеть, поэтому решили сократить общение до минимума. В итоге договорились, что в фирме останутся оба, а общаться будут преимущественно по телефону, в письмах и по скайпу. Главное, чтобы не с глазу на глаз, но если придётся — то только по делу. А там, кто знает, может, Володя остынет. Может, остынет Брагинский.

Провожая Володю, мама поцеловала его в щёку, но не отпустила. По старой привычке, принялась гладить по плечам — она делала так, когда собиралась сказать нечто неприятное.

— Ну, говори уже, мам, — поторопил Володя.

Она посмотрела ему в глаза и призналась:

— Я не рада, что ты такой. Но я рада, что ты не один, что у тебя есть твой Юра. И что нам с тобой наконец удалось поговорить начистоту. Я столько лет винила себя за твоё одиночество!

— При чём здесь ты? — удивился Володя.

— Думала, что давлю на тебя и заставляю поступать не по велению сердца. — Мама тяжело вздохнула.

Володя закатил глаза, крепко обнял её и звонко поцеловал в щёку. Мама засмеялась.

Выйдя из подъезда, Володя обернулся на окна родительской квартиры, окна его первого дома в Украине. Мама провожала взглядом и махала рукой. Володя улыбнулся в ответ и спустился во двор.

Его охватило непривычное ощущение лёгкости и свободы. Будто он избавился от тяжеленного камня на шее и теперь мог взлететь. Оранжевое закатное солнце пылало так, что Володя сощурился, набрал полную грудь воздуха и с наслаждением выдохнул.

Вокруг витал лёгкий аромат сирени. Он напомнил Володе тот вечер, когда случился их первый поцелуй с Юрой. Когда случился *его*, Володин, первый в жизни поцелуй — обжигающий, заставляющий сердце грохотать в висках.

Он не спеша шёл к машине, а в памяти, как кадры кинохроники, вспыхивали картинки.

Лагерный театр, тишина, запах пыли и другой поцелуй — волнительный, в темноте. Затем ещё один — трепетный и тайный, в прохладе ночи. Затем смелый — в бликах солнечных лучей, в кружеве теней от ивовой листвы. И ещё один поцелуй — солёный от слёз, до сих пор отдающийся болью в груди. А после него Володю ждал лишь мрак одиночества.

Непроглядный. Будто полярная ночь, он длился так долго, что Володя успел забыть, что может быть по-другому. Лишь редкие вспышки мерцали в этой темноте — звездочка Света и спутник Игорь. Но их свет был до того непостоянный и слабый, что они, захлёбываясь во мраке космоса, лишь подчёркивали, насколько он чёрен.

Но вдруг спустя многие годы взошло солнце. Ослеплённый им, Володя стоял на коленях в уютном кабинете в Германии у ног Юры и целовал его. Снова целовал.

Вспомнился Юрин дом. Какой он маленький, тесный, но уютный. Как им было хорошо там вместе, каким волшебным был его отпуск. Володя поймал себя на мысли, что ему хочется туда вернуться. Но надолго ли? Снова на пару недель? В их немецкую сказку Володе хотелось бы вернуться навсегда и до конца жизни проживать её день за днём. Но разве возможно уехать в Германию навсегда? Володя уже думал об этом и понял, что, оставшись там, потеряет слишком много. Но что именно?

Размышляя над этим в прошлый раз, Володя думал, что потеряет друзей. Он думал, что друзья у него были, но время расставило всё по своим местам. Ирина и Женя могли считаться кем угодно: ниточками прошлого, приятелями вроде Юриных, с которыми хорошо сходить на барбекю. Но уж точно не друзьями. Как говорят — друг познаётся в беде? По иронии, Женя ему помог: упростил задачу, доказав своим поведением, что счастье друга не

имеет для него никакой ценности, а значит, Володя ему никто. Что ж, это взаимно.

У Юры, может быть, тоже нет близких друзей, но все его знакомые принимают его таким, какой он есть, и не осуждают. И Володю не станут. Там они смогут быть самими собой, парой, не врать и не стесняться друг друга. Они смогут даже официально оформить отношения. В Володиной голове всё это звучало как фантазия, несмотря на то, что он уже убедился в реальности такой жизни.

А если он уедет туда, то какой будет его реальная жизнь? Чем он займётся? Здесь останется его фирма, Володя не сможет управлять ею удалённо. Или всё-таки сможет? Ведь технологии развиваются стремительно. Но если удалённо управлять не получится, ему придётся покинуть пост директора, то есть уйти насовсем. Но как позволить себе оставить фирму, ведь это не просто работа, а отцовское наследие? Но так ли это на самом деле? Если смотреть его глазами, она только кажется наследием, когда объективно — это просто юридическое лицо плюс договорённости с людьми и организациями. И не больше. В конце концов, Володя её владелец, он вправе делать с фирмой что угодно, хоть продать, хоть разорить — это всё только его. Но как же отец? Отца уже нет. А память о нём? Память о нём останется и без фирмы.

А как же «Ласточкино гнездо»? У Володи есть прекрасный большой дом, а Юрин, по сравнению с ним, — старая, тесная, грязноватая берлога. Но почему-то в Володином жилище как не было, так и не появилось ощущения уюта, да и продавать его никто не заставляет. В конце концов, матери хорошо бы переехать сюда: прекрасный воздух, огромный двор, где она могла бы разбить цветник и огород, как всегда мечтала, а соседка Татьяна — такая же одинокая при муже-алкоголике — могла бы стать для неё подругой.

Володя шагал к машине по двору, где прошла его молодость. Оглядывал старые липы, изогнутые ржавые качели, лавочки и планки для сушки белья. Здесь они со Светой сидели и смотрели на звёзды. Здесь он встречал беременную Олей Ирину и Женю, вёл их к себе домой в гости. Здесь он однажды, воровато озираясь, сел в машину к Игорю. Здесь они с отцом обсуждали дела фирмы, и отец критиковал его главный на тот момент проект — «Ласточкино гнездо». Много важного произошло здесь.

Возможно, поэтому сейчас, именно в родительском дворе, Володе открылась страшная правда: всё, чем он жил почти сорок лет, всё, чем он *думал*, что жил, — иллюзия. Пустота и фальшь.

Одно слово, одно признание в одночасье разрушило все его отношения. Володя лишился всего, оказался никем для близких, а они оказались никем для него. Но самое удивительное, что после произошедшего его жизнь вовсе не потеряла смысла и, в сущности, не изменилось ничего. Володя вдруг осознал, что на самом деле в Харькове его ничего не держит и никогда

не держало.

А ещё после разговора с матерью Володя понял, что вернулся в ту же точку, в которой находился в девятнадцать лет.

Колесо истории сделало оборот, и сейчас всё стало таким же, как и тогда: мать знала о нём правду, любимый человек находился далеко, настоящих друзей снова не оказалось рядом, а его увлечения, — тогда учёба, сейчас работа, — значили не так уж и много. Володя даже обратился к врачу, как тогда.

Казалось, всё настолько похожее, будто одинаковое, что следовало бы покориться судьбе и вновь совершить старую ошибку. Но Володя понимал, что это не так - одинаковым было не всё. Нашлась одна маленькая, но очень существенная разница — в самом Володе.

Он уже другой, он независимый. И если он совершил ошибку тогда, то сейчас может её исправить.

Примечание к части Обсуждать новую главу, орать, плакать, строить теории заговоров и спрашивать о чем-нибудь авторов как всегда можно вот тут - <https://clck.ru/NFAwU> (ссылка на чатик в ВК, присоединяйтесь)

25. Горящие мосты

Володе казалось, будто после себя он оставил одни руины. Будто события последних дней стёрли его прошлую жизнь в пыль. Он находил подтверждения этому во всём: в тишине улицы, в пустоте офиса. Будто людей не было не потому, что уже восемь вечера и все разъехались по домам, а потому, что всё вымерло. А единственным, что подавало признаки жизни, был его телефон.

Он пикинул, оповещая о новом сообщении от Юры.

«Мне так хочется снова играть. Люблю, когда ты восхищаешься мной, смотришь с обожанием. Я так хочу всё это вернуть».

Володя вздохнул. Он знал, что нужно делать, но боялся действовать. Понимал, что может приехать к Юре погостить хоть на год, но проблемы это не решит. Нужно менять жизнь кардинально: сделать то, о чём Володя не раз задумывался, но в страхе гнал от себя эту мысль — эмигрировать. Но он не был готов к этому. Не снова.

Однажды Володя уже был иммигрантом. Переехав в девятых в Украину, он на своей шкуре ощутил, каково это — когда всё вокруг настолько чужое, что кажется враждебным. Когда ты, почти бесправный, никому не нужен. Но то был переезд из России в Украину,

пусть и в другую, но всё же близкую страну. К тому же тогда Володя был моложе и легче на подъём. Ему даже не пришлось переживать из-за языка и акцента. А тут — Германия. Другой, совершенно чужой мир. Да и немецкий Володя учил скорее из интереса, чем всерьёз.

Но ведь в Германии он не останется в одиночестве — Юра поможет ему освоиться. Правда, сейчас Юра настолько ослаб из-за болезни, что выходило наоборот: Володя должен был ехать к нему на помощь. Но, может, это не так уж и плохо? Может, получится обернуть ситуацию в свою пользу? Стресс заставит Володю собраться с силами и запустит механизм адаптации, чтобы как можно быстрее приспособиться к новой жизни.

Лучи закатного солнца окрасили стены кабинета в красный, на миг ослепив Володю. Он будто очнулся от сна и, хлопая глазами, взглянул на часы. В круговерти своих мыслей совсем потерял счёт времени. Стрелки приблизились к девяти, пора было встать и начать что-то делать. Хотя, если смотреть объективно, Володе уже давно было пора сделать хоть что-то.

Володя решил, с чего нужно начать, ещё вчера, после разговора с матерью. Правда, тогда он даже не догадывался, как много поменяется в его жизни всего за следующий день.

Вернувшись домой к вечеру, Володя наскоро переоделся и сразу запустил скайп.

Юра ответил быстро, а выглядел плохо: помятый, небритый, с мешками под глазами.

— Мог бы предупредить, — сердито буркнул Юра. — Подожди, я принесу подушку.

Не выключая видео, он вышел из кабинета. Володя пару минут разглядывал знакомые стены, пока Юра не вернулся с подушкой. Он бросил её на стол, прямо перед монитором. Положил на неё руки, а на них — голову.

— В чём срочность? — спросил, исподлобья глядя на Володю.

— Я рассказал матери о нас.

Юра приподнялся, удивлённо уставился на него.

— В каком смысле?

— Теперь она знает, что я не вылечился и что у меня есть ты, — чтобы скрыть волнение, Володя с деланным равнодушием пожал плечами.

— И как она? Как отреагировала? — Юра нахмурился и снова уронил голову на руки.

— Она догадывалась. Оказывается, всё это время пыталась вывести меня на признание.

— И как ты меня представил, как жениха? — спросил Юра. А получив в ответ от Володи кивок, слабо улыбнулся. — Ух ты. То есть теперь я официально не чужой для тебя. Такое странное ощущение.

Володя тоже улыбнулся.

— Да. Я показал ей твои фотографии. Случайно чуть не сунул провокационную фотку из клуба.

— Это какую? — Юра прищурился.

— Вот. — Володя открыл фотографию и показал Юре.

— Не могу разобрать, не видно ничего. — Юра покачал головой. — Ну да ладно.

Убирая телефон на место, Володя ещё раз бегло взглянул на снимок, но не смог отвести взгляда. Каким счастливым был там Юра: танцующий, улыбающийся, ухоженный, в окружении своих друзей. На фото он казался куда более настоящим, чем сейчас.

Но Юра должен быть таким всегда! Без мешков под глазами и недельной щетины, без запаха перегара и сигареты в зубах, в любимых обтягивающих штанах и приталенной рубашке, с серёжкой в ухе. И чтобы чёртов Йонас, давясь ревностью, издали смотрел на него. И чтобы Володя был рядом, танцевал вместе с Юрой в свете софитов.

Вялый голос Юры вырвал Володю из размышлений:

— Володь, а ты как? Я ведь даже и не интересовался ни разу.

— В каком смысле?

— В смысле, теперь все знают о тебе...

— А это... я пока не понял. Пока слишком зол, а злоба не даёт пожалеть и раскиснуть, — сказал Володя. А сам подумал, что просто не имеет права раскисать. Сейчас, когда Юра ослаб, он должен быть сильным вдвойне.

Юра вздохнул.

— Плохо, что тебе пришлось признаться таким образом. Я имею в виду, что ты не сам решился, а... — неожиданно громкий звонок телефона не дал Юре закончить мысль. — Сейчас, — глядя на экран, буркнул он и стремительно вышел из комнаты.

Он вернулся спустя несколько минут, бледный и взволнованный.

— Звонил заказчик. Завтра еду показывать всё, что есть, — выдал Юра скороговоркой.

— Ты, главное, не нервничай, — Володя начал было успокаивать его, но Юра перебил:

— Давай завтра поговорим. У меня до утра осталось слишком мало времени. Некогда совсем.

— Хорошо, жду звонка, — опешил Володя.

Положив трубку, занервничал сам — Юра так торопился, будто собирался написать весь спектакль до завтра. Неужели у него настолько мало материала?

Они не договорились, во сколько созвонятся. Володя не успел предупредить о беседе с Ангелой в одиннадцать, но решил не беспокоить Юру лишней раз — утром тот всё равно будет занят с заказчиком.

Из-за волнения перед предстоящей встречей с психоаналитиком Володя не смог выспаться. Он проснулся в четыре утра, проворочался в кровати до полшестого, думая то о здоровье Юры, то о теме разговора с Ангелой. А тема была неприятная: его гиперопека.

Во время пробежки с Гердой Володя то и дело досадливо вздыхал — идея общаться с Ангелой на такую тему казалась ему очень глупой. Ну о чём он ей расскажет, когда уверен, что никакой мании контроля у него нет? Тем более что он принципиально не доверял психоаналитикам и не верил в пользу этих разговоров.

Тем не менее, раз он дал обещание Юре, то должен был его выполнить.

Записываясь на приём к Ангеле в будний день, он понимал, что общаться с ней в офисе не стоит — там он разнервничается вдвойне, потому что и тема сложная, и могут подслушать. Поэтому сразу решил, что поедет на работу, только когда всё закончит. Заранее предупредил Леру, чтобы ждала его лишь после обеда.

Казалось, Володя всё продумал. Но теперь понял, что совершенно не готов.

До звонка Ангелы оставалось не меньше полутора часов, и Володя поднялся в кабинет

Юры — его будто магнитом тянуло в эту опустевшую комнату. Сел за его стол готовиться к сеансу. Вырвал из ежедневника несколько листов, принялся записывать, что будет говорить.

Решил, что в первую очередь расскажет о Юрином мнении, будто Володя слишком сильно его опекает и маниакально контролирует жизнь. Ангела, наверное, спросит, как именно Володя это делает. И что ему ответить?

Под пунктом номер один Володя записал: «Я лишаю его финансовой независимости. Но это мой дом, я имею полное право купить что-то в него, ни у кого не спрашивая разрешения». Он перечитал написанное, удовлетворённо кивнул и продолжил:

«Во-вторых. Я боюсь отпускать его в Харьков одного, потому что он слишком необычно выглядит для местных. Но Юра говорил мне, что многие смотрят на него осуждающе и ему самому это неприятно. В-третьих. Я запрещаю ему пить. Но в его случае это действительно опасно для здоровья».

Он написал ещё несколько причин, но для каждой нашёл своё объяснение, своё «но». А главным «но» здесь было последнее: «Но, если Юра жалуется на всё это, значит, видимо, прав он, а не я. Какими бы ни были мои аргументы, как бы я ни объяснял причины своих поступков, Юру это беспокоит, Юре это мешает. Значит, он в любом случае прав».

Володя справился с этим списком довольно быстро и только принялся его перечитывать, как с первого этажа послышалась мелодия вызова в скайпе. Володя взглянул на часы — десять утра. Слишком рано для чьего-либо звонка. Нахмурившись, Володя встал с места и не спеша пошёл отвечать. Он было решил, что ему послышалось или позвонили случайно: с работы набрали бы по телефону, а Ангелу он ждал только через час.

Но звонок был от абонента YuriKo. Без предупреждения и сразу с видео. Володя напрягся — раньше Юра никогда так не делал, — и, ожидая, что увидит кого угодно, но не Юру, ответил.

В окошке скайпа появилось тёмное размытое изображение, статичное, будто фотография. Вскоре оно стало чётче, обрисовались уже привычные стены кабинета и сам звонящий. Это действительно был Юра. Причёсанный, гладко выбритый, одетый в белую рубашку. Но, как ни странно, он правда не двигался и молча смотрел прямо перед собой. То, что это не картинка, а живой человек, свидетельствовало лишь одно: Юра моргал.

— Привет, — настороженно, чуть ли не шёпотом произнёс Володя. Юра пугал его своим поведением, молчанием и, главное, выражением лица. На нём, будто на кукольном, не было ни единой эмоции, он будто спал. — Юра? — позвал Володя. — Ты слышишь меня?

— Да, — одними губами ответил тот.

— Что случилось?

— Всё, что я написал, — плохо и никуда не годится. Это надо выбросить, — ответил он ровно и безэмоционально, будто робот.

От его механического голоса по спине Володи бежали мурашки.

— Кто так решил?

— Заказчик. Сказал, что если не переделаю всё полностью, вообще всё, то расторгнет контракт. Дал месяц. На весь спектакль, — он судорожно вздохнул.

Но его вздох порадовал Володю, ведь это была настоящая эмоция живого человека, а не голограммы.

— Как ты, Юр? С тобой... — он хотел спросить, всё ли в порядке, но сам видел, что нет. — Ты ничего с собой... — начал было Володя, но осёкся.

Юра снова вздохнул, но вдруг улыбнулся.

— По-твоему, я совсем дурак?

— Нет. Конечно нет. Просто я очень боюсь за тебя!

— Я понял, — сказал Юра и посмотрел прямо в камеру. — Володя, сейчас я не готов говорить. Не обижайся, ты тут ни при чём, но, пожалуйста, не звони мне какое-то время. Я сам позвоню тебе, ладно?

— Что я опять сказал?.. — вырвалось у Володи.

Он старался сохранять самообладание, но не мог — он никогда прежде не видел Юру таким и попросту испугался.

— Ничего, — бросил Юра. — Мне нужно время прийти в себя. Пока, — и положил трубку.

Володя хотел попросить у него прощения, но не успел. Так и замер с открытым ртом.

Только изображение пропало с экрана, как все эмоции разом обрушились на Володю. Страх за Юру, жалость и любовь к нему перемешались со злостью к заказчику, ненавистью к себе и Юриной депрессии. Чувства — как какофония звуков, перемешанные, оглушающие, нечитаемые, — ударили не только по душе, но и по телу. У Володи одновременно заболело всё: спина, от плеч до лопаток, заныла будто под тяжким грузом, виски сдавило так, что казалось, вот-вот полопаются глаза, а по груди словно полоснуло ножом.

Только в одной боли оказался виноват сам Володя: он вцепился пальцами в кисти рук и, не рассчитав силу, поцарапал ногтями кожу.

Володя перевёл взгляд на лежащий на столе телефон и тут же схватил его. Юра запретил ему звонить, но про сообщения не говорил ничего.

«Юра, прости меня! Я понимаю, что ты наверняка ждал других слов, но я не умею читать твои мысли. Я не знаю, что сказать, чтобы облегчить твоё состояние, но очень хочу это знать», — отправил Володя и стал ждать ответ.

Не замечая течения времени, Володя просто сидел на месте. Не выпускал телефон из рук, не отводил от него взгляда и ждал до тех пор, пока неожиданный, слишком резкий звук не заставил его вздрогнуть. Источником этого звука был ноутбук — в скайп звонила Ангела.

Володя нервно хохотнул — ну уж нет, сейчас он точно не готов говорить с ней. Он взял мышку, потянулся к кнопке отбоя, но остановился — когда ещё говорить с психоаналитиком, если не сейчас? Когда врач будет Володе ещё нужнее, чем сейчас? Именно сейчас — в тот самый момент, когда стресс отзывается болью во всём теле, когда руки сами тянутся включить воду, а в мыслях только одно: может ли Юра сделать что-то с собой.

Володя ответил на звонок, и в мониторе будто вспыхнули живым огоньком рыжие волосы.

— Как ваши дела сегодня? — спросила Ангела, приветливо улыбнувшись.

— Плохо.

— Что вас беспокоит?

Володя попытался как всегда трезво сформулировать в голове причину этого самого беспокойства. Но после разговора с Юрой внутри будто что-то надломилось. Все испытанные в последние дни эмоции Володя хранил внутри себя, не позволяя им выйти наружу. Копил их, набрал целое море и огородил стеной, будто дамбой. Но простой вопрос, заданный дружеским тоном, стал последней каплей — и эта стена, не выдержав напора, рухнула. Володю будто прорвало.

— Юра, кто же ещё. В последнее время все мои мысли только о нём. Я совершил огромную ошибку, отправив Юру домой, — не раздумывая, сказал Володя. — Я знаю, как это исправить, но теперь сомневаюсь в себе. Ведь если я так ошибся сейчас, то могу сделать то же самое в будущем.

— Что именно вы сделали? — Ангела внимательно посмотрела на него.

— Я не просто оставил человека в депрессии одного. Я поступил ещё хуже: намеренно отправил Юру подальше от себя. Огородился от негатива километрами, мол, нет человека рядом — нет проблемы. Я будто избавился от него.

— Вы должны понимать, что Юра — живой человек со своей волей. Но вы говорите так, будто это решение зависело только от одного человека — от вас.

— Я знаю. Да, вы правы. Я никогда не думал так, но ведь именно так и поступал... Всё из-за моего маниакального стремления брать ответственность на себя и недоверия. Когда Юра жил здесь и ему только начинало становиться плохо, я старался ему помочь. Но не смог найти выхода из той ситуации, потому что пытался изменить всё вокруг. Но не себя. И ведь тогда я даже не подумал, что катализатор Юриной болезни — не гомофобное общество, а я!

Володя никогда в жизни никому не выдавал все свои беспокойства разом и, даже беседуя с психоаналитиком, усомнился, уместно ли так себя вести. Но Ангела не подала виду, что он делал что-то неправильное. Наоборот, кивнула и поддержала:

— Я не имею права говорить с вами о течении его болезни — это врачебная тайна. Но мне бы хотелось успокоить: не думаю, что в данном случае причина Юриной болезни — это вы. Даже ссоры с вами вряд ли могли сильно повлиять на его здоровье.

Володю обнадѐжили её слова, но он всё равно возразил:

— Да, но я мог усугубить его депрессию. Отправляя его в Германию, я искренне верил, что так ему будет лучше, но теперь жалею. Теперь я боюсь за его здоровье и даже жизнь, — Володя резко остановился.

Он взял телефон в руки и, извинившись перед Ангелой, что отвлѐкся, набрал сообщение Юре: «Напиши мне хотя бы одну букву, чтобы я просто знал, что ты жив». Но удалил текст — такие слова могли оскорбить Юру.

Володя отложил телефон, не отправив ничего. Он должен научиться ему доверять даже в такие тяжѐлые моменты.

— Раньше я думал, что у него просто творческий кризис. А теперь окончательно

запутался и не понимаю, что причина, а что — следствие. Но я всё равно виноват, похоже, отношения со мной токсичны. Юра и сам говорил, что я слишком его контролирую. Теперь я это понял и готов попробовать измениться. Стать лучше. Ради него. И ради себя.

— Как вы считаете, почему Юра так думает? — спросила она, всем своим видом показывая, что готова внимательно слушать.

А Володя ещё раз спросил себя, стоит ли рассказывать ей всё. Но ведь другого выхода у него нет.

Дальше говорил только он, Ангела лишь изредка задавала наводящие вопросы. Она не судила ни его, ни Юру. Она не просто слушала, а казалось, действительно слышала его, принимая во внимание каждое слово. Володя чувствовал себя странно: ему было очень приятно рассказывать о себе и их отношениях с Юрой, пусть не вдаваясь в слишком интимные подробности, но в то же время ничего не утаивая.

Закончив разговор, Володя не смог вспомнить подробностей, но с удовлетворением осознал, что впервые в жизни рассказал кому-то о глубине его любви к Юре. Да, когда-то он рассказывал Игорю их старую историю, но не теми словами, не с такой честностью.

Ангела не поведала ему ничего нового, но только потому, что Володя и сам знал, что теперь делать. От разговора на душе полегчало, а боль, ещё час назад терзавшая всё тело, прошла.

Прощаясь с Ангелой, Володя сам попросил записать его на ещё один приём.

Оставшись в тишине и одиночестве, он снова схватил телефон и открыл ICQ. В списке сообщений мигало новое — от Йонаса. Тот, как и обещал, прислал контакты Юриных друзей, но Володя отмахнулся и закрыл окно, забыв поблагодарить. Его волновала лишь переписка с Юрой.

Они не должны быть порознь! Раз Юре невыносимо находиться здесь, то Володя может хотя бы попробовать пожить там, в Германии. Рядом с ним, вместе с ним. Пусть он всё ещё не был морально готов к переезду в другую страну, но всё же решил, что пойдёт на это. Принесёт эту жертву. Ради Юры, ради благополучия любимого человека сделает то, что должен был сделать уже давно — уехать к нему насовсем.

Судорожно вздохнув, Володя написал:

«Юра, меня всё это достало. Я решил: заканчиваю дела в Харькове и лечу к тебе. Уже

еду в аэропорт брать билеты на эти выходные».

Юра ответил удивительно быстро:

«Если опять на две недели, то давай лучше в августе, как собирались».

Володя написал ответ и, не перечитывая, быстро отправил — чтобы не успеть передумать.

«Не на две. Надолго. Насколько именно — решать тебе. В Украине у меня нет ничего важнее тебя. Странно, что я осознал это так поздно».

Володя мог бы заканчивать с делами не один месяц. Причины оставаться в Харькове всегда найдутся — постоянно будут появляться новые задачи и проблемы. Поэтому Володя решил сделать то, чего не делал никогда: бросить всё и сразу. Не дожидаясь ответа Юры, он взял загранпаспорт и сел в машину.

Купив билеты, из аэропорта Володя направился в центр, чтобы избавиться от последнего бремени: сообщить маме об отъезде.

Она была самым главным «но», которое препятствовало его будущему с Юрой. Но теперь мама знала всё, а значит, исчезло и то препятствие. Оставалось последнее — сказать. Мама, конечно, ужасно расстроится, наверняка заплачет, а потом, когда Володя уедет, ей станет ещё более одиноко, чем сейчас. Но у неё хватит мудрости и любви к сыну, чтобы отпустить его — в этом Володя не сомневался.

Пока ехал в родительский дом, успел придумать, как она будет жить без него. Вспомнив совет Ангелы, заранее одёрнул себя: «Я не буду настаивать, я просто предложу ей переехать в “Ласточкино гнездо”. Просто предложу».

Мама приняла новость стоически.

— Ты же будешь сюда приезжать? — тихо спросила она.

— Конечно, — кивнул Володя.

— А как же собака? Её ты тоже увезёшь?

— Увезу, но попозже, когда буду уверен, что у нас с Юрой всё получится. Я узнал, что собак перевозят в багажном отделении самолёта, и не хочу подвергать её лишнему риску,

возя туда-сюда.

— Мне оставишь? — впервые за этот разговор мама оживилась.

Она всегда мечтала завести большую собаку, но отец был категорически против держать её в квартире.

— Да, но потом всё равно заберу. Хотя ты сможешь завести себе свою, — рассудил Володя. — А вообще, знаешь, мам, было бы хорошо тебе переехать в «Ласточкино гнездо». Природа, прекрасный воздух, огромный двор. Ты могла бы разбить цветник и огород, как всегда мечтала. К тому же у меня есть соседка Татьяна. Замечательная женщина, вы могли бы с ней подружиться. — Произнеся заранее заготовленную речь, Володя усомнился, не слишком ли ультимативно она прозвучала, поэтому добавил: — Если захочешь, конечно.

— Ну, наверное, так и поступим, — неуверенно протянула она.

— Так что, мам, благословишь меня?

Мама вздохнула.

— Не хочу говорить, что ты не оставляешь мне выбора. С одной стороны, это так, но с другой — ты мог бы уехать, вообще меня не спрашивая. Конечно, я тебя благословляю. Но не просто так. Я потребую две вещи: во-первых, перед отъездом ты должен познакомить меня с твоим Юрой. Имею же я право знать, из-за кого весь сыр-бор. А во-вторых, — начала мама серьёзно, но вдруг остановилась, с надеждой посмотрела на него и, растеряв всю строгость, протянула: — Вы же пригласите меня к себе погостить?

Услышав её последнее «требование», Володя рассмеялся.

Он остался у неё на несколько часов. Пусть поговорили они хорошо, настроение Володи не улучшилось — тревога за Юру не отпускала его. Тот так и не ответил ему на последнее сообщение.

Разумеется, мама заметила его состояние и, провожая, сказала:

— Ни о чём не беспокойся, сынок. Всё будет хорошо. Как говорится, всё перемелется — мука будет.

Мама не ошиблась. И правда перемололось. И правда от Володиных преград ничего не осталось, лишь мука. Последнее препятствие рухнуло. Но предстояло попрощаться с ещё одним важным в его жизни местом — офисом.

Володя пришёл сюда поздно вечером, когда все сотрудники разошлись по домам. Оказавшись в кабинете, опустошил ящики стола, сложил в коробку свои вещи. Сборы заняли не больше четверти часа, но Володя не был готов уйти так сразу.

Он прошёлся вдоль полок, постоял у окна. Сел на диван, на своё любимое место в левом углу, где с ежедневником и ноутбуком устраивался каждый раз, приходя к отцу на совещания. Улыбнулся, отметив, что, заглянув к нему осенью, Маша тоже села именно туда.

Володя посмотрел на входную дверь, заметил трещину на косяке и отвернулся — напоминание о дне смерти отца до сих пор причиняло боль. Сняв очки, он устало потёр глаза и бросил мимолётный взгляд на кресло. Его ножки отбрасывали жутковатую тень — казалось, будто под отцовским столом сидит гигантский паук. Володя ухмыльнулся. Весь этот кабинет — паучье логово, ведь отсюда тянулись нити паутины, которая опутывала не только его волю, но и всю его жизнь. И теперь Володе осталось только набраться сил оборвать эти нити. А сила у него была — любовь к Юре. Любовь, которая не оставляла ему другого выбора.

Володя вздрогнул от звука сообщения в ICQ, достал молчавший весь день телефон и прочитал:

«Мне так хочется снова играть. Люблю, когда ты восхищаешься мной, смотришь на меня с обожанием. Я так хочу всё это вернуть».

От этого сообщения Володя погрузился в омут тяжёлых мыслей об эмиграции. Он едва не утонул в них, а выбраться смог лишь благодаря вспышке алого заката.

Как бы ни было страшно, Володя справится с трудностями. *Они* справятся. Вместе.

Вспомнив о Юре, Володя прошептал его имя. Вдруг последний солнечный луч озарил всю комнату и погас. Стало темно.

Володя включил свет, улыбнулся — одним только своим присутствием в его жизни Юра помог избавиться от тяготивших его вещей, людей и отношений. Володя очень хотел тоже помочь ему, но не знал, как именно, ведь между ними пока ещё оставались тысячи километров.

Набирая сообщение в ICQ, Володя не спешил. Долго думал, перечитывал, что-то удалял чем-то дополнял. Он всё равно остался им недоволен, но всё же решил отправить. Пусть

текст казался местами пафосным, местами — очень нескладным, в нём заключалась правда, в него Володя вложил себя.

«Может быть, одного меня недостаточно, чтобы перевесить негатив в твоей карьере и чтобы твоя жизнь снова обрела смысл. Но у меня нет другого меня, и я отдаю тебе самое ценное, что имею. Я хочу, чтобы ты знал. Ты — самое яркое и самое лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь. Никогда, ни к кому, ни к чему и ни из-за чего я не испытывал столько любви, сколько испытываю к тебе, столько эмоций и счастья. Всё, что было до тебя и без тебя, — блеклое и пустое. Если ты когда-нибудь исчезнешь из моей жизни, я постараюсь жить дальше, но боюсь, что всё это потеряет всякий смысл. Я боюсь даже мыслей о таком будущем.

Я говорю это не для того, чтобы взвалить на тебя ответственность или вину. Просто я знаю, что в последнее время ты часто ругаешь себя и даже ненавидишь, стыдишься. И я пишу тебе эти слова, потому что ты просто не знаешь, какой ты на самом деле. Какой ты красивый в моих глазах. В любой момент: усталый, злой, грустный и даже пьяный. Ты для меня как солнце. Не в смысле дурацких прозвищ: пошлых солнышек, котиков и заек. А практически, буквально — мне без тебя нельзя. Что бы ты о себе ни думал, каким бы жалким ни представлялся себе, знай: ты для меня — всё лучшее на свете. В тебе вся красота моего мира».

Володя не ждал ответа, но получил его. Причём довольно быстро:

«Я люблю тебя. Когда ты приедешь?»

Володя нахмурился.

«Юр, я же писал тебе днём — в выходные».

Ответ на это сообщение пришёл не сразу. Лишь несколько минут спустя Юра, очень неразговорчивый сегодня, выдал целую тираду:

«В эти выходные? Ты не шутил? Ты правда приедешь? Я весь день сам не свой — так расстроился из-за заказа. Проспал до вечера, очухался, а тут такая новость!»

«Ты рад?»

«Господи, да! Конечно!»

Володя улыбнулся.

Он встал, ещё раз не спеша прошёлся по кабинету. Задумался, что забрать отсюда на

память. Отвес — подарок заказчика? Отцовское пресс-папье — золотого льва? Он подошёл к серванту и вынул оттуда единственную по-настоящему дорогую для него вещь — семейную фотографию. Володя положил её в коробку и оглядел кабинет в последний раз.

Действительно в последний — он это чётко знал. Нет, конечно, когда Володя уедет, кабинет никуда не денется, не сгорит. Но перестанет принадлежать ему — скоро у этого места появится новый хозяин.

Свет в его бывшем кабинете горел ещё не менее часа и погас за секунду до того, как за Володей захлопнулась дверь.

Спустившись в зал ожидания берлинского аэропорта, Володя искал Юру в толпе суетящихся людей. Нашёл его не сразу — одетый во всё чёрное, Юра стоял в дальнем углу зала. Он отвернулся ото всех, глядя в окно, и вертел в руке телефон.

Подойдя к нему, Володя негромко кашлянул, чтобы не испугать. Тот не отреагировал.

— Юр, — как можно ласковее позвал Володя.

Юра резко развернулся и уставился на него. Наблюдая, как меняются эмоции на его лице — от испуга до радости, — Володя не смог сдержать улыбки.

Юра поджал губы и, ничего не сказав, обнял так крепко, что Володя задохнулся. Володя обхватил его плечи обеими руками, прижал к себе и даже не задумался о том, чтобы осмотреться вокруг — поискать недобрые взгляды. Ему было не до этого.

— Ты реальный? — пробормотал ему в шею Юра. — Ты мне не кажешься?

— Реальный. — Володя хмыкнул. — Неужели думал, что обману тебя?

— Нет, просто решил, что найдётся куча причин не приехать. Или что ты так просто это сказал, поддержать.

У Володи чуть было не вырвалось «Ты что, с ума сошёл», но он не стал ничего говорить. Повинуясь порыву нежности, обхватил ладонями лицо Юры, заглянул в грустные глаза. Юра тут же замолк, задержал дыхание. А Володя ощутил, что сердце забилося так сильно, будто стремилось выпрыгнуть из груди. Он судорожно вздохнул, закрыл глаза и прижался к Юриным губам.

Володя не думал ни о чём и ни о ком. Лишь старался передать через поцелуй всю нежность и любовь, которые скопились в душе за время самой короткой, но самой тяжёлой разлуки. Юра ответил ему, но целовал не нежно, а жадно — видимо, тоже соскучился.

Отрываться от Юры не хотелось, но Володя вспомнил, что они не одни и находятся в общественном месте. Он нехотя отстранился, и первым, что увидел, были расширенные от удивления любимые карие глаза. Юра наконец-то улыбался.

Володя оглянулся вокруг. По аэропорту сновали сотни людей. Многие, суетсяь, едва не сталкивались с ними, многие просто стояли рядом, почти вплотную. Кто-то разговаривал, кто-то тоже обнимался.

Но всем им, всем этим людям, было совершенно наплевать на Володю и Юру. На двух мужчин, которые, то ли плача, то ли смеясь, сжимали друг друга в объятиях.

Эпилог

Чертыхаясь, Володя вбежал по ступеням к дверям филармонии — его быстрые шаги гулким эхом отразились от стен пустого холла. На ходу сверяясь с билетом, он нашёл нужный зал. Женщина-капельдинер, вежливо улыбнувшись, сказала что-то на немецком, и лишь через несколько секунд Володя понял смысл фразы — после месяца в Харькове снова переключаться на другой язык оказалось довольно трудно. Он глянул на часы — выступление вот-вот должно начаться, но из-за дверей зала слышалось, что оркестр всё ещё настраивается.

Володя ощутил дежавю, будто так уже когда-то было — чуть больше года назад. Капельдинер пропустила его в зал, указав на крайнее кресло в пятом ряду. Пробираясь к своему месту, стараясь не шелестеть обёрткой букета, Володя украдкой взглянул на сцену и поймал взгляд карих глаз — слегка насмешливый, но радостный. Неужели Юра специально не начинал концерт, потому что ждал, когда Володя придёт?

Устроившись в своём кресле, он снова посмотрел на сцену. Юра уже повернулся спиной к залу и лицом к оркестру и возвёл руки вверх, готовясь дать команду играть.

Володе стало стыдно за своё опоздание, хоть в этом и не было его вины. Глупое стечение обстоятельств. Казалось, он всё просчитал и оставил много времени про запас. Но сперва на полчаса задержали рейс из Минска, потом Володя слишком долго ждал багаж, а по дороге домой и вовсе попал в пробку. Пожалуй, единственное место, где Володя пробыл дольше положенного по своей воле, — это цветочный магазин. Мог бы и быстрее определиться с букетом, но в тот момент казалось очень важным выбрать самый красивый, но при этом не слишком «женский». В итоге купил шикарные бордовые пионы.

А теперь он сидел в зале и смотрел на Юрину спину, облачённую во фрак, его поднятые руки, сверкающий на правом запястье браслет и зажатую в пальцах дирижёрскую палочку. Казалось бы, всё как тогда — полтора года назад, в органном зале Харьковской филармонии. Но нет, теперь Володя точно знал: всё совершенно по-другому.

Он не успел закончить мысль. Свет в зале погас, Юра опустил руки, грянула музыка.

Тяжело, мрачно завыл контрабас, в унисон ему заплакала скрипка. Пространство будто наполнялось тьмой, которая втекала в зал чёрным туманом, стелилась по полу, клубилась под ногами. Один за другим вступали смычковые низкими гулкими голосами, и мрак густел, поднимался к потолку, зависал в воздухе, норовил просочиться в лёгкие и затопить сердце. А потом вдруг зал погрузился в полную тишину, застыл в непроглядной черноте. Казалось, будто мир умер.

Молчание оркестра затягивалось, длилось больше минуты, и Володя даже расслышал рядом с собой несколько озадаченных шепотков. Но вот тишину прорезала трель флейты, будто лучик света тьму. Сперва одинокая и несмелая, светлая мелодия то возникала, то снова тонула во мраке, но с каждым новым появлением становилась сильнее и увереннее. Летели по воздуху золотые листья, пели последние осенние птицы, а на воде Боденского озера мелькали солнечные блики.

Володя знал, что зашифровано в Юриной музыке. Володя был рядом, когда Юра писал эту симфонию, и видел, как трудно ему было снова вернуться к сочинительству. Но раньше Володя ни разу не слышал её целиком, лишь урывками, и теперь перед ним открывалась вся картина, которую Юра рисовал музыкой.

Мрак — это Юрина депрессия. Её самый жёсткий виток начался отнюдь не в Харькове, а уже в Берлине, когда Юру сняли с места композитора в спектакле по «Мастеру и Маргарите». Затяжная тишина — это четыре месяца молчания. Четыре страшных месяца, когда музыка не просто перестала звучать в их доме, а перестала звучать в Юриной душе. Володя до сих пор с ужасом вспоминал то лето. Юре было настолько плохо, что он буквально боялся пианино. Он закрыл двери своего кабинета и отдал Володе ключ, попросил спрятать или выкинуть его. А Володя, стискивая холодный металл в ладони, с болью глядя на страдания любимого человека, не смел перечить и уговаривать. Он помнил слова Ангелы: Юре нужно дать время.

И время правда лечило. Очень медленно и мучительно, практически незаметно.

В сентябре Володя вспомнил, как они планировали поехать по Баварии, и идея сменить обстановку показалась неплохой. Юра не особо воодушевился — просто ткнул в одну из предложенных туристических брошюр. И они поехали в Констанц.

Этот маленький городок, тонущий в осенней листве, оказался той самой первой трелью флейты, которая несмело стала пробивать темноту в Юриной душе.

Вернувшись в Берлин, Юра попросил открыть его кабинет. Володя достал ключ и отворил двери. Юра неуверенно мялся на пороге и встревоженно смотрел в темноту комнаты. Наблюдая за ним, Володя первым вошёл внутрь, включил свет и протянул Юре руку со словами:

— Я с тобой, я помогу. Но, если тебе очень сложно, не обязательно делать это сейчас.

И Юра взял его руку.

Музыка постепенно сменяла настроение, духовые инструменты набрали силу, изгоняя мрак из пространства. Теперь он напоминал о себе лишь редкими вкраплениями низкого воя то контрабаса, то виолончели. Скрипки и альты, которые раньше заунывно плакали, теперь пели, несли по воздуху мелодию светлой ностальгии. И им вторили трели флейт — будто пение стай ласточек над быстрой рекой.

Музыка оказалась для Юры одновременно и ядом, и противоядием. Ещё недавно отравив всё его существо, покинув, оставив в душе лишь пустоту, она вернулась и стала лекарством. Депрессия никуда не делась: продолжились страхи и ночные кошмары, таблетки, тревожность и срывы. Но тот самый страшный виток болезни прошёл, Юра смог найти в себе силы карабкаться обратно из ямы, в которую свалился. И Володя был рядом, помогал, когда становилось сложно двигаться дальше, и подхватывал, когда Юра опять начинал падать.

Первое время, вернувшись к музыке, Юра просил Володю не уходить из кабинета. Володя садился рядом с ним на банкетку у пианино и, наблюдая за занятиями Юры, радовался каждой ноте, каждому новому отрывку мелодии, которые тот извлекал из инструмента.

Как-то раз, пока Юра отходил, Володя от скуки коснулся клавиш. И удивился больше не звучанию пианино, а тому, какое оно на ощупь: клавиши гладкие, ещё хранящие тепло Юриных пальцев. За спиной послышался смешок, Володя вздрогнул, будто его застали за какой-то глупой шалостью. Юра стоял, опираясь плечом о дверной косяк, и улыбался. А потом подошёл к пианино, уселся сзади, обнял Володю и, взяв его за запястье, сказал:

— Давай научу!

Володя попытался забрать руку.

— Зачем? Я же так, просто...

Но Юра, посмеиваясь, шутливо возмутился:

— Нет, ну что это вообще такое? Твой официальный партнёр — музыкант, а ты даже не знаешь, где находится нота «до».

— Ну... пока ещё не официальный, — уточнил Володя.

И, глядя на Юрину искреннюю улыбку, он, конечно, не смог больше противиться. Послушно, под Юриным руководством, положил пальцы на клавиши.

— Нет, не опускай кисть, не клади руку плашмя. Поставь её так, будто держишь яблоко. Вот...

Конечно, стать музыкантом Володе было не суждено, да он и не особо расстроился из-за этого. Зато теперь он умел играть гамму «до мажор» и знал, где находится не только «до», но и остальные шесть нот.

У Юриной симфонии был открытый финал. Ведущую партию исполняли скрипки, трели флейт всё ещё вспыхивали то тут, то там, перекликаясь с мрачными вкраплениями контрабасов и виолончелей. Обретя равновесие, музыка медленно начала затихать, закончившись тремя одинокими нотами главной скрипки.

После минутного молчания дирижёр развернулся к залу для поклона. Володя смотрел на Юру и не мог сдержать улыбки.

Месяц назад Володя вынужденно улетел в Харьков — мама заболела и легла в больницу. Это было трудное решение, ведь Юра ещё не выздоровел окончательно, а поехать вместе с Володей не мог — готовился к фестивалю классической музыки, на который его пригласили ещё в марте. Володя очень боялся по приезду в Берлин обнаружить, что депрессия Юры вернулась, пусть и каждый день в скайпе видел, что тот вполне хорошо себя чувствует.

Опасения остались лишь опасениями, а Юра, стоящий на сцене под шквал аплодисментов, выглядел счастливым. Таким, каким Володя хотел видеть его всегда.

Не дождавшись, пока зрители начнут расходиться, Володя выбрался из своего ряда и пошёл к сцене. Стал чуть сбоку, пытаясь поймать Юрин взгляд. Юра что-то объяснил скрипачу, покивал и пожал ему руку, а потом наконец обернулся. В зале шумели люди: обсуждали симфонию, благодарили музыкантов. Володя шагнул к сцене и хотел было протянуть Юре букет, но тот жестом попросил подождать и направился к ступеням. Быстро спустился в зал и буквально влетел в Володины объятия, крепко обнимая его за шею.

— Боже, Володя, как я по тебе соскучился!

— А я, Юрочка, по тебе ещё сильнее...

А разомкнув объятия, Володя вручил ему букет.

— С днём рождения тебя, мой... — Володя замялся, не зная, какое ласковое слово подобрать.

— Твой кто?

— Любимый, конечно.

Юра посмотрел ему в лицо, и Володя узнал этот пристальный, жадный взгляд.

— Ты ещё не скоро тут закончишь?

Юра помотал головой.

— Нет, сейчас заберу вещи, попрощаюсь со всеми — и можем ехать домой.

— Хорошо, я на улицу выйду. Кстати, тебя дома ждёт сюрприз...

Юрины глаза загорелись пуще прежнего, он удивлённо вскинул брови.

— Да? Тогда у меня есть мотивация собираться как можно быстрее.

Уже через десять минут они сели в машину, и Юра принялся донимать Володю:

— Что за сюрприз?

— Ну какой же это будет сюрприз, если я тебе скажу?

— Ну а ты всё равно скажи!

Володя покачал головой.

— Ей-богу, ты как маленький ребёнок, Юр. — Но, вообще-то, ему нравилось, когда Юра вёл себя так.

— Но я уже умру от любопытства!

— Не умрёшь, нам всего полчаса ехать.

Юра закатил глаза и принялся разглядывать свой букет.

— Кстати, я не сказал тебе спасибо за цветы. Такие красивые!

— Не за что. Я из-за них чуть на концерт не опоздал — выбирал.

Юра нежно пригладил пальцами лепестки пионов. Уткнулся в них носом и тут же, глубоко вздохнув, скривился, сдерживая чих.

Володя, хоть и следил за дорогой и старался быть серьёзным, невольно засмеялся.

— Ну расскажи хоть, как долетел? Нормально? — почёсывая нос, спросил Юра.

— Да так себе. В Минске рейс задержали, потом багаж долго получить не мог. Но в целом ничего страшного.

— Как мама себя чувствует?

Володя пожал плечами.

— Хорошо, будто и не лежала в больнице. Передавала тебе большой привет и, кстати, открытку с днём рождения — отдам дома. Очень расстроилась, что не смогла попасть на твоё выступление, но врач сказал, что летать ей после операции можно будет только через полгода в лучшем случае.

— Ну и ничего страшного. Раз такое дело, можем осенью вместе к ней слетать, я выступлю перед ней лично.

Володя украдкой взглянул на Юру.

— Скажу маме, что она просто невероятная счастливица. Композитор сам приедет к ней с концертом — где такое видано?

— Ну, как говорится, если гора... — Он отвлёкся на пиликнувший телефон и цокнул.

— Кто там?

— Угадай с одного раза. Ты почему не написал Маше, что долетел? Она переживает!

Володя вздохнул.

— Да когда мне было ещё ей писать... Кстати, она взяла с меня обещание, что я тебя крепко расцелую за подарок Диме. Говорит, что тот визжал как девчонка, когда увидел эти

ботинки. Но крепко расцеловать тебя от Маши я согласен только если в щёку.

— А если не от Маши, а просто так расцеловать?

— Ну-у... — протянул Володя. — Это уже совсем другой разговор...

Они наконец подъехали к дому. Юра, позвякивая связкой ключей, подошёл к двери.

— Что это за звуки? — нахмурился он, озадаченно посмотрев на стоящего за спиной Володю.

— Какие звуки? — удивился тот.

— Хочешь сказать, меня глючит? — Юра дёрнул плечами и вставил ключ в замочную скважину.

А отворив двери, так и замер на пороге. Герда, присев на задние лапы, тоже замерла. Только била хвостом по полу с такой скоростью, что казалось, может взлететь.

— Как видишь, я вернулся из Харькова не один... — с деланным равнодушием произнёс Володя.

Казалось, ещё шире улыбаться просто невозможно, но Юра как-то умудрялся. Он не видел Герду больше полутора лет, но, когда позвал её по имени, собака сразу его узнала. Она бросилась Юре в ноги, а тот, присев рядом с ней на корточки, принялся гладить и обнимать её.

— Юра, — протянул Володя, вздыхая, — ну ты же в парадном фраке...

Тот цокнул языком:

— Ну, ты сам мне приготовил такой сюрприз...

И разве могла в этом мире существовать картина счастливее? Да, пока у них не всё было идеально, а впереди маячило ещё много нерешённых проблем. Ну а разве бывает так, чтобы идеально всё и сразу? Зато именно здесь и сейчас Володя впервые понял, что сбылось то, о чём он мечтал.

— Ну вот, теперь мы выйдем как настоящая семья.

Юра, наконец оторвавшись от Герды, посмотрел на него и улыбнулся:

— С общим бытом и собакой, в конце концов, тоже общей?

— Теперь осталось только выбрать общий дом.

— Володя, ну что ты упёрся?! — воскликнул Юра так громко, что сам же оглянулся по сторонам и стыдливо понизил голос. Прошипел: — Ты что, хочешь поссориться?

Улица, по которой они шли, была до того узкой, что эхо, отражённое от стен старинных домиков, усилило его шёпот и унесло этот вопрос к озеру.

— Нет уж, Юра, упёрся не я, а ты. Давай проанализируем? Посмотрим на ситуацию объективно... — терпеливо протянул Володя.

Продолжать нудеть он поостерёгся — Юра остановился и резко обернулся. Его глаза, хоть и спрятанные за линзами солнечных очков, метали молнии — Володя был в этом уверен.

— Чёрт, тут пекло даже в тени, — только и сказал Юра. — Пошли скорее к воде.

Они молча спустились по улице до набережной и уткнулись в ряд пришвартованных лодок и яхт. А за ними, сколько хватало глаз, раскинулась сплошная синева Боденского озера.

— Нам налево, — сказал Юра.

— Я помню.

Больше полугода прошло с тех пор, как они впервые оказались на этой набережной и, бесцельно бродя, нашли в дальнем конце укромный тихий парк. И сейчас, не стовариваясь, направились туда же. Они не могли не вернуться сюда, ведь с отпуска именно в этом городе началось Юрино выздоровление.

— Володь, — промурлыкал Юра, беря его за руку, — давай уже заканчивать эти разговоры?

Даже после года жизни в Германии Володя не мог привыкнуть к царящей здесь свободе — ему приходилось пересиливать себя, чтобы на людях держаться за руки с Юрой. Легонько стискивая его пальцы, Володя уставился под ноги, чтобы и в этот раз побороть привычку оглядываться, ища недовольные взгляды.

— Юра, выбор дома — не та вещь, которую решают с полпинка.

— Ты же и так знаешь, что выиграю я! — заявил Юра.

— Ну здравствуйте! Предлагаешь начать битву характеров? — усмехнулся Володя.

Юра весело воскликнул:

— А то!

Вспотевшие и утомлённые зноем, они наконец дошли до той части набережной, где брусчатка уступила место газону, а вместо рядов фонарей возвысились деревья, растущие у самой кромки воды.

— Вот хорошее местечко, — указал Володя на траву под особенно широкой кроной, — тени много, ветерок.

— Наконец, — выдохнул Юра и, в два шага оказавшись под деревом, растянулся на газоне.

— Юра, в белой футболке и на траву! — возмутился Володя, вынимая из сумки розовый свёрток. — Подожди, я тебе хотя бы толстовку постелю.

Володя и представить себе не мог, что когда-нибудь наденет розовую толстовку. Но на покупке этой Юра настаивал так сильно, что пришлось сдаться и, хуже того — не просто убрать в шкаф, а носить. Юре очень нравилось, как Володя выглядел в ней. Признаться, он и сам понимал, что розовый ему к лицу.

— Иди ко мне. — Усевшись, Юра похлопал рядом с собой.

Володя сел к нему. Откинувшись назад, посмотрел вдаль, с наслаждением вдохнул влажный воздух. Как здесь хорошо. Перед глазами сплошная синева: пронизанное парусниками озеро — внизу,верху — усталое облаками небо, а далеко на горизонте — зигзаг белоснежных Альпийских вершин.

Володю забавляла сама мысль, что он уехал в Германию, чтобы в итоге поселиться на границе со Швейцарией в самом «не немецком» городе Констанце. Но они не могли выбрать никакого другого место после всего случившегося за последний год. Ведь было действительно трудно: Юра боролся с депрессией, а Володя — в сорок лет начинал жизнь заново.

Володя уезжал в Германию, зная, что ему придётся очень много отдавать, не получая ничего взамен. Оставив за чертой гордость и эгоизм, приготовился быть терпеливым,

понимая, что рано или поздно терпение кончится. Старался сохранить чувства к Юре и берёг добро в себе, чтобы, когда придёт время, отдать всё ему. В некоторые моменты Володя думал, что для преодоления всех трудностей его любви не хватит. Но хватило.

— Юр, ты считаешь, я просто так занимаюсь именно современной архитектурой? Я видел столько шикарных скандинавских домов. Последний проект помнишь? Он же просто потрясающий! Я всегда хотел такой же дом для нас, а ты предлагаешь мне это убожество.

— Да никакое не убожество, — буркнул Юра.

— На мазанку похож.

— И что? — Юра усмехнулся. — Будет нам напоминать о далёкой родине.

Заметив на его лице ямочки, появившиеся от улыбки, Володя не удержался и ласково ущипнул Юру за щёку.

— Опять намекаешь, что я толстый? — Юра нахмурился и шлёпнул его по руке.

— Ни на что я не намекаю. И никогда не намекал. Это ты придумал себе проблему, — сердито заметил Володя. Эта тема его очень раздражала, он стал заводится. — Толстый... да какой толстый? Когда ты им вообще был? Подумаешь, щёки появились и живот к спине не прилипает. Мне это нравится!

Разговоры о мнимой Юриной полноте звучали как отголоски болезни и напоминали Володе о времени, когда кризис был в апогее. Сейчас Юра просто шутил об этом, но тогда всё было предельно серьёзно.

Юре ещё не успели подобрать идеальное лечение. Ему приходилось экспериментировать с лекарствами, и эти эксперименты плохо сказывались на его нервах. Иногда Юра был просто невыносим. От антидепрессантов он набрал с десятков лишних килограммов и решил, что стал толстым. Юра так заиклился на этом, что со временем превратил полноту в идею фикс. Он несколько раз втихомолку бросал лечение, рискуя ещё глубже погрузиться в депрессию.

Володе потребовалась помощь Ангелы, чтобы разубедить его в этом. Да и ему самому пришлось обращаться к врачам.

Разве он мог по-другому? Когда среди ночи в очередной раз просыпался от того, что Юра внезапно вздрагивал, чуть ли не подскакивал на кровати. А потом всем телом прижимался к нему и шептал в полусонном бреду:

— Кажется, я тону.

Володя обнимал его и с трудом выдавливал через стиснутое от страха горло:

— Я держу тебя, держу. Спи.

Было тяжело. Не только Юра тогда пил антидепрессанты.

Ангела здорово помогала им вначале, когда познакомила с хорошим психиатром, и потом, когда Юра окончательно пришёл в себя. Без её участия в критические моменты их отношения могли бы развалиться — Володя это понимал и был очень благодарен ей. И, конечно, Юре — за то, что убедил ходить к Ангеле на приёмы даже тогда, когда, казалось, её вмешательство не требовалось.

подавив тяжёлые воспоминания, Володя вновь посмотрел на ямочки на его щеках и не смог удержаться от того, чтобы не погладить Юру по плечу.

— Что такое? — спросил Юра. Он опустил солнечные очки на нос и встревоженно посмотрел на Володю.

— Ничего. Просто... пожалуйста, никогда больше не обзывай себя. Особенно толстым. Ладно?

— Я же пошутил.

— Знаю. Но не надо. Не напоминай.

— Хм... — протянул Юра. Игриво прищурился и дёрнул бровями. — Ну, если мы арендуем именно тот дом, то, думаю, договоримся и об этом.

— Юра! — Володя закатил глаза.

За прошедший год они пережили не только депрессию. Нашлись и другие проблемы. Мать заболела, перенесла операцию и выздоровела. Трудно было и Володе — адаптироваться к жизни в Германии оказалось нелегко. К тому же фирма едва не разорилась, и, чтобы этого не произошло, Володе пришлось нанять менеджера. Пусть со временем бизнес снова начал приносить прибыль, Володя заскучал без дела и стал искать себе занятие здесь. Однажды на одной из выставок увидел новый тип домов — модульные скандинавские. Влюбился в них настолько, что умудрился за пару месяцев организовать новую фирму с небольшим производственным цехом и двумя строительными командами. А по завершении первого проекта они с Юрой поехали в отпуск в Констанцу.

Поначалу Володя отнёсся скептически к выбранному курорту: озеро было, но это не море, Альпы видно, но они слишком далеко, эта земля — вовсе не Бавария, и ни один сказочный замок они так и не посетили. Но именно здесь Юрина болезнь начала отступать.

Они приехали сюда в прошлом сентябре. Сидя вечером в кафе у озера, любовались листопадом и отражениями ночных огней в воде и слушали звучащий из динамиков джаз. На миг показалось, что всё хорошо и они наконец смогли забыть о проблемах, стали самими собой. Принялись говорить о всяких пустяках и смеяться. Этот миг стал первым шагом на пути возвращения к нормальной жизни. Той ночью они впервые за четыре месяца занялись любовью, а утром Юра захотел сесть за пианино.

Возвращаясь из Констанца домой, они пообещали друг другу, что сделают всё, чтобы как можно скорее снова вернуться туда. А когда Юра победил депрессию, решили не просто вернуться, а переехать в Констанц насовсем. Этот город — не только курорт, в нём нашлось всё, что нужно для жизни, даже крупная филармония.

— И самые уродливые фонтаны на свете, — отметил Юра.

Устав сидеть, Володя растянулся на траве рядом с Юрой. Закинул руки за голову и пробормотал:

— Первый аргумент, почему не стоит брать именно этот дом: он старомодный и уродливый. — Слыша тихое хихиканье, Володя поторопил: — Ну, что молчишь? Парируй.

— Это называется классический стиль, — лениво протянул Юра. — Тебе ли не знать?

— Ладно, засчитано. Окна маленькие.

— Для тебя любые окна маленькие, если только они не от пола до потолка. — Юра зевнул. — Зато благодаря маленьким окнам дом хорошо держит тепло и холод. И звукоизоляция отличная.

Аргументы заканчивались, и Володя выдвинул последний, самый раздражающий:

— Лестница. Юра, ты видел эту чудовищную лестницу? Она винтовая! А что может быть хуже винтовой лестницы? Только кованая винтовая лестница без перил. Прямо как там!

— Зато есть настоящий камин! — воскликнул Юра.

Володя понял, что, кажется, проиграл и беззлобно выругался:

— Ну ёлки-палки!

— И, кстати, ты, вообще-то, в Германии, — заметил Юра. — Говори по-немецки!

— Scheiße! — воскликнул Володя.

— Я имел в виду нормальный немецкий. — Юра засмеялся.

Вспомнив ещё один аргумент, Володя приподнялся на локтях и навис над Юрой:

— Кстати, у дома неудобное расположение. Одуреешь ездить в центр.

— Зато далеко от дискотек и шума. И парк рядом. Будет где бегать с Гердой.

Володя задумчиво помычал, затем спросил:

— А ты с нами будешь?

— Куда я денусь? — хмыкнул Юра. — А знаешь, в пешей доступности от нашего будущего дома есть пристань. Будем брать на прокат лодку и плавать по озеру. Как тебе идея?

— Замечательная.

— Так что, ты согласен?

Улёгшись обратно, Володя насмешливо протянул:

— Не-а!

Он упирался не из вредности. Просто Юра загорелся желанием поселиться именно там до того сильно и внезапно, что Володе даже показалось, будто Юра — не почти сорокалетний мужчина, а взбалмошный пионер из «Ласточки». На самом деле этот дом Володе тоже понравился, а спорил он лишь затем, чтобы убедиться, что Юра выбрал его не только сердцем, но и головой. Ведь их будущий дом — хоть и всего лишь арендованный, — это надолго. Володя рассчитывал прожить в нём многие годы.

— Володь, а помнишь, как мы с тобой валялись под ивой в восемьдесят шестом и ты клал голову на мои колени?

— Помню.

— Хочешь сейчас так же? Я тебя поглажу... — лукаво протянул Юра.

— Чего это ты подлизываешься? — игриво буркнул Володя. — Думаешь, почешешь за ухом, и я сразу соглашусь?

— Володя-Володя... Неужели ты правда считаешь меня таким корыстным? — Юра демонстративно фыркнул. — Вообще-то, я всего лишь хочу повторить это. Мне было хорошо тогда.

— Мне тоже. Но правда не надо, — серьёзно ответил Володя. Он повернулся к Юре и посмотрел на него снизу вверх. — Только ради бога не думай, что я опять стесняюсь. Просто для меня это очень интимное дело, как прелюдия. А заниматься такими вещами на людях... Ну, сам понимаешь.

После недолгих раздумий Юра ответил:

— Да. Думаю, ты прав, — кивнув, добавил: — А кстати, ты обратил внимание на небольшой сад за домом? Мы могли бы заниматься там чем угодно. Например, прохладиться в тенёчке летом хоть каждый день.

— Ох, Юрка. — Володя покачал головой. Продолжая лежать с закрытыми глазами, он почувствовал, как Юра приподнялся и навис над ним. Ощущая его взгляд на своём лице, он не смог сдержать улыбки.

— Так что, — бодро спросил Юра. — Когда звонить риэлтору?

— Хоть сейчас, — сдался Володя.

Вполуха слушая их разговор, он принялся думать о ремонте и обустройстве их жилища. Но серьёзные мысли ускользали и путались, оставляя после себя пустоту и лёгкость.

Юра положил трубку и вернулся к Володе, когда тот решил отдать под музыкальный кабинет самую большую комнату.

— Как здесь хорошо, — мечтательно протянул Юра. — Сейчас бы ещё послушать какой-нибудь второй фортепианный концерт Рахманинова.

— А ты напой или хотя бы промычи, — попросил Володя.

Слушая нежную мелодию в исполнении всего одного, но любимейшего музыкального инструмента — Юриного голоса, — он начал медленно проваливаться в сон. Давно ему не было настолько спокойно, чтобы засыпать без успокоительного и снотворного.

Но внезапное восклицание Юры вырвало Володю из дрёмы:

— Смотри, дирижабль! Обалдеть — настоящий дирижабль в небе!

Лениво открыв один глаз, Володя подметил:

— В принципе не удивительно видеть его именно в Констанце. Тут родился создатель дирижаблей — Цеппелин. В туристической справке вычитал, — пояснил он.

— Я думал, они как минимум лет пятьдесят уже не летают! — продолжал восклицать Юра. — Володь, а ты заметил, где мы лежим? — вдруг спросил он. — Это так странно. Мы под ивой.

Неопределённо хмыкнув в ответ, Володя снова закрыл глаза и почувствовал, как Юра аккуратно снимает с него очки и кладёт рядом.

То, что Юра победил депрессию, Володя понял сам, без заключений врачей — просто Юра каждое утро стал будить его своей игрой. Он писал для него и про него. Так странно было ощущать себя музой, особенно в моменты, когда Юра будничным тоном звал послушать новую композицию и оказывалось, что она о нём. Слова любви Юра передавал музыкой — настолько прекрасной, что Володя едва сдерживался, чтобы не расцеловать его руки.

— Ива... — прошептал Володя, сквозь приоткрытые веки любуясь игрой солнца среди узких листочков.

Володя никогда бы не подумал, что жизнь приведёт его к границе двух чужих стран — Швейцарии и Германии. Не к Уральским горам или Карпатам, а к Альпам. Не к Волге или Днепру, а к истоку Рейна. Не к нелюбимой жене или неверному любовнику, а к тому, с кем он учился любить.

И с кем научился.

Еще больше книг Вы можете найти на сайте Knigki.net